РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

1863

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

1863.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ. 16 марта 1863 г.

РУССКОЕ СЛОВО

МАРТЪ

1863

СОДЕРЖАНIЕ.

ОТДѢЛЪ I.

См. на оборотъ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

Историческая школа Бекля. (Ст. III.) Г. Е. Благосвѣтловъ.

Романическій эпизодъ изъ русской исторіи. (Маркизъ де ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 г.). I. И. Шишкинъ.

Одинъ изъ цвѣтковъ на славянофильской почвѣ. (Повѣсти Кохановской).

Библіографическій Листокъ. Дѣтская литература. Магдалинскія убѣжища. г. Полѣсскаго.

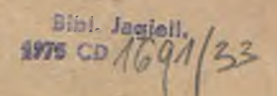
ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

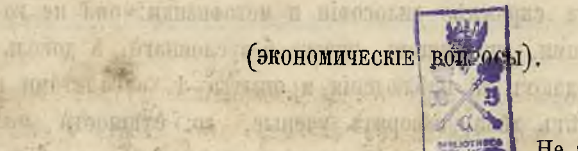
Политика. Жакъ Лефрень.

Великобританія. Чѣмъ держится кабинетъ лорда Пальмерстона? — Политическія партіи, раздѣляющія страну.— Отвѣтственный министръ, не подвергающійся никакой отвѣтственности.—Успѣхи внѣшней политики.—Противодѣйствіе со стороны парламента всякой внутренней реформѣ.—Дурной составъ нижней палаты и необходимость введенія тайной балотировки ея членовъ.—Непропорціональность налоговъ къ политическимъ правамъ разныхъ сословій.—Нападенія Брайта на аристократію и духовенство.—Состояніе англиканской церкви и значеніе такъ называемыхъ church rates.—Религіозныя партіи.—Народное образованіе.—Возобновленіе *риббонизма* въ Ирландіи.—Процессы въ Англіи.—Ночные разбойники, garroters.—Общество рыбныхъ торговцевъ. — Благопріятная перемѣна въ общественномъ мнѣніи относительно сѣверныхъ штатовъ Америки.—Бѣдствія рабочаго класса.—Мнѣніе Люи Блана объ англійской націи.—II. *Германія.* Фортуна волочится за членами гогенцоллернскаго дома, но ее спроваживаютъ mit Scandal.—Стремленія короля Вильгельма I къ феодализму и абсолютизму.—Размѣнъ грубостей между Берлиномъ и Касселемъ.—Пруссія рѣшаетъ вопросъ о преобразованіи древняго германскаго сейма.—Споръ въ этой странѣ между палатою депутатовъ и министерствомъ.—Выходки Бисмарка.—Онъ мѣняется ролями съ своимъ монархомъ.—Различіе во взглядахъ на королевское достоинство между прусскимъ народомъ и его правителемъ. Противоположность между политикою австрійскою и прусскою.

См. на оборотъ.

ЧЕГО НЕ ДѢЛАТЬ?

(экономическіе вопросы).

Не вѣдаемъ что творимъ.

Наша жизнь не терпитъ застоя. Исторія заявляетъ намъ, что понятія и убѣжденія людей, нравы, обычаи и учрежденія народовъ неудержимо развивались и измѣнялись по необходимости, вслѣдствіе опыта жизни. Чувство самосохраненія и стремленіе къ лучшему постоянно возбуждали мыслительную способность человѣка, заставляли его задумываться, задавать себѣ вопросы и разрѣшать ихъ такъ или иначе, по крайнему разумѣнію. Чѣмъ менѣе развитъ былъ умъ человѣка, чѣмъ менѣе понималъ онъ себя и природу, тѣмъ менѣе смысла имѣла его жизнь и тѣмъ глупѣе онъ пользовался ею. Невѣжество всегда и всюду порождало рабство и трусость мысли, суевѣріе и предразсудки... На какую страшную пытку обрекали люди умъ свой, когда, отрѣшая его отъ дѣйствительности, заставляли разрѣшать міровые вопросы или угадывать будущее! Въ какомъ заколдованномъ кругу нелѣпыхъ утопій, вздорныхъ предположеній, одуряющихъ фантазій вращался умъ философовъ и метафизиковъ древнихъ и среднихъ вѣковъ! Когда эти мудрецы пытались, напримѣръ, разрѣшить—можно ли матерію сознать внѣ пространства и времени, или возможно ли представить существованіе видимаго міра безъ понятій о матеріи, пространствѣ и времени, и пр. и пр.—скажите, на милость, какая мыслительная способность могла найдти рѣшеніе такихъ безплодныхъ, даже безсмысленныхъ вопросовъ?!

Современный, положительный умъ гнушается подобнаго рода вопросами; онъ питаетъ непреодолимое отвращеніе ко всему, что но-

ситъ на себѣ печать абсолютизма или напоминаетъ схоластику. Факты и законы — вотъ чѣмъ должно ограничиться человѣческое знаніе. Царство абсолютизма, утопій, философскихъ системъ и теорій уже миновалось; ихъ обаяніе исчезло. Только отсталые москвичи продолжаютъ еще увлекаться метафизическими бреднями такъ называемаго профессора г. Юркевича и слушаютъ его не зѣвая, да редакторъ «Времени» заставляетъ своихъ подписчиковъ читать галиматью г. Н. Страхова—*о веществѣ* и т. п. вздоръ, выдаваемый за философію.

Современная наука скромнѣе философіи и метафизики: она не гоняется за абсолютами, не ищетъ ничего безусловнаго, а довольствуется тѣмъ, что даютъ ей наблюденія и опыты, т. е. фактами и законами. Наукѣ нѣтъ дѣла, говорятъ ученые, до сущности *матеріи*; ей достаточно знать, что она можетъ взвѣшивать ее, сравнивая съ извѣстною единицею—золотникомъ, фунтомъ или пудомъ. Наукѣ неизвѣстно что̀ такое само по себѣ *пространство*; но это не мѣшаетъ ей измѣрять въ футахъ или саженяхъ любое протяженіе или объемъ цѣлаго земного шара. Наука не знаетъ что̀ такое *время*, какая его сущность; но она опредѣляетъ его продолжительность въ секундахъ, минутахъ и часахъ. Что такое само по себѣ *движеніе*, или что̀ такое механическая *сила*?—Наука скромно говоритъ «*не знаю*» и въ то же время овладѣваетъ паромъ, измѣряетъ его упругость и заставляетъ двигать громадныя тяжести. Человѣкъ и по сіе время не знаетъ сущности паровой силы въ локомотивѣ, какъ цѣлыя тысячелѣтія ему неизвѣстна была сущность лошадиной, верблюжьей или слоновой силы; тѣмъ не менѣе онъ всегда пользовался и будетъ пользоваться этими силами, не обращая вниманія на то, что думаютъ о нихъ философы.

Современная наука занимается уже не тѣмъ, чѣмъ занимается до сихъ поръ безплодная философія. Вотъ почему она получила совершенно различный характеръ развитія. Въ философіи системы слѣдуютъ за системами, теорія за теоріей, рѣшенія безпрестанно измѣняются, а вопросы все тѣ же и тотъ же безвыходный абсолютизмъ. Что̀ же касается науки, то разъ уже выйдя на открытый путь доступныхъ изслѣдованій, благодаря генію Галилея, Бекона и Ньютона, благодаря наконецъ строгой привычкѣ современнаго ума не вдаваться въ предположенія, она неуклонно стала идти отъ открытія къ открытію, отъ изобрѣтенія къ изобрѣтенію. Паровыя машины, же-

лѣзныя дороги, пароходство, электрическій телеграфъ, дагеротипія, фотографія, стереоскопія и т. д.—вотъ сколько полезныхъ и чудесныхъ открытій сдѣлали положительныя науки съ конца прошлаго вѣка! Что же дала намъ школьная философія, завѣщанная древними и средними вѣками? Мертворожденныя системы, утопіи, которыя, подъ названіемъ политическихъ, юридическихъ, и т. п. теорій искажали только здравый смыслъ и напрасно волновали умы, отвлекая вниманіе людей отъ положительныхъ вопросовъ жизни.

Обезпечить свое матеріальное благосостояніе, развить умъ, обогатить его полезными знаніями—такова повседневная забота современнаго человѣка, его неизмѣнное желаніе. Удовлетворить этому желанію можетъ только современная наука, которая даетъ полезное знаніе и указываетъ средства примѣнять его въ жизни. Съ конца XV вѣка, съ такъ называемой эпохи возрожденія, жизнь европейскихъ народовъ дѣлается изъ вѣка въ вѣкъ положительнѣе, разумнѣе Такъ мы замѣчаемъ, напримѣръ, что, съ половины XVI столѣтія до половины XVII, въ западной Европѣ господствовали вопросы *религіозные*, поднятые реформою Лютера и Кальвина. Эти вопросы произвели огромный переворотъ въ тогдашнихъ обществахъ; они расшевелили массы и породили длинный рядъ гражданскихъ и международныхъ войнъ, продолжавшихся до конца тридцатилѣтней войны. Затѣмъ, послѣ Вестфальскаго міра, въ Европѣ начинаютъ преобладать вопросы *политическіе*. Англійская революція, царствованіе Людовика XIV, его завоевательныя войны и система централизаціи, основаніе Прусскаго королевства, войны Фридриха II, отпаденіе Американскихъ штатовъ, наконецъ французская революція и уничтоженіе феодальнаго права—вотъ самые замѣчательные факты этого періода, въ которомъ жили Монтескьё и Руссо, давшіе начало двумъ политическимъ теоріямъ—аристократической и демократической. Съ конца XVIII столѣтія жизнь европейскихъ обществъ получаетъ другой смыслъ и направленіе. Политическіе вопросы теряютъ прежнее свое значеніе и уступаютъ мѣсто *экономическимъ*. Изобрѣтеніе паровыхъ машинъ и множество другихъ открытій механики даютъ сильный толчекъ промышленности и торговлѣ, и производятъ въ общественной экономіи коренную реформу, которая и ложится въ основаніе дальнѣйшаго развитія народной жизни. Каждому вѣку своя задача Историческая задача нашего вѣка состоитъ въ томъ, чтобы улучшить матеріальное состояніе народа, который живетъ трудомъ и желаетъ его обезпечить.

Вотъ почему экономическіе вопросы получаютъ особенную важность въ настоящее время повсюду, гдѣ пробуждается народное самосознаніе. Политическіе вопросы о національности, единствѣ, парламентаризмѣ и др., которые занимаютъ такъ называемыхъ публицистовъ, не понимающихъ потребностей своего вѣка, совершенно чужды народу; онъ ихъ никогда не понималъ и не пойметъ, потому что сохранилъ много здраваго смысла и дорожитъ имъ. Исторія не повторяется, и политическіе вопросы отжили свое время.

И такъ другія времена, другіе вопросы. Въ настоящую пору насъ занимаетъ вопросъ о томъ, какое имѣютъ вліяніе желѣзныя дороги на экономическое развитіе обществъ и чего можно ожидать отъ нихъ въ будущемъ. Пора наконецъ составить кой-какое болѣе ясное понятіе объ этой экономической силѣ, которая, какъ мы уже замѣтили, производитъ исподоволь коренную реформу въ общественной экономіи. Само собою разумѣется, что излагая наше мнѣніе о желѣзныхъ дорогахъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго притязанія на ученость. Пусть инженеры, экономисты или статистики пишутъ о нихъ цѣлые томы, вооружаются цифрами, и съ математитескою точностью опредѣляютъ ихъ значеніе, выгоды или невыгоды. Наша журнальная статья не имѣетъ вовсе спеціальнаго значенія; въ ней нѣтъ ни подбора цифръ, ни статистическихъ данныхъ и пр. пр. Мы просто желаемъ высказать наше мнѣніе о желѣзныхъ дорогахъ *вообще*, упомянуть о проектѣ сооруженія ихъ въ Россіи, который недавно помѣстилъ инженеръ путей сообщенія г. Панаевъ въ газетѣ «День» (N№ 7 и 8), и въ заключеніе коснуться вопроса: слѣдуетъ ли намъ заботиться о вывозѣ хлѣба за границу и съ этою цѣлію строить желѣзныя дороги.

I. О ЗНАЧЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Недавно намъ попалась на глаза книжонка подъ заглавіемъ «Опытъ изложенія значенія Николаевской желѣзной дороги, Павла Небольсина, 1860 г.» О дѣйствительномъ значеніи этой дороги книжонка г.

Небольсина не даетъ никакого понятія; въ ней нѣтъ ни осмысленныхъ фактовъ, ни логическихъ выводовъ. Благонамѣренный авторъ видимо хотѣлъ только блеснуть своимъ краснорѣчіемъ и показать, что онъ учился по риторикѣ Кошанскаго. Вотъ цвѣты этой риторики.

«Съ 1855 года, не смотря на тяжкое бремя войны, отечество наше осіяло новымъ свѣтомъ и начало готовиться къ новой жизни... Повѣялъ новый духъ непривычныхъ для насъ началъ и пахнулъ разомъ на всю Россію, и, разумѣется, подъ напоромъ этого дыханія не устоятъ гнилые подпорки тѣхъ жёсткихъ татарскихъ наръ, на которыхъ доселѣ покоилась масса русскаго общества.

«Желѣзныя дороги служатъ рычагомъ, сдвигающимъ тяжелое на подъемъ русское простолюдье со старинныхъ палатей коснѣнія и невѣжества, проясняя въ немъ пониманіе идеи свободнаго труда (?!). Онѣ дѣйствуютъ непосредственно на моральную сторону проявленія общественной жизни, служатъ *проводникомъ просвѣщенія* (?!), *возбуждаютъ жажду знанія* (?!), полагаютъ прочное начало развитію въ народѣ довольства и благосостоянія,» и т. д.

Вотъ настоящій букетъ краснорѣчія! Даже записной московскій риторъ, г. И. Аксаковъ, не поднесетъ такого читателямъ «Дня»! Его фразы въ родѣ—«живая струя народнаго духа» и пр. далеко такъ не благоухаютъ, какъ фразы г. Небольсина.

Но дѣло не въ запахѣ фразъ, а въ ихъ смыслѣ. Каждый, кого не увлекаетъ благонамѣренная декламація, согласится съ нами, что фигурныя выраженія г. Небольсина возбуждаютъ только смѣхъ; логики въ нихъ искать напрасно. Мы уже не говоримъ о его «палатахъ и нарахъ съ гнилыми подпорками», а остановимся на фразѣ: «желѣзныя дороги служатъ проводникомъ просвѣщенія и возбуждаютъ жажду знанія». Вѣроятно многіе раздѣляютъ это мнѣніе, которое въ сущности нелѣпо до крайности, потому что говорить подобныя вещи значитъ смѣшивать перевозочныя средства съ умственнымъ развитіемъ. Просвѣщеніе проводятъ въ массу народа не желѣзныя дороги, а писатели, книги, свободная печать, гласность. Сколько ни стройте желѣзныхъ дорогъ, хоть на сотни тысячь верстъ, но безъ хорошихъ книгъ и писателей, особенно безъ свободы слова—просвѣщеніе не проникнетъ въ народъ и не разовьетъ страну, которая растянулась на 360 тысячь квадр. миль.

И такъ въ дѣлѣ народнаго образованія желѣзныя дороги не принимаютъ участія; значеніе ихъ совсѣмъ не то. Нѣтъ сомнѣнія, что

онѣ производятъ сильное потрясеніе во всемъ общественномъ организмѣ; но это дѣйствіе распространяется только на матеріальные интересы капиталистовъ, купцовъ, промышленниковъ и рабочихъ.— Въ этомъ отношеніи желѣзныя дороги заслуживаютъ нашего вниманія.

Главные и постоянные факты общественной экономіи состоятъ въ производствѣ, сбытѣ или обращеніи, распредѣленіи и, наконецъ, въ потребленіи богатствъ. Подъ словомъ «богатство» здѣсь разумѣется, конечно, масса всѣхъ полезныхъ вещей, которыя производитъ ежегодно каждая страна для удовлетворенія своихъ нуждъ, потребностей и желаній, какъ средство жить и продолжать работать. Чѣмъ болѣе страна развита и чѣмъ болѣе скопила капиталовъ, тѣмъ она сравнительно богаче. Впрочемъ благосостояніе народа измѣряется не столько количествомъ накопленныхъ богатствъ, сколько равномѣрностью и правильностью ихъ распредѣленія. Въ дѣйствительности каждая страна бѣдна и не можетъ никогда имѣть избытка въ капиталахъ, потому что нужды и желанія должны всегда развиваться быстрѣе, чѣмъ средства ихъ удовлетворенія, которыхъ въ данный моментъ всегда бываетъ недостаточно. Въ настоящее время даже передовые, цивилизованные народы, французы и англичане, жестоко страдаютъ отъ нищеты. Вотъ почему экономисты пишутъ свои сочиненія о богатствѣ этихъ народовъ, умирающихъ съ голоду. Такъ, напримѣръ, Мишель Шевалье говоритъ, что если раздѣлить по-ровну все количество произведеній и капиталовъ, которые Франція приготовляетъ ежегодно для удовлетворенія своихъ нуждъ, то на каждаго француза придется *въ сутки* — не болѣе 78 сантимовъ, т. е. около 20 коп., на всѣ расходы: на пищу, одежду, жилище, образованіе, удовольствія. 20 коп.! тутъ все—и *manger*, и *boire*, и *sortir*, какъ говоритъ подпоручикъ Живновскій, герой разсказовъ г. Н. Щедрина. 20 коп.! извольте изъ этой суммы откладывать въ запасъ на черный день! «И такъ, продолжаетъ французскій экономистъ, предполагая даже равный раздѣлъ богатствъ, Франція не въ состояніи дать своимъ дѣтямъ мало-мальски сносное существованіе. Но на самомъ дѣлѣ болѣе 15 милльоновъ французовъ, разсѣянныхъ по деревнямъ, не имѣетъ даже и этого: беру въ свидѣтели каждаго, кто проѣзжалъ по деревнямъ и видѣлъ, какъ живетъ земледѣльческое населеніе, и чѣмъ оно питается. Только усиленное производство мо-

жетъ излечить Францію отъ язвы нищеты, которая ее пожираетъ». (*Michel Chevalier*. Organisation du travail, 1850).

Увеличить, усилить производство—вотъ единственное средство спасенія отъ нищеты, по мнѣнію экономиста.—Но производство увеличивается только по мѣрѣ развитія образованія; у народа невѣжественнаго мало потребностей и желаній; онъ довольствуется немногимъ. Чтобы развить въ немъ новыя потребности, нужно его образовать. А какъ, спрашивается, дать ему образованіе, когда у него нѣтъ времени учиться, и онъ принужденъ заботиться только объ удовлетвореніи насущныхъ, самыхъ неизбѣжныхъ нуждъ?! Таковъ вопросъ, *that is the question,* какъ говорятъ англичане, которымъ угрожаетъ теперь страшная междоусобная война, по случаю голода фабричныхъ рабочихъ.

Единственный источникъ богатства — это трудъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ раздѣленіе труда сдѣлалось необходимымъ условіемъ его развитія, сбытъ и обращеніе всѣхъ произведеній стали первенствующими фактами общественной экономіи. Поэтому все, что нарушаетъ правильность и постоянство нашего взаимнаго обмѣна, все, что замедляетъ сбытъ и обращеніе вещей и товаровъ всякаго рода, неизбѣжно производитъ застой промышленности и порождаетъ опасные экономическіе кризисы, раззореніе и нищету. Первое и самое главное препятствіе для сбыта представляетъ недостатокъ хорошихъ путей сообщенія. Чѣмъ хуже состояніе дорогъ, тѣмъ затруднительнѣе сбытъ, тѣмъ болѣе пропадаетъ времени и труда. Вотъ почему расходы на перевозку составляютъ самый обременительный налогъ для производителя, отнимающій у него то время, которое бы онъ могъ посвятить на работу. Конечно, чѣмъ сбытъ ближе къ мѣсту производства и чѣмъ лучше пути сообщенія, тѣмъ болѣе сберегается времени и ускоряются работы.

Постоянная забота фабриканта, заводчика, ремесленника и вообще каждаго производителя заключается въ томъ, чтобы возможно скорѣе и выгоднѣе сбывать товары и продолжать работу. Съ другой стороны, каждый потребитель этихъ товаровъ желаетъ покупать ихъ по самой сходной цѣнѣ. Когда, по дальности разстоянія, производители и потребители не могутъ находиться между собою въ прямыхъ сношеніяхъ, тогда они волей-неволей принуждены прибѣгать къ услугамъ такъ называемыхъ торговыхъ посредниковъ — коммиссіонеровъ, перевозчиковъ и купцовъ. При такихъ обстоятельствахъ, интересъ

торговыхъ посредниковъ не сходится съ общими интересами производителей и потребителей. Купить отъ производителя возможно дешевле, а продать потребителю возможно дороже—таковъ интересъ каждаго посредника торговли. Поэтому все, что способствуетъ сближенію производителей и потребителей, и ставитъ ихъ въ болѣе прямыя сношенія другъ съ другомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ вмѣшательство лишнихъ посредниковъ, порождаетъ дешевизну жизни, усиливаетъ производство и обогащаетъ общество. Посредники торговли—купцы, банкиры, всякаго рода коммиссіонеры и перевозчики не увеличиваютъ количества и не улучшаютъ качества товаровъ, а только возвышаютъ ихъ цѣну, потому что вводятъ въ нее свои расходы и барыши.

«Каждое произведеніе труда стоитъ то, во что обходится его производство. Произведенія мѣняются на произведенія, товары на товары, услуги на услуги. Запросъ всегда опредѣляетъ предложеніе и долженъ быть ему равенъ». Вотъ аксіомы, которыя выработала экономическая наука. Выражая собою законъ торговли, онѣ указываютъ въ то же самое время и направленіе, по которому должно развиваться общество.

Послѣдователи ученія Мальтуса и Рикардо, экономисты-англоманы, осуждая себя на противорѣчіе и софистику, смѣло увѣряютъ, что для торговли нѣтъ закона. По ихъ словамъ, цѣна товаровъ опредѣляется не стоимостью ихъ въ производствѣ, а случайнымъ отношеніемъ запроса къ предложенію. Такимъ образомъ, если вещь стоитъ въ дѣйствительности 5 руб., то ее слѣдуетъ продавать за 10, 20, 100, 200 рублей, смотря по запросу. Другими словами—продажная цѣна должна быть обусловлена не настоящею стоимостью вещи, а числомъ покупателей. При такомъ правилѣ, торговля, конечно, обращается въ меркантильный произволъ и самую отчаянную, азартную игру, въ которой всѣ средства позволительны. Нѣтъ! на такихъ началахъ торговля, какъ взаимный, справедливый обмѣнъ, уже немыслима. Признавать такія правила, какъ запросъ и предложеніе, за условія торговли, значитъ отвергать добросовѣстность въ продавцѣ и освящать обманъ и подлогъ.

Неопредѣленность запроса, неувѣренность сбыта, т. е. торговый произволъ—зло общественной экономіи. Возводить его въ правило торговъ, считать его неизбѣжнымъ и необходимымъ явленіемъ могли только экономисты англійской школы. Если въ настоящее время про-

давецъ не сбываетъ свои товары по настоящей цѣнѣ, то это можно объяснить тѣмъ, что онъ заранѣе не знаетъ успѣетъ ли распродать ихъ сполна и своевременно, чтобы выручить затраченный капиталъ. Поэтому, если бы купецъ дѣйствовалъ не на авось, а былъ всегда увѣренъ заранѣе въ сбытѣ; если бы производитель, въ свою очередь, не работалъ гадательно, наудачу, а по заказамъ,—то запросъ всегда бы опредѣлялъ предложеніе, и торговый произволъ былъ бы неумѣстенъ. Тогда купецъ обратился бы въ настоящаго коммиссіонера, а производитель въ поставщика, и трудъ каждаго изъ нихъ былъ бы вполнѣ обезпеченъ. Работнику оставалось бы только производить и производить безпрерывно, то сокращая издержки, то раздѣляя трудъ и придумывая лучшія способы для исполненія заказовъ.

Итакъ обезпеченіе труда и сбыта, производства и торговли — вотъ главная задача общественной экономіи. Разрѣшить эту задачу— значило бы положить конецъ торговой и промышленной неурядицѣ и доказать нелѣпость тѣхъ защитниковъ рутины, которые говорятъ, что для торговли нужна только конкурренція или убійственная борьба сильнаго со слабымъ, другими словами — свобода банкротства и нищеты.

Мы всѣ жалуемся въ послѣднее время на возростающую дороговизну жизни, которую порождаютъ торговая анархія и чрезмѣрное размноженіе класса торгующихъ. Сбытъ товаровъ, взаимный обмѣнъ произведеній труда и услугъ бываетъ всегда тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ многочисленнѣе классъ посредниковъ торговли, и чѣмъ менѣе усовершенствованы пути сообщенія. Дурное состояніе дорогъ, недостатокъ перевозочныхъ средствъ, медленность и непостоянство перевозки всегда поддерживали застой промышленныхъ дѣлъ и возбуждали алчность спекуляторовъ и кулаковъ, давая имъ возможность обогащаться на чужой счетъ. Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, развитіе пароходства, устройство электрическихъ телеграфовъ, товарныхъ депо и доковъ нанесло страшный ударъ меркантильной спекуляціи. При пособіи телеграфа, желѣзныя дороги, сокращая, почти уничтожая разстояніе, стали сближать производителей и потребителей и мало по малу устранять вмѣшательство въ торговлю разныхъ посредниковъ. Организація кредита и общественныхъ банковъ позволяетъ теперь уже обходиться безъ денегъ и ростовщиковъ; точно такъ же желѣзныя дороги и телеграфы освобождаютъ промышленность отъ лишнихъ лавочниковъ и кулаковъ. Особенную пользу оказываютъ при этомъ товарные склады,

базары и доки, устроенные на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, возлѣ дебаркадеровъ, пристаней, портовъ и вообще въ каждомъ значительномъ торговомъ пунктѣ.

Промышленные люди за границей давно уже оцѣнили всѣ выгоды устройства депо и доковъ, гдѣ они могутъ складывать свои товары и, не ожидая сбыта, получать подъ залогъ ихъ, извѣстнаго рода росписки или квитанціи (warrants), которыя обращаются на рынкѣ, пріобрѣтаютъ мѣновую цѣнность и находятъ сбытъ. Покупателю остается только предъявить подобную квитанцію въ правленіе дока— и онъ получаетъ немедленно означенные на ней товары. Такой способъ покупки, устраняя произволъ продавца въ назначеніи цѣнъ, которыя опредѣляются уже состояніемъ рынка, даетъ покупателямъ возможность пріобрѣтать товары изъ первыхъ рукъ, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ и по сходной цѣнѣ. Такимъ образомъ устройство доковъ придаетъ совершенно иное значеніе рынку и производитъ переворотъ въ торговлѣ. Установка рыночныхъ цѣнъ, уничтоженіе вреднаго ихъ колебанія и биржевого ажіотажа, быстрота и правильность сбыта, обезпеченіе производства — вотъ благодѣянія, которыя обѣщаютъ желѣзныя дороги и система доковъ, особенно если ихъ соединятъ телеграфическими линіями.

Помощію телеграфа состояніе каждаго рынка будетъ извѣстно повсемѣстно и своевременно.

Если телеграфъ сообщитъ, что на одномъ рынкѣ оказывается недостатокъ, а на другомъ избытокъ товаровъ, то равновѣсіе запроса и предложенія немедленно возстановится помощію желѣзныхъ дорогъ.

Развѣ, при такихъ условіяхъ торговли, кулачество и азартная спекуляція будутъ возможны? Нѣтъ! имъ придется исчезнуть по необходимости.

И такъ, вслѣдствіе устройства домашняго рынка, производство, обмѣнъ, перевозка и распредѣленіе товаровъ будутъ происходить съ тою же правильностью и быстротою, какъ и движеніе паровозовъ. Все уладится къ лучшему, всѣ будутъ довольны, а спекуляторы и кулаки, заодно съ ростовщиками, отъ нечего дѣлать, займутся хлѣбопашествомъ, пойдутъ на фабрики и заводы, или станутъ, наконецъ, изучать науки, которыя имъ такъ не по̀ сердцу. Право, — торговля легко обойдется безъ кулаковъ и лавочниковъ.

Быстрота и постоянство сношеній по телеграфической проволокѣ, послѣ переворота въ промышленности и торговлѣ, дѣлаетъ неумѣст-

нымъ скопленіе населенія въ большихъ городахъ. Оно должно непремѣнно распредѣлиться болѣе экономическимъ образомъ и разсѣяться по деревнямъ и селамъ. При этомъ старые города хотя и не исчезнутъ вовсе, но потеряютъ прежнее политическое значеніе и перестанутъ притягивать къ себѣ сельскихъ жителей.

Въ настоящее время у насъ многіе думаютъ, что, направляя желѣзныя дороги на губернскіе и уѣздные города, можно будетъ увеличить ихъ населеніе и поднять промышленное значеніе. Напрасныя надежды! Французы по опыту говорятъ—*ville traversée, ville perdue*, городъ, прорѣзанный желѣзной дорогою, городъ потерянный. Мы сами скоро оцѣнимъ справедливость этой поговорки. Что̀ выиграли Тверь и Вышній Волочокъ отъ проведенія Николаевской дороги? Развѣ они стали богаче, промышленнѣе, населеннѣе? Ничуть не бывало.— Городскіе старожилы и путешественники увѣряютъ въ одинъ голосъ, что эти города обратились теперь въ станціи желѣзной дороги и только свистъ паровоза нѣсколько оживляетъ ихъ.

Городъ прорѣзанный—городъ потерянный! Пусть знаютъ это горожане Владиміра, Пскова, Острова и прочихъ городовъ, черезъ которые проведена или проведется желѣзная дорога. Просвистятъ, промчатся первые поѣзды, и мечты ихъ о величіи родного града разлетятся, какъ дымъ и искры паровозной трубы. Насъ учили: слава— дымъ.

Увлеченіе добродушныхъ горожанъ провинціи, ихъ мечты и надежды на желѣзныя дороги намъ понятны. Но вотъ что̀ странно! Почему наши газеты, между прочимъ «С.-П. Вѣдомости», не перестаютъ увѣрять, что желѣзныя дороги слѣдуетъ направлять вообще на города, избѣгая прямыхъ линій? Или въ самомъ дѣлѣ кратчайшее разстояніе между двумя пунктами представляетъ ломанная, а не прямая линія?! Или, роняя значеніе городовъ, намъ можетъ быть разсчетливо увеличивать издержки на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ?! Или у насъ, дѣйствительно, много лишнихъ денегъ и существуетъ *бездѣйствующій избытокъ капиталовъ*, какъ думаетъ инженеръ путей сообщенія, г. В. Панаевъ?!

На длинныхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ вся дѣятельность сосредоточивается теперь въ конечныхъ пунктахъ. Такъ, напримѣръ, Николаевская дорога усилила значеніе Петербурга и Москвы, а промежуточные города обратила въ станціи. Между обѣими столицами пассажирскіе и товарные поѣзды двигаются, какъ всасывающіе и давящіе

насосы. Ежегодный приливъ и отливъ пассажировъ, бо́льшею частію 3-го класса, простирается свыше милльона. Въ настоящую переходную пору, нашъ простой народъ какъ-будто избѣгаетъ осѣдлости, бросаетъ свое поле и деревню и спѣшитъ на заработки въ Петербургъ и Москву. Причина этого бродяжничества кроется въ томъ, что земледѣліе не вознаграждаетъ крестьянина и, за недостаткомъ работъ на мѣстѣ, онъ принужденъ искать ихъ чуть не за-тридевять земель. «Желѣзныя дороги, говоритъ г. Небольсинъ, сдвинули тяжелое на подъемъ русское простолюдье съ палатей коснѣнія и невѣжества и прояснили въ немъ пониманіе идеи свободнаго труда... Быстрота передвиженія, дешевизна перевозки, развѣ это не благо для народа? Слыханное ли у насъ прежде дѣло, чтобы проѣхать изъ Москвы въ Петербургъ за 4 рубля, въ полторы сутки, съ удобствомъ, съ защитой отъ непогоды?» —Но почему народу приходится ѣздить въ Москву и Петербургъ? Не лучше ли ему оставаться дома, на пашнѣ, или работать на сосѣдней фабрикѣ? Крестьянинъ идетъ или ѣдетъ въ столицу вовсе не для развлеченія или любопытства, а по необходимости: ему нужна работа. Желѣзная дорога позволяетъ народу совершать скорый переѣздъ изъ Петербурга въ Москву,—это справедливо; но она не даетъ ему средствъ работать, не обезпечиваетъ его труда. Будетъ ли рабочій ходить на заработки въ столицу пѣшкомъ или переѣзжать туда въ вагонѣ—состояніе его не измѣнится къ лучшему. Дѣло не въ скорости переѣзда, а въ томъ, чтобы устранить необходимость бродяжничества изъ-за насущнаго хлѣба. Дайте крестьянину работу на мѣстѣ, обезпечьте его домашній трудъ, и будьте увѣрены, что онъ не станетъ посѣщать столицы и не сядетъ даже даромъ въ вагонъ перваго класса. Развитіе мѣстной фабричной промышленности, обработка сырыхъ продуктовъ на мѣстахъ ихъ добыванія, улучшеніе земледѣлія, уменьшеніе налоговъ и земскихъ повинностей, проведеніе хорошихъ сельскихъ дорогъ, устройство домашняго рынка въ ближайшемъ городѣ—вотъ что́ можетъ освободить и обезпечить трудъ простого народа, а вовсе не желѣзныя дороги, которыя только развиваютъ въ немъ охоту бродяжничать и увлекаютъ въ столицу, гдѣ онъ чаще всего впадаетъ въ нищету и развратъ.

«Въ видахъ доставленія рабочему классу бо́льшихъ средствъ къ сбереженію времени, на Николаевской дорогѣ устроены отдѣльные поѣзды и независимо отъ того сдѣлано распоряженіе отправлять ра-

бочихъ экстренно всякій разъ, когда ихъ скопится вполовину того, сколько нужно для отдѣльной отправки». (П. Небольсинъ).

Правленіе Николаевской дороги разсчитываетъ на большой доходъ съ пассажировъ 3-го класса; это очевидно. Приливъ рабочихъ въ столицы видно еще не уменьшается. Но что̀ будетъ дальше? Вотъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго будетъ зависѣть свойство эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ вообще и ихъ экономическое значеніе.

Г. Небольсинъ говоритъ: «Глядя на предметъ съ положительной стороны, мы приходимъ къ тому заключенію, что доходность съ пассажировъ преобладаетъ надъ доходностью съ товаровъ. Съ пуда живого человѣческаго тѣла получается отъ 52 до 66 к., а съ пуда клади 20 к., не болѣе».

Итакъ желѣзная дорога больше всего разсчитываетъ на пассажировъ. Доходъ съ живого человѣческаго тѣла, какъ живописно выразился г. Небольсинъ, обезпеченъ для нея уже потому, что она не боится соперничества относительно его перевозки и, кромѣ того, съ него можно всегда брать по тарифу сполна. Что̀ же касается до товаровъ, то, какъ мы увидимъ ниже, перевозка ихъ для желѣзной дороги невыгодна во всѣхъ отношеніяхъ, и доходы съ нихъ не покрываютъ и части издержекъ. Но объ этомъ послѣ; теперь мы поговоримъ о доходахъ съ пассажировъ.

Въ первое время, по открытіи каждой желѣзной дороги, число проѣзжающихъ дѣйствительно бываетъ велико. Обаяніе новизны и быстрота движенія кружитъ головы и побуждаетъ людей переѣзжать съ мѣста на мѣсто по-необходимости, для развлеченія и удовольствія. Однако съ теченіемъ времени это увлеченіе ослабѣваетъ и число путешественниковъ, послѣ нѣкотораго колебанія, не только не возрастаетъ въ прежней пропорціи, но даже начинаетъ понемногу убывать. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, стоитъ только заглянуть въ отчеты заграничныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ, которыя построены гораздо ранѣе нашихъ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Когда всякій найдетъ свой уголокъ, займется дѣломъ, станетъ болѣе дорожить временемъ, тогда, конечно, путешествіе и переѣзды вообще потеряютъ свою прелесть. Мало того: по своей быстротѣ, постоянству и правильности движенія, желѣзныя дороги прежде всего назначены для перевозки товаровъ, а не людей. Вотъ почему за границей перевозка тяжестей и клади увеличивается со дня на день, между тѣмъ какъ число пассажировъ постоянно уменьшается. Для человѣка

дѣлового перемѣщеніе—зло; онъ старается его избѣгать, сколько можетъ. Что же касается товаровъ и клади, то ихъ перевозка тѣмъ необходимѣе, чѣмъ болѣе увеличивается ихъ количество и потребность сбыта; это понятно каждому. Почему же компаніи желѣзныхъ дорогъ продолжаютъ разсчитывать на доходы съ пассажировъ? Неужели онѣ надѣются, что публика оправдываетъ ихъ разсчеты и надежды и станетъ разъѣзжать по прежнему въ вагонахъ увеселительныхъ поѣздовъ? Можетъ быть.

Публика вообще смотритъ до сихъ поръ на желѣзную дорогу, какъ на игрушку. Она, напримѣръ, полагаетъ, что пассажирскіе вагоны должны быть устроены съ комфортомъ, роскошно, въ родѣ гостиной комнаты или хорошаго ресторана, такъ чтобы въ нихъ можно было удобно прогуливаться, лежать, читать, обѣдать, — короче наслаждаться всѣми удобствами. Многіе говорятъ, что у насъ устройство такихъ вагоновъ тѣмъ болѣе необходимо, что приходится дѣлать долгіе переѣзды, а при быстротѣ движенія нѣтъ почти возможности даже порядочно пообѣдать на станціи.

Публика, особенно наша, иначе ѣздить не хочетъ: къ удобствамъ путешествія ее пріучила, вѣроятно, прежняя ѣзда на перекладныхъ, въ кибиткахъ и тарантасахъ по проселочнымъ и почтовымъ дорогамъ. Вотъ почему она такъ много требуетъ теперь отъ желѣзныхъ дорогъ! Но не мѣшаетъ однако знать, что такое желаніе публики нелѣпо и противорѣчитъ всѣмъ условіямъ перевозки. Устройство роскошныхъ и удобныхъ вагоновъ, конечно, потребуетъ излишнихъ расходовъ, заставитъ возвысить тарифъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличитъ мертвый вѣсъ подвижного состава, издержки на его ремонтъ и по движущей силѣ.

Мертвый вѣсъ! какое публикѣ до него дѣло? Она желаетъ ѣздить удобно и дешево; а тамъ какъ хотятъ, такъ пусть и дѣлаютъ инженеры и управленіе каждой желѣзной дороги, которая устроивается въ видахъ общественной пользы.

Это возраженіе совершенно основательно. При всемъ томъ не слѣдуетъ забывать, что желѣзная дорога, какъ перевозочное средство, должна прежде всего удовлетворять закону перевозки вообще. Требованія общественной пользы ни въ какомъ случаѣ не должны противорѣчить этому закону. Въ противномъ случаѣ желѣзная дорога теряетъ свое экономическое значеніе и дѣлается безполезною и неумѣстною.

Назначеніе желѣзныхъ дорогъ главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы перевозить возможно болѣе *полезнаго* груза по самой дешевой

цѣнѣ. Поэтому, не смотря на быстроту, правильность и постоянство движенія, если перевозка по нимъ будетъ обходиться дороже, чѣмъ по шоссе, каналамъ и рѣкамъ, то строить желѣзныя дороги нѣтъ никакого разсчета. Это очевидно.

Теперь спрашивается: оправдываютъ ли онѣ свое назначеніе при настоящихъ способахъ эксплоатаціи? Мы говоримъ прямо — нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, потому что компаніи желѣзныхъ дорогъ болѣе всего разсчитываютъ на пассажировъ и мало заботятся объ улучшеніи способовъ перевозки товаровъ и клади. Мало того: желѣзныя дороги находятся въ распоряженіи капиталистовъ, которые, какъ извѣстно, умѣютъ привлекать акціонеровъ, искусно возвышаютъ цѣны акцій и вообще хорошо знаютъ тайны биржевой игры, но къ сожалѣнію мало знакомы съ правилами перевозки. По нашему мнѣнію, если бы желѣзныя дороги попали въ руки опытныхъ коммиссіонеровъ, занимавшихся долгое время транспортировкою кладей, или даже судовщиковъ, то принесли бы несравненно болѣе пользы обществу и своимъ акціонерамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при настоящихъ способахъ постройки и эксплоатаціи, желѣзныя дороги не выполняютъ основного закона перевозки, который требуетъ, чтобы при наименьшемъ мертвомъ вѣсѣ перевозочныхъ орудій передвигать какъ можно болѣе полезнаго груза. Постоянное уменьшеніе мертваго вѣса и увеличеніе полезнаго — таковъ законъ развитія и улучшенія перевозочныхъ средствъ. Чѣмъ легче повозка, чѣмъ дешевле обходится ея ремонтъ, и чѣмъ больше везется на ней клади, тѣмъ, при извѣстной быстротѣ движенія, она лучше удовлетворяетъ своему назначенію. Но полюбуйтесь на поѣзды нашихъ желѣзныхъ дорогъ! Взгляните на эти неуклюжіе, чудовищные сараи и пакгаузы, которые для приличія называются вагонами пассажирскими, товарными или конными. Одинъ видъ ихъ убѣждаетъ васъ, какая страшная паровая сила должна двигать этотъ громадный мертвый вѣсъ! Представьте себѣ, что товарный вагонъ, вмѣщая до 500 пудовъ клади, вѣситъ самъ столько же! Мы уже не говоримъ о вагонахъ для людей и скота, гдѣ мертвый вѣсъ значительно превышаетъ полезный. Какимъ образомъ на желѣзной дорогѣ, которая считается самымъ лучшимъ путемъ сообщенія, въ товарныхъ поѣздахъ, отношеніе мертваго вѣса къ полезному едва только равно, въ то самое время, когда обыкновенная повозка, идущая по грязной, избитой, гористой дорогѣ, поднимаетъ клади втрое болѣе своего вѣса! Какимъ образомъ желѣзная дорога отстала даже

отъ дилижанса, въ которомъ мертвый вѣсъ относится къ полезному, какъ 11: 14! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, шоссе или почтовая дорога лучше желѣзной! Вотъ вамъ и прогрессъ!

На это намъ, можетъ быть, возразятъ, что мы не принимаемъ въ соображеніе скорости движенія, которая на желѣзной дорогѣ втрое, вчетверо болѣе, чѣмъ на шоссе. Дилижансъ ходитъ по 10 верстъ въ часъ, а вагоны дѣлаютъ по 20, 30, 40. Немудрено, послѣ этого, что вагоны имѣютъ большой мертвый вѣсъ: они должны быть выстроены прочно, чтобы выдержать ту быстроту, съ которою двигаются. Чѣмъ скорѣе ходятъ вагоны, чѣмъ болѣе дѣлаютъ они переѣздовъ, тѣмъ больше приносятъ доходу, тѣмъ значитъ они выгоднѣе. Слѣдовательно—при устройствѣ вагоновъ не слѣдуетъ обращать вниманія на ихъ вѣсъ, а только на прочность, имѣя въ виду скорость ѣзды.

Подобное возраженіе совершенно неосновательно. Положимъ, что пассажирскіе поѣзды должны ходить со скоростью 30 или 40 верстъ, какъ желаютъ пассажиры, которымъ наскучило ѣздить въ дилижансахъ и тарантасахъ. Положимъ, что по желѣзнымъ дорогамъ можно и слѣдуетъ переѣзжать скорѣе, чѣмъ по проселочнымъ и почтовымъ. Но какая, спрашивается, выгода заботиться о быстротѣ движенія товарныхъ поѣздовъ? Зачѣмъ давать такіе чудовищные размѣры вагонамъ для перевозки клади и скота? Что выгоднѣе для компаніи желѣзной дороги: перевозить тяжести скорѣе, а слѣдовательно и дороже, или медленнѣе и дешевле? Каждая компанія конечно знаетъ, что постройка, содержаніе и починка громоздкихъ вагоновъ обходится очень дорого; они значительно увеличиваютъ расходы по движущей силѣ, скоро портятся сами и портятъ рельсы. И такъ, для сокращенія своихъ издержекъ, компанія должна уменьшать размѣры вагоновъ: того требуетъ ея собственная польза. Теперь остается сказать о скорости движенія товарныхъ поѣздовъ, которые обыкновенно ходятъ медленнѣе поссажирскихъ, дѣлая только до 20 верстъ въ часъ. По нашему мнѣнію эта скорость велика: ее слѣдуетъ сократить болѣе, чѣмъ на половину. Другими словами, для перевозки товаровъ и клади вообще совершенно достаточна скорость 8 или 10 верстъ въ часъ; перевозить быстрѣе — значитъ напрасно расходовать паровую силу. Товары не пассажиры; скорость перевозки для нихъ дѣло второстепенное; ихъ нужно доставлять только своевременно и въ срокъ. До поры до времени они могутъ всегда оставаться въ складѣ и перево-

зиться затѣмъ по мѣрѣ надобности, вслѣдствіе запроса. И такъ скорость, съ которою перевозятся теперь товары и кладь, совершенно неумѣстна и безполезна; ее слѣдуетъ сократить. Сокращеніе скорости движенія товарныхъ поѣздовъ тѣмъ полезнѣе, что, уменьшая издержки по движущей силѣ, она даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность увеличить нагрузку; то есть количество перевозимой клади. Наши инженеры кажется должны знать, что *паровозъ тащитъ тѣмъ болѣе грузу, чѣмъ съ меньшею скоростью онъ движется.* Почему же, спрашивается, они смотрятъ равнодушно на то, что товарные поѣзды ходятъ съ такой быстротою?! Неужели они желаютъ, чтобы, въ ущербъ компаніямъ, увеличивался расходъ по движущей силѣ, портились скорѣе рельсы, и весь матеріалъ желѣзной дороги требовалъ частаго ремонта и приходилъ раньше въ негодность?! Но если инженеры такъ мало заботятся о выгодахъ компаній, то пора бы кажется самимъ акціонерамъ вникнуть въ способы эксплоатаціи и познакомиться лучше съ правилами перевозки вообще. Это вовсе не такъ трудно; для этого право не нужно слушать курса наукъ въ институтѣ путей сообщенія, а достаточно поговорить съ любымъ извощикомъ, который занимается перевозкою товаровъ и клади. «Тише поѣдешь—дальше свезешь». Вотъ извощичья рутина, которую не хотятъ знать инженеры, вѣроятно потому, что она основана на опытѣ и слишкомъ проста.

Желѣзныя дороги безспорно одно изъ великихъ изобрѣтеній нашего вѣка. По быстротѣ, правильности и постоянству движенія онѣ самое лучшее средство сообщенія и перевозки. Но всякимъ средствомъ нужно умѣть пользоваться; въ противномъ случаѣ, вмѣсто пользы, оно принесетъ потерю. Въ этомъ отношеніи желѣзныя дороги для насъ не только миѳъ, но и мистификація; мы не научились ими пользоваться, и до поры до времени стараемся скрывать свое незнаніе. Дѣло въ томъ, что наши компаніи, не понимая назначенія желѣзныхъ дорогъ, разсчитываютъ только на гарантію и пособіе отъ правительства, на монополь перевозки и на приливъ пассажировъ, особенно III-го класса. Относительно перевозки людей онѣ не боятся соперничества ни дилижансовъ, ни рѣчныхъ пароходовъ. Мало того: компаніи желѣзныхъ дорогъ постоянно стремятся уничтожить вконецъ всякое соперничество съ собою водяныхъ путей сообщенія, которыя предоставлены собственной своей участи. Недостатокъ надежнаго обезпеченія и оборотнаго капитала, ограниченное число пароходовъ на

рѣкахъ, совершенное отсутствіе ихъ на каналахъ, неумѣнье пользоваться паровою силою, дурное управленіе обществъ и пр.—все это ставитъ наше рѣчное пароходство въ весьма невыгодное положеніе относительно компаній желѣзныхъ дорогъ. При всемъ томъ водяная система сообщенія даже и теперь можетъ соперничать съ желѣзными дорогами по дешевизнѣ перевозки тяжелой клади и товаровъ. Это обстоятельство какъ нельзя лучше подтверждаетъ ту экономическую истину, высказанную нами, что дешевизна—первое условіе перевозки, особенно товаровъ. Пусть пассажиры заботятся о быстротѣ переѣзда и платятъ по тарифу, какъ бы компаніи желѣзныхъ дорогъ его ни возвышали; они немного потеряютъ. Но для провоза товаровъ и тяжестей нужна прежде всего дешевизна, и только дешевизна.

Мы замѣтили уже, что желѣзныя дороги, при настоящей ихъ эксплоатаціи, не только не приносятъ дохода отъ перевозки товаровъ и клади, но даютъ даже большой убытокъ, который погашается сборомъ съ пассажировъ и ихъ багажа. Насъ спросятъ конечно: почему же компаніи не увеличатъ тарифа на товары, если перевозить ихъ убыточно? Почему?! потому что возвышеніе тарифа еще болѣе уменьшитъ перевозку товаровъ по желѣзной дорогѣ, и купцы станутъ отправлять ихъ окончательно водой или на подводахъ. Это положительно вѣрно—и образъ дѣйствій самихъ компаній подтверждаетъ наши слова: онѣ не только не могутъ возвышать тарифа на товары, но принуждены даже уменьшать его и терпѣть убытки, въ надеждѣ вознаградить на пассажирахъ. Пока доходы съ пассажирскихъ поѣздовъ еще достаточны, компаніи конечно могутъ прикрывать и погашать потерю отъ провоза тяжестей. Но что̀ будетъ, когда эти доходы уменшаться, и дѣло выйдетъ наружу? Очевидно, компаніи должны будутъ или перемѣнить способы эксплоатаціи, согласно правиламъ перевозки, т. е. дать новое устройство всему подвижному составу товарныхъ поѣздовъ, или отказаться вовсе отъ перевозки товаровъ и клади. Это неизбѣжно.

Тарифы желѣзныхъ дорогъ обыкновенно назначаются всегда заранѣе, прежде чѣмъ эксплоатація докажетъ на сколько онѣ выгодны. При этомъ разсчетъ дѣлается такъ, чтобы уничтожить соперничество ямщиковъ, подводчиковъ, судовщиковъ, короче всѣхъ, кто занимался раньше перевозкой вдоль линіи, которая проходитъ по направленію и сосѣдству открываемой желѣзной дороги. Опредѣлить настоящую стоимость перевозки по этой дорогѣ, даже приблизительно, нѣтъ ни-

какой возможности. Въ отчетахъ компаній всѣ данныя по этому предмету такъ сбивчивы, такъ искусно перепутаны, что отыскать среднюю стоимость провоза пуда клади на версту—просто подвигъ не по силамъ обыкновеннаго смертнаго. Пассажирскіе и товарные поѣзды, большая и малая скорость, люди и скотъ, расходы по движущей силѣ и подвижному составу, смазка паровозовъ на ходу, водоснабженіе, освѣщеніе и смазка вагоновъ, *разные* расходы и расходы *разные*, извольте все это сообразить, да высчитать. Разность расходовъ — уму непостижимая.

Плата за провозъ пассажировъ и товаровъ взимается на желѣзныхъ дорогахъ, какъ мы уже сказали, по опредѣленному тарифу. Этотъ тарифъ часто измѣняется и притомъ можетъ вполнѣ примѣняться только къ пассажирскимъ поѣздамъ, а не къ товарнымъ. Купцы, фабриканты, и вообще всѣ отправляющіе тяжести и кладь почти всегда объявляютъ вовсе не тотъ товаръ, который посылаютъ на самомъ дѣлѣ. Стараясь провезти его какъ можно дешевле, они прибѣгаютъ къ подлогу и платятъ обыкновенно по низкимъ цѣнамъ. Такъ, напримѣръ, посылая писчую бумагу, за которую по тарифу слѣдовало бы заплатить по 40 к. съ пуда, купцы объявляютъ, что отправляютъ бумагу сахарную или картонную, и платятъ только 20 к. за пудъ. Къ подобнымъ продѣлкамъ прибѣгаютъ впрочемъ не одни купцы и фабриканты, а чаще всего сама администрація желѣзныхъ дорогъ.

На сколько въ будущемъ акціонеры компаніи желѣзныхъ дорогъ станутъ довѣрять ихъ администраторамъ — посмотримъ. Впрочемъ зачѣмъ акціонерамъ обращать вниманіе на подобныя мелочи, когда они знаютъ, что это не помѣшаетъ имъ получать по 5 % съ акцій, обезпеченныхъ правительствомъ. А дивидендъ? Конечно, дивидендъ вещь хорошая; но что̀ дѣлать, когда его не бываетъ! И откуда взять, если нѣтъ чистой прибыли? Изъ валового дохода?--конечно. И такъ будемъ получать дивидендъ изъ валового дохода, не заботясь о запасномъ капиталѣ.

Запасной капиталъ—это миѳъ для компаній желѣзныхъ дорогъ. А между тѣмъ пора бы кажется понять, что безъ него рѣшительно невозможно поддерживать эксплоатацію такого предпріятія, какъ желѣзныя дороги. Дурное содержаніе, несвоевременный ремонтъ подвижного состава и неумѣстное сокращеніе издержекъ на исправленіе рельсоваго пути могутъ до такой степени испортить все дѣло, что

эксплоатація желѣзной дороги станетъ рѣшительно невозможною. По мнѣнію людей свѣдущихъ, издержки, напримѣръ, на исправную починку паровозовъ и тендеровъ, по истеченіи десяти лѣтъ, равняются покупной ихъ цѣнѣ. Другими словами, при надлежащемъ даже ремонтѣ локомотивы съ тендерами выслуживаютъ не болѣе десяти лѣтъ. Что же сдѣлается съ ними, если ихъ не чинить своевременно?! По отчетамъ заграничныхъ компаній видно, что, по прошествіи нѣскольких лѣтъ, число паровозовъ, необходимыхъ для эксплоатаціи, увеличивается въ громадной пропорціи. Это происходитъ отъ того, что паровыя машины подвержены большой порчѣ и портятся тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣже или чаще ихъ исправляютъ. Каждая порча требуетъ починки, а починка влечетъ за собою издержки и потерю времени; испортившійся паровозъ ставится въ мастерскую и взамѣнъ его покупается новый. То же самое дѣлается съ тендерами и вагонами. Починка и замѣна колесъ, рельсовъ и прочаго матеріала также требуетъ большихъ расходовъ.

Такимъ образомъ эксплоатація желѣзныхъ дорогъ—дѣло вовсе не такое прибыльное, какъ многіе думаютъ. Конечно, компаніи въ началѣ своего основанія разсчитываютъ только на барыши и живутъ насчетъ первоначальнаго капитала, затѣмъ волового дохода, пока наконецъ горькая дѣйствительность не заставитъ ихъ прибѣгать къ другимъ источникамъ, въ ожиданіи ликвидаціи. Основатели компаній желѣзныхъ дорогъ сами какъ будто предчувствуютъ участь своего дѣла и потому прежде всего заботятся о томъ, чтобы получить гарантію отъ правительства и этимъ привлечь и успокоить акціонеровъ. Спокойствіе—великая вещь! И такъ будьте спокойны, гг. акціонеры! Вамъ нечего бояться ликвидаціи, пока у васъ въ рукахъ 5% акціи. Вамъ нечего обращать вниманіе и на отчеты администраторовъ вашего предпріятія. И мы въ свою очередь не будемъ говорить о засѣданіяхъ вашихъ общихъ собраній, ни о жетонахъ и пр... Все это давно извѣстно публикѣ. Но мы однако не можемъ не коснуться одного вопроса: почему акціонерныя компаніи отличаются вообще филантропіей? Зачѣмъ, напримѣръ, въ администраціяхъ желѣзныхъ дорогъ находится столько людей, которые чаще всего по своимъ талантамъ неспособны ни на какое серьезное дѣло? Пусть дѣльные администраторы получаютъ хорошее содержаніе; противъ этого мы ни слова. Но зачѣмъ держать на службѣ людей

совершенно лишнихъ, которые увеличиваютъ только мертвый вѣсъ! Вооружайтесь противъ мертваго вѣса, вооружайтесь!

Намъ неизвѣстно общее число служащихъ, рабочихъ, мастеровыхъ, сторожей и пр., которые находятся на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. По всей вѣроятности это число довольно значительно. По отчетамъ заграничныхъ компаній оказывается, что на каждую тысячу верстъ должно приходиться приблизительно до 8,000 служащихъ разнаго рода по найму. Если предположить теперь, что половина этого числа, т. е. 4,000 имѣютъ жену и двухъ дѣтей, составляя такимъ образомъ населеніе въ 16,000 чел. обоего пола, то мы придемъ къ тому выводу, что каждая тысяча верстъ протяженія желѣзной дороги поглощаетъ по крайней мѣрѣ до 20,000 чел.! Поэтому, если устроить дорогу на 5,000 верстъ, то она отвлечетъ населеніе въ 100,000, что и случилось дѣйствительно во Франціи, гдѣ такая армія наемщиковъ находилась въ полномъ распоряженіи нѣсколькихъ привилегированныхъ компаній уже около 1855 года. Теперь на 9,000 верстъ вѣроятно вдвое больше.

Компаніи желѣзныхъ дорогъ, какъ извѣстно, учреждаются на акціяхъ и составляютъ безъименныя, анонимныя общества. Мы сознаемъ все значеніе и пользу этихъ свободныхъ товариществъ, основанныхъ на выборномъ началѣ, и убѣждены, что въ будущемъ они дадутъ совершенно иное направленіе дѣламъ общества и произведутъ въ немъ коренную соціальную реформу. Тѣмъ не менѣе, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, при недостаткѣ и даже отсутствіи надлежащаго контроля и гласности, при нежеланіи самихъ акціонеровъ заботиться о своихъ дѣлахъ, при анархіи интересовъ, акціонерныя общества представляютъ мало гарантій служащимъ въ нихъ и рабочимъ.

Когда работникъ находится въ зависимости отъ хозяина, то все-таки имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, въ которомъ, при всѣхъ его недостаткахъ и порокахъ, всегда остается человѣчность, искра совѣсти и состраданія. Если рабочій, наконецъ, находитъ въ своемъ хозяинѣ неумолимаго, своекорыстнаго эксплоататора, то и въ этомъ случаѣ онъ можетъ заставить его принять участіе въ своемъ положеніи, выслушать просьбу или оправданіе, склонить его на правое дѣло и побудить къ уступкѣ. Мы не говоримъ уже о томъ, что работники, какъ это случается въ Англіи, Бельгіи, Франціи, могутъ сговориться дѣйствовать сообща противъ хозяина и, угрожая бро-

сить работу, поставить его въ необходимость—или раззоряться, или поступать согласно ихъ требованіямъ... Но кого и о чемъ пойдетъ просить служащій по найму въ компаніи желѣзной дороги, пароходства и въ другомъ анонимномъ и безличномъ обществѣ?! Обратится ли мастеровой рабочій въ правленіе, къ какому-нибудь администратору,—тотъ скажетъ ему, что ничего не знаетъ, что самъ служитъ на жалованьи и не имѣетъ права распоряжаться по своему усмотрѣнію въ дѣлахъ общества. Задумаетъ ли мастеровой подѣйствовать угрозою?—и это ни къ чему не приведетъ путному, потому что правленію нечего бояться, а компанія не пострадаетъ, если одинъ или даже сто человѣкъ бросятъ работу и разбѣгутся. Что такое служащій по найму или рабочій для акціонернаго общества? Колесо машины, менѣе того—зубчикъ колеса, еще менѣе, потому что сломавшійся зубецъ можетъ остановить движеніе колеса, а убыль двухъ, трехъ, сотни, наконецъ, наемниковъ для компаніи совершенно нечувствительна и незамѣтна; эта убыль не остановитъ теченія ея дѣлъ. Чѣмъ обширнѣе и разнообразнѣе дѣла компаніи, тѣмъ менѣе можетъ она обращать вниманія на неудовольствіе своихъ агентовъ и рабочихъ. Куда они дѣнутся, если бы захотѣли дѣйствительно оставить по неудовольствію свою службу и отойдти отъ компаніи, которая все-таки ихъ содержитъ на жалованьи и платитъ? Гдѣ пріискать потомъ занятіе и работу? Развѣ это такъ легко, особенно въ настоящее время, когда компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, пароходства и другимъ нѣтъ отбою отъ просителей? Да! тяжела компанейская служба!

Мы вовсе не думаемъ обвинять акціонерныя общества въ умышленномъ притѣсненіи своихъ служащихъ и рабочихъ. Если ихъ участь не обезпечена, и они находятся въ незавидномъ положеніи, то виноваты болѣе всего не администраторы, не люди, а система, духъ организаціи самыхъ компаній. Разумѣется, пока на служащаго или работника онѣ будутъ смотрѣть, какъ на механическій приборъ, какъ на орудіе промышленнаго предпріятія—до тѣхъ поръ положеніе его не можетъ улучшиться; онъ будетъ не человѣкомъ, а рабочей силой. У насъ многіе съ поддѣльнымъ увлеченіемъ проповѣдуютъ, что желѣзныя дороги и пароходство освобождаютъ трудъ, уничтожаютъ непроизводительные промыслы ямщиковъ, подводчиковъ, бурлаковъ, обращаютъ ихъ силы на болѣе полезную работу, способствуютъ развитію довольства и благосостоянія въ рабочемъ народѣ, воспитываютъ его

нравственно и т. п. Такъ ли это? Дѣйствительно: число бурлаковъ на Волгѣ уменьшается со дня на день; ямщики и подводчики принуждены были покинуть свой промыселъ... Но чѣмъ они живутъ теперь? чѣмъ занимаются? есть ли у нихъ, наконецъ, работа? Вотъ вопросы, которые слѣдовало бы разрѣшить прежде, чѣмъ воспѣвать благодѣянія желѣзныхъ дорогъ и пароходства. Намъ скажутъ, можетъ быть, что эти самые ямщики, бурлаки работаютъ теперь на пароходныхъ пристаняхъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ... Это правда. Но какая у нихъ работа? Носка воды, дровъ, смазка колесъ, караульная служба на рельсовомъ пути, нагрузка и выгрузка товаровъ... Чѣмъ же эти работы лучше, разумнѣе и прибыльнѣе промысла ямщицкаго и бурлацкаго?! Развѣ заниматься этими работами не то же, что тянуть лямку?! Развѣ онѣ развиваютъ сколько-нибудь мыслительныя способности рабочаго, дѣлаютъ его болѣе нравственнымъ?! Въ чемъ же прогрессъ?!

Въ настоящее время привилегированныя компаніи желѣзныхъ дорогъ дѣлаются повсюду владыками торговли, финансовъ, промышленности, земледѣлія, горнозаводскаго дѣла и пріобрѣтаютъ огромное вліяніе на политику правительства. Это фактъ неоспоримый.

Нашъ инженеръ, г. В. Панаевъ справедливо замѣчаетъ, что «компаніи являются организованными центрами громадныхъ капиталовъ, представляя собою прежнихъ феодаловъ» («День, № 7, 16 февраля 1863 г.).

Далѣе г. Панаевъ говоритъ: «лица, которымъ даютъ постройку желѣзныхъ дорогъ, разсчитываютъ не на предпріятіе, но или на ажіотажъ, или на другіе непозволительные интересы. Въ этомъ случаѣ правительство является, незамѣтнымъ для себя образомъ, какъ будто покровителемъ зла, и допускаетъ растлѣніе людей биржевою игрою и эксплоатаціею мелкихъ капиталовъ—большими. Весьма опасное тоже дѣло — дарованіе гарантіи огромнымъ частнымъ компаніямъ. Гарантіи обращаются неизбѣжно въ постоянный оброкъ правительства компаніямъ и притомъ въ размѣрахъ ими самими назначаемыхъ, *по причинѣ практической невозможности учитывать компаніи*». (День, № 7).

И такъ привилегированныя компаніи желѣзныхъ дорогъ не соотвѣтствуютъ своему прямому назначенію и требованіямъ общественной пользы. Ихъ предпріятіе должно быть основано для общества, а не

противъ него, не въ видахъ монополя и ажіотажа, а съ цѣлію обезпечить и развить трудъ, какъ того требуетъ справедливость.

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ раскроетъ въ скоромъ времени такія важныя данныя, которыя докажутъ необходимость вмѣшательства общества въ дѣло компаній. Уничтожая всякое соперничество съ собою въ перевозочной промышленности, онѣ стремятся захватить въ свои руки самый притѣснительный монополь. Въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Австріи—компаніи желѣзныхъ дорогъ въ послѣднее время стали сливаться съ цѣлію пріобрѣсть окончательный монополь перевозки, и образуютъ уже родъ союза,—*imperium in imperio,*—который пріобрѣтаетъ почти неотразимое и самое пагубное вліяніе на политику и законодательную власть этихъ государствъ.

«То же самое дѣлается и въ нашихъ Соединенныхъ штатахъ», говоритъ американскій экономистъ Кери (Carey), гражданинъ г. Филадельфіи. «Частныя компаніи желѣзныхъ дорогъ предписываютъ уже свои законы многимъ штатамъ. Срокъ рѣшительнаго заговора противъ страны хотя еще не наступилъ,—но все предвѣщаетъ его близость. Тогда мы увидимъ новое доказательство того, что власть эксплоататоровъ перевозки—самое гибельное, убійственное общественное зло». *(H. Carey.* Principles of Social Science, book III).

Что же, спрашивается, дѣлать? Чего не дѣлать? Неужели отказаться вовсе отъ сооруженія и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и приступить къ ликвидаціи частныхъ компаній? Или, можетъ быть, правительство сдѣлало ошибку, что отказалось само отъ постройки желѣзныхъ дорогъ и должно теперь исправить ее, т. е. не разрѣшать впередъ учрежденія частныхъ компаній? Постараемся отвѣтить на эти вопросы.

Прежде всего: строить или не строить желѣзныя дороги? мы говоримъ прямо—пока *не строить,* потому что онѣ для насъ роскошь и раззореніе. Но объ этомъ поговоримъ послѣ; теперь же разрѣшимъ вопросъ: кому ихъ строить — правительству или частнымъ компаніямъ?

Желѣзныя дороги—учрежденія общественной пользы. Поэтому казалось бы, что сооруженіе и эксплоатація ихъ должна принадлежать по праву одному правительству. Однако на дѣлѣ этого нѣтъ. Въ Англіи, Бельгіи, Германіи, Франціи, Италіи, Америкѣ, короче—вездѣ, и у насъ въ Россіи правительство отказалось отъ этого права и

предоставило частнымъ лицамъ, съ гарантіей отъ себя или безъ всякаго ручательства и пособія. На какомъ основаніи? На томъ, что сами правительства убѣдились наконецъ горькимъ опытомъ, что всякое промышленное предпріятіе несвойственно ихъ назначенію и притомъ убыточно. Нашъ ученый г. В. Безобразовъ справедливо сказалъ: «*казна не можетъ быть хорошимъ хозяиномъ;* это безъ сомнѣнія экономическая истина весьма избитая». (Поземельный кредитъ. В. Безобразовъ. 1861 г.).

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нужно знаніе, гдѣ есть рискъ и пожива, тамъ привительство не должно мѣшаться. Эксплоатація желѣзныхъ дорогъ именно и есть такое дѣло. Вотъ почему оно должно быть предоставлено частной дѣятельности.

Дѣйствительно, сооруженіе, управленіе, эксплоатація и ремонтъ желѣзныхъ дорогъ требуютъ такъ много работъ, такого разнообразія занятій, что ни одно правительство не можетъ справиться съ ними; у него недостанетъ ни времени, ни средствъ. Мало того: если правительство и рѣшается на какую-нибудь публичную работу, то на самомъ дѣлѣ оно занимается ею не само, а вызываетъ поставщиковъ, входитъ въ сношеніе съ подрядчиками и разными предпринимателями. Другими словами, правительство, по самому свойству промышленнаго дѣла, всегда поневолѣ отказывалось отъ него и передавало въ частныя руки. Такъ оно поступило послѣ сооруженія Николаевской желѣзной дороги, когда стало разрѣшать учрежденіе частныхъ компаній; за это конечно никто не будетъ упрекать его.

И такъ строить желѣзныя дороги слѣдуетъ частнымъ лицамъ, а не правительству. Того требуетъ опытъ и логика. Въ самомъ дѣлѣ, если правительство можетъ, какъ говорятъ нѣкоторые, заниматься эксплоатаціей желѣзныхъ дорогъ, то почему ему не заняться и остальными дѣлами частныхъ лицъ?! Почему правительству не взять на себя постройку домовъ, фабрикъ и заводовъ? Почему ему не сдѣлаться купцомъ, банкиромъ, земледѣльцемъ, заводчикомъ? Съ точки зрѣнія, напримѣръ, г. В. Панаева это должно быть совершенно основательно. Но если правительство станетъ заниматься всѣмъ—и перевозкою, и торговлею, и сбытомъ и распредѣленіемъ товаровъ, фабричною и заводскою промышленностью, и земледѣліемъ, — короче всего экономіею общества, то что же будетъ дѣлать въ такомъ случаѣ само общество, самъ народъ? Во что онъ обратится? Неужели въ миѳъ?! Вотъ о чемъ долженъ былъ подумать г. В. Панаевъ,

инженеръ путей сообщенія, который вертѣлся девятнадцать лѣтъ возлѣ желѣзныхъ дорогъ и довертѣлся до того, что доказываетъ теперь необходимость и пользу постройки желѣзныхъ дорогъ самимъ правительствомъ.

«При настоящихъ условіяхъ нашего быта, говоритъ онъ, желѣзныя дороги намъ такъ же необходимы, *какъ пища для человѣка* (?!)». (См. NN 7 и 8 газеты «День»).

Сильно сказано! Мы полагаемъ наоборотъ, что въ настоящее время намъ лучше избѣгать устройства желѣзныхъ дорогъ такъ же, какъ вывоза хлѣба и голода.

Далѣе г. Панаевъ говоритъ:

«Россія построила въ двадцать лѣтъ около 2900 верстъ, или среднимъ числомъ ежегодно 145 верстъ. Въ то же самое время Соединенные штаты Америки построили 40,000 верстъ, или среднимъ числомъ каждый годъ около 2000 верстъ!»

Отчего же у насъ такой результатъ?

«Оттого, отвѣчаетъ онъ, что мы обратились не туда, куда слѣдуетъ; потому что мы думали, что желѣзныя дороги должны непремѣнно строиться компаніями, *а не правительствомъ*... Опытъ оправдалъ наши убѣжденія. Главное Общество не могло реализировать и на половину протяженія дорогъ, которыя обязалось построить. Общества Саратовской и Ярославской дорогъ не могутъ исполнить въ общемъ и 1/5 протяженія. Кіево-Одесская компанія и не приступала еще къ реализаціи капитала».

И такъ наши компаніи оказались несостоятельными относительно постройки желѣзныхъ дорогъ. Это совершенно справедливо. Отчего же такая неудача? «Оттого, что компаніи взялись не за свое дѣло; оттого, что въ Россіи для большихъ предпріятій, каковы желѣзныя дороги, частная дѣятельность неумѣстна». Такъ думаетъ г. Панаевъ.

Но почему же американцы могли настроить у себя столько дорогъ, благодаря частнымъ компаніямъ? Всѣмъ извѣстно, что въ сѣверо-американскихъ штатахъ эти компаніи дѣйствовали безъ всякого пособія со стороны правительства. Почему же они могли строить по 2000 верстъ ежегодно? Неужели потому, что Америка находится въ другихъ несравненно лучшихъ условіяхъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ? Нисколько. Самъ г. Панаевъ говоритъ, что въ этомъ отношеніи Россія имѣетъ большое преимущество надъ Америкой; во

первыхъ она гуще населена, а во вторыхъ рабочее населенiе въ ней разбросано по селамъ, а не сбито въ городахъ». Такъ почему же, наконецъ, у насъ такъ мало успѣли построить желѣзныхъ дорогъ? На это г. Панаевъ отвѣчаетъ, что мы не хотимъ понять того, что онѣ намъ такъ же нужны, *какъ пища человѣку*.

«Ужасъ обнимаетъ, восклицаетъ онъ съ жаромъ, когда соображаешь сколько въ Россiи пропадаетъ времени непроизводительно... Припомнимъ, что зимою милльоны человѣческихъ рукъ и животной силы вовсе не имѣютъ труда!.. И что же? у насъ не сознали еще, что желѣзныя дороги порождаютъ мильярды часовъ новаго труда и слѣдовательно усиливаютъ производительность, искореняютъ лѣнь и коснѣнiе, развитыя въ народѣ, перерождаютъ... пробуждаютъ... и т. д.»

Слова, слова и слова! Страсть болтать, нежеланiе разсуждать. Въ чемъ дѣло? Мы не оцѣнили значенiя желѣзныхъ дорогъ, сомнѣвались даже въ ихъ пользѣ и не хотѣли поэтому строить. Не такъ ли? Дурно это или хорошо? Г. Панаевъ говоритъ, что дурно. По его мнѣнiю «строить желѣзныя дороги намъ не только надо, но не строить ихъ немедленно—опасно». Инженеръ говоритъ, какъ инженеръ, для него первая забота—строить, строить и строить, не соображая даже зачѣмъ. Конечно, желѣзныя дороги—вещь хорошая; какъ средство сообщенiя и перевозки, онѣ несравненно лучше шоссе, а тѣмъ болѣе почтовыхъ и проселочныхъ дорогъ. Объ этомъ никто не споритъ. Но каждое средство, какъ бы оно хорошо ни было, должно быть прежде всего умѣстно; иначе оно будетъ безполезно. Сами по себѣ желѣзныя дороги—хороши, но строить ихъ въ данное время, при извѣстныхъ экономическихъ условiяхъ страны, можетъ быть очень невыгодно и даже вредно. Постараемся развить эту мысль.

Цѣль и средство — два понятiя, которыхъ никогда не слѣдуетъ смѣшивать. Всякая цѣль, разумѣется, предполагаетъ средства, которыхъ можетъ быть очень много. Другими словами, для достиженiя одной, извѣстной цѣли могутъ быть употреблены различныя средства. Кромѣ того не мѣшаетъ помнить, что средство ни въ какомъ случаѣ не оправдываетъ самой цѣли. Послѣ этого необходимаго предисловiя переходимъ къ нашему предмету.

Желѣзныя дороги—средство перевозки, не болѣе. Назначенiе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы перевозить людей, способствовать сбыту товаровъ и ускорять его. Перевозка людей, какъ мы уже замѣтили

раньше, не должна быть главнымъ назначенiемъ путей сообщенiя. Чѣмъ человѣкъ рѣже станетъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, тѣмъ болѣе сбережетъ онъ времени для производительнаго труда. Это понятно каждому. И такъ прямое и самое главное назначенiе шоссе, каналовъ, проселочныхъ, почтовыхъ и желѣзныхъ дорогъ состоитъ въ перевозкѣ товаровъ и клади, въ ускоренiи ихъ сбыта. Но прежде, чѣмъ перевозить—нужно имѣть что перевозить и нуждаться въ перевозкѣ. Это также не требуетъ доказательствъ. Поэтому, чѣмъ слабѣе развито производство, чѣмъ менѣе приготовляется вещей и чѣмъ ограниченнѣе потребность въ ихъ сбытѣ, тѣмъ очевидно менѣе нужно строить повозокъ и судовъ. И такъ степень производства и потребность сбыта—вотъ что опредѣляетъ большую или меньшую необходимость перевозочныхъ средствъ; ихъ должно быть всегда достаточно, т. е. *не болѣе, не менѣе* того, сколько нужно. Недостатокъ и излишекъ средствъ для перевозки одинаково вредны. Если для сношенiя деревни съ селомъ совершенно достаточно, чтобы ходила въ сутки одна повозка, то не слѣдуетъ заводить дилижанса, хотя онъ, какъ средство перевозки, и лучше телѣги. Когда для сношенiя города съ окрестнымъ населенiемъ достаточно дилижанса, тогда неумѣстно строить желѣзную дорогу, хотя ѣзда въ вагонахъ и удобнѣе, чѣмъ въ дилижансѣ. Кажется, ясно!

Теперь спрашивается: нужны ли намъ въ самомъ дѣлѣ желѣзныя дороги? Развиты ли у насъ производство, промышленность и торговля на столько, чтобы мы дѣйствительно въ нихъ нуждались? Стоило ли, напримѣръ, строить желѣзную дорогу между Варшавою и Петербургомъ? Стоитъ ли строить ее между Кiевомъ и Одессою? Вотъ вопросы, на которые слѣдуетъ отвѣчать не пустыми возгласами, а цифрами, положительными цифрами! Пока намъ не представятъ этихъ цифръ, мы имѣемъ полное и основательное право сильно сомнѣваться въ дѣйствительной необходимости и пользѣ учрежденiя С.-Петербурго-Варшавской и Кiево-Одесской желѣзныхъ дорогъ. Предѣлы журнальной статьи, къ сожалѣнiю, не позволяютъ намъ представить своихъ соображенiй по этому предмету, и потому, откладывая ихъ до другого времени, мы переходимъ къ дальнѣйшему разсужденiю.

Желѣзныя дороги должны удовлетворять своему назначенiю—ускорять сбытъ и обращенiе товаровъ, количество которыхъ зависитъ отъ степени развитiя промышленности фабричной, заводской и земледѣльческой. Но для ея развитiя прежде всего необходимы капита-

лы. Чѣмъ болѣе затрачивается капиталовъ на производство, тѣмъ оно скорѣе развивается и наоборотъ.

Въ настоящую пору у насъ всѣ жалуются на дороговизну товаровъ, на безденежье и повсемѣстный застой промышленныхъ дѣлъ. Другими словами: у насъ мало денегъ, мало товаровъ, а фабрики, заводы и земледѣліе не могутъ развиваться, потому что лишены оборотныхъ капиталовъ. Куда же дѣвались эти капиталы? Гдѣ наши деньги? Или у насъ ихъ не было прежде? Были, да ушли не туда, куда слѣдовало, ушли на непроизводительныя, безполезныя акціонерныя предпріятія—на постройку желѣзныхъ дорогъ, водопроводовъ и пр... Послушайте, что говоритъ г. Павелъ Небольсинъ, знакомый намъ уже фразеръ.

«Съ 1855 года, не смотря на тяжкое бремя войны, отечество наше осіяло новымъ свѣтомъ и начало готовиться къ новой жизни.... прояснились наши сообразительныя (!!) способности, стали явственнѣе раскрываться разныя стороны народнаго богатства, внезапно появились нежданные капиталы и съ 1856 по 1860 годъ заявлено и *распредѣлено только на гласныя акціонерныя предпріятія свыше 500 миллъоновъ рублей*».

Да! была пора, акціонерная пора! 500 миллъоновъ! И эта громадная масса капиталовъ, въ теченіе такого короткаго времени, была отвлечена отъ земледѣлія, фабричной и заводской промышленности, отъ главныхъ источниковъ народнаго богатства! И зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы истощить ихъ, остановить производительныя работы, произвести повсемѣстный застой полезныхъ дѣлъ! 500 миллъоновъ отдано въ жертву безплодной спекуляціи, биржевой игры, ажіотажа, зарыто въ землю обществами: желѣзныхъ дорогъ, водопроводовъ, газоваго освѣщенія и т. д. Неужели и здѣсь цѣль оправдывала средства?!

— Однако позвольте, скажутъ намъ. Развѣ желѣзныя дороги безполезны? Развѣ ихъ не нужно было строить? Развѣ мы могли ѣздить по шоссѣ въ то время, когда въ западной Европѣ уже давно устроены желѣзныя дороги?! Неужели мы должны были и въ этомъ отношеніи отстать отъ цивилизованныхъ народовъ?! Какъ! мы станемъ строить ежегодно только по 145 верстъ желѣзныхъ дорогъ въ то самое время, когда въ Америкѣ ихъ строятъ по 2000! Какое варварство! На что же у насъ, послѣ этого, инженеры путей сооб-

щенія? Неужели имъ прикажете чинить старыя, избитыя шоссе, вмѣсто сооруженія желѣзныхъ дорогъ?

Не отвлекайте капиталовъ отъ земледѣлія, фабрикъ и заводовъ, не бросайте ихъ на безполезныя, рискованныя предпріятія, которыя не окупаютъ расходовъ, не увеличиваютъ народнаго благосостоянія, а только приносятъ барыши однимъ спекуляторамъ. Не думайте о роскоши, не гоняйтесь за нею, когда у васъ нѣтъ необходимаго. Желѣзныя дороги для насъ роскошь, мотовство; онѣ у насъ неумѣстны, несвоевременны, когда наша промышленность фабричная и заводская сдѣлала такъ мало успѣховъ, когда она такъ сильно нуждается въ оборотныхъ капиталахъ. Мы затратили массу денегъ на непроизводительныя акціонерныя предпріятія; мы захотѣли жать въ счетъ будущихъ благъ—и вотъ стали нуждаться теперь въ насущномъ хлѣбѣ, жаловаться на дороговизну и безденежье! Кто виноватъ? Виноваты всѣ, потому что приняли средства за цѣль, желѣзные дороги за источникъ богатства, а спекуляцію за производительный трудъ. Виноваты—потому что, не обращая вниманія на улучшеніе почтовыхъ и проселочныхъ дорогъ, на развитіе сельской промышленности, мы стали строить длинныя линіи желѣзныхъ дорогъ и, помощію ихъ, какъ насосами, начали выкачивать за границу наши капиталы, наши сырые продукты, истощая землю и карманы. «Корень народной бѣдности, справедливо замѣчаетъ г. В. Панаевъ, происходитъ отъ ложности господствующихъ у насъ экономическихъ и финансовыхъ воззрѣній». И такъ—перестанемъ строить желѣзныя дороги: ихъ уже довольно въ Россіи, черезчуръ довольно. Онѣ хороши, безспорно хороши; но пословица—«хорошенькаго по-немножку. Строй, да знай же мѣру. Пора намъ позаботиться о развитіи земледѣлія, фабричной и заводской промышленности, объ устройствѣ хорошихъ проселочныхъ дорогъ.

У насъ уже давно говорили и писали объ упраздненіи такъ называемыхъ дорожныхъ и строительныхъ коммисій. Дворянство всѣхъ губерній неоднократно высказывало самыя горькія истины относительно совершенной безполезности и положительномъ вредѣ отъ земства этихъ учрежденій. Такъ напримѣръ, дворянство Харьковской губерніи рѣшительно жалуется на то, что производители строительныхъ работъ, кромѣ отчаянной небрежности въ своемъ дѣлѣ, питаютъ ожесточенную непріязнь къ интересамъ земства. Постройки дѣлаются безпрерывно на значительную сумму и вслѣдъ затѣмъ раз-

рушаются и исправляются безконечно. Инженеры и архитекторы производятъ ихъ, выдавая другъ другу одобрительные акты освидѣтельствованія. Повидимому, чѣмъ болѣе строится, тѣмъ болѣе еще остается строить. Смѣты составляются преувеличенныя и притомъ такъ, чтобы одна работа дѣлала необходимою другую. Гдѣ при ручьѣ нужно бросить нѣсколько возовъ хворосту и земли, чтобы сдѣлать плотину, и проѣздъ былъ бы удобенъ, тамъ составляется громадная смѣта и дѣлается насыпь по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства, съ откосами и другими хитростями строительнаго дѣла. Всѣ техническія искусства имѣютъ цѣлью доставить удобства въ жизни, облегчить, развить трудъ, сберечь издержки, но искусство губернскихъ строительныхъ и дорожныхъ коммисій стало тяжкимъ бременемъ для народа, источникомъ безполезныхъ тратъ и дѣломъ чисто безнравственнымъ. Кто не помнитъ скандальнаго случая, получившаго гласность, о подвигахъ инженеръ-подполковника Петровскаго, которому поручена была постройка присутственныхъ мѣстъ въ Харьковской губерніи. Эта губернія въ теченіе четырнадцати лѣтъ собирала капиталъ для устройства тюремъ и 17 разныхъ палатъ. Строительная коммисія сама составляла смѣты и поручила исполненіе дѣла помянутому инженеру. И что же? На сумму 240 т. р. г. Петровскій выстроилъ вмѣсто 17, только 7 присутственныхъ мѣстъ и соорудилъ ихъ такъ, что по окончаніи работъ они развалились!

Нѣтъ сомнѣнія, что строительныя и дорожныя коммисіи скоро упразднятся: того требуетъ логика, опытъ и интересъ земства. Земскія суммы на постройки должны оставаться въ полномъ распоряженіи мѣстнаго управленія и расходоваться подъ наблюденіемъ выборныхъ отъ платящихъ сословій. Подряды на постройки должны быть совершенно избавлены отъ нелѣпаго формализма, должны быть свободны и гласны. Они должны утверждаться приговоромъ выборныхъ отъ земства. При настоящемъ порядкѣ производства торговъ, подрядчики потеряли уже всякую охоту приниматься за постройки по смѣтамъ и цѣнамъ, которыя назначаютъ строительныя и дорожныя коммисіи. Такой порядокъ не можетъ продолжаться! онъ до того уже увеличилъ расходы земства, что народъ повсюду жалуется на тягость земскихъ налоговъ и все менѣе и менѣе имѣетъ возможности уплачивать ихъ, особенно при настоящемъ безденежьи. И такъ упразднить въ губерніяхъ строительныя и дорожныя коммисіи— значитъ обогатить помѣщиковъ и крестьянъ и улучшить пути сооб-

щенія. Объ этомъ хлопочетъ давно не только дворянство и земство, но должны хлопотать и сами инженеры, выражаясь словами г. В. Панаева—«во имя любви къ своему народу и отечеству». Уменьшеніе земскихъ налоговъ, дешевое улучшеніе и постройка сельскихъ дорогъ, безъ участія строительныхъ коммисій, — вотъ что нужно прежде всего для развитія матеріальнаго благосостоянія народа; а желѣзныя дороги для этого безполезны; онѣ для народа—журавли въ небѣ и сулить ихъ негодится. И, наконецъ, на какія средства станемъ мы строить теперь желѣзныя дороги? Во что онѣ намъ обойдутся? Чего намъ стоила уже Николаевская дорога? Сколько затратило капиталовъ главное общество? И откуда мы возьмемъ ихъ дальше!

Но г. Панаевъ берется помочь и этому горю. «Намъ слѣдуетъ искать средствъ, говоритъ онъ, въ мелкихъ капиталахъ, разсѣянныхъ по лицу земли русской—въ глухихъ городахъ и городишкахъ, въ селахъ и деревняхъ... словомъ, искать средствъ не только между нѣсколькими тысячами богатыхъ, а между десятками милльоновъ народа».

Бѣдный русскій народъ! какъ ты богатъ! сколько у тебя кроется капиталовъ! Ты и не подозрѣвалъ этого? Ты не знаешь, можетъ быть, и до сихъ поръ того, что нашелся наконецъ благодѣтель, въ лицѣ опытнаго инженера, который, считая тебя богатымъ, желаетъ въ то же время озолотить тебя еще болѣе? Послушай, однако, что онъ придумалъ, «во имя любви къ тебѣ и своему отечеству».

«До сихъ поръ крестьянское сословіе русскаго народа положительно лишено всякой возможности помѣщать свои сбереженія и крохи. Зачѣмъ же лишать русскій народъ тѣхъ преимуществъ, которыми пользуются богачи, зачѣмъ не дать ему возможности воспользоваться выгодами отъ государственныхъ займовъ? — *Народъ былъ бы счастливъ получать процента 4.*»

4 процента! — не дурно, хотя не мѣшало бы дать и побольше, процентиковъ, напримѣръ, — 6; давать больше — нельзя, назовутъ лихоимствомъ. И такъ помиримся на 5. Но какъ сдѣлать, чтобы получать этотъ процентъ?

«Правительство открываетъ постоянный внутренній, пятипроцентный заемъ, для чего производитъ продажу облигацій ста, пятидесяти и двадцати пяти рублеваго достоинства, въ казначействахъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ.

«Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что облигаціи будутъ браться на

расхватъ. Крестьянинъ, купившій облигаціи, станетъ беречь ее, какъ зеницу ока, потому что она лежа наростаетъ ему въ годъ на 25 руб.— 1 р. 25 к., а на 50 руб.—два съ полтиной. *Такого счастья онъ и не чаялъ*.

Вотъ проектъ, созданный г. Панаевымъ. Voilà le projet d'un ingénieur ingénieux! Самъ прожектеръ говоритъ: «во имя любви къ своему народу и отечеству, во имя любви къ истинѣ, еще разъ убѣдительнѣйше прошу не оставить насъ безъ отвѣта, вступить съ нами въ полемику. Начните съ того, чтобы показать, чего вы опасаетесь въ предлагаемой нами мѣрѣ».

Г. Панаевъ дѣлаетъ вызовъ здравому смыслу. Принимать ли его?

По нашему личному убѣжденію, проектъ г. Панаева не заслуживаетъ нималѣйшаго вниманія; это припадокъ сильнаго головокруженія отъ 19-ти лѣтняго вращенія около желѣзныхъ дорогъ.

Почему же, спросятъ насъ, вы обратили на него ваше вниманіе и сдѣлали выписку? Неужели затѣмъ, чтобы дать лишнюю работу наборщикамъ?

Вовсе не съ тою цѣлью. Проектъ г. Панаева прошелъ бы незамѣченный нами, если бы подъ нимъ не сдѣлалъ своего замѣченія редакторъ «Дня», г. И. Аксаковъ, въ N 7 своей газеты.

Вотъ что сказалъ г. Аксаковъ по поводу этого проекта: «помѣщая статью г. Панаева, редакція, въ этомъ спеціальномъ (?) вопросѣ, *не сознавая* себя компетентнымъ судьею (!?), можетъ ограничиваться только выраженіемъ своего *сочувствія* общей мысли автора относительно необходимости призывать къ участію въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ — самые мелкіе капиталы и устранять монополію крупныхъ, проявляемую нашими акціонерными компаніями. Что же касается до средствъ, предлагаемыхъ г. Панаевымъ, то мнѣніе его вызоветъ, безъ сомнѣнія (?!), серьезную полемику,—чего именно и желаетъ авторъ, *да и мы*, вмѣстѣ съ нимъ».

И такъ г. Аксаковъ, не сознавая, не обсуждая даже проекта г. Панаева, въ то же время сочувствуетъ ему. Посмотримъ, что это за сочувствіе почтеннаго славянофила.

Г. Панаевъ, «проѣзжая вдоль и поперегъ Россіи», открылъ, что народъ скрываетъ у себя много денегъ и, по мнѣнію его, можетъ давать ежегодно до 100 мильоновъ.

Что думаетъ объ этомъ открытіи другъ народа, г. Аксаковъ? Полаетъ ли онъ, что у народа, кромѣ вѣры, есть еще и деньги, ко-

торыя «разсѣяны по всему лицу земли русской — въ глухихъ городахъ, городишкахъ, въ селахъ и деревняхъ»?

Г. Панаевъ утверждаетъ, что «народъ былъ бы счастливъ получать за свои деньги процента 4», и потому предлагаетъ правительству сдѣлать внутренній заемъ, посредствомъ выпуска пятипроцентныхъ облигацій мелкаго достоинства.

Согласенъ-ли г. Аксаковъ, что «народъ нашъ не чаетъ такого счастья»? Народъ будетъ получать 5%! Но кто будетъ платить ему? Задалъ-ли себѣ этотъ вопросъ почтенный редакторъ «Дня», выразившій свое безсознательное сочувствіе подобному проекту народнаго обогащенія?

Кто будетъ платить народу?! Конечно правительство, отвѣтитъ г. Аксаковъ. Но откуда возметъ правительство 5 милльоновъ для уплаты народу 5% со 100 милльоновъ? Изъ государственнаго казначейства, т. е. изъ доходовъ, собираемыхъ путемъ налоговъ; слѣдовательно народъ будетъ платить народу. Не такъ-ли? Иванъ дастъ 100 рублей въ займы по 5% и, чтобы получить 5 рублей, долженъ будетъ прежде отдать ихъ! Не такъ-ли? Или, можетъ быть, будетъ лучше, если, для уплаты 5% внутренняго займа, правительство сдѣлаетъ 8-й внѣшній заемъ за 6%? Не такъ-ли?

Тряхните мозгами г. Аксаковъ! Знаете-ли — что такое проектъ г. Панаева? подозрѣваете-ли къ чему онъ могъ бы повести, если бы его *возможно было* осуществить на дѣлѣ? Если не знаете, то выслушайте.

Проектъ инженера г. Панаева — проектъ самаго чудовищнаго *ажіотажа*, ажіотажа неслыханнаго, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ Россіи, который можетъ окончательно разорить самый бѣдный и многочисленный классъ народа. Г. Панаевъ вѣроятно и не подозрѣвалъ самъ, до чего онъ договорился. Постараемся доказать наше мнѣніе въ нѣсколькихъ словахъ.

Что предлагаетъ г. Панаевъ?

Онъ предлагаетъ сдѣлать внутренній народный пятипроцентный заемъ для застиланія Россіи желѣзными дорогами. Нужно-ли строить ихъ, или лучше вовсе не строить, а употребить капиталы на устройство фабрикъ, заводовъ и на обработку сырыхъ продуктовъ — объ этомъ мы говорить здѣсь не будемъ. Затѣмъ — есть-ли у народа *свободные* капиталы, какъ увѣряетъ прожектеръ, и много-ли ихъ? — объ этомъ тоже нѣтъ надобности распространяться: всѣмъ извѣстно,

что народъ живетъ бѣдно, грязно и перебивается со дня на день. Но положимъ даже, что у народа есть наличныя деньги и онъ прячетъ ихъ отъ насъ, показывая только одному г. Панаеву;—что изъ этого слѣдуетъ? Согласится-ли онъ дать ихъ? Пойметъ-ли, что ему выгодно заразъ вручить губернскому или уѣздному казначею 100 рублей, съ тѣмъ чтобы получать за нихъ въ годъ только 5 р.? Возметъ-ли онъ въ толкъ эту мудреную затѣю? Не самъ-ли г. Панаевъ постоянно твердитъ, что нашъ народъ *бѣденъ, невѣжественъ*... Откуда-же возьмутся у него такія финансовыя соображенія? Какъ доказать, что выгодно дать одновременно 25 рублей и получать, взамѣнъ ихъ, ежегодно только по 1 р. 25 к.! Но положимъ, что самъ г. Панаевъ, вмѣстѣ съ г. Аксаковымъ, научатъ мужичковъ уму-разуму и растолкуютъ въ чемъ дѣло. Согласятся-ли, послѣ этого, они ѣхать изъ деревни въ городъ закупать облигаціи? Не поѣдутъ, это очевидно; не поѣдутъ не по глупости, или изъ упорства, а потому что не выгодно. Самъ г. Панаевъ говоритъ, что «поѣхавши въ городъ изъ деревни больше истратишь на поѣздку, чѣмъ наживешь въ годъ процентовъ на облигацію». Но положимъ, что по глупости крестьянинъ поѣдетъ нарочно въ городъ и купитъ облигацію;—что̀ потомъ онъ изъ нея сдѣлаетъ? «Крестьянинъ, купившій облигацію, по словамъ г. Панаева, станетъ беречь ее, какъ зеницу ока, потому что лежа она *нарастаетъ* ему въ годъ—на 25 р.—1 р. 25 к.! Такого счастья онъ и не чаялъ.» О благодѣтель! А если крестьянину нельзя прятать облигацію, а приходится расходовать,—что̀ тогда? куда онъ дѣнется съ нею?

«Чего бояться? всякій лавочникъ и купецъ возметъ ее, а если и не возметъ, то крестьянинъ пойдетъ къ своему сосѣду-богачу и продастъ или заложитъ ему свою облигацію».

Такъ вотъ оно въ чемъ дѣло, г. Панаевъ! Вотъ до чего вы довертѣлись около желѣзныхъ дорогъ!

Г. Аксаковъ! Ваша газета проповѣдуетъ всенародный ажіотажъ. Но знаете-ли вы, прежде всего, что значитъ самое слово «*ажіотажъ*»? Мы убѣждены, что не знаете, а потому и просимъ васъ заглянуть въ лексиконъ. Только подобное незнаніе можетъ оправдать *ваше сочувствіе* проекту г. Панаева.

Въ торговлѣ слово *ажіо,* или лажъ, означаетъ барышъ отъ промѣна. На биржѣ *ажіотажемъ* называется торговля бумажными цѣнностями; такое ремесло клеймится вездѣ позоромъ и преслѣдуется

закономъ, какъ оскорбленіе общественной нравственности и наглое нарушеніе экономической справедливости. Можно-ли сочувствовать проекту ажіотажа?

Г. Аксаковъ сказалъ: «Редакція «Дня» выражаетъ свое сочувствіе мысли автора, относительно необходимости призвать къ участію въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ самые мелкіе капиталы, чтобы отстранить монополію крупныхъ, проявляемую нашими акціонерными компаніями».

Въ чемъ же заключается эта монополь, которая такъ не по-сердцу г. Аксакову?

На этотъ вопросъ г. Панаевъ отвѣчаетъ такъ:

«Лица, получающія консессію желѣзныхъ дорогъ по большей части разсчитываютъ *на ажіотажъ*, или на другіе непозволительные интересы. Это порождаетъ растлѣніе людей биржевою игрою и эксплоатаціею мелкихъ капиталовъ — большими. Это нарушаетъ правду и потому опасно».

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «большіе капиталисты часто являются безжалостными эксплоататорами мелкихъ капиталовъ и людей бѣдныхъ, вынужденныхъ куда нибудь помѣщать свои остатки, скопляемые тяжелымъ трудомъ и лишеніями». «(День» N 7).

И такъ дѣло очень просто. Если бѣдняку приходится отдавать свои крохи богачу, а тѣмъ болѣе продавать или закладывать ему свою облигацію или серію, то онъ дѣлается жертвою ажіотажа и эксплоатаціи. Это нарушаетъ правду—и потому опасно.

Теперь спрашивается: въ какое положеніе будетъ поставленъ крестьянинъ, взявшій, по проекту г. Панаева, пятипроцентную облигацію, если ему придется сбывать ее лавочнику, купцу, продавать или закладывать сосѣду-богачу? Развѣ, при сбытѣ, промѣнѣ или продажѣ этой облигаціи онъ ничего не потеряетъ? Развѣ съ него не возьмутъ лажа или процентовъ за ссуду? Развѣ, имѣя въ рукахъ 25 рублевую облигацію, онъ получитъ за нее 25 рублей? Развѣ облигаціи будутъ ходить по номинальной цѣнѣ? Не самъ-ли г. Панаевъ утверждаетъ что «большіе капиталисты занимаются главнымъ образомъ торговлею бумажными цѣнностями, понижаютъ или возвышаютъ ихъ и, пользуясь этими колебаніями, продаютъ, скупаютъ и перекупаютъ»! Чего же онъ хочетъ теперь? Онъ хочетъ исключеніе обратить въ правило, мѣстный ажіотажъ сдѣлать повсемѣстнымъ, въ каждомъ городѣ, городишкѣ, въ селѣ и деревнѣ завести биржевыхъ

игроковъ, ажіотеровъ, которые бы эксплуатировали бѣднаго мужика и грабили его... Развѣ это не проектъ повальной деморализаціи и поголовнаго разоренія?! Неужели это значитъ сочувствовать народу? Мы думаемъ, напротивъ, что сильнѣе нельзя ненавидѣть его, соглашаясь съ тѣмъ, что предлагаетъ г. Панаевъ въ своемъ проектѣ.

II. О хлѣбной торговлѣ.

Что у насъ дѣлается?

Голодъ въ Финляндіи, голодъ въ Архангельской, Вологодской, Пермской, Тобольской и другихъ губерніяхъ, неурожаи повсюду, упадокъ земледѣлія, застой фабричной промышленности, повсемѣстная дороговизна жизни и страшное безденежье. Вотъ краткій перечень всѣмъ извѣстныхъ явленій нашей экономической жизни. Мы переживаемъ тяжелое время, время экономическаго кризиса. Наше народное хозяйство въ большомъ разстройствѣ. Въ этомъ сознаются даже самые отчаянные оптимисты, которые съ г. Щебальскимъ думаютъ, что «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.»

Причинъ разстройства народнаго хозяйства очень много и перечислить ихъ довольно трудно. По нашему мнѣнію онѣ бываютъ вообще или случайныя, временныя, или органическія, постоянныя. Къ числу случайныхъ причинъ слѣдуетъ отнести всѣ внезапныя общественныя бѣдствія, какъ-то — пожары, наводненія, повальныя эпидемическія болѣзни, усиленные налоги, войны и пр. До извѣстной степени эти причины можно всегда если не предупреждать, то по крайней мѣрѣ ослаблять ихъ пагубное дѣйствіе своевременными мѣрами, которыя будутъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ страна успѣла болѣе развиться въ экономическомъ отношеніи. Притомъ подобныя случайныя причины кризиса производятъ такое сильное потрясеніе въ обществѣ, что заставляютъ его волей-неволей выходить изъ обычной апатіи и возбуждаютъ въ немъ то чувство самосохраненія, которое въ людяхъ развито вообще гораздо слабѣе, чѣмъ предполагаютъ. Безъ знанія и самосознанія народъ живетъ всегда изо-дня въ день, какъ будто выжидая, пока нестерпимое горе, голодъ и нужда не при-

нудятъ его взяться за умъ, оглянуться на свое прошлое, оцѣнить настоящее положеніе и подумать о будущемъ. Вотъ послѣдствія случайныхъ причинъ разстройства народнаго хозяйства. Какъ онѣ ни гибельны, но гибельнѣе ихъ—причины органическія или постоянныя, потому что ихъ порождаетъ всегда не случай, а невѣжество и рутина. Къ числу этихъ причинъ относится безспорно систематическій грабежъ земли, посредствомъ вывоза за границу хлѣба и сырыхъ продуктовъ.

Что мы дѣлаемъ?

Хлѣбомъ торгуемъ, необдѣланную пеньку и шерсть за границу отпускаемъ, золото отдаемъ, а сами себя голодомъ моримъ, разоряемся и истощаемъ въ конецъ нашу землю. Прошло тысяча лѣтъ, послѣ гостепріимнаго призыва Варяговъ—и мы говоримъ, подражая праотцамъ: «земля наша велика и обильна хлѣбомъ и сырыми произведеніями, но мы обработывать ихъ не умѣемъ: у насъ нѣтъ ни хорошихъ фабрикъ, ни заводовъ. Наши отцы занимались только хлѣбопашествомъ и намъ завѣщали пахать землю. Будемъ же вѣрны этому завѣту, станемъ сѣять пшеницу, ленъ и пеньку, да сбывать ихъ за границу по желѣзнымъ дорогамъ, черезъ Петербургъ, Ригу, Прусскую границу, Одессу и Таганрогъ. Иностранцы, особенно англичане, нуждаются въ нашемъ хлѣбѣ и сырыхъ продуктахъ — и пусть берутъ ихъ, уничтожаютъ наши дрянные заводы и фабрики и привозятъ свободно свои дешевые товары. За нихъ мы щедро заплатимъ не только хлѣбомъ, но и сибирскимъ золотомъ, и потомъ нашихъ крестьянъ. Пусть иностранцы знаютъ, что мы вовсе не желаемъ отставать отъ негровъ и индѣйцевъ и готовы навсегда отказаться отъ свободы народнаго труда и экономическаго развитія.»

Кто же придумалъ, наконецъ, эту теорію народнаго самозаклапія? спросятъ насъ. Неужели русскій? Нѣтъ. Нѣмецъ? Да.

«Государство, въ которомъ такое безконечное пространство плодоносныхъ земель и такъ мало фабрикъ, *должно* заниматься землeдѣліемъ, а не фабричною промышленностью.»

«Эту *свѣтлую* мысль, говоритъ нашъ ученый г. Егуновъ, высказалъ г. Клингштедтъ, одинъ изъ первыхъ членовъ вольно-экономическаго общества, въ 1765 году, когда нужно было убѣждать еще нашихъ хозяевъ разводить пшеницу и доказывать громадныя выгоды отъ вывоза этого продукта за границу.» (Егуновъ. О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи.)

Исполать вамъ, г. Егуновъ!

И такъ, съ легкой руки нѣмца и по его наущенію, мы стали вывозить нашъ хлѣбъ. Отпускъ его съ 1790 года, постоянно возрастая, особенно усилился съ 1846 года, когда Англія объявила свободу торговли и уничтожила хлѣбные законы... Но вотъ при этихъ послѣднихъ словахъ раздаются голоса экономистовъ!—

«Свобода торговли! уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ! Весь міръ долженъ благодарить англійскаго министра Роберта Пиля за эти благодѣянія! Кто изъ образованныхъ людей не знаетъ именъ Кобдена, Брайта, Фокса и другихъ великихъ людей Лиги, которые явились первыми поборниками идеи свободной торговли и заставили Р. Пиля объявить ее всенародно! Кто не понимаетъ всей...

Довольно, довольно, гг. экономисты! Мы не желаемъ слушать вашихъ рѣчей. Мы болѣе повѣримъ на слово самому Роберту Пилю, чѣмъ вамъ. Этотъ министръ, избѣгая лжи, сказалъ въ Парламентѣ просто: «*хлѣбные законы уничтожаются затѣмъ, чтобы удешевить фабричное производство.*

И такъ, въ войнѣ и возстаніи Кобдена и Комп. противъ хлѣбныхъ законовъ, любовь къ человѣчеству и участіе въ интересахъ рабочаго класса были только маскою, подъ которою прятался настоящій двигатель—разсчетъ, арифметическая выкладка торгаша-фабриканта. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ для него значила: дешевизна хлѣба и другихъ предметовъ первой потребности, уменьшеніе задѣльной платы, дешевое производство, возможность подавить соперничество иностранныхъ фабрикъ и получить отъ сбыта возможно больше барышей. Стоитъ только внимательно прослѣдить всѣ фазы, которыми прошелъ въ Англіи вопросъ о свободѣ торговли (*free trade*), и познакомиться съ духомъ пропаганды противниковъ хлѣбныхъ законовъ (*Anti-corn laws League*), чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. Кто еще сомнѣвается въ этомъ, тому мы можемъ рекомендовать для прочтенія не сочиненіе французскаго экономиста Бастіа, а катехизисъ самой Лиги (*Catechism on corn laws*), гдѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ представлены доводы защитниковъ и враговъ хлѣбныхъ законовъ съ безцеремонною откровенностью британскаго эгоизма. Въ эпоху пропаганды Кобдена и Брайта, въ самый разгаръ увлеченія партіи фабрикантовъ, этотъ катехизисъ былъ выпущенъ Лигою въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ и не мало содѣйствовалъ ея

успѣху. Вотъ для примѣра, два или три отрывка изъ катехизиса Лиги.

«Фабриканты нуждаются въ большихъ потребителяхъ, а потому и должны бы предоставить землевладѣльцамъ (*land-lords*) потребленіе своихъ издѣлій.» Такъ говорили защитники хлѣбныхъ законовъ.

Отвѣтъ фабрикантовъ.—Для фабрикъ нужны только такіе покупатели, которые даютъ наибольшую цѣну; для нихъ все равно, будутъ ли покупать англичане или поляки.»

«Земледѣлецъ лучшій другъ фабриканта.»

Отвѣтъ: «лучшій другъ фабриканта тотъ, кто даетъ ему больше.»

«Та страна, гдѣ хлѣбъ дешевъ, вообще несчастна.»

Отвѣтъ: «вопросъ вовсене въ томъ, чтобы знать счастлива или несчастна такая страна, а будемъ ли мы сами счастливы, получая ея хлѣбъ.»

Говоря по совѣсти, развѣ можно послѣ этого вѣрить благодѣяніямъ свободной торговли и превозносить заслуги, оказанныя человѣчеству пропагандою экономистовъ и Кобдена и Комп. Отдадимъ однако справедливость англійскимъ фабрикантамъ: нападая на хлѣбные законы, они по крайней мѣрѣ говорили искренно чего хотѣли и не прибѣгали къ лицемѣрію и лжи. Но развѣ отъ этого легче? Что выигралъ англійскій рабочій? Стало ли ему лучше отъ уничтоженія пошлинъ на привозный хлѣбъ? «Какая намъ польза отъ того, что хлѣбъ подешевѣлъ, когда задѣльная плата понизилась болѣе прежняго? Дорогъ теперь хлѣбъ или дешевъ—намъ все равно, когда у насъ нѣтъ ни денегъ, чтобы купить его, ни работы, чтобы заработать!» Вотъ что говорили и говорятъ англійскіе рабочіе о реформѣ Роберта Пиля. И такъ морить голодомъ своихъ и раззорять иностранцевъ—вотъ политика Англіи и ученіе о свободѣ торговли. Какую участь, въ самомъ дѣлѣ, готовитъ эта свобода для земледѣльческихъ странъ, гдѣ мало фабрикъ, или гдѣ фабричная промышленность начинаетъ только развиваться? Оставляя въ сторонѣ наши убѣжденія, прислушаемся, что говорятъ сами проповѣдники школы Кобдена, что они чувствуютъ, говоря о торговлѣ Англіи съ другими государствами. Вотъ собственное ихъ сознаніе, вотъ ихъ исповѣдь, заключенная въ катехизисѣ Лиги.

«Страны, гдѣ мало фабрикъ, гдѣ люди принуждены довольствоваться грубыми домашними издѣліями, вообще несчастны. Жалкое ихъ состояніе, впрочемъ, легко объясняется. Обреченное на земледѣльческія работы, населеніе этихъ странъ получаетъ за свой трудъ самое

ничтожное вознагражденіе, котораго едва достаетъ на пріобрѣтеніе предметовъ первой потребности. Вотъ почему ирландецъ осужденъ питаться однимъ картофелемъ и долженъ голодать среди изобилія хлѣба и скота. Вотъ почему индѣецъ долженъ пить одну воду, хотя живетъ тамъ, гдѣ можно дешево приготовлять пуншъ. И за что, спрашивается, дастъ ему пуншу господинъ его?!» (Catechism on corn laws).

Предлагаемъ этотъ отрывокъ для прочтенія нашимъ патріотамъ— гг. Тарасенко-де-Отрѣшкову, фонъ деръ Тернеру, Горлову, Егунову, всѣмъ экономистамъ-англоманамъ вообще и хлѣбнымъ спекулянтамъ въ особенности, потому что они болѣе всего заботятся объ усиленіи вывоза хлѣба за границу,—вѣроятно изъ любви къ отечеству.

Г. Егуновъ сказалъ, что въ 1765 году нужно было еще убѣждать нашихъ помѣщиковъ отпускать свой хлѣбъ за границу. Что же? убѣдились ли они съ тѣхъ поръ, какія громадныя выгоды доставляетъ этотъ вывозъ? Много ли берутъ у нихъ теперь хлѣба иностранцы? Много ли родится его, наконецъ?

Вотъ что говоритъ фонъ деръ Тернеръ, одинъ изъ почетныхъ членовъ Русскаго Географическаго Общества, который заклинаетъ помѣщиковъ возможно болѣе *понижать* цѣны на хлѣбъ.

«Неурожаи и скудные урожаи, которые слѣдовали *непрерывно* одинъ за другимъ съ 1853 года, можно даже сказать съ 1852 года, придали необыкновенное значеніе вопросу о хлѣбной торговлѣ. Отсутствіе русскаго хлѣба на иностранныхъ рынкахъ, въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, сдѣлало изученіе этого вопроса еще болѣе интереснымъ...»

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же господинъ говоритъ: «Если мы не будемъ стараться усовершенствовать производство нашихъ сырыхъ продуктовъ, *съ намѣреніемъ понизить ихъ цѣны*, то должно предвидѣть, что сбытъ ихъ въ Англію будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться съ каждымъ годомъ, ибо ихъ станутъ вытѣснять подобные же продукты другихъ странъ». (Движеніе внѣшней торговли въ Россіи, Тернера).

Понизить цѣны на хлѣбъ и сырые продукты, т. е. возможно болѣе уменьшить заработную плату крестьянамъ и издержки на производство—вотъ что нужно сдѣлать, по мнѣнію г. фонъ деръ Тернера, для улучшенія нашего земледѣлія и развитія хлѣбной торговли! О глубина премудрости и знанія! Да изъ какихъ странъ, г. Тернеръ,

пріѣхали вы поучать насъ такой логикѣ! А вы, г. Егуновъ! все по прежнему убѣждаете гг. помѣщиковъ сѣять пшеницу для вывоза?

Итакъ у насъ неурожай за неурожаемъ, неурожай на хлѣба, неурожай на свекловицу и табакъ, шерсти сбирается мало, и къ довершенію бѣдствій — Америка, Египетъ, Турція, Молдаво-Валахія, Венгрія, Пруссія — всѣ страны стараго и новаго свѣта посягаютъ на нашу хлѣбную торговлю и вытѣсняютъ отовсюду наши сырые продукты! Но не бойтесь, хлѣбные спекулянты и витязи свободнаго кулачества! за васъ стоитъ горой цѣлый легіонъ патріотовъ — въ родѣ гг. Егунова, Тернера и др... Не бойтесь! у насъ многіе еще думаютъ, что, для прокормленія голодныхъ англичанъ, мы сами должны умирать съ голоду! Не бойтесь! у насъ всѣ почти еще увѣрены, что наша земля плодородна и неистощима, и потому мы можемъ безжалостно грабить ее усиленнымъ вывозомъ сырыхъ продуктовъ... Не бойтесь! мы вовсе еще не намѣрены улучшать нашего земледѣлія, затрачивать на него капиталы, покупать орудія для хлѣбопашества, заводить дренажъ, а тѣмъ болѣе строить фабрики и заводы. Зачѣмъ тратить капиталы на земледѣльческую и фабричную промышленность, когда на нихъ лучше строить желѣзныя дороги, а еще лучше перекупать и перепродавать разныя акціи, облигаціи, билеты, заниматься биржевою игрою, строить великолѣпные дома въ столицахъ, закладывать и продавать ихъ съ барышомъ, ѣздить за границу и т. п.

Улучшать земледѣліе, строить фабрики — какая утопія? Намъ нужно только вывозить хлѣбъ, хлѣбъ и хлѣбъ, котораго не куда дѣвать. Насъ пугаютъ повсемѣстными неурожаями, голодомъ нѣсколькихъ губерній! Правда, неурожаи бываютъ, люди голодаютъ,—но все это несчастные случаи, случаи—не болѣе. Развѣ прежде ихъ не было?! Зачѣмъ же волноваться, тревожить себя напрасными опасеніями! Къ чему этотъ убійственный пессимизмъ! Нѣтъ! истинные патріоты не боятся за участь своего отечества... Вмѣстѣ съ г. Павломъ Небольсинымъ они восклицаютъ съ умиленіемъ: «О! наше будущее, близкое будущее прекрасно!.. Будемъ же съ упованіемъ желать и ожидать окончанія предпринятыхъ и предпринимаемыхъ по цѣлой Россіи построекъ желѣзныхъ дорогъ,—а ихъ теперь въ виду до 9 тысячъ»!

Вотъ что говорятъ наши патріоты. Послушайте теперь ученаго фонъ деръ Тернера: «И такъ, можно предвидѣть, что устройство

желѣзныхъ дорогъ облегчитъ доставленіе нашихъ сырыхъ продуктовъ и жизненныхъ припасовъ изъ внутреннихъ странъ къ морскимъ берегамъ».

Такъ, именно такъ думаютъ наши патріоты и ученые. Вывозить, постоянно вывозить хлѣбъ за границу, а не улучшать земледѣлія, не тратиться попусту на него и не заводить фабрикъ — вотъ наша забота, вотъ путь, по которому должна развиваться Россія въ матеріальномъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи. Мы знаемъ, что находятся у насъ противники подобнаго направленія, которыя утверждаютъ, что для Россіи необходимо устроить внутренній домашній рынокъ и избѣгать вывоза хлѣба за границу, чтобы не истощать, или какъ они выражаются—*не грабить земли*. Мы знаемъ, что это за люди! Это—враги свободной торговли, не исправимые консерваторы и монополисты, которые не знаютъ науки, не читали вовсе сочиненій экономистовъ и заботятся только о своемъ интересѣ... Мы знаемъ, что эти господа помѣшались теперь на химіи и доказываютъ, что если мы не возвратимъ землѣ всего отняго у ней прежними жатвами, то она превратится скоро въ пустыню, уморитъ насъ голодомъ и сгонитъ со свѣту!.. Вотъ какими ужасными картанами хотятъ запугать насъ, поборниковъ свободной торговли, наши консерваторы и монополисты! Вотъ что пишетъ, между прочимъ, одинъ изъ числа этихъ господъ, нѣкто г. С. Мальцевъ въ своей брошюрѣ: «Будущность земледѣльческихъ государствъ, 1861 г.».

«Если бы вопросъ о томъ—должна-ли Россія быть исключительно земледѣльческимъ государствомъ, былъ отданъ на общее изслѣдованіе, то и знаменитый Либихъ, со своими химическими вѣсами и неизмѣнными цифрами, явился бы для доказательства, что послѣдствія такой теоріи суть—*истощеніе и слѣдовательно гибель государства*».

Вотъ что̀ говорятъ наши консерваторы! Вотъ что̀ значитъ не знать политической экономіи, не признавать такихъ авторитетовъ, какъ Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, Бастіа! Какъ послѣ этого не краснѣть передъ Европой за нашихъ китайцевъ!

Но довольно! Пора перестать шутить.—У насъ неурожаи, у насъ голодъ... Загляните въ избу вологодскаго мужика, спросите его, какъ ему живется.

«Голодно, родименькій, голодно», отвѣтитъ онъ, качая головой. Отчего ему голодно? Отчего повсюду неурожаи? Оттого, что

Братья сѣяли пшеницу,
Вывозили за границу.

Да! прошли, прошли наши красны дни. Теперь не то, теперь то побивает жатву градом, то саранчей, то наконецъ сама земля, какъ въ Новороссійскомъ краѣ, стоитъ по шести лѣтъ подъ паромъ, стоитъ пустыней и ничего не даетъ своему несостоятельному должнику—пахарю, который во-время не отдавалъ ей долга. Съ такимъ должникомъ природа поступаетъ безжалостно: до поры до времени она терпитъ, а затѣмъ вдругъ лишаетъ его кредита, т. е. урожая, и гонитъ прочь. И великъ ли у насъ бывалъ прежде урожай? Въ губерніяхъ черноземныхъ и Новороссійскомъ краѣ—самъ 10, 15, 20 не болѣе, а во всей Россіи, среднимъ числомъ—самъ 3. Можемъ-ли мы, послѣ этого, хвастаться плодородіемъ нашей земли, изобиліемъ хлѣба! Посмотрите на Америку: тамъ земля давала мѣстами самъ 150, самъ 200, и что же? Теперь такая земля не даетъ и самъ 10, потому что истощена жатвами пшеницы, рису, сборомъ табаку и постояннымъ вывозомъ ихъ на дальніе рынки и за границу, какъ это ведется до сихъ поръ и у насъ. Вотъ что говорилъ американскій экономистъ Кери (Carey) въ письмахъ своихъ къ президенту сѣвероамериканскихъ штатовъ въ 1858 году.

«Мѣста, гдѣ разводится хлѣбъ въ соединенныхъ штатахъ, удалены отъ мѣста сбыта на сотни и тысячи миль (такъ же, какъ у насъ). Послѣдствія этого неудобства даютъ себя замѣтить въ томъ фактѣ, что почва почти всюду истощена и народное благосостояніе, вмѣсто того, чтобы возвышаться, страшно падаетъ.

«Наша земля, продолжаетъ Кери, не совсѣмъ еще ослабѣла отъ потери своихъ жизненныхъ соковъ; но близокъ часъ, въ который, при продолженіи нынѣшней системы сбыта, послѣднее біеніе сердца народа умолкнетъ, и Америка, за одно съ Греціей и Римомъ, похоронитъ себя подъ развалинами прошлаго».

И такъ Соединенные штаты начинаютъ уже опасаться за плодородіе своихъ полей, за свою будущность. А Россія! на что можетъ она надѣяться, когда ея земледѣліе и промышленность стоятъ на такой низкой, полуварварской степени развитія! Или намъ нечего бояться, потому что кричимъ на всѣ четыре стороны—«мы, да мы!—Или намъ не стоитъ уже сворачивать съ дороги, заводить новое хозяйство, потому что желаемъ выдержать свой народный характеръ, оправдать народную поговорку—«горбатаго могила исправитъ»! Не потому-ли?

Русскій человѣкъ, какъ извѣстно, на трехъ сваяхъ стоитъ: *на авось, небось, да была ни была*. Никто такъ не стремится къ бли-

жайшей выгодѣ, какъ нашъ помѣщикъ, а за нимъ и мужичекъ. А между тѣмъ хозяйственный вопросъ состоитъ вовсе не въ томъ, сколько можно съ земли получить, а сколько послѣ каждой жатвы можно возвратить ей. Нашъ помѣщикъ, любящій закладывать и перезакладывать свое имѣніе, и не подозрѣваетъ того, что настоящій банкъ— это его земля, которая, дѣлая ссуду въ видѣ урожая, требуетъ уплаты въ срокъ, до начала новаго посѣва. Когда хозяинъ продаетъ свой хлѣбъ, то онъ продаетъ въ немъ составныя минеральныя части почвы, самую существенную часть навоза. Поэтому если, послѣ продажи, онъ не возвратитъ землѣ того, что отняла у ней жатва, то можетъ быть заранѣе увѣренъ, что случится неурожай. Конечно ни помѣщики, ни крестьяне этого не знаютъ и знать не хотятъ, потому что знаніе заставитъ ихъ отказаться отъ рутины, которая имъ дороже всего.

Земледѣліе, для своего развитія, требуетъ самыхъ разнообразныхъ и обширныхъ свѣдѣній; вотъ почему оно развивается всюду позднѣе другихъ отраслей промышленности. Какъ наука — земледѣліе стало дѣлать успѣхи только въ послѣднее время, благодаря открытіямъ въ органической химіи, физіологіи и геологіи. Эти науки недавно доказали ту истину, что земля можетъ производить только при томъ непремѣнномъ условіи, когда ей возвращается, въ видѣ навоза, все что отнимаетъ жатва. Вывозить хлѣбъ и сырые продукты на дальніе рынки и за границу — значитъ продавать, отчуждать самую землю, обращать ее въ безплодную пустыню. Поэтому каждый земледѣлецъ и помѣщикъ, если онъ дорожитъ своими выгодами, долженъ заботиться постоянно о томъ, чтобы потребленіе его продуктовъ было, повозможности, недалеко; иначе онъ неизбѣжно обѣднѣетъ. Онъ долженъ желать, чтобы по сосѣдству съ нимъ заводились фабрики, заводы, куда бы онъ могъ сбывать свой хлѣбъ, чтобы получать обратно навозъ.

Замѣтимъ при этомъ, что устройство фабрикъ и заводовъ всегда предшествуетъ и способствуетъ развитію раціональнаго земледѣлія. При отсутствіи или застоѣ фабричной промышленности, обработка земель ведетъ только къ ихъ истощенію, потому что всѣ продукты сбываются на дальніе рынки и почва безвозвратно теряетъ свои жизненные соки. Нашъ хлѣбъ изъ низовыхъ губерній подвозится къ Петербургу водянымъ путемъ, по Волгѣ и каналамъ, и продается въ столицѣ втрое или вчетверо дороже. Разумѣется, жители Петербурга—люди все богатые, и потому могутъ дорого платить за хлѣбъ, привезенный изъ Самары.—Но за что же, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, са-

марцы отчуждаютъ имъ свою землю и теряютъ навозъ, который или уносится Невою, или идетъ на удобреніе огородовъ и полей, расположенныхъ подъ Петербургомъ! Пора бы, кажется, нашимъ помѣщикамъ низовыхъ губерній обратить вниманіе на это обстоятельство. Или они тоже полагаютъ, что ихъ земля неистощима или не истощается вслѣдствіе вывоза хлѣба?! Авось на нашъ вѣкъ хватитъ, а тамъ —хоть трава не расти въ Самарской губерніи». Такова логика нашихъ земледѣльцевъ, которые, слѣпо повинуясь рутинѣ, продолжаютъ засѣвать свои поля, собирать хлѣбъ и продавать его кулакамъ даже на корню. И зачѣмъ, спрашивается, сѣять рожь или пшеницу въ такомъ огромномъ количествѣ, если нѣтъ обезпеченнаго сбыта? Не однимъ хлѣбомъ сытъ бываетъ человѣкъ; ему нужна и другая пища. Почему у насъ обращено такъ мало вниманія на развитіе скотоводства? Или намъ какъ, индѣйцамъ, вредно ѣсть мясо, по причинѣ жаркаго климата?! Или мы осудили себя на вѣчный постъ?!

Между нашими помѣщиками находится много такихъ образованныхъ людей, которые, начитавшись сочиненій экономистовъ, заботятся болѣе всего о заграничномъ отпускѣ нашего хлѣба и потому рукоплещутъ постройкѣ Кіево-Одесской желѣзной дороги. По ихъ мнѣнію, эта дорога, облегчая сбытъ пшеницы въ Одессу и въ порты Азовскаго моря, должна понизить ея цѣну и тѣмъ самымъ усилить ея отпускъ за границу. При настоящемъ отвратительномъ состояніи нашихъ дорогъ въ Новороссіяскомъ краѣ, говорятъ они, провозъ пшеницы въ Одессу и Таганрогъ обходится такъ дорого и до такой степени возвышаетъ ея цѣну, что иностранцы поневолѣ предпочитаютъ дѣлать свои закупки въ Молдаво-Валахіи, Турціи и Египтѣ. Съ устройствомъ Кіево-Одесской желѣзной дороги, эти обстоятельства должны измѣниться: перевозка будетъ дешева и хлѣбъ нашъ станетъ вывозиться за границу не только изъ Новороссіи, но и изъ малороссійскихъ губерній.

Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?! Нѣтъ! постройка Кіево-Одесской желѣзной дороги вовсе не обезпечитъ сбыта нашей пшеницы за границу. Всякій сбытъ вообще опредѣляется не количествомъ и дешевизною предложенія, а прежде всего размѣромъ запроса; это первое. И такъ—сколько бы мы ни возили пшеницы въ порты Чернаго и Азовскаго морей, если иностранцы въ ней мало нуждаются, то и не купятъ, какъ бы дешево имъ ее ни продавали. Затѣмъ: легкость сбыта и быстрота сообщенія усиливаетъ и обезпечиваетъ только фабричную и заводскую промышленность, а не земледѣліе, успѣхъ ко-

тораго зависитъ болѣе всего отъ климатическихъ условій и состоянія почвы; это второе.—И такъ если мы проведемъ Кіево-Одесскую желѣзную дорогу, съ цѣлію облегчить перевозку пшеницы въ приморскіе порты, то этимъ вовсе не обезпечимъ еще ея урожая, потому что онъ будетъ опредѣляться не количествомъ товарныхъ вагоновъ, а сборомъ жатвы, которая въ свою очередь можетъ пропасть отъ саранчи. Кромѣ того, сколько намъ извѣстно, почва въ Новороссійскомъ краѣ до того уже истощена, что не даетъ мѣстами никакого урожая, даже послѣ 6 или 7 лѣтъ отдыха подъ паромъ. Далѣе — свободная внѣшняя торговля, т. е. иностранное соперничество, не можетъ обезпечить сбыта той страны, которая имѣетъ много опасныхъ конкуррентовъ. И такъ—если относительно вывоза нашей пшеницы изъ Черноморскихъ и Азовскихъ портовъ, мы встрѣчаемъ соперничество Венгріи, Молдаво-Валахіи, Турціи, Сиріи и Египта, которые могутъ продавать ее нисколько не дороже, а скорѣе дешевле насъ, то Кіево-Одесская желѣзная дорога не уничтожитъ подобнаго соперничества и не обезпечитъ нашей хлѣбной торговли. Слѣдовательно — ни заграничный запросъ на нашу пшеницу, ни наше предложеніе— ничто не оправдываетъ необходимости и пользы сооруженія Кіево-Одесской желѣзной дороги. Заграничный запросъ на нашъ хлѣбъ годъ отъ году слабѣетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается наше предложеніе, по причинѣ непрерывныхъ неурожаевъ. Это факты безпорные.

Какое же вліяніе окажетъ Кіево-Одесская дорога на состояніе Новороссійскаго края, если она будетъ построена дѣйствительно? Точно такое же, какое оказали на Индію желѣзныя дороги, построенныя въ ней англичанами, во имя свободной торговли.

«Въ странѣ по преимуществу земледѣльческой, какъ Индія, говоритъ американецъ Кери, желѣзныя дороги устроены не для пользы земледѣлія, а противъ него. Цѣль, съ которою ихъ проводили англичане, состояла въ томъ, чтобы усилить еще болѣе вывозъ сырыхъ продуктовъ и расширить централизаторскую власть торгашей, что повело за собою страшное истощеніе почвы и рабство труда, потому что рабочее населеніе стало заниматься однимъ земледѣліемъ, и фабричная промышленность окончательно упала.» (Principles of Social science, book I, by H. Carey).

И такъ, если мы искренно желаемъ успѣховъ нашему народному хозяйству, то не должны увлекаться ученіемъ англійскихъ экономистовъ о свободѣ торговли, заботиться о вывозѣ хлѣба за границу и

проводить для этой цѣли длинныя линіи желѣзныхъ дорогъ къ приморскимъ городамъ.

Куда же дѣвать намъ хлѣбъ? Кто будетъ потреблять его, если перестанемъ вывозить за границу?

Нашъ хлѣбъ долженъ оставаться у насъ, чтобы не терять навоза, не отдавать этого золота иностранцамъ. Вывозъ звонкой монеты за границу породилъ у насъ безденежье, а отпускъ хлѣба—неурожаи и голодъ. Притомъ, зачѣмъ намъ хлопотать о развитіи нашей заграничной хлѣбной торговли, когда внутренній сбытъ хлѣба въ дѣйствительности въ пять разъ болѣе внѣшняго! Иностранцы покупаютъ у насъ почти одну пшеницу, которая сѣется на югѣ. Что же касается ржи, которую производитъ сѣверная и средняя полоса Россіи, то ее сбывается за границу очень мало. Главные потребители хлѣба у насъ городскіе жители, работники на фабрикахъ, ремесленники и торговцы. Населеніе городовъ и мѣстечекъ Европейской Россіи простирается свыше 5 милльоновъ, а фабричныхъ и ремесленниковъ, живущихъ по деревнямъ, до 3 милльоновъ. Такимъ образомъ помѣщики и земледѣльцы могутъ разсчитывать на 8 милльоновъ покупателей. Полагая на человѣка въ годъ по $2\frac{1}{2}$ четверти хлѣба, для внутренняго сбыта потребуется до 20 милльоновъ четвертей, т. е. въ пять разъ болѣе того, что нужно для отпуска за границу, который простирается обыкновенно въ годъ до 4 милльоновъ четв. Стоитъ ли намъ, послѣ этого, безпокоиться объ участи нашей хлѣбной торговли! Или насъ серьезно тревожитъ, что одесскіе греки и евреи перестанутъ заниматься ею и набивать свои карманы! Не перестанемъ повторять: для развитія земледѣлія намъ необходимо устроить внутренній рынокъ и развить домашнее потребленіе хлѣба. Мало того: вмѣсто доставки сырыхъ продуктовъ въ Москву и Петербургъ для ихъ обработки, слѣдуетъ устроить фабрики на мѣстахъ самаго производства.

— Но какъ это сдѣлать? откуда взять капиталы для устройства фабрикъ?

Не стройте желѣзныхъ дорогъ, не стройте; все будетъ у насъ—и капиталы, и фабрики, и хлѣбъ.

Н. Соколовъ.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЬЗА ЛЕВЕРА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Знакомство на водахъ.

Мы на озерѣ Комо. Это любимое мѣсто оперныхъ танцовщицъ, предметъ дневныхъ грезъ примадонны, элизiумъ отставныхъ баритоновъ. На какомъ же основанiи этотъ уголокъ служитъ раемъ для всѣхъ, кто жилъ и вздыхалъ, заливался трелями и дѣлалъ пируэты въ очарованномъ кругу сцены? Кристальныя воды, гдѣ каждая скала, каждый утесъ отражаются съ самою отчетливою ясностью; померанцовыя деревья, обсыпанныя плодами; кусты земляничника, слишкомъ густо облѣпленные красными ягодами; виллы, превосходящiя своимъ кокетливымъ видомъ всѣ выдумки театральныхъ живописцевъ, съ анфиладами комнатъ, дышущихъ роскошью, террасы, и статуи, и вазы, и фонтаны, и мраморные балконы, обвѣянные тысячью бальзамическихъ благоуханiй, — все это образуетъ собою картину, весьма обольстительную для людей, по мнѣнiю которыхъ идеалъ красоты состоитъ изъ подобныхъ великолѣпныхъ подробностей. Въ

блистательномъ колоритѣ и разнообразіи этой сцены есть какой-то характеръ ненатуральности, характеръ театральныхъ декорацій, внушающій мысль, что изъ кустарника, находящагося предъ вами, во всякую минуту можетъ выскочить какой-нибудь теноръ въ бархатной мантіи и во всѣхъ прочихъ украшеніяхъ, или что вотъ-вотъ сей-часъ къ вашимъ ногамъ бѣшено бросится примадонна съ безпорядочно распущенными волосами. Здѣсь нѣтъ ни одного портала, изъ котораго не могъ бы показаться разгнѣванный отецъ, ни одной тѣнистой аллеи, на которой не могъ бы расхаживать басъ, встрѣчаемый восторженными рукоплесканьями.

Сельскіе мостики построены какъ будто нарочно для маленькихъ ножекъ дѣвушекъ въ коротенькихъ юпкахъ, которыя съ чистенькими корзинками въ рукахъ жеманно сѣменятъ подъ нѣжную музыку; каждая скамейка здѣсь, повидимому, ждетъ усталаго старика крестьянина въ синихъ чулкахъ и кожаномъ поясѣ, опирающагося на палку. Что удивительнаго, если оставившая сцену примадонна любитъ картину, напоминающую ей самые восторженные моменты ея тріумфовъ? Что удивительнаго, если отставная Пери любитъ бродить по этому саду, очаровательнѣйшему изъ всѣхъ, среди какихъ только ей случалось выдѣлывать свои пируэты?

Въ числѣ мѣстъ, изобилующихъ этой театральной обстановкой, видную роль играетъ вилла д'Эсте. Она расположена у небольшой бухты, входъ въ которую огороженъ двумя выдающимися мысами; и почва здѣсь представляетъ всевозможное разнообразіе поверхности и возвышенія. Отъ самаго края спокойнаго озера подымаются террасы надъ террасами, покрытыя самою богатой и прекрасной растительностью; скалы и водопады, развалины и статуи — здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагу. Все что можно купить за деньги, или что можетъ быть придумано дурнымъ вкусомъ, нагромождено здѣсь въ поразительномъ изобиліи. Каждая каменная лѣстница ведетъ къ какому-нибудь новому сюрпризу, каждая точка низкаго берега открываетъ какой-нибудь неожиданный и необыкновенный видъ. При всей дисгармоніи этой сцены, въ ней есть какая-то прелесть, которой, повидимому, не могутъ уничтожить никакія усилія самаго нелѣпаго вкуса. Виноградныя лозы сами собою соединяются въ граціозныя группы; золотые плоды апельсинныхъ деревьевъ образуютъ сами собою великолѣпный контрастъ съ темною листвой; вода весело бѣжитъ, играя съ своими собственными струями, и падаетъ алмазнымъ дождемъ на траву, которая яркимъ цвѣтомъ

своей зелени могла бы поспорить съ любымъ изумрудомъ; наконецъ, чудесное озеро отражаетъ картину съ такими нѣжными сочетаніями свѣта и тѣни, которыхъ не въ состояніи придумать никакая изобрѣтательность искаженной фантазіи человѣка.

Эта самая вилла д'Эсте была нѣкогда сценою грустной драмы, но не къ этой эпохѣ ея исторіи мы желаемъ приковать вниманіе нашихъ читателей; теперь мы разскажемъ исторію ея гораздо позднѣйшую, когда она перестала быть жилищемъ изгнанной принцессы, гдѣ позоръ и горе жили одной отчаянной жизнію, къ періоду, когда судьба прекратила эту аристократическую виллу въ водолечебное заведеніе.

Свѣжее осеннее утро. Солнце только что взошло надъ высокою горой на восточномъ берегу озера, обливая яркимъ свѣтомъ весь западный берегъ его, гдѣ стоитъ вилла д'Эсте. Каждая скала, каждый утесъ и мысъ обрисовывается съ рѣзкою отчетливостію, каждое окно пылаетъ какъ зарево, и лучи свѣта пробиваются въ чащу лѣсковъ и кустарниковъ, какъ будто радуясь, что могутъ проникать въ прохладныя мѣста, недоступныя для лучей полудня. На противоположномъ берегу темная, таинственная тѣнь покрываетъ каждый предметъ; слабыя очертанія башни и палаццо выглядываютъ изъ тьмы; какой-то странный, туманный сумракъ одѣваетъ всю сцену. Въ воздухѣ такъ тихо, что стукъ отворяющагося окна или паденіе камня въ воду доносятся черезъ озеро и голоса выходятъ изъ таинственнаго полусвѣта, производя удивительный эффектъ.

На террасѣ, высоко поднимающейся надъ озеромъ и покрытой густыми фиговыми деревьями и кактусами, ходитъ какой-то джентльменъ; онъ вдыхаетъ въ себя утренній воздухъ, какъ будто желая, чтобы здоровье проникло во всѣ его поры.

Ничто въ его наружности не показываетъ человѣка больного; каждый жестъ его обнаруживаетъ скорѣе сознательное чувство здоровья и силы. Онъ нѣсколько выше средняго роста, плотно, но не массивно сложенъ и очень трудно угадать его лѣта, потому что хотя его волосы и широкіе бакенбарды, сходящіеся подъ подбородкомъ, совершенно бѣлы, но свѣтлоголубые глаза и правильные зубы не даютъ никакихъ признаковъ старости. Странно сказать — характеръ этой загадочной личности обличается одеждой.

Плотно пригнанное платье, остроконечная шляпа, и фасонистые панталоны, все говоритъ о модѣ, которая предшествовала нашему свободному и небрежному платью, потому что виконтъ Лак-

кингтонъ былъ щеголь того времени, когда пальто еще были неизвѣстны.

Не смотря на ранній часъ дня, его одежда была изящна во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и тщательныя складки его безукоризненнаго галстуха и блескъ его сапогъ сдѣлали бы честь Бонд-Стриту въ тѣ времена, когда эта улица славилась блистательными произведеніями моды. Пусть наши новѣйшіе критики подсмѣиваются сколько угодно надъ дендизмомъ того времени; тогдашній джентльменъ былъ очень характерною личностью и,— въ темномъ цвѣтѣ своего платья, въ его изысканной простотѣ, а въ особенности, въ его неизмѣнномъ однообразіи, уничтожалъ всѣ попытки уличныхъ подражателей.

Исторія наша открывается нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Лордъ Лаккингтонъ былъ тогда однимъ изъ очень немногихъ людей, которые въ своемъ костюмѣ хранили преданіе прежняго фасонистаго времени; но онъ держался этихъ преданій съ такою непогрѣшимою точностью, что люди рѣшительно изумлялись, гдѣ дѣлаются эти необыкновенныя шляпы, или какимъ образомъ могутъ быть выкроены эти платья, не имѣющія ни малѣйшихъ складокъ. Все, даже до духовъ его носового платка, въ высшей степени нѣжныхъ и неуловимыхъ, было тайною, которую никто не въ состояніи былъ открыть.

Смотря на ландшафтъ сквозь свое двойное стеклышко, онъ улыбался граціозно и ласково, и слегка наклонялъ голову, какъ будто говоря: Вы очень хороши, вода и горы; я совершенно доволенъ вами, деревья; право, вы мнѣ очень нравитесь; брызгай, фонтанъ, — картина отъ этого выигрываетъ еще больше. Однако же вниманіе милорда скоро обратилось отъ неодушевленныхъ предметовъ сцены къ людямъ. Мѣсто, которое онъ избралъ для наслажденія видами природы, было обыкновенно посѣщаемо другими паціентами водолечебнаго заведенія во время ихъ утреннихъ прогулокъ; и это обстоятельство позволяло ему принимать знаки уваженія отъ тѣхъ изъ нихъ, которые, вставая рано, любили соединять дѣло леченія съ ласковымъ вниманіемъ великаго человѣка.

Гидропатія такъ же какъ и бѣдность заставляетъ насъ дѣлать странныя знакомства. Заведеніе, о которомъ мы говоримъ, возникло еще слишкомъ недавно для того, чтобы пріобрѣсти особенную славу; но все же оно было довольно многолюдно. Тамъ было множество итальянцевъ третьяго разряда, изъ ломбардскихъ городовъ и мѣстечекъ, множество французовъ низшаго сорта, нѣсколько

англичанъ, одинъ или два американца и одно ирландское семейство, заѣхавшее туда по пути въ Италію. Оно проживало тамъ скорѣе ради экономіи, чѣмъ ради здоровья, и воображало, что пріобрѣтетъ черезъ это привычки и манеры, которыя могутъ ему пригодиться зимою.

Первою фигурой, которая показалась на площадкѣ, былъ человѣкъ такъ плотно закутанный въ пальто, фуражку и шерстяной пледъ, что было трудно угадать что̀ это за особа. Онъ подвигался впередъ переваливающейся рысцой и готовъ былъ уже пройдти мимо, не смотря въ сторону, когда лордъ Лаккингтонъ остановилъ его.

— А! Спайсеръ, отдѣлались ли вы отъ лишнихъ одиннадцати фунтовъ.

— Нѣтъ еще, милордъ, но уже близокъ къ тому.

— Такъ бѣгите и не теряйте своей дрессировки, — сказалъ милордъ, отпуская его ласковымъ движеніемъ руки; Спайсеръ сдѣлалъ попытку поклониться и пошелъ далѣе.

— Madame la Marquise, — вашъ слуга; вы всходите на эти горныя крутизны, какъ серна.

Этотъ комплиментъ былъ обращенъ къ маленькой, очень толстой старой дамѣ, которая шла, пыхтя какъ дельфинъ.

— Benedette Dottore! вскричала она:—онъ требуетъ, чтобы я каждое утро передъ завтракомъ доходила вонъ до того каменнаго креста, а я увѣрена, что отъ этого усилія у меня лопнетъ какой-нибудь кровоносный сосудъ.

Затѣмъ слѣдовали носилки, покрытыя попоною и мѣхомъ; на нихъ сидѣла фигура съ маленькимъ, жолтымъ увядшимъ лицомъ, которой лордъ Лаккингтонъ вѣжливо поклонился, говоря: ваше превосходительство поправляетесь съ каждымъ часомъ.

Его превосходительство отвѣчалъ отрывистымъ наклоненіемъ головы и слабою улыбкою, глотнулъ изъ серебряной фляжки, поданной ему слугою, и исчезъ.

— А, прекрасныя сестры-сирены! Какое очаровательное видѣніе, — сказалъ милордъ, когда двѣ дѣвушки съ румяными щечками и смѣющимися глазками появились на террассѣ, дыша здоровьемъ и веселостью.

— Молли, какъ тебѣ не стыдно! — вскричала та, которая казалась постарше, дѣвушка лѣтъ девятнадцати, когда младшая, придерживая свое платье обѣими руками, сдѣлала что-то въ родѣ танцовальнаго реверанса виконту, на что тотъ отвѣчалъ по

кономъ, который сдѣлалъ бы честь какому-нибудь версальскому придворному.

— Превосходно выполнено! воплощенная грація и изящество. Только ножку немного, чуть-чуть еще впередъ.

— Именно потому, что вы хотите взглянуть на нее, — вскричала дѣвушка, смѣясь.

— Молли, Молли, вскричала ея сестра съ упрекомъ.

— Пусть онъ опровергнетъ это, если можетъ, Люси, — возразила первая;—но вотъ идетъ папа.

Этотъ папа былъ человѣкъ небольшого роста, съ цвѣтущимъ лицомъ и квадратнымъ станомъ, онъ шелъ впередъ пыхтя и обмахивая свою лысую голову соломенною шляпой.

— Милордъ, вашъ покорнѣйшій слуга, — сказалъ онъ съ несомнѣннымъ ирландскимъ акцентомъ.

— О'Рейли, очень радъ васъ видѣть. Ваши очаровательныя дочери сію минуту развеселили меня и помирили со всѣмъ міромъ. Какое очаровательное это мѣсто!

Хотя протянутая рука милорда указывала на ландшафтъ, но его глаза все еще были устремлены на прекрасныя черты смѣющейся дѣвушки, которая стояла возлѣ него.

— Это похоже на Бантри, — сказалъ мистеръ О'Рейли; это настоящее Бантри.

— Право! — воскликнулъ милордъ, все еще не сводя пытливыхъ взоровъ съ лица дѣвушки.

— Только Бантри больше и обширнѣе; даже можно сказать, прекраснѣе.

— На мой вкусъ ничто не можетъ превзойдти этого! — сказалъ милордъ съ значительною улыбкой, обращенной къ молодой дѣвушкѣ.

— Я рада, что вы такъ думаете, сказала она съ веселымъ смѣхомъ, и сдѣлавъ пируэтъ, запрыгала вверхъ по крутымъ ступенямъ скалистой тропинки и исчезла. Ея сестра быстро слѣдовала за нею и мистеръ О'Рейли остался одинъ съ милордомъ.

— Какія кучи денегъ они бросили здѣсь, воскликнулъ О'Рейли, глядя на лабиринтъ нелѣпыхъ развалинъ, сельскихъ мостовъ и висячихъ садовъ, виднѣвшихся со всѣхъ сторонъ.

— Да, огромныя суммы, очень большія суммы, — подтвердилъ милордъ, котораго мысли были очевидно заняты чѣмъ-то другимъ.

— Чисто брошенныя деньги, вотъ и все; имѣніе никогда не

въ состоянiи вознаградить этихъ издержекъ. Виноградники и фиговыя деревья! да по моему лучше бы ужь нива овса.

— Признаюсь, я имѣю слабость къ живописному,—возразилъ милордъ, все еще слѣдя за удалявшимися фигурами дѣвушекъ.

— Я тоже люблю водопады и бесѣдки, — сказалъ О'Рейли, какъ будто признаваясь въ подобной слабости съ своей стороны.

— Вы еще въ первый разъ за границей, О'Рейли? спросилъ милордъ, чтобы перемѣнить предметъ разговора.

— Да, милордъ, въ первый, и если угодно будетъ Богу, послѣднiй! Когда, два года тому назадъ, я схоронилъ жену, умершую отъ болѣзни, которая сбила съ толку всѣхъ докторовъ...

— О да, вы говорили мнѣ объ этомъ; въ самомъ дѣлѣ это очень странно.

— Потому что болѣзнь была не въ самомъ сердцѣ, а въ сумкѣ, въ которой оно находится.

— Да, я совершенно припоминаю это объясненiе. Ну и вы отправились за границу для нѣкотораго развлеченiя.

— Развлеченiе, нечего сказать! Это слово какъ разъ сюда подходитъ, прервалъ мистеръ О'Рейли съ жаромъ. Я чувствую себя совершенно отуманеннымъ и по незнанiю языка, и по множеству расходовъ, а онѣ говорятъ мнѣ: вы привыкнете къ этому папа́, душечка, вы будете совершенно какъ дома. Но развѣ возможно?

Все-таки, ради своихъ очаровательныхъ дочерей, — сказалъ милордъ, поглаживая свои бакенбарды и поправляя галстухъ, какъ будто готовясь къ предстоящей побѣдѣ — ради нихъ, О'Рейли, вы сдѣлали очень хорошо.

— Положимъ, — я очень радъ слышать отъ васъ такое мнѣнiе, милордъ. Никто не можетъ знать этого лучше,—отвѣчалъ О'Рейли съ тяжелымъ вздохомъ.

— Онѣ, право, заслуживаютъ развитiя и всѣхъ выгодныхъ сторонъ, которыя... которыя... можетъ доставить имъ это путешествiе!

И милордъ благосклонно улыбнулся, какъ будто предлагая свое собственное участiе въ воспитанiи дѣвушекъ.

— Мнѣ говорили слѣдующее, — сказалъ О'Рейли, понизивъ голосъ до степени самаго конфиденцiальнаго шопота: «Не держите ихъ здѣсь, въ Аббатствѣ Марiи, а возьмите ихъ туда гдѣ онѣ могли бы видѣть жизнь. Вы можете дать имъ сорокъ тысячъ фунтовъ, а съ этимъ, и съ ихъ свѣженькою наружностью...

— Красотою, О'Рейли, очаровательною красотою, прервалъ милордъ.

— Да, онѣ красивы, сказалъ О'Рейли съ откровеннымъ удовольствіемъ, и именно поэтому я счелъ совѣтъ хорошимъ. «Возьмите ихъ за границу, сказали мнѣ, везите ихъ въ Германію и Италію — въ особенности въ Италію — потому что для окончательнаго воспитанія молодыхъ дѣвицъ ни одна страна не можетъ съ нею сравниться.

— Да, это общее убѣжденіе! сказалъ милордъ, съ едва замѣтнымъ движеніемъ нижней губы.

И вотъ мы здѣсь, но куда мы поѣдемъ послѣ, и что мы будемъ дѣлать тамъ—это можетъ быть, знаетъ нашъ мошенникъ — курьеръ, только не я.

— И такъ вы оставили свою торговлю, О'Рейли, и рѣшились предаться беззаботной жизни, — сказалъ милордъ съ улыбкой, которая повидимому выражала одобреніе подобному плану.

— Именно, милордъ; но будетъ ли это жизнь удовольствія — не знаю. Я тридцать лѣтъ торговалъ съѣстными припасами, и сильно чувствую, что мнѣ теперь недостаетъ чего-то.

— Каждый человѣкъ испытываетъ подобное чувство. Я старый космополитъ, и однако же по временамъ тоскую по окну у Брукса и по уютной обѣденной комнатѣ у Будля.

— Безъ сомнѣнія, милордъ, — подтвердилъ О'Рейли, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ находятся эти мѣстности и могъ предполагать ихъ пожалуй хоть въ Китаѣ.

— А, Твиннингъ! никакъ не думалъ видѣть васъ здѣсь, — вскричалъ милордъ какому-то необыкновенно высокому господину, который шелъ впередъ съ такими неловкими кривляньями рукъ и ногъ, что казалось, будто онъ борется съ кѣмъ-то. Мистеръ О'Рейли скромно стушевался, между тѣмъ какъ пріятели подали другъ другу руки. Тѣмъ же случаемъ воспользуемся и мы, чтобы представить новую личность нашимъ читателямъ.

Мистеръ Аддерлей Твиннингъ былъ джентльменъ хорошей фамиліи, и съ очень большимъ состояніемъ. Его особенное удовольствіе состояло въ томъ, чтобы слыть въ свѣтѣ за веселаго и безпечнаго человѣка съ небольшими средствами, но въ высшей степени щедраго, за человѣка, находящагося въ постоянной борьбѣ между самыми расточительными наклонностями и тощимъ кошелькомъ. Его радушіе было безгранично, его вѣжливость была самая утонченная, и такъ какъ онъ былъ въ высшей степени щедръ на поруки въ настоящемъ и обѣщанія въ будущемъ,

то онъ пріобрѣлъ популярность, которая, по его собственному мнѣнію, была огромна. Въ самомъ дѣлѣ это было единственнымъ самообольщеніемъ его очень хитрой натуры и вѣра въ то, что онъ — всеобщій фаворитъ, казалась единственною ошибкой его проницательнаго ума. Хотя онъ былъ женатъ, но, по его собственнымъ словамъ, съ леди Грэсъ постоянно случалось какое-нибудь «препятствіе», такъ что ихъ рѣдко видали вмѣстѣ. Въ отсутствіи, онъ всегда говорилъ о ней въ выраженіяхъ самой горячей привязанности, но прибавлялъ, что ея здоровье, или расположеніе духа, или вкусы или обязанности, къ несчастью, мѣшали ей путешествовать съ нимъ. Когда же имъ случалось быть вдвоемъ, то онъ едва напоминалъ о ней.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ васъ сюда, Твиннингъ?— сказалъ милордъ, въ восторгѣ отъ неожиданной встрѣчи съ человѣкомъ своего круга.

— Здоровье, милордъ, здоровье, — а также нѣкоторый припадокъ экономіи, — отвѣчалъ тотъ съ улыбкой, которая у него всегда была готова, какъ будто все что онъ говорилъ или дѣлалъ имѣло въ себѣ какую нибудь комическую сторону, которая его забавляла.

— Что за пустяки вы говорите, Твиннингъ. Чьи обстоятельства лучше вашихъ? — сказалъ лордъ Лаккингтонъ съ тою особенною горечью, съ какою человѣкъ стѣсненный въ своихъ денежныхъ средствахъ слушаетъ жалобный ропотъ богача.

— Я былъ бы слишкомъ счастливъ, милордъ, я былъ бы въ восторгѣ, если бы вы не ошибались. Отличныя новости для меня— не правда ли? превосходныя новости! — И онъ ударилъ своими длинными пальцами по своимъ тощимъ ногамъ и захохоталъ.

— Полно, полно, мы всѣ знаемъ, что — не говоря уже о вашемъ собственномъ чертовски хорошемъ состояніи — вы получили имѣніе Рекслей и Дорсетширское помѣстье стараго Пуля. Каждый разъ какъ я открываю какую-нибудь газету, я непремѣнно узнаю, что вы дѣлаетесь чьимъ нибудь полнымъ наслѣдникомъ.

— Я торжественно увѣряю васъ, милордъ, что я дѣйствительно нуждаюсь въ деньгахъ, и просто на просто въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и онъ засмѣялся снова, какъ будто это было въ высшей степени забавно.

— Пустяки, вздоръ! — съ сердцемъ вскричалъ милордъ, начиная терять терпѣніе, и чтобы перемѣнить разговоръ, отрывисто спросилъ:

— А гдѣ вы думаете провести зиму?

— Во Флоренціи, милордъ, или въ Неаполѣ. У насъ есть маленькая норка въ обоихъ мѣстахъ.

«Норка» во Флоренціи была не что иное, какъ роскошный дворецъ на рѣкѣ Арно, а норка въ Неаполѣ — великолѣпная вилла близъ Позилиппо.

— Почему же не въ Римѣ? спросилъ милордъ. Леди Лаккингтонъ и я думаемъ попробовать Рима.

— О, это очень хорошо для васъ, милордъ, но для людей съ ограниченными средствами...

При этихъ словахъ на лицѣ милорда мелькнуло выраженіе, которое подсказало Твиннингу, что онъ заходитъ уже слишкомъ далеко; и потому онъ во время остановился, весело смѣясь.

— Спайсеръ говорилъ мнѣ, — продолжалъ лордъ Лаккингтонъ, — что Флоренція совсѣмъ пуста; туда отправляются только люди втораго и третьяго разбора. Правда ли это?

— Превосходный народъ, отличное общество, очень забавная штука!—сказалъ Твиннингъ, въ припадкѣ веселости.

— Спайсеръ называетъ ихъ «снобсами», а онъ долженъ знать.

— Да, дѣйствительно долженъ знать, милордъ,—лучше всякаго. Превосходно характеризовано, очень мѣтко!

— Онъ опять дрессируетъ себя для скачки, которой никогда не суждено осуществиться, сказалъ милордъ. Въ первый разъ, какъ я только увидѣлъ его — это было въ Лиминатонѣ, онъ выдѣлывалъ эту же самую штуку, принимая горячія ванны, кутаясь въ одѣяла и записывая воображаемыя пари въ маленькую книжку.

— Какъ это хорошо... Отлично! Вы совершенно раскусили его — вы его знаете вполнѣ — вотъ что забавно! Спайсеръ — превосходное созданіе!

— Какимъ образомъ живутъ подобные люди — это для меня непостижимая тайна. Вы натыкаетесь на нихъ вездѣ, въ Баденѣ и Эксѣ лѣтомъ, въ Парижѣ и Вѣнѣ зимою. Если бы они еще были забавные плуты, подобно тому молодцу, котораго я видалъ въ вашемъ домѣ въ Гэмширѣ...

— А, Стоклей, милордъ; рѣдкій малый, настоящій геній! засмѣялся Твиннингъ.

— Да, именно Стоклей. Если бы они были похожи на него то ихъ можно бы еще терпѣть единственно для развлеченія среди деревенской скуки; но этотъ Спайсеръ до такой степени ли-

шонъ всякаго дара забавлять, онъ такъ скученъ и пошлъ, какъ будто имѣетъ десять тысячь годового дохода.

— Какъ это хорошо сказано, отлично сказано! — вскричалъ Твиннингъ въ экстазѣ. И онъ шлепнулъ по своимъ тощимъ членамъ и началъ размахивать своими длинными руками въ порывѣ восторга.

— А кто тутъ есть, Твиннингъ? я разумѣю кого нибудь изъ нашего круга?

— Ни одной души, милордъ; это мѣсто еще не пользуется извѣстностью, и вотъ почему я забрелъ сюда. Здѣсь такъ спокойно, и такъ дешево; вы здѣсь сами назначаете свои условія. Славная штука, превосходная!

— А я пріѣхалъ повидаться съ однимъ дѣловымъ человѣкомъ, сказалъ милордъ съ сильнымъ удареніемъ на словѣ «я». — Онъ не могъ ѣхать дальше на югъ, и потому мы условились свидѣться здѣсь.

— Мнѣ тоже нужно устроить одно дѣло — впрочемъ незначительное, совершенныя пустяки — съ однимъ адвокатомъ, который обѣщалъ пріѣхать сюда въ концѣ мѣсяца, пока мы успѣемъ принять свои ванны, выпить свою воду и проч. И онъ снова засмѣялся, потирая руки.

— Какое счастіе для моей жены — узнать, что леди Грэсъ находится здѣсь! Это мѣсто ей стало такъ надоѣдать — т. е. не столько мѣсто, какъ этотъ противный народъ — что она, какъ я подозрѣваю, готова была оставить меня одного дожидаться Дённа.

— Дённа! не Дэвенпорта ли Дённа? вскричалъ Твиннингъ.

— Именно; а вы его знаете?

— Разумѣется; его то я и жду. Славная штука, не правда ли? — И онъ снова хлопнулъ рукой по ногамъ, и нѣсколько разъ повторилъ имя Дённа.

— Мнѣ нужно бы кое-что разузнать объ этомъ мистерѣ Дённѣ, сказалъ лордъ Лаккингтонъ конфиденціально.

— И мнѣ тоже, вскричалъ Твиннингъ. — Всегда одинъ и тотъ же отзывъ: способный малый... удивительный человѣкъ... знаетъ все... знакомъ со всѣми. — Очень интересно!

— Кажется, онъ занимаетъ очень видное положеніе въ Ирландіи, — сказалъ лордъ Лаккингтонъ, дѣлая на послѣднемъ словѣ особенное удареніе, которое показывало, что извѣстность въ подобной странѣ не составляетъ еще первостепенной репутаціи.

— Да, да, онъ — тамошняя знаменитость; дѣлаетъ, что ему угодно; пользуется популярностью — громадною популярностью сказалъ Твинингъ, продолжая смѣяться.

— Значитъ, вы знаете о немъ не болѣе того, что говоритъ молва, не болѣе, чѣмъ сколько знаю я самъ — замѣтилъ милордъ.

— Даже менѣе васъ; я увѣренъ въ этомъ, — сказалъ Твинингъ, какъ будто считая неприличнымъ знать столько же, сколько знаетъ милордъ. — Притомъ мои дѣла такъ ничтожны, что это рѣшительно любезность съ его стороны — заниматься ими. Сущіе пустяки, не больше!

И Твинингъ былъ почти внѣ себя отъ восторга, который внушали ему послѣднія слова.

— Мои дѣла, — сказалъ лордъ Лаккингтонъ надменно, — довольно важны и стоятъ того, чтобъ ему пріѣхать сюда, за добрую тысячу миль отъ Англіи; и онъ хорошо это знаетъ.

— Я совершенно убѣжденъ въ этомъ — даже готовъ сознаться, — сказалъ Твинингъ съ жаромъ.

— Вотъ идетъ толпа невыносимыхъ надоѣдалъ, — сказалъ милордъ брюзгливо, когда послышались шаги нѣсколькихъ человѣкъ. Онъ попалъ на нить размышленій, которыя повидимому мучили его, и не былъ расположенъ встрѣчаться съ чужими; поэтому наскоро простившись съ Твинингомъ, лордъ своротилъ на какую-то тропинку и исчезъ.

— Твинингъ смотрѣлъ ему вслѣдъ двѣ или три секунды и потомъ, ударивъ себя по ногамъ, весело пробормоталъ: «Вотъ-то забавно!» и повернулъ къ дому.

ГЛАВА II.

О томъ, какъ двѣ «изящныя леди» проводятъ утро.

Въ комнатѣ умѣренныхъ размѣровъ, которой мебель состояла частью изъ убранства минувшихъ временъ, а частью изъ предметовъ новѣйшаго комфорта и представлявшей нѣчто среднее между королевскимъ жилищемъ и водолечебнымъ заведеніемъ,

сидѣли двѣ дамы у открытаго окна, выходившаго на небольшую террассу надъ озеромъ. Едвали во всей Европѣ можно было найдти видъ болѣе очаровательный, чѣмъ тотъ, который открывался передъ ними. Заключенное, точно въ рамѣ, между снѣжными Альпами и лѣсистыми горами Бріанцы, лежало озеро; берега его представляли безпрерывный рядъ прекрасныхъ виллъ, которыхъ сады спускались къ самымъ водамъ его. Хотя солнце стояло высоко, но большія горы бросали свою тѣнь до половины озера и — въ темной глубинѣ этой тѣни — башни и скалы, зубчатыя стѣны и пропасти странно перемѣшивались между собою, придавая картинѣ какую-то таинственную грандіозность, составлявшую рѣзкій контрастъ съ яркою дѣйствительностью противоположнаго берега, гдѣ плоды и цвѣты, свѣтлые обои, виднѣвшіеся сквозь окна и развѣвающіяся знамена придавали блестящій колоритъ сценѣ.

Большія лодки съ бѣлыми парусами тихо скользили по озеру, нагруженныя арбузами и огородными овощами; золотые плоды грѣлись на солнцѣ и отражались въ водѣ, чуть подернутой легкою зыбью; также пѣнье лодочниковъ нѣжно и томно волнуясь въ воздухѣ, встрѣчало отголоски на берегу, гдѣ все было повидимому погружено въ сладострастную дремоту.

Двѣ дамы, о которыхъ мы заговорили, были безстрастными зрительницами сцены. Ничто не пробуждало блеска въ ихъ глазахъ и не вызывало болѣе сильнаго румянца на ихъ щеки. Одна изъ нихъ была уже довольно пожилая, но въ чертахъ ея сохранилось много слѣдовъ красоты, и ея видъ показывалъ долговременную, образовавшуюся въ теченіе цѣлой жизни, привычку къ почету и уваженію. Въ ея непринужденной, небрежной позѣ и въ великолѣпномъ платьѣ было что-то, внушавшее мысль, что леди Лаккингтонъ все еще хотѣла казаться граціозной и даже роскошной, хотя передъ ней не было никого, кто бы могъ удивляться этой граціи и этой роскоши; ея собесѣдница была нѣсколькими годами моложе, но вслѣдствіе слабости здоровья казалась почти однихъ съ нею лѣтъ. Она тоже была красива, но это была красота въ такой степени зависѣвшая отъ цвѣта лица и румянца щекъ, что въ дни ея болѣзни почти совершенно исчезала. Все въ ней—и тихій нѣжный голосъ, и тяжело поднятыя вѣки, и прекрасныя руки съ синими жилками, и даже положеніе головы, задумчиво выдавшейся впередъ — было протестомъ женщины, которая проситъ симпатіи и состраданія, и кото-

рая, основательно или нѣтъ, питаетъ твердое убѣжденіе, что она самое несчастное созданіе въ мірѣ.

Если онѣ не были соединены между собою большимъ сходствомъ наклонностей, то между ними существовала другая, столь же сильная, связь. Обѣ онѣ были англичанки одного и того же круга, рожденныя и воспитанныя въ правилахъ кодекса, предписывающаго свои собственныя понятія о добрѣ и злѣ, о правѣ и неправѣ, о благовоспитанности и вульгарности, о богатствѣ и бѣдности. Если бы ихъ спросить о какомъ-нибудь лицѣ въ обществѣ, или о какомъ нибудь данномъ событіи въ ихъ жизни, то ихъ мнѣнія навѣрно оказались бы совершенно сходными. Для нихъ обѣихъ свѣтъ представлялъ одинъ и тотъ же видъ, по той простой причинѣ, что онѣ смотрягъ на него всегда съ одной и той же точки зрѣнія. Онѣ встрѣчались не часто, иногда по цѣлымъ годамъ не видались другъ съ другомъ; но сословное франкмасонство замѣняло для нихъ любовь и онѣ были привязаны и довѣрчивы одна къ другой, какъ будто онѣ были сестрами.

— Я должна сказать,— замѣтила виконтесса тономъ глубокаго порицанія, — я должна сказать, что это оскорбительно, что это позорно; на вашемъ мѣстѣ я не перенесла бы этого.

— Я такъ уже пріучена къ горю,—вздохнула леди Грэсъ...

— Что вы наконецъ упадете подъ его тяжестью, моя милая, если жестокостямъ этого человѣка не будетъ положенъ конецъ. Позвольте мнѣ поговорить съ Лаккингтономъ.

— Это ни къ чему не послужитъ, увѣряю васъ. Во первыхъ, мой мужъ умѣетъ представиться въ такомъ благовидномъ свѣтѣ, онъ убѣдитъ кого угодно, что нѣтъ никакого повода къ жалобамъ, что онъ живетъ по состоянію, что его средства дѣйствительно скудны; а во вторыхъ, онъ надаетъ столько ручательствъ за будущее, столько обезпеченій, что не повѣрить ихъ искренности—будетъ просто грубостью.

— Зачѣмъ вы вышли за него, моя милая?—сказала леди Лаккингтонъ съ легкимъ вздохомъ.

— Я вышла за него на зло Ридоуту. Мы поссорились съ нимъ на этомъ праздникѣ въ Чизвикѣ, на праздникѣ Толлертина, вы помните. Ридоутъ былъ бѣденъ и чувствовалъ свою бѣдность; я призналась ему, что я ни мало не презираю богатства и думаю, что и Бельгрэвъ-Скверъ, и опера, и брильянты—вещи очень хорошія. Джэкъ сказалъ мнѣ на это: «Въ такомъ случаѣ вотъ для васъ женихъ. Твиннингъ имѣетъ двадцать тысячь годового до-

хода.» «Но онъ не просилъ моей руки,»—возразила я смѣясь. Ридоутъ отошелъ прочь, не сказавъ ни слова. Черезъ полчаса послѣ того, м-ръ Аддерлей Твиннингъ формально сдѣлалъ мнѣ предложеніе и былъ принятъ.

— А Джекъ Ридоутъ теперь маркизъ Оллертонъ, — замѣтила виконтесса.

— Я знаю это! воскликнула ея собесѣдница съ горестью.

— И имѣетъ сорокъ тысячъ въ годъ.

— Знаю! снова вскричала та.

— И прекраснѣйшій домъ и превосходнѣйшій паркъ въ Англіи.

Леди Грэсъ заплакала и закрыла лицо руками.

— Въ этихъ вещахъ есть судьба, моя милая, — сказала леди Лаккингтонъ и легкая блѣдность покрыла ея щеки. Вотъ все, что мы можемъ сказать о нихъ.

— Что сдѣлали вы съ этимъ очаровательнымъ имѣніемъ въ Гэмширѣ?

— Съ Дингли? Оно отдано въ наемъ лорду Мэплею.

— У васъ былъ еще домъ въ Сент-Джемсъ-Скверѣ!

— Тамъ теперь помѣщается отель Бёрриджа.

Леди Лаккингтонъ нѣсколько секундъ обмахивала вѣеромъ свое смуглое лицо, и потомъ спросила: — А какимъ образомъ вы пріѣхали сюда?

— Мы увидѣли—т. е. Твиннингъ увидѣлъ—въ Galignani объявленіе объ этомъ новомъ лечебномъ заведеніи. Только-что пріѣхавши въ Люттихъ, мы тамъ нашли веттурино, возвращавшагося въ Миланъ въ пустой повозкѣ. Твиннингъ уговорилъ его взять насъ сюда—не помню за какую сумму—и такъ мы оставили свой экипажъ и половину моихъ вещей въ отелѣ и отправились въ наше трехнедѣльное путешествіе. Да, мы три недѣли безъ двухъ только дней были въ дорогѣ! Моя горничная, разумѣется, отказалась путешествовать такимъ образомъ и воротилась въ Парижъ Курсель, собственный слуга его тоже взбунтовался, чему Твиннингъ повидимому чрезвычайно обрадовался и далъ ему вслѣдствіе этого такую аттестацію, о какой ему и во снѣ не грезилось. И такъ мы отправились съ лакеемъ Джорджемъ и одною бельгійскою тварью, которую я захватила въ отелѣ и которая умѣетъ только рвать мнѣ волосы, приглаживая ихъ щеткой и мять мнѣ бока, застегивая платье.

— И вы дѣйствительно сдѣлали весь этотъ путь съ веттурино?

Леди Грэсъ грустно кивнула головой въ знакъ подтвержденія и глубоко вздохнула.

— Кчему онъ дѣлаетъ это, моя милая? Онъ, должно быть, имѣетъ какой нибудь скрытый, коварный замыселъ; какъ вы думаете?

— Мнѣ тоже по временамъ приходитъ это на мысль,—грустно отвѣчала леди Грэсъ. Въ эту минуту глаза ихъ встрѣтились и онѣ пристально смотрѣли другъ на друга нѣсколько секундъ. Неизвѣстно въ чемъ состояли тайныя мысли леди Грэсъ и что могли выражать темные проницательные глаза ея собесѣдницы, только она покраснѣла до того, что ея щеки сдѣлались малиновыми и когда она встала и вышла на террассу, то ея шея пылала отъ волненія.

— Онъ остался не женатымъ? спросила леди Лаккингтонъ.

— Да!—отвѣчала леди Грэсъ, не поворачивая головы, и съ обѣихъ сторонъ наступило молчаніе.

Боже мой! какая значительная часть правдивой исторіи нашей жизни проходитъ безъ выраженія, какая большая доля тайнаго механизма нашихъ сердецъ движется безъ звука!

— Бѣдняжка! сказала наконецъ леди Лаккингтонъ,—его участь такъ же печальна, какъ ваша. Я хочу сказать, прибавила она, что онъ такъ чувствуетъ.

На эти слова не послѣдовало никакого отвѣта и леди Лаккингтонъ продолжала.

— Но мужчины обыкновенно смотрятъ на эти вещи довольно легко. У нихъ есть клубы, парламентъ, охота. Не больны ли вы, моя дорогая? — вскричала она, когда леди Грэсъ пошатываясь отступила назадъ и опустилась на стулъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала та слабымъ голосомъ. — Я только устала. И въ тонѣ ея голоса слышалась невыразимая меланхолія.

— Я тоже утомлена, — сказала леди Лаккингтонъ съ выраженіемъ скуки. Въ рутинѣ этихъ мѣстъ господствуетъ какая-то невыносимая тираннія, — часы, дисциплина, діэта и—что хуже всего—пренепріятные люди, съ которыми приходится встрѣчаться. Хотя леди Грэсъ повидимому слушала не очень внимательно, но говорившая любила распространяться на эту тему и потому она продолжала съ полною свободою разсуждать о домѣ и его обитателяхъ. Французы, русскіе, итальянцы—всѣ были подвергнуты осмотру и остроумной критикѣ, пока наконецъ она дошла до «этихъ ужасныхъ О'Рейли, которыхъ милордъ все грозилъ представить ей». Извѣстно, говорила она, какъ заносятся подобные люди, когда они богаты, или знаютъ толкъ въ какой-нибудь спекуляціи—въ родѣ желѣзныхъ дорогъ, разработки минъ и т.

п. и когда каждый ихъ совѣтъ проситъ имъ деньги, какъ напр. этотъ Дэвеппортъ Дённъ...

— О! онъ въ большомъ союзѣ съ мистеромъ Твиннингомъ; по-крайней мѣрѣ я слышала сто разъ его имя въ связи съ дѣловыми предметами.

— Вы никогда не видали его?

— Нѣтъ.

— А я видѣла только одинъ разъ, но признаюсь мнѣ нѣсколько любопытно познакомиться съ нимъ. Я слышала, что онъ полный хозяинъ въ обѣихъ палатахъ парламента и имѣетъ не малое вліяніе и въ болѣе высокихъ сферахъ. Извѣстно навѣрное, что онъ поправилъ дѣла стараго герцога Уайкомба и что билль о разводѣ леди Медльтонъ прошолъ вслѣдствіе его голоса.

Слово «разводъ» казалось вызвало леди Грэсъ изъ задумчивости и она спросила: «это вѣрно?»

— Юлія сама это говоритъ, вотъ и все. Онъ выхлопоталъ билль, или актъ или условіе или другое что — назовите какъ угодно, — посредствомъ котораго она выиграла свой прецессъ, и теперь такъ свободна... такъ свободна...

— Какъ связана я! — прервала леди Грэсъ, дѣлая грустное усиліе улыбнуться.

— Правда, дѣло не обошлось безъ нѣкотораго скандала. Говорятъ, старый лордъ Брукдэль былъ къ ней очень неравнодушенъ.

— Канцлеръ! — вскричала леди Грэсъ.

— Почему же нѣтъ, моя милая? Вы помните старую пѣсню: «Ни лѣта, ни состоянье... какъ тамъ дальше? А слѣдующіе стихи: «передъ царственной красою люди падаютъ во прахъ». Юлія сама порядочно гордится своимъ тріумфомъ; она говоритъ, что это похоже на какую-нибудь побѣду въ Китаѣ, гдѣ опасность очень не велика, а добыча значительна!

— Мистръ Спайсеръ, миледи, — сказалъ слуга, входя въ комнату, — желаетъ знать, угодно ли вамъ принять его.

— Въ это утро — нѣтъ; скажи, что я теперь занята. Скажи ему... Но можетъ быть вы не имѣете никакого возраженія... принять ли его?

— Какъ вамъ угодно. Я его не знаю.

— Леди Лаккингтонъ шепнула два или три слова и потомъ громко прибавила: И ихъ всегда находятъ «полезными», моя милая!

Мистеръ Спайсеръ безъ пальто, фуражки и шерстяного пледа, въ которыхъ мы его недавно видѣли, оказывался человѣкомъ

слабаго сложенія, средняго роста и среднихъ лѣтъ, съ наружностью въ достаточной степени джентльменскою, чтобы выдержать смотръ во всякомъ рядовомъ обществѣ. Заимствуя примѣръ изъ круга его занятій, мы можемъ сказать, что онъ находился къ человѣку большаго свѣта въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится обыкновенная скаковая лошадь къ скакуну лорда Дерби, выигравшему призъ. Т. е. для неопытнаго глаза въ нихъ есть повидимому какое-то сходство; и совершенно такъ же какъ обыкновенная лошадь подражаетъ кровному скакуну въ какой-то небрежной неловкости шага и въ неуклюжихъ примѣтахъ силы, такъ и Спайсеръ, казалось, обладалъ нѣсколькими чертами того круга, въ которомъ его только терпѣли, и подражалъ ему въ нѣкоторыхъ незамысловатыхъ «внѣшностяхъ». Но языкъ всякой профессіи служитъ великимъ уравнителемъ, и будетъ ли то нарѣчіе палаты, Вестминстера—Гола, медицинской коллегіи, или Конскаго бѣга,—съ перваго раза чрезвычайно трудно отличить дѣйствительнаго члена профессіи отъ простаго претендента на это званіе. Спайсеръ былъ тѣмъ, что называется «Gentleman Rider», благородный ѣздокъ, и владѣлъ жаргономъ своего ремесла, который болѣе или менѣе есть также жаргонъ людей, вращающихся совсѣмъ въ другой сферѣ.

Какъ большіе поземельные собственники съ честолюбивыми наклонностями предоставляютъ мѣсто въ парламентѣ какому нибудь человѣку съ огромными способностями и небольшимъ состояніемъ, такъ нѣкоторыя знаменитости конскаго бѣга поступили съ Спайсеромъ и, давъ ему случай имѣть сношенія съ людьми, получили возможность воспользоваться его способностями. И такъ мистеръ Спайсеръ засѣдалъ въ великомъ парламентѣ конскаго бѣга, и хотя онъ былъ такъ сказать, членомъ отъ очень маленькаго и неизвѣстнаго мѣстечка, однако же имѣлъ свое собственное мѣсто и «былъ всегда готовъ явиться по первому призыву».

— Какъ поживаете, Спайсеръ?—сказала леди Лаккингтонъ, поправляя складки своего платья и показывая этимъ дѣйствіемъ, чтобы онъ не обольщался надеждою прикоснуться къ ея рукѣ.

— Милордъ сказалъ мнѣ, что вы здѣсь.

Спайсеръ поклонился, забормотавъ что-то, и сдѣлалъ видъ будто онъ желаетъ быть представленнымъ другой дамѣ, находившейся въ комнатѣ; но леди Лаккингтонъ не имѣла ни малѣйшаго намѣренія оказать ему подобный знакъ уваженія, и на нѣмую

просьбу, выражавшуюся въ чертахъ его лица, отвѣчала сухимъ вопросомъ: «Не хотите-ли сѣсть?»

Мистеръ Спайсеръ сѣлъ и, говоря правду, его поза не выражала слишкомъ большой непринужденности или удовольствія. Не то чтобы онъ не пытался казаться совершенно какъ дома, или принять видъ самаго спокойнаго самообладанія; можетъ быть онъ даже нѣсколько переступилъ границу своей глубокомысленной небрежности, потому что онъ началъ хлопать хлыстикомъ по своимъ сапогамъ съ претензіей на полное равнодушіе.

— Пажалуйста не дѣлайте этого! — сказала леди Лаккингтонъ;—это непріятно!

Онъ пересталъ и за тѣмъ наступило очень неловкое молчаніе, продолжавшееся нѣсколько секундъ; наконецъ она сказала: — Мнѣ о чемъ-то нужно было спросить васъ; не можете ли вы помочь мнѣ припомнить, чтó бы это было.

— Боюсь что нѣтъ, миледи. Не о скачкахъ ли?

— Нѣтъ, нѣтъ; но такъ какъ вы упомянули объ этомъ, то я вамъ скажу кстати, что свѣденіе, которое вы мнѣ сообщили о «Главкусѣ», было ошибочно. Милордъ смѣялся надо мною, что я понопрасну теряю деньги на эту лошадь и сказалъ, что она хуже всѣхъ другихъ.

— Очень жаль, что я расхожусь съ милордомъ во мнѣніяхъ, возразилъ Спайсеръ почтительно; — но она была любимою лошадью до самаго вторника, когда вечеромъ Скоттъ объявилъ, что онъ выигралъ призъ съ *Ригомъ*. Тогда я попробовалъ выиграть четыре противъ одного на Флайкаттерѣ, чтобы уравнять вашу книгу, но конюшня была уже полна.

— Слыхали ль вы подобный жаргонъ, моя милая? сказала леди Лаккингтонъ. — Я увѣрена, что вы не поняли ни слова.

Спайсеръ ухмыльнулся и сдѣлалъ легкое движеніе, готовясь поклониться, какъ будто бы даже это вниманіе къ его словамъ могло дать ему случай отрекомендоваться; но леди Грэсъ встрѣтила эту попытку такимъ изумленнымъ и надменнымъ взглядомъ, который ясно говорилъ: «не смѣйте, сэръ!»

— По крайней мѣрѣ несомнѣнно то,—сказала леди Лаккингтонъ, — что ни одно изъ вашихъ предсказаній не сбылось. Главкусъ проигралъ, и я потеряла триста фунтовъ стер.; только подумайте, душка, триста фунтовъ! вѣдь съ этою суммою можно было бы сдѣлать такъ много хорошихъ вещей!

— Я никогда не подозрѣвала, чтобы вы испытывали судьбу такимъ образомъ, — томно сказала леди Грэсъ.

— Я дѣлаю это очень рѣдко, моя милая. Я думаю, что акціи въ каменноугольныхъ копяхъ или гватемальскія облигаціи лучше. Я пріобрѣла на нихъ очень порядочную сумму два года тому назадъ. Эту мысль мнѣ подалъ Дённъ. Онъ обѣдалъ съ нами въ Виндзорскомъ отелѣ и я просила его заплатить за меня небольшую сумму конторѣ Горовъ и когда я отсчитывала ему деньги, то онъ сказалъ: «Почему бы вамъ не купить нѣсколько Гванахуальскихъ акцій; не пройдетъ мѣсяца, какъ онѣ подымутся до... не помню какую онъ назвалъ цифру. Пусть Сторръ подождетъ и вы потомъ заплатите ему сполна». И онъ былъ совершенно правъ, какъ я уже сказала вамъ; я реализировала около восьми сотъ фунтовъ посредствомъ этой спекуляціи.

— Если бы Главкусъ выигралъ призъ, миледи...

— Не говорите о томъ, что я получила бы, — прервала она. — Это только еще болѣе раздражаетъ. А главное, Спайсеръ, перестаньте объясняться. Терпѣть не могу «объясненій». А теперь, что мнѣ нужно было сказать вамъ? право, *ваша* память кажется совсѣмъ оставила васъ. О чемъ бишь это?

— Не о чалой ли кобылѣ?...

— Да нѣтъ же! Рѣшительно мнѣ приходится убѣждать васъ, что мои мысли не всегда заняты конюшней. Кстати, вы продали моихъ сѣрыхъ упряжныхъ лошадей за безцѣнокъ. Вы всегда говорили мнѣ, что это прекраснѣйшая пара въ Лондонѣ, а теперь говорите, что я необыкновенно счастлива, получивъ за нихъ сто восемьдесятъ фунтовъ.

— Вы забываете, миледи, что этотъ Блумфильдъ — крикнулъ...

— Вы рѣшительно несносны сегодня, Спайсеръ. Подумайте, не имѣете ли вы сказать еще что нибудь непріятное, и скажите ужь за одинъ разъ. Леди Грэсъ совсѣмъ заболѣла отъ вашей болтовни...

— Нѣтъ, я только устала! — вздохнула леди Грэсъ съ меланхолическою улыбкой.

— Теперь я вспомнила, — вскричала леди Лаккингтонъ. — Я хотѣла поговорить съ вами о домѣ во Флоренціи. Не думаю, чтобы мы туда когда нибудь поѣхали, но въ случаѣ если мы тамъ будемъ, мнѣ хотѣлось бы нанять палаццо Цаппони, съ большою террасой надъ Арно; и, замѣтьте хорошенько, тамъ не должно быть никакихъ жильцовъ въ нижнемъ этажѣ; притомъ я не дамъ больше чѣмъ прежде, можетъ быть даже и столько не дамъ. Но въ особенности помните, что если мы рѣшимъ от-

правиться въ Римъ, то наемъ квартиры во Флоренціи нисколько не долженъ меня связывать, и хозяинъ обязанъ устлать большую гостиную новымъ ковромъ; мой маленькій будуаръ долженъ быть обитъ голубыми обоями, а не розовыми. Голубой цвѣтъ отвратителенъ вездѣ кромѣ уборной. Вы сами посмотрите за конюшнями; онѣ требуютъ значительныхъ перемѣнъ; да тамъ есть что-то насчетъ столовой, что-бишь это такое? Впрочемъ лордъ Лаккингтонъ вспомнитъ. Но можетъ быть я надавала вамъ такъ много инструкцій, что онѣ едва могутъ помѣститься въ вашей головѣ?

— Я почти того же мнѣнія, миледи, — пробормоталъ онъ довольно угрюмо.

— Да смотрите, Спайсеръ, чтобы у насъ былъ поваръ Антуанъ, если онъ тамъ понадобится; не позволяйте ему наниматься къ кому нибудь, пока мы не рѣшимъ, гдѣ намъ остановиться на зиму.

— Вы вѣдь знаете, что онъ настаиваетъ на 150 франкахъ въ мѣсяцъ, не считая вина.

— Я желала бы знать на что̀ вы годны, если мнѣ самой приходится вести переговоры сь этими тварями! — надменно сказала леди Лаккингтонъ. — Я думаю, Спайсеръ, леди Грэсъ заподозритъ, что я черезчуръ высоко цѣнила ваши маленькіе таланты. — При этомъ на губахъ леди Грэсъ показалась улыбка, которая могла означать какую угодно сумму одобренія или порицанія. — Мнѣ не нужно теперь сѣдло, и вы можете сказать его хозяину, чтобы онъ взялъ его назадъ.

— Но я боюсь, миледи.

— Перестаньте, не надоѣдайте! Что значитъ этотъ противный колоколъ? А! обѣдъ этихъ тварей. Вы, кажется, обѣдаете за общимъ столомъ, поэтому мы не станемъ васъ удерживать. Вы можете зайдти завтра утромъ. Въ какое бы время? Такъ часа въ два или въ половинѣ третьяго. Прощайте, прощайте!

И Спайсеръ ушелъ. Поклонъ, которымъ удостоила его леди Грэсъ, на самомъ дѣлѣ былъ обращенъ скорѣе къ одной изъ фигуръ, изображенныхъ на ея вѣерѣ, чѣмъ къ нему.

— Къ людямъ этого сорта привыкаешь какъ-то, — сказала леди Лаккингтонъ, когда дверь за Спайсеромъ затворилась; — но право это дурная привычка.

— Я тоже думаю, — томно подтвердила леди Грэсъ.

— Правда, бываютъ иногда случаи, въ которыхъ вы не можете послать слугу. Есть мелкія коммисіи, выполненіе которыхъ

требуетъ нѣкоторой деликатности и вотъ для нихъ-то эти люди полезны. Сверхъ того,—прибавила она съ насмѣшкой,—въ нихъ есть какой-то шикъ, и каждый долженъ имѣть одного такого человѣка, такъ же какъ испанскую собачку и чѣмъ меньше эта собачка, тѣмъ лучше.

— Монсиньоръ Клиффордъ, миледи, проситъ узнать принимаете ли вы, — сказалъ слуга, входя въ комнату.

— О, разумѣется. Я въ восторгѣ, моя дорогая Грэсъ, что могу представить вамъ самаго пріятнаго человѣка въ Римѣ. Онъ англичанинъ, но «обращенный», какъ они называютъ это, и въ настоящее время онъ въ большой милости у папы.

Едва леди Лаккингтонъ успѣла наскоро проговорить эти слова, какъ посѣтитель вошелъ въ комнату. Это былъ высокій, красивый мужчина около тридцати пяти лѣтъ, одѣтый въ черное, съ свѣтлоголубою лентой поверхъ бѣлаго галстуха. Онъ шелъ со всею непринужденностью свѣтскаго человѣка и, взявъ леди Лаккингтонъ за руку, поцѣловалъ кончики ея пальцевъ съ изысканною граціей придворнаго.

Послѣ формальнаго представленія его леди Грэсъ, онъ сѣлъ между двумя дамами.

— Я пріѣхалъ по грустному для *меня* случаю, миледи, — сказалъ онъ какимъ-то особенно глубокимъ и нѣжнымъ голосомъ, въ которомъ чуть-чуть слышался иностранный акцентъ;—именно, я пріѣхалъ проститься.

— Вы рѣшительно поражаете меня, монсиньоръ. Я всегда надѣялась, что вы будете здѣсь во все время нашего пребыванія.

— Я надѣялся и желалъ того же, миледи; но я получилъ предписаніе возвратиться въ Римъ. Его святѣйшеству угодно видѣть меня немедленно. Онъ, кажется, намѣренъ назначить меня нунціемъ во Флоренцію. Разумѣется, это покамѣстъ секретъ. — И онъ поочередно обратился къ обѣимъ дамамъ.

— О, это было бы превосходно,—по крайней мѣрѣ для тѣхъ счастливицъ, которыя могутъ устроить тамъ свою резиденцію, а мой другъ, леди Грэсъ принадлежитъ къ ихъ числу.

Въ знакъ благодарности за такой комплиментъ, монсиньоръ поклонился, но при этомъ не преминулъ бросить взглядъ на свою будущую сосѣдку и, повидимому, остался доволенъ результатомъ своего осмотра.

— Значитъ я должна возвратить вамъ ваши интересныя книги, которыя я еще не успѣла прочесть?

— Нѣтъ, миледи, онѣ принадлежатъ вамъ, если вы окажете

мнѣ честь принять ихъ. Я назвалъ бы ихъ бездѣлицей, если бы предметъ, о которомъ онѣ трактуютъ, не запрещалъ этого эпитета.

— Монсиньоръ настаиваетъ, чтобы я прочла «Споръ», дорогая леди Грэсъ; но какъ я могу продолжать мои занятія безъ его руководства?..

— Мы можемъ переписываться, миледи,—живо прервалъ монсиньоръ. Вы будете излагать мнѣ всякія сомнѣнія — или трудности, это слово можетъ быть, подходитъ сюда лучше — какія могутъ вамъ представиться; и мнѣ будетъ въ высшей степени лестно и пріятно разрѣшать ихъ. И если миледи Грэсъ Твиннингъ удостоитъ принять меня въ томъ же качествѣ...

Она любезно поклонилась, а монсиньоръ продолжалъ:

— Вотъ небольшой трактатъ, написанный кардиналомъ Бальби, подъ заглавіемъ: «Цвѣты св. Іосифа». Слогъ простой, но трогательный, убѣдительность его почти непреодолима.

— Кажется вы говорили мнѣ, что я буду имѣть случай лично познакомиться съ кардиналомъ.

— Его высокопреосвященство очаровательный человѣкъ. Такая доброта, такая кротость и такой первостепенный талантъ пріятнаго разговора.

— Монсиньоръ такъ любезенъ, что обѣщалъ представить насъ въ Римѣ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ такимъ, которыя были до сихъ поръ недоступны для нашихъ соотечественниковъ.

— Напримѣръ, Альтерини, Форсинари, Бальбетти;—гордо произнесъ монсиньоръ.

— Люди крайне исключительные, вотъ видите, — прошептала леди Лаккингтонъ своей пріятельницѣ, — которые не терпятъ англичанъ.

— Какъ это очаровательно! — воскликнула леди Грэсъ съ томнымъ энтузіазмомъ.

— Римская знать, — продолжала леди Лаккингтонъ, — держитъ себя гордо; это единственное общество въ Европѣ, къ которому путешествующій англичанинъ не можетъ получить доступа.

— У нихъ есть еще другіе предразсудки, миледи, если только я имѣю какое-нибудь право назвать этимъ именемъ чувства, внушенныя болѣе возвышенными вліяніями, чѣмъ тѣ, которыя обыкновенно управляютъ обществомъ. Эти предразсудки всѣ клонятся въ пользу тѣхъ, которые смотрятъ на нашу церковь если не съ преданностью вѣрныхъ послѣдователей, то, по край-

ней мѣрѣ, съ уваженіемъ и благоговѣніемъ, принадлежащими по праву первородному чаду христіанства.

— Да, сказала леди Грэсъ, какъ будто не вполнѣ понимая съ чѣмъ именно она соглашается, — потомъ прибавила:

— Признаюсь вамъ, я всегда испытывала какое-то благоговѣніе, чувство... какъ бы это назвать?

— Набожностью, миледи,—благосклонно прошепталъ монсиньоръ, обращая къ ней глаза.

— Именно. Я всегда испытывала это чувство, входя въ какую-нибудь изъ вашихъ церквей; торжественная тишина, полумракъ, смягченныя краски, волнующіеся звуки органа... вы понимаете, чтò я хочу сказать.

— А когда эти ощущенія одухотворяются, — прервалъ монсиньоръ,—когда, возносясь выше чувственныхъ вліяній, они соединяются съ мыслями о томъ, что одно достойно мыслей, съ надеждами на то, чтò одно облагороживаетъ надежду,—то, вообразите, какое святое блаженство, какой небесный восторгъ могутъ они внушить!

Монсиньоръ увлекся своимъ дѣломъ, и очень остроумно изобразилъ преимущества римско-католической религіи, которая такъ прекрасно приноровлена ко всякому темпераменту, которая даетъ такъ много и требуетъ такъ мало, которая не отравляетъ никакихъ удовольствій, не подавляетъ никакихъ наклонностей, но оставляетъ всякое наслажденіе открытымъ, съ обозначеніемъ на немъ цѣны, подобно тому, какъ купцы прикладываютъ ярлычки къ своимъ товарамъ. Онъ много говорилъ также объ ея успокоительныхъ утѣшеніяхъ, объ ея изобрѣтательности въ облегченіи скорьби, объ ея сочувствіи къ бѣдному, страждущему человѣчеству, доходящему до того, что даже капризы, даже причуды воображаемаго горя она не считаетъ недостойными своей благочестивой заботливости.

Сомнительно, чтобы эти дамы почтили какую-нибудь духовную особу своей собственной вѣры тою же самою степенью благосклонности и вниманія, какую теперь онѣ оказывали монсиньору Клиффорду. Можетъ быть его способъ разсужденія о нѣкоторыхъ свойствахъ его церкви былъ болѣе занимателенъ; можетъ быть также онѣ чувствовали нѣчто въ родѣ запрещеннаго удовольствія, проникая такимъ образомъ въ область Римской церкви. Впрочемъ легкая, игривая манера монсиньора уже сама по себѣ была достаточнымъ объясненіемъ интереса, который онъ возбуждалъ. Останавливаясь только мимоходомъ на догматахъ сво-

ей церкви, онъ краснорѣчиво распространялся объ ея украшеніяхъ. Онъ съ восторгомъ говорилъ о ризахъ, эпитрахиляхъ и облаченіяхъ, и въ его описаніи церковнаго церемоніала былъ живописный блескъ, далеко превосходившій самые поразительные оперные «эффекты.» Какъ великолѣпно говорилъ онъ о красотѣ Мадонны, о богатствѣ ея драгоцѣнныхъ камней, о блескѣ ея вѣнца! Какъ, по временамъ, онъ высказывалъ восторженное благоговѣніе къ миловидности, и изящный вкусъ относительно одежды! Словомъ, по общему сознанію обѣихъ слушательницъ, «онъ былъ очарователенъ.» Была какая-то пушистая мягкость въ его энтузіазмѣ, чувство покоя даже въ его настойчивости, пріятное въ особенности для тѣхъ, которые любятъ, чтобы ихъ ощущенія, подобно ихъ духамъ, были слабы и нѣжны какъ только возможно.

— Эти люди обладаютъ тактомъ и деликатностью, которымъ не мѣшало бы поучиться у нихъ нашимъ духовнымъ,—сказала леди Лаккингтонъ, когда дверь затворилась за Клиффордомъ.

— Да, это правда, — вздохнула леди Грэсъ ; — наши просто ужасны.

ГЛАВА III.

Отецъ и дочь.

Скучный вечеръ въ концѣ октября, холодный, рѣдкій дождь, и тихое завываніе вѣтра между обнаженными вѣтвями деревьевъ Мерріонъ-сквера придавали Дублину тотъ грустный и пустынный видъ, который онъ долженъ имѣть въ это время года. Главные обитатели его еще не возвратились на зиму и дома носили на себѣ тотъ меланхолическій отпечатокъ заброшенности и пустоты, который наводитъ такое тягостное уныніе. Только одинъ звукъ пробуждалъ отголоски среди этого безмолвія: громкій стукъ въ дверь одного большого и вычурнаго дома въ серединѣ сѣверной стороны сквера. Двѣ особы довольно долго уже стояли у двери, и изо всѣхъ силъ стучали и звонили, чтобы по-

лучить доступъ. Одною изъ этихъ особъ былъ высокій, прямой мужчина, лѣтъ около пятидесяти, котораго видъ слишкомъ ясно показывалъ тягостную борьбу между бѣдностью и нѣкоторою претензіей. Истертый и изношенный сюртукъ его былъ застегнутъ до верху съ какою-то военною щеголеватостью; оборванная шляпа сидѣла на немъ съ жеманнымъ видомъ; и его густы бакенбарды, тщательно причесанные и завитые, казались чѣмъ-то въ родѣ протеста противъ сужденія, которое можно бы составить о немъ по нѣкоторымъ подробностямъ его туалета. Возлѣ него стояла молодая дѣвушка, такъ на него похожая, что въ ней съ перваго взгляда можно было узнать его дочь, и хотя ея платье обличало очень скудныя средства, но въ спокойныхъ чертахъ и терпѣливомъ выраженіи ея лица было что-то, неопровержимо свидѣтельствовавшее, что она переносила свою участь съ благороднымъ и великодушнымъ мужествомъ.

— Еще одна попытка, Белла—и я перестану,—вскричалъ онъ съ сердцемъ, и схватившись за молотокъ, началъ громко стучать въ крѣпкую дверь, другою рукой зазвонилъ въ колокольчикъ съ такою же силой. Если они не придутъ теперь, такъ это потому, что они видѣли кто это, или, можетъ быть...

— Посмотрите, папа, въ верху отворяется окно,—сказала дѣвушка, отступая отъ двери.

— Что вамъ нужно? не хотите ли вы проломать дверь? вскричалъ грубый голосъ грязной старухи, когда ея изношенное отвратительное лицо выглянуло изъ окна третьяго этажа.

— Мнѣ нужно знать дома-ли мистеръ Дэвенпортъ Дённъ,—закричалъ старикъ.

— Нѣтъ, онъ за границей, во Франціи.

— Когда его ждутъ назадъ? снова спросилъ онъ.

— Можетъ быть черезъ недѣлю, а можетъ быть и черезъ три.

— Получались ли какія-нибудь письма на имя мистера Келлета? капитана Келлета,—прибавилъ онъ, спѣша поправить свою ошибку.

— Нѣтъ!

Голова скрылась и стукъ затворившагося окна прекратилъ разговоръ.

— Это очень убѣдительно, Белла,—сказалъ онъ, пытаясь засмѣяться. Я думаю не къ чему стоять здѣсь дольше. Бѣдное дитя,—прибавилъ онъ, глядя на приготовленія, которыя она сдѣлала противъ бури, — ты промокнешь до костей! Я думаю, мы

должны нанять повозку, да, Белла, я *найму* повозку? И онъ сдѣлалъ на второмъ словѣ удареніе, въ которомъ слышалась твердая рѣшимость.

— Нѣтъ, нѣтъ, папа; никто изъ насъ никогда не боялся дождя.

— И притомъ, клянусь св. Георгіемъ!—онъ не можетъ испортить нашего платья, Белла; — сказалъ онъ съ такимъ шутливымъ смѣхомъ, который, должно быть, звучалъ странно даже для его слуха, потому что онъ поспѣшно прибавилъ:—Но я все-таки *найму* повозку; подожди съ минуту подъ навѣсомъ, а я сойду за нею.

И прежде чѣмъ дочь могла возразить, онъ уже ушелъ, идя съ такою скоростью, которая была подъ стать молодому человѣку.

— Неудача, Белла,—сказалъ онъ возвратясь; —на биржѣ стоитъ только одинъ извощикъ и не ѣдетъ меньше какъ за полкроны. Я сильно торговался и давалъ ему шиллингъ и шесть пенсовъ, но онъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, и потому я подумалъ— т. е. я хорошо зналъ—что ты разсердилась бы на меня...

— Разумѣется, папа, это было бы напрасною тратой денегъ,—сказала она торопливо.—Одинъ, много полтора часа ходьбы—и конецъ. Пойдемте-же, а то становится поздно.

На улицахъ было мало народу: какой нибудь бездомный скиталецъ въ лохмотьяхъ, шелъ едва передвигая ноги; досужій праздношатающійся искалъ убѣжища подъ какимъ нибудь навѣсомъ, или случайный прохожій въ широкомъ пальто и съ зонтикомъ въ рукахъ, казалось, презиралъ шумящую бурю, между тѣмъ какъ отецъ и дочь, продрогшіе и промокшіе, молча подвигались впередъ.

— Это домъ старика Баррингтона, Белла,—сказалъ онъ, когда они проходили мимо большаго и мрачнаго зданія на углу сквера;—много пріятныхъ вечеровъ провелъ я здѣсь.

Она прошептала что-то въ отвѣтъ, но неявственно, и они продолжали свой путь.

— Желалъ бы я знать, что̀ дѣлается здѣсь сегодня. Здѣсь жилъ сэръ Дикъ Моррисъ, когда я посѣщалъ этотъ домъ. — И онъ остановился у одной отворенной двери, изъ которой потокъ свѣта выливался на улицу. Эго Дѣррійскій епископъ вошелъ, Белла. Тамъ теперь обѣдъ,—прошепталъ онъ, все еще заглядывая въ залу.

Дочь тихонько повела его далѣе, и онъ повидимому впалъ въ

задумчивость, потому что по временамъ бормоталъ самъ съ собою.

— Великія времена, прекрасныя времена... много денегъ и были ребята, которые умѣли ихъ тратить!

Промокшіе до костей, они сквозь дождь и вѣтеръ пробивались впередъ и рѣдко обмѣнивались словомъ.

— Лордъ Дрогеда жилъ тамъ, Белла,—сказалъ старикъ, вдругъ остановившись у двери великолѣпно освѣщеннаго отеля; — и я помню время, когда я былъ тамъ запросто и безъ церемоній, какъ у себя дома. Моя голова привыкла думать о странныхъ вещахъ, которыя нѣкогда тамъ происходили. Браунъ и Барри, Фоксъ и Тисдоль и всѣ мы были забубенныя головушки! Право, моя милочка, не о Дэвенпортѣ Дённѣ или о подобныхъ ему думалъ я въ тѣ времена. Дэвенпоръ Дённъ! Вотъ еще!

— Странно, что онъ не написалъ намъ, — тихо сказала дѣвушка.

— Нисколько не странно; онъ объ насъ очень мало заботится. Я готовъ прозакладывать пять фунтовъ стер., — т. е. я хочу сказать шесть пенсовъ, — поправилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—что съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлалъ это, онъ не удѣлилъ для насъ ни одной изъ своихъ мыслей. Доставивши мнѣ нищенское мѣсто въ таможнѣ, онъ вообразилъ, что съ избыткомъ удовлетворилъ меня. Шестьдесятъ фунтовъ въ годъ! Блаженныя были времена, когда я платилъ Питеру Гаррису, дворецкому, какъ разъ вдвое противъ этой суммы!

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до черты города, постепенно оставивъ за собою фонари и хорошо освѣщенныя лавки. Теперь путь ихъ лежалъ по пустынной дорогѣ возлѣ морскаго берега, по направленію къ небольшой деревнѣ Клонтарфъ, за которою, въ уединенномъ мѣстѣ, называемомъ Гринъ-Ленсъ, стоялъ скромный домикъ. Это было путешествіе продолжительное и наводившее тоску; печальные звуки моря, ударявшагося въ каменистый берегъ, смѣшивались съ шумомъ дождя, между тѣмъ какъ далѣе ревъ морскихъ волнъ, бушующихъ у Нордъ-Була присоединялъ всѣ ужасы шторма къ непріятностямъ ненастной ночи.

— Зима начинается рано,—сказалъ Келлетъ; кажется я не видалъ ночи болѣе суровой.

— Грустное время для несчастныхъ, которые теперь на морѣ!— сказала Белла, глядя на тучи и воду, слившіяся теперь въ одну ужасную пустыню.

— Тамъ теперь точь—въ точь какъ въ нашей жизни: малень-

кій проблескъ свѣта, мерцающаго отъ времени до времени сквозь тьму, но проблескъ недостаточный для того, чтобы ободрить сердце и внушить мужество, между тѣмъ какъ все кругомъ покрыто глубокимъ мракомъ.

— Наконецъ наступитъ разсвѣтъ, — сказала дѣвушка съ увѣренностью.

— Право я иногда отчаяваюсь, чтобы онъ когда нибудь наступилъ для насъ. Ужасно подумать — чѣмъ я былъ прежде и что̀ я теперь. Мною помыкаетъ шайка негодяевъ, которыхъ я въ прежнія времена не пустилъ бы въ свою кухню. Окутай грудь лохмотьями шали, Белла; иначе ты рѣшительно погубишь себя.

— Мы скоро теперь будемъ подъ крышей, и никому изъ насъ не сдѣлается хуже отъ этой погоды, — возразила она почти весело. Вы много разъ говорили мнѣ о томъ, какую суровую погоду вамъ случалось спокойно переносить на охотѣ; а вѣдь конечно, папа, человѣкъ въ состояніи столько же вытерпѣть для исполненія обязанности, какъ и ради удовольствія,—не говоря уже о томъ, что наша маленькая хижина никогда не бываетъ такимъ пріятнымъ убѣжищемъ, какъ послѣ подобной ночи.

— Она довольно уютна въ случаяхъ такого рода, — прошепталъ онъ не совсѣмъ охотно.

— А Бетти разведетъ намъ такой прекрасный огонь и мы будемъ чувствовать такой же комфортъ и такое же удовольствіе, какъ если бы мы жили въ отличномъ домѣ и *сами* были знатные люди.

— Во всей Ирландіи нѣтъ крови благороднѣе, чѣмъ кровь Келлетовъ изъ Келлетс-Корта, — сказалъ онъ сурово. Въ этомъ самомъ домѣ мой дѣдъ, Морганъ Келлетъ, угощалъ герцога Портленда, лорда-намѣстника Ирландіи; а теперь нѣтъ мужика въ Кэстль-ярдѣ, который бы захотѣлъ приподнять для меня свою шляпу.

— А какую нужду имѣемъ мы въ нихъ, папа? Неужели гордость хорошаго происхожденія не научитъ насъ чему нибудь другому, кромѣ жалобъ? Развѣ мы не можемъ показать свѣту, что природный джентльменъ переноситъ превратности своей судьбы съ достоинствомъ?

— Ты права, Белла; это именно та вещь, которую люди должны признать. Не проходитъ ни одного дня, чтобы я не заставлялъ клерковъ «Длинной Комнаты» чувствовать различье между ними и мною. «Никакихъ вольностей, никакихъ фамильяр-

ностей, мои милые,—говорю я,—сохраняйте надлежащее разстояніе. Потому что, хотя у меня сюртукъ изношенъ и шляпа не изъ лучшихъ, но человѣкъ, на которомъ они надѣты, не кто другой какъ Поль Келлетъ изъ Келлетс-Корта.» А когда они спрашиваютъ, гдѣ это мѣсто, я отвѣчаю: «Загляните въ географическій лексиконъ»—между ними очень мало такихъ, которыхъ фамиліи тамъ записаны — «и вы увидите, что Келлетс-Кортъ, старинную резиденцію фамиліи Келлетовъ, основалъ Стронгбоу, графъ Пемброкскій.

— Вотъ мы, папа, въ болѣе скромномъ домѣ, но вы увидите, какъ будетъ въ немъ весело.

Говоря это, она отворила маленькую калитку и, пройдя чрезъ небольшой садъ, дошла до двери маленькаго одноэтажнаго коттеджа, почти утонувшаго въ кустахъ жимолости.

— Да, Бетти, промокли до костей!—сказала она, смѣясь, когда старая служанка съ ужасомъ подняла вверхъ свои руки; — но принеси папѣ туфли и теплый шлафрокъ, а я ворочусь въ одну минуту.

— Боже мой! зачѣмъ вы не взяли для нея повозки?—сказала старуха, съ тою фамильярностью, на которую даютъ право старость и вѣрная служба.—Право, дитя можетъ умереть отъ этого.

— Она не позволяла мнѣ; она настаивала, чтобы мы шли пѣшкомъ.

— Э-эхъ!—ворчала старуха, ставя туфли на рѣшетку камина,—разумѣется вамъ не слѣдовало смотрѣть на нее. Она готова скорѣй схватить горячку, чѣмъ стоить вамъ хоть одинъ шиллингъ. Взгляните на башмаки, которые она носитъ.

— Ей богу, ты сводишь меня съ ума... совсѣмъ-таки съ ума!—вскричалъ онъ неистово. Развѣ ты не знаешь, что у насъ ничего нѣтъ, что мы бѣдны какъ мыши въ церкви; что если бы не это нищенское мѣсто...

— Теперь Бетти,—вскричала дѣвушка, входя,—дай намъ чаю, и эту обворожительную картофельную запеканку, которая вонъ-тамъ поджаривается у огня.

При всей бѣдности и скудности ея платья, она обладала такою благородною наружностью, такою граціозною, спокойною манерой, что онѣ смягчали мрачный видъ комнаты, слишкомъ ясно говорившей о стѣсненныхъ средствахъ; и когда отецъ взглянулъ на нее, то слѣды недавняго неудовольствія исчезли съ его лица и глаза дѣвушки заблистали, когда онъ сказалъ:

— Ты приносишь благословеніе даже самымъ звукомъ твоего голоса, моя милочка. — И онъ поцаловалъ ее дважды.

— Здѣсь такъ комфортабельно, такъ уютно! сказала она, садясь возлѣ него. И какъ пріятно думать, что завтра воскресенье и праздникъ для каждаго изъ насъ. Признайтесь, папа, что эта комнатка и яркій огонь ея имѣютъ очень веселый видъ! А я достала для васъ газету у мистриссъ Гокси. Я сказала ей, что для васъ никакое угощеніе не можетъ сравниться съ газетой.

— А! «Труба свободы!» сказалъ онъ, разрывая листъ. Мы прочтемъ это послѣ чаю, Белла. Есть ли въ ней что̀ нибудь о нашемъ графствѣ... т. е. о Коркѣ?

— Я еще не заглядывала въ нее; но мы прочтемъ ее добросовѣстно, папа, потому что я знаю, какъ заботитесь вы о томъ, чтобы не пропустить ни одной статьи.

— Это самое дѣлаетъ человѣка пріятнымъ въ обществѣ. Ты знаешь все, если читаешь газеты: и происшествія, и свадьбы, и биржевые курсы, и состояніе урожая, и кто обѣдаетъ съ королевой, и кто катается на конькахъ по льду Серпентины, кто разорился на скачкахъ, и кто утонулъ въ морѣ. Затѣмъ знаешь все о театрахъ и удивительныхъ панорамахъ; такъ что какой бы ни былъ данъ оборотъ разговору, ты всегда готова къ нему. Вотъ по этой-то причинѣ, Белла, ты должна читать отъ первой строки газеты до послѣдней. Это похоже на охоту: можетъ быть вы нашли бы лисицу въ томъ самомъ полѣ, которое вы оставили безъ вниманія.

— Хорошо, вы увидите... Я пересмотрю для васъ даже всѣ обертки,—сказала она, смѣясь. Мистриссъ Гоксли желаетъ получить газету назадъ: тамъ есть объ Ольдерменѣ, который что-то сказалъ или сдѣлалъ,—не знаю, что̀ именно и гдѣ.

— Ка̀къ я ненавижу даже самое слово ольдерменъ! — брюзгливо сказалъ Келлетъ;—это настоящіе бродяги въ золоченыхъ каретахъ и въ красныхъ кафтанахъ, которые только шляются и болтаютъ о податяхъ и сборахъ! Мнѣ легче было бы перенести чортъ знаетъ что̀, нежели думать, что ты ходишь давать уроки въ семействѣ Ольдермэна. Дочь Поля Келлета ходитъ по урокамъ!

— И я очень горжусь, что меня считаютъ способною къ этому дѣлу,—сказала дѣвушка рѣшительно,—не говоря уже о томъ, какъ благодарна я вамъ за воспитаніе, которое дало мнѣ возможность взяться за подобный трудъ.

— Что я попалъ въ таможню — это ничего, я готовъ помириться съ этимъ. Многіе разорившіеся джентльмены дѣлали тоже самое. Самъ Крозіеръ былъ маркёромъ въ Трэли, а Эннисъ Магратъ былъ надсмотрщикомъ работъ на той самой дорогѣ, по которой онъ прежде ѣзжалъ четверней. «Много разъ—говорилъ онъ—я проклиналъ этотъ недавно разбитый камень, но я никогда не думалъ, что мнѣ придется измѣрять его!» Это аукціонный судъ уничтожилъ всѣхъ насъ, Белла, и нѣтъ никакого позора въ томъ, чтобы разориться съ тысячами другихъ. Прости мнѣ Боже, но я чувствую какое-то удовольствіе слыша, что всѣ мы прогорѣли вмѣстѣ.

Дѣвушка улыбнулась, какъ будто эти слова были сказаны въ шутку и не заслуживали серьезнаго вниманія, но тихій вздохъ, невольно вырвавшійся изъ ея груди, показывалъ печаль, которую они ей внушали.

Белла развернула газету и бросила взглядъ на ея содержаніе. Оно было разнохарактерно и разнообразно, какъ обыкновенно оно бываетъ въ еженедѣльныхъ изданіяхъ. Однако-же, что всего болѣе поразило ее, такъ это тотъ фактъ, что какъ она не поворачивала газету, имя Дэленпорта Дённа постоянно было на виду. Въ объявленіяхъ о продажахъ собственности онъ красовался какъ главный кредиторъ или проситель; дѣла благотворительности прославляли его, какъ перваго между благотворителями; аціонерныя общества выставляли его, какъ своего главнаго директора; рудники, копи, желѣзныя дороги, телеграфныя компаніи, комитеты пріютовъ и коммисіи всякаго рода ставили его въ образецъ; въ фешёнэбельныхъ извѣстіяхъ изъ-за границы его прибытія и отъѣзды надлежащимъ образомъ были заносимы въ хронику, и письмо «нашего собственнаго корреспондента» изъ Венеціи сообщало подробности о прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему людьми, которые такъ часто пользовались его великолѣпнымъ гостепріимствомъ, во время его пребыванія въ этомъ городѣ.

— Довольно... довольно... довольно!—сказалъ Келлетъ, дѣлая паузу между каждымъ восклицаніемъ. Это больше чѣмъ я могу вынести. Сынъ стараго Джерри Дённа... мальчика, котораго я помню въ школѣ! Во время святокъ, когда отецъ мой бывалъ въ городѣ, его обыкновенно посылали въ Эли-плесъ, чтобы выпросить пять шиллинговъ для рождественскихъ подарковъ и я хорошо помню день, когда его просили остаться обѣдать со мной и съ сестрой моей Матти; онъ научилъ насъ какой-то новой иг-

рѣ, въ которой мы должны были что-то дѣлать съ шестью маленькими кусочками палочекъ; не помню что именно, только я знаю, какъ кончилась игра: онъ выигралъ у насъ всѣ деньги, которыя у насъ были. У Матти было полгинеи золотомъ и нѣсколько десятипенсовыхъ монетъ, а у меня, кажется, около пятнадцати шиллинговъ, и онъ забралъ все; а еще хуже было то, что я заложилъ свои школьныя карты, и получилъ сильную головомойку за потерю ихъ отъ стараго Уайта въ Джервассъ-стритѣ. Кукла бѣдной Матти была конфискована такимъ же точно образомъ и унесена вмѣстѣ съ долгомъ въ три шиллинга и четыре пенса. Богъ съ нимъ, но только по его милости мы провели очень грустную ночь, потому что проплакали до разсвѣта.

— А любили вы играть съ нимъ?—спросила она.

— Вотъ это-то именно страннѣе всего, — отвѣчалъ Келлетъ улыбаясь.—Ни я, ни Матти не любили его, но онъ пріобрѣлъ надъ нами какое-то вліяніе, похожее рѣшительно на колдовство. Что бы мы ни думали дѣлать до его появленія, но какъ только онъ входилъ въ комнату, все слѣдовало его предписанію. Не то чтобы онъ былъ хоть сколько нибудь дерзокъ и деспотиченъ, такъ же какъ нельзя было его назвать льстивымъ и вкрадчивымъ, но мы по какому-то инстинкту плясали подъ его дудку и дѣлали все, что онъ намъ говорилъ, какъ будто мы были простыми орудіями его воли. О сопротивленіи или оппозиціи мы никогда и не грезили въ его присутствіи, но какъ только онъ уходилъ, то мы начинали думать, что въ нашей покорности ему было нѣчто похожее на рабство и стали составлять планы — какъ бы намъ сбросить это иго.

— «Я не буду больше играть въ шлагбаумъ, сказалъ я рѣшительно; всѣ мои деньги навѣрное перейдутъ въ его карманъ, прежде чѣмъ игра кончится».

— «А я,—сказала Матти, не хочу, чтобы мою бѣдную «Мопси» опять судили за убійство, каждый разъ какъ ее вѣшаютъ, отъ ея шеи отпадаетъ сколько нибудь воску».

— Мы сильно ободряли другъ друга въ этихъ рѣшеніяхъ, но когда онъ пришелъ къ намъ опять, то менѣе чѣмъ чрезъ полчаса Мопси подверглась смертной казни, а я сдѣлался неоплатнымъ должникомъ.

— Какой однако онъ былъ умный плутъ,—сказала Белла, смѣясь.

— Еще бы! воскликнулъ Келлетъ. Не могу объяснить какимъ

образомъ—да и никто не могъ бы объяснить этого—но только съ первой минуты, какъ онъ входилъ въ какое-нибудь новое мѣсто, онъ видѣлъ все, замѣчалъ физіономію каждаго изъ присутствовавшихъ и зналъ, сверхъ того, впечатлѣніе, которое онъ производилъ на всѣхъ порознь, какъ будто бы онъ цѣлые годы былъ знакомъ съ ними.

— Продолжали ли вы сношенія съ нимъ, когда вы выросли,— спросила она.

— Нѣтъ, мы знали другъ друга только въ дѣтствѣ. Однажды случилось одно печальное, очень печальное обстоятельство; я до сихъ поръ о немъ вспоминаю съ горестью и стыдомъ, потому что не думаю, чтобы онъ былъ тутъ сколько-нибудь виноватъ. Мы играли въ комнатѣ, смѣжной съ кабинетомъ моего отца, гдѣ на столѣ лежалъ старинный перочинный ножикъ, фамильная драгоцѣнность, съ длиннымъ черенкомъ изъ кроваваго камня. Когда игра кончилась и Дэви, какъ мы называли его, ушелъ домой, то этотъ ножикъ оказался пропавшимъ. Его искали вездѣ, потому что отецъ мой придавалъ ему большую цѣну, — кажется ножикъ достался ему отъ бабушки,—какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ никто уже его не видалъ и ничто не могло убѣдить моего отца, что его укралъ не Дэви! Разумѣется онъ не говорилъ намъ ничего о своемъ подозрѣніи, но за то слуга сказалъ, и мы съ Матти проплакали одинъ день и двѣ ночи по этому поводу и рѣшительно захворали.

Я хорошо помню, какъ я работалъ въ саду; Матти была больна и лежала въ постели, когда я увидѣлъ, что какой-то высокій старикъ, одѣтый подобно деревенскому лавочнику, былъ введенъ въ заднюю комнату, гдѣ сидѣлъ мой отецъ. Окно было нѣсколько пріотворено и я могъ слышать крупный разговоръ между ними, и мнѣ показалось, что мой отецъ сильно разгорячился, потому что старикъ не разъ повторялъ: «Вы раскаетесь въ этомъ, мистеръ Келлетъ, вы раскаетесь!» Тогда мой отецъ сказалъ: «высѣките его хорошенько, Дённъ; послушайтесь моего совѣта — это избавитъ васъ отъ нѣкотораго горя и спасетъ его въ послѣдствіи отъ чего-нибудь похуже.» Я никогда не забуду лица, которое имѣлъ старикъ, когда онъ повернулся, чтобы выйдти изъ комнаты. «Дэви современемъ отплатитъ вамъ; или если не *вамъ* лично, то вашимъ дѣтямъ или внукамъ!»

Съ этой минуты мы уже не видали Дэви; намъ было строго запрещено даже произносить его имя, и только оставаясь наединѣ, мы съ Матти рѣшались говорить о немъ и плакать—что мы

дѣлали много разъ — о счастливыхъ дняхъ, когда онъ былъ нашимъ товарищемъ въ играхъ. Что-то мученическое въ его судьбѣ дѣлало память о немъ еще болѣе дорогою для насъ; мы какъ на святыню смотрѣли на каждую игру, на каждое мѣсто, которое онъ любилъ, на каждую игрушку, которая ему нравилась. Наконецъ бѣдная Матти и я не могли этого болѣе переносить, и мы написали длинное письмо къ Дэви, увѣряя его въ своемъ полнѣйшемъ довѣріи къ его чести, и въ нашемъ уныніи вслѣдствіе разлуки съ нимъ. Мы сильно возставали противъ отеческой тиранніи и объявляли себя готовыми къ открытому возмущенію, если онъ, всегда обильный на выдумки, укажетъ какъ это сдѣлать. Мы соединенными силами подкупили конюха отнести это посланіе, а на слѣдующее утро оно было возвращено къ моему отцу, съ другимъ письмомъ отъ самого Дэви, который говорилъ, что онъ никогда не станетъ поддерживать неповиновенія, или слѣдовать системѣ, по которой дѣти обманываютъ своихъ родителей. Меня въ ту же недѣлю отправили въ пансіонъ, а бѣдная Матти была ввѣрена попеченію миссъ Морзъ, старой дѣвѣ съ уксуснымъ лицомъ, которая отравила восемь лѣтъ ея жизни.

— А когда вы снова услыхали о немъ?

— О Дэви? постой. Я услыхалъ о немъ, когда онъ хотѣлъ поступить въ коллегію въ качествѣ полупансіонера и ему это не удалось. Кто-то упоминалъ объ этомъ въ Келлэтъ-Кортѣ и говорилъ, что старый Дённъ былъ внѣ себя, утверждая, что противъ его сына сдѣлана несправедливость, и давая обѣтъ, что онъ чрезъ какого нибудь члена представитъ объ этомъ дѣлѣ парламенту.

Но Дэви былъ благоразумнѣе, онъ убѣдилъ своего отца, что, поднимая этотъ вопросъ, они только разгласятъ о фактѣ, о которомъ, если его оставить безъ вниманія, всѣ скоро забудутъ. И Дэви былъ правъ. Я не думаю, чтобы во всемъ королевствѣ нашлось три человѣка, которые помнили хоть что-нибудь объ этомъ обстоятельствѣ; а если бы такіе нашлись, то чтобы это имѣло какое-нибудь вліяніе на сношенія, которыя они могутъ имѣть съ мистеромъ Дённомъ.

— Какое онъ поприще избралъ послѣ того?

— Онъ, кажется, сдѣлался гувернёромъ въ семействѣ лорда Гленгаррифа. Тамъ съ нимъ произошелъ какой-то скандалъ, я забылъ уже какой, и онъ отправился въ Америку и провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ, потомъ въ Ямайку, гдѣ онъ былъ надсмотр-

щикомъ, кажется, не могу хорошенько припомнить. Ближайшее затѣмъ свѣдеnie о немъ я получилъ, прочтя на чистой мѣдной доскѣ въ Трэли надпись: «Д. Дённъ, адвокатъ» и услыхалъ, что онъ очень искусенъ въ электоральныхъ спорахъ и въ дѣлахъ духовенства.

— И теперь онъ составилъ уже большое состоянiе?

— Да; онъ богатѣйшiй человѣкъ въ Ирландiи — почти нѣтъ графства, гдѣ бы у него не было собственности; нѣтъ ни города, ни мѣстечка, гдѣ бы онъ не имѣлъ влiянiя, и притомъ въ каждомъ классѣ общества — въ дворянствѣ, въ духовенствѣ, въ купечествѣ, въ простомъ народѣ — онъ всѣхъ привлекъ на свою сторону и, повидимому, никто не знаетъ, какъ это онъ сдѣлалъ.

— Я думаю подобнымъ же способомъ, какъ въ прежнiя времена онъ ухитрялся управлять вами и Матти, — сказала она смѣясь.

— Должно быть,—подтвердилъ онъ почти со вздохомъ, и если такъ, то я скажу, что имъ не удастся угадать его секретъ. Это самый продувной малый, о какомъ только мнѣ случалось когда нибудь читать или слышать; потому что вотъ онъ теперь, безъ имени, фамилiи, происхожденiя или состоянiя, стоитъ выше чѣмъ тѣ, которые имѣютъ все это, и можетъ сдѣлать больше ихъ; а что еще страннѣе—въ Англiи думаютъ о немъ больше, чѣмъ о самыхъ лучшихъ изъ насъ.

— Вы рѣшительно заинтересовали меня его личностью, папа; скажите мнѣ—какая у него наружность?

— Онъ моего роста, только не такъ крѣпко сложенъ; плечи его слегка округлены; цвѣтъ лица у него смуглый, волосы и бакенбарды самые черные, какiе только мнѣ случалось видѣть, и довольно красивая физiономiя; это лицо можно назвать спокойнымъ, холоднымъ, терпѣливымъ; онъ говоритъ очень мало, но голосъ его нѣженъ, тихъ и разсудителенъ, какъ у человѣка, который не хочетъ тратить понапрасну ни одного слова; и онъ никогда не двигаетъ своими руками, но онѣ тяжело висятъ у него по бокамъ.

— А глаза? скажите мнѣ объ его глазахъ.

— Большiе, черные, сонные; они рѣдко смотрятъ вверхъ и никогда не дѣлаются болѣе блестящими отъ одушевленiя. Въ самомъ дѣлѣ всякiй, видя его въ первый разъ, сказалъ бы: «вотъ человѣкъ, котораго мысли находятся за нѣсколько миль отсюда; онъ не обращаетъ вниманiя ни на что, происходящее вокругъ него». Но это не правда,—нѣтъ ни взгляда, ни жеста, ни движенiя, котораго бы онъ не замѣтилъ. Я слышалъ даже,

что многіе не хотѣли распечатывать при немъ писемъ, изъ опасенія, какъ бы онъ не узналъ ихъ содержанія, по выраженію лица.

— Люди всегда склонны преувеличивать подобные таланты,— сказала дѣвушка спокойно.

— Это можетъ быть, моя милая; но я не думаю, чтобы такъ было въ настоящемъ случаѣ. Дэвенпортъ Дённъ принадлежитъ къ числу такихъ людей, что если бы онъ по рожденію своему могъ разсчитывать на высшія поприща, то онъ сдѣлался бы великимъ политикомъ или полководцемъ. Ты видишь, что безъ всякаго усилія съ его стороны дѣла идутъ именно такъ, какъ онъ хочетъ. Впрочемъ я думаю,—прибавилъ Келлетъ со вздохомъ— что это чисто счастье! У одного человѣка, за что бъ онъ ни взялся, все идетъ хорошо и легко, а другой испытываетъ только неудачи и несчастія. Онъ можетъ трудиться и выбиваться изъ силъ и ломать себѣ голову, но изъ этого ровно ничего не выйдетъ. Если онъ рожденъ для неудачь, такъ уже не отдѣлается отъ нихъ!

— Это не слишкомъ веселая философія! тихо сказала Белла.

— Я полагаю, что нѣтъ, моя милая; да и что есть веселаго въ этой жизни, когда вы ее поймете? Вся она ни что иное, какъ рядъ разочарованій и огорченій.

Частію чтобы пробудить его отъ этого унынія, частію изъ любопытства, она еще разъ заговорила о Дённѣ и спросила, какимъ образомъ они опять столкнулись другъ съ другомъ въ жизни.

— За нимъ остался Келлетъ-Кортъ на аукціонѣ. Ты знаешь, что мы теперь находимся въ золоженныхъ помѣстьяхъ и Дённъ представляетъ собою лорда Лаккингтона и другихъ, которымъ мы должны по закладнымъ. Имѣніе было назначено къ продажѣ въ ноябрѣ, потомъ въ прошломъ маѣ и было продано по приказанію Дённа. Я никакъ не могъ узнать почему. Но тогда-то онъ доставилъ мнѣ должность въ таможнѣ, это нищенское мѣсто въ шестьдесятъ фунтовъ въ годъ, и сказалъ мнѣ чрезъ своего повѣреннаго, Ганкса—съ нимъ самимъ я никогда не видѣлся по этому дѣлу,—что онъ позаботится о сохраненіи моихъ интересовъ. Послѣ этого судебныя засѣданія закрылись и онъ уѣхалъ за границу. Вотъ всѣ наши сношенія другъ съ другомъ, да вѣроятно другихъ и не будетъ, потому что онъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ, написалъ мнѣ не болѣе одной строчки, и не обращалъ вни-

манія ни на одно изъ моихъ писемъ; а я отправилъ ихъ четыре, или, кажется, пять.

— Какой это странный долженъ быть человѣкъ, сказала дочь задумчиво.—Есть ли у него какія нибудь привязанности? преданы ли ему друзья?

—Привязанности... дружба! право, я склоненъ думать, что онъ не захочетъ терять много времени на то или на другое. Да, дитя мое, если то, что говорятъ, справедливо, то онъ каждый день работаетъ за десятерыхъ.

— Онъ женатъ? спросила дочь послѣ нѣкоторой паузы.

— Нѣтъ, была какая-то исторія объ неудачѣ, случившейся съ нимъ въ молодости, когда онъ былъ гувернёромъ въ семействѣ лорда Гленгаррифа; онъ, кажется, влюбился въ одну изъ его дочерей или она въ него — этого я не могъ узнать хорошенько, но дѣло кончилось тѣмъ, что ему отказали отъ мѣста; и говорятъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ забыть своей привязанности. Какъ будто бы правдоподобно, что Дэвенпортъ Дённъ влюбился или могъ лелѣять память о первой любви! Я желалъ бы, чтобъ ты его видѣла, Белла, прибавилъ онъ смѣясь, тогда, я увѣренъ, подобное предложеніе позабавило бы тебя.

— Однако же люди его закала чувствовали.... и внушали самыя сильныя привязанности. Мнѣ помнится, я читала однажды...

— Читать, моя милочка, это одно, а видѣть или знать—другое. Господа, которые пишутъ эти вещи, должны изобрѣтать невѣроятное или почти невозможное, иначе никто не станетъ читать ихъ. То, что говорится о мужчинѣ или женщинѣ въ книгѣ, совершенно противоположно тому, что мы встрѣчаемъ въ жизни.

Дѣвушка легко могла бы возразить на это увѣреніе и отвѣтъ у нея былъ уже готовъ, но она удержалась, и, склонивъ голову, впала въ задумчивость.

ГЛАВА IV.

Человѣкъ, желающій быть «хитрымъ малымъ».

Однимъ изъ главныхъ, можетъ быть величайшихъ удовольствій, которыя остались для Келлета въ его скромной долѣ, бы-

ла продолжительная загородная прогулка по воскресеньямъ въ обществѣ человѣка, бывшаго другомъ его въ болѣе счастливыя времена. Раззорившійся джентльменъ подобно ему, Аннеслей Бичеръ могъ отлучаться только въ этотъ одинъ день недѣли, и такимъ образомъ, давленіемъ неблагопріятной судьбы, они были приведены въ еще болѣе тѣсное соприкосновеніе.

Хотя Белла не очень его долюбливала, но она была слишкомъ заботлива относительно своего отца и слишкомъ дорожила немногими оставшимися для него удовольствіями, чтобы когда нибудь высказать свое дѣйствительное мнѣніе. Поэтому она ограничивалась молчаніемъ, когда старый Келлетъ произносилъ какую нибудь пышную похвалу своему другу, называя его и «добрымъ» и «любезнымъ», и «мягкосердымъ», и превознося, какъ нѣчто почти сверхъестественное, «бодрость, которую онъ сохранилъ, не смотря на все, что онъ вытерпѣлъ; онъ всегда былъ одинаковъ, и вотъ причина почему всѣ любили его, т. е. почти всѣ!» И старикъ бросалъ украдкой лукавый, и вмѣстѣ почти умоляющій взглядъ на свою дочь, какъ будто говоря: «какъ долго ты будешь оставаться въ этомъ незначительномъ меньшинствѣ?»

Позволитъ ли Бичеру погода придти къ нимъ; можно ли ему будетъ остаться и отобѣдать съ ними,— эти вопросы были предметомъ такого великаго безпокойства для бѣднаго Келлета каждое воскресенье, какъ будто когда нибудь случалось, чтобы другъ его не пришелъ. И Белла никогда не разстроивала удовольствія отца ни малѣйшимъ намекомъ, который могъ бы показать, какую цѣну придаетъ она этому желанному событію.

«Есть такъ много людей, которые стараются заманить его къ себѣ», говаривалъ онъ, «они отравляютъ его жизнь своими приглашеніями. И канцлеръ, и лордъ Киллибегсъ, и епископъ постоянно просятъ его назначить день; но онъ предпочитаетъ раздѣлить кусокъ жареной баранины съ нами, и запить его стаканомъ пуншу, чѣмъ ѣсть дичь и пить кларетъ у самаго лучшаго изъ нихъ. Въ Дублинѣ нѣтъ стола, который бы не гордился его обществомъ, а почему?» И задавъ такой вопросъ, онъ останавливался и потомъ видя, что дочь не обнаруживаетъ никакого желанія отвѣчать, онъ бормоталъ: «настоящій джентльменъ и по рожденію и по воспитанію, и какимъ образомъ кто нибудь можетъ его *не долюбливать* — этого я рѣшительно не въ состояніи понять!»

Это ворчанье, вызывавшее только улыбку со стороны Беллы, было чѣмъ-то въ родѣ еженедѣльной проповѣди, которую бѣд-

ный Келлетъ любилъ произносить; и сказавъ ее, онъ чувствовалъ себя какъ человѣкъ, заплатившій справедливую дань достоинству и добродѣтели.

— Вотъ ужь и Бичеръ пришелъ, клянусь Юпитеромъ!—вскричалъ Келлетъ, вскочивъ изъ-за стола, за которымъ онъ завтракалъ, и бросился отпирать маленькую калитку для своего друга. — Какъ рано онъ явился!

Воспользуемся случаемъ представить его нашимъ читателямъ; эта обязанность тѣмъ болѣе настоятельная, что по крайней мѣрѣ по наружности, онъ, казалось, мало оправдывалъ лестное мнѣніе, которое его другъ такъ недавно высказывалъ на его счетъ. Тридцати-четырехъ или тридцати-пяти лѣтъ отъ роду, нѣсколько повыше средняго роста, обладая наружностью и манерами фешёнэбля, Бичеръ имѣлъ веселый беззаботный видъ человѣка, съ которымъ свѣтъ находился обыкновенно въ хорошихъ отношеніяхъ, а когда нѣтъ, то тѣмъ стыднѣе для сказаннаго свѣта, потому что никто въ мірѣ не былъ лучше, благороднѣе и великодушнѣе его, и это *онъ* зналъ, хотя другіе могли держаться противнаго мнѣнія. Въ его одеждѣ не было ни малѣйшей подробности, которая оправдывала бы предположеніе объ ограниченности его средствъ: его фракъ и жилетъ одного цвѣта и матеріала были сшиты безукоризненно, массивная, самая модная цѣпочка часовъ, висѣвшая на его груди, толстые сапоги для прогулки,—совершенство того соединенія прочности и изящества, которое такъ популярно въ наши дни, и даже трость съ массивнымъ золотымъ набалдашникомъ, на которомъ былъ вырѣзанъ его гербъ,—все говорило о нѣкоторомъ богатствѣ и изобиліи, тѣмъ съ большею достовѣрностью, что это богатство не было хвастливо выставляемо на показъ.

Его шляпа была слегка, чуть-чуть склонена на одну сторону, уловка «тигризма», можетъ быть извинительная, потому что она выказывала густыя темныя кудри очень шелковистыхъ волосъ, которые онъ причесывалъ съ совершеннымъ искусствомъ передъ зеркаломъ каждый разъ, какъ выходилъ изъ дому. Его большіе, голубые глаза, красивый ротъ и какое-то благородство во всей его наружности вообще — были тѣмъ, что онъ самъ называлъ «своими преимуществами»; и въ самомъ дѣлѣ было бы очень трудно съ перваго взгляда составить о немъ сужденіе, неблагопріятное для него въ чемъ нибудь.

Прекрасный Бичеръ, какъ его нѣкогда называли, считался самымъ привлекательнымъ молодымъ человѣкомъ въ городѣ,

и когда онъ поступилъ въ лейбъ-гвардію, около двадцати лѣтъ до того времени, въ которое мы представляемъ его нашимъ читателямъ, то былъ признанъ красивѣйшимъ мужчиной и лучшимъ ѣздокомъ въ полку.

Братъ лорда Лаккингтона, только отъ другой матери, онъ былъ провозвѣстникомъ той новой школы дендизма, которая появилась вслѣдъ за періодомъ Брёммеля и добивалась славы и извѣстности болѣе посредствомъ блеска и расточительности, чѣмъ посредствомъ утонченнаго личнаго изящества, составлявшаго характеристическую черту прежней эры. Въ этомъ отношеніи лордъ Лаккингтонъ и его братъ находились въ постоянномъ контрастѣ другъ съ другомъ, и хотя каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ послѣдователей, но вообще ихъ обоихъ считали превосходными образцами манеры и моды.

Бичеръ выступилъ на жизненное поприще со всѣми выгодами и невыгодами, которыя соединяются съ положеніемъ младшаго сына благородной фамиліи. Съ одной стороны, онъ имѣлъ хорошія связи, вѣрное положеніе въ обществѣ и свободный доступъ въ клубную жизнь; съ другой—состояніе его было очень скудно,—грустный фактъ, обыкновенно выпадающій на долю младшихъ сыновей. Его средствъ едва хватило на содержаніе себя во время несовершеннолѣтія, и затѣмъ у него не осталось ни одного шиллинга. Большая часть людей начинаетъ свое поприще въ жизни, питая въ сердцѣ своемъ какой-нибудь родъ честолюбія. Нѣкоторые мечтаютъ о военныхъ подвигахъ и о славѣ великаго полководца; другіе жаждутъ политическаго значенія и рисуютъ въ своемъ умѣ тріумфъ блистательной государственной дѣятельности. Болѣе скромныя цѣли существуютъ въ сферахъ ученыхъ профессій, изъ которыхъ каждая имѣетъ своихъ преданныхъ поклонниковъ; есть также сангвиническіе умы, которые въ своемъ воображеніи основываютъ отдаленныя колоніи за моремъ, или ведутъ полную приключеніями жизнь, изслѣдуя никѣмъ еще не посѣщенныя и невѣдомыя сраны. Аннеслей Бичеръ не имѣлъ симпатіи ни къ чему подобному. Великимъ и всепоглощающимъ желаніемъ его сердца было—сдѣлаться «хитрымъ малымъ», человѣкомъ, который во всѣхъ сношеніяхъ и сдѣлкахъ жизни могъ бы взять верхъ надъ своимъ противникомъ, и который въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ все зависитъ отъ хитрости, и во всякомъ положеніи, гдѣ ловкость играетъ какую-нибудь роль, могъ непремѣнно выпутаться съ почтенною репутаціею прекраснаго человѣка.

Этою несчастною наклонностью онъ былъ обязанъ тому обсто-

ятельству, что въ раннихъ лѣтахъ своихъ онъ попалъ въ среду людей, которые, не имѣя возможности разчитывать ни на что кромѣ своего ума, употребили его для очень предосудительныхъ цѣлей. Нѣтъ надобности говорить, что Бичеръ легко сдѣлался ихъ игрушкой; и лишась небольшой собственности, которою онъ обладалъ нѣкогда, былъ допущенъ въ качествѣ низшаго члена почтенаго братства, которое его ограбило.

Люди выбираютъ свою тропинку въ жизни или изъ сознанія въ себѣ извѣстныхъ качествъ, которыя могутъ доставить успѣхъ или изъ благоговѣнія къ тѣмъ, которые уже на ней прославились. Не было человѣка, который бы чувствовалъ такое глубокое уваженіе къ людямъ хитрымъ; всѣ другія умственныя превосходства на него не дѣйствовали, но къ какому-нибудь мошеннику его благоговѣніе было безгранично. Начиная отъ шарлатана, который изобрѣлъ мазь отъ прыщей, до того, кто умѣлъ передернуть хорошо въ экарте; начиная отъ талантливаго плута, который могъ сбыть акціи за неимовѣрно высокую цѣну, до не менѣе тонкаго ума, умѣющаго ловко выиграть пари на скачкахъ, онъ уважалъ ихъ всѣхъ.

Первые опыты его были неудачны, и онъ такъ постоянно видѣлъ себя одураченнымъ и обманутымъ со всѣхъ сторонъ, что наконецъ сталъ считать честность чистѣйшимъ мифомъ; по его мнѣнію ближе всего подходилъ къ этому качеству извѣстный родъ вѣрности къ своимъ и нежеланіе «втянуть собственнаго друга въ петлю», тогда какъ есть такъ много другихъ, годныхъ для этой пріятной участи. Это маленькое, мерцающее пламя принциповъ, эта копѣечная свѣча добраго чувства были единственнымъ свѣтомъ, озарявшимъ мракъ его характера.

Онъ присоединился въ Мальтѣ къ полку, въ которомъ прежде служилъ Келлетъ, за нѣсколько недѣль до выхода этого послѣдняго, и встрѣтившись случайно въ Ирландіи, они возобновили знакомство. Ихъ побуждала къ этому странная симпатія, влекущая другъ къ другу людей, которыхъ стѣснительныя обстоятельства повидимому происходятъ такъ или иначе, отъ жестокости свѣта. Келлету льстило вниманіе человѣка, напоминавшаго ему болѣе свѣтлыя времена его жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ питалъ нѣкотораго рода уваженіе къ практическому уму и изворотливости того, который, по крайней мѣрѣ судя по разговору, не уступилъ бы любому хитрецу. Бичеръ съ своей стороны любилъ общество человѣка, который смотрѣлъ на него такимъ-образомъ и могъ безъ устали выслушивать его безчислен-

ные планы о пріобрѣтеніи богатства и состоянія, для выполненія которыхъ нужна была только маленькая предварительная помощь: какая-нибудь ничтожная сумма въ тысячу или въ двѣ для перваго начала—и они разбогатѣютъ какъ Ротшильдъ.

Ничто не могло сравниться съ тѣмъ обольстительнымъ видомъ жизни, который онъ умѣлъ нарисовать: груды золота, неисчерпаемые рудники богатства, громадныя ставки, которыя предстоитъ выиграть, банки, которые можно сорвать,—все это такъ и напрашивалось въ ихъ карманъ, если бы только у нихъ было немножко блестящаго металла, подобно тому, какъ вода въ помпѣ есть необходимое предварительное условіе, чтобы обезпечить запасъ этой жидкости на будущее время.

Воображеніе играетъ важную роль въ существованіи разорившагося джентльмена; Келлетъ былъ рѣшительно въ восторгѣ отъ великолѣпныхъ призраковъ, которые умѣлъ вызывать его другъ; въ его разглагольствованіяхъ была достаточная степень вѣроятія, которая удовлетворяла сомнѣнія насчетъ исполнимости этихъ плановъ и заставляла его смотрѣть на Бичера, какъ на въ высшей степени необыкновенный примѣръ великаго финансоваго генія потеряннаго для свѣта,—какъ на великаго канцлера казначейства, которому суждено въ безвѣстности составлять свои бюджеты!

Белла смотрѣла на него иначе; она разгадала его со всею тонкою проницательностію женщины и знала его насквозь; но она видѣла до какой степени его общество нравится ея отцу, до какой степени ихъ воскресныя прогулки вдвоемъ выводили его изъ мрачнаго унынія, въ которомъ онъ находился цѣлую недѣлю, и какъ эти безвредныя мечты о воображаемомъ благополучіи проясняли мракъ жалкой дѣйствительности. Поэтому она скрывала по-возможности свое собственное мнѣніе и принимала Бичера такъ радушно, какъ только могла.

— А, Поль, мой мальчикъ, какъ ваши дѣла? Какъ поживаете, миссъ Келлетъ?—сказалъ Бичеръ съ тѣмъ непринужденнымъ видомъ и съ тою пріятною улыбкой, которые такъ шли къ нему. Выйдя рано изъ дому, я такъ и думалъ, что какъ разъ застану васъ за завтракомъ. Притомъ я выигралъ лишній часъ моего воскресенья, единственнаго дня, который благосклонно дается закономъ такимъ бѣднякамъ, какъ я. Ха, ха, ха! И онъ отъ души засмѣялся, какъ будто бы несостоятельность была самая забавная вещь въ мірѣ.

— Вы бодро переносите свою долю, Бичеръ, — сказалъ Кел-

летъ съ восторженнымъ удивленіемъ. Что значатъ всѣ эти невзгоды, пока мы счастливы?

— Никогда не должно отчаяваться; насъ могутъ обобрать, но никто не можетъ лишить насъ бодрости духа. Не правда-ли Келлетъ? *Mens sana in corpore*... Какъ тамъ дальше? вотъ существенная вещь.

— Да, я думаю что такъ,—сказалъ Келлетъ, не совсѣмъ ясно понимая, съ чѣмъ именно онъ соглашается.

— Есть очень немного людей,—позвольте мнѣ сказать вамъ это,—которые были бы такъ безпечны, какъ я, имѣя на шеѣ четыре вызова въ судъ и одинъ судейскій приказъ объ арестѣ. Не правда ли, миссъ Белла? что вы скажете на это?—обратился къ ней Бичеръ.

Она улыбнулась съ нѣкоторою грустью и не сказала ничего.

— Спросите Джона Скотта, спросите Бикнеля Морриса, или кого угодно изъ подобныхъ имъ—есть ли между ними человѣкъ, который бы переносилъ такъ бодро свою судьбу, какъ я. Бичеръ—это желѣзная полоса, скажутъ они. вамъ, этотъ дѣтина можетъ вынести какое-угодно количество ударовъ молота. И думать, что этого могло и не случиться со мною! во всемъ виноватъ Лаккингтонъ!

— Это хуже всего! воскликнулъ Келлетъ, который уже сто разъ прежде слышалъ это обвиненіе, выраженное въ тѣхъ же самыхъ словахъ.

— Лаккинтонъ—величайшій сумасбродъ, какого только можно себѣ представить; онъ не видитъ выгоды въ томъ, чтобы способствовать значенію своей фамиліи. Онъ могъ бы ввести меня въ парламентъ, въ качествѣ члена отъ «Молло», Грогъ Дэвисъ сказалъ ему однажды: «Обратите вниманіе, милордъ, Аннеслей лучшая лошадь въ вашей конюшнѣ, если бы только вы захотѣли употребить его въ свою пользу». Но Лаккингтонъ не хотѣлъ и слышать этого. Онъ считаетъ меня простякомъ! Вы не повѣрите, но дѣйствительно считаетъ.

— Клянусь, онъ ошибается въ этомъ,—сказалъ Келлетъ со всею силою искренности.

— Я тоже подозрѣваю, что такъ, мистеръ Келлетъ; я былъ воспитанъ въ другой школѣ, выросъ между ребятами, которые прошли огонь и воду, клянусь Юпитеромъ! Я вотъ что хочу сказать: доставьте только Аннеслею Бичеру шансъ, доставьте только одинъ разъ въ жизни—и вы увидите, что онъ проложитъ себѣ дорогу!

— Не хотите ли вы быть въ парламентѣ, мистеръ Бичеръ? спросила Белла съ улыбкой едва сдерживаемой насмѣшки.

— Разумѣется, во первыхъ тамъ есть протекція *)—не дурная вещь въ наши времена; тогда было бы необыкновенно странно, если бы я не съумѣлъ ввезти безопасно повозку на дворъ. Имъ пришлось бы дать мнѣ чертовски славную вещь, вы увидѣли бы, какою занозой я былъ бы у нихъ въ боку. Спросите Грога Дэвиса, что я за человѣкъ, и онъ скажетъ вамъ легко ли со мною сладить. Но Лаккингтонъ — сумасшедшій, онъ идетъ ощупью.

— Значитъ, вы думаете принимать дѣятельное участіе въ преніяхъ! сказала она.

— Во всемъ понемножку, миссъ Белла,—отвѣчалъ онъ, смѣясь:—подобно новѣйшимъ живописцамъ, для которыхъ не составляетъ разницы, если прибавится лишняя тѣнь въ ихъ картинахъ. Я не сталъ бы тратить время съ этой старой партіей торіевъ: всѣ они истощились, одряхлѣли и отяжелѣли, какъ говоритъ Джонъ Скоттъ. Я соединился бы съ манчестерцами, — съ этою юною партіей, имѣющей только два года отъ роду,—универсальной что ли? какъ вы ее называете?—и вотировалъ бы посредствомъ шаровъ. Клянусь Юпитеромъ! Вотъ люди, которые знаютъ самую суть!

— Въ такомъ случаѣ я не вижу какимъ образомъ лордъ Лаккингтонъ помогъ бы возвышенію своей фамиліи, способствуя вашимъ цѣлямъ,—замѣтила Белла.

—Разумѣется помогъ бы; это было бы для него самою надежною опорой. Онъ выигралъ бы призъ, какая бы лошадь ни бѣжала. Сверхъ того, къ чему бы имъ было покупать *меня*, если бы я не былъ противъ нихъ? Не правда ли, Келлетъ?

— Вы удивительный человѣкъ, Бичеръ!—воскликнулъ Келлетъ въ самомъ чистосердечномъ восторгѣ отъ своего друга.

Если бы только мнѣ дали шансъ, Поль, только одинъ шансъ, не болѣе.

Было не слишкомъ легко уразумѣть, какую добычу онъ надѣялся поймать на охотѣ жизни, когда говорилъ: «если бы только мнѣ дали шансъ». Какъ ни было это выраженіе смутно и неопредѣлено, но оно, въ теченіе многихъ лѣтъ, служило для него маякомъ надежды. Туманныя грезы объ удовлетворенныхъ кредиторахъ, о выигравшихъ призъ лошадяхъ, о тысячелѣтнемъ пе-

---

*) Изъятіе отъ ареста и отъ другихъ безпокойствъ по случаю долговъ и т. п.

ріодѣ легко уплачиваемыхъ счетовъ и о милостивомъ ангелѣ, руководящемъ рѣшеніями Банкротскаго суда,—такія и тому подобныя блага вѣроятно мелькали передъ его умственнымъ взоромъ, какъ плоды его «шанса», который судьба еще берегла для него.

Надежда — великодушная фея; она удостоиваетъ сидѣть у самыхъ скромныхъ очаговъ, она посѣщаетъ даже сырую келью темницы и даетъ отдыхъ своимъ крыльямъ на обломкахъ разбитаго бурей корабля. Да будетъ она трижды благословенна за это! Но по какой странной прихоти посѣщаетъ она сердца людей, подобныхъ Бичеру? Не потому ли, что самый духъ ея призванія состоитъ именно въ томъ, чтобы никогда не отчаяваться?

Мы ни мало не увѣрены, чтобы наши читатели находили въ обществѣ Бичера такое же удовольствіе, какъ Келлетъ, и потому мы избавимъ ихъ отъ разсказа о прогулкѣ двухъ пріятелей. Они бродили нѣсколько часовъ сряду, то вдоль каменистаго берега, къ которому тихо приливали волны, то углублялись внутрь чрезъ зеленыя аллеи и узкія дороги, озаренныя солнечнымъ свѣтомъ, который, пробираясь сквозь вѣтви и плетни, желтыми пятнами ложился на землю. День былъ спокоенъ и тихъ, — одинъ изъ тѣхъ торжественныхъ осеннихъ дней, которые своимъ неизмѣннымъ спокойствіемъ придаютъ ландшафту какой-то грустный колоритъ. Не смотря на близость къ городу, дороги были пустынны и два пріятеля по цѣлымъ часамъ не встрѣчали ни души. Повсюду, гдѣ подымался дымъ надъ высокими буковыми деревьями или гдѣ портикъ какого-нибудь уединеннаго коттеджа, покрытый орнаментами, выглядывалъ сквозь чащу, или гдѣ красивыя ворота свидѣтельствовали о какомъ-нибудь роскошномъ жилищѣ, Келлетъ останавливался, чтобы разсказать, кто тамъ жилъ, — богатый купецъ или банкиръ, или ольдерменъ или членъ муниципалитета, который нажилъ свое состояніе тѣми или другими средствами. Всѣ эти исторіи были разсказаны въ духѣ порицанія, которое такъ свойственно бывшему поземельному владѣльцу относительно «выскочекъ.» Онъ непремѣнно вспоминалъ какую-нибудь черту изъ ихъ скромныхъ дебютовъ на жизненномъ поприщѣ: какъ одинъ пришелъ босикомъ въ Дублинъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; какъ другой держалъ лошадей на улицѣ. Странно, но едва ли кто-нибудь изъ упоминаемыхъ лицъ избѣжалъ поясненій подобнаго рода, не потому чтобы въ разсказщикѣ была какая нибудь искра злости, но онъ находилъ какое-то утѣшеніе въ мысли, что при своей бѣдности онъ обладаетъ родствомъ и связями, какихъ нѣтъ ни у кого изъ нихъ. Между тѣмъ мысли Би-

чера приняли совсѣмъ другое направленіе; всякій разъ когда онъ не былъ заинтересованъ какой-нибудь чертой хитрости и изворотливости, о которыхъ онъ слушалъ съ жадностью, онъ наслаждался идеею о богатствѣ этихъ людей, котораго они могли бы лишиться: что если бы одинъ взялъ акціи въ какой нибудь нелѣпой спекуляціи? Нельзя ли убѣдить другого купить ничего не стоющихъ лоскутковъ бумаги этакъ фунтовъ на тысячу? Не позволитъ ли третій очистить свои карманы при случаѣ? Не вздумаетъ ли четвертый проиграть кругленькую сумму въ экарте.

И такимъ образомъ они смотрѣли на жизнь. правда далеко не съ одинаковыми симпатіями, но все-таки въ такомъ духѣ, который дѣлалъ ихъ пріятными другъ другу.

Одинъ представлялъ свои факты подобно сырому матеріалу, а другой выдѣлывалъ изъ нихъ тѣ затѣйливые товары, которыми онъ поддразнивалъ свое воображеніе. Бѣдность есть болѣе крѣпкая связь, чѣмъ думаютъ многіе, и когда люди начинаютъ признаваться въ ней другъ другу, то они вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы клянутся во взаимной вѣрности.

— Кстати,—сказалъ Бичеръ, прощаясь съ своимъ пріятелемъ — вы кажется говорили мнѣ, что знаете Дэвенпорта Дённа?

— Да, и очень хорошо знаю.

— Не можете ли вы меня представить ему? Вотъ человѣкъ, который могъ бы помочь мнѣ. Я увѣренъ, что онъ доставилъ бы мнѣ шансъ. Не правда ли, Келлетъ?

— Я каждый день ожидаю его возвращенія въ Ирландію. Не дальше какъ вчера я спрашивалъ о немъ, но онъ все еще за границей.

— Но когда онъ воротится, вы, разумѣется, можете намекнуть обо мнѣ. Онъ вѣроятно вспомнитъ мое имя.

— Я сдѣлаю это съ удовольствіемъ. Покойной ночи, Бичеръ, покойной ночи, и я надѣюсь, что Дённъ сдѣлаетъ для васъ больше, чѣмъ для *меня!* а иначе, клянусь, не стоитъ труда заводить это знакомство.

Белла рано ушла въ свою комнату, а Келлетъ угрюмо сидѣлъ у камина, подобно очень многимъ другимъ, запутавшимся въ долгахъ, джентльменамъ; онъ велъ жизнь среди всевозможныхъ займовъ, обязательствъ, закладныхъ, когда билль о заложенныхъ имѣніяхъ получилъ законную силу. При легальныхъ трудностяхъ лишить его имущества, при измѣнчивыхъ условіяхъ хорошей жизни, при нѣсколько большемъ обиліи денегъ на рынкѣ, онъ могъ бы продолжать такимъ образомъ до послѣдняго вре-

мени и кончить свои дни тамъ же, гдѣ ихъ началъ, т. е. въ старомъ домѣ своихъ предковъ, какъ вдругъ этотъ сильный и неожиданный ударъ законодательства уничтожилъ всѣ его средства и оставилъ его безъ гроша.

Паническій страхъ, произведенный въ первую минуту закономъ, который казался чуть не конфискаціей; большое количество поземельной собственности такъ внезапно назначенное въ продажу; предубѣжденіе противъ ирландскихъ залоговъ такъ сильно укоренившееся въ денежныхъ классахъ Англіи, — все это чрезвычайно много способствовало къ низкой оцѣнкѣ тѣхъ имѣній, которыя первыя были пущены въ ходъ, и многія изъ нихъ были проданы по цѣнамъ едва превосходившимъ сумму ихъ четырехъ или пятилѣтней ренты. Какого нибудь случайнаго безпорядка въ сосѣдствѣ, какой нибудь мелкой обиды на мѣстѣ было достаточно, чтобы понизить цѣнность; и покупатели дѣйствительно вообразили себя предпринимающими спекуляціи столь рискованныя, что ничто не могло вознаградить ихъ за этотъ рискъ кромѣ самыхъ заманчивыхъ выгодъ.

Однимъ изъ самыхъ первыхъ продававшихся имѣній былъ Келлетсъ - Кортъ. Лежавшіе на немъ долги представляли громадную цифру; это были накопившіеся долги трехъ поколѣній расточительныхъ владѣльцевъ; самый первый долгъ былъ сравнительно малъ, но даже и онъ не покрывался продажей. Домъ, который стоилъ около 40 тысячь фунтовъ, стоявшій на своей собственной землѣ и окруженный помѣстьемъ, дававшимъ больше трехъ тысячь въ годъ, былъ проданъ за 15 тысячь 400 фунтовъ.

Келлету совѣтовали подать противъ этой продажи аппелляцію, подтверждая свою просьбу различными основаніями: у него въ рукахъ было письменное предложеніе вдвое большей цѣны за то же самое помѣстье; предложеніе сдѣланное ему во времена менѣе благопріятныя; онъ могъ сослаться на внезапность и на другія обстоятельства для уничтоженія этой раззорительной сдѣлки; и вотъ тогда-то онъ еще разъ вошелъ въ сношенія съ Дэвенпортомъ Дённомъ, адвокатомъ со стороны многихъ лицъ, которыхъ интересы были компрометированы продажей. Не было и тѣни вѣроятія, чтобы по продажѣ собственности остался какой нибудь излишекъ для него самого; но онъ надѣялся, да такъ ему и говорили, что на него благосклонно будутъ смотрѣть тѣ, которыхъ интересы онъ будетъ защищать, и вотъ эта-то по-

слѣдняя попытка была теперь предметомъ его томительныхъ думъ.

Было также другое безпокойство, еще болѣе близкое его сердцу и лежавшее камнемъ у него на душѣ. Коллетъ имѣлъ сына,—откровеннаго, прямодушнаго молодого человѣка,—который достигъ совершеннолѣтія, не подозрѣвая, что ему когда нибудь придется заработывать себѣ насущный хлѣбъ. Праздныя, лѣнивыя привычки деревенской жизни сдѣлали его неспособнымъ ни къ какому ученью, такъ что его усилія поступить въ коллегію сопровождались неудачей и его не пустили даже на порогъ университета. Джекъ Келлетъ воротился домой, давъ себѣ обѣтъ не ломать головы надъ Гомеромъ и Лукіаномъ и сдержалъ свое слово. Онъ съ удвоеннымъ жаромъ предался охотѣ и занялся своими лягавыми собаками, ожидая того времени, когда получитъ извѣстіе объ опредѣленіи своемъ въ полкъ. Его отцу удалось выхлопотать обѣщаніе объ этомъ назначеніи, но, къ несчастію, отвѣтъ пришелъ уже въ ту самую недѣлю, когда Келлетсъ-Кортъ былъ проданъ, и приказаніе о внесеніи денегъ за патентъ въ конно-гвардейскій полкъ пришло въ тотъ самый часъ, когда они уже безвозвратно раззорились.

На слѣдующее утро Джекъ исчезъ, а на другой день за тѣмъ прислалъ письмо съ увѣдомленіемъ, что онъ поступилъ въ стрѣлки и отправляется въ Крымъ. Старый Келлетъ скрылъ свое горе подъ видомъ негодованія на сына, который его бросилъ. Онъ такъ искусно обманывалъ себя самого, что Белла оставалась въ сомнѣніи насчетъ того, произошла или нѣтъ какая-нибудь ужасная сцена между отцомъ и сыномъ, прежде чѣмъ этотъ послѣдній оставилъ свой домъ. Тономъ, не допускавшимъ возраженія, онъ запретилъ ей упоминать при немъ о Джэкѣ, и такимъ образомъ сохранилъ свое горе, какъ какое-нибудь сокровище для себя одного и для своихъ одинокихъ часовъ обманывая свою печать затѣйливыми выдумками того принужденія, которое онъ такимъ образомъ былъ долженъ наложить на себя. Подобно огромному числу людей, съ которыми свѣтъ обошелся сурово, онъ любилъ думать о своихъ несчастіяхъ и преувеличивать ихъ въ своихъ глазахъ. Подобно скрягѣ, который любуется своими сокровищами, онъ много разъ пересчитывалъ всѣ жестокости своей судьбы. Онъ любилъ лелѣять такимъ образомъ свое горе въ уединеніи и въ то же время говорилъ самому себѣ: «Ты мужественный человѣкъ, Поль Келлетъ; немного есть людей, которые бы могли имѣть твое веселое лицо, или ходить такъ бодро при подобныхъ

обстоятельствахъ. Человѣкъ, который владѣлъ Келлетсъ-Кортомъ и былъ однимъ изъ первыхъ въ своемъ графствѣ, живетъ теперь въ бѣдной хижинѣ ничтожною суммой шестидесяти фунтовъ въ годъ. Вотъ пробный камень его характера! Покажите мнѣ другого человѣка въ Ирландіи, который былъ бы состояніи это сдѣлать. Покажите мнѣ того, кто могъ бы до такой степени воздерживаться отъ жалобъ и всегда оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ по рожденію — джентльменомъ». Такова была философія, которой онъ слѣдовалъ; таковъ былъ урокъ, который онъ преподавалъ; такова была сомохвалебная пѣснь, раздававшаяся въ глубинѣ его сердца. Различныя крайности, въ которыя онъ могъ бы впасть при другомъ характерѣ, дурное общество, до котораго онъ могъ бы низойдти, низкія привычки, которыя онъ могъ бы усвоить, всевозможныя и невозможныя случайности, которыя могли бы его постигнуть, и всѣ происходящія отъ нихъ затрудненія, составляли маленькій, фантастическій міръ, въ созерцаніе котораго онъ погружался съ наслажденіемъ.

Не часто случается, чтобы себялюбіе принимало форму въ такой степени безупречную; не всегда самообольщеніе можетъ быть такъ безвредно. Оставимъ его на свободѣ предаваться этимъ думамъ.

ГЛАВА V.

ЖИТЕЙСКІЯ ПРЕВРАТНОСТИ.

Резиденція мистера Девенпорта Дённа находилась въ Мерріонъ-скверѣ, но его контора была въ Генріетта-стритѣ. Это было одно изъ тѣхъ просторныхъ старинныхъ зданій, гдѣ до временъ присоединенія помѣщалась ирландская аристократія, но которыя теперь совершенно заброшены и запущены. Будучи гораздо обширнѣе и богаче украшеніями, чѣмъ какой нибудь домъ новѣйшаго Дублина, они, съ своими массивными дверями изъ по-

темнѣвшаго краснаго дерева, съ богато оштукатуренными потолками и прекрасными мраморными каминами, остаются послѣдними свидѣтелями того періода, когда Дублинъ былъ настоящей столицей. Начиная отъ большой столовой въ нижнемъ этажѣ до самаго верха все это обширное зданіе было обращено въ разныя канцеляріи, и члены штабамистера Дённа были помѣщены въ самомъ строеніи позади, гдѣ прежде находились конюшни. Ничто не можетъ въ такомъ сокращенномъ видѣ представить разнообразіе его занятій, какъ взглядъ на нѣкоторыя изъ надписей, которыя красовались на разныхъ дверяхъ: «Контора внутренней навигаціи». «Главное общество Мюнстерскаго соединительнаго дренажа», «Компанія сжатаго топлива», «Спорныя земли», «Заложенныя имѣнія», «Прибрежное рыболовство», Общество мѣдныхъ и кобальтовыхъ рудниковъ», «Компанія пріютовъ», «Аспидныя и мраморныя каменоломни», «Тайролейскій и Эррисскій сохранный банкъ», «Серебряные и свинцовые рудники». Это были только немногія изъ безчисленныхъ «обществъ», «компаній» и «промышленныхъ спекуляцій,» которыя указывали на работы и занятія этой дѣятельной головы. Измѣнившееся назначеніе этого большого дома само по себѣ представляло недурное изображеніе измѣнившихся судебъ страны. Здѣсь нѣкогда было жилище уже черезчуръ блистательнаго гостепріимства и всего, что можетъ дать утонченная вѣжливость и изысканныя манеры, чтобы сдѣлать общество столь же очаровательнымъ, какъ блестящимъ. Здѣсь царствовали остроуміе, красота и возвышенный рыцарскій духъ нравовъ, впрочемъ смѣшанный съ самымъ дикимъ сумазбродствомъ и всеобщимъ легкомысліемъ, которое придавало происходившимъ здѣсь увеселеніямъ яркіе оттѣнки оргіи. И мѣсто ихъ заступили теперь признаки промышленной дѣятельности, всѣ средства, съ помощью которыхъ накопляются богатства и пріобрѣтаются большія состоянія. Всѣ рессурсы страны изслѣдованы; всѣ естественныя выгоды изучены и развиты; горы, долины, рѣки, морскіе берега, обширныя болотистыя пространства, разныя мины и каменоломни, продукты, нѣкогда считавшіеся лишенными цѣнности, округи оставленые прежде какъ безнадежные,—все было приведено въ положительную извѣстность и изслѣдовано въ духѣ дѣятельной предпріимчивости, который до сихъ поръ былъ неизвѣстенъ въ Ирландіи. Какая перемѣна произошла здѣсь, и какія нужды тяготѣли надъ людьми, которые измѣнили свои привычки и образъ мыслей согласно системѣ, такъ рѣзко отличающейся отъ всего, чему они до сихъ поръ слѣдовали? Это бы-

ло похоже на новое заселеніе какой нибудь имперіи, — до такой степени разрушительны были всѣ нововведенія для всего, что предшествовало имъ.

— Не правда ли, Бартонъ, мы когда-то проворнѣе всходили по этимъ лѣстницамъ, — сказалъ очень красивый старикъ, котораго хорошо напудренные волосы и косичка представляли довольно странное явленіе въ настоящее время. Эти слова были обращены къ какой-то дряхлой фигурѣ, которая, съ помощью своего слуги, медленно и съ трудомъ подымалась вверхъ.

— Какъ поживаете, Гленгаррифъ,—сказалъ тотъ, съ слабою улыбкой. Ваша правда; и то были лучшія времена во всѣхъ отношеніяхъ.

— Безъ сомнѣнія, —подтвердилъ Гленгаррифъ. Вамъ не сюда ли нужно?—И онъ указалъ на дверь, на которой было надписано: «Заложенныя имѣнія.»

— Да,— отвѣчалъ Бартонъ со вздохомъ.

— И мнѣ, къ сожалѣнію, нужно сюда же,—вскричалъ лордъ Гленгаррифъ; — да, я думаю, что скоро ни одинъ деревенскій джентльменъ не минуетъ этой двери.

— Мы могли бы знать, что дѣло должно дойдти до этого! пробормоталъ Бартонъ слабымъ голосомъ.

— Не думаю, — съ живостью прервалъ милордъ.—Я не вижу рѣшительно никакого повода къ тому, что равняется конфискаціи. Почему бы не дать намъ времени уладить свои дѣла съ кредиторами? Почему бы не предоставить намъ выпутываться изъ долговъ по нашему собственному усмотрѣнію? Все это дѣло есть просто-на-просто политическое мошенничество, Бартонъ; или нужно было новое дворянство, которымъ было бы легче управлять, чѣмъ нами—стариками, и которое не имѣетъ ни положенія, ни знатности, но готово купить себѣ и то и другое, поддерживая...

— Могу ли я чѣмъ нибудь служить вамъ, милордъ? прервалъ черезчуръ разряженный и обремененный золотыми цѣпочками господинъ лѣтъ сорока, съ сильно развитой грудью, всю красоту которой выказывалъ очень затѣйливый жилетъ.

— А, Гэнксъ! Воротился ли Дённъ,—спросилъ лордъ Гленгаррифъ.

— Нѣтъ, милордъ; мы ожидаемъ его въ субботу. Телеграмма послана изъ Сен-Клу, гдѣ онъ остановился для переговоровъ съ императоромъ.

Гленгаррифъ слегка ущипнулъ Бартона за руку и бросилъ на него многозначительный взглядъ при этихъ словахъ.

— По моему дѣлу еще ничего не сдѣлано? спросилъ Бартонъ слабымъ голосомъ. Джонасъ Бартонъ, — прибавилъ онъ, краснѣя отъ необходимости рекомендовать себя.

— Джонасъ Бартонъ изъ Керригляссъ-Гоуза?

— Да.

— Ваше имѣніе продано въ засѣданіи суда, сэръ... за... позвольте... И онъ открылъ маленькую записную книжку. Оцѣнка Гриффита—пробормоталъ онъ сквозь зубы—была гораздо выше оцѣнки коммисіонера; да, сэръ, ваше имѣніе куплено вчера; оно пошло за двадцать двѣ тысячи шесть сотъ...

— Великій Боже! неужели все имѣніе?

— Все; на немъ лежитъ десятинная подать...

— Перестаньте, перестаньте; развѣ вы не видите, что онъ не слышитъ васъ, — съ гнѣвомъ сказалъ лордъ Гленгаррифъ. Нѣтъ ли у васъ какой-нибудь комнаты, гдѣ бы онъ могъ посидѣть полчаса, или около того. Сказавъ это, онъ помогъ слугѣ перенести старика, лишившагося чувствъ, въ ближайшую комнату. Больной скоро пришелъ въ себя, и такъ же скоро вспомнилъ, гдѣ онъ находится.

— Это дурныя вѣсти, Гленгаррифъ,—сказалъ онъ съ болѣзненнымъ усиліемъ улыбнуться.

— Слышали ль вы, кто былъ покупщикомъ?

— Нѣтъ; да и къ чему? Возьмите мою руку и пойдемте изъ этого мѣста. Гдѣ вы остановились? Позволите мнѣ довести васъ до дому? — сказалъ лордъ Гленгаррифъ торопливо и съ смущеніемъ.

— Я остановился въ Эли-плесѣ, съ зятемъ; онъ придетъ сюда за мною; поэтому вы можете оставить меня здѣсь, мой дорогой другъ; я вижу, что вы нетерпѣливо желаете выбраться отсюда.

Лордъ Гленгаррифъ съ чувствомъ пожалъ ему руку и сошелъ съ лѣстницы, гораздо быстрѣе, чѣмъ взошелъ на нее.

— Лордъ Гленгаррифъ... одно слово, милордъ! вскричалъ мистеръ Гэнксъ, догоняя его у двери.

— Не теперь, сэръ, не теперь,—сказалъ милордъ.

— Тысячу извиненій, милордъ, но я получилъ отъ мистера Денна письмо; онъ настоятельно приказываетъ передать вамъ, что этого нельзя сдѣлать...

— Т. е. достать денегъ, хотите вы сказать? — спросилъ Гленгаррифъ, внезапно поблѣднѣвъ.

— Нельзя тѣмъ способомъ, который онъ предлагалъ. Если вы позволите мнѣ объяснить...

— Приходите въ мою гостиницу. Я остановился у Бильтона,—прервалъ лордъ Гленгаррифъ. Приходите туда черезъ часъ. Съ этими словами онъ сѣлъ въ свой экипажъ и уѣхалъ.

Въ большой гостиной отеля сидѣла дама; она работала и по временамъ заглядывала въ раскрытую книгу, которая лежала передъ нею. Она обладала высокимъ ростомъ, тонкимъ станомъ и нѣжными чертами лица, и хотя она достигла уже того періода въ жизни, когда каждая линія, каждый оттѣнокъ свидѣтельствуетъ объ опустошеніяхъ времени, но все еще была красива. Это была леди Августа Арденъ, единственная незамужняя дочь лорда Гленгаррифа, настоящее подобіе своего отца, какъ по наружности, такъ и по темпераменту.

— Клянусь Георгіемъ! Это просто конфискація. Это предвѣстіе коммунизма, о которомъ говорятъ французы,—вскричалъ лордъ Гленгаррифъ, войдя въ комнату. Вотъ, напримѣръ, бѣдный Бартонъ изъ Керри-гласса, — одно изъ стариннѣйшихъ именъ въ графствѣ: его имѣніе продано, и притомъ за безцѣнокъ, рѣшительно за безцѣнокъ. Никто не убѣдитъ меня, что это законно или справдливо; никто не докажетъ мнѣ, что законодательная власть должна вмѣшиваться и рѣшать — какъ я долженъ улаживать дѣла съ моими кредиторами.

— Я никогда не слыхала объ этомъ Бертонѣ.

— Я сказалъ Бартонъ, а не Бертонъ; человѣкъ, котораго имѣніе приносило пять тысячь въ годъ,—сказалъ онъ съ сердцемъ.

— И теперь его обобрали. Я серьезно думаю, что у него не осталось ни одной гинеи. И для чего все это? Для того, чтобы создать въ странѣ массу подложнаго дворянства, изъ людей, о которыхъ никто не слыхалъ, которыхъ имена извѣстны только за прилавками, какъ будто они будутъ лучше и ласковѣе обходиться съ народомъ, нежели мы,—его природные покровители. Клянусь Георгіемъ! Если Ирландія будетъ кишѣть Дэвенпортъ-Дѣннами, то я назову это жалкою замѣной благородной крови, которой она лишилась, истребивъ свое старинное дворянство.

— Воротился ли онъ? — спросила леди Августа, наклонившись еще болѣе надъ своей работой и слегка покраснѣвъ.

— Нѣтъ; онъ обѣдаетъ съ царственными особами и ѣздитъ

въ княжескихъ каретахъ на континентѣ. Принимая въ соображеніе, чего стоила намъ здѣсь его короткость съ высокими особами, я сказалъ бы, что они должны смотрѣть въ оба, не то—клянусь Георгіемъ!—онъ продастъ ихъ такъ же, какъ сдѣлалъ это съ нами. И при этой шуткѣ онъ горько засмѣялся, но его дочь не приняла участія въ этомъ случаѣ.

— Я думаю, что едва ли справедливо, — сказала она наконецъ,—дѣлать мистера Дённа отвѣтственнымъ за вину законодательства, относительно котораго онъ не болѣе какъ исполнитель.

— Пусть будетъ по твоему, оправдывай его какъ тебѣ угодно, но только я съ своей стороны питаю очень мало нѣжныхъ чувствъ къ рукѣ, которая исполняетъ приговоры закона противъ меня. Эти ребята выказали такое рвеніе и проворство въ своей работѣ, которыя и показываютъ до какой степени имъ нравится эта забава. Впрочемъ,—прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, — этотъ Дённъ не лучше и не хуже остальныхъ, только онъ имѣетъ надъ ними преимущество въ одномъ отношеніи —онъ не въ такой степени забылся, какъ другіе. Правда мы знали его въ черномъ тѣлѣ, Августа; онъ былъ довольно кротокъ въ тѣ времена.

Леди Августа нагнулась, чтобы поднять свою работу, которую она уронила, и ея шея и лицо были красны, когда она опять сѣла на свое мѣсто.

— Ему тогда и во снѣ не грезился человѣкъ, которымъ онъ сдѣлался въ эти дни. Знаешь ли Августа, говорятъ онъ дѣйствительно имѣетъ два милльона. Два милльона!

Она не отвѣчала, и послѣ нѣкоторой паузы, лордъ Гленгарифъ разразился страннымъ смѣхомъ.

— Ты едва ли угадаешь, Августа, чему я смѣялся. Я вспомнилъ о жалкой дырѣ, въ которой онъ спалъ. Было просто стыдно помѣстить его тамъ, надъ конюшней, но коттэджъ въ это время перестроивался, и нельзя было помочь горю; «я могу приноровиться ко всему, милордъ,» сказалъ онъ. Чортъ возьми! онъ ухитрился выполнить это обѣщаніе совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Только подумай—два милльона стерлинговъ!

Именно объ этомъ и думала леди Августа въ настоящую минуту, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ въ томъ духѣ, какъ подозрѣвалъ милордъ.

— Положимъ, что онъ имѣетъ только половину этой суммы: чего въ наше время не можетъ сдѣлать человѣкъ съ милльономъ денегъ въ своемъ распоряженіи?

Такимъ образомъ оба они размышляли обо всемъ, что можно бы купить этою великою суммой богатства;—сколько можно пріобрѣсти ею власти, почета, знатности, лести, политическаго вліянія, прекрасныхъ знакомствъ, прекрасныхъ брильянтовъ и прекрасныхъ обѣдовъ.

— Если онъ съумѣетъ распорядиться своими картами въ игрѣ, то можетъ сдѣлаться пэромъ,—думалъ милордъ.

— Если онъ такъ честолюбивъ, какъ ему слѣдуетъ быть, то онъ могъ бы мечтать о дочери пэра,—думала леди Августа.

— Однако же онъ потерпѣлъ неудачу въ моемъ дѣлѣ,— сказалъ лордъ Гленгаррифъ ворчливо; — по крайней мѣрѣ Гэнксъ только-что сейчасъ говорилъ мнѣ, что его нельзя выполнить. Ненавижу этого Гэнкса. Это показываетъ значительное отсутствіе такта въ Дѣннѣ, что онъ держитъ такого человѣка въ своей конторѣ—вульгарнаго, самодовольнаго франта, который не можетъ удержаться отъ фамильярности, ради своего собственнаго удовольствія. Но самъ Дѣннъ знаетъ свое мѣсто. Какъ ты думаешь?

Дочь пробормотала въ отвѣтъ что-то похожее на подтвержденіе.

— Да,—продолжалъ отецъ,—Дѣннъ не забываетъ, по крайней мѣрѣ, относительно *меня*.—И судя по тому, какъ милордъ держалъ свою голову при этихъ словахъ, и по виду, съ которымъ онъ поднесъ щепотку табаку къ своему носу, можно было заключить, что онъ еще не потерялъ надежды видѣть возвращеніе свѣта къ преданіямъ, которыя нѣкогда дѣлали его стоющимъ того, чтобы жить въ немъ.

— Я готовъ отдать ему всякую похвалу за приличіе, съ которымъ онъ себя держитъ, Августа, — прибавилъ онъ еще болѣе надменнымъ тономъ:—потому что мы живемъ въ такія времена, когда богатство и успѣхи въ жизни пользуются болѣе чѣмъ справедливымъ преобладаніемъ, и когда люди, подобные Дѣнну сдѣлались предметами ласкательства, которое есть оскорбленіе... да, рѣшительно оскорбленіе для *насъ*!

Послѣднее односложное слово было произнесено съ выразительностью, исполненною глубокаго значенія.

Въ ту самую минуту, какъ милордъ успѣлъ округлить заключеніе своей рѣчи, слуга подалъ ему маленькую, сложенную трехугольникомъ, записку. Онъ открылъ ее и прочелъ:

«Милордъ,—я думаю, что податель сего, Т. Дрисколь, можетъ сдѣлать то, чего вы желаете; и я посылаю его къ вамъ, въ увѣ-

ренности, что личное свиданіе съ вами будетъ дѣйствительнѣе всякихъ переговоровъ.

Вашъ, милордъ, покорнѣйшій слуга.

Симпсонъ Гэнксъ.

— Здѣсь ли человѣкъ, который принесъ эту записку?— спросилъ Гленгарриффъ.

— Да, милордъ; онъ ждетъ отвѣта.

— Проведи его въ мою гостиную.

И мистеръ Теренсъ Дрисколь былъ введенъ въ это святилище. Покамѣстъ онъ употребляетъ немногія оставшіяся ему свободныя минуты на пытливый и критическій обзоръ различныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещицъ, способствующихъ туалету милорда, и съ удивленіемъ вдыхаетъ въ себя разныя эссенціи и духи, существованія которыхъ до сихъ поръ даже и не подозрѣвалъ, — воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы разсмотрѣть его самого. Это былъ небольшого роста толстый старикъ, съ очень круглымъ краснымъ лицомъ, котораго веселое выраженіе было скорѣе усилено, чѣмъ испорчено, поразительною косостью глазъ, потому что они постоянно играли и бѣгали, показывая неутомимую наклонность къ шутовству; большой широкій ротъ его вполнѣ соотвѣтствовалъ общему впечатлѣнію, производимому его физіономіей. Судя по платью и по всей наружности, онъ принадлежалъ къ разряду зажиточныхъ фермеровъ, и его массивная серебряная цѣпочка и неуклюжая печать показывали въ немъ сознаніе своего обезпеченнаго положенія въ жизни.

— Вы мистеръ Дрисколь? спросилъ лордъ Гленгаррифъ, взглянувъ на письмо. Прошу—садиться!

— Да, милордъ, я—несчастное созданіе, Терри Дрисколь,—сосѣди называютъ меня Терри-Вырывало, но это все уже дѣло прошлое, слава Богу! У меня была горячка, мой разсудокъ помутился и я натворилъ много вещей, которыя погубили меня окончательно; я разорвалъ документъ о наймѣ моего дома, разорвалъ завѣщаніе своего дяди, Питера Дрисколь; и что еще хуже всего—я вырвалъ всѣ свои передніе зубы!

И, въ доказательство этого послѣдняго подвига, мистеръ Дрисколь осклабился и такимъ образомъ выказалъ свои обнаженныя десны.

— Боже мой, какъ это ужасно! вскричалъ лордъ Гленгаррифъ, хотя, можетъ быть, это восклицаніе было вызвано скорѣе видомъ, чѣмъ исторіею бѣдствія.

— Дѣйствительно ужасно, милордъ, это слово какъ разъ сюда подходитъ—сказалъ Терри со вздохомъ:—но вы видите, что я былъ тогда не въ здравомъ разсудкѣ; мнѣ чудилось, что всѣ люди вокругъ меня шайка грубіяновъ, которыхъ я не могу выжить съ моей земли, толпа пришлецовъ, которые не хотятъ ни платить, ни работать; словомъ, я находился подъ вліяніемъ страшнаго бреда.

— Я получилъ письмо отъ мистера Гэнкса,—сказалъ милордъ величественно. Тонъ этихъ словъ имѣлъ цѣлію прекратить разсказъ мистера Дрисколя о своей особѣ, которымъ онъ увлекся съ такимъ очевиднымъ удовольствіемъ.—Онъ говоритъ о васъ какъ о человѣкѣ, который, вѣроятно... т. е... который въ состояніи... словомъ, какъ о лицѣ...

— Да, милордъ, да,—прервалъ Терри, ухмыляясь съ видомъ безграничнаго согласія.

— И прибавляетъ,—продолжалъ милордъ, о вашемъ желаніи лично поговорить со мною.—Эти очень немногія слова были сами по себѣ не важны, однако же лордъ Гленгаррифъ ухитрился придать имъ очень великое значеніе. Они, казалось, говорили: «подумай хорошенько, Терри Дрисколь, о великомъ счастіи, которое выпало тебѣ на долю сегодня. Твоя смѣлость увѣнчалась успѣхомъ и вотъ ты, жалкій червь, сидишь здѣсь, разговаривая съ человѣкомъ, имѣющимъ гербъ съ короной».

И въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Дрисколь повидимому сознавалъ свое положеніе со всею уничиженностью раба. Онъ плотнѣе сдвинулъ ноги одну съ другой и запряталъ руки въ глубину широкихъ рукавовъ своего фрака, какъ будто стараясь по возможности уменьшить свою фигуру.

Милордъ увидѣлъ, что онъ уже достаточно сдѣлалъ для покоренія находящейся предъ нимъ особы, и благосклонно прибавилъ: И я съ своей стороны не имѣю никакого возраженія противъ этого свиданія; рѣшительно никакого.

— Вы слишкомъ добры, милордъ, слишкомъ добры и милостивы ко мнѣ,—сказалъ Терри, едва подымая глаза, чтобы бросить на Гленгаррифа взглядъ, въ которомъ смѣшивались стыдъ и лукавство;—но я пришелъ по дѣлу, о которомъ мистеръ Гэнксъ сказалъ мнѣ, т. е. о пустячномъ займѣ... о деньгахъ, въ которыхъ вы нуждаетесь въ эту минуту.

— Я предпочитаю устроивать дѣла этого рода посредствомъ моихъ повѣренныхъ. Я ничего не понимаю въ дѣлахъ, сэръ, рѣшительно ничего,—сказалъ милордъ надменно. Однако же на-

стоящій случай можетъ составить исключеніе. Сумма, которая мнѣ нужна, какъ вы справедливо замѣтили, совершенная бездѣлица, и въ настоящемъ случаѣ не стоитъ прибѣгать къ посредничеству адвокатовъ.

— Да, милордъ,—подтвердилъ Дрисколь, который имѣлъ въ высшей степени несносную привычку поддакивать всему безъ разбора.

— Я полагаю, онъ назвалъ вамъ сумму? съ живостью спросилъ Гленгаррифъ.

— Нѣтъ, милордъ. Онъ сказалъ мнѣ только: «Терри, говоритъ, идите въ гостиницу Бильтона съ этой запиской и спросите лорда Гленгаррифа. Ему нужно нѣсколько наличныхъ денегъ, говоритъ, и я сказалъ ему, что вы вѣроятно можете достать ихъ. Для насъ это слишкомъ ничтожное дѣло, говоритъ, чтобы безпокоиться изъ за такихъ пустяковъ.

— И онъ имѣлъ дерзость употребить эти слова относительно *меня*—вскричалъ лордъ Гленгаррифъ, почти побагровѣвъ отъ гнѣва.

— Къ сожалѣнію да,—милордъ, сказалъ Терри, опустивъ глаза; — но я увѣренъ, что онъ не хотѣлъ сказать этимъ ничего дурного. Онъ только хотѣлъ выразить: «послушайте Терри, здѣсь есть кое-что для васъ; вы бѣдный человѣкъ и вамъ не мѣшаетъ заработать лишнюю копѣйку безъ особеннаго труда. Если вы можете услужить милорду,—говоритъ,—то онъ не забудетъ этого.

Заключеніе этой рѣчи было для милорда гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ какъ обѣщало вступленіе; и лордъ Гленгаррифъ довольно милостиво улыбнулся, говоря: я не имѣю привычки забывать тѣхъ, которые мнѣ служатъ...

— Да, милордъ,—снова подтвердилъ Дрисколь.

— Я могу смѣло сказать, что вліяніе, какимъ я обладаю, всегда было употребляемо въ пользу тѣхъ, которые были, такъ сказать, опорою моей фамиліи.

Если бы милордъ высказалъ какое-нибудь чувство самаго восторженнаго и великодушнаго свойства, то и тогда онъ не могъ бы принять болѣе гордаго вида, чѣмъ теперь, когда онъ произнесъ эти слова.

— А теперь, мистеръ Дрисколь, къ дѣлу. Мнѣ нужно пять тысячь фунтовъ.

Долгій тихій свистъ со стороны Терри, вдругъ поднявшаго руки кверху, остановилъ милорда.

— Что съ вами; или эта сумма вамъ кажется такъ ужасною, сэръ?

— Пять тысячь! гдѣ мнѣ ихъ взять? Клянусь, это все равно, какъ если бы попросили у меня пять милльоновъ. Я думалъ, что вамъ нужно этакъ сто, полтораста, а много-много двѣсти фунт., только для того, чтобы прожить въ Лондонѣ во время такъ называемаго сезона, или блеснуть въ Парижѣ; но пять тысячь! Да вѣдь нынче можно купить цѣлое имѣніе за эту сумму!

— Я намѣренъ занять ее подъ залогъ недвижимой собственности,—гнѣвно сказалъ милордъ.

— Не Кушнакрина ли, милордъ?—быстро спросилъ Терри.

— Нѣтъ, сэръ, онъ заложенъ.

— И не Боллиреннина?

— Нѣтъ, городская земля Боллиреннина въ нѣкоторомъ родѣ не свободна.

— Можетъ быть Торисъ-Милля? спросилъ Терри еще съ большимъ жаромъ.

— Эге, сэръ, — сказалъ милордъ, вставая. Я рѣшительно долженъ поздравить васъ съ точными свѣденіями, которыя вы имѣете о моихъ помѣстьяхъ. Смѣю ли спросить—съ какого времени вы почувствовали такое теплое участіе ко мнѣ?

— Это было вотъ какимъ образомъ, милордъ, — сказалъ Дрисколь, подвигая свой стулъ поближе и понижая свой голосъ до тихаго, конфиденціальнаго тона. Послѣ горячки, о которой я вамъ говорилъ, я всталъ съ постели несчастнымъ созданіемъ, какимъ вы меня видите, неспособнымъ ни о чемъ думать или пошевелить рукой для себя; я могъ быть только обузою для друзей или для всякаго, кто бы захотѣлъ держать меня. Ну вотъ я и старался всѣми средствами сдѣлать себя полезнымъ. Я былъ употребляемъ для посылокъ туда и сюда однимъ человѣкомъ, которому нужно было знать — гдѣ продается какая земля, гдѣ есть стадо хорошихъ овецъ, или телятъ; и привыкнувъ къ этому, я узналъ кое-что изъ того, что дѣлается въ трехъ странахъ, такъ что люди стали называть меня Терри-Календарь—это имя все-таки лучше, чѣмъ Терри-Вырывало. Какъ бы то ни было, только я пріобрѣлъ страсть къ разузнаванію секретовъ знатныхъ фамилій; и, право, еслибы только я имѣлъ память, то зналъ бы очень много; но голова моя похожа на рѣшето, сквозь которое все проходитъ такъ же скоро, какъ и попадаетъ въ него. Вотъ какъ это было, милордъ, и я нисколько не лгу. И Терри отеръ

себѣ лобъ и тяжело вздохнулъ, подобно человѣку, только-что кончившему тяжелую работу.

— Я начинаю теперь понимать, для чего Гэнксъ прислалъ васъ ко мнѣ,—сказалъ милордъ.

— Да, милордъ,—пробормоталъ Терри съ поклономъ.

— Я думалъ, — ошибочно думалъ, — что вы сами можете дать мнѣ эту небольшую сумму.

— Я! Терри Дрисколь... пять тысячь фунтовъ! Ва-ва-ва! Посмотрите на меня, милордъ, — бросьте только одинъ взглядъ на меня, — и вы увидите есть ли какое-нибудь вѣроятіе, чтобы я имѣлъ такъ много шиллинговъ! И только потому, что я всегда «на побѣгушкахъ», какъ они называютъ это, мистеръ Гэнксъ подумалъ, что я могу быть полезенъ вамъ, милордъ. «Идите, сказалъ онъ, и только скажите ему кто и что вы такое». Вотъ и все!

Лордъ Гленгаррифъ не отвѣчалъ, но медленно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ глубокомъ размышленіи; мимолетное чувство жалости къ бѣдняку, котораго онъ видѣлъ предъ собой, взяло верхъ надъ досадой на свою собственную неудачу, и съ минуту онъ находился въ сострадательномъ настроеніи духа.

— Право, Дрисколь, — сказалъ онъ наконецъ, — я не совсѣмъ вижу, какимъ образомъ вы можете служить мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

— Да, милордъ,—сказалъ Терри, съ забавнымъ миганіемъ своихъ безпокойныхъ глазъ.

— Я говорю, что я не понимаю, какъ можете вы способствовать въ чемъ-нибудь цѣли, которую я имѣю въ виду, — сказалъ милордъ съ нѣкоторою досадой на то, что его не понимаютъ.

— Да, милордъ,—подтвердилъ Терри.

— И вы можете сказать ему это отъ *меня*. Онъ рѣшительно не способенъ къ своей должности, и я только удивляюсь, какимъ образомъ Дённъ, при своей проницательности, помѣстилъ подобнаго человѣка на такой важный постъ. Человѣкъ на этомъ посту долженъ прежде всего понимать, какимъ уваженіемъ онъ обязанъ относительно *насъ*.

На послѣднемъ слогѣ лордъ Гленгаррифъ сдѣлалъ удареніе, очень ясно показывавшее, какую малую долю Терри Дрисколь имѣлъ въ этомъ сотовариществѣ.

— И только потому, что я имѣю минутную нужду въ небольшой суммѣ наличныхъ денегъ, онъ послалъ для переговоровъ со мною полоумнаго... я хочу сказать, человѣка не совсѣмъ еще

оправившагося послѣ горячки—бѣдняжку, который до сихъ поръ страдаетъ отъ...

— Да, милордъ, прервалъ Терри, прикладывая руку ко лбу въ знакъ того, что тамъ-то именно и сидитъ его болѣзнь.

— Это слишкомъ грубо... это оскорбительно... но Дённъ узнаетъ объ этомъ... Дённъ раздѣлается съ этимъ молодцомъ, когда вернется. Мнѣ жаль *васъ*, Дрисколь... право очень жаль; это очень прискорбное лишеніе, и хотя оно не вполнѣ подходитъ къ тѣмъ случаямъ, которые требуютъ помѣщенія въ пріютъ... впрочемъ, можетъ быть, вы имѣете возраженія противъ пріюта?

— Да, милордъ.

— Въ такомъ случаѣ, близкіе друзья, я думаю... близкіе друзья... и доброе участіе тѣхъ, которые знаютъ васъ... какъ вы объ этомъ думаете?

— Да, милордъ.

— Это разумный взглядъ на предметъ. Я радъ, что вы смотрите на него такимъ образомъ. Это показываетъ, что вы дѣйствительно обладаете правильнымъ сужденіемъ... очень благоразумною осмотрительностью въ своихъ обстоятельствахъ, — и для человѣка въ *вашемъ* состояніи... въ вашемъ *болѣзненномъ* состояніи... вы видите вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

— Да, милордъ.—И онъ сталъ ворочать глазами съ какимъ-то въ высшей степени особеннымъ выраженіемъ.

— Впрочемъ, если болѣзнь ваша возобновится,—если прежніе симптомы снова станутъ угрожать вамъ—вспомните, что я имѣю нѣкоторое вліяніе на губернатора, на комитетъ и тому подобныя учрежденія и могу быть вамъ полезнымъ. Помните это, Дрисколь. И мановеніемъ своей руки милордъ отпустилъ Терри, который, послѣ ряда почтительныхъ поклоновъ исчезъ за дверью.

ГЛАВА VI.

СИБЕЛЛА КЕЛЛЕТЪ.

Когда перемѣна счастія низвела Келлетовъ такъ низко, что Сибелла была принуждена сдѣлаться учительницей, суровая судьба заставила ее принести самую тягостную жертву. Ее не стра-

шили: ни жизнь непрестаннаго труда, скучнаго и монотоннаго, ни унизительное положеніе, не встрѣчающее въ свѣтѣ никакой поддержки, ни тягостное чувство постоянной зависимости. Нѣтъ, въ ней было довольно мужества и возвышенной рѣшимости, чтобы выдержать все это. Главный источникъ ея страданія состоялъ въ потерѣ того тихаго и ненарушимаго спокойствія, къ которому такъ давно пріучили ее уединяться привычки пустынной деревенской жизни. Келлетсъ-Кортъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ самымъ тихимъ жилищемъ, потому что его владѣльцы почти не имѣли въ своемъ сосѣдствѣ людей, которыхъ можно бы было назвать обществомъ, и, по ограниченности своихъ средствъ, не могли принимать гостей дома. Дни слѣдовали одинъ за другимъ съ такимъ однообразіемъ, что не было замѣтно перемѣнъ во времени; весна, лѣто, осень и зима смѣняли другъ друга и годы проходили нечувствительно. Никакія сцены или звуки шумнаго свѣта не проникали въ эти уединенныя мѣста. О громкихъ событіяхъ, волновавшихъ политическій міръ, о великихъ цѣляхъ, занимавшихъ умы людей въ Европѣ — они рѣшительно ничего не слыхали. Мимолетная исторія какого нибудь маленькаго происшествія въ деревенской жизни представляла для нихъ все, что они имѣли изъ новостей. И такимъ образомъ время скользило безъ шума; и наконецъ они стали испытывать чувство счастія въ этомъ ненарушимомъ однообразіи жизни.

Тому, кто испыталъ размѣренный ходъ монастырскаго существованія, гдѣ однѣ и тѣ же приключенія повторяются ежедневно въ тѣже самые періоды, куда не вторгаются никакія событія извнѣ, гдѣ страсти, честолюбіе и заботы человѣчества кажутся чѣмъ-то до такой степени отвлеченнымъ, что умъ не сознаетъ ихъ смысла, хорошо извѣстно, что въ мирномъ спокойствіи духа, пріобрѣтенномъ такимъ образомъ, есть какое-то чувство счастія, которое не теряетъ своей дѣйствительности отъ того, что оно имѣетъ серьезный, почти грустный видъ.

По мрачной монотонности, Келлетсъ-Кортъ походилъ на монастырь. Высокія горы позади, густые лѣса спереди казались преградами противъ внѣшняго міра; и въ этомъ мѣстѣ царствовала такая тишина, что оно походило на уединенный островъ среди океана, къ которому не приставалъ еще ни одинъ путешественникъ. Это одиночество, сильное своимъ чувствомъ безопасности, составляло прелесть мѣста, придавая ему, а также и жизни Сибеллы, какой-то романическій отпечатокъ. Немногія книги, которыя были въ домѣ, она читала и перечитывала до

того, что знала ихъ почти наизусть. Это были біографіи путешественниковъ, людей смѣлыхъ и предпріимчивыхъ, которые за морями искали счастія; очерки жизни, нравовъ и приключеній въ странахъ далекихъ и малоизвѣстныхъ.

Повѣсти о морскихъ разбойникахъ были исполнены для нея всего очарованія, которое придаютъ имъ великолѣпное мѣсто дѣйствія и необыкновенныя приключенія. Въ нихъ разсказывалось о земляхъ, о которыхъ никогда не грезилось живописцу, о зелени и цвѣтахъ, сіяющихъ какою-то сверхъестественною яркостью красокъ, о золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, которые блескомъ своимъ поспорили бы съ сокровищами Аладдина, о странныхъ нравахъ и любопытныхъ обычаяхъ, смѣшанныхъ съ подвигами самой безумной отваги. Все это составляло рядъ картинъ, гдѣ воображеніе переходило отъ сладострастной нѣги тропическихъ странъ къ смертельнымъ опасностямъ жизни пирата. Люди, которыхъ умъ создавалъ планы этихъ предпріятій и которыхъ мужество выполняло ихъ, были для нея героями. Ихъ суровыя добродѣтели, ихъ блистательное гостепріимство, ихъ львиное мужество въ опасностяхъ—были въ ея глазахъ сильными правами на ея симпатію, между тѣмъ какъ въ ихъ преданной вѣрности она находила какое-то рыцарское благородство, которое возвышало ихъ въ ея мнѣніи. Какъ женщина, она была склонна считать успѣхъ вѣрнымъ мѣриломъ величія, и прославляла въ своей душѣ смѣлые умы, которые никогда не останавливались и не уклонялись въ сторону на своемъ пути къ побѣдѣ. Блистательная самоувѣренность людей, подобныхъ Дрэку и Дэмпиру, эта твердая вѣра ихъ въ свое собственное непоколебимое мужество—придавала имъ интересъ, доходившій съ ея стороны до обожанія; и не разъ думала она о томъ, какая славная была бы доля соединить свою жизнь съ какимъ-нибудь изъ подобныхъ людей. Даже споры, возбуждаемые ихъ дѣйствіями, увеличивали иллюзію и она считала героизмомъ раздѣлять эту славу, которая бросила міру свой гордый вызовъ.

Отчужденіе отъ свѣта часто сообщаетъ исторіямъ прошедшаго, или даже вымышленнымъ характерамъ, ту степень интереса, съ которою люди, дѣйствительно участвующіе въ жизненной борьбѣ, смотрятъ только на своихъ друзей и родственниковъ; и такимъ образомъ для молодой дѣвушки въ ея уединеніи имена Ралейга и Кэвендиша, и характеры, подобные Кромвелю, Лоренцо де Медичи и Наполеону являлись со всѣми аттрибутами хорошо знакомыхъ личностей. Вознестись высоко надъ обыкновен-

ными случаями жизни, и дышать высокою атмосферой, недоступной для всѣхъ другихъ людей; видѣть свѣтъ и его пути съ возвышенности, которая даетъ болѣе простора зрѣнію и болѣе свободы мыслямъ; думать о судьбахъ человѣчества, обозрѣвая ихъ съ высоты, съ которой можно наблюдать ихъ дѣйствія, — казалось такимъ блистательнымъ преимуществомъ, что недостатки и даже преступленія людей, одаренныхъ подобными талантами, исчезали въ величіи предпринятаго ими подвига, и она требовала для этихъ людей изъятія отъ обвиненій, тяготѣющихъ надъ менѣе знаменитыми преступниками.

«Какъ могу я, или кто-нибудь подобный, произносить приговоръ надъ такимъ человѣкомъ? Что я знаю о битвахъ, происходившихъ въ глубинѣ его души? Какъ могу я измѣрить океанъ его мыслей или даже догадываться о трудностяхъ, которыя ему мѣшали и сомнѣніяхъ, которыя тревожили его? Я могу только смутно видѣть цѣль и предметъ его путешествія; какимъ же образомъ стану я охуждать дорогу, по которой онъ идетъ, отдыхи, которые онъ дѣлаетъ, ошибочныя уклоненія и кривые пути, на которые онъ попадаетъ повидимому?» Этими благовидными доводами она уничтожала въ себѣ всякое сомнѣніе насчетъ величія людей, которыхъ она обоготворила въ глубинѣ своей души. «Ихъ пути,—не наши пути, и ихъ натуры непохожи на наши натуры»—говорила она.

Изъ этой мечтательной области своихъ думъ она была внезапно исторгнута и поставлена лицомъ къ лицу съ битвой жизни, какъ простой солдатъ въ рядахъ. Она должна была оставить свои тайныя бесѣды съ могучими умами, которые господствовали надъ своими ближними, и вступить теперь на путь ежедневной тягостной заботы, которой самая непріятная сторона состояла въ соприкосновеніи съ будничнымъ міромъ, возбуждавшимъ въ ней такъ мало сочувствія.

Мистриссъ Гокшо, жена ольдермена, прочла ея объявленіе въ какой-то газетѣ и послала за нею. Мистриссъ Гокшо жила въ прекрасномъ домѣ и имѣла прекрасное платье, прекрасную прислугу и прекрасную посуду, словомъ, все вокругъ нея было прекрасно, кромѣ мужа—неотесаннаго, простого, добродушнаго человѣка, который мало заботился о чемъ бы то ни было, кромѣ своей чулочной фабрики въ Бальбригганѣ, и бурныхъ событій, обыкновенно волновавшихъ совѣтъ цеха, къ которому онъ принадлежалъ.

Въ ихъ домѣ было шесть маленькихъ Гокшо; надлежало пре-

подать имъ уроки нравственности, географіи, катехизиса, и цивилизовать ихъ во всѣхъ разнообразныхъ формахъ, посредствомъ которыхъ неученое человѣчество приготовляется для будущей жизненной дѣятельности. Сообщить имъ основныя понятія разнообразныхъ знаній, внушить имъ хорошія привычки и управлять ихъ характерами должна была дѣвушка, которая, при всемъ искреннемъ усердіи къ своему дѣлу, была еще глубоко погружена въ міръ своихъ собственныхъ мыслей и терялась въ лабиринтѣ своихъ фантазій. Очень естественно, что бѣдная миссъ Келлетъ должна была прослыть за очень простое, доброе созданіе, совершенно неспособное къ своимъ занятіямъ; почти столько же естественно было и то, что мистриссъ Гокшо вздумала «выправить ее по своему».

— Она всегда точно во снѣ, мой милый,—сказала мистриссъ Гокшо своему мужу. Дѣти дѣлаютъ, что имъ угодно; они играютъ фальшиво и она никогда не поправляетъ ихъ; они рисуютъ картинки на своихъ тетрадяхъ, а она говоритъ имъ: «это очень хорошо сдѣлано, милочки».

— Можетъ быть она томится своими несчастіями.

— Несчастіями! полно, Келлеты уже много лѣтъ живутъ въ бѣдности. Мой братъ Терри говорилъ мнѣ, что они не имѣли болѣе двухсотъ фунтовъ въ годъ, но въ послѣднее время потеряли даже и это.

— Но во всякомъ случаѣ обстоятельства ихъ сдѣлались хуже,—сказалъ Гокшо, вздыхая,—и я долженъ признаться, что она бодро переноситъ ихъ.

— Если она чувствуетъ свое положеніе такъ же мало, какъ повидимому она чувствуетъ все другое, то эта жертва не дорого ей стоитъ,—отвѣчала жена съ колкостью. Я сказала ей, чтобы она пришла къ намъ въ прошлое воскресенье и занялась бы дѣтьми, но она не пришла, и когда я спросила ее о причинѣ, то она только улыбнулась и сказала: «Я и не подумала объ этомъ, я была такъ счастлива, оставшись одна въ этотъ день, что не могла думать ни о чемъ другомъ». Да вотъ и теперь она опоздала цѣлымъ часомъ.—И когда мистриссъ Гокшо говорила это, послышались усталые шаги на лѣстницѣ и невѣрная, дрожащая рука стукнула молоткомъ въ дверь.

— Теперь около одиннадцати часовъ, миссъ Келлетъ, — сказала мистриссъ Гокшо, встрѣчая ее на лѣстницѣ.

— Право?.. мнѣ такъ жаль... я должно быть забыла... Ка-

жется я не знала въ которомъ часу, сказала дѣвушка запинаясь.

— Вы должны приходить въ десять, миссъ Келлетъ.

— Кажется.

— Какъ поживаетъ вашъ батюшка, миссъ Келлетъ? спросилъ ольдерменъ вдругъ, желая замять этотъ разговоръ.

— Онъ здоровъ, сэръ, и, кажется, очень веселъ, отвѣчала она съ признательностью, между тѣмъ какъ глаза ея заблистали отъ удовольствія.

— Передайте ему мое почтеніе, — добродушно сказалъ Гокшо и отправился внизъ, между тѣмъ какъ его жена холодно прибавила: Дѣти ждутъ васъ — и исчезла.

Съ какою енергіей принялась она теперь за свое дѣло, какъ рѣшительно предалась она исполненію своей обязанности. Она читала, слушала и поправляла со всею усиленною заботливостію человѣка, который пламенно желаетъ исполнить свой долгъ добросовѣстно и успѣшно. Она напрягала къ этому всѣ свои способности и только тогда, когда одна изъ дѣвочекъ спросила ее чье это имя она пишетъ нѣсколько разъ въ своей тетради, учительница забыла положенное ею на себя принужденіе и въ восторгѣ отъ этого вопроса отвѣчала: Я скажу вамъ Мэри, это былъ Савонарола.

Со всею силою истиннаго пѣствовательнаго таланта, свойственной умамъ, въ которыхъ игра фантазіи служитъ только украшеніемъ мыслительной способности, она набросала бѣглый очеркъ священника-пророка, его рвенія, мужество, мученичество; съ тою плѣнительною прелестью, которая происходитъ отъ истиннаго энтузіазма. Она такъ сильно заинтересовала дѣтей, что они слушали ея разсказъ точно романъ, котораго герой пріобрѣлъ ихъ симпатію и даже старались вникнуть въ смыслъ ея словъ, когда она говорила имъ, что подобные люди появляются отъ времени до времени въ исторіи міра подобно великимъ маякамъ, сіяющимъ на скалистой возвышенности, чтобы руководить и предупреждать своихъ ближнихъ.

— Неужели нѣтъ подобныхъ людей теперь, миссъ Белла? — спросила одна изъ дѣвочекъ. Или въ нашей землѣ нельзя найдти ихъ?

— Они есть во всякой землѣ, во всякомъ вѣкѣ и даже во всякомъ званіи.

Въ готовности, съ которой дѣти слушали Беллу, и она находила сильную поддержку для своего энтузіазма. Но если въ ску-

кѣ съ тягостнаго труда существовало это утѣшеніе, то самый трудъ дѣлался чрезъ это все болѣе утомительнымъ и непріятнымъ. Кругъ ея обязанностей приводилъ ее въ среду людей, изъ которыхъ многіе и не думаютъ о подобныхъ вещахъ, нѣкоторые слушаютъ о нихъ равнодушно, а иные даже съ насмѣшкой. Какъ часто случается въ жизни, что чувства, — которыя, если бы ихъ излить свободно, распространились бы широко на все окружающее, — сжимаются, вслѣдствіе стѣсненія, въ принципы.

Такъ было и съ нею: чѣмъ больше она встрѣчала сопротивленій, тѣмъ рѣшительнѣе была ея наклонность высказать свои взгляды. Все ея чтеніе, всѣ ея мысли клонились къ этому.

— Даже теперь, — говорила она, — между нами есть люди, которымъ дана эта великая привилегія — управлять другими; высшіе умы, которые чувствуютъ величіе своего призванія, и, можетъ быть, знаютъ, какъ необходимо скрывать даже свое превосходство, чтобы употреблять его съ большею безопасностью и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Какихъ уступокъ не дѣлаютъ они пошлымъ предразсудкамъ? какой покорности не оказываютъ они тому или другому предписанію общества? по какому множеству обходныхъ тропинокъ должны они идти, чтобы достигнуть цѣли, къ которой свѣтъ не позволяетъ имъ стремиться болѣе прямымъ путемъ? и, что хуже всего, чрезъ какое море ложныхъ толкованій и даже клеветъ должны они проходить? какъ много приходится имъ выносить гнусныхъ обвиненій въ эгоизмѣ, гордости, жестокосердіи, и можетъ быть, даже въ преступленіи?— И между тѣмъ, какъ они переносятъ все это, нѣтъ ни одного человѣка въ мірѣ, который бы понималъ ихъ цѣли и признавалъ ихъ заслуги.

ГЛАВА VII.

Полночный пріѣздъ.

Ночь только что спустилась на озеро Комо. Если характеръ мѣстности и при дневномъ свѣтѣ напоминалъ собою сценическіе эффекты, то тѣмъ сильнѣе было это сходство теперь, когда

тьма покрыла весь ландшафтъ. Громадныя Альпы едва обрисовывались на звѣздномъ небѣ; слабо мерцавшіе огоньки покрывали темныя берега свѣтлыми точками, и нѣжные звуки музыки медленно волновались въ ночномъ воздухѣ, тишина котораго нарушалась плескомъ весла какого нибудь гондольера, скользившаго по озеру.

Вилла д'Эсте была залита свѣтомъ. Большая зала, выходившая на воду, сіяла огнями; террасы были освѣщены рядами разноцвѣтныхъ фонарей, одинокія свѣчи мерцали изъ оконъ многихъ уединенныхъ комнатъ; и даже сквозь темныя кусты и цвѣтники виднѣлись фонари, освѣщавшіе тропинку для тѣхъ, которые предпочитали ароматный ночной воздухъ многочисленному и блистательному собранію въ комнатахъ. Между поклонниками гидропатіи рѣдко можно найдти людей, серьезно больныхъ. Это вообще — или истощенные поклонники, или поклонницы свѣтскихъ удовольствій, изношенные жители большихъ городовъ, или усталые труженики возбуждающихъ профессій—политики, литераторы, юристы. Для такихъ людей жизнь, исполненная спокойной безпечности, отсутствіе всякаго стѣсненія, свобода, происходящая отъ смѣшенія съ обществомъ, гдѣ ни одно лицо имъ не знакомо — составляютъ главную прелесть; имъ нравится также возможность снисходить до забавъ и короткихъ знакомствъ, на которыя въ болѣе правильномъ обычномъ теченіи своей жизни они не обратили бы никакого вниманія. Для англичанъ этотъ послѣдній элементъ составлялъ не маловажную долю удовольствія. Въ ихъ отечествѣ всѣ разряды общества опредѣлены и такъ строго раздѣлены на классы, что никто не можетъ выйдти изъ границъ, указанныхъ ему рожденіемъ; и они чувствуютъ какой-то просторъ въ этой новой свободѣ,—можетъ быть единственное новое ощущеніе, къ воспріятію котораго способна ихъ натура. Въ видахъ наслажденія этою свободой довольно многочисленное общество собралось теперь въ салонахъ виллы. Тамъ были русскіе и австрійскіе аристократы, отличавшіеся своею спокойною и величественною вѣжливостью; одинъ или два шумливыхъ француза; нѣсколько блѣдныхъ итальянцевъ съ задумчивымъ видомъ, которыхъ благородные лбы повидимому обѣщали такъ много, но которыхъ дѣйствительная жизнь представляла такъ мало; толпа американцевъ, имѣющихъ, такой особенный, отличительный видъ, какъ будто бы ихъ національность запечатлѣна многими столѣтіями существованія; наконецъ тамъ были англичане, уже представленные нашимъ читателямъ въ первыхъ главахъ — леди Лаккингтонъ и

леди Грэсъ,— которымъ пришла минутная фантазія взглянуть— «что тамъ такое!»

— Не нужно никакихъ представленій, милордъ, рѣшительно никакихъ,—сказала леди Лаккингтонъ, поправляя складки своего платья и принимая въ высшей степени комильфотную позу. Мы пришли только на нѣсколько минутъ, и не думаемъ заводить знакомствъ.

— Кто эта маленькая блѣдная женщина съ бирюзовыми украшеніями?—спросила леди Грэсъ.

— Княгиня Л...,—отвѣчалъ милордъ, любезно кланяясь.

— Не та ли, которую подозрѣваютъ въ отравленіи...

— Та самая.

— Я желала бы съ нею познакомиться. А мужчина? кто этотъ высокій смуглый мужчина съ высокимъ лбомъ?

— Глумталь, извѣстный франкфуртскій милльонеръ.

— Ахъ, представьте его, пожалуйста. Приведите его къ намъ,— съ живостью сказала леди Лаккингтонъ.—Чего этотъ маленькій человѣчекъ такъ ухмыляется? кто онъ такой?—спросила она, когда мистеръ О'Рейли прошелъ мимо нея нѣсколько разъ, дѣлая страшныя гримасы, съ претензіей понравиться.—Ни подъ какимъ видомъ, милордъ,—прибавила леди Лаккингтонъ, въ отвѣтъ на умоляющій взглядъ милорда.

— Но это бы васъ очень позабавило,—сказалъ о, улыаясь .онъ Это превосходная сцена простонародной комедіи.

— Я презираю простонародную комедію.

— Это, кажется, отецъ вашихъ хорошенькихъ пріятельницъ? томно спросила леди Грэсъ.

— Да. Твиннингъ въ восторгѣ отъ нихъ,—сказалъ милордъ съ нѣкоторымъ лукавствомъ.—Осмѣлюсь ли...

— О нѣтъ, не надо, по крайней мѣрѣ для *меня*, прервала леди Грэсъ, вздрогнувъ.—Я не терплю того, что называется любопытными характерами. Вы можете представить своего друга—еврея, если вамъ угодно.

— Онъ сейчасъ будетъ танцовать съ княгиней. Но вотъ идетъ Твиннингъ съ одною изъ моихъ красавицъ,—сказалъ лордъ Лаккингтонъ.—Спайсеръ, что это тамъ за темная кучка возлѣ двери?

— Это американскіе рысаки, милордъ; они только что пріѣхали.

— Вы знакомы съ ними?

— Я видѣлъ ихъ вчера за обѣдомъ и буду очень радъ представить ихъ вамъ, милордъ. Они спрашивали меня—не тотъ ли

вы лордъ, который былъ въ такихъ короткихъ отношеніяхъ съ принцемъ Уэльскимъ.

— Какъ это глупо! они могли бы знать даже безъ помощи календаря пэровъ, что я учился еще въ школѣ, когда принцъ былъ уже взрослымъ мужчиной. Эта высокая дѣвушка не дурна; кто она такая?

— Это дочь почтеннаго Леонида Шинбона, вотъ все, что я знаю о ней—красавица изъ Саратоги, кажется.

— Ужасъ!—вздохнула леди Грэсъ, обмахиваясь вѣеромъ.

— Онѣ дѣлаютъ такую кашу изъ того, что могло бы быть очень хорошенькимъ туалетомъ. Не можете ли вы сказать ей, что ея волосы спереди убраны такъ, какъ ихъ слѣдовало бы убрать сзади.

— Нѣтъ сэръ; я никогда не играю въ карты,—сказалъ лордъ Лаккингтонъ сухо, когда одинъ американскій джентльменъ предложилъ ему колоду.

— Только маленькую партію по четверти доллера, или еще меньше, если угодно.

Милордъ холодно поклонился въ знакъ отказа.

— Я говорилъ вамъ, что онъ лордъ,—сказалъ другой американецъ протяжно.

— Онъ смотритъ такъ, какъ будто хочетъ насъ скосить точно траву.

Докторъ Лафранки, директоръ заведенія вмѣшался и нѣсколькими словами убѣдилъ американцевъ отойдти и оставить другихъ въ покоѣ.

— Благодарю васъ, докторъ, сказала леди Лаккингтонъ съ признательностью:—вы всегда внимательны и поспѣваете во-время.

— Эти вещи у насъ никогда не случаются,—сказалъ онъ съ очень легкимъ иностраннымъ акцентомъ:—и только въ подобное время этотъ народъ... превосходный и любезный народъ безъ сомнѣнія...

— Я увѣрена, что любезный, — прервала она нетерпѣливо, — но будемъ говорить о чемъ нибудь другомъ. Здѣсь ли ваша ясновидящая княгиня?

— Да, миледи, она только что открыла намъ—что дѣлается въ Крыму. Она говоритъ, что двѣ изъ англійскихъ передовыхъ батарей ослабили свой огонь по недостатку боевыхъ припасовъ, и что въ эту минуту одинъ дезертиръ разсказываетъ Тотлебену о причинѣ этого событія. Она находится въ сношеніяхъ съ своею сестрою, которая теперь въ Севастополѣ.

— И неужели воображаютъ, что мы вѣримъ этому? спросилъ милордъ.

— Я могу только утверждать, что я вѣрю, милордъ,—сказалъ Лафранки, котораго массивная голова и очень проницательныя черты показывали человѣка далеко не глупаго.

— Я желала бы, чтобы вы спросили ее зачѣмъ мы остаемся въ этомъ скучномъ мѣстѣ,—вздохнула леди Лаккингтонъ угрюмо.

— Она отвѣтила уже вчера на этотъ вопросъ, миледи, спокойно сказалъ Лафранки.

— Какъ это было? Кто ее спрашивалъ? Что она сказала?

— Спрашивалъ баронъ Глумталь, и отвѣтъ ея былъ: «чтобы дождаться разочарованія въ надеждахъ».

— Очень пріятное извѣстіе, надо признаться. Слышали, милордъ?

— Да; и причисляю это извѣстіе къ одной категоріи съ ея крымскими новостями.

— Не можетъ ли она сообщить намъ, когда мы уѣдемъ отсюда? спросила леди Лаккингтонъ:

— Она сказала, что завтра вечеромъ, миледи, хладнокровно отвѣчалъ докторъ.

Тихій смѣхъ сардоническаго свойства былъ возраженіемъ леди Лаккингтонъ, и докторъ серьезно прибавилъ.

— Въ этихъ вещахъ больше правды, чѣмъ мы хотимъ вѣрить; можетъ быть самое чувство нашего ничтожества въ виду подобнаго предсказанія поставляетъ преграду нашей вѣрѣ. Мы неохотно признаемъ теорію, которая исключаетъ насъ изъ числа избранныхъ, обладающихъ даромъ пророчества.

— Не можетъ ли она сказать намъ, кто выиграетъ призъ на скачкахъ въ Дерби?—спросилъ Спайсеръ, вмѣшиваясь въ разговоръ. Но взглядъ миледи разомъ заставилъ его прекратить свою нескромную фамильярность.

— Какъ вы думаете, не можетъ ли она сказать, кто это тамъ пріѣхалъ съ такимъ шумомъ и громомъ?—сказалъ лордъ Лаккингтонъ, когда страшное щелканье бича возвѣстило прибытіе чего-то очень важнаго, и докторъ бросился навстрѣчу новому посѣтителю. Большой дорожный экипажъ, везомый восемью лошадьми и сопровождаемый фургономъ въ четыре лошади, подкатилъ къ главному подъѣзду, и курьеръ съ золотою перевязью, съ бакенбардами и съ денежною сумкой, набитой до послѣдней степени, громко звонилъ у двери. Обмѣнявшись нѣсколькими словами

съ курьеромъ, докторъ Лафранки подошелъ къ окну кареты, и вѣжливо поклонившись, привѣтствовалъ новоприбывшаго.

— Ваши комнаты готовы еще съ 16-го числа, сэръ, и мы каждый день ожидали вашего пріѣзда.

— Ваши посѣтители всѣ разъѣхались?—спросилъ незнакомецъ тихимъ, спокойнымъ тономъ.

— Нѣтъ, сэръ; прекрасная погода соблазнила многихъ продолжить свое пребываніе здѣсь. У насъ теперь княгиня Л....., Лордъ Лаккингтонъ, графиня Грембинская, герцогъ Терра-ди-Монте, леди Грэсъ...

Но пріѣзжій обратилъ мало вниманія на этотъ каталогъ, и съ помощью курьера съ одной стороны и камердинера съ другой, медленно вышелъ изъ экипажа. Если онъ пользовался ихъ помощію, то въ его наружности было мало такого, что могло бы свидѣтельствовать о необходимости такихъ услугъ. Это былъ массивный, крѣпко сложенный человѣкъ нѣсколько болѣе чѣмъ среднихъ лѣтъ, но котораго сложеніе показывало значительную силу. Онъ былъ нѣсколько сутуловатъ, и этотъ недостатокъ повидимому увеличивалъ настойчивость его взгляда, потому что голова выдавалась такимъ образомъ еще болѣе впередъ, и выраженіе его впалыхъ глазъ прикрытыхъ косматыми бровями съ просѣдью дѣлалось еще болѣе пристальнымъ и проницательнымъ. Черты его лица были крупны и правильны, характеръ ихъ составляли торжественность и важность и, снявъ свою фуражку, онъ выказалъ высокій, смѣлый лобъ, съ выпуклостями, которыхъ френологи назвали бы чрезмѣрнымъ развитіемъ органовъ мѣстности. Въ самомъ дѣлѣ эти нависшія массы какъ будто отодвигали на задній планъ голову, отличавшуюся необыкновенною прямизною.

— Къ вамъ есть много писемъ; вы найдете ихъ въ своей комнатѣ, сэръ,—продолжалъ Лафранки, провожая его къ лѣстницѣ. Въ отвѣтъ на эту рѣчь, пріѣзжій спокойно кивнулъ головой и докторъ продолжалъ: Лордъ Лаккингтонъ поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ надѣется видѣть васъ, какъ только возможно скорѣе по вашемъ пріѣздѣ. Могу ли я сообщить ему когда вы можете его принять?

— Не сегодня; а такъ, завтра утромъ около двѣнадцати часовъ, или въ половинѣ перваго, если ему угодно,—холодно отвѣчалъ пріѣзжій.—Здѣсь ли баронъ Глумталь? Скажите ему, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ; да велите прислать мнѣ чаю.

— Могу я сказать о вашемъ пріѣздѣ милорду? я знаю, что онъ нетерпѣливо ожидалъ васъ.

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ тотъ прежнимъ спокойнымъ тономъ, откланиваясь доктору.

Взглянувъ на адресы писемъ, онъ распечаталъ только одно или два и бѣгло прочелъ ихъ; потомъ отворивъ окно, выходившее на озеро, онъ поставилъ на балконѣ стулъ и сѣлъ какъ бы для того, чтобы отдохнуть и предаться размышленіямъ на свѣжемъ ночномъ воздухѣ. Это была тихая и спокойная атмосфера; ни одинъ листъ не шевелился, не было ни малѣйшей зыби на стеклянной поверхности озера, такъ что, сидя, онъ могъ слышать голосъ доктора Лафранки, который внизу увѣдомлялъ лорда Лаккингтона объ его прибытіи.

— Если онъ можетъ принять Глумталя, то почему не можетъ видѣть *меня*? спросилъ виконтъ съ досадой. Вы должны пойдти и сказать ему, что я очень желаю видѣться съ нимъ въ этотъ же вечеръ.

— Если вы хотите, милордъ...

— Да, хочу, повторилъ онъ болѣе рѣшительнымъ тономъ. Леди Лаккингтонъ и я цѣлыя три недѣли ждали здѣсь его пріѣзда, и я не вижу причины, почему наше терпѣніе должно быть испытываемо еще долѣе. Прошу васъ, передайте ему мое желаніе.

Докторъ вышелъ, не отвѣчая ни слова.

Лафранки былъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ пріѣзжаго, прежде чѣмъ нашелъ его. Подойдя къ нему, онъ передалъ просьбу милорда.

— Боюсь, что вамъ придется позволить мнѣ поступать по-своему. Я пріобрѣлъ эту несчастную привычку,—сказалъ пріѣзжій съ спокойною улыбкой.

— Передайте мое почтеніе милорду и скажите ему, что завтра въ двѣнадцать часовъ я къ его услугамъ; а барону Блумталю передайте, что я жду его теперь.

Лафранки удалился; и шепнувъ барону о приглашеніи, отправился къ виконту съ отказомъ.

— Очень хорошо, сэръ,—надменно прервалъ его лордъ Лаккингтонъ. Люди этого сорта придаютъ дѣловой характеръ даже своей вѣжливости, и мнѣ нѣтъ необходимости учить ихъ лучшему обращенію.—Затѣмъ, относясь къ Твиннингу, онъ прибавилъ:—это пріѣхалъ Дённъ, котораго мы ждали такъ долго.

— А, право! очень радъ... рѣшительно въ восторгѣ, еще болѣе за васъ, чѣмъ за себя. Дённъ... Дённъ; замѣчательный человѣкъ... очень замѣчательный,—бѣгло проговорилъ Твиннингъ.

— Благодареніе Богу! мы можемъ уѣхать изъ этого мѣста завтра или послѣ завтра,—сказалъ лордъ Лаккингтонъ, вздыхая съ выраженіемъ скуки.

— Да, конечно... здѣсь слишкомъ скучно для васъ, милордъ, никакого общества... и притомъ нечего дѣлать.

— И погода начинаетъ портиться,—проворчалъ милордъ.

— Именно, какъ вы очень справедливо замѣтили, погода начинаетъ портиться.

— Посмотрите на этотъ табунъ, сказалъ виконтъ,—когда почтальоны, длинною вереницей, проходили подъ окномъ съ лошадьми, только что выпряженными изъ дорожныхъ экипажей. Десять... нѣтъ, двѣнадцать лошадей. Онъ путешествуетъ просто по-царски... не правда ли?

— Въ самомъ дѣлѣ прекрасно; любо смотрѣть! весело подтвердилъ Твиннингъ.

— Эти господа, при всей своей житейской опытности, имѣютъ мало такта, иначе они не дѣлали бы изъ своего богатства такой хвастливой выставки.

— Совершенная правда, милордъ; это *дѣйствительно* неблагоразумно съ ихъ стороны.

— Какъ будто они хотятъ сказать: «теперь на нашей улицѣ праздникъ!» замѣтилъ виконтъ.

— Именно, милордъ, и они дѣлаютъ его очень веселымъ праздникомъ, надо признаться; умные люди... смышленые люди... знаютъ свѣтъ съ совершенствѣ.

— Я не въ такой степени увѣренъ въ этомъ, Твиннингъ,— возразилъ лордъ Лаккингтонъ съ презрительною улыбкой. Еслибы они дѣйствительно обладали полнымъ знаніемъ свѣта, которое вы приписываете имъ, то они едва ли рѣшились бы оскорблять чувства общества такою заносчивостію. Они имѣли бы побольше терпѣнія, Твиннингъ... побольше терпѣнія.

— Имѣли бы, милордъ. Славная вещь... превосходная вещь терпѣніе; всегда награждается подъ конецъ... Забавная штука! И онъ потиралъ свои руки и весело смѣялся.

— И они рухнутъ, вотъ что выйдетъ изъ этого, сэръ,—сказалъ лордъ Лаккингтонъ, не обращая вниманія на слова своего собесѣдника.

— Я совершенно согласенъ съ вами, милордъ, — подтвердилъ Твиннингъ.

— И сказать вамъ, почему они рухнутъ, сэръ?

— Очень буду вамъ обязанъ, милордъ. Это будетъ большая милость съ вашей стороны.

— По той причинѣ, что они не имѣютъ никакого prestige, да Твиннингъ, никакого. Но богатство, сэръ, не соединенное съ престижемъ, это все равно—какъ бы вамъ сказать?—это похоже на какой-нибудь мѣстный чинъ; это въ родѣ того, какъ напр. вы бригадиръ въ Бомбейской арміи, но не болѣе какъ поручикъ, когда вы въ Англіи; эти люди имѣютъ вліяніе до тѣхъ поръ, пока они богаты. Но пусть только измѣнятся ихъ обстоятельства, во что они превратятся?

— Ужь не могу и придумать, но совершенно увѣренъ что вы знаете, милордъ... совершенно увѣренъ,— быстро проговорилъ Твиннингъ.

Знаю, сэръ. Я много думалъ объ этомъ предметѣ. Я могу даже сказать, что эти мысли сложились у меня въ теорію. Эти люди служатъ символами нашихъ временъ... эмблемами нашей эры; совершенно такъ же, какъ напр., электрическій телеграфъ, холера или золотые пріиски въ Австраліи. Мы не должны принимать ихъ какъ что-то нормальное, вотъ видите; это не нормальныя явленія нашего вѣка.

— Вполнѣ справедливо, въ высшей степени справедливо, точь въ точь какъ электрическій телеграфъ! пробормоталъ Твиннингъ.

— И по этой самой причинѣ они имѣютъ только мимолетное вліяніе на наше общество, сэръ,—продолжалъ милордъ, слѣдуя теченію своихъ собственныхъ мыслей.

— Совершенно вѣрно, вліяніе мгновенное, какъ молнія.

— И когда они сходятъ со сцены, сэръ, то они не оставляютъ по себѣ никакого слѣда. Пузырь лопнулъ и поверхность потока остается гладкою, какъ зеркало. Мы съ вами доживемъ до этихъ временъ, по всей вѣроятности, доживемъ.

— Что доживете *вы*, это гораздо вѣроятнѣе... искренно надѣюсь,—сказалъ Твиннингъ съ поклономъ.

— Впрочемъ, сэръ, это не важно—кому изъ насъ придется быть свидѣтелемъ уничтоженія этой плутократіи. И произнеся послѣднее слово, милордъ отошелъ прочь, какъ человѣкъ, вполнѣ исчерпавшій предметъ своихъ разсужденій.

ГЛАВА VIII.

Мистеръ Дённъ.

Мистеръ Дэвенпортъ Дённъ сидѣлъ за завтракомъ въ своей обширной комнатѣ, выходившей на озеро Комо. Въ дополненіе къ блюдамъ, столъ былъ покрытъ вновь полученными письмами, газетами, географическими картами, планами, чертежами желѣзныхъ дорогъ, парламентскими памятными книжками, разбросанными въ безпорядкѣ, вмѣстѣ съ мѣловыми эскизами, масляными миньятюрами, гравюрами на буксѣ и слоновой кости и нѣсколькими бронзовыми вещами рѣдкой красоты и превосходнаго рисунка.

То пробѣгая газеты, то прихлебывая чай, то разсматривая въ увеличительное стекло какой нибудь предметъ искусства, онъ медлилъ своимъ завтракомъ, какъ человѣкъ, который считаетъ подобное препровожденіе времени отдыхомъ отъ дневной работы. Наконецъ онъ вышелъ изъ комнаты и, опершись на балконъ, смотрѣлъ на великолѣпный ландшафтъ, находившійся у него подъ ногами. Это была ранняя утренняя пора и большія массы туманныхъ облаковъ медленно начинали подниматься по Альпамъ, обнаруживая по временамъ пятна яркой зелени, темнобокіе овраги и катаракты среди кустовъ сосноваго лѣса и горныхъ ущелій. Какъ ни хороша была картина самаго озера и лѣсистыхъ мысовъ, раскинутыхъ по берегамъ его, но глаза Дённа не открывались отъ суроваго величія Альповъ, на которыя онъ смотрѣлъ долго и пристально. Онъ такъ глубоко былъ погруженъ въ это созерцаніе, что не замѣтилъ приближенія посторонняго лица, и баронъ Глумталь стоялъ уже возлѣ него, облокотясь на балюстраду, прежде чѣмъ онъ его замѣтилъ.

— Ну что, убѣдились ли вы наконецъ, когда посмотрѣли на Альпы?—спросилъ нѣмецъ по-англійски, съ едва замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ.

— Я не вижу ничего такого, что могло бы отклонить меня отъ предпріятія, медленно сказалъ Дённъ. Эти вопросы разрѣшаются только двумя условіями: временемъ и деньгами. Великая армія есть не болѣе, какъ караулъ, помноженный на сотни тысячъ.

— А трудности...

— Трудности! — прервалъ Дённъ — благодареніе Богу за нихъ баронъ, безъ трудностей мы съ вами были бы не лучше толпы, которая насъ окружаетъ. Сильные и энергическіе умы — это брешь-батарея человѣчества, а рядовыхъ можно найдти всегда.

— Вмѣсто слова «трудности» я могъ употребить болѣе точное выраженіе.

— И однакожъ, возразилъ Дённъ, улыбаясь; я скорѣе взялся бы повернуть эти Альпы, чѣмъ вложить въ голову людей какую-нибудь новую идею. Посмотрите сюда, — продолжалъ онъ, входя въ комнату, и возвращаясь оттуда съ большимъ планомъ въ рукѣ, — вотъ Кьявенна. Ватерпасъ показываетъ, что линія, проведенная съ этого мѣста, выходитъ ниже Андера, въ мѣстѣ называемомъ Мюленъ; разстояніе — нѣсколько меньше двадцати двухъ миль. Изъ контракта Брумаля вы увидите, что если онъ не встрѣтитъ воды...

— Но вѣдь въ этомъ-то и заключается весь вопросъ, — прервалъ Глумталь.

— Знаю, и не думаю упускать этого изъ виду. Я хочу перебрать поочередно всѣ возможные случаи.

— Не избавить ли мнѣ васъ отъ безпокойства, Дённъ? прервалъ нѣмецъ, положивъ руку на плечо. — Нашъ домъ рѣшилъ противъ вашего предпріятія. Я не имѣю нужды объяснять причины.

— И неужели вы можете руководиться подобными совѣтами? — съ жаромъ вскричалъ Дённъ. Неужели вы захотите быть игрушкой русской интриги?

— Скажите лучше: орудіями великой политики — Меттерниха возразилъ Глумталь, — и вы будете ближе къ правдѣ. Мой дорогой другъ, — прибавилъ онъ болѣе тихимъ и конфиденціальнымъ тономъ, долженъ ли я сказать *вамъ*, что вся *ваша* политика въ Англіи ошибка, ваша крымская война — ошибка, вашъ союзъ съ французами — ошибка, а ваша настоящая попытка примиренія съ Австріей — самая величайшая ошибка изъ всѣхъ.

— Вамъ было бы трудно убѣдить въ этомъ націю, — смѣясь возразилъ Дённъ.

— Можетъ быть, только не государственныхъ людей ея. Они уже видятъ это. Они замѣчаютъ даже теперь опасности политики, которой слѣдуютъ.

— Старая исторія. Я слышалъ ее по крайней мѣрѣ сто разъ, —

сказалъ Дённъ. Мы разрушили плотину, чтобы океанъ могъ потопить насъ...

— Но я скажу вамъ, баронъ, что чѣмъ демократичнѣе дѣлаемся мы, англичане, тѣмъ надежнѣе становится наша безопасность. Мы не нуждаемся въ этихъ союзахъ, которые прежде мы считали необходимыми. Этотъ семейный договоръ мало способствовалъ нашимъ выгодамъ.

— Можетъ быть. Но теперь составляется новый договоръ, который еще менѣе благопріятенъ для васъ. Церковь, посредствомъ своего конкордата, возстановляетъ старый священный союзъ. Вы будете имѣть нужду въ помощи единственной державы, которая не можетъ быть вовлечена въ эту лигу, я разумѣю — Россію.

— Покамѣстъ вы дождетесь такого настроенія нашихъ умовъ, баронъ, — сказалъ Дённъ, смѣясь, — у васъ будетъ довольно времени помочь мнѣ въ устройствѣ этого тоннеля.—И онъ указалъ на свои планы.

— Но что станется съ міромъ — я разумѣю вашъ міръ и мой — прежде чѣмъ кирка работника зайдетъ такъ далеко?—и онъ указалъ пальцемъ на Сплученскія Альпы — разрѣшите мнѣ этотъ вопросъ. Какое будетъ правительство во Франціи— я уже не спрашиваю *кто* будетъ ею управлять? Гдѣ будетъ Неаполь? Какой король будетъ созывать венгерскій сеймъ? Кто будетъ русскимъ намѣстникомъ на Дунаѣ?

— Э! баронъ, было бы болото, а черти всегда найдутся... Было бы гораздо полезнѣе, если бъ я могъ разрѣшить вамъ, каковъ будетъ курсъ на трехпроцентные билеты ,—прервалъ Дённъ.

— Я сейчасъ дойду до этого, — сухо сказалъ Глумталь. — Нѣтъ, нѣтъ,—продолжалъ онъ, послѣ нѣкоторой паузы, — пусть эта несчастная война кончится; подождемъ—покамѣстъ не узнаемъ, какія державы будутъ партнерами въ великой игрѣ европейской политики. Лафранки говорилъ мнѣ, что французы и русскіе, встрѣчаясь здѣсь, находятся между собою въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, что между ними быстро возникаетъ короткость, и даже дружба. Этотъ фактъ, если бы разсказать о немъ въ Даунинъ-стритѣ, могъ бы внушить нѣкоторыя дурныя предчувствія.

Хотя Дённъ притворился равнодушнымъ къ этому замѣчанію, однако же онъ вздрогнулъ и отошелъ къ окну, чтобы скрыть свое волненіе.

Какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ стоялъ, виноградная аллея, обнесенная рѣшеткой, вела къ озеру, гдѣ обыкновенно стояли лодки; и изъ этой аллеи доносились теперь голоса, хотя говорившіе были совершенно скрыты за листвой. Веселые и смѣющіеся звуки показывали, что эти люди собрались для удовольствія, и въ самомъ дѣлѣ это былъ пикникъ, отправлявшійся въ Белладжіо. Нѣкоторые громко хвалили утро, обѣщавшее великолѣпный день; другіе толковали о томъ, сколько имъ нужно лодокъ и какимъ образомъ слѣдуетъ раздѣлить общество на части.

— Американцы съ русскими!—сказалъ Твиннингъ, хлопая себѣ по ногамъ и смѣясь;—большіе друзья, превосходные союзники... вотъ забавно!.. Мы и О'Рейли... Спайсеръ, посмотрите, идутъ ли они.

— Не намѣреваетесь ли вы отказаться отъ прогулки? прошепталъ очень нѣжный голосъ, когда вся толпа прошла.

Charmante Molly! сказалъ лордъ Лаккингтонъ самымъ сладкимъ голосомъ:—я рѣшительно въ отчаяніи, что не могу отправиться съ вами; но когда я скажу вамъ, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ нѣсколько сотъ миль для свиданія со мной, и что дѣло въ высшей степени важное.

— А кто это такой? Не можете ли вы уговорить его ѣхать съ нами?

— Это невозможно, ma belle. Онъ рѣшительно не годится для подобныхъ вещей,—это созданіе черствое, способное только заниматься пергаментами. Самый видъ его не можетъ внушить ничего кромѣ мысли о закладныхъ и контрактахъ.

— Какъ я ненавижу такихъ!

— Ненавидьте, милочка моя,—ненавидьте сколько вашей душѣ угодно, въ особенности за счастіе, которое онъ отнялъ у меня.

— Но, право, я думала... И она остановилась, въ видимомъ смущеніи.

— А о чемъ, позвольте спросить, вы думали? сказалъ милордъ самымъ заискивающимъ тономъ.

— Я думала о двухъ вещахъ, если вамъ нужно знать, — отвѣчала она лукаво. Во первыхъ, такая важная особа, какъ вы, могла бы вразумить такую ничтожную особу, какъ мистеръ Дённъ, что это его обязанность—сообразоваться съ вашими желаніями; а вторая моя мысль состояла въ томъ... Но можетъ быть вы не интересуетесь слышать это?

— Продолжайте, пожалуйста.

— Ну, такъ вторая мысль моя была та, что если я попрошу васъ ѣхать съ нами, то вы не откажете мнѣ.

— Какая неумолимая чародѣйка! вскричалъ онъ театральнымъ тономъ. Неужели вы воображаете, что когда нибудь простите себѣ, если, поддавшись искушенію, я дѣйствительно упущу случай видѣться съ этимъ человѣкомъ?

— Вы сами сказали мнѣ, не далѣе какъ вчера, — возразила она,—*ce que femme veut*... сверхъ того онъ будетъ въ вашемъ распоряженіи весь завтрашній день, и послѣ завтра, и...

— Хорошо, пусть будетъ по вашему. Посмотрите, какъ люблю я свои цѣпи,—сказалъ онъ, взявъ ее подъ руку и направляясь къ лодкѣ.

— Вы тоже хотѣли участвовать въ пикникѣ, баронъ? спросилъ Дённъ, указывая на толпу возлѣ озера.

— Да, княгиня взяла съ меня слово въ прошлый вечеръ; они отправляются въ Плиніану и въ Белладжіо. Почему бы вамъ не присоединиться къ намъ?

— О, мнѣ надо написать двадцать писемъ и вдвое столько прочесть. Право я пріостановилъ всю мою работу ради спокойнаго дня въ этомъ тихомъ, прекрасномъ мѣстѣ. Я очень желалъ бы прожить здѣсь недѣлю.

— Почему же и не прожить? Что до меня, такъ я всегда замѣчалъ, что изъ этихъ уединенныхъ мѣстъ человѣкъ выходитъ съ новою энергіей и пробужденною силой. Я слышалъ, какъ Стадеонъ говорилъ однажды, что когда что нибудь сбивало его съ толку, онъ отправлялся на день въ Маріа-Целль и никогда не возвращался оттуда, не разрѣшивъ своей задачи. Они дѣлаютъ мнѣ знаки. Прощайте!

— Сбивало его съ толку!—пробормоталъ Дённъ, повторяя слова Блумталя. Если бы онъ только зналъ, что если что нибудь сбиваетъ меня съ толку въ настоящую минуту—такъ это я самъ!

Самое свойство корреспонденціи, покрывавшей его столъ, уже показывало, что онъ долженъ былъ чувствовать. Кто и что былъ этотъ человѣкъ, къ которому лучшіе министры писали конфиденціально, государственные секретари начинали свои письма такъ: «мой дорогой мистеръ Дённъ»? Какъ поднялся онъ до такой высоты? Въ чемъ состояли таланты, посредствомъ которыхъ онъ держался и долженъ былъ сохранять свое положеніе? Большая часть людей, возвысившихся изъ толпы до такой степени принаравливаются къ каждой перемѣнѣ въ жизни, что приносятъ

съ собою на высокій постъ очень мало изъ того, съ чѣмъ они начали свое поприще; постепенно приспособляясь къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ ихъ возвышеніе, они оставляютъ прошедшее за собою, будучи заняты только тѣми качествами, которыя должны пригодиться имъ въ будущемъ. Не таковъ былъ Дэвенпортъ Деннъ. Онъ постоянно видѣлъ себя бѣднымъ мальчикомъ, воспитаннымъ изъ милости, и находившимся много лѣтъ въ тягостной борьбѣ съ бѣдностью; юношей, которымъ пренебрегали, мужчиной, котораго оттолкнули и отвергнули. Нѣкоторыя событія его жизни никогда не выходили у него изъ памяти, они точно отпечатались въ его сердцѣ; и онъ могъ, по произволу, видѣть себя самого какимъ онъ былъ въ то время, когда его съ позоромъ выгнали изъ дома Келлета, или въ то, едва ли не столько же грустное, утро, когда онъ узналъ объ отказѣ въ принятіи его пансіонеромъ коллегіи, или въ день еще болѣе горькій, когда лордъ Гленгаррифъ вытолкнулъ его за дверь, съ словами оскорбленія и позора. Подобно мстительнымъ геніямъ, эти мысли сопутствовали ему, гдѣ бы онъ ни находился. Онѣ сидѣли съ нимъ рядомъ, когда онъ обѣдалъ у великихъ людей; онѣ ходили съ нимъ въ его уединенныхъ прогулкахъ, и нашептывали ему на ухо въ темные часы ночи. Никакая великодушная надежда, никакая возвышенная увѣренность въ себя не поддерживали его среди этихъ невзгодъ его юности; напротивъ того, каждая новая неудача повидимому все болѣе и болѣе напечатлѣвала въ его душѣ убѣжденіе, что таланты, которыми пріобрѣтается успѣхъ въ жизни, не даны ему, что его способности принадлежатъ къ тому низшему разряду, который никогда не подымаетъ своего обладателя выше обыкновенной посредственности; что если онъ хочетъ успѣвать въ жизни, то долженъ разсчитывать не столько на большія умственныя усилія съ своей стороны, сколько на терпѣливое изученіе самихъ людей, — ихъ недостатковъ, слабостей и глупостей. На сколько простиралось его знаніе свѣта, онъ видѣлъ, что величайшіе характеры неизбѣжно подчиняются какому нибудь дурному вліянію, и что страсти того или другого рода честолюбія, болѣе или менѣе благородныя, даже вкрадчивая лесть господствуютъ надъ людьми, которыхъ умы возносились высоко надъ общимъ стадомъ. Я не могу состязаться съ ними,—говорилъ онъ,—я не обладаю даромъ краснорѣчія или способностью воображенія; я не знакомъ съ тайнами науки. Однако же посмотримъ — не могу ли я посредствомъ ловкости сдѣлать то, что недоступно для моей силы. Каждый человѣкъ,

каково бы ни было его званіе, жаждетъ богатства. Самые благородные и самые низкіе — человѣкъ, исполненный возвышенныхъ помысловъ и мелкій эгоистъ — всѣ соединяются въ этомъ общемъ стремленіи. Посмотримъ, какимъ образомъ можно лучше всего воспользоваться имъ. Чтобы обогащать другихъ, для этого нѣтъ необходимости быть богатымъ самому. Географъ смѣло можетъ указывать путешественнику дорогу чрезъ пустыню, по которой онъ не проходилъ самъ. Великіе финансовые планы могутъ быть составляемы на чердакѣ, хотя выполненіе ихъ можетъ потребовать милльоновъ. Такимъ образомъ, начавъ свое поприще съ званія простого провинціальнаго адвоката, онъ постепенно пріобрѣлъ извѣстность, какъ самый способный совѣтникъ по денежнымъ дѣламъ. Богатые люди совѣтовались съ нимъ насчетъ выгоднаго помѣщенія и безопасныхъ оборотовъ своего капитала; люди въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ повѣряли ему свои затрудненія, и искали его помощи въ борьбѣ съ ними; спекуляторы спрашивали его мнѣнія относительно того или другого риска; и даже тѣ, которые играли въ капризную судьбу министерства, желали руководиться его предсказаніями. «Дённъ досталъ мнѣ денегъ на умѣренныхъ условіяхъ» — «Дённъ устроилъ мнѣ пять процентовъ» — «Дённъ увѣрялъ меня, что я могу сдѣлать этотъ рискъ» — «Дённъ говоритъ мнѣ, что билль пройдетъ въ слѣдующую сессію»; такія и тому подобныя фразы слышались со всѣхъ сторонъ, пока его мнѣніе не сдѣлалось могучею силою въ странѣ, и пока онъ самъ не сталъ сознавать того же.

Эта первая ступень вела къ другой, еще болѣе высокой. Отъ денежныхъ обстоятельствъ людей онъ перешелъ къ изученію ихъ нравственной природы: для какихъ искушеній недоступенъ этотъ, какимъ можетъ поддаться тотъ; къ какимъ цѣлямъ стремится каждый; какія тайныя сомнѣнія и предчувствія тревожатъ ихъ? И чѣмъ служитъ докторъ въ области болѣзни и помощи, тѣмъ сдѣлался онъ въ области человѣческихъ страстей и желаній. Люди приходили къ нему съ тою же самою откровенностью, съ какою идутъ къ врачу: они обнажали передъ нимъ нечистыя язвы своего сердца, какъ будто они разсказывали свою исторію себѣ самимъ. Какъ ни поразительны, какъ ни ужасны разсказы, которые иногда выслушиваетъ врачъ, но тайны, открываемыя Дённу, были еще поразительнѣе и ужаснѣе. Люди приходили къ нему съ исторіями о безпечномъ мотовствѣ и раззореньи, о долгахъ, сдѣланныхъ сто лѣтъ тому назадъ и — что еще хуже, гораздо хуже этого — съ разсказами о подлогѣ и обманѣ. Пре-

ступленія, за которыя законъ поразилъ бы своими послѣдними казнями были ему повѣряемы въ этой мрачной исповѣдальнѣ—въ его дѣловомъ кабинетѣ, и доказательства виновности отдавались ему въ руки, чтобы онъ могъ прочесть и обсудить ихъ. И какъ докторъ проводитъ свою жизнь съ грустнымъ знаніемъ всѣхъ тайныхъ страданій, его окружающихъ,—видя, какъ мало этотъ «румянецъ» доказываетъ здоровье, какъ слабо бьется это сердце, переполненное счастьемъ,—такъ этотъ человѣкъ жилъ въ томъ свѣтѣ, который былъ не болѣе какъ лазаретной палатой нравственной гнили. Таковы были занятія, въ которыя погружался Дённъ среди безсонныхъ ночей и постоянныхъ дневныхъ заботъ.

Дэвенпортъ Дённъ возвысился въ то время, когда, посредствомъ мѣры, принятой судомъ о заложенныхъ имѣніяхъ, въ состояніи Ирландіи произошла великая перемѣна. Чтобы сообразить вдругъ громадныя послѣдствія страшнаго соціальнаго переворота, и даже предвидѣть хоть нѣкоторые результаты этой стремительной конфискаціи—для этого требовалось далеко не обыкновенное знаніе страны и вовсе не малое знакомство съ ея обычаями. Старый феодализмъ, связывающій судьбу голодающаго народа съ участью раззорившагося дворянства, долженъ былъ уничтожиться вдругъ и предстояло сдѣлать великій опытъ. Будетъ ли легче управлять Ирландіей благоденствующей, чѣмъ Ирландіей бѣдствующей? Такова была задача, которая, повидимому, не могла вызвать большихъ сомнѣній, и однако же она вовсе не была лишена трудности для умовъ, которые такъ долго основывали свои правительственныя соображенія на принципахъ разжиганія ея несогласій и раздѣленія ея народа. Дэвенпортъ Дённъ увидѣлъ колебаніе минуты и тотчасъ же вызвался разрѣшить трудный вопросъ. Передача собственности могла быть направлена въ пользу видовъ извѣстной партіи въ государствѣ: можно было избрать новое сословіе собственниковъ и, при установленіи этой новой *сквайрархіи* принять во вниманіе цѣли правительства. По крайней мѣрѣ онъ такъ думалъ, и—что важнѣе—убѣдилъ главнаго секретаря въ основательности своего мнѣнія.

Главнымъ стремленіемъ Дённа было уничтоженіе большихъ собственниковъ, которые заѣдали Ирландію, какъ хищныя большія животныя заѣдаютъ малыхъ. Онъ видѣлъ, что пропасть, раздѣляющая голодныхъ пролетаріевъ отъ пресыщенной аристократіи становится тѣмъ глубже, чѣмъ дальше развивается цивилизація, и онъ рѣшился подорвать вліяніе и силу высшаго сословія въ пользу средняго и низшаго. Для этого онъ придумалъ планъ

раздробленія крупныхъ собственностей на мелкія, посредствомъ аукціонной продажи поземельныхъ владѣній. Ударъ молотка рѣшалъ судьбу старинныхъ наслѣдственныхъ состояній; переводы ихъ въ руки новыхъ владѣльцевъ, которые, по мнѣнію Дённа, впослѣдствіи должны были нанести смертельный ударъ преобладанію духовенства и породистой аристократіи.

Съ этою цѣлью Дэвенпортъ Дённъ завелъ реестръ всѣмъ обремененнымъ долгами имѣніямъ Ирландіи, со всѣми подробностями, которыя могли способствовать къ объясненію ихъ различныхъ выгодъ; онъ затѣялъ громадную переписку съ анлійскими капиталистами, жаждавшими новаго помѣщенія своихъ капиталовъ; онъ близко познакомился со всѣми измѣненіями и колебаніями денежнаго рынка въ извѣстные періоды, такъ что зналъ благопріятнѣйшіе моменты для спекуляцій; наконецъ, онъ имѣлъ довольно хитрости привести свою систему въ дѣйствіе такъ, что никто не подозрѣвалъ его участія въ ней, и былъ въ правѣ сказать намѣстнику! «Взгляните и сами судите, милордъ, чье вліяніе преобладаетъ теперь въ Ирландіи».

Въ самомъ дѣлѣ, правительству было не легко не обращать на него вниманія, потому что имя его слышалось каждую минуту. Начиная отъ шумнаго событія большихъ выборовъ въ графствѣ до незначительнаго спора за званье опекуна надъ бѣдными— онъ игралъ роль вездѣ до тѣхъ поръ, когда, наконецъ, каждая задача политики начала неизмѣнно соединяться съ вопросомъ: «Что думаетъ объ этомъ Дённъ?»

Какъ всѣ люди съ сильнымъ честолюбіемъ, онъ допускалъ немногихъ или вовсе никого не допускалъ до короткости съ собою и положительно не имѣлъ друзей. Онъ не нуждался ни въ какихъ совѣтникахъ и не пошевелился бы съ мѣста, чтобы спросить чьего бы то ни было мнѣнія насчетъ какого либо случая. Отчасти вслѣдствіе этого о немъ вообще отзывались въ выраженіяхъ не совсѣмъ лестныхъ и благосклонныхъ. Нѣкоторые называли его «счастливымъ»—гибкая фраза, которая приспособляется ко всему; другіе говорили, что это дюжинный, обыкновенный человѣкъ, съ нѣкоторою дѣловою смышленностью, но совершенно неспособный къ какимъ-нибудь обширнымъ и дальновиднымъ планамъ; иные заходили еще дальше и говорили, что онъ не болѣе какъ орудіе въ рукахъ умныхъ головъ, не желавшихъ красоваться на переднемъ планѣ; наконецъ не мало было такихъ, которые удивлялись — «какимъ образомъ человѣкъ этого

сорта» могъ достигнуть какого нибудь вѣса и значенія въ странѣ.

— Вы увидите, какъ его отдѣлаетъ его превосходительство; онъ знаетъ, какъ поступать съ людьми этого покроя,—сказалъ особый секретарь намѣстника.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, сэръ, что мистеръ Дэвенпортъ Дённъ согласился бы съ вами,—сказалъ генеральный атторней, съ насмѣшливой улыбкой;—только это возбудитъ неудовольствіе въ судебномъ сословіи.

— Онъ не слишкомъ приверженъ къ церкви, я подозрѣваю,—шепталъ епископъ; но онъ бываетъ иногда полезенъ намъ.

— Онъ служитъ *нашимъ* цѣлямъ! надменно говорилъ одинъ изъ деревенскихъ джентльменовъ, который дѣйствительно выражалъ чувства своего класса.

Таковъ былъ человѣкъ, который сидѣлъ теперь одинъ, бесѣдуя самъ съ собою въ своей комнатѣ въ виллѣ д'Эсте. Читатели видятъ, что ему было о чемъ подумать.

ГЛАВА IX.

День на озерѣ Комо.

Мы вполнѣ сочувствуемъ лорду Ласкингтону, который предпочелъ пикникъ и общество миссъ Молли о'Рейли дѣловымъ заботамъ и свиданію съ мистеромъ Дённомъ. Озеро Комо, въ прекрасный день лѣтомъ или раннею осенью, если сердце сколько нибудь свободно отъ безпокойствъ и горестей жизни,—мѣсто очень пріятное, въ особенности для свѣтскаго человѣка, подобнаго благородному виконту. Ему нравилось, что ощущенія покоя и удовольствія прикрашены здѣсь какимъ-то романическимъ колоритомъ, и онъ любилъ отъ созерцанія суроваго величія Альповъ переходить къ зрѣлищу какого-нибудь сада съ террасами, сіяющаго блескомъ своей роскошной растительности. Можетъ быть не существовало мѣста,

которое было бы въ такой степени способно дѣйствовать на чувства людей его натуры. Здѣсь было величіе и пустынный видъ горныхъ странъ—снѣжныя вершины и пропасти; но все это находилось на значительномъ разстояніи, такъ что не могло внушить представленіе о холодѣ или непріятную мысль о путешествіи въ саняхъ. Здѣсь было безчисленное множество виллъ всякаго рода и разряда: нѣкоторыя по своей обширности и по своему великолѣпію годились бы даже для королевскихъ резиденцій, другія имѣли видъ кокетливыхъ маленькихъ дачь, гдѣ влюбленные супруги могли бы проводить свой медовый мѣсяцъ. Здѣсь были изящные павильоны у самаго озера—уютныя мѣста, гдѣ меланхоликъ съ пріятностью могъ бы предаваться своимъ размышленіямъ, человѣкъ любознательный—читать, а праздно любецъ—наслаждаться своею сигарой, среди самой очаровательной обстановки. Обнесенныя рѣшетками виноградныя аллеи взбирались зигзагами на холмы къ какому-нибудь живописному святилищу, котораго скромый маленькій шпицъ возвышался надъ масличными деревьями, или грубыя ступени въ скалѣ спускались къ уютной бухточкѣ, которая съ своимъ бѣлымъ пескомъ подъ кристальными водами образовала ванну, о какой и не грезилось сибариту. И на всемъ этомъ лежалъ отпечатокъ богатства, все это было проникнуто характеромъ достатка и изобилія, которые такъ по душѣ людямъ, не понимающимъ наслажденія тамъ, гдѣ для него надо сколько нибудь пожертвовать своею любовью къ спокойствію. По мнѣнію благороднаго виконта, мѣсто было превосходное. Притомъ оно было соединено съ единственнымъ романическимъ эпизодомъ его жизни. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько первыхъ недѣль послѣ своей свадьбы; и хотя въ немъ сохранилось съ тѣхъ поръ очень мало чувствъ, дѣлавшихъ тотъ періодъ счастливымъ, хотя миледи уже не внушала его уму воспоминанія о прелестяхъ, которыя нѣкогда очаровали его, но все таки отъ этого давняго періода «вѣяло запахомъ розъ». Разстояніе, придающее прелесть вещественной картинѣ, дѣйствуетъ и на картину нравственную. Память смягчаетъ много жесткихъ красокъ, сглаживаетъ много шероховатостей, и сливаетъ въ эту пріятную гармонію много вещей, которыя вблизи произвели бы совершенно противоположные эффекты. Мы не хотимъ сказать этимъ, что медовый мѣсяцъ лорда Лаккингтона не былъ похожъ на вашъ, на этотъ рай счастья и блаженства; мы просто думаемъ, что, вспоминая о немъ, онъ могъ представить себѣ только розовый цвѣтъ, и ни одной тѣни. Онъ по своему опоэти-

зировалъ тотъ маленькій эпизодъ своей жизни, когда, одѣтый въ затѣйливый и соотвѣтствующій обстоятельствамъ костюмъ, онъ игралъ роль гондольера для своей молодой невѣсты, карабкался на гору, чтобы принести ей оттуда альпійскую розу и громко читалъ Чайдъ-Гарольда. Онъ не помнилъ теперь ничего этого, и представить себя гребцомъ ему было такъ же дико, какъ вообразить себя бильярднымъ маркеромъ; что же касается до горныхъ экскурсій, то онъ не польстился бы никакимъ успѣхомъ, если бы для достиженія его надлежало взбираться по крутой лѣстницѣ.

— Здѣсь въ бухтѣ есть гдѣ-то по близости маленькая вилла,— сказалъ онъ, между тѣмъ какъ лодка тихо скользила по озеру; я очень желалъ бы показать ее вамъ. Эти слова были обращены къ Молли О'Рейли, сидѣвшей возлѣ него. Не знаете ли вы виллу Ла-Пласъ? спросилъ онъ у одного изъ лодочниковъ.

— Какъ же, знаю, эччелленца; да и кто не знаетъ? Мой отецъ былъ тамъ лодочникомъ у одного знатнаго милорда, — не могу сказать сколько лѣтъ тому назадъ. Ахъ, — прибавилъ онъ смѣясь,—какія штуки онъ бывало разсказываетъ объ этомъ милордѣ, который всегда одѣвался какъ гондольеръ или охотникъ за сернами.

— Мы не спрашиваемъ о разсказахъ вашего отца, мой милый; намъ нужно только, чтобы вы показали намъ, гдѣ находится Ла-Пласъ,—рѣзко прервалъ виконтъ.

— Вотъ она, эччелленца, — сказалъ лодочникъ, когда, обогнувъ небольшой скалистый мысъ, они очутились въ виду маленькой бухты, въ центрѣ которой стояла вилла.

Пустая и заброшенная, она была однако же окружена тою роскошною растительностію, тою рѣдкою декорацией виноградныхъ лозъ и оливъ, олеандровъ и кактусовъ, которая повидимому болѣе чѣмъ вознаграждала за отсутствіе людскихъ попеченій и присмотра. Апельсинныя деревья купали свои отягченныя вѣтви въ озерѣ, гдѣ золотистые плоды подымались и опускались вмѣстѣ съ колебаніемъ воды вокругъ нихъ. Переплетенныя виноградныя лозы разстилались по землѣ, пятная высокую траву своею пурпурной кровью. Масличныя ягоды лежали густымъ слоемъ вокругъ, и тысячи благоуханій наполняли воздухъ, колеблемый тихимъ вѣтромъ.

— Позвольте мнѣ показать вамъ настоящую итальянскую виллу,— сказалъ виконтъ, между тѣмъ какъ лодка скользила по направленію къ ступенямъ, вырубленнымъ въ мраморной скалѣ. Я

когда-то провелъ здѣсь нѣсколько недѣль; мнѣ пришла фантазія узнать—что это за родъ жизни—бродить среди масличныхъ рощъ и не имѣть другого общества кромѣ кузнечиковъ и зеленыхъ ящерицъ.

— Право, милордъ, — сказалъ О'Рейли, — если вы могли жить фигами и лимонами, то вамъ не на что было пожаловаться, только я думаю, что вы чувствовали свое одиночество.

— Я едва помню, что я тогда чувствовалъ, но только общее впечатлѣніе у меня осталось то, что мнѣ эта жизнь нравилась. Я обыкновенно лежалъ вотъ подъ тѣмъ большимъ кедромъ и читалъ Петрарку.

— Славная штука... превосходная штука... пожить бы здѣсь этакъ двѣсти лѣтъ, или даже менѣе... пропасть рыбы въ озерѣ... кормить прислугу арбузами... сказалъ Твиннингъ, хлопая себя по ногамъ при этихъ хозяйственныхъ соображеніяхъ.

— Съ людьми, которыхъ любишь, — сказала миссъ О'Рейли, я не вижу, почему бы это мѣсто не было очаровательнымъ.

— Здѣсь нѣтъ и сотни ярдовъ открытаго пространства. Если бы вы жили здѣсь, вамъ негдѣ было бы поводить лошадь,— презрительно замѣтилъ Спайсеръ.

— Великолѣпный виноградъ, удивительные апельсины, прекраснѣйшія дыни, какія только я когда нибудь видалъ, — и все это пропадаетъ даромъ,—сказалъ Твиннингъ смѣясь, какъ будто подобное крайнее пренебреженіе было очень забавною вещью. Въ случаѣ продажи, вилла пошла бы за бездѣлицу.

— Вотъ вамъ бы купить, О'Рейли, — сказалъ виконтъ; это одно изъ тѣхъ заброшенныхъ мѣстъ, которыя можно пріобрѣсти за десятую долю ихъ стоимости; купите его, устройте какъ слѣдуетъ и мы пріѣдемъ провести съ вами осень. Не правда ли Твиннингъ?

— Непремѣнно пріѣдемъ, готовъ поклясться въ этомъ; мы будемъ здѣсь къ 1-му сентября и останемся до... сколько вамъ угодно. Забавная штука.

— Очаровательное мѣсто, чтобы пріѣхать сюда и отдохнуть отъ заботъ и тревогъ жизни — сказалъ Лаккингтонъ, растянувшись на скамьѣ и чистя апельсинъ.

— Я сошелъ бы съ ума въ одну недѣлю... и въ одно прекрасное утро меня нашли бы повѣсившимся...

— Стыдитесь, папа,—прервала Молли. Милордъ говоритъ, что онъ пріѣдетъ къ намъ въ гости, и вы знаете, что мы были бы здѣсь не ранѣе осени.

— Именно такъ... во время винограднаго сбора... покушать вашихъ оливокъ и посмотрѣть за вашимъ масломъ... славная штука,—весело подхватилъ Твиннингъ.

— Объявляю, что я была бы очень довольна этимъ; а вы какъ? обратилась старшая дочь О'Рейли къ Спайсеру.

Этотъ джентльменъ теперь сообразилъ, что для людей есть такое время въ году, когда главная задача — жить дешево и приберегать свои средства; и когда онъ подумалъ о спокойствіи безпечнаго существованія, которое не стоило бы никакихъ издержекъ, то одобрилъ планъ и съ своей стороны. И такъ на вопросъ миссъ О'Рейли онъ отвѣчалъ: «Непремѣнно убѣдите вашего папа купить виллу!»

Твиннингъ съ жаромъ началъ развивать эту мысль. Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей его страннаго характера было—не только наслаждаться своимъ превосходствомъ относительно богатства надъ столь многими небогатыми друзьями, но и подсмѣиваться надъ всѣми возможными ошибками, которыхъ *онъ* избѣжалъ, тогда какъ *они* попались въ западню. Знать, что существовала спекуляція, которая могла соблазнить его и раззорила всѣхъ, кто въ нее впутался; видѣть, что рухнулъ банкъ, отъ управленія которымъ онъ отказался, или провалилась желѣзная дорога, акціи которой онъ отвергнулъ, — было для него наслажденіемъ, и въ подобныхъ случаяхъ онъ съ истиннымъ энтузіазмомъ шлепалъ по своимъ тощимъ ногамъ и восклицалъ: «вотъ забавно!»

Посадить человѣка подобнаго мистеру О'Рейли на такой почвѣ, казалось ему, поэтому, самою лучшею, самою забавною штукой и онъ водилъ О'Рейли по виллѣ, краснорѣчиво разсуждая обо всѣхъ выгодахъ этого предпріятія, — о важномъ общественномъ положеніи, которое можетъ это доставить, о мѣстѣ, которое онъ можетъ занимать въ странѣ, о благоразуміи подобнаго употребленія капитала, о несомнѣнности хорошихъ партій для дочерей. «Какой видъ открывается изъ этого окна на Сплугенскія Альпы! — Какой очаровательный уголокъ — эта маленькая комнатка, чтобы попивать тамъ кларетъ въ осенній вечеръ!—Подумайте о дессертѣ, который растетъ чуть не въ самой столовой и о форели, прыгающей на разстояніи одного ярда отъ вашего стола!—Австрійцы будутъ въ восторгѣ имѣть васъ у себя... они сейчасъ сдѣлаютъ васъ графомъ .. какимъ нибудь Hof... дадутъ вамъ крестъ... вѣдь славная штука, не правда ли?.. Графъ О'Рейли... какъ звучно! .. сдѣлайте это непремѣнно.

Между тѣмъ какъ Твиннингъ велъ такимъ образомъ свою атаку, лордъ Лаккингтонъ съ неменьшимъ жаромъ выполнялъ свой планъ компаніи на другомъ пунктѣ. Онъ пробрался съ Молли въ садъ и въ маленькій павильонъ въ концѣ его, гдѣ озеро представляло одинъ изъ своихъ самыхъ живописныхъ видовъ. Это мѣсто было ему хорошо знакомо; онъ провелъ много вечеровъ на этомъ низкомъ подоконникѣ, частію забываясь среди этой мирной сцены, частію, полусознательно вспоминая пріятныя ночи у Брукза, или веселые обѣды въ Карльтонъ-Гоузѣ. Здѣсь въ первый разъ онъ сталъ скучать своимъ брачнымъ союзомъ и былъ до того пресыщенъ его блаженствомъ, что рѣшительно сталъ жаждать какого-нибудь маленькаго несчастія, которое могло бы разрушить гладкую монотонность его жизни. И однакоже теперь, вслѣдствіе одной изъ тѣхъ странныхъ штукъ, которыя дѣлаетъ съ нами память, онъ вообразилъ, что минуты, проведенныя имъ нѣкогда здѣсь, были самыми лучшими въ его жизни.

— Я увѣрена, хотя вы не хотите признаться въ этомъ,—сказала она послѣ одной изъ самыхъ краснорѣчивыхъ взрывовъ его воспоминаній, — я увѣрена, что вы были очень влюблены тогда.

— Можетъ быть я питалъ идеальную страсть, поэтическую мечту о свѣтломъ созданіи, которое когда-нибудь овладѣетъ этимъ бѣднымъ сердцемъ, — и онъ разгладилъ складки своего безукоризненно-бѣлаго жилета,—но если вы думаете, что я когда нибудь зналъ или видѣлъ подобное созданіе до настоящаго времени, до этой самой минуты...

— Остановитесь! вспомните ваше обѣщаніе.

— Но, charmante Молли, я не болѣе какъ смертный,—сказалъ онъ, съ видомъ такого великолѣпнаго смиренія, которое вдругъ заставило ее вспомнить, что эти слова произнесены пэромъ.

— Смертные должны держать свое слово,—сказала она рѣзко. Условіе, на которомъ я согласилась принять ваше общество, было... Впрочемъ мнѣ нѣтъ надобности напоминать вамъ.

— Нѣтъ, не напоминайте, дорогая Молли, потому что я буду въ восторгѣ, если забуду его. Вы знаете, что никакой законъ никогда не обязывалъ человѣка дѣлать невозможное; и что вынужденіе отъ него какого нибудь обѣщанія въ этомъ духѣ есть само по себѣ дѣло незаконное. Значитъ не я, а вы виновны въ проступкѣ. Вы, вѣроятно, и не подозрѣвали этого?

— Я помню только одно: вы обѣщали мнѣ не говорить вздо-

ру, сказала она, сильно краснѣя частію отъ гнѣва, частію отъ стыда.

— А! мнѣ и въ голову не приходило, что вы здѣсь, сказалъ Твиннингъ, просунувъ голову въ окно. Хорошенькое мѣстечко... такое спокойное и уединенное... Славная штука!

— Отсюда такой прекрасный видъ, папа,—сказала Молли въ нѣкоторомъ смущеніи отъ насмѣшливаго взгляда Твиннинга. Подите сюда и посмотрите.

— Я только что говорилъ вашей милой дочери, О'Рейли, что вы должны пріобрѣсти это мѣсто,—сказалъ лордъ Лаккингтонъ. Не думайте, что у васъ не будетъ здѣсь общества. Вѣдь здѣсь есть вилла д'Эсте; она скоро сдѣлается европейскою знаменитостью и на будущій годъ будетъ набита биткомъ. *Галиньяни* уже упомянулъ меня и леди Лаккингтонъ въ числѣ посѣтителей. Эти вещи имѣютъ свое дѣйствіе. Пресса въ наше время равняется имѣнію.

— Дѣйствительно, я увѣренъ въ этомъ. У моей жены былъ кузенъ, который получалъ двѣсти фунтовъ въ годъ отъ «Тиролейскаго курьера,» маленькой ежедневной газеты, которой, можетъ быть, вы, милордъ, и не видали.

— Когда я сказалъ «имѣнію,» сэръ, то намекалъ скорѣе на признанную силу и вліяніе, чѣмъ на обыкновенное богатство. Впрочемъ, надо прибавить, что я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые одобряютъ это вліяніе, да я и не понимаю, какъ люди моего сословія могутъ имѣть такое мнѣніе о подобныхъ вещахъ.

— По-моему ничто не можетъ сравниться съ газетой,—сказалъ О'Рейли вздыхая, какъ будто бы это признаніе стоило ему нѣкотораго усилія. Я читаю «Сандерсъ» вотъ уже 48 лѣтъ и признаюсь вамъ, что не находилъ газеты, которая нравилась бы мнѣ въ такой степени. Потому что, вотъ видите ли, милордъ, въ газетѣ такъ же, какъ въ домѣ, вы должны знать, гдѣ найдти то, что вамъ нужно. Но дайте мнѣ напр. «Таймзъ» и велите отыскать извѣстіе подъ названіемъ «дворъ намѣстника:» это будетъ все равно что заставить меня искать мою спальню въ Букингэмскомъ дворцѣ. Если эти новости и помѣщаются тамъ когда-нибудь, такъ непремѣнно между преступленіями или происшествіями.

— Праздненство въ Кэстлѣ... Патриксъ-Голлъ... Славная штука! сказалъ Твиннингъ, весело смѣясь, при воспоминаніяхъ о тамошнемъ гостепріимствѣ.

— Были-ли вы... Но впрочемъ вы были слишкомъ молоды для представленія, — сказалъ милордъ, обращаясь къ Молли.

— Мы не выѣзжали, но во всякомъ случаѣ я увѣрена, что мы не захотѣли бы тамъ быть, — сказала Молли.

— Кто знаетъ; можетъ быть удовольствіе этого представленія сохранено для меня, — любезно сказалъ виконтъ. Вотъ постъ, который вашъ народъ могъ бы предложить мнѣ.

— Постъ лорда-намѣстника! воскликнула Молли, вытаращивъ глаза.

— Именно, ma belle. Не сдѣлать ли намъ репетицію церемоніи представленія? Вы Твиннингъ, будьте каммергеромъ. Вы, О'Рейли, станьте въ сторону, будьте герольдмейстеромъ. Теперь къ дѣлу. Говоря это, онъ гордо выпрямился и принялъ величественную позу, между тѣмъ какъ Твиннингъ, пробормотавъ про себя «вотъ забавно», громко доложилъ: «Миссъ Молли О'Рейли, ваше превосходительство». При этихъ словахъ и прежде чѣмъ дѣвушка успѣла опомниться, его превосходительство сдѣлалъ шагъ впередъ и поцѣловалъ ее въ обѣ щеки съ радушіемъ, которое заставило ее вспыхнуть.

— Это не то, совсѣмъ не то, я увѣрена, — сказала она почти съ гнѣвомъ.

— Клянусь жизнію! я въ точности слѣдую церемоніалу, — не болѣе, — сказалъ виконтъ. Затѣмъ, продолжая комедію, онъ прибавилъ: «Позаботьтесь, Твиннингъ, помѣстить ее въ списокъ приглашенныхъ на балы. О'Рейли, ваша племянница очаровательна.

— Моя племянница... но вѣдь она...

— Вы забываете, мой достойный другъ, что мы играемъ роль намѣстника и не можемъ обременять своей памяти узами родства.

Въ это время пришелъ Спайсеръ и сказалъ, что собирается буря и что благоразумнѣе всего, кажется, будетъ выгрузить завтракъ изъ лодки и оставаться здѣсь, пока гроза не пройдетъ. Это предложеніе тотчасъ же было одобрено и всѣ занялись приготовленіями къ закускѣ, единодушно сознаваясь, что они не чувствуютъ ни малѣйшаго сожалѣнія объ отсутствіи другой лодки, которая еще не успѣла придти. Въ самомъ дѣлѣ, какъ замѣтилъ О'Рейли, «имъ было гораздо уютнѣе такъ, безъ русскихъ», что, въ различныхъ формахъ, признали и всѣ остальные.

Общій столъ порождалъ какое-то странное чувство братства: небольшія приготовленія къ этому обѣду произвели между всѣми ими короткость стараго знакомства, и теперь, сидя и помогая другъ другу, они были похожи на одну семью. Каждый напере-

рывъ старался выказать свою способность быть полезнымъ и пріятнымъ; даже благородный виконтъ, который, собственно говоря, не дѣлалъ ровно ничего, до такой степени искусно притворялся занятымъ и дѣятельнымъ, что всѣ смотрѣли на него какъ на жизнь и душу общества. Впрочемъ мы несправедливо сказали, что онъ ничего не дѣлалъ, потому что онъ-то именно, прелестью своихъ манеръ и находчивымъ тактомъ свѣтскаго человѣка, и сообщилъ пикнику его успѣхъ. Непривычный къ пріятнымъ качествамъ подобныхъ людей, О'Рейли вполнѣ почувствовалъ удивленіе, которое можетъ внушить великая способность вести разговоръ, и сидѣлъ изумленный и очарованный этимъ потокомъ забавныхъ анекдотовъ, остроумныхъ замѣчаній и мѣткихъ наблюденій, которые изливались передъ нимъ.

Онъ ничего не зналъ о ловкости, которая руководитъ этими способностями, не зналъ, что, подобно хитрымъ купцамъ раскладывающимъ свои товары такъ чтобы представить ихъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, подобные люди показываютъ свои качества со всею искусственностью выставки. Онъ не подозрѣвалъ присутствія тонкой лести, заставившей его вообразить себя короткимъ знакомымъ людей, которыхъ имена произносились при немъ безъ стѣсненія, пока наконецъ атмосфера большого свѣта не показалась ему похожею на воздухъ, которымъ онъ дышалъ съ дѣтскихъ лѣтъ.

— Въ какомъ восторгѣ былъ бы принцъ отъ О'Рейли,—сказалъ виконтъ Твиннингу шопотомъ, который легко было разслушать.

— Этотъ острый юморъ, этотъ сильный, оригинальный здравый смыслъ, это могучее пренебреженіе къ мелкимъ препятствіямъ тамъ, гдѣ онъ рѣшился идти по извѣстной дорогѣ... Его королевское высочество оцѣнилъ бы всѣ эти качества.

— Безспорно... былъ очарованъ ими... счелъ бы его въ высшей степени пріятнымъ человѣкомъ... славная штука.

— Вы напоминаете мнѣ О'Келли — полковника О'Келли — О'Рейли; довольно странно, но вы оба, должно быть, происходите отъ той же самой кельтической крови. Но, можетъ быть, этотъ именно элементъ и даетъ вамъ это особенную прелесть въ обществѣ, на которую я намекалъ. Вы, не довольно стары, Твиннингъ, чтобы помнить небольшой домъ, съ сводистыми окнами, выходившими на Птичью-аллею; онъ былъ похожъ на домъ деревенскаго пастора, заброшенный въ середину Лондона, съ жимолостью надъ входомъ и попугаями на лужайкѣ противъ него. Тамъ жили вмѣстѣ О'Келли и Пэйнъ, двое забавнѣйшихъ

холостяковъ какіе только когда нибудь заключали между собою товарищескій союзъ. Принцъ обѣдалъ съ ними каждую пятницу; уже такъ было заведено у нихъ. Прелесть этихъ обѣдовъ состояла въ томъ, что здѣсь не было никакихъ стѣсненій и церемоній. Это было совершенно то же, какъ если бы О'Рейли купилъ эту виллу и сказалъ: «Теперь, Лаккингтонъ, я довольно богатъ, чтобы жить въ свое удовольствіе; я не хочу безпоиться и утруждать себя, гоняясь за пріятными свѣтскими людьми; но вы знаете ихъ всѣхъ, знаете ихъ обычаи, нужды и требованія: скажите мнѣ откровенно, не можемъ ли мы устроить такъ, чтобы это мѣсто было ихъ сборнымъ пунктомъ въ Европѣ. Находясь здѣсь, среди самой пріятной мѣстности, съ хорошимъ поваромъ и хорошимъ погребомъ — не сдѣлалось ли бы это мѣсто настоящимъ раемъ?

— Если бы только я зналъ, что вы, милордъ... и, разумѣется, присутствующая компанія — прибавилъ О'Рейли, съ поклономъ сдѣлали мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, то я готовъ бы пріобрѣсти это мѣсто хоть завтра и гордился бы званьемъ его владѣльца. Въ самомъ дѣлѣ, я не вижу почему мы здѣсь не можемъ чувствовать себя такъ же хорошо, какъ таскаясь по свѣту среди пыли и зноя. И такъ, если мои дѣвочки не видятъ препятствія...

— Я очень желала бы этого, папа,—прервала миссъ О'Рейли.

— Я очарована даже при одной мысли объ этомъ, — вскричала Молли.

— Превосходная мысль... романтическая идея... за исключеніемъ нѣкоторой суммы денегъ,—пробормоталъ Твиннингъ.

— Сюда нѣтъ никакого подступа съ сухого пути, — сказалъ Спайсеръ, который предвидѣлъ, что способности его лошади не могли бы получить здѣсь ни малѣйшаго развитія.

— Тѣмъ лучше, — сказалъ Твиннингъ, — ни какой неприглашенный гость не примчится сюда къ завтраку или къ обѣду,—онъ долженъ ѣхать въ лодкѣ и будетъ видѣнъ за цѣлый часъ до своего прибытія.

— Если я сколько нибудь знаю моего друга, — сказалъ виконтъ, — то онъ скорѣе склоненъ сдѣлать радушный пріемъ, чѣмъ вѣжливый отказъ посѣтителю. Вы должны завтра поговорить съ Лафранки о виллѣ, О'Рейли. Онъ смышленный малый и знаетъ какъ дѣлаются эти дѣла.

— Право, милордъ, я вижу все въ солнечномъ свѣтѣ, пока

сижу въ такой компаніи. Это именно та пріятная вещь, которая мнѣ нравится. Нѣсколько друзей — если только это не слишкомъ большая смѣлость съ моей стороны.

— Нѣтъ, нисколько, О'Рейли. Уваженіе, которое я чувствую къ вамъ, и которое Твиннингъ чувствуетъ къ вамъ — при этомъ милордъ взглянулъ на Спайсера и слегка кивнулъ головой, какъ будто говоря: здѣсь есть еще одна особа, не требующая формальнаго упоминовенія въ актѣ—уваженіе это—не мимолетное чувство, и мы искренно желаемъ, чтобы оно было принято какъ истинная дружба.

— Разумѣется... безспорно... великое почтеніе... безграничное удивленіе... вотъ штука! — пробормоталъ Твиннингъ вполголоса.

Вечеръ прошелъ въ веселыхъ планахъ на счетъ будущаго. Спайсеръ взялся доставить работниковъ и художниковъ разнаго рода и украсить виллу и ея почву. Онъ знаетъ также одного садовника и можетъ, посредствомъ поѣздки въ Неаполь и небольшого подкупа, переманить повара принца Сиракузскаго,—сицилійца, который стоитъ всѣхъ французовъ въ мірѣ относительно ультрамонтанской кухни. Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ яркій свѣтъ луны, поднявшейся надъ озеромъ напомнилъ имъ, что пора отправляться домой, они уже составили для семейства О'Рейли планъ чуть не райскаго существованія.

Мало есть вещей, которыя даютъ воображенію больше пищи и простора, чѣмъ описаніе образа жизни, гдѣ деньги «ни почемъ» и гдѣ слова: *«желать* и *имѣть»* суть тождественныя понятія. Дайте нѣкоторымъ людямъ — какъ бы мало ни были они одарены способностью фантазіи — изобразить подобное существованіе — и вы увидите, какъ они, посредствомъ простого помноженія различныхъ вкусовъ, наконецъ создадутъ въ высшей степени плѣнительную и великолѣпную картину. Совѣтники семейства О'Рейли были довольно искусны въ своемъ родѣ, и ужь конечно не забыли ни одной составной части удовольствія, — такъ что, къ тому времени когда лодка вошла въ маленькую бухту д'Эсте, уже былъ готовъ очеркъ такой жизни, съ которою не могло сравниться ничто, разсказываемое въ волшебныхъ сказкахъ.

— Я куплю виллу, милордъ; она все равно что моя въ эту минуту, — сказалъ О'Рейли, выйдя на берегъ. И когда онъ говорилъ эти слова, его серде трепетала отъ восторга, при мысли цѣлой жизни блаженства.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

ГРИША.

(Небывалый случай).

Не знаю, есть ли у насъ на Руси такія захолустья, гдѣ бы жизнь была такъ скучна, такъ невыносимо-однообразна, какъ по глухимъ, заброшеннымъ подонскимъ хуторамъ и между низовьями Хопра и Медвѣдицы. Занесетъ ли васъ на ночлегъ въ одинъ изъ такихъ хуторовъ холодная, зимняя ночь или вамъ приведется только проѣхать мимо этихъ уединенныхъ поселковъ — у васъ долго потомъ не выходятъ изъ головы бѣдныя избушки, пріютившіяся гдѣ-нибудь у овражка или среди голой степи, — и почему-то жаль становится людей, которымъ приходится ныть и охать въ этихъ избушкахъ. И что особенно обидно, — у этихъ людей нѣтъ, повидимому, ни желанія измѣнить свою горемычную жизнь на что нибудь лучшее, и даже нѣтъ сознанія, какъ эта жизнь тяжела и безплодна; имъ кажется, что лучше ихъ степной тюрьмы нѣтъ ничего на свѣтѣ, потому что они дѣйствительно лучшаго ничего не видѣли; своего горя и жалкаго покоя, называемаго счастьемъ, они не могли да и не умѣли сравнить съ людскимъ горемъ и людскимъ счастьемъ, хотя ихъ горе было бы намъ не подъ силу, а ихъ счастья мы не взяли бы себѣ, потому что намъ его мало. И эти люди бываютъ по-своему довольны, и когда подкрадется къ нимъ смерть, имъ жалко разстаться и съ этой жизнію.

Но бываютъ дни, когда сами хуторяне испытываютъ тяжелую тоску и тяготятся своимъ одиночествомъ. Это чувствуется обыкновенно послѣ проводовъ очередныхъ казаковъ на линію;

въ хуторахъ остаются однѣ женщины, дряхлые старики и казачата-малолѣтки.

Такъ было и въ то время, когда начинается мой разсказъ.

Вчера только весь хуторъ пріѣхалъ изъ станицы, гдѣ, послѣ обѣдни и напутственнаго молебна, казаки всѣхъ окрестныхъ хуторовъ и станичные снарядились въ походъ, попрощались съ родными и знакомыми, и на своихъ поджарыхъ лошадкахъ трусцой потянулись на югъ степною дорогой. Не мало было стоновъ и горя. Старухи и молодыя казачки омочили слезами запыленные сапоги своихъ дѣтей и мужьевъ, хватаясь за стремена ихъ. И ребятишки плакали глядя на матерей. Когда священникъ напутствовалъ отъѣзжавшихъ крестнымъ знаменіемъ, и у него на глазахъ показались слезы, потому ли что жаль было казаковъ, или вспомнилъ онъ о своемъ сынѣ, который вотъ уже третій годъ, какъ пѣшкомъ ушелъ въ какой-то университетъ, и съ тѣхъ поръ ни словомъ не откликнулся отцу своему, какъ будто въ воду кинулъ. Когда проводы кончились, грустно возвращались домой хуторяне; слезъ больше не было, но только слышался монотонный разговоръ на какой-нибудь телегѣ, да выжившая изъ ума старушонка бормотала что-то вслухъ сама съ собой.

— Вотъ такъ-то и тебя, Гриша, провожать будемъ, сказала она вдругъ, уставивъ тусклые глаза на внучка, сидѣвшаго въ телегѣ и машинально смотрѣвшаго, какъ несло вѣтромъ черезъ дорогу сухое перикати-поле.

Мальчикъ взглянулъ удивленными глазами на старуху и ничего не отвѣчалъ: онъ привыкъ къ странностямъ своей доброй бабушки. Старуха задумалась, закрыла глаза и, въ какомъ-то забытьи, будто сквозь сонъ, тихо запѣла своимъ хриплымъ, разбитымъ голосомъ:

Знаемъ, знаемъ мы въ Россіи,
Знаемъ, Донъ откель течеть....

Никого не удивилъ и не вызвалъ изъ задумчивости дребезжащій голосъ старой казачки и ея странное пѣніе, которое было такъ некстати. Всѣ знали, что она стала заговариваться послѣ того какъ ея мужъ былъ убитъ гдѣ-то на линіи, а старшій сынъ умеръ тамъ же отъ горячки.

— Тогда ужь и я умру, когда ты поѣдешь на службу, сказала она снова, открывъ глаза и смутно посмотрѣвъ на внучка.

— Я не поѣду, пробормоталъ мальчикъ и продолжалъ смотрѣть на дорогу.

Удивленная старуха не знала что̀ сказать, и безсмысленно замотала головой.

— Я не поѣду туда, продолжалъ мальчикъ: —не хочу ѣхать... я не буду служить.

Старуха нѣсколько выпрямилась; острый подбородокъ ея зашевелился и губы стали дрожать, будто она собиралась плакать.

— Отчего жъ ты не хочешь служить, Гриша? сказала она довольно рѣзко.

— Такъ, не хочу, отвѣчалъ мальчикъ, искоса поглядѣвъ на бабушку, и улыбнулся.

— Тебя пошлютъ, сказала она.

— А я убѣгу въ лѣсъ, да и спрячусь тамъ въ дуплѣ, гдѣ лѣтось кряква яйца вывела.

Старуха видимо была раздражена отвѣтомъ мальчика, но ее успокоили и она снова погрузилась въ забытье, бормоча по временамъ свою любимую пѣсню: «Знаемъ, Донъ откель течетъ». Странная мономанія: въ жизни этой женщины не было ни одного свѣтлаго дня; судьба отняла у нея все, что могло радовать ее; изъ огромной семьи, въ которой старше всѣхъ была старуха, мужчинъ не оставалось почти никого: иныхъ уже не было на свѣтѣ, —кто убитъ, кто умеръ на сторонѣ, о другихъ она давно не имѣла извѣстія; послѣдняго сына выпроводила въ путь; хозяйство ея, за недостаткомъ здоровыхъ мужскихъ рукъ, все разстроилось; поле оставалось незасѣяннымъ; въ домѣ бѣдность,—а она не плакалась на судьбу, что должна была проститься съ послѣднимъ сыномъ и уже думала о томъ, какъ будетъ снаряжать въ путь осьмилѣтняго внука. Вмѣстѣ съ своими невѣстками и замужними дочерьми она горевала о томъ, что съ ними никого нѣтъ, что тяжело жить безъ мужчинъ, но это гореванье всегда оканчивалось тѣмъ, что она говорила: «тому надо быть что есть, — такъ Богу угодно» —и жалѣла, что у нея еще нѣтъ взрослаго сына, ко-

тораго бы она послала на линію. Изъ мальчиковъ въ этой семьѣ старшимъ былъ Гриша, котораго дѣтская жизнь проходила въ томъ, что онъ или гонялъ на ближайшій лугъ своихъ овецъ и оставшихся въ домѣ лошадей или, играя въ куренѣ (изба), слушалъ безконечныя жалобы матери и тетокъ на горькое житье, и жаль было ему матери и тетокъ, а еще больше жалѣлъ онъ объ умершихъ и объ отсутствующихъ казакахъ, по которымъ плакали въ домѣ, и маленькое сердце его сжималось болью при мысли, что и его ушлютъ куда-то въ далекую сторону, и что объ немъ также будутъ плакать его сестренки, тетки и мать.

Ему казалось, что можно избавиться отъ этой горькой необходимости, что стоитъ только не ѣхать на линію, а убѣжать въ лѣсъ и спрятаться въ дупло.

Послѣдніе проводы служилыхъ произвели на него тяжелое впечатлѣніе. Колокола станичной церкви, слышанные имъ раза три въ жизни, звонили какъ-то невесело. Онъ видѣлъ, что казаковъ провожали со слезами; что они сами долго прощались со всѣми, а потомъ долго оглядывались на станицу. Его сердце билось сильнѣе обыкновеннаго, когда дядя, прощаясь съ нимъ, говорилъ—«а что, Гриша, велишь сказать батѣ, коли живъ остался?», а у самого и на глазахъ, и въ голосѣ дрожали слезы. Ребенокъ смутно сознавалъ, что не своей охотой уѣзжалъ дядя куда-то далеко, къ его отцу, котораго онъ такъ давно не видѣлъ, и когда станичный атаманъ, послѣ обѣдни, обратился къ казакамъ съ рѣчью — «ну теперь, господа станичники, пора и въ путь-дорогу.... съ Богомъ!»—ему показалось, что атаманъ— главный виновникъ этого похода, что это онъ велитъ дядѣ и другимъ казакамъ бросить свои хутора и ѣхать на чужую сторону, и всей силой дѣтской ненависти онъ возненавидѣлъ атамана. Гриша даже заплакалъ отъ испуга, когда атаманъ, замѣтивъ, что мальчикъ пристально на него смотритъ, погладилъ его по головѣ и сказалъ: «лихой будешь казакъ.... — Съ тѣхъ поръ врагъ, отнявшій у него отца и дядю, представлялся его воображенію не иначе, какъ въ видѣ станичнаго атамана, съ сѣдой бородой и блестящей насѣкой *) въ рукѣ.

*) Атаманская палка,—родъ булавы.

Долго занимала его голову эта дѣтская мысль; но онъ забылъ ее на время, когда вспомнилъ о мѣдной монетѣ, которую дядя, на прощаньи, всунулъ ему въ руку.

Первыя впечатлѣнія рѣдко пропадаютъ даромъ; они не прошли безслѣдно и для Гриши. Когда онъ выгонялъ своихъ овецъ въ поле, то онъ старался быть какъ можно ласковѣе съ своимъ маленькимъ стадомъ, не сердился, если овцы ходили въ разбродъ, разбѣгались по лугу. Дядя подарилъ ему калиновую палку, которую онъ всегда бралъ съ собой, когда выходилъ въ поле съ овцами; теперь онъ бросилъ эту палку, воображая, что это атаманская насѣка. Домашніе его замѣтили, что Гриша, послѣ обѣда, всякій разъ оставлялъ у себя маленькій кусочекъ хлѣба и убѣгалъ съ нимъ подъ повѣть, гдѣ находились овцы. Его сначала бранили, что онъ не наѣдался за обѣдомъ; потомъ думали, что онъ носитъ хлѣбъ своей собаченкѣ, Жучкѣ; но однажды мать увидѣла, что Гриша сидитъ подъ повѣтью, окруженный овцами, и бормочетъ: «пошла, пошла, — я тебя ни разу не билъ: а вотъ — тебѣ и хлѣбца».... И онъ совалъ въ ротъ овцѣ крошку чернаго хлѣба, гладилъ ее и говорилъ: «я тебя больше не буду бить, я никого не бью».

— Ты что тутъ, Гришутка, дѣлаешь? сказала вдругъ мать. Гриша испугался и вскочилъ на ноги.

— Ахъ, ты пострѣленокъ! овецъ хлѣбомъ кормить, — вотъ я тебя прутомъ.

Но Гриши уже не было подъ навѣсомъ. Онъ шмыгнулъ черезъ плетень, захватилъ съ собой Жучку и пустился въ лѣсъ.

Въ другой разъ маленькіе казачата на хуторѣ стали играть въ «войну»; между ними былъ и Гриша. Какъ водится, дѣти изображали изъ себя казаковъ, а черкесомъ никто не хотѣлъ быть; самый большой мальчикъ избралъ себя въ атаманы. Во время суматохи, когда атаманъ командовалъ, Гриша поднялъ гдѣ-то камень и, подкравшись ударилъ его въ спину и бросился бѣжать. Послѣ онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что былъ черкесомъ.

Въ первое время послѣ проводовъ дяди, Гриша все думалъ, что казаки дорогой разбѣгутся; ему даже казалось иногда, что вотъ онъ увидитъ гдѣ-нибудь дядю, спрятавшагося въ лѣсу. Только когда съ сборнаго пункта дядя прислалъ матери пись-

мо, въ которомъ извѣщалъ, что на дняхъ ихъ выгоняютъ, Гриша увѣрился, что казаки не разбѣжались и дядя больше не воротится. Въ то время, когда его сверстники мечтали о томъ, какъ они выростутъ большими, привяжутъ къ поясу шашку и уѣдутъ въ Грузію, Гриша вовсе объ этомъ не думалъ; видъ оружія нервически раздражалъ его и онъ боялся ружья и пики. Время и обстоятельства помогли этому неестественному развитію мальчика.

Въ хуторѣ жилъ семидесятилѣтній старикъ, котораго всѣ называли дѣдушкой Гаврилычемъ. Онъ долго служилъ въ военной службѣ, много видѣлъ и слышалъ, а еще больше испыталъ горя и лишеній. Впродолженіе долголѣтней службы хозяйство его извелось; самъ онъ воротился искалеченнымъ; но безъ восторга онъ не могъ вспоминать о своихъ походахъ и отличіяхъ. Онъ любилъ разсказывать про свою боевую жизнь; въ долгіе зимніе вечера, усѣвшись гдѣ-нибудь около печки, онъ начиналъ свою одиссею и тихо, монотонно, покачиваясь изъ стороны въ сторону, передавалъ слушателямъ казацкое полевое житье-бытье.... Женщины и дѣти бывало слушаютъ его дивныя были, боясь проронить слово, боясь вздохнуть и кашлянуть. Слушаетъ его и Гриша еще внимательнѣе другихъ, еще напряженнѣе. Только странное впечатлѣніе производили на него разсказы дѣдушки: болѣзненно-жалко становилось ему этого старика, изжившаго всю жизнь свою въ безконечныхъ переѣздахъ по ущельямъ Кавказа; кровью обливалось его сердце при разсказахъ о долгихъ ночныхъ стоянкахъ гдѣ-нибудь въ сыромъ лѣсу, подъ дождемъ и громомъ; непонятнымъ ему казалось, зачѣмъ это такъ ожесточенно люди рѣжутъ другъ друга, убиваютъ изъ ружья, колятся пиками, душатъ другъ друга руками,—и онъ съ боязнью и недовѣрчивостью смотрѣлъ на дѣдушку, жалѣлъ его, когда тотъ съ видимымъ наслажденіемъ говорилъ, какъ онъ, въ схваткѣ съ черкесами, перегрызъ одному изъ нихъ половину горла и собственнымъ пальцемъ выдавилъ глазъ противнику. При этомъ дѣдушка ощупывалъ большой палецъ своей правой руки и говорилъ, шевеля имъ: «вотъ этимъ пальцемъ». Гришѣ казалось, что онъ видитъ кровь на этомъ пальцѣ, и его бросало въ жаръ и холодъ.

Года черезъ два воротился отецъ Гриши, и ничье сердце не билось такой полной радостью, какъ любящее сердце его маленькаго сына; радость его потому была такъ велика, что ни для кого не казалась такою страшною военная служба, какъ для Гриши; притомъ онъ не надѣялся увидѣть живымъ своего родного *). Весь онъ вечеръ юлилъ около отца и поминутно заглядывалъ ему въ глаза, повидимому желая о чемъ-то спросить его, но не спрашивалъ.

— Ну что, сынокъ, спросилъ его отецъ, замѣтивъ, что Гриша хочетъ приласкаться: верхомъ ѣздишь?

— Ѣзжу: всѣхъ на хуторѣ обгоняю.

— Ай-да, сынъ! ты у меня хорунжимъ будешь, въ атаманы пойдешь. Хочешь въ атаманы?

Григорій молчалъ: ему пришелъ на память станичный атаманъ, его лютый врагъ.

— Аль и въ атаманы не хочешь? спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, батя, не хочу.

— Ахъ, ты, востроглазый! тебѣ и этого мало, что-ль? Не въ полковники ли мѣтишь?

Григорій не отвѣчалъ ни слова. Послѣ ужина онъ снова заговорилъ съ отцомъ.

— Теперь бы, батя, надоть продать кому твое ружье, да и пику, и шашку, сказалъ онъ, разсматривая отцовскую аммуницію.

— Какъ? Зачѣмъ продать? а съ чѣмъ я поѣду служить? Да и тебѣ послѣ пригодится, сказалъ отецъ.

Гриша не посмѣлъ высказать свою мысль: онъ думалъ, что отецъ больше не покинетъ ихъ; что нѣтъ надобности имѣть въ домѣ оружіе, которое было ему не по душѣ. О своей службѣ онъ не думалъ: такъ далеко казалось ему это страшное время; притомъ онъ все еще расчитывалъ на лѣсъ, гдѣ онъ спасется отъ предстоявшаго ему похода. Только горько ему стало, когда онъ узналъ, что отецъ не совсѣмъ пріѣхалъ домой, а только на побывку; что опять предстоятъ тяжелые проводы; опять будетъ плакать его мать; опять надолго бабушка затя-

---

*) Такъ казаки называютъ отца.

нетъ свою любимую пѣсню, которая какой-то гнетущей тоской хватаетъ за сердце.

Много грустныхъ разсказовъ привелось Гришѣ выслушать и изъ устъ отца; всѣ ихъ переслушалъ онъ съ одинаковой болью въ сердцѣ: тамъ они голодали по цѣлымъ недѣлямъ; тамъ умеръ тотъ, пропалъ безъ вѣсти другой, свалился въ пропасть третій. За то старуха, слушая эти разсказы, страшныя лишенія, которымъ подвергался ея сынъ, какъ-то странно качала сѣдой головой, крестилась, судорожно шевелила синими губами, изъ-за которыхъ вырывались знаки одобренія, — и видимо чѣмъ-то гордилась. Она не разъ своимъ дребезжащимъ голосомъ заводила извѣстную всѣмъ пѣсню, но голосъ ея обрывался на первой строфѣ, и она начинала гладить сына своей костлявой, морщинистой рукой.

— Гришка не по тебѣ пошелъ, бормотала она.

— Отчего не по мнѣ?

Но старуха снова впадала въ забытье и во снѣ шевелила губами; а Григорій молчалъ, потому что старуха говорила правду.

Грустныя впечатлѣнія ранняго дѣтства Гриши, привычка замыкаться въ самомъ себѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ замѣтилъ, что никто въ семействѣ не раздѣлялъ нѣкоторыхъ изъ его понятій, а вслѣдствіе того отчужденіе и маленькая недовѣрчивость даже къ самымъ близкимъ родственникамъ, дали его характеру мечтательное направленіе, но не лишили веселости его живую натуру; мало того, въ немъ замѣтна была какая-то особенная нѣжность, почти несвойственная дѣтямъ его круга. Гриша горько плакалъ, когда въ другой разъ провожалъ отца; но какъ ни уговаривали его ѣхать въ станицу на проводы, онъ не согласился. Въ его воображеніи рисовались печальные проводы дяди; ему слышались церковные колокола, непріятный голосъ атамана, торопившаго казаковъ къ выступленію, и раздирающій сердце вопль изъ толпы: «на кого вы насъ, кормильцы, покидаете!»

Впрочемъ, это были самые впечатлительные для него годы, которыми обусловливался характеръ его развитія, выработался, помимо его воли, нѣсколько исключительный взглядъ на жизнь. Послѣдующіе годы только развивали въ немъ то,

что, нечувствительно для него самого, отпечатлѣлось на его дѣтской, воспріимчивой натурѣ. Въ дѣтствѣ онъ испыталъ горя, можетъ быть, столько же, сколько могъ испытать всякій, поставленный въ одинаковыя съ нимъ жизненныя условія; только въ немъ это горе почему-то затрогивало иныя струны, чѣмъ у другихъ... Впрочемъ, такъ всегда бываетъ: иногда, повидимому; одни и тѣ же условія выработываютъ и честнаго человѣка и подлеца, точно такъ, какъ одни и тѣ же тѣла служатъ реагентами алмазу и простому углю.

Послѣ дѣтскихъ лѣтъ для Гриши наступили безцвѣтные годы юношества; казалось даже, что самая натура его стала менѣе впечатлительна. Когда получено было извѣстіе, что отецъ его утонулъ гдѣ-то въ рѣкѣ, переплывая ее вмѣстѣ съ прочими казаками сторожеваго пикета, онъ, повидимому, не былъ пораженъ этимъ новымъ горемъ: онъ какъ будто зналъ, что иначе и быть не могло. Но это обстоятельство заставило его подумать о будущемъ. На его рукахъ оставалась огромная семья, въ которой онъ былъ старшимъ (дядю давно уже перестали считать въ живыхъ, такъ какъ о немъ не было ничего слышно впродолженіе двухъ очередей). Дома могли еще управляться женщины, потому что нужда научаетъ казачекъ и пахать, и жать, и косить, и молотить; но своими руками онѣ не могли поддерживать раззоренное хозяйство. Нужна была еще особая поддержка, а на Гришу нельзя было разсчитывать — ему уже было девятнадцать лѣтъ; пришла и его пора отбывать очередь. Въ хуторѣ стали говорить, что на другой годъ назначенъ сборъ очередныхъ и малолѣтковъ. (*)

— Снаряжайся и ты, Гришутка, въ походъ, сказала бабушка: поищи тамъ отцовы косточки... Найдешь — привезешь мнѣ: съ ними я лягу въ сыру землю.

Видно было, что старухѣ тяжело говорить; что жаль ей и внука—да что дѣлать? Гриша молчалъ.

— Что вы его, матушка, гоните? возразила мать Гриши, выступать не завтра... Что сердце-то надрывать съ этой поры? Успѣемъ выгнать.

(*) Молодые казаки еще не отбывавшіе очередь.

— Я такъ сказала—къ слову пришлось, проговорила старуха: не гоню...

— У людей въ эту пору дѣти женятся, а нашимъ по бѣлу свѣту мыкаться надо — мало дома-то горя.

Старуха тяжело вздохнула.

— Горе, да гдѣ же его нѣтъ?.. Горе... и у меня горе, бормотала она безсвязно, мало по малу впадая въ забытье: горе — оно у насъ въ куренѣ живетъ... на то онъ казакъ... моего сына сынъ...

— Мати божія! У насъ не какъ у людей: говорила мать Гриши, задумчиво склонивъ голову на руку.

— Полно, матушка, сказалъ Гриша и такъ тошно... Что убивать-то себя?

— Охъ, дитятко, тоска-то какая!

Григорій какъ-то раздражительно махнулъ рукой.

Въ настоящее время его болѣе чѣмъ когда нибудь тяготила мысль о выступленіи въ походъ. Онъ зналъ, что кромѣ матери, сестеръ и тетокъ, по немъ будутъ плакать хорошенькія глазки Поли сосѣдки, младшей дочери урядника Бортнева. Это онъ узналъ недавно, хотя сама Поля, кажется, не понимала, почему ей такъ жаль Гришу, когда она на него смотрѣла. Зато какъ и плакала она, бѣдненькая, когда въ хуторѣ заговорили о выступленіи на слѣдующій годъ малолѣтковъ. Только странно, она всего больше боялась, чтобъ не узналъ Гриша, что она плачетъ. Она вспыхивала какъ макъ, и готова была плакать, когда только при ней произносили имя Гриши; а напротивъ, сама она, тихонько, чтобъ никто не слышалъ, любила произносить это имя, придавая ему самые нѣжные эпитеты. И у Гриши не даромъ билось сердце, когда онъ видѣлъ въ окнѣ у сосѣда русую головку Поли. Недавно, когда весь хуторъ выбрался въ поле на работы, въ томъ числѣ и семья Григорья, а въ хуторѣ остались дѣти и старухи, Григорью понадобилось за чѣмъ-то побывать въ домѣ. Проходя мимо куреня Бортнева, онъ услыхалъ голоса на дворѣ и пріостановился. Подъ навѣсомъ сидѣла Поля съ своимъ маленькимъ братомъ и что-то болтала съ нимъ, повидимому, заставляя ребенка произносить какіе-то слова (ребенокъ только что начиналъ говорить). Григорій прислушался къ голосу Поли...

— Скажи: Гриша... Ну, Өедя, говори же: Гриша (въ хуторѣ былъ одинъ только Григорій, — знакомый нашъ).

— Гриша, лепеталъ мальчикъ.

— Ну еще: Гриша — повторяла Поля.

— Мальчикъ лепеталъ за сестрой, играя ея рукавомъ.

— Скажи теперь: Гриша, Гриша...

— Гриша, повторялъ ребенокъ.

— Ну, скажи теперь, Өедя, такъ: господи! спаси Гришу.

Мальчикъ опять повторилъ ея слова. У Григорья сердце стучало, такъ стучало, что ему самому было слышно его біеніе. Поля продолжала:

— Молись о немъ, Өединька. Скажи: мати божія! тебя младенецъ проситъ...

— Тебя младенецъ проситъ, бормоталъ безсознательно ребенокъ, пока ему не надоѣла эта исторія. Григорій стоялъ и едва переводилъ духъ... Но онъ не взошелъ на дворъ, гдѣ была Поля; не далъ ей замѣтить, что все, все слышалъ: постоявъ съ минуту, онъ воротился въ поле, забывъ для чего приходилъ домой. Онъ подслушалъ признаніе дѣвушки, и ему стало не то весело, не то горько, а скорѣе его сердце сжалось какъ-то болѣзненно, когда онъ вспомнилъ, что, какъ ни люби его эта дѣвушка, — не ему она достанется, а продадутъ ея красоту кому-нибудь отставному, искалеченному казачишкѣ, старому грибу мухомору. Да и кому охота отдавать дочь за малолѣтка, за очередного казака? Лучше камень на шею да въ воду: и безъ нея много горькихъ вдовъ и малодыхъ женъ безъ мужьевъ.

Только и мила же стала Григорью хорошенькая Поля, когда онъ узналъ, что она любитъ его, — милѣе жизни и отца съ матерью, милѣе всего на свѣтѣ.

Такъ прошло лѣто и осень — время быстро летѣло. Наступила и зима, засыпавшая снѣгомъ весь хуторокъ съ его немногочисленными обитателями. Не увидѣли, какъ и весна появилась на дворѣ; снѣгъ пропалъ, зазеленѣла степь вокругъ хутора. Пора готовиться къ походу.

Однажды подъ вечеръ Григорій встрѣтилъ Полю, которая шла куда-то съ своимъ маленькимъ братомъ.

— Гриша, Гриша, кричалъ радостно мальчикъ, хлопая ручонками.

— Здравствуй, Поля, здравствуй, Ѳедя, сказалъ Григорій.

Поля вспыхнула: ей никогда не приходилось быть наединѣ съ Григорьемъ. За зиму она много выросла, и хотя ей было не болѣе шестнадцати или семнадцати лѣтъ, но она казалась старше, — такая высокая да стройная. Не отвѣчая Григорію, она шла дальше, видимо смущенная; только Ѳедя упирался и не хотѣлъ за нею слѣдовать, повидимому желая поиграть съ Григорьемъ. Но едва Григорій подошелъ къ дѣвушкѣ, какъ вдали показалась старуха, которая брела къ нимъ на встрѣчу. Онъ успѣлъ только шепнуть Полѣ, когда у него прерывался и дрожалъ отъ волненія голосъ:

— Поля... крошка моя! молись за меня, какъ тогда молилась съ Ѳедей... я все слышалъ... ты изсушила меня — безъ тебя мнѣ не жить...

Лицо Поли горѣло. Она ничего не видѣла. Она готова была зарыдать, какъ ребенокъ. Всю эту ночь, голова у нея была какъ въ огнѣ; въ ушахъ раздавались слова: «Поля... крошка моя!» и она хотѣла бы слушать эти слова долго, долго...

Но тѣмъ и кончилось ихъ взаимное счастье. Чего же больше? Не всякому и такія минуты выпадаютъ на долю.

Наконецъ наступилъ день проводовъ. Мать Григорія какъ-то судорожно укладывала въ мѣшечки его имущество, сухарики и сдобныя кокурки; повѣсила ему на шею мѣдный крестикъ; потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то, выбѣжала на дворъ, въ воротахъ припала на колѣни, перекрестила землю, покопала что-то и, взявъ горсть чернозема, поцѣловала его и заплакала, такъ что слезы капали на щепоть захваченной ею земли. Эту щепоть она зашила въ тряпицу, положила на минуту за образа, снова взяла ее и подошла къ Григорію.

— Гриша, сними-ка мнѣ крестъ свой, родимый, сказала она.

— На что, матушка?

— Вотъ я родной землицы привяжу горстку... тосковать не будешь на чужой сторонѣ...

— А умрешь, съ тобой положатъ, добавила старуха бабушка, которая въ это время сидѣла неподвижно въ углу и

шептала про себя: «Слава тебѣ, Господи, дождалась и Гришиныхъ проводовъ... теперь умру».

— Полно, матушка, какъ вамъ не грѣхъ такими рѣчами душу-то его мутить? И такъ все сердечушко изныло, возразила мать, и вышла изъ куреня подложить корму Григорьевой лошади.

— Гриша, а Гриша, сказала вдругъ старуха.

— Что, бабушка?

— Подойди ближе.

Григорій подошелъ.

— На вотъ, возьми съ собой, сказала она шепотомъ, подавая что-то завернутое въ тряпицу: тутъ отцовы волоски... у маленькаго, когда несли въ станицу крестить...

— Зачѣмъ они, бабушка?

— Возьми, возьми... а мнѣ косточки его привезешь, добавила она ему на ухо.

А на дворѣ солнце свѣтило ярко и весело, не успѣвъ еще накалить землю послѣ ночной прохлады. Воробьи трещали какъ сумасшедшіе, перелетая съ повѣти на плетень, съ плетня на хворостъ, что лежалъ па дворѣ, — точно у нихъ былъ какой-нибудь веселый праздникъ. Тамъ же и Жучка, успѣвшая уже состарѣться, грѣлась на солнышкѣ, поминутно взглядывая на дверь, изъ за которой высовывались и опять прятались бѣлокурыя, растрепанныя головки маленькихъ сестеръ Григорія. Черезъ улицу, на крыльцѣ у Бортнева, сидѣла дѣвушка и что-то шила, иногда поднимая голову отъ работы и будто внимательно вслушиваясь какъ вдали за глиняпымъ оврагомъ, у сухого дуплястаго тополя тоскливо вскрикивала потатуйка. Григорій то выходилъ изъ куреня, то опять возвращался, будто силясь что-то припомнить, отыскать что-то потерянное. Онъ видѣлъ, что на крыльцѣ сидѣла Поля; онъ порывался перейдти черезъ улицу и сказать ей, какъ тяжело у него на сердцѣ: хотѣлъ наконецъ проститься съ ней, но не могъ, не смѣлъ, не умѣлъ подойдти къ ней.

— Григорій; солнце на полдень глядитъ — пора, прошепелявила старуха, высовывая въ окно свою сѣдую голову.

— Иди, Гриша, помолимся, сказала мать, выходя на дворъ.

— Иду.

Черезъ часъ Григорій съѣзжалъ со двора на своемъ пѣгомъ меринишкѣ; къ боку у него привѣшена была шашка, а ружье надѣто черезъ плечо; онъ былъ въ киверѣ и дорожномъ чекменѣ; пика торчала изъ телѣги, на которой сидѣла его мать, бабушка и другіе члены семейства. Съ другихъ дворовъ также съѣзжали очередные, сопровождаемые завываньемъ бабъ и лаемъ собакъ, сбѣжавшихся со всего хутора. Казаки молились, кланялись на четыре стороны, прося прощенія у всѣхъ какъ передъ исповѣдью, а бабы громко плакали, заглушая лай собакъ и вызывая негодованіе старыхъ казаковъ: «уймитесь, бабы-грѣховодницы! пострѣломъ бы васъ пострѣлило, эко срамъ!»

— Эхъ! не тѣ нонѣ стали казаки, что были въ наше время, шепелявилъ дѣдушка Гаврилычъ, сидя на завалинкѣ.

— Да что и говорить... переводятся люди, шамкалъ другой старикашка, едва передвигая ноги и тащась вслѣдъ за бабами.

— Извелось наше храброе войско донское... извелось ни на что...

— Срамъ, срамъ! казаковъ точно рекрутъ провожаютъ... Эхъ, не глядѣли бы мои глазоньки на такую срамоту—сущее беззаконіе!

— Да, пора намъ умирать... зажились мы на бѣломъ свѣтѣ, зажились.

Точно зажились. Они забыли, какъ тосковали на сторонѣ по русой косѣ черноглазой Марьи, что теперь стала беззубой бабушкой Евстигнѣевной и также торчала на одной изъ телѣгъ, провожая послѣдняго внучка. Они забыли, что и въ ихъ время тяжело было покидать родимую сторону и идти Богъ-вѣсть куда. Они помнили только свою молодость, а что вынесла, вытерпѣла эта молодость—забыли; имъ казалось только, что и солнце грѣло тогда теплѣе, и трава была зеленѣе, и небо голубѣй и прозрачнѣе теперешняго, и бабушка Евстигнѣевна красивѣе всѣхъ красавицъ... Точно она была хороша...

Когда Григорій выѣзжалъ со двора, вся семья Боргнева собралась у воротъ его куреня. Онъ поклонился въ ту сторону и ему всѣ поклонились. Одной Поли не было съ ними. Сердце такъ защемило у Григорья, что онъ чуть не заплакалъ; но въ это время онъ увидѣлъ Полю, которая стояла въ куренѣ,

прислонясь головой къ окошку, и смотрѣла въ его сторону; проѣзжая мимо окна, онъ молча поклонился дѣвушкѣ, а она, также молча, перекрестила его и закрыла лицо руками.

Дорогой вспомнилъ Григорій, какъ они, давно когда-то, по этой же дорогѣ возвращались изъ станицы послѣ проводовъ дяди; вспомнилъ онъ, какъ катилось черезъ дорогу перекати поле; какъ говорила съ нимъ бабушка и что онъ отвѣчалъ ей. Дорога была все та же; только степь зеленѣла ярче; перекати-поле еще не созрѣло, потому была весна; изъ лѣсу, гдѣ когда-то думалъ Гриша укрыться отъ службы, неслись, будто жалобы, невыносимо-однообразные звуки кукушки и назойливые крики желтоногаго ястреба. Скоро смолкли вдали и эти, съ дѣтства знакомые ему крики, а хутора уже давно не было видно...

На другой день, всѣ очередные выступили изъ станицы Тотъ же атаманъ, котораго Григорій видѣлъ еще въ дѣтствѣ, хлопоталъ и совался вездѣ, когда казаки садились на лошадей; только борода его какъ-то пожелтѣла и голосъ не былъ такъ звонокъ какъ прежде...

— На-конь, атаманы-молодцы, на конь! покрикивалъ онъ, размахивая длинной насѣкой!—Полно тебѣ, станичникъ, бабиться сказалъ онъ, обращаясь къ Григорью, который прощался съ матерью:

— Экую цацу нашелъ — не надышится.

— Я съ матерью прощаюсь, сказалъ сухо Григорій.

— Эка невидаль — мать! у всѣхъ она есть....

— Только у тебя, вѣрно, и матери не было никогда, отвѣчалъ Григорій и вскочилъ на коня. Онъ еще въ дѣтствѣ не любилъ атамана.

— Ахъ ты, щенокъ бѣлогубый! закричалъ атаманъ и поднялъ на него насѣку: вотъ я тебя!..

Но Григорій успѣлъ уклониться отъ удара. И едва атаманъ поднялъ насѣку, — Жучка, которая также прибѣжала провожать Григорья, бросилась старику подъ ноги и начала его трепать за полу форменнаго чекменя.

— Цыцъ, окаянная, цыцъ!.. Фу ты, Господи! кричалъ атаманъ, выбившись изъ силъ: да это его и собака... они сговорились меня съѣсть...

— Цыцъ, Жучка! крикнулъ Григорій; перестань.

Атаманъ вышелъ изъ себя, и Григорію было бы плохо, если бъ мать не повалилась въ ноги обиженному старику:

— Смилуйся, атаманъ честной! не онъ сгрубилъ—горе помутило его головушку бѣдную... Прости, кормилецъ.

Другіе старики также просили за Григорья, и атаманъ простилъ дерзкаго малолѣтка; только Жучку хотѣлъ непремѣнно иовѣсить у себя на воротахъ; но Жучка, смекнувъ въ чемъ дѣло, скромно поджала хвостъ и улепетнула на хуторъ: она догадалась, что потрепала не простого казака, а начальство.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ какъ проводили казаковъ. Въ хуторѣ опять настала та же невыносимо скучная жизнь, съ вѣчными жалобами на судьбу и ожиданіями новыхъ встрѣчь и проводовъ.

— «Гдѣ-то теперь Гриша! часто вспоминала мать:—хоть бы вѣсточку прислалъ, что живъ, и то бы слава Богу. Но вѣстей отъ Григорья не было, и мать тосковала пуще прежняго. Однажды ночью она услыхала, что кто-то подъѣхалъ къ ихъ куреню... тихо заржала лошадь... Жучка сначала залаяла, но потомъ стала радостно визжать...

— Владычица! это Григорій! вскричала мать; но у самой будто оторвалось что-то отъ сердца...

Какъ полоумная выбѣжала она на дворъ — темно, хоть глазъ выколи... Жучка бросилась къ ней и начала лизать руки, потомъ побѣжала подъ повѣть, гдѣ въ темнотѣ виднѣлись лошадь и человѣческая фигура.

— Гриша — это ты?

— Я, матушка.

Мать хотѣла кинуться къ нему на шею; но въ это время изъ куреня выползла старуха и какимъ-то хриплымъ голосомъ заговорила:

— Гришка бѣжалъ... погубилъ свою голову...

У матери и руки опустились, — и она не обняла и не перекрестила бѣглеца; она тряслась какъ въ лихорадкѣ... Но минута испуга продолжалась недолго...

— Господи! и собака-то рада ему, а мать не рада сыну... Дитятко мое горькое... Отняли тебя у насъ... Господи!... И она обняла и перекрестила несчастнаго юношу.

— Бѣги отъ насъ, дитятко! продолжала она какъ-то отчаянно: тебя утромъ найдутъ и закуютъ въ желѣза... бѣги скорѣй.

Григорій стоялъ и молчалъ. Въ это время подошла старуха бабушка, такая страшная, съ всклокоченными волосами, блѣдная, будто сейчасъ изъ гроба встала. Голова у ней тряслась изъ стороны въ сторону... Старуха взяла Григорья за руку, крѣпко сжала ее костлявыми пальцами и сказала глухимъ, хриплымъ голосомъ:

— Иди за мной...

Григорій повиновался.

— Куда вы его ведете, матушка? вскричала мать.

— Молчи... я знаю, что дѣлаю...

Она привела его въ сѣни, отворила дверь въ чуланъ, втолкнула туда бѣглеца и заперла.

— Сиди тамъ, аспидово отродье —измѣнникъ проклятый?..

Мать догадалась въ чемъ дѣло. Какъ помѣшанная, она бросилась на старуху, оттолкнула ее отъ чулана, отперла дверь, вывела оттуда Григорья и потащила на дворъ...

— Бѣги! бѣги отсюда... тебя убьютъ... бѣги на край свѣта... Охъ, Боже мой!..

— Я не пойду... Все равно пропадать—такъ лучше дома.

И онъ вышелъ на дворъ и сѣлъ на заваленку. Дорога, голодъ и душевныя муки истомили его. Трудно было узнать въ немъ Григорія — такъ похудѣлъ онъ и измѣнился. Собака продолжала къ нему ласкаться.

— Что жъ ты будешь теперь дѣлать? спросила мать?

— Утоплюсь, отвѣчалъ несчастный:

Холодъ пробѣжалъ по тѣлу бѣдной матери... Она не знала что сказать — такъ убило ее отчаяніе, которое слышалось ей въ голосѣ сына.

А въ это время Поля, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, стояла за заборомъ и горько плакала.... Въ полуснѣ она услыхала топотъ конскихъ копытъ, лай собаки—и вышла; потомъ она слышала разговоръ Гриши съ матерью, его послѣдній отвѣтъ... Эти муки были выше силъ ея: безсознательно, сама не понимая что дѣлаетъ, она взошла къ нимъ на дворъ, тихо приблизилась къ Григорью, остановилась и глядѣла на него, не смѣя произнести слова. Ея появленіе испугало мать Григорья...

— Поля! вскричалъ несчастный и бросился къ ней.

— Не топись, Гриша, быстро произнесла дѣвушка и убѣжала, потому что слезы душили ее.

Тогда мать взяла Григорія за руку и повела въ курень. Онъ повиновался какъ ребенокъ. Между тѣмъ все въ домѣ поднялось на ноги; проснулись дѣти; на Григорія всѣ смотрѣли, какъ на явившагося съ того свѣта... Одна старуха, сидя въ углу, ворчала себѣ подъ носъ. Григорій не говорилъ ни съ кѣмъ; даже сонъ не могъ одолѣть бѣднаго... Но вотъ и ночь начала проходить: прежде всего проснулись ласточки; предметы на дворѣ стали яснѣе; синева неба на востокѣ стала прозрачнѣе...

Что-то принесетъ съ собой этотъ новый день? Конечно, не радость... Но прежде чѣмъ хуторъ проснулся, Григорія въ немъ уже не было. Онъ пропалъ безъ вѣсти.

Послѣ узнали, что на сборномъ пунктѣ Григорій за какое-то оскорбленіе ударилъ урядника. Его ждало наказаніе—и онъ бѣжалъ.

Осенью того же года станичное правленіе доносило по начальству, что «въ дачахъ такого-то хутора, на берегу рѣки Хопра, подъ деревомъ, найдено неизвѣстно кому принадлежащее мертвое тѣло мужескаго пола: лѣтъ около 20, росту высокаго, волосы русые, подбородокъ острый, усъ и борода пробиваются, глаза гадательно выклеваны хищными птицами; умершій одѣтъ въ ветхое казачье платье. Тѣло сіе по всѣмъ видимостямъ и по отзыву родственниковъ, принадлежало бѣглому казаку Григорію Петрову Буркину. Знаковъ насильственной смерти на тѣлѣ не отыскано».

— Буркинъ оттого кончилъ такъ несчастливо, говорилъ засѣдатель сыскного начальства, которому разсказали всю исторію Гриши, что онъ уродился не для военной службы. Не сдобровать было его головушкѣ въ нашемъ казачествѣ...

— А мнѣ кажется, Федосѣй Петровичъ, говорилъ косой повытчикъ, что въ немъ была трусость и непочтеніе къ властямъ.

— Нѣтъ не то, любезный, не то: я бы тебѣ объяснилъ, да ты не поймешь... Вели-ка закладывать лошадей, да поѣдемъ на новое слѣдствіе...

Д. Мордовцевъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ XVIII ВѢКѢ *).

(La femme au dix-huitième siècle par Edmond et Jules de Goucourt Paris, 1863).

На предметъ этотъ навела насъ книга, поставленная въ заглавіи нашей статьи, — книга, не имѣющая никакого внутренняго достоинства, но затронувшая такое живое мѣсто современной жизни, что мы рѣшились удѣлить здѣсь нѣсколько страницъ этой книгѣ. Исторія женщины всегда имѣла для насъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что женщина вездѣ была лучшимъ выраженіемъ общественнаго развитія; по ея свѣтлымъ или темнымъ чертамъ, по ея искаженной или правильной физіономіи, по ея хорошему или дурному состоянію можно безошибочно судить о состояніи цѣлаго общества. Если женщина — раба и безотвѣтная наложница своего деспота, то намъ не нужно другого доказательства для того, чтобы считать этотъ народъ неразвитымъ и угнетеннымъ; если женщина пріобрѣтаетъ нѣкоторыя права на независимое положеніе и свободную дѣятельность, то это значитъ, что общество начинаетъ выходить изъ дикаго состоянія; если женщина развращена, то вмѣстѣ съ ней развращено семейство и вся соціальная среда народа; однимъ словомъ, на чистомъ и нѣжномъ лицѣ женщины ясно отражаются всѣ общественные пороки и добродѣтели, самыя лучшія и самыя худшія страсти, какія только доступны природѣ человѣка; женщина поперемѣнно служила то добрымъ, то злымъ геніемъ различныхъ обществъ.

Исторія Франціи XVIII вѣка представляетъ множество самыхъ раз-

*) Чтобъ не повторяться, мы спустили въ этой статьѣ все, что было говорено въ прежнихъ книжкахъ Русскаго Слова о французской женщинѣ. Тюрго апр. 1860; Любовницы Регента и Людовика XV агв. 18 60; Марія Антуанетта сент. 1861; Исторія Террора апр. и май 18. 61.

нообразныхъ женскихъ типовъ. Женщина была его царицей: она наполнила его собой: отъ трона до скромной хижины бѣдняка; отъ ученаго кабинета академика до свѣтскаго салона дипломата; отъ мессы до шабаша—вездѣ вы встрѣтите ее на первомъ мѣстѣ, вездѣ она успѣла сказать свое слово...

Начало XVIII столѣтія застало мадамъ де-Ментенонъ въ полной силѣ. Вмѣстѣ съ ней царствовали ханжи и іезуиты. Уничтоженіе нантскаго эдикта, преслѣдованіе кальвинистовъ, война камизаровъ, гоненіе янсенистовъ, раззореніе Франціи —было плодомъ ихъ владычества. Людовикъ XIV въ стремленіи къ абсолютизму принесъ въ жертву ему лучшія силы страны; мало того, вмѣшиваясь во все, онъ хотѣлъ ввести и въ семейство однообразный мертвящій духъ безсознательнаго повиновенія, лицемѣрной набожности, и нелѣпо-понятаго приличія. Мадамъ де-Ментенонъ содѣйствовала тому учрежденіемъ сенъ-сирскаго монастыря. Эти намѣренія видны изъ ея инструкцій и писемъ къ начальницѣ заведенія. Въ одномъ мѣстѣ она говоритъ: вы должны быть твердыми и не вводить ничего новаго даже и тогда, когда послѣднее *лучше*. Другія наставленія отличаются тѣмъ же духомъ морали, основанной на отчужденіи отъ жизни и на безгласной покорности келейному уставу. Религіозный фанатизмъ учредительницы виденъ въ особенной ея заботливости о перевоспитываніи насильственно обращенныхъ протестантокъ и даже въ похищеніи ихъ. Эти воспитательныя тенденціи скоро сдѣлались модой; чтобъ угодить де-Ментенонъ, придворные кричали о благодѣяніяхъ воспитанія, даваемаго подъ ея руководствомъ. Король подъ двойнымъ вліяніемъ: ихъ и фаворитки, задумалъ учредить подобныя школы въ большихъ размѣрахъ... Скоро эта страсть воспитывать дошла до того, что лакей королевской любовницы Шоле сталъ содержать училище для шести дѣвочекъ, которыя, подрастая, поступали на содержаніе развратныхъ придворныхъ дворянъ...

Но это направленіе не истребило слѣдовъ прежняго. Развратъ и мотовство, господствовавшія при Ментенонъ, остались и теперь; они принуждены были только прикрыться маской ханжества. Людовикъ взыскивалъ не за пороки, но за неумѣнье скрывать ихъ. Вѣрный своей системѣ общаго униженія, отупѣнія и мелочности, онъ открыто покровительствовалъ картежной игрѣ, зная, что у людей, преданныхъ этому назидательному занятію, никогда не заведутся въ головѣ вредныя идеи.

Такимъ образомъ, въ обществѣ, образовавшемся подъ вліяніемъ этого *великаго* короля, скука, лицемѣріе и подобострастіе пустили глубокіе корни. Монастырское воспитаніе вело къ тому же молодое поколѣніе. Женщина была осуждена на пустоту и скуку, которая подобно свинцовому облаку повисла надъ Франціей XVIII вѣка. Военная слава исчезла какъ дымъ; отовсюду слышались проклятія раззореннаго народа; въ тяжкія минуты разочарованія невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу короля: угрызенія совѣсти терзали его. Мрачный и печальный выходилъ онъ въ обширныя залы версальскаго дворца; уныніе отражалось на лицахъ придворныхъ; та же скука царствовала на половинѣ Ментенонъ; іезуиты, ханжи, искатели милости толпились въ ея прихожей; она принуждена была постоянно притворяться, отыскивать средства развлекать короля... Большая часть придворныхъ была страшно необразована, такъ что единственныя развлеченія ихъ состояли въ волокитствѣ, пьянствѣ, интригахъ и сплетняхъ; наступала старость или пресыщеніе, средства истощались — спасенія отъ скуки не было. Привыкнувъ находить удовольствія только въ деньгахъ и власти, ограничивая свое честолюбіе учрежденіемъ майоратовъ, естественно, такое общество смотрѣло на рожденіе дѣвочки какъ на несчастіе; ей нельзя передать ни должностей, ни имени; для нея надо готовить приданое; хорошо, если она составитъ выгодную партію, выйдетъ замужъ за человѣка богатаго и сильнаго, а еще лучше, если сдѣлается королевской любовницей... но король старъ, боится ада, власть Ментенонъ надъ нимъ неограниченна... Что-то будетъ при его наслѣдникѣ?..

И вотъ Людовикъ XIV умеръ... Франція сорвала трауръ и при звукахъ бѣшеной музыки неистово бросилась въ пляску. Наглый цинизмъ смѣнилъ лицемѣрныя приличія прошлаго царствованія; съ удвоенной силой кипѣла жизнь въ разлагавшемся обществѣ: оно спѣшило наслаждаться, какъ будто стараясь вознаградить себя за прежнія лишенія. Огромныя состоянія лопались и возникали въ одинъ день. Регентъ и Дюбуа, мадамъ Параберъ и Сабранъ — вотъ представители той эпохи. Лицемѣрную старую ханжу замѣнили молодыя куртизанки. Ихъ примѣръ увлекъ другихъ; бывшія скромницы соперничали другъ передъ другомъ въ развратѣ.

Такое явленіе объясняется монастырскимъ воспитаніемъ и состояніемъ общества, въ которое должны были вступить пансіонерки по окончаніи курса.

Едва дѣвочка родилась, ее отдаютъ на руки кормилицѣ; иногда даже на воспитаніе за городъ; потомъ ее передаютъ гувернанткѣ, которая заискиваетъ въ ней, льститъ, не смѣетъ противорѣчить, учитъ какъ попало, шутя. Мать потворствуетъ: она рѣдко видитъ дочь, но зато даритъ ей дорогія игрушки, все вниманіе ея обращено на свѣтскія приличія: дѣвочку учатъ держаться, танцовать, дѣлать реверансы, играть роль знатной дамы и сообразно тому одѣваютъ ее: перья, кружева, дорогія матеріи — ничего не щадятъ для ея наряда.

Вотъ она подросла, ее отдаютъ въ монастырь; тамъ она скучаетъ и учится разной галиматьѣ, высокой и низкой, но не имѣющей никакого отношенія къ жизни. Духовники и настоятельницы стараются подчинить себѣ воспитанницъ совершенно, часто проповѣдуя имъ доктрины адамистовъ. Конечно въ лучшихъ монастыряхъ этого не было, но зато тамъ парлуаръ былъ открытъ почти всегда; всѣ новости, всѣ сплетни Парижа и Версаля достигали до ушей воспитанницъ; модныя дамы то пріѣзжали туда съ визитами къ родственницамъ, то поселялись на нѣсколько дней, чтобъ отдать долгъ набожности. Вообще монастырь игралъ важную роль не въ одномъ дѣлѣ воспитанія; туда удалялись вдовы, которыя хотѣли пользоваться удобствами жизни подешевле; туда вельможи заключали своихъ любовницъ; безчеловѣчные родители дочерей, чтобъ открыть карьеру сыновьямъ туда шли устарѣвшія, вакханки или замоливать грѣхи свои или поправлять состояніе.

Само собой разумѣется, что воспитанницы знали многое отъ чего ихъ хотѣли удалить; это бы ничего, но дурно то, что онѣ узнавали это тайкомъ въ превратномъ видѣ — результатомъ было все-таки полное непониманіе жизни...

Приближалось время выпуска и родители, если еще въ младенчествѣ не продали дочь за какого нибудь выгоднаго жениха, начинали искать его теперь. Конечно, въ этомъ выборѣ главную роль играло общественное положеніе будущаго зятя. О согласіи невѣсты никто не спрашивалъ: она должна повиноваться родителямъ: она воспитана въ такой *невинности*, что не должна давать воли своему чувству безъ позволенія старшихъ, а впрочемъ различіе не велико, еслибъ и спросили ее о согласіи; можно было навѣрное сказать, что она отвѣтитъ: да. Вѣдь завѣтная мечта всякой молоденькой дѣвушки выйти замужъ. Какъ отказаться отъ такого счастья, когда мужъ богатъ, даритъ, угождаетъ, обѣщаетъ не стѣснять воли... Сколько спектаклей, ба-

ловъ, вечеровъ впереди, какъ будутъ завидовать подруги: и вотъ она съ радостью даетъ согласіе.

Наступаетъ день свадьбы; ее стараются отпраздновать съ возможно большимъ великолѣпіемъ, иногда выбираютъ для церковнаго обряда ночную мессу, освѣщаютъ всю церковь люстрами, канделябрами и множествомъ восковыхъ свѣчей. Затѣмъ, послѣ великолѣпнаго пира, новобрачные уѣзжаютъ въ свои помѣстья, впрочемъ не на долго. Молодую манятъ въ Парижъ удовольствія, желаніе показаться въ новыхъ уборахъ; молодой скучаетъ объ оставленныхъ любовницахъ, о товарищахъ своихъ оргій: его тяготитъ тихая семейная жизнь. И вотъ молодые въ Парижѣ. Первая обязанность ихъ показаться въ оперѣ. Обыкновенно выбирали для этого пятницу, старались достать ложу рядомъ съ ложей королевы. Затѣмъ слѣдовало представленіе ко двору. Это была эпоха въ жизни женщины. Отъ удачнаго шага зависѣла ея будущность, потому немудрено, что туалету, спору, репетиціямъ конца не было; парикмахеры и модистки безсмѣнно находились въ ея будуарѣ.

Первые визиты сдѣланы: молодая въ новомъ обществѣ: она скучаетъ, мужъ не любитъ ее, онъ смѣется, когда она требуетъ какой-то привязанности; онъ женился не на ней, а на ея приданомъ, на ея связяхъ, на ея свѣжемъ личикѣ. Онъ даетъ женѣ полную свободу, позволяетъ ей развлекаться какъ угодно, но хочетъ также, чтобы и ему не мѣшали. Она скучаетъ; на щекахъ ея видны слѣды слезъ; надъ ней смѣются, называютъ монастыркой, сравниваютъ съ женой буржуа, совѣтуютъ запастись любовникомъ... она ужасается; ей приводятъ примѣры, говорятъ, что ее могутъ осудить только за выборъ любовника недостойнаго. Она колеблется, но соблазны на всякомъ шагу; къ этому присоединяется желаніе возбудить ревность мужа, отмстить ему: мщеніе заводитъ ее слишкомъ далеко, мужъ узнаетъ объ этомъ и улыбаясь потираетъ руки. Съ этихъ поръ онъ спокоенъ, ему не будутъ надоѣдать нѣжностями.

— Я далъ бы сто луидоровъ, еслибъ кто соблазнилъ мою жену, восклицаетъ герцогъ Ришелье въ порывѣ супружескаго отчаянія.

— Ваше сіятельство можетъ имѣть это удовольствіе даромъ, говоритъ ему парикмахеръ и разсказываетъ интригу герцогини съ пажемъ. Ришелье собственными глазами убѣдился въ справедливости этого доноса и поспѣшилъ разнести его вездѣ... Такихъ примѣровъ можно насчитать сотни... Не мудрено, что при этомъ нагломъ пре-

зрѣніи къ общественному мнѣнію, женщина падала глубже все; не мудрено, что подъ вліяніемъ вина и цинической бесѣды она переходила изъ рукъ въ руки, какъ истертый луидоръ игрока. И не смотря на то она была главный пружиной всѣхъ придворныхъ интригъ, которыя теперь дѣлали все, замѣнивъ собой совѣсть, справедливость и умъ; черезъ женщину сыпались почести, мѣста, награды; по одному знаку ея выдавались грозныя *lettres de cachet,* смѣнялись министры короля, вельможи, чиновники—всѣ были проникнуты такимъ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ людямъ, что смотря на женщину какъ на самку, не осмѣливались отказывать ей ни въ чемъ, а она, эта великолѣпная кукла дѣтски-шаловливаго общества, съ нѣкоторою гордостію наслаждалась своимъ позоромъ, и въ самыхъ пошлыхъ развлеченіяхъ искала какъ будто самозабвенія. До какой степени были извращены самыя простыя понятія ея, объ этомъ можно судить по тѣмъ преобладающимъ занятіямъ, которымъ предавалась французская женщина XVIII вѣка. Утро ея до поздняго полудня проходило за уборнымъ столикомъ, гдѣ она раскрашивала себѣ щеки, брови, поддѣлывала волоса, изобрѣтала эмблематическія мушки, затягивалась въ самый узкій корсетъ, старухи вкладывали цѣлыя челюсти поддѣльныхъ зубовъ, расправляли морщины и срѣзывали бородавки. Затѣмъ слѣдовали визиты, въ которыхъ развозились городскія сплетни и вечернія собранія, на которыя съѣзжались *парадно* скучать и также сплетничать. Болѣе дѣятельные женскіе темпераменты бросались въ область мистическихъ иллюзій, скакали на совѣтъ съ какой-нибудь модной колдуньей или заѣзжимъ шарлатаномъ, вызывателемъ духовъ и привидѣній. Мадамъ Сери открываетъ свой салонъ заклинателю Бойе; ко вдовствующей принцессѣ Конти пастухи приносятъ зайцевъ, одержимыхъ злымъ духомъ, мадамъ де Шароль празднуетъ въ своемъ замкѣ шабаши; маркизы де-Лопиталь и де Лафорсъ захвачены полиціей при вызываніи дьявола... Другія спѣшатъ въ собранія конвульзіонеровъ или на опыты Месмера. Каліостро и Мартинизмъ имѣютъ также многочисленныхъ поклонниковъ. Вѣра въ гороскопы, въ веревку повѣшеннаго, въ возможность помолодѣть господствуетъ въ обществѣ, преклоняющемся передъ Вольтеромъ; самое глубокое суевѣріе соединяется съ отчаяннымъ скептицизмомъ.

Между тѣмъ постоянное угнетеніе и недовольство жизнью принесли свои результаты: развили нервныя болѣзни, которыя всегда въ

эпохи общественнаго упадка принимаютъ характеръ эпидеміи; такъ въ XI вѣкѣ свирѣпствовала пляска св. Вита, въ XIV—демономанія, въ XV—ликантропія, въ XV—монастырская болѣзнь... Такое же явленіе повторилось и теперь. Скверная домашняя обстановка, неумѣренное употребленіе косметическихъ средствъ, въ которыя входила ртуть, разгорячающія пряныя кушанья, недостатокъ движенія — все вело къ потрясенію женскаго организма. Но мы еще при началѣ этой болѣзни; полное ея развитіе въ 70 и 80-хъ годахъ. Съ этого же времени начинается тревожное стремленіе женщины обновить, осмыслить свое соціальное положеніе, и она бросается съ тѣмъ же увлеченіемъ въ литературныя занятія.

Мадамъ де-Помпадуръ подаетъ свою сильную руку литературѣ изъ тюльерійскаго дворца, и изъ политическихъ разсчетовъ поддерживаетъ загнанное сословіе писателей. Вольтеръ свиститъ на всю Европу, и отъ этого свиста коробитъ маркизовъ, бароновъ и принцевъ. Къ фернейскому свистуну пристаетъ цѣлый лагерь талантливыхъ и благородныхъ дѣятелей, противъ которыхъ сыпятся доносы, клевета, и раздраженная королевская власть, по временамъ просыпаясь отъ своего сладкаго забытья, посылаетъ поэтовъ и ученыхъ въ Бастилію. Мадамъ де-Помпадуръ часто вмѣшивается въ распоряженія литературной полиціи и многихъ спасаетъ отъ ея преслѣдованій. Но и ея вліянія было мало. Когда партіи обозначились рѣзче и взаимная антипатія мнѣній перешла изъ тайныхъ происковъ и журнальной полемики въ открытую общественную борьбу, литература сдѣлалась предметомъ особеннаго вниманія. Въ ней увидѣли силу, которая, помимо правительства, можетъ дѣйствовать на общество и руководить имъ. Люди тщеславные находили въ литературѣ средство удовлетворять своему личному честолюбію; другіе искали черезъ нее популярности и многіе рукоплескали энциклопедистамъ только потому, чтобы не показаться отсталыми. Женщины, которыхъ кругъ дѣятельности былъ такъ тѣсенъ и жизнь была такъ пуста и монотонна, съ увлеченіемъ бросились въ литературное движеніе, сначала изъ моды, а потомъ изъ желанія быть полезными своей несчастной странѣ.

По мѣрѣ того, какъ цензура стѣсняла проявленіе общественнаго мнѣнія въ періодическихъ органахъ, открывались частные литературные салоны, гдѣ находили возможность свободно обмѣниваться идеями и наслаждаться чтеніемъ такихъ произведеній, которыя не допускались въ печати. Салоны эти устраивались женщинами высшаго и

средняго круга, и часто изъ невинныхъ домашнихъ вечеровъ обращались въ политическіе клубы. Такъ мадамъ Дубле, жившая 40 лѣтъ въ монастырѣ *des Filles Saint-Thomas*, нашла возможность завести среди самаго строгаго надзора нѣчто въ родѣ тайной типографіи. Тамъ предсѣдательствовалъ Башомонъ (Bachaumont) въ парикѣ съ длинными локонами; около него садились аббаты и другіе члены, каждый подъ своимъ портретомъ. На столѣ лежали двѣ книги: одна для вписыванія фактовъ совершенно вѣрныхъ, другая—сомнительныхъ. Эти новости переписывались писарями и разсылались за извѣстную плату подписчикамъ. Впослѣдствіи изъ нихъ образовался журналъ Башомона. Всѣ старанія начальниковъ полиціи и министровъ прекратить эту рукописную пропаганду, оставались напрасны: мадамъ Дубле обѣщала исправиться и не исполняла своего обѣщанія.

Но главнымъ сборищемъ литераторовъ былъ домъ мадамъ Тансэнъ, любовницы Дюбуа, возобновившей во время Регента всѣ оргіи древнихъ Римлянъ. Не смотря на свое скандалезное поведеніе, она пользовалась уваженіемъ въ литературномъ кругу по своему обширному образованію и тонкому вкусу; она поощряла таланты, выводила ихъ въ люди, сочувствовала всякой смѣлой мысли. Мариво, Фонтенель, Монтескьё не чуждаются ея.

Мадамъ дю-Деффанъ (du-Deffand) соперничала съ Тансэнъ. Слѣпая, разочарованная, она въ обществѣ умныхъ людей искала развлеченія; всякій день къ ней собирались нѣсколько человѣкъ по вечерамъ побесѣдовать; кромѣ того разъ въ недѣлю она давала великолѣпные ужины, за которыми сходились всѣ знаменитости литературнаго круга. Салонъ дю-Деффанъ занимался преимущественно новостями литературными.

Совсѣмъ другой характеръ имѣлъ салонъ мадамъ Жоффрэнъ. Тамъ по преимуществу собирались энциклопедисты; эта женщина, безъ громкаго титула, не знатная, не слишкомъ богатая, привлекала къ себѣ именно потому, что была представительницей буржуазіи, сословія, которое скоро должно было сказать, что оно все въ государствѣ. Кромѣ мадамъ Жоффрэнъ энциклопедисты собирались у M-elle де-Леспинассъ и мадамъ Маршэ. Первая не могла давать ни обѣдовъ, ни ужиновъ, но всякій день отъ 5 до 9 часовъ она принимала всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ; у ней не было принужденія и педантизма Жоффрэнъ, и всякій могъ свободно излагать свои идеи. Салонъ мадамъ Маршэ былъ политико экономическій; она

была покровительницей физіократовъ. Огромная начитанность и остроуміе давали ей возможность оживлять вечера новыми вопросами, хорошо разсказанными анекдотами, тонкими насмѣшками.

Мадамъ Неккеръ представляла противоположность мадамъ Маршэ. Серьезная, холодная, не чуждая пуританской нравственности — она останавливала пламенные порывы Галіани и Морелье; но дочь ея, мадамъ Сталь, искупала недостатки живостью разговора, обиліемъ и смѣлостью мысли. Сверхъ того изъ этого салона вышла идея апотеозы живому Вольтеру—что имѣло огромную долю обаянія въ глазахъ всего литературнаго и ученаго міра.

Между тѣмъ какъ идеи наперекоръ существующему порядку вещей, обобщались посредствомъ изустной бесѣды и частныхъ литературныхъ собраній, женщина незамѣтно переходитъ къ другой болѣе серьезной роли: изъ простой покровительницы литературы она дѣлается писательницей, ведетъ мемуары, сочиняетъ проекты, пишетъ длинныя письма, мѣшается въ политическія агитаціи; но какъ скоро оставляетъ эту тревожную жизнь, скука снова начинаетъ томить ее и раздраженіе нервовъ доходитъ до истерическихъ припадковъ. Къ чему, къ чему не прибѣгаетъ она: то сидитъ въ теплой ваннѣ по восьми часовъ, то пьетъ декоктъ изъ сѣна, то скачетъ верхомъ или прогуливается до утомленія. Ничто не помогаетъ ей — причина зла въ общественной обстановкѣ. Напрасно женщина протестуетъ противъ нелѣпыхъ формъ жизни, напрасно до 300 просьбъ о разводѣ поступаетъ въ парламентъ разомъ — рутина торжествуетъ. Чтобъ сокрушить ее, нуженъ былъ сильный переворотъ, котораго симптомы едва были замѣтны...

Въ продолженіе этого времени развитіе женщины сдѣлало значительный шагъ впередъ, можетъ быть, вслѣдствіе нервнаго раздраженія. Она стала впечатлительнѣе, воспріимчивѣе; прежде Вольтеръ дѣйствовалъ на ея умъ, теперь Руссо сталъ дѣйствовать на ея сердце: онъ пробудилъ въ ней новыя чувства, указалъ на новыя стороны жизни, правда, идеальной, но по сравненію съ пошлой дѣйствительностію самой привлекательной. Руссо понялъ, что женщина вся состоитъ изъ страсти и воображенія, что исключительная жизнь головой не въ ея натурѣ, и онъ не побоялся обратиться къ ея сердцу. Это сердце откликнулось ему, но оно слишкомъ много страдало, и боролось а между тѣмъ въ немъ не было силы, чтобъ съ побѣдой выйдти изъ борьбы. Результатомъ была блѣдная сентиментальность, а не истинное

могучее чувство. Самое понятіе о женской красотѣ теперь измѣнилось: голубые темные глаза, нѣжныя тонкія черты, бѣлокурые волосы играютъ главную роль. Любовь къ страшнымъ трагедіямъ, къ нѣжнымъ изліяніямъ выдвигается на сцену. Филантропія входитъ въ моду. Рано утромъ знатнѣйшія дамы Франціи, даже принцессы крови, пробѣгаютъ бѣднѣйшіе кварталы Парижа, раздавая золото — голоднымъ и холоднымъ жителямъ роскошной столицы.

Съ другой стороны ни болѣзни, ни сантиментальность не мѣшали неутомимо наслаждаться, жить на счетъ производительныхъ классовъ, добиваться значенія интригами и лестью. Мы видѣли, что такое былъ дворъ Маріи-Антуанетты (сент. 1860).

Такимъ образомъ въ восьмидесятыхъ годахъ видно почти полное уничтоженіе системы Людовика XIV, системы, хотѣвшей убить общество во имя государства, хотѣвшей дать вмѣсто женщины безжизненнаго автомата, пустую куклу. Духъ прогресса и науки взялъ свое; разница была только въ томъ, что онъ побѣдилъ съ трудомъ, что цѣлыя поколѣнія погибли жертвой нелѣпаго воспитанія и отупляющаго образа жизни, онѣ рвались выбиться изъ узкихъ пеленокъ, мѣшавшихъ имъ развиваться, но у нихъ не было силы и терпѣнія; онѣ падали въ борьбѣ съ окружающими препятствіями. Ихъ добрые порывы были кратковременны, ихъ научное образованіе касалось большею частью внѣшности вопросовъ, не проникая въ глубь ихъ, не вырабатывая ихъ изъ жизни (мы не говоримъ о нѣкоторыхъ исключеніяхъ). Но и это былъ уже большой успѣхъ: женщина стала проповѣдницей новыхъ началъ, сначала изъ тщеславія, потомъ по модѣ, потомъ по убѣжденію. Нечувствительно она прониклась ими и подъ вліяніемъ ихъ воспитала дѣтей, такъ что, когда наступила революція, тотъ классъ, противъ котораго она была преимущественно направлена, раздѣлился на два враждебные лагеря.

Теперь взглянемъ, какой путь прошла въ это время женщина буржуазіи.

II.

Сначала въ буржуазіи матери сами занимались воспитаніемъ дочерей, обращая главное вниманіе на хозяйство; по воскресеньямъ же священникъ, по окончаніи службы, давалъ тутъ же въ церкви уроки изъ закона божія. Но скоро эта система была оставлена, дѣвочекъ стали отдавать въ монастыри, разумѣется, поскромнѣе и подешевле... Буржуа менѣе другихъ зажиточные не давали дочерямъ кончать курса: какъ только онѣ подростали, ихъ брали домой, потому что въ домѣ нужна была помощница. Такимъ образомъ невыгоды закрытаго воспитанія здѣсь менѣе чувствовались. По самому положенію своему буржуазія представляла множество оттѣнковъ; она касалась аристократіи и народа; изъ ней выходили люди ума и таланта; она была разсадникомъ янсенизма; съ другой стороны она безстыдно льстила вельможамъ, стремилась въ ихъ кругъ, жертвуя ложному блеску счастіемъ милыхъ сердцу... Вообще на женщину въ буржуазіи строгость монастырскаго воспитанія наложила неизгладимый отпечатокъ: первоначальная набожность ихъ обращалась или въ католическій фанатизмъ, или въ янсенистскую суровость, смотря по характеру воспитателей и родныхъ. Однѣ цѣль своей жизни поставляли въ строгомъ выполненіи обязанностей матери, жены, дочери. Взглядъ ихъ не проникалъ за горизонтъ семейнаго круга; вѣчно серьезныя и скучающія, онѣ казались на этомъ общемъ пирѣ, на этой бѣшеной пляскѣ XVIII вѣка какими-то мрачными изваяніями, созданными суровымъ геніемъ фатализма, назначенными выражать постоянно грозное memento mori. Другой типъ ревностныхъ католичекъ, покорныхъ внушеніямъ духовенства, составлялъ фондъ іезуитской пропаганды. Уцѣлѣвшія отъ этого монастырскаго вліянія увлекались примѣромъ аристократіи или глохли въ мелочахъ домашней жизни. Не зная пустоты жизни высшаго круга, неопытная дѣвушка прельщается ея блестящей внѣшностью; встрѣча съ молодыми аббатами, кавалерами, щеголями, ихъ любезность, ихъ ловкость очаровываютъ ее, родителей обольщаетъ вліяніе будущаго зятя, почетъ, которымъ онъ пользуется при дворѣ... Какой-нибудь промотавшійся маркизъ ищетъ выгодной женидьбой поправить состояніе... Свадьба сыграна. Мужъ смотритъ на жену съ презрѣніемъ, позволяетъ себѣ дерзко обходиться съ ней, упрекаетъ

въ происхожденіи. Новый кругъ находитъ ее неловкой, необразованной, насмѣхается надъ ней—бѣдная женщина должна удалиться или въ монастырь, или уѣхать къ своему отцу.

Это сближеніе съ придворными волокитами и ихъ подражателями влекло за собой иногда другія послѣдствія: довѣрчивая дѣвушка съ восторгомъ слушала признанія въ любви какого-нибудь прощалыги, вѣрила его обѣщаніямъ жениться и предавалась ему. Нѣкоторыя были такъ наивны, что считали достаточнымъ для брака произнести клятву во время возношенія даровъ. Другія, болѣе осторожныя, требовали тайнаго бракосочатанія; любовники отправлялись обыкновенно въ Нормандію, отыскивали тамъ какого-нибудь бѣднаго священника и уговаривали его совершить таинство. Не смотря на всѣ формальности, сопровождавшія этотъ бракъ, онъ не имѣлъ силы въ глазахъ закона; его всегда можно было разрушить, оставивъ бѣдную, обманутую женщину на жертву стыду и общественному презрѣнію...

Но все это были исключенія, хотя и довольно многочисленныя. Чаще же всего буржуа искали жениховъ въ своемъ кругу. Молодой человѣкъ встрѣчалъ гдѣ-нибудь—на балу, въ церкви или на прогулкѣ дѣвушку, которая ему нравилась... начинается знакомство, танцы, фанты, ухаживанье. Она имѣетъ болѣе самостоятельности, ее не принуждаютъ; характеръ жениха подвергается болѣе строгому изслѣдованію. Здѣсь бракъ связываетъ, а не даетъ свободу, какъ въ аристократіи. Кромѣ домашняго счастія вопросъ идетъ о приданомъ, о средствахъ къ жизни, о томъ, кто будетъ господиномъ въ домѣ.

Разнообразіе занятій буржуазіи, различіе между ея капиталами отражается и въ разнообразіи характеристики женщины. Въ высшей магистратурѣ главную роль играетъ янсенизмъ, который становится почти незамѣтнымъ у женъ адвокатовъ. Семейства артистовъ, литераторовъ отличаются независимостью взгляда, свободой обращенія, страстью къ удовольствіямъ, веселостью и оригинальностью... За ними слѣдуютъ прикащицы и хозяйки магазиновъ. Онѣ мастерицы продать товаръ лицомъ; ихъ неподражаемая болтовня, ихъ кокетство, предупредительность, умѣнье затронуть чувствительную струну покупателя заставляютъ кошелекъ невольно раскрываться. Нѣкоторыя дѣлаютъ спекуляцію даже изъ своего грубаго простосердечія. По мѣрѣ увеличенія богатства начинаются стремленія сравняться съ аристократіей, даже, если можно, превзойдти ее въ великолѣпіи. Дочь одного булочника изъ 15 т. ливровъ приданаго, восемь истратила на подвѣнеч-

ное платье; другая, невѣста ювелира, купила на 20 т. ливровъ бриліантовъ; свадебный пиръ дѣвицы Жуань стоилъ до 3 т. ливровъ; платье же ея было сдѣлано изъ матеріи по 40 ливр. аршинъ. Та же роскошь господствовала въ салонахъ буржуазіи. Послѣ Симона Бернара и Лоу блисталъ салонъ мадамъ Пленефъ (Pléneuf), женщины величественной красоты, тонкаго ума и интриги. Дочь ея (впослѣдствіи мадамъ де-При) привлекала своей граціей, остроуміемъ и покровительствомъ талантамъ. Музыка была ея страстью. Другой знаменитый салонъ того времени былъ мадамъ Гримо-де-ла-Рейньеръ. (Grimod de la Reynière). Родившись въ аристократической фамиліи, эта женщина всю жизнь не могла утѣшиться въ томъ, что лишилась возможности бывать при дворѣ. Чтобъ вознаградить себя за это лишеніе, она старалась зазвать на свои ужины знатнѣйшихъ придворныхъ дамъ. Она не щадила ничего для ихъ угощенія и дѣйствительно успѣла въ скоромъ времени сдѣлать своими подругами графинь Мельфоръ и Тессе. По слѣдамъ ея шла мадамъ Трюдэнь (Trudaine); роскошные обѣды и ужины собирали около нея герцоговъ, посланниковъ, литераторовъ, вообще замѣчательныхъ людей на всѣхъ поприщахъ. Мадамъ Дюмалэ сходила съ ума по аристократіи; за недѣлю она начинала разсчитывать, кто къ ней будетъ, и заранѣе упивалась похвалами своему вкусу и богатству. О мадамъ Жоффрэнъ мы сказали уже, что же касается до Поплиньеръ, то она принадлежала скорѣе къ народу, чѣмъ къ буржуазіи, потому что была дочь актрисы Данкуръ, хотя и вышла потомъ за мужъ за откупщика. Она наслѣдовала отъ своей матери страсть къ театру; домъ ея былъ настоящей оперой; въ корридорахъ и залахъ тѣснились артисты, музыканты, поэты; танцы, пѣніе, спектакли продолжались съ утра до глубокой ночи. Изящный вкусъ хозяйки ея красота, ея умъ, благородныя манеры—сдѣлали ее одной изъ царицъ общества; она попала въ кругъ, куда не было доступа ея мужу; онъ сталъ ревновать, она не хотѣла его послушаться; начались семейныя сцены; связь ея съ Ришелье была открыта, послѣдовалъ разводъ... Но бѣдная женщина не долго наслаждалась свободой: въ груди ея скрывалась неисцѣлимая болѣзнь.

Вообще положеніе актрисы въ этомъ обществѣ представляло что-то неопредѣленное, борьбу старыхъ предразсудковъ съ духомъ времени; ее ласкали, осыпали подарками и рукоплесканіями; съ другой стороны парижскій архіепископъ не позволялъ совершать обряда бракосочетанія между актерами, не позволялъ хоронить ихъ, а камергеры,

завѣдовавшіе театромъ, нисколько не стѣснялись посылать ихъ въ тюрьму. Стремленія дѣвицы Клеронъ и другихъ первоклассныхъ артистовъ—выбиться изъ подъ этого гнета, встрѣтили огромное сочувствіе въ публикѣ, но сокрушились передъ неодолимой силой рутины. Одинъ выходъ для нихъ былъ въ безумной любви какого-нибудь дворянина, рѣшившагося въ жертву ей принести нелѣпыя свѣтскія приличія и жениться на женщинѣ, гонимой закоренѣлыми предубѣжденіями. Впрочемъ это рѣдкія исключенія; артистка была поставлена почти рядомъ съ куртизанкой; она могла обогащаться, разсылать lettres de cachet, назначать на мѣста; ей позволялось имѣть десятки любовниковъ, не позволялось только быть честной, противиться притязаніямъ камергеровъ, какъ показываетъ примѣръ мадмоазель Теодоръ и Розали...

III.

Но въ то время, когда высшія сословія утопали въ удовольствіяхъ, бѣдная простолюдинка не знала часто, гдѣ преклонить голову, гдѣ найдти кусокъ хлѣба. Воспитаніе ея ограничивалось только тѣмъ, что она узнавала отъ матери для того, чтобъ не умереть съ голоду; религіозныя понятія не шли дальше обрядности: страшныя казни гревской площади служили уроками нравственности; ежедневное вмѣшательство полиціи останавливало всѣ добрые порывы... Со всѣхъ сторонъ угрожали ей непріятности и лишенія. Дома невеселая жизнь: отецъ съ матерью постоянно бранятся и спорятъ, иногда дѣло доходитъ до драки; всякій день недостатки, болѣзни; часто нѣтъ ни хлѣба, ни дровъ; страшное злоупотребленіе водки—вотъ обстановка жизни молодой пуассардки. Единственными развлеченіями являются свадьбы или балы по воскресеньямъ въ какой-нибудь грязной харчевнѣ. Здѣсь она веселится отъ души: многія заслуживаютъ извѣстность своимъ танцовальнымъ искусствомъ, своей неутомимостью; дѣлаются цѣлью исканій какого-нибудь лакея или сержанта. Но радо-

сти семейной жизни не для нея; ее ожидало горе, какой бы путь ни избрала она; вотъ почему многія боялись брака, предпочитали быть любовницей, актрисой, но не женой. Бѣдность толкала ихъ на это поприще: не болѣе 15 коп. могла заработать женщина въ день, да эта сумма къ концу вѣка уменьшилась конкурренціей мужчинъ; появились башмачники, портные, парикмахеры для дамъ; лакеи вышивали въ прихожихъ, гренадеры вязали въ казармахъ — женщинѣ оставалась одна дорога — развратъ. Тутъ она попадала совершенно подъ произволъ полиціи; госпиталь ожидалъ ее за малѣйшую вину или даже вовсе безъ вины. Госпиталь! ужасное слово, которое заставляло содрогаться бѣдную жертву; строгая дисциплина, бритье головы, тѣлесное наказаніе ожидали ее тамъ. Одно средство спасенія — поступить на сцену. Самая послѣдняя фигурантка была обезпечена не только отъ полиціи, но даже отъ родителей; только камергеры, управлявшіе театрами, могли ей приказывать; передъ ней открывалась новая сфера, эта женщина, презираемая и гонимая за два, за три мѣсяца, теперь становилась предметомъ поклоненія, волновала дворъ и публику, привлекала на свои вечера вельможъ и литераторовъ. Не смотря на то, большая часть женщинъ изъ простого народа осталась неразвращенной, хотя и не стѣснялась циническими выраженіями. Эта необразованная масса скрывала въ себѣ зародыши будущаго величія Франціи; въ среду ея не проникли ни пресыщеніе жизнью, ни мелочное поклоненіе формамъ аристократіи; ни себялюбивые разсчеты и узкіе взгляды буржуазіи. Нѣтъ, женщина изъ народа была вся въ чувствѣ, вся въ увлеченіи; сердце ея волновалось при всякой несправедливости; она была всегда готова на самопожертвованіе; несчастіе ея было въ томъ, что она была необразована и довѣрчива, и потому легко дѣлалась игрушкой въ рукахъ хитрыхъ обманщиковъ и честолюбцевъ.

Такое положеніе французской женщины лучше всего объясняетъ необходимость и неизбѣжность переворота; начало его скрывается въ распоряженіяхъ Людовика XIV. Созданныя имъ формы, мѣшавшія свободному развитію женщины, вмѣшательство правительства во внутренній ея міръ убили семейство въ аристократіи; она пала, а вмѣстѣ съ ней пала и монархія, которую она поддерживала. Буржуазія замѣнила ее; въ ней было болѣе прочности и самостоятельности, она болѣе уцѣлѣла отъ посторонняго вліянія. Что касается до народа, онъ не могъ занять принадлежащаго ему мѣста по не-

достатку образованія. Скрѣпивъ своей кровью великое зданіе революціи, онъ сошелъ со сцены, предоставивъ главную роль другимъ. Новая аристократія, аристократія денегъ, наложила на него свою свинцовую руку; но кажется, это давленіе не можетъ быть продолжительно; съ одной стороны образованіе распространяется между рабочими классами, съ другой—въ самой буржуазіи обнаруживаются признаки разложенія; семейственныя отношенія ослабѣли; скука гложетъ женщину, тщеславіе сдѣлалось ея идоломъ — однимъ словомъ новое господствующее сословіе наслѣдовало всѣ причины паденія своего предшественника—очень не мудрено, что и послѣдствія будутъ одинаковы.

В. Коновъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА БЕКЛЯ.

Г. .Т. Бокль. Исторія Цивилизаціи въ Англіи. Т. I. изд. Н. Тиблена. 1843 г. Бокль. Исторія Цивилизаціи въ Англіи. 1, 2 и 3 и 4 выпус. 1863 г. Перев. А. Н. Буйницкаго и Ѳ. Н. Ненарокомова.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Въ первыхъ двухъ статьяхъ я старался объяснить историческіе законы, на основаніи которыхъ разсматриваетъ Бёкль развитіе человѣческихъ обществъ, ихъ возвышеніе и паденіе, ихъ жизнь и смерть. Въ силу этихъ законовъ одни народы должны были безвозвратно погибнуть, оставивъ по себѣ кровавые слѣды глухихъ страданій, нищеты и рабства; другія, достигнувъ условной степени прогресса, остановились въ своемъ движеніи, какъ останавливаются и гніютъ рѣчныя воды, попавшія въ болота; третіи—и эту счастливую долю выдѣляетъ Бёкль только европейскимъ народамъ—вышли на торную дорогу цивилизаціи, но такъ мало еще сдѣлали для своего развитія, что доселѣ вся умственная и соціальная ихъ жизнь была постоянной борьбой съ препятствіями и нелѣпостями прошлыхъ вѣковъ. Поэтому слово *цивилизація,* какъ понимаетъ его Бёкль, есть отрицательное начало, вытекающее изъ разрушенія старыхъ ошибокъ и предразсудковъ. Чѣмъ скорѣе одолѣваетъ ихъ нашъ умъ, тѣмъ быстрѣе мы идемъ впередъ, такъ что каждый новый шагъ европейскихъ народовъ есть новый ударъ, наносимый отжившимъ и отживающимъ заблужденіямъ. Другого пути для человѣческаго развитія и быть не можетъ. Всякое стремленіе къ творческой дѣятельности есть произволъ отдѣльныхъ личностей, всегда оканчивающійся насиліемъ. Строитъ самая жизнь, поставленная въ хорошія условія, а наше дѣло позаботиться объ этихъ

условіяхъ. Это мнѣніе Бёкля выражается имъ въ слѣдующихъ четырехъ категоріяхъ: во-первыхъ, развитіе человѣчества зависитъ отъ успѣховъ знанія въ обширномъ значеніи этого слова,—знанія всѣхъ законовъ и средствъ, какими только располагаетъ окружающая насъ природа; во-вторыхъ, этому знанію, основанному на анализѣ, долженъ предшествовать духъ сомнѣнія и отрицанія; въ-третьихъ, по мѣрѣ распространенія умственнаго развитія многіе предразсудки теряютъ свой кредитъ и уступаютъ мѣсто открытіямъ науки; въ четвертыхъ, великимъ врагомъ человѣческаго движенія Бёкль считаетъ покровительственное начало.

Изъ этихъ четырехъ принциповъ, руководящихъ взглядами Бёкля, первый составляетъ исходную точку его воззрѣнія на исторію; остальные три, какъ неизбѣжное логическое слѣдствіе, развиваются сами собою изъ основного принципа: умственный застой народа ведетъ за собой отсутствіе скептицизма, т. е. первоначальнаго пробужденія нашихъ мыслящихъ силъ, вступающихъ въ борьбу съ окружающими явленіями, какъ свѣтъ берется съ тьмой; а тамъ, гдѣ духъ изслѣдованія и сомнѣнія еще спитъ, люди живутъ безотчетнымъ довѣріемъ, которое замѣняетъ для нихъ знаніе и строго выработанныя убѣжденія; иначе говоря, невѣжественный народъ неспособенъ разсуждать о своихъ дѣлахъ, неспособенъ понимать свои интересы. Слѣдовательно главный пунктъ, около котораго группируетъ Бёкль всѣ свои теоретическіе выводы, заключается въ *знаніи*,—въ богатствѣ умственныхъ открытій и въ достоинствѣ самаго направленія умственной дѣятельности. Но какъ добывается это знаніе народомъ? Не падаетъ ли оно свыше, подобно небесной маннѣ, какъ думаютъ наши до пошлости скучные доктринеры? Не распространяется ли оно посредствомъ разныхъ проектовъ и поученій, которыми заваливаетъ насъ педагогическая рутина, воспитанная на розгахъ, учебникахъ и христоматіяхъ, которые еще хуже розогъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Бёкль тѣсно связываетъ его съ экономическимъ состояніемъ народа, развитіе котораго предшествуетъ образованію страны и упадокъ котораго сопровождается непремѣннымъ невѣжествомъ и дикостію общества; такъ что бѣдность есть неотразимое условіе другого недостатка—крайней тупости народа. «Хотя прогрессъ знанія, говоритъ Бёкль, и ускоряетъ впослѣдствіи накопленіе богатства, но вѣрно и то, что при самомъ зарожденіи общества, сначала должно накопиться богатство, и потомъ уже можетъ быть положено и начало знанію». Провѣрить этотъ фактъ очень

не трудно на исторіи какого угодно народа. Въ Америкѣ, напримѣръ, всѣ усилія распространить грамотность и образованіе въ массахъ до тѣхъ поръ оставались совершенно безплодными, пока матеріальное состояніе этой страны не улучшилось съ ходомъ такихъ событій, какъ политическая независимость ея и внутренняя свободная дѣятельность. То же самое мы видимъ на Индіи. Английская филантропія, не всегда чистая отъ купеческаго барышничества, съ давнихъ поръ употребляетъ разныя средства для привитія образованія этому бѣдному и угнетенному народу; она учреждаетъ для него школы, вводитъ англійскій языкъ въ преподаваніе элементарнаго ученія, раздаетъ награды какъ наставникамъ, такъ и воспитанникамъ за хорошіе успѣхи; но ничто не помогаетъ, и рабы жадной торговой метрополіи находятся въ томъ же дикомъ положеніи, если только не хуже,—въ какомъ они находились за десять вѣковъ раньше. Это совершенно понятно. Только съ матеріальнымъ довольствомъ, когда первыя и существенныя потребности общества удовлетворены, является желаніе умственнаго развитія, которое при современномъ порядкѣ вещей требуетъ много свободнаго времени и обходится очень не дешево. Поэтому бѣдный житель Сибири, самоѣдъ и киргизъ вовсе не думаютъ о томъ, какъ бы понабраться разныхъ знаній; главная забота ихъ сосредоточивается исключительно на дневномъ пропитаніи, которое поглощаетъ весь ихъ досугъ и всѣ ихъ способности. Кромѣ того съ экономическимъ развитіемъ страны, когда она научилась сберегать свой трудъ и производительныя силы, начинается промышленная дѣятельность, имѣющая огромное вліяніе на распространеніе образованія. За плугомъ и бороной еще можетъ не безъ успѣха работать безграмотный и дикій человѣкъ; онъ можетъ взрывать землю и бросать въ нее сѣмя, не учившись арифметикѣ и письму; но на фабрикѣ, въ торговой конторѣ, за механическимъ станкомъ или за счетной книгой банкира ему нечего дѣлать безъ грамотности, съ одной мускульной силой и физической ловкостью.

Но признавая необходимость матеріальнаго довольства для развитія народнаго образованія, Бёкль не представляетъ намъ удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса при самомъ обзорѣ европейскихъ цивилизацій. Онъ зорко слѣдитъ за всѣми умственными движеніями народовъ, которыхъ онъ успѣлъ коснуться въ своемъ неоконченномъ сочиненіи, но нигдѣ не раскрываетъ взаимной связи, существующей между образованіемъ и экономическимъ бытомъ стра-

ны. Я уже замѣтилъ, что это одинъ изъ важныхъ недостатковъ его историческаго анализа и одинъ изъ самыхъ крупныхъ пробѣловъ его книги. Было бы интересно знать, на сколько именно понижалось умственное образованіе народа, когда онъ дѣлался бѣденъ и на сколько оно подымалось, когда онъ богатѣлъ. Отыскать точную пропорцію между этими дѣятелями той или другой страны—значитъ разъяснить множество самыхъ любопытныхъ фактовъ. Само собою разумѣется, что не одно богатство играетъ роль въ развитіи умственныхъ силъ народа; здѣсь много замѣшивается причинъ чисто-политическихъ, направленныхъ дурными правительствами прямо къ тому, чтобы сдерживать образованіе для извѣстныхъ эгоистическихъ цѣлей, но эти причины случайныя и большею частію совершенно безполезныя, такъ что соціальная задача все-таки остается преобладающей въ этомъ дѣлѣ. И если историкъ оставляетъ ее въ сторонѣ, не изучая ее во всей подробности на основаніи добытыхъ имъ матеріаловъ, то онъ открываетъ намъ только половину своего предмета, а другую половину, не менѣе важную и интересную, забываетъ въ той же тѣни, въ какой скрывали ее разскащики-болтуны, писавшіе вмѣсто исторіи человѣческой жизни какую-то дѣтскую сказку про царя Салтана. Тѣмъ непростительнѣе это для Бёкля, котораго главная точка зрѣнія заключается именно въ этомъ вопросѣ, потому что умственное образованіе, по мнѣнію его, есть тотъ животворный ключъ, изъ котораго бьетъ всѣми благами на народную жизнь. Но какъ оно начинается и какъ идетъ въ связи съ экономическими реформами страны, какія соціальныя причины задерживаютъ его и какія содѣйствуютъ его развитію, чѣмъ объясняются его постоянныя реакціи и ложныя направленія, гдѣ его хорошіе и дурные результаты—все это проходится молчаніемъ у Бёкля.

Нигдѣ не чувствуется этотъ недостатокъ такъ живо, какъ въ его очеркѣ умственнаго развитія Испаніи. Это одинъ изъ самыхъ слабыхъ очерковъ Бёкля въ критическомъ отношеніи, но зато одинъ изъ самыхъ яркихъ въ его исторической картинѣ. Я остановлюсь на немъ какъ для того, чтобы подтвердить мнѣніе, высказанное выше, такъ и для того, чтобы поближе познакомиться съ Бёклемъ, какъ съ художникомъ, рисующимъ въ миніатюрѣ жалкую судьбу народа, погибшаго отъ своего раболѣпія и фанатизма. Впрочемъ надо напередъ оговориться; называя Бёкля *художникомъ*, я вовсе не хочу срав-

нивать его съ тѣми малярами которые, расписываютъ историческія портреты и типы для празднаго удовольствія такихъ же художниковъ, какъ они сами, не имѣя въ виду ни серьезной цѣли, ни болѣе или менѣе глубокой идеи. Бёкль прежде всего мыслящій человѣкъ, и потому онъ неспособенъ предаваться искусству для искусства и не на одну минуту не забываетъ, что въ человѣческой жизни, будетъ ли то жизнь народа или отдѣльнаго лица, есть извѣстные законы, которые управляютъ внѣшними событіями. Поэтому выразительность его исторической кисти и смѣлость изображенія—все это — дѣло второстепенное, а главное—идея, вездѣ и во всемъ проглядывающая и освѣщающая факты.

Испанія, по преимуществу, страна политическихъ и общественныхъ контрастовъ. Ея гордыя воспоминанія о прежнемъ могуществѣ уживаются съ самымъ жалкимъ самодовольствіемъ настоящей унизительной ролью; ея рыцарскія и патріотическія преданія постоянно соединялись съ горькимъ разочарованіемъ въ ихъ комическомъ донъ-кихотствѣ. Испанія гордилась тѣмъ, чего другія науки стыдились; ея дѣтскія суевѣрія доселѣ составляютъ для нея національную честь; какъ всѣ невѣжественные народы, она всегда считала себя передовой страной, будучи на самомъ дѣлѣ отсталой и даже не понимающей своей отсталости; ея роскошная южная природа, ея прекрасные берега и долины, способные обогатить вдвое большее населеніе, покрыты бѣдными и грязными массами людей; ея общественная жизнь была странной смѣсью фанатизма съ идеальными стремленіями кроткаго народа, отвратительной нищеты съ желаніемъ казаться богатой, постоянныхъ порывовъ къ славѣ съ дѣйствительнымъ безсиліемъ; Испанія нѣкогда могла располагать судьбой всей Европы, и подъ конецъ не съумѣла справиться съ своей собственной; ея обширныя владѣнія, въ которыхъ «не заходило солнце», съ теченіемъ времени отпали отъ нея и, отпадая, покрыли ее позоромъ страшныхъ злодѣяній. Судьба этой страны—рѣшительное бѣльмо на глазу постепеновцевъ; они смотрятъ на исторію человѣческихъ обществъ, какъ на барабанщика, по приказанію марширующаго впередъ, а между тѣмъ Испанія представляетъ имъ безпрерывный рядъ реакцій, изумительныхъ своей противоположностью. Въ XVI вѣкѣ она отличалась силой, богатствомъ, цвѣтущей промышленной дѣятельностію, вліяніемъ на всемірныя событія; а въ XVII вѣкѣ ея бѣдность и упадокъ

всѣхъ общественныхъ силъ были такъ велики, что подобнаго примѣра мы не находимъ ни въ Ирландіи, ни въ Турціи. Какимъ же образомъ эта прежняя царица морей, эта гордая монархія, носившая на своей головѣ три короны, впослѣдствіи обратилась въ кучу нищенскихъ лохмотьевъ, въ толпу католическихъ поповъ, высосавшихъ ея лучшіе соки?

Вотъ надъ этимъ-то явленіемъ и останавливается Бёкль, раскрывая причины и послѣдствія его. Съ этою цѣлію онъ прямо обращается къ внѣшней природѣ Испаніи, и въ физическихъ условіяхъ ея видитъ первыя препятствія для соціальнаго развитія этой страны. По мнѣнію его, здѣсь соединились всѣ неблагопріятныя обстоятельства, порождающія въ народѣ суевѣрія и отвращеніе отъ положительнаго знанія — эпидеміи, голодъ, землетрясенія, непостоянство и нездоровость климата. Въ борьбѣ съ этими непріязненными стихіями человѣкъ потерялъ энергію ума и воли, и вмѣсто собственныхъ силъ, сталъ искать спасенія въ сверхъ-естественныхъ силахъ, созданныхъ его напуганнымъ воображеніемъ. «Если мы исключимъ, говоритъ Бёкль, сѣверную оконечность Испаніи, то двѣ характеристическія черты ея климата суть жаръ и сухость, которыя еще болѣе усиливаются необыкновенною естественною трудностію для орошеній; потому что рѣки, пересѣкающія страну, большею частію текутъ въ глубокихъ ложбинахъ, неудобныхъ для орошенія почвы, которая всегда была замѣчательно безплодна. Благодаря этому и рѣдкости дождей ни одна европейская страна, столь щедро надѣленная въ другихъ отношеніяхъ, не испытывала такихъ серьезныхъ и частыхъ неурожаевъ и слѣдовательно голода. Въ то же время климатическія перемѣны, особенно въ центральныхъ провинціяхъ, дѣлаютъ Испанію обыкновенно нездоровой. Это общее направленіе, сопровождаемое въ средніе вѣка постоянными случайностями голода, опустошало страну заразительными болѣзнями. Если къ этому мы прибавимъ, что на полуостровѣ, вмѣстѣ съ Португаліей, землетрясенія были чрезвычайно разрушительны и возбуждали всѣ тѣ суевѣрныя чувства, которыя вызываются этимъ бѣдствіемъ, то мы составимъ нѣкоторое понятіе о непрочности жизни и о той ловкости, съ которой честолюбивое духовенство могло обратить это обстоятельство въ орудіе своей власти.» (History of Civilis. in Engl. II т. стр. 3—5.) Такимъ образомъ физическіе феномены, свойственные вообще тропическимъ мѣстностямъ,

сковали умственныя способности испанцевъ и привели ихъ отъ слѣпого суевѣрія къ тому ужасному фанатизму, котораго костры не угасали впродолженіе двухъ съ половиною вѣковъ.

Затѣмъ идутъ событія въ томъ же направленіи, но съ другой нравственной стороны. Завоеваніе Испаніи маврами, особенно ненавистными христіанской Европѣ ихъ религіей, еще сильнѣе раздуло суевѣріе испанцевъ и завязало восьмивѣковую борьбу между католиками и мохаммеданами. Эта ожесточенная борьба, отравившая жизнь двѣнадцати поколѣній, имѣла характеръ строго католическій; она была ведена фанатиками, подъ вліяніемъ разныхъ чудесъ и небесныхъ явленій, которыми грезили старики и юноши. Духовенство, конечно, не преминуло воспользоваться и этимъ настроеніемъ умовъ. Съ каждымъ годомъ вліяніе его увеличивалось и наконецъ достигло почти безусловнаго контроля надъ страной разоренной, и упавшей духомъ подъ гнетомъ опасности и рабства. Христіанское населеніе, отступившее въ астурійскія горы или на границу Сѣвера, обнищавшее и избитое, унесло съ собой послѣднія остатки возникавшаго общественнаго развитія и мало по малу утратило ихъ совершенно. Наступила повсемѣстная бѣдность, а за нею невѣжество, которое въ свою очередь увеличило суевѣріе и раболѣпство, такъ рѣзко отмѣтившіе исторію испанскаго народа.

Впослѣдствіи, когда ему удалось выгнать мавровъ съ полуострова и возвратить независимость земли и церкви, въ характерѣ націи осталась глубокая черта ненависти ко всему, что не носило имени католика. Испанецъ ненавидѣлъ еретика, какъ врага своего по преданію, какъ врага церкви по убѣжденію, и когда дѣло шло о преслѣдованіи *невѣрнаго*, онъ не зналъ границъ чувству своей мести. Духовенство поддерживало въ немъ это чувство. Время и другія равносильныя событія обратили суевѣріе Испаніи въ ея главное національное свойство, такъ что всѣ эти палачи, засѣдавшіе передъ трибуналомъ инквизиціи за столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ и распятіемъ, были выраженіемъ самого народа. Бёкль замѣчаетъ, что болѣе свирѣпые изъ королей фанатиковъ были особенно любимы испанцами. Точно такъ же сожженіе еретиковъ на кострахъ, происходившее на площадяхъ въ присутствіи высшаго монашества, доставляло величайшее наслажденіе толпѣ, собиравшейся на эти зрѣ-

лица гораздо охотнѣе, чѣмъ на бой быковъ. Эти варварскія сцены до такой степени были въ національномъ характерѣ Испаніи, что въ торжественные праздники или по случаю какого-нибудь счастливаго народнаго событія для удовольствія католиковъ сожигали нѣсколько человѣкъ, обвиненныхъ въ ереси.

Послѣ этого дѣлаются понятными тѣ страшные симптомы фанатизма, который хуже всякаго мороваго повѣтрія губилъ людей за религіозныя убѣжденія. Когда официальная церковь соединилась съ свѣтской властію въ одномъ стремленіи—искоренять еретиковъ, тогда система преслѣдованія вооружилась небывалой дотолѣ силой. Въ правленіе Карла V одни Нидерланды потеряли отъ 50,000—100 тысячь лучшихъ гражданъ, преданныхъ смерти за то, что они не хотѣли быть католиками. При Филиппѣ II, который говорилъ, что «лучше вовсе не царствовать, чѣмъ царствовать надъ еретиками», гоненія за религію были главною цѣлію его внѣшней и внутренней политики. Герцогъ Альба хвалился, что въ пять или шесть лѣтъ его управленія Нидерландами, онъ казнилъ болѣе восьмнадцати тысячь, не считая тѣхъ, кто погибъ отъ его меча на полѣ битвы. Въ XVII столѣтіи, когда за Филиппомъ II послѣдовалъ рядъ королей слабыхъ, зараженныхъ ханжествомъ и руководимыхъ монахами, безпечныхъ и больныхъ идіотовъ, духовенство предприняло крестовый походъ противъ всѣхъ иновѣрцевъ, населявшихъ Испанію. Положеніе ихъ и безъ того было въ высшей степени тяжелое. Лишенные правъ гражданства, преслѣдуемые на каждомъ шагу инквизиціонной полиціей, принужденные скрывать свой образъ мыслей и чувствъ отъ государственнаго шпіона и церковника, трепетавшіе и день и ночь за жизнь своихъ дѣтей и за цѣлость своего состоянія, они ежеминутно ходили надъ волканомъ; имъ не обезпечено было ни одно естественное право человѣка, ни въ обществѣ ни въ семействѣ. Но этого было мало. Въ 1602 году архіепископъ Валенсіи представилъ испанскому королю (Филиппу III) проектъ для радикальнаго уничтоженія послѣднихъ мавровъ, какіе только еще оставались въ Испаніи. Онъ совѣтовалъ поступить съ ними такъ, какъ Давидъ поступилъ съ филистимлянами и Саулъ съ амаликитянами; онъ доказывалъ, что разрушеніе Армады, посланной противъ Англіи въ 1588 году, и неудачный походъ въ Алжирію были слѣдствіемъ небеснаго гнѣва за то, что Испанія доселѣ не истребляетъ еретиковъ дома. Поэтому онъ

убѣждалъ короля изгнать всѣхъ мавровъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ, кого можно было обратить въ рабство и послать работать на галеры или въ американскіе рудники. Мнѣніе это подкрѣпилъ своимъ голосомъ и другой архіепископъ изъ Толедо, и только въ одномъ отношеніи расходился съ планомъ своего собрата.

Первый думалъ, что дѣти семи лѣтъ должны быть освобождены отъ общаго наказанія и, вырванные изъ ихъ семействъ, могутъ быть удержаны въ Испаніи. Но архіепископъ Толедскій не допускалъ и этого смягченія; изъ опасенія, что чистая христіанская кровь можетъ оскверниться отъ соприкосновенія съ кровью невѣрныхъ; онъ считалъ за лучшее скорѣе избить всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чѣмъ позволить хоть одному еретику заразить испанскую землю. Всѣ эти мнѣнія подтверждались теологическими доводами, примѣрами ветхозавѣтной исторіи и въ заключеніе обѣщалась неувядаемая слава Филиппу III. И нашелся такой идіотъ изъ королевскихъ министровъ, который привелъ въ исполненіе эту варварскую мѣру. «Около одного миллльона, говоритъ Бёкль, самыхъ дѣятельныхъ жителей Испаніи были гонимы, подобно дикимъ звѣрямъ, потому что искренность ихъ религіозныхъ убѣжденій была заподозрѣна. Многіе были убиты, когда они приближались къ берегу; многіе были брошены въ море, а большая часть, въ самомъ плачевномъ видѣ была высажена на землю Африки. Во время плаванія на многихъ изъ кораблей толпа матросовъ возставала на мавровъ, убивала мужщинъ, похищала женщинъ и топила дѣтей. Кто успѣлъ спастись, тотъ вылезъ на варварійскій берегъ, гдѣ Бедуины напали на пришлецовъ и многихъ изъ нихъ истребили мечомъ; другіе бѣжали въ пустыню и погибали отъ голода; мы не имѣемъ точныхъ свѣденій о числѣ уничтоженныхъ жизней, но основываясь на одномъ авторитетномъ показаніи, можно вѣрить, что изъ 140,000 мавровъ, перевезенныхъ въ одну экспедицію къ берегамъ Африки свыше 100,000 погибли самыми ужасными видами смерти, въ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ изгнанія изъ Испаніи». (Hist. of Civil. т. II. стр. 49—50). И это называлось на языкѣ современныхъ ханжей полнымъ, великимъ торжествомъ.

И дѣйствительно католическое духовенство торжествовало. Его пламенная ненависть къ еретикамъ наконецъ потухла въ холодной крови

ихъ; его эгоистическое изувѣрство не знало болѣе предѣловъ своему вліянію; во дворцѣ и въ пастушеском шалашѣ монахъ былъ главный судья и рѣшитель гражданскихъ помысловъ и чувствъ; его подстерегающій глазъ слѣдилъ за всѣми поступками людей и на всемъ оставлялъ слѣды своего наблюденія. Лицемѣріе и ложь сдѣлались обыкновенными свойствами испанца, который подъ латами рыцаря носилъ сердце и мозгъ Торквемады. Кто хотѣлъ проложить себѣ почетную карьеру и добиться обезпеченнаго положенія, тотъ поступалъ въ сословіе клерикаловъ, такъ что лучшіе испанскіе писатели, какъ напримѣръ, Сервантесъ и Лопе де-Вега были монахами или прелатами. При такомъ общемъ настроеніи народа правительство въ рукахъ духовенства было игрушкой. Все зависѣло—и совѣсть короля, и распоряженія министровъ, и безгласныя совѣщанія Кортесовъ — отъ тайныхъ или явныхъ внушеній духовнаго сословія. Теперь нечего было и думать о свободѣ мнѣнія или о развитіи образованія. Ночныя тѣни были слишкомъ густы, чтобъ пропустить хотъ одинъ лучъ свѣта. Всякая попытка смѣлаго ума преслѣдовалась, какъ ересь; всякая оригинальность идеи выкуривалась изъ общества, какъ зараза. «Всѣ вѣрили, замѣчаетъ Бёкль, и никто не хотѣлъ размышлять и изслѣдовать». Открытія въ области естественныхъ наукъ, получившія блистательное примѣненіе у другихъ народовъ, въ Испаніи строго запрещались; такъ философія Бэкона была отвергнута обскурантизмомъ профессоровъ, которые по прежнему жевали Аристотеля; великолѣпная теорія Ньютона не допускалась въ университетахъ подъ страхомъ наказанія; кровообращеніе Гарвея только черезъ полтораста лѣтъ сдѣлалось извѣстно Испаніи. Немудрено, что на всемъ полуостровѣ, среди населенія постоянно страдавшаго отъ эпидемическихъ болѣзней, не было ни одного порядочнаго медика и ни одного даже дурного натуралиста. Испанскіе прелаты, подобно нашимъ словянофиламъ, боялись нововведеній и совѣтовали держаться національной старины и почвы въ какія бы вязкія болота ни пришлось зайдти. А что это была за почва, на которой паслись эти ослиныя челюсти? Бёкль отзывается о ней слѣдующимъ образомъ: «невѣжество, въ которое сила противныхъ обстоятельствъ, погрузила Испанію и ея бездѣятельность, какъ физическая, такъ и умственная, были бы невѣроятны, если бъ не подтверждались очевидными фактами. Грамонъ, лично познакомившійся съ состояніемъ страны, во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, говоритъ, что высшіе испанскіе классы

не только не изучали наукъ или литературы, не едва кое-что знали изъ самыхъ общихъ событій, случившихся внѣ ихъ отечества. Нисшія сословія, прибавляетъ Грамонъ, были также лѣнивы и разсчитывали на иностранцевъ, чтобы собрать свою жатву, скосить сѣно и построить жилище. Другой очевидецъ мадридскаго общества въ 1679 году свидѣтельствуетъ, что люди даже высшаго круга вовсе не считали необходимымъ воспитаніе своихъ сыновей... Книги, если только это не были книги душеспасительнаго содержанія, признавались совершенно безполезными; никто не обращался къ нимъ, никто не собиралъ ихъ и до XVIII вѣка въ Мадридѣ не было ни одной публичной библіотеки. Въ другихъ городахъ, гдѣ образованіе офиціально было введено, преобладало такое же невѣжество. Саламанка была мѣстомъ самого стариннаго и знаменитаго университета и ужь если гдѣ, то здѣсь слѣдовало бы искать поощренія умственныхъ занятій. Но де-Торресъ, испанецъ, самъ учившійся въ Саламанкѣ въ началѣ XVIII вѣка, говоритъ, что онъ пять лѣтъ провелъ въ этомъ университетѣ, прежде чѣмъ услыхалъ, что существуютъ какія-то математическія науки». (Hist. of Civil. т. II стр. 72—73).

Къ чему же привели страну испанскіе славянофилы и почвенники? Чего добились эти ослиныя челюсти, на разныя голоса ревѣвшія противъ обще-человѣческихъ открытій, противъ освѣжающаго вліянія другихъ образованныхъ народовъ? Онѣ добились того, что умственная дѣятельность Испаніи, замкнутая въ свою душную и мрачную атмосферу, совершенно прекратилась; но вмѣстѣ съ ней прекратилась и всякая энергія мысли. Способности испанца до того отупѣли, что ни въ одной отрасли политическихъ, общественныхъ и ученыхъ занятій не видно было способнаго человѣка; всѣ прозябали среди глубокой безпечности и поразительной нищеты. Никто даже не чувствовалъ потребности въ другой, лучшей жизни; никто не сознавалъ, что эти милльоны рукъ и головъ, коснѣвшіе въ лѣности и неподвижности, были способны думать и дѣлать хорошія вещи и быть полезными не только себѣ, но и человѣчеству. Чтобы дорисовать картину испанскаго общества въ это время, я передамъ характеристику его словами самого Бёкля:

«Обозначить различныя стези, по которымъ Испанія клонилась къ упадку, едва возможно, особенно когда сами испанцы, стыдясь своей

собственной исторіи, не хотѣли сообщить потомству лѣтописи своего позора; такъ что напрасно мы стали бы искать у нихъ подробныхъ разсказовъ о презрѣнномъ правленіи Филиппа IV и Карла II, что̀, составляетъ періодъ почти восьмидесяти лѣтъ. Впрочемъ нѣкоторые факты мнѣ удалось собрать, и они очень важны. Въ началѣ XVII вѣка народонаселеніе Мадрида простиралось до 400,000 душъ, а въ началѣ XVIII вѣка, менѣе чѣмъ до 200,000. Севилья, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Испаніи, въ XVI вѣкѣ заключалъ въ себѣ болѣе шестнадцати тысячь ткацкихъ станковъ, занимавшихъ сто тридцать тысячь рабочихъ. Въ правленіе Филиппа V отъ этихъ шестнадцати тысячь уцѣлѣло менѣе, чѣмъ три тысячи, и въ отчетѣ Кортесовъ, представленномъ Филиппу IV въ 1662 году, говорилось, что въ городѣ уцѣлѣло только четверть прежняго народонаселенія, что даже виноградники и оливы, воздѣлываемые въ окрестностяхъ и приносившіе значительную долю благосостоянія этой странѣ, были почти совершенно брошены. Толедо, въ половинѣ XVI столѣтія имѣла свыше пятидесяти шерстяныхъ мануфактуръ, въ 1665 году ихъ оказалось только тридцать, и все торговое движеніе было перенесено маврами въ Тунисъ. По той же причинѣ искусство мануфактурной обработки шелка, которой славился Толедо, было вполнѣ уничтожено и около сорока тысячь людей, жившихъ этимъ ремесломъ, лишились всякихъ средствъ къ существованію. Другія отрасли промышленности испытали ту же участь. Въ XVI и въ началѣ XVII столѣтія Испанія славилась производствомъ перчатокъ, которыя выдѣлывались въ огромномъ количествѣ, и развозились по разнымъ частямъ свѣта, даже въ Индію, и особенно цѣнились въ Англіи и Франціи. Но Мартинецъ де-Мата, писавшій въ 1655 году, свидѣтельствуетъ, что въ это время этотъ источникъ богатства совершенно истощился; выдѣлка перчатокъ, прежде существовавшая, по словамъ его въ каждомъ испанскомъ городѣ, теперь прекратилась повсюду. Въ цвѣтущей провинціи Кастиліи все пришло въ запустѣніе; даже Сеговія закрыла свои фабрики и сохранила одно воспоминаніе о своемъ прежнемъ изобиліи. Паденіе Бургоса совершилось такъ же быстро; торговля этого славнаго города погибла; пустынныя улицы и безлюдные дома его представляли такую картину опустошенія, что одинъ современникъ, пораженный отсутствіемъ жизни, энергично выразился: Бургосъ потерялъ все, кромѣ своего имени. Въ другихъ мѣстностяхъ результаты были одинаково печальны. Превосходныя провин-

ціи юга, роскошно надѣленныя природой, прежде были такъ богаты, что въ случаѣ нужды однѣ могли своими налогами наполнить императорскую кассу; но теперь онѣ такъ быстро обнищали, что въ 1640 г. едва нашли возможнымъ обложить ихъ податью, которая была бы производительна. Во второй половинѣ XVII вѣка порядокъ вещей сдѣлался еще хуже; нищета и истощеніе народа превзошли всякое описаніе. Въ окрестныхъ селахъ Мадрида жители буквально умирали съ голоду, а земледѣльцы, имѣвшіе хлѣбные запасы, отказывались продавать его, потому что какъ ни нуждались они въ деньгахъ, но имъ было страшно видѣть кругомъ себя гибель своихъ семействъ. Вслѣдствіе этого столица находилась въ опасности остаться безъ хлѣба, и когда обыкновенныя угрозы не произвели своего дѣйствія, тогда нашли необходимымъ, чтобы кастильскій президентъ, сопровождаемый вооруженной силой и публичнымъ палачомъ обошелъ сосѣднія деревни и принуждалъ ихъ жителей везти свои произведенія на мадритскіе рынки. И это бѣдственное состояніе царило по всей Испаніи. Эта нѣкогда богатая и счастливая страна была покрыта толпой монаховъ и церковниковъ, которыхъ неутолимая хищность пожирала послѣднія крохи народнаго добра. Потому правительство, не смотря на крайнее безденежье, не могло ничего собрать съ народа. Взиматели податей, принужденные взыскивать недоимки, употребляли самыя отчаянныя продѣлки; они не только захватывали постели и всю домашнюю посуду, но снимали крыши съ домовъ и продавали эти матеріалы, за что попало. Жители обращались въ бѣгство; поля лежали невоздѣланными; множество людей умирало отъ нужды и болѣзней; цѣлыя деревни къ концу семнадцатаго вѣка были покинуты, и во многихъ городахъ болѣе двухъ третей домовъ лежали въ развалинахъ.»

«Среди этого поголовнаго разора Испанія потеряла свой духъ и энергію. Сила и жизнь прекратились во всѣхъ отправленіяхъ общественнаго организма. Испанскія войска потерпѣли пораженіе при Рокруа въ 1643 году, и нѣкоторые писатели приписываютъ этому пораженію уничтоженіе испанской военной репутаціи. Впрочемъ эта бѣда была однимъ изъ многихъ болѣзненныхъ симптомовъ. Въ 1656 году было предложено спустить небольшой флотъ, но число прибрежныхъ рыбныхъ ловлей до того упало, что невозможно было найдти матросовъ даже для тѣхъ немногихъ кораблей, которые тре-

бовались для флота. Морскія карты, давно извѣстныя въ странѣ, были затеряны или валялись забытыми; невѣжество испанскихъ мореходцевъ было такъ замѣчательно, что никто не хотѣлъ полагаться на нихъ. Что же касается до сухопутнаго войска, то въ одномъ отчетѣ объ Испаніи XVII столѣтія говорится, что большая часть испанскихъ солдатъ дезертировали изъ подъ своихъ знаменъ, а оставшіеся вѣрными влачились въ лохмотьяхъ и, не получая жалованья, умирали съ голоду. Изъ другихъ свѣденій видно, что нѣкогда могущественное королевство упало до беззащитнаго состоянія; пограничные города не имѣли стражи; крѣпости осунулись и развалились; запасныя депо были безъ аммуниціи, арсеналы безъ оружія, мастерскія безъ рабочихъ и даже искусство кораблестроенія исчезло».

«Между тѣмъ, какъ страна мучилась всеобщимъ истощеніемъ, какъ будто пораженная какимъ-нибудь смертельнымъ недугомъ, самыя ужасныя сцены разыгрывались въ столицѣ передъ глазами короля. Жители Мадрида голодали, и деспотическія мѣры, принятыя для снабженія города хлѣбомъ, оказывали только временное пособіе. Многіе валялись на улицахъ отъ истощенія и умирали тамъ, гдѣ падали; другіе встрѣчались на большихъ дорогахъ въ полуживомъ состояніи, и никто не хотѣлъ помочь имъ. Наконецъ народъ дошелъ до отчаянія и снялъ съ себя всякую отвѣтственность. Въ 1680 году не только мадридскіе рабочіе, но и многіе изъ торговыхъ людей составили шайки, громили частные дома, грабили и убивали жителей среди бѣлаго дня. Въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ XVII вѣка Мадридъ находился въ состояніи не постояннаго возстанія, а анархіи. Общество распустилось и, казалось, впало въ первоначальную дикость. Выражаясь энергическими словами одного современника—«свобода и стѣсненіе сдѣлались равно неизвѣстными». Обыкновенныя отправленія исполнительной власти прекратились, и мадридская полиція, не получавшая денегъ за свою службу, разбѣжалась и предалась грабительству. Далѣе, казалось, не было никакого средства помочь злу.» Дѣйствительно, поправить зло было трудно. Движеніе французской мысли XVIII вѣка отозвалось и въ Испаніи; свѣтъ, брошенный Вольтеромъ и энциклопедистами въ средневѣковую тюрьму, въ которой задыхалась Европа, отразился и на пиренейскомъ полуостровѣ; но это были косвенные лучи, скользнувшіе по песчаной землѣ. Правда, реформы Карла III и его открытая борьба съ духовенствомъ многое

измѣнили къ лучшему, но всѣ эти преобразованія были для Испаніи не больше, какъ гальваническимъ потрясеніемъ трупа. Послѣ Карла III наступилъ прежній порядокъ вещей, и Испанія, пробужденная на нѣсколько лѣтъ, снова заснула своимъ полумертвымъ сномъ. Тѣ же іезуиты, только не въ львиной, а въ овечьей шкурѣ, воротились въ свою классическую родину, тотъ же произволъ съ одной стороны и то же раболѣпіе съ другой господствовали въ обществѣ. Умственные и соціальные перевороты XIX вѣка, коснувшіеся самыхъ отсталыхъ народовъ, почти вовсе не коснулись Испаніи. Ея конституціонныя формы, ея муниципальныя учрежденія, ея свобода печати—все это доселѣ напоминаетъ своей неловкой пародіей лучшіе эпизоды изъ исторіи Донъ-Кихота. Дѣло въ томъ, что усилія отдѣльныхъ личностей, какъ это было въ 1812, 1820 и 1836 годахъ, были совершенно безсильны преобразовать народную жизнь. Всякая правительственная реформа въ сущности дѣлала гораздо больше вреда, чѣмъ пользы, потому что вызывала реакцію, которая еще глубже укореняла едва затронутое зло. Такъ, инквизиція, нѣсколько разъ отмѣняемая законами, снова возстановлялась тѣми же законами. И что особенно было дурно, — то же самое общество, которое видѣло на себѣ нѣкоторыя хорошія послѣдствія болѣе свободныхъ учрежденій, съ особенной любовію возвращалось къ старому порядку вещей, какъ будто этому обществу только и нужны были іезуитскія проповѣди, тюрьмы, костры инквизиціи и постоянный гнетъ, къ которому отчасти привыкъ народъ, развращенный множествомъ самыхъ пагубныхъ обстоятельствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣку, долго носившему цѣпи, не легко разставаться и съ ними, но все же лучше сбросить ихъ поскорѣе, если только онѣ не въѣлись въ живое мясо и не вросли въ самые члены... Разсматривая эту черту испанскаго раболѣпства, Бёкль приписываетъ ее отсутствію общественнаго мнѣнія, которое должно было дѣйствовать на улучшенія народной жизни снизу, а не ожидать его только сверху. Говоря о постоянномъ противодѣйствіи законодательному и административному прогрессу, онъ между прочимъ выражается такъ: «Все это было въ порядкѣ вещей. Все это было результатомъ длиннаго сцѣпленія причинъ, дѣйствовавшихъ впродолженіе тринадцати вѣковъ со времени открытія Аріанской войны. Эти причины довели испанцевъ до суевѣрія, такъ что стараться измѣнить ихъ природу посредствомъ законодательныхъ мѣръ было горькой насмѣшкой. Противъ суевѣрія есть только одно сред-

ство—знанiе; ничто другое не въ состоянiи очистить эту язву человѣческаго ума. Безъ знанiя гной этой язвы всегда останется, и рабъ не сдѣлается свободнымъ. Только знанiю законовъ и отношенiю вещей европейская цивилизацiя обязана своими успѣхами; но этого-то и недоставало Испанiи. И до тѣхъ поръ, пока этотъ недостатокъ не будетъ удаленъ, пока знанiе и его испытующiй духъ не прiобрѣтутъ права обсуживать предметы съ своей точки зрѣнiя мы напрасно будемъ надѣяться, что Испанiя съ ея литературой, университетами, законодателями и всякаго рода преобразователями можетъ выйдти изъ этого отчаяннаго состоянiя, въ которое поставило ее стеченiе обстоятельствъ. Ни одна политическая реформа, какъ бы она, повидимому, ни была благодѣтельна, не можетъ дать зрѣлыхъ плодовъ, если только не предшествуетъ ей общественное мнѣнiе, а всякому измѣненiю общественнаго мнѣнiя должно предшествовать знанiе». (Hist. of Civil. т. II, стр. 112).

Все это совершенно справедливо и понятно. Но какъ же распространить знанiе въ странѣ, гдѣ народное воспитанiе доселѣ находится въ рукахъ самаго темнаго сословiя — католическаго монашества? И какъ иначе воспитывать такой народъ, которому нравится получить свое образованiе изъ рукъ клерикальнаго сословiя? Что дѣлать съ такимъ обществомъ, которое между угнетенiемъ и вооруженнымъ возстанiемъ не знало никакой другой свободы; гдѣ между рабомъ и господиномъ нѣтъ другой независимой личности? Но допустимъ, что народное воспитанiе Испанiи перешло бы въ руки самого общества, безъ всякаго вмѣшательства въ его интересы духовной власти, то откуда же возьметъ средства для образованiя народъ бѣдный, едва существующiй произведенiями своей земли;—народъ, который до сихъ поръ толпами стекается къ воротамъ Мадрида и проситъ милостыни для спасенiя отъ голода Самъ же Бёкль утверждаетъ, что образованiю должны предшествовать другiя соцiальныя реформы, дающiя возможность нацiи приступить къ своему умственному развитiю. Кромѣ того, напрасно думаетъ историкъ, что хорошее общественное мнѣнiе, способное управлять нацiей въ самомъ лучшемъ видѣ, формируется только однимъ знанiемъ, какъ бы оно ни было обширно. У народа могутъ быть и отличныя школы, и цвѣтущая литература, и множество ученыхъ людей, и все-таки политическая жизнь этого народа не пойдетъ дальше испанской. Положимъ, что общественное мнѣнiе какой-нибудь страны

отлично развито въ извѣстномъ направленіи, напримѣръ, въ пониманіи своихъ промышленныхъ выгодъ, но оно можетъ быть очень тупо и недальновидно въ пониманіи другихъ интересовъ. Это случается часто даже съ народами весьма образованными. Общественная самодѣятельность, о которой у насъ такъ много наговорили всякаго вздору, вовсе не обусловливается тѣмъ, что народъ умѣетъ читать и писать, а другими, болѣе существенными обстоятельствами, самой обстановкой общественной жизни. Если эта жизнь сложилась такъ, что человѣкъ можетъ свободно дѣйствовать и самъ располагать своимъ положеніемъ, то ужь, конечно, онъ не откажется отъ этой свободы и не станетъ учиться ей изъ какой-нибудь арифметики. Кажется, не много толку надо имѣть на то, чтобы позаботиться о хлѣбѣ, когда я голоденъ и защитить себя, когда меня бьютъ. Чтобы пріобрѣсти такую самодѣятельность, вовсе не нужно ни ораторскихъ рѣчей въ парламентѣ, ни верхнихъ и нижнихъ палатъ, ни математическихъ диссертацій, а надо устроиться въ обществѣ такъ, чтобъ не быть ни голоднымъ, ни битымъ. Странно было бы думать, что мы возстаемъ противъ образованія; совсѣмъ не то; мы готовы горячо защищать его великія права и несомнѣнную пользу, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ мы приписывали ему всеобъемлющее вліяніе и такую силу, какой оно на самомъ дѣлѣ не имѣетъ. Образованіе хорошо дѣйствуетъ и приноситъ огромную пользу тамъ, гдѣ и другія соціальныя условія не худы. А какія эти условія и какъ они добываются народомъ? Это вопросъ вовсе не хитрый.

Обращаюсь къ Испаніи. Оцѣнивая всю безплодность реформъ Карла III и его преемниковъ, Бёкль доходитъ до того заключенія, что пока нація необразованна, лучше не трогать ее реформами и оставить въ томъ же состояніи, въ какомъ она кисла нѣсколько вѣковъ. Но потому, что Карлу III не удалось достигнуть болѣе счастливыхъ результатовъ, никакъ еще нельзя порѣшить, что испанскій народъ отпѣтый и погибшій народъ. Преобразованія Карла III и всѣхъ его послѣдователей были тѣмъ неудачны, что ограничивались полумѣрами тамъ, гдѣ требовались полныя и широкія мѣры. Притомъ реформаціонный темпераментъ XVIII вѣка былъ вообще довольно близорукій; онъ дѣйствовалъ въ кругу чисто-административномъ или законодательномъ, и мало обращалъ вниманія на коренные общественные принципы; онъ улучшалъ и передѣлывалъ самое государство, его механическій со-

ставъ, а не понятія и жизнь самаго народа. Поэтому не рѣдко случалось то, что администрація была доведена до совершенства, законы написаны на все и для всѣхъ, полиція превосходная, столица самая богатая, были дороги и каналы, по дорогамъ разъѣзжали щегольскіе экипажи, по каналамъ плавало множество судовъ и лодокъ, а жизнь народа все таки никуда не годилась — была бѣдна и во всемъ ограниченна. Такія реформы, очевидно, не могли коснуться дальше поверхности и измѣнить порядокъ вещей въ самой его сущности. Въ Испаніи особенно онѣ были безполезны, потому что тамъ ничего нельзя было сдѣлать полумѣрами. Народъ страдалъ не временными и случайными недостатками, а искаженъ былъ исторіей тринадцати вѣковъ и безпрерывнымъ рядомъ несчастныхъ событій. Здѣсь нужны были такія же радикальныя средства, какъ ридикальна была самая болѣзнь. Но этихъ-то радикальныхъ средствъ не предложили Испаніи ни Карлъ III, ни его преемники. Въ противномъ случаѣ результаты были бы совершенно другіе.

Говоря о натянутости нѣкоторыхъ выводовъ Бёкля, я кстати укажу здѣсь и на другой недостатокъ его исторіи, о которомъ я упомянулъ прежде. Сознавая вполнѣ всю важность матеріальнаго благосостоянія народа, тѣсно связывая съ нимъ развитіе умственной и политической стороны общества, Бёкль мало или почти вовсе не обращаетъ вниманія на экономическія условія Испаніи. Онъ не даетъ намъ по этому предмету ни статистическихъ цифръ, ни историческихъ данныхъ. Такихъ общихъ показаній, какъ слѣдующія: тогда-то въ Испаніи было столько населенія, столько мануфактуръ и рабочихъ, въ такомъ-то мѣстѣ производились шерстяныя матеріи, а въ такомъ-то шелковыя, — этихъ общихъ показаній слишкомъ мало, чтобы понимать дѣйствительное богатство или бѣдность народа. Читателю было бы интересно войдти вслѣдъ за историкомъ въ самыя подробности будничной жизни каждаго сословія, проникнуть въ хижину земледѣльца, посмотрѣть на его домашнюю обстановку, присутствовать за столомъ во время его обѣда, узнать въ точности, сколько въ его амбарѣ хлѣба для пропитанія семьи и для продажи на рынкѣ, сколько часовъ въ день онъ работаетъ для своего существованія, почему голодаетъ и на что тратитъ попусту свои силы. Точно такъ же было бы любопытно заглянуть въ лавку купца и въ мастерскую фабриканта, въ кабинетъ ученаго, въ залу аристократа и въ келью монаха, познакомиться съ

ихъ образомъ жизни, съ ихъ роскошью и недостатками, и провѣрить, какъ распредѣлялся трудъ и капиталъ между этими сословіями. Когда бы историкъ ввелъ насъ въ эту интимную жизнь испанскаго общества, тогда многія событія объяснились бы сами собою; тогда мы могли бы лучше судить о соціальныхъ причинахъ, задерживавшихъ народное развитіе, какъ умственное, такъ и политическое. Намъ нѣтъ дѣла до побѣдъ, внѣшнихъ завоеваній, и административныхъ реформъ—всѣ эти факты случайные, въ которыхъ народъ принимаетъ участіе только пассивной стороной своего быта; онъ несетъ тяжесть войнъ, кормитъ своихъ правителей, и за тѣмъ больше ничего не знаетъ. Но онъ живетъ и дѣйствуетъ въ тѣхъ низшихъ и для нашей аристократической учености незамѣтныхъ сферахъ, въ которыхъ происходитъ страдная и безпрерывная работа; тамъ онъ кладетъ свой потъ и свою кровь, свои силы и достояніе. Правда, эти темныя сферы вовсе непривлекательны для наблюдателя, привыкшаго изучать верьхи государственной мудрости; отъ этихъ сферъ несетъ дымомъ курной избы, запахомъ угольной копи, сыростью подземной дороги, вонью мозолистыхъ рукъ, но здѣсь-то и дѣлается все, чѣмъ мы гордимся и наслаждаемся въ своей цивилизаціи. Бёкль едва коснулся этой стороны въ жизни народовъ, и тѣмъ отнялъ самый жизненный нервъ въ своемъ сочиненіи. Нѣтъ спору, что историку нашего времени почти невозможно располагать такимъ богатствомъ метеріаловъ, чтобы изучить во всей подробности жизнь какого бы-то ни было народа; но въ такомъ случаѣ нельзя произносить и рѣшительныхъ приговоровъ надъ исторической судьбой тѣхъ или другихъ націй.

Неполнота и разбросанность моего взгляда на книгу Бёкля, вынужденная разными посторонними обстоятельствами, обязываетъ меня еще разъ обратиться къ этому замѣчательному произведенію; но мнѣ нужно время для соображеній и прочтенія нѣсколькихъ книгъ, чтобы досказать послѣднее слово объ этомъ писателѣ, и потому я не обѣщаю окончательной статьи о Бёклѣ раньше Іюньской книжки; тамъ же я намѣренъ оцѣнить достоинство русскихъ переводовъ Бёкля въ изданіи г. Тиблена и г. Буйницкаго, а теперь только посовѣтую читать «Исторію англійской цивилизаціи» въ оригиналѣ—всякому, кто знаетъ англійскій языкъ. Въ заключеніе же настоящей статьи не считаю лишнимъ привести здѣсь общее воззрѣніе Бёкля на испанскую цивилизацію.

Представивъ анализъ умственнаго состоянія Испаніи, съ которымъ мы познакомились выше, Бёкль резюмируетъ его такъ: «теперь читатель можетъ понять настоящее значеніе испанской цивилизаціи. Онъ видитъ, сколько подъ громкими словами преданности и религіи скрывается тайныхъ и смертельныхъ золъ, которыя историкъ долженъ вывести на свѣтъ. Слѣпое повиновеніе, принимающее видъ недостойнаго раболѣпства передъ престоломъ и церковью, есть главный и существенный порокъ испанскаго народа. Это ихъ единственный національный порокъ, но его было достаточно, чтобы сгубить Испанію. Многія націи тяжело страдали имъ и доселѣ страдаютъ, но нигдѣ въ Европѣ онъ такъ долго не господствовалъ, какъ въ Испаніи; поэтому нигдѣ онъ не имѣлъ такихъ поразительныхъ и роковыхъ послѣдствій, какъ здѣсь. Идея свободы, если только въ истинномъ значеніи этого слова она гдѣ нибудь существовала, въ Испаніи была убита. Были здѣсь взрывы и будутъ впереди; но это скорѣе взрывы анархіи, чѣмъ свободы. У самыхъ образованныхъ народовъ всегда есть стремленіе сообразоваться съ законами, даже несправедливыми, но повинуясь имъ, въ то же время требовать отмѣны ихъ; потому что гораздо лучше отклонять злоупотребленія, чѣмъ противиться имъ. Между тѣмъ какъ мы покоряемся частному неудобству, мы нападаемъ на систему, изъ которой это неудобство вытекаетъ. Чтобы нація стала на такую точку зрѣнія,—для этого необходима извѣстная зрѣлость ума, невозможная въ мрачные періоды европейской исторіи. Поэтому мы видимъ, что въ средніе вѣка хотя и были частныя смуты, но рѣдко случались возстанія. Съ шестнадцатаго же столѣтія мѣстные безпорядки уменьшаются, но ихъ поглощаютъ большія революціи, которыя уничтожаютъ несправедливость въ самомъ ея источникѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта перемѣна благодѣтельна; отчасти потому, что всегда полезно восходить отъ дѣйствій къ самымъ причинамъ и отчасти потому, что революціи случаются рѣже, чѣмъ мѣстные безпорядки, и слѣдовательно общественный миръ подвергается меньшимъ потрясеніямъ, если люди ограничиваются широкими преобразованіями. Кромѣ того мѣстные взрывы почти всегда вредны, а общіе перевороты всегда справедливы»...

«Въ Испаніи никогда не было общаго переворота или великой національной революціи. Народъ хотя часто жилъ безъ закона, но онъ никогда не былъ свободнымъ. Въ немъ еще доселѣ сохранилась эта особенная черта варваровъ, которая заставляетъ ихъ предпочитать

случайную анархію систематической свободѣ. Въ Испаніи встрѣчаются чувства, общія нашей природѣ, которыхъ не могло задавить даже раболѣпіе и которыя повременамъ возбуждаютъ народъ къ сопротивленію несправедливости. Къ счастію, эти инстинкты—неотъемлемый удѣлъ человѣчества; они проявляются противъ нашей воли и часто составляютъ послѣднее средство противъ нелѣпостей тиранніи. И все это до сихъ поръ существуетъ въ Испаніи. Поэтому если испанцы возстаютъ противъ зла, то не потому, что они испанцы, а потому, что люди. Но даже въ самомъ сопротивленіи ихъ видно раболѣпіе.»

«Въ связи съ этими привычками ума, столь свойственными природѣ испанцевъ, мы находимъ въ нихъ уваженіе къ старинѣ, необыкновенную живучесть старыхъ мнѣній, старыхъ вѣрованій, старыхъ обычаевъ, напоминающихъ о тѣхъ тропическихъ цивилизаціяхъ, которыя нѣкогда процвѣтали. Эти предразсудки нѣкогда были общи всей Европѣ; но съ шестнадцатаго вѣка они стали умирать и, говоря сравнительно, теперь почти вездѣ изчезли за исключеніемъ Испаніи, гдѣ доселѣ благоденствуютъ. Въ этой странѣ они сохранили первобытную силу и производятъ ихъ естественные результаты. Поддерживая въ себѣ убѣжденіе, что всѣ болѣе важныя истины для нашего знанія уже давно извѣстны, испанцы не стремятся впередъ и не смотрятъ съ надеждой на будущее, безъ которой ничего великаго нельзя сдѣлать. Народъ слишкомъ слѣпо преданный своему прошлому, никогда не станетъ заботиться о своемъ внутреннемъ прогрессѣ; онъ едва способенъ вѣрить, что прогрессъ возможенъ. Для такого народа древность служитъ синонимомъ мудрости и всякое улучшеніе считается опаснымъ нововведеніемъ. Въ этомъ состояніи гнила Европа впродолженіе многихъ вѣковъ; въ этомъ состояніи гніетъ Испанія до сихъ поръ. Поэтому испанцы замѣчательны по ихъ неподвижности, по отсутствію стремленій и надеждъ, что въ нашъ дѣловой и предпріимчивый вѣкъ отдѣляетъ ихъ отъ остального образованнаго міра. Думая, что надо дѣлать мало, они не спѣшатъ дѣлать и это малое. Думая, что наслѣдственное ихъ знаніе гораздо выше того, что они могли бы еще прибавить къ нему, они хотятъ сберечь свои умственныя пріобрѣтенія цѣлыми и нетронутыми, какъ будто малѣйшее измѣненіе ихъ можетъ ослабить ихъ цѣну»......

«Въ результатѣ всего этого оказывается то, что наперекоръ правительственныхъ усилій, наперекоръ иностраннаго вліянія и на-

перекоръ физическихъ улучшеній, касающихся поверхности общества, но неспособныхъ проникнуть въ глубь его, въ Испаніи нѣтъ никакихъ признаковъ національнаго движенія; духовенство скорѣе усилилось, чѣмъ ослабѣло; малѣйшее покушеніе противъ католичества поднимаетъ народъ. Ни развратъ клерикальнаго сословія, ни отвратительные пороки, замаравшіе правительство въ настоящее столѣтіе—ничто не можетъ подорвать суевѣрія и рабскаго чувства, напечатлѣнныхъ вѣками на умѣ и въѣвшихся въ сердце испанской націи».

Григ. Благосвѣтловъ.

РОМАНИЧЕСКІЙ ЭПИЗОДЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ. Переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ, издалъ съ примѣчаніями и дополненіями П. Пекарскій. С.-Петербургъ. 1862).

Царствованія и правленія, властители и властительницы, внезапно и быстро смѣнявшіеся одни другими въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ цесаревны Елизаветы Петровны, представляютъ рядъ событій и лицъ, которыя такъ и просятся не въ исторію, а въ романъ чуть не фантастическаго содержанія. Императрицы, никогда и не думавшія быть императрицами; императоръ-отрокъ, императоръ-младенецъ; правитель, неразумѣющій ни слова по-русски, и *только лишь о лошадяхъ говорящій, какъ человѣкъ, о людяхъ же разсуждающій, какъ истинный скотъ* *); правительница, едва не падающая въ обморокъ при одномъ словѣ «дѣла»; временщики и фавориты, не знающіе удержу своему произволу, своей дерзости и нахальству; десятки гвардейцевъ, производящіе въ нѣсколько часовъ государственные перевороты; безконечныя интриги и каверзы; неимовѣрно быстрыя возвышенія и столь же неимовѣрно быстрыя паденія; доносы, допросы, пытки, казни, застѣнки, эшафоты, сюрпризы всѣхъ родовъ и видовъ, отъ кончины Петра I-го до неожиданнаго ночнаго ареста младенца-императора Іоанна III, его родителей и сторонниковъ,—вотъ что составляетъ исторію государства въ теченіе шестнадцати лѣтъ, съ 1725 по 1742 годъ. Сценами дѣйствій то Петер-

---

*) Подлинный отзывъ объ Эрнстѣ-Іоганнѣ Биронѣ австрійскаго посланника графа фонъ-Остейна.

бургъ, то Москва; слова «Россія», «россійскій», «россійское» мечутся въ глаза безпрестанно, но читателю все-таки вѣрится не вдругъ, что онъ читаетъ о подвигахъ и дѣяніяхъ, совершавшихся на лонѣ достолюбезнаго отечества его. Передъ нимъ выступаютъ, двигаются, повелѣваютъ, распоряжаются герцоги и герцогини курляндскіе, принцессы мекленбургскія, принцы Брауншвейгъ-люнебургскіе, фонъ-Минихи, фонъ-Остерманны, фонъ-Левенвольде, фонъ-Менгдены, фонъ-Кейзерлинги, фонъ-Бисмарки и многое множество всякихъ иноземцевъ, по преимуществу германскаго происхожденія. Они и на тронѣ, и у трона, и въ кабинетѣ, и въ коллегіяхъ, и въ арміи, и вездѣ, гдѣ только требуется приказывать, управлять и чинить судъ и расправу; въ испускаемыхъ ими ослѣпительно-яркихъ лучахъ блѣднѣютъ и тонутъ самыя знатныя русскія фамиліи, самыя заслуженныя русскія имена, а ужь о томъ, что̀ называется русскимъ народомъ, и говорить нечего. Для этого народа, правда, выставляются иногда на площадяхъ жареные быки и устроиваются бьющіе бѣлымъ и краснымъ виномъ фонтаны; о его благоденствіи и счастіи упоминается очень часто въ разныхъ манифестахъ и указахъ, но на самомъ дѣлѣ, въ жизни дѣйствительной, обыденной, народъ пользуется неотъемлемо лишь однимъ ненарушимымъ правомъ — платить и отбывать сколь возможно аккуратнѣе всѣ налагаемыя на него подати и повинности, подъ опасеніемъ, въ случаѣ неисправности, познакомиться съ Доимочнымъ приказомъ и всякаго рода инструментами и снарядами, изобрѣтенными остроумнымъ человѣчествомъ для исправленія непокорныхъ и строптивыхъ...

Такое исправленіе непокорныхъ и строптивыхъ съ особеннымъ рвеніемъ производится въ то мрачное, кровавое десятилѣтіе, которое русскій человѣкъ обозначилъ наименованіемъ бироновщины. Десятилѣтіе это начинается съ апрѣля 1730 года и продолжается до 9 ноября 1740. Въ этотъ день декораціи внезапно и быстро перемѣняются. Ненавистный герцогъ курляндскій отправляется искупать грѣхи свои сначала въ шлиссельбургскую крѣпость, а потомъ въ Пелымъ; правительницею имперіи провозглашается молодая, добрая женщина, мать царствующаго, но еще лежащаго въ колыбели императора,—и измученная, придавленная Россія начинаетъ оживать и дышать вольнѣе. И на тронѣ, и у трона, и въ кабинетѣ, и въ коллегіяхъ, и въ арміи, и вездѣ, гдѣ только требуется повелѣвать и распоряжаться—все еще иноземцы съ мудреными именами и

прозвищами, съ непомѣрнымъ самоуваженіемъ и не менѣе непомѣрнымъ презрѣніемъ къ питающей и грѣющей ихъ Россіи; но Россія все-таки уже далеко не съ прежней ненавистью смотритъ на своихъ надменныхъ пѣстуновъ и командировъ. Снисходительность и кротость, господствующія на тронѣ, волею-неволею сообщаются всѣмъ власть имѣющимъ; застѣнки пусты и безмолвны; эшафотовъ не видно; заплечные мастера томятся скукой бездѣйствія; изъ Сибири тянутся на родину цѣлыя полчища возвращаемыхъ ссыльныхъ, и все это невольно привлекаетъ къ доброй правительницѣ признательныя русскія сердца. Ее любятъ, ее хвалятъ, ей, притомъ, приписываютъ всѣ хорошія мѣры и распоряженія, въ которыхъ, на самомъ дѣлѣ, она принимала участіе одной лишь своей подписью; когда же, 25 ноября 1741 года, новый, неожиданный переворотъ перемѣнилъ опять декораціи, и вызвалъ новыхъ дѣйствующихъ лицъ—русскіе люди непритворно жалѣютъ свою низвергнутую правительницу—не смотря на то, что эту иноземку замѣнила собой настоящая русская царевна, дочь законнаго русскаго царя, государя императора Петра Алексѣевича.

«Во время переворота, низвергшаго герцога Курляндскаго — пишетъ Манштейнъ по поводу романическаго вступленія на престолъ Елизаветы Петровны—всѣ искренно радовались, и улицы оглашались одними лишь криками удовольствія. Не то было при восшествіи на престолъ Елизаветы. На всѣхъ лицахъ замѣчался какой-то страхъ; каждый боялся или за себя, или за своихъ родныхъ и близкихъ. Успокоились только черезъ нѣсколько дней».*)

Но не смотря на это, Елизавета Петровна безпрепятственно утвердилась на россійскомъ императорскомъ престолѣ, и то, чего такъ опасались наши заморскіе пѣстуны и командиры, наконецъ-таки совершилось ко всеобщей радости всѣхъ русскихъ. Вліяніе нѣмцевъ рухнуло, господство ихъ миновало, и даже лучшимъ изъ нихъ — людямъ, оказавшимъ, безспорно, много пользы Россіи — самой тяжелой цѣной пришлось искупить свое недавнее величіе. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы кончилась и романическая, по преимуществу, эпоха русской исторіи. Романическіе эпизоды, романическія лица и приключенія выдавались не разъ и послѣ этого времени,

---

*) *Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie,* par le général de Manstein, p. 420.

но уже такихъ поразительныхъ сюрпризовъ, такихъ нечаянностей, такихъ сказочныхъ государственныхъ переворотовъ, какими ознаменована эпоха съ 1725 по 1742 годъ, не было впослѣдствіи никогда. Авантюристы-нѣмцы со сцены исчезли; царствованія стали продолжительнѣе и спокойнѣе; порядокъ престолонаслѣдія нѣсколько опредѣлился; къ нововведеніямъ и преобразованіямъ, на первый разъ было совсѣмъ ошеломившимъ и сбившимъ съ толку весь русскій людъ, понемногу попривыкли, — и государственная жизнь Россіи приняла свое обычное, правильное теченіе, съ періодическими приливами и отливами, съ тишью, гладью и Божьей благодатью, изрѣдка лишь нарушаемыми легкими бурьками и шкваликами, на мигъ поднимавшими и взбудараживавшими величаво-сонныя волны...

Романическія событія 1740 и 1741 годовъ, эффектно замыкающія собой цѣлый рядъ романическихъ событій, составляющихъ исторію государства россійскаго съ кончины Петра Великаго до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, не разъ уже были описаны и на русскомъ, и на иностранныхъ языкахъ; но книга, заглавіе которой выставлено въ началѣ нашей статьи, повѣствуетъ объ этихъ событіяхъ едва ли не самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ. Маркизъ де-ла-Шетарди, какъ извѣстно, принималъ непосредственное и дѣятельнѣйшее участіе въ переворотѣ, доставившемъ императорскую корону цесаревнѣ Елизаветѣ, а потому депеши его, переведенныя и изданныя г. Пекарскимъ, въ высшей степени любопытны. Интриги и происки французскаго двора, ловкіе маневры ловкаго и хитраго французскаго посланника, отношенія его къ разнымъ лицамъ и партіямъ петербургскаго правительства и общества, притязанія и надежды Швеціи, разные крупные и мелкіе факты, предшествовавшіе катастрофѣ 25 ноября 1741 года, — все это, при чтеніи депешъ маркиза де-ла-Шетарди, оживаетъ и проносится передъ читателемъ съ тѣми животрепещущими подробностями и деталями, которыя служатъ всегда отличительными признаками разсказовъ современниковъ— очевидцевъ описываемыхъ ими событій. Обстоятельство это имѣетъ, впрочемъ, и другую сторону — *оборотную сторону медали.* Какъ непосредственный и заинтересованный участникъ во всѣхъ описываемыхъ имъ событіяхъ, Шетарди, по общей всѣмъ смертнымъ слабости, кое-что мѣстами прикрашиваетъ, кое-что преувеличиваетъ, кое-что проходитъ умышленнымъ молчаніемъ,—словомъ, прежде всего старается о томъ, чтобы въ наиблагопріятнѣйшемъ свѣтѣ выставить

свою собственную личность, свою блестящую дѣятельность и пламенный патріотизмъ, выражающійся преимущественно въ восхваленіяхъ высокой мудрости Людовика XV и его эминенціи, кардинала Флёри. Подобное стараніе неминуемо влечетъ за собой кое-какія историческія неточности и невѣроятности; но разсматриваемая нами книга даетъ возможность провѣрить и оцѣнить надлежащимъ образомъ почти всѣ свѣденія, сообщаемыя французскимъ посланникомъ. Къ переводу депешь Шетарди г. Пекарскій присоединилъ много разныхъ примѣчаній и поясненій, заимствованныхъ частію изъ дѣлъ государственнаго архива, частію изъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій въ родѣ исторіи Германна, *la cour de Russie il y a cent ans,* записокъ Манштейна, двухъ Миниховъ, князя Шаховского и т. п. Все это составляетъ очень почтенную книгу въ 638 страницъ убористой печати, и если книгу эту осилитъ далеко не всякій изъ числа такъ называемой публики, то виною тому вовсе не содержаніе и достоинство *маркиза де-ла-Шетарди въ Россіи*, за котораго люди, интересующіеся и занимающіеся русской исторіей скажутъ навѣрное спасибо г. Пекарскому. Переведенныя и изданныя имъ депеши могутъ смѣло стать рядомъ съ депешами французскихъ и англійскихъ пословъ, напечатанными подъ названіемъ *La cour de Russie il y a cent ans*, и эти двѣ книги послужатъ всегда самымъ лучшимъ пособіемъ для знакомства съ романическимъ, по преимуществу, эпизодомъ изъ русской исторіи, заключающимъ въ себѣ царствованіе императора Іоанна Антоновича, регентство Эрнста-Іоганна Бирона, герцога Курляндскаго и Семигальскаго, и правленіе Анны Леопольдовны, такъ внезапно и драматически прерванное ротою преображенскихъ гренадеръ...

Послѣднее событіе, неразрывно связанное съ именемъ маркиза де-ла-Шетарди, было, дѣйствительно, главнѣйшимъ предметомъ заботъ и стараній французскаго посланника почти съ первой минуты прибытія его въ Россію. Шетарди прибылъ въ Петербургъ 15 декабря 1739 года. Ѣхалъ онъ въ хладную «Московію» съ пламеннымъ желаніемъ показать дикимъ «московитамъ», во всѣхъ отношеніяхъ, что̀ значитъ Франція»; а по этой причинѣ маркиза сопровождала многочисленная свита, состоявшая изъ 12 кавалеровъ, секретаря, 8 духовныхъ лицъ, 50 пажей, камердинеровъ и ливрейныхъ лакеевъ и 6 поваровъ подъ главнымъ руководствомъ тогдашней кулинарной знаменитости—Баридо̀, перваго знатока въ дѣлѣ хорошо поѣсть, по отзыву саксонскаго графа Мантейфеля. Кромѣ того, французскій посланникъ везъ

съ собою множество великолѣпнѣйшихъ, по послѣдней модѣ сшитыхъ платьевъ и до ста тысячь бутылокъ тонкихъ французскихъ винъ, между которыми одного шампанскаго было 16,800 бутылокъ. Съ помощью всѣхъ этихъ сокровищъ Шетарди надѣялся произвести потрясающій эффектъ въ «Московіи», о которой имѣлъ чисто французскія понятія. Чисто французскія понятія, чисто французскія качества украшали вообще маркиза въ изобиліи — но при этомъ онъ былъ все-таки человѣкъ недюжинный, и вотъ какъ (очень вѣрно) характеризовала его одна нѣмка, герцогиня Луиза-Доротея:

«Я нахожу его довольно разсудительнымъ для француза, — писала она къ графу Мантейфелю—онъ уклончивъ, вѣжливъ, краснорѣчивъ, всегда говоритъ изящно и изысканно. Короче—это единственный изъ знакомыхъ мнѣ французовъ, котораго нахожу я болѣе сноснымъ и занимательнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показался мнѣ похожимъ на хорошій старый рейнвейнъ: вино это никогда не теряетъ усвоеннаго имъ отъ почвы вкуса, и въ то же время, по отзыву пьющихъ его въ нѣкоторомъ количествѣ, отягчаетъ голову и потомъ надоѣдаетъ. То же самое и съ нашимъ маркизомъ: у него бездна пріятныхъ и прекрасныхъ качествъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе чувствуешь, что къ нимъ примѣшана частица этой врожденной заносчивости, которая почти никогда не покидаетъ француза, какого бы ни былъ онъ званія и возраста». *)

Положеніе Шетарди, въ качествѣ французскаго посланника въ Петербургѣ, было не легкое. Почти во все царствованіе императрицы Анны Іоанновны французское правительство находилось въ разладѣ съ русскимъ, главнымъ образомъ потому, что послѣднее постоянно держало сторону первой въ то время непріятельницы Франціи—Австріи. Вмѣшательство наше, въ 1734 году, въ польскія дѣла,—вмѣшательство, разрушавшее всѣ планы версальскаго кабинета относительно возведенія на польскій престолъ тестя Людовика XV, Станислава Лещинскаго, чуть было не повело насъ къ окончательному разрыву съ *великой націей*; но все дѣло, однако же, кончилось отозваніемъ изъ Петербурга французскаго резидента Маньяна, послѣ отъѣзда котораго между русскимъ и французскимъ дворами не было никакихъ дипломатическихъ сношеній до 1739 года. Въ этомъ году посланъ былъ въ Парижъ бывшій до того времени русскимъ министромъ въ Лондонѣ князь Антіохъ Кантемиръ; версальскій же дворъ назна-

---

*) *Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи* и проч.

чилъ было сначала въ Петербургъ графа Вольгренана, но потомъ, вмѣсто него, отправилъ маркиза де-ла-Шетарди. Въ инструкціи, данной по этому случаю маркизу, возобновленіе дипломатическихъ сношеній съ Россіею объяснялось въ такихъ выраженіяхъ:

«Уже давно видимая наклонность русскаго двора къ вѣнскому и безнадежность вступить въ какія-либо полезныя сношенія съ первымъ изъ нихъ заставляли короля не имѣть тамъ уполномоченнаго отъ себя министра. Когда же событія послѣ смерти короля Августа польскаго, случившейся въ 1733 году, обнаружили совершенно принципы русскаго двора, тогда его величество былъ поставленъ въ необходимость отозвать лицо, которое, безъ дипломатическаго характера, обязано было вести дѣла въ Петербургѣ. Король, не имѣя никакихъ сношеній съ Россіею, не требовалъ бы ея содѣйствія къ избранію короля Станислава на польскій престолъ и даже не жаловался бы на оппозицію, ею высказанную при этомъ, если бы не огорчили его величество поступки Россіи вопреки принятыхъ приличій, не только не исполненіемъ капитуляціи съ тремя французскими батальонами, объявленными плѣнными въ Данцигѣ, но также лишеніемъ свободы маркиза Монти, его посланника въ Польшѣ, что совершенно противно народному праву. Самое большое пожертвованіе, которое могъ сдѣлать король, по усиленнымъ убѣжденіямъ вѣнскаго двора, было согласиться предоставить Россіи понять все это самой, прежде домогательства о гласномъ удовлетвореніи. Его величество, изъ угожденія императору, удовольствовался сдѣланнымъ наконецъ Россіею признаніемъ Станислава королемъ польскимъ. Послѣ такой великой уступки со стороны его величества, Россія не могла льстить себя надеждою, чтобы Франція сдѣлала какую-нибудь попытку для возобновленія сношеній, и хорошо чувствовала, что ей первой слѣдовало сдѣлать это. Потому ли, что царица наконецъ поняла все, чѣмъ она обязана его величеству, или война, жестоко разгорѣвшаяся съ Турціею, заставила ее предвидѣть, что содѣйствіе Франціи можетъ быть ей полезно, или наконецъ предстоящее засѣданіе чиновъ въ Швеціи, въ которомъ предвидится преобладаніе Франціи, возбуждало впредъ нѣкоторыя опасенія,—только эта государыня не замедлила выразить желаніе о забвеніи прошлаго и мнѣніи при обоихъ дворахъ министровъ съ представительнымъ характеромъ, предоставивъ на выборъ его величества этотъ характеръ. Такимъ образомъ, послѣ назначенія во Францію князя Кантемира, который уже сюда и прибылъ, его величество рѣшился назначить посланника въ Петербургъ, и не было причинъ отличать это назначеніе, особенно послѣ принятія Россіею посредничества короля въ заключеніи мира съ Портою».*)

---

*) Тамъ же с. 34 и 35.

Затѣмъ въ инструкціи излагались довольно обстоятельно всѣ обязанности Шетарди, какъ посланника, всѣ цѣли, къ которымъ онъ долженъ былъ стремиться, всѣ планы, объ осуществленіи которыхъ долженъ былъ онъ хлопотать изо всѣхъ силъ. Прежде всего говорилось объ аудіенціи, о сопровождающихъ ее церемоніалѣ и разныхъ формальностяхъ, о визитѣ къ статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ и т. п. Относительно церемоніала, Шетарди отнюдь не слѣдовало забывать, «что его величеству (*королю французскому*) въ лицѣ, которое его представляетъ, воздаются почести, одинаковыя съ императоромъ (*австрійскимъ*)»; а потому французскій посланникъ «обязанъ требовать равенства въ почестяхъ; въ случаяхъ же, которые не имѣли бы прежде примѣровъ и въ которыхъ могъ бы сомнѣваться маркизъ касательно уваженія къ своему званію, онъ долженъ требовать письменнаго удостовѣренія, что никакой императорскій посланникъ не будетъ иначе принимаемъ при подобныхъ обстоятельствахъ» *). За симъ инструкція предписывала слѣдующее:

«Послѣ всего того, что происходило между Россіею и Франціею, и что не даетъ посланнику права выражать царицѣ увѣренія въ самой нѣжной и совершенной дружбѣ, онъ, представляя свою вѣрительную граммату, долженъ ограничиться засвидѣтельствованіемъ удовольствія, которымъ преисполненъ его величество при возобновленіи добрыхъ сношеній, дозволяющихъ нынѣ взаимно имѣть министровъ, и увѣрять, что король, посредникъ съ Портою, искренно желаетъ прочнаго мира. Въ томъ же духѣ маркизъ де-ла-Шетарди долженъ говорить герцогу курляндскому, графу Остерману и другимъ министрамъ» **).

Упоминая далѣе въ инструкціи о бракѣ Анны Леопольдовны съ принцемъ Брауншвейгскимъ Антономъ - Ульрихомъ, французское правительство задавало себѣ или, лучше сказать, своему посланнику такіе вопросы: не уменьшилось ли вліяніе герцога Курляндскаго, и не будетъ ли русскій дворъ болѣе, чѣмъ когда-либо, привязанъ къ видамъ и выгодамъ вѣнскаго, который, повидимому, царица почитаетъ необходимымъ для своихъ намѣреній и наслѣдованія своей племянницы?

«Это послѣднее обстоятельство — говорилось въ инструкціи — подтверждаетъ только давнишнюю мысль его величества, что Россія въ от-

*) Тамъ же с. 36.

**) Тамъ же с. 36 и 37.

ношенія къ равновѣсію на сѣверѣ достигла слишкомъ высокой степени могущества, и что въ отношеніи настоящихъ и будущихъ дѣлъ Австріи союзъ ея съ австрійскимъ домомъ чрезвычайно опасенъ. Въ дѣлѣ по дѣламъ Польши, какъ злоупотреблялъ вѣнскій дворъ этимъ союзомъ. Если онъ могъ въ недавнее время привести на Рейнъ корпусъ московскихъ войскъ въ 10 т., то, когда ему понадобится подчинить своему произволу всю имперію, онъ будетъ въ состояніи запрудить всю Германію толпами варваровъ.

Германскіе владѣтели слишкомъ разъединены и слишкомъ слабы, что бы можно было отъ нихъ однихъ ожидать твердой рѣшимости предотвратить такое великое несчастіе — предвѣстникъ ихъ будущаго паденія, и его величество давно обдумываетъ способы воспротивиться тому.

Съ одной стороны, становится болѣе, нежели когда либо, трудно разорвать связи между русскимъ и нѣмецкимъ дворами; съ другой — это невозможно безъ прямыхъ сношеній съ Россіею; но эти сношенія только увеличиваютъ значеніе ея, что противно видамъ его величества, который, возвышая и поддерживая Швецію, видитъ въ ней единственное на сѣверѣ государство, дружба съ которымъ можетъ быть полезна и постоянна. Въ этихъ самыхъ видахъ, въ продолженіе нынѣшняго сейма государственныхъ чиновъ въ Стокгольмѣ, король не только заключилъ съ Швеціею трактатъ о субсидіяхъ, но и употреблялъ всѣ усилія, чтобы удалить изъ правительства въ Швеціи всѣхъ лицъ, которыя извѣстны были своею преданностью Англіи и Россіи. Если эти старанія, сверхъ всякаго ожиданія, увѣнчались успѣхомъ, то, конечно, не безъ опасенія для Россіи, и именно этому можно предписать ея рѣшимость не давать болѣе императору обѣщаннаго вспоможенія, и чрезъ то не остаться безъ своихъ лучшихъ войскъ, какъ это дѣлалось въ три предъидущія компаніи, когда это было можно по случаю совершенной безопасности *).

Изложивъ Шетарди все, что требовалось объ отношеніяхъ Россіи и Франціи къ Австріи и Швеціи, инструкція касалась другого, весьма щекотливаго и крайне интересовавшаго Версальскій кабинетъ предмета.

«Состояніе Россіи — говорилось въ инструкціи — еще не обезпечено на столько, чтобы не опасаться внутреннихъ переворотовъ. Иноземное правительство, чтобы утвердиться ничѣмъ не пренебрегало для притѣсненія и разогнанія старинныхъ русскихъ фамилій; но, не смотря на всѣ усилія, все еще остаются недовольные иноземнымъ игомъ. Они, вѣроятно, прервутъ молчаніе и оставятъ бездѣйствіе, когда будутъ въ возможности сдѣлать это съ безопасностью и успѣхомъ, Нынѣ король не можетъ, по справедливости, имѣть вѣрныя подробности объ этомъ положе-

*) Тамъ же, с. 37 и 38.

ніи; но, вспоминая незначительность права, которое возвело на русскій тронъ герцогиню курляндскую, когда была принцесса Елисавета и сынъ герцогини Голштинской, трудно предполагать, чтобы за смертью царствующей государыни не послѣдовали волненія.

Король не имѣетъ предписывать ничего касательно этого предмета своему посланнику. Было бы даже очень опаснымъ предпринять что-нибудь такое, что высказало бы какое бы то ни было любопытство или разсчетъ въ этомъ случаѣ; но въ то же время весьма важно, чтобы маркизъ де-ла-Шетарди, употребляя всевозможныя предосторожности, узналъ какъ возможно вѣрнѣе, о состояніи умовъ, о положеніи русскихъ фамилій, о вліяніи друзей, которыхъ можетъ имѣть принцесса Елисавета, о сторонникахъ дома Голштинскаго, которые сохранились въ Россіи, о духѣ въ разныхъ корпусахъ войскъ и тѣхъ, кто ими командуетъ, наконецъ обо всемъ, что можетъ дать понятіе о вѣроятности переворота, въ особенности, если царица скончается прежде, чѣмъ сдѣлаетъ какое-либо распоряженіе о наслѣдованіи престоломъ.

Чтобы достать подобныя извѣстія вѣрно и безъ нарушенія приличій, требуется время, много предосторожностей и особенная недовѣрчивость къ нескромнымъ внушеніямъ, которыя могутъ дѣлаться въ странѣ, гдѣ весьма въ употребленіи шпіоны и фальшивая откровенность *).

Шетарди предписывалось также обратить особенное вниманіе на состояніе русскихъ финансовъ и войскъ сухопутныхъ и морскихъ.

Великолѣпіе и роскошь, которыя приписываются русскому двору—говорилось по этому поводу въ инструкціи—мало согласуются съ мнѣніемъ объ истощеніи тамошнихъ финансовъ, съ издержками во всѣхъ родахъ, которыя съ давнихъ временъ дѣлаетъ Россія. Извѣстія о томъ необходимы, чтобы можно было судить о помощи, которую можетъ оказать Россія императору въ новой войнѣ противъ имперіи оттоманской, и о пожертвованіяхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, которыхъ король, какъ посредникъ, можетъ требовать отъ той или другой стороны для доставленія мира **).

Сверхъ того (такъ заключалась инструкція), король желаетъ, чтобы маркизъ де-ла-Шетарди на досугѣ собралъ всѣ свѣденія, которыя онъ можетъ достать о торговлѣ Россіи, о богатствахъ ея и произведеніяхъ, объ отдѣльныхъ статьяхъ доходовъ государя и объ образѣ правленія, — однимъ словомъ обо всемъ, касающемся до государства, котораго могущество такъ возросло съ нѣкотораго времени, и о которомъ, съ каждымъ днемъ, становится все болѣе и болѣе любопытнымъ имѣть вѣрныя извѣстія ***).

---

*) Тамъ же, с. 40 и 41.

**) Тамъ же, с. 41.

***) Тамъ же, с. 47 и 48.

Исполняя программу, начертанную ему въ инструкціи, Шетарди извѣщалъ свое правительство обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ въ «Московіи», не упуская порою изъ виду даже самыхъ мелкихъ фактовъ. Въ депешѣ отъ 21 — 10 мая 1740 года маркизъ сообщалъ своему кабинету кое-какія свѣденія о государственныхъ доходахъ Россіи, но, сознаваясь самъ, что свѣденія его очень неполны, объяснялъ это тѣмъ, что пріобрѣсти иныхъ нѣтъ никакой возможности.

«Русскихъ — писалъ онъ — не посѣщаютъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые всего болѣе имѣли бы охоту говорить, удерживаетъ страхъ.»

Тѣмъ не менѣе ловкій маркизъ не терялъ надежды развѣдать обо всемъ, что интересовало его королевское величество, и надежду свою основывалъ на возможности «похитить у одного лица такъ, что онъ того не замѣтитъ, имѣющіяся у него свѣденія о состояніи морскихъ силъ, финансовъ и сухопутныхъ морскихъ войскъ царицы». По поводу этого обстоятельства, Шетарди высказывалъ, между прочимъ, слѣдующее мнѣніе о «знатныхъ» русскихъ:

«Не должно думать, чтобы неуваженіе, которое выказываетъ правительство къ знатнѣйшимъ фамиліямъ этого государства, поселяя что-нибудь въ родѣ недовольства, помогало бы разузнать то, что полезно иностранцамъ. Знатные только по имени, въ дѣйствительности же они рабы, и такъ свыклись съ рабствомъ, что большая часть изъ нихъ не чувствуетъ своего положенія *).»

Среди всѣхъ такихъ наблюденій и подглядываній, среди всѣхъ многосложныхъ заботъ и хлопотъ, главное вниманіе французскаго посланника устремлено было все-таки на Швецію, съ представителемъ которой при русскомъ дворѣ, Нолькеномъ, даже инструкція предписывала Шетарди быть совершенно откровеннымъ. Швеція, въ это время, пламенѣла самымъ воинственнымъ жаромъ. Завоеванія Петра Великаго не давали шведскимъ патріотамъ покоя и желаніе вернуть всѣ завоеванныя нами области, а съ симъ вмѣстѣ унизить ненавистную Россію — даже шведскихъ дамъ и дѣвицъ преисполняла самыми амазонскими порывами. Образовавшееся послѣ сейма 1739 года министерство, все состоявшее изъ горячихъ сторонниковъ Франціи, тоже желало войны съ Россіею во что бы то

*) Тамъ же с. 74.

ни стало, и только одинъ дворъ, да немногочисленные его партизаны отличались умѣренными и миролюбивыми тенденціями. Укоряя какъ-то одного изъ такихъ умѣренныхъ и миролюбивыхъ господъ, шведская графиня де-ла-Гарди, разгорячась, сказала: «вы настоящіе колпаки!» Слышавшій это молодой шведскій офицеръ подтвердилъ слова графини, присовокупивъ: «а мы шляпы», — и эти два случайно вырвавшіяся прозванія стали тотчасъ же отличительными прозваніями двухъ враждебныхъ политическихъ партій. Перевѣсъ, разумѣется, былъ на сторонѣ партіи шляпъ, и всѣ, принадлежавшіе къ этой партіи, носили или перстень съ изображеніемъ шляпы, или табакерку съ червонцемъ, сплюснутымъ въ видѣ этого головного украшенія. Придуманы были также — опять-таки дамами — два особенныхъ тоста: «*Was wir leben*» и «*ich denk mirs*». Желавшіе войны съ Россіею отвѣчали на первый тостъ; люди же умѣренные и миролюбивые пили тогда лишь, когда провозглашался второй.

Маркизъ де-ла-Шетарди, вѣрный принципамъ и внушеніямъ своего правительства, былъ, конечно, всею душою и всѣми помыслами на сторонѣ шведскихъ патріотовъ, осушавшихъ бокалы при возгласѣ «*Was wir leben*»; но осуществить неразумныя желанія этихъ патріотовъ удалось французскому правительству не прежде, какъ по кончинѣ императрицы Анны Іоанновны; Анна Іоанновна скончалась 17 октября 1740 года; черезъ двадцать два дня послѣ ея кончины арестованъ былъ всемогущій герцогъ Курляндскій, и правительницею россійской имперіи провозглашена была мать императора, Анна Леопольдовна. Обстоятельство это не оставалось безъ вліянія и на маркиза де-ла-Шетарди, положеніе котораго стало не со всѣмъ-то пріятно. Главною причиною тому было видимое преобладаніе при петербургскомъ дворѣ посланниковъ австрійскаго и саксонскаго, въ особенности же послѣдняго—красиваго графа Морица Линара. Графъ Морицъ Линаръ, какъ извѣстно, владѣлъ безраздѣльно сердцемъ Анны Леопольдовны, ибо супругу правительницы, Антону-Ульриху, принадлежала только рука ея. Этотъ единственный сердечный романъ въ жизни злополучной принцессы начался еще до ея замужества, при жизни Анны Іоанновны; но тогда Анна Леопольдовна была связана по рукамъ и по ногамъ, и только вскользь, урывками могла пользоваться краткими минутами не полнаго блаженства. Да и это продолжалось не долго. Чувства императрицыной племянницы къ саксонскому посланнику были открыты, и, въ 1736 году, графъ

Линаръ, по требованію петербурскаго кабинета, былъ отозванъ своимъ правительствомъ изъ Россіи. Въ 1741 году онъ явился въ Петербургѣ вторично, съ порученіемъ — подвигнуть правительницу отступиться отъ трактата, заключеннаго съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, и составить противъ Пруссіи союзъ съ дрезденскимъ и вѣнскимъ дворами. Исполняя это порученіе, графъ Линаръ не упустилъ изъ виду и романа, такъ удачно завязаннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и романъ, дѣйствительно, получилъ надлежащее развитіе. Саксонскій посланникъ нанялъ себѣ домъ, граничившій съ садомъ при Лѣтнемъ дворцѣ, и могъ ходить въ этотъ садъ, когда угодно, чрезъ нарочно устроенную дверь, у которой всегда стоялъ часовой, имѣвшій строгое повелѣніе—не впускать въ садъ, за исключеніемъ извѣстныхъ лицъ, никого, даже и супруга правительницы. Объ этомъ упоминаетъ и Шетарди въ депешѣ отъ 16 іюня 1741 года.

«Запрещено — писалъ въ этой депешѣ маркизъ — входить кому бы то ни было въ третій садъ (лѣтній), за исключеніемъ правительницы, ея свиты, дѣвицы Менгденъ, фаворитки, и графа Линара; а какъ домъ, занимаемый послѣднимъ, смеженъ съ этимъ садомъ, и правительница приказала вмѣсто лѣтняго дворца, который будетъ разобранъ, возвести другой на концѣ этого самаго сада, то сначала приписывали такія распоряженія желанію проводить время свободно и въ уединеніи. Тѣ, которые стараются по этому случаю нападать на репутацію правительницы, пріобрѣли къ тому еще поводъ къ вѣроподобнымъ толкамъ, что принцесса Елизавета, живущая не подалеку отъ сада, хотѣла третьяго дня гулять тамъ, но караульный заградилъ ей входъ. Однако не должно судить о предметахъ по ихъ наружности, такъ какъ, стараясь открыть истину касательно этого обстоятельства, я нашелъ, что назначеніе г. Линара можно почесть слѣдствіемъ брака, тайно предположеннаго между нимъ и дѣвицею Менгденъ съ согласія правительницы *)».

---

*) Тамъ же, с. 271 и 272. Объ отношеніяхъ Анны Леопольдовны къ графу Линару весьма обстоятельно также разсказываетъ фельдмаршалъ Минихъ въ своемъ *Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie*, p. 140—143. «Принцесса Анна — пишетъ онъ — была небрежна въ одеждѣ: съ головою, повязанною бѣлымъ платкомъ, ходила она къ обѣднѣ безъ юпки на китовыхъ усахъ, являлась такъ въ публикѣ, за обѣдомъ и послѣ обѣда, чтобы играть въ карты съ избранною партіею. Въ этой партіи участвовали мужъ правительницы, графъ Линаръ, министръ польскаго короля и фаворитъ принцессы, маркизъ Ботта, министръ вѣнскаго двора и повѣренный Линара — оба враги Пруссіи — Финчъ, англійскій министръ, и мой братъ. Прочіе иностранные министры и знатные придворные не были принимаемы въ

Такъ или иначе, но графъ Морицъ Линаръ становился самымъ значительнымъ лицомъ при дворѣ; австрійскій посланникъ занималъ тамъ тоже не послѣднее мѣсто, а маркизу де-ла-Шетарди, къ величайшему его прискорбію, приходилось прозябать въ тѣни. Подобное положеніе было, разумѣется, не понутру честолюбивому, самолюбивому и всячески старавшемуся угодить своему правительству агенту французскаго двора, а потому онъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него условія, чтобы какъ можно ближе сойдтись съ цесаревной Елизаветой Петровной и пріобрѣсти ея полную довѣренность. Въ этомъ дѣятельно помогалъ ему шведскій посланникъ Нолькенъ; помогали и другія, близкія къ цесаревнѣ лица, между которыми на первомъ планѣ стоялъ докторъ ея Лестокъ. Сближаться съ Елизаветой Петровной и поселять въ ней желанія и надежды, пригодныя видамъ версальскаго кабинета, Шетарди — какъ мы уже замѣтили выше — началъ почти тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Петербургъ, и вотъ, напримѣръ, что писалъ онъ въ депешѣ отъ 28 февраля 11 марта 1741 года: «Довѣренность ко мнѣ принцессы Елизаветы не умаляется. Вчера я видѣлъ ея хирурга (Лестока) и поручилъ передать принцессѣ о расположеніи къ ней короля и о томъ, что она, довѣрясь его величеству, можетъ ожидать отъ него. Онъ чувствовалъ всю цѣну и силу такихъ увѣреній и передалъ мнѣ, что принцесса Елизавета не заслужила столь милостиваго расположенія и постарается сдѣлаться достойною его своими поступками и вниманіемъ, дѣйствуя на будущее время такъ, какъ только это угодно королю. Мы въ короткихъ словахъ вошли въ подробности о выгодѣ

эту партію, которая собиралась у Юліаны Менгденъ, повѣренной великой княгини и графа Линара. Послѣднему правительница пожаловала изъ своихъ рукъ орденъ св. Андрея и наградила его поцѣлуемъ прежде, чѣмъ встала съ постели, хотя и была совершенно здорова.

«Она дурно жила съ принцемъ своимъ мужемъ и спала отдѣльно отъ него; когда же тотъ хотѣлъ утромъ войдти къ ней, то находилъ обыкновенно двери запертыми. Съ графомъ Линаромъ у нея были часто свиданія въ третьемъ придворномъ саду, всегда въ присутствіи дѣвицы Юліаны, которая пользовалась тамъ минеральными водами. Если принцъ Брауншвейгскій хотѣлъ проникнуть въ этотъ садъ, то для него ворота были заперты, такъ какъ часовые имѣли приказаніе не пропускать черезъ нихъ никого. Линаръ жилъ не подалеку отъ воротъ этого сада, въ домѣ Румянцева, почему принцесса и приказала построить вблизи дачу. Этотъ домъ теперь — лѣтній дворецъ. Въ хорошую погоду правительница приказывала выносить постель свою на балконъ зимняго дворца, выходившій на рѣку. Хотя ставили экранъ, чтобы скрыть постель, однако изъ вторыхъ этажей сосѣднихъ къ дворцу домовъ все можно было видѣть.»

для принцессы пристать къ партіи, воспользоваться счастливымъ расположеніемъ, которое начинаетъ высказываться, и не дать русскимъ привыкнуть къ правительству, иначе они освоются съ нимъ тѣмъ легче, что рабство, въ которомъ ихъ держатъ, приведетъ ихъ къ тому *)».

Маркизъ де-ла-Шетарди и Нолькенъ, подстрекая Елизавету Петровну къ домогательству на русскій престолъ съ помощью Швеціи, убѣждали цесаревну, въ случаѣ успѣха, уступить шведамъ завоеванныя у нихъ Петромъ Великимъ области. Невольно разжигаемая честолюбивыми мечтами, Елизавета Петровна не отвергала столь любезно предлагаемой ей помощи, но отъ обязательства уступить за это Швеціи сдѣланныя у нея русскими завоеванія уклонялась довольно ловко.

«Въ послѣднемъ разговорѣ, который я имѣлъ съ хирургомъ—доносилъ своему правительству французскій посланникъ отъ 21 апрѣля—2 мая 1741 года—этотъ мнѣ высказалъ, что принцесса очень тронута доказательствами усердія, постоянно выказываемаго мною: она желала бы имѣть возможность сообразоваться съ нимъ, слѣпо уважая мои внушенія, но она всегда будетъ опасаться упрековъ отъ своего народа, если какими-нибудь уступками пожертвуетъ имъ для правъ, которыя можетъ предъявить на престолъ. При этомъ случаѣ она велѣла меня спросить, не возможно ли будетъ удовольствовать шведовъ значительною суммою денегъ, которая бы въ состояніи была вознаградить ихъ за издержки и потери? Хирургъ съ своей стороны сказалъ мнѣ еще, что она надѣется, что я пойму ея положеніе и соглашусь, что она, какъ дочь Петра I, вынуждена къ величайшей осторожности относительно завоеваній—трудовъ ея отца, столько ему стоившихъ. Я отвѣчалъ, что у меня никогда не было въ мысляхъ, для отстраненія ея безпокойства, указывать на другіе примѣры кромѣ того, что сдѣлалъ бы самъ Петръ I и я вѣчно упрекалъ бы себя, предложивъ принцессѣ другой образецъ. Я не могу предполагать, чтобы она не знала о мѣрахъ, на которыя отецъ ея былъ согласенъ относительно Швеціи, и что вслѣдствіе того должно было не только возвратить Ливонію, Эстонію, Ингерію и Карелію, но даже покинуть Петербургъ—единственная статья, на которую Петръ настаивалъ, когда кончина Карла XII разрушила планъ, особенно освѣщенный памятью Петра Великаго.

«Не прибѣгая къ столь уважительнымъ доводамъ, продолжалъ я, легко упрочить дѣло. Король хочетъ только принцессу видѣть на тронѣ, и готовъ оказать съ своей стороны существенное содѣйствіе, если только она дастъ ему возможность къ тому. Его величество, какъ бы ни былъ радъ

---

*) *Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи*, с. 202.

подать помощь, будетъ, впрочемъ, одинаково доволенъ, какимъ способомъ принцесса ни достигнетъ престола. Слѣдовательно, ей надлежитъ обдумать, можетъ ли она этого достигнуть своими собственными средствами? Если такъ—тѣмъ лучше: развязка будетъ болѣе славна для нея, и иноземческая помощь ей сдѣлается безполезною». «Но, возразилъ мнѣ хирургъ, какъ хотите вы, чтобы она сама того достигла?» «Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ я, опять-таки дѣло принцессы обдумать, можетъ ли она надѣяться безъ помощи шведовъ на счастливый походъ? Надобно, чтобы она доставила королю средства служить ей, или совершенно бы отказалась отъ надежды царствовать. Она тѣмъ болѣе должна увѣриться въ этой истинѣ, что не можетъ не признать, какъ поддастся русскій народъ тяжести слѣпого рабства, и лишь бы только она отложила исполнить намѣреніе, то этотъ же народъ такъ привыкнетъ повиноваться настоящему правительству, что не будетъ болѣе отличать иноземца, завладѣвшаго властію его законнаго государя». *)

Всѣ увѣренія Шетарди въ пламенномъ желаніи Людовика XV видѣть на россійскомъ престолѣ Елизавету Петровну и помогать ей, не теряя изъ виду, что цесаревна—дочь Петра Великаго, могла, конечно, дать очень хорошее понятіе о діалектическихъ способностяхъ любезнаго маркиза; но въ сущности дѣло было вовсе не въ томъ. Версальскому кабинету, точно, очень хотѣлось видѣть на россійскомъ престолѣ Елизавету,—только вовсе не потому, что она была дочерью Петра Великаго и имѣла на означенный престолъ законное право. Французское правительство пламенѣло желаніемъ получить кое какія права но самую цесаревну, обязать ее благодарностью, подчинить ее своему вліянію и засимъ вертѣть начинавшею уже казаться страшною всей Европѣ Россіею, какъ заблагоразсудится. Вовлечь же Россію въ войну съ Швеціей версальскій кабинетъ почиталъ необходимымъ еще по слѣдующимъ соображеніямъ: онъ давно уже стремился подавить досадное для него могущество австрійскаго дома, и смерть императора Карла VI представлялась ему для этого самымъ удобнымъ случаемъ. Но Россія была давнишней, неизмѣнной союзницей Австріи; Россія изъявляла рѣшительное намѣреніе вступиться за права дочери Карла VI, венгерской королевы Маріи-Терезіи,—стало быть, Россію надлежало отвлечь во что бы то ни стало, и ради этой-то цѣли французское правительство обратило милостивое вниманіе свое—съ одной стороны на цесаревну Елизавету Петровну, съ другой—на обезси-

---

*) Тамъ же, с. 243, 244 и 245.

ленную, обиженную и, вслѣдствіе этого, готовую на все Швецію. Въ Стокгольмѣ, въ этихъ видахъ, неутомимо работалъ французскій посланникъ графъ Сентъ-Северинъ; въ Петербургѣ же маркизъ де-ла-Шетарди съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опутывалъ Елизавету Петровну своими хитросплетенными сѣтями. Дружныя усилія и того, и другого увѣнчались наконецъ успѣхомъ: Швеція объявила войну Россіи, выставивъ почти главными причинами этой войны отлученіе отъ престола россійской имперіи цесаревны Елизаветы и герцога голштинскаго, а также неограниченную власть, присвоенную надъ русскимъ народомъ иностранцами. Оставалось теперь устроить дѣло съ самой цесаревной и во что бы то ни стало склонить ее на тѣ уступки, ради которыхъ пламенные шведскіе патріоты готовились проливать кровь свою. Отъ Елизаветы Петровны требовали даже по этому предмету письменныхъ обѣщаній; но она, не отказываясь отъ нихъ положительно, весьма благоразумно откладывала это дѣло до болѣе благопріятнаго времени.

«Принцесса Елизавета—писалъ Шетарди отъ 8 августа 1741 года—велѣла сказать секретарю шведскаго посольства, которому поручено меня извѣщать, что опасенія за себя и свою партію быть открытыми, въ случаѣ если бы дѣла пошли дурно, рѣшительно не дозволяютъ еще ей подписать требованія, но что она будетъ его хранить и подпишетъ, когда дѣла примутъ хорошій оборотъ, и она будетъ въ состояніи сдѣлать это безопасно. Для доказательства же, что письменное требованіе ничего не прибавляетъ къ точности, съ которою исполнитъ свои обѣщанія, она желала разъяснить ихъ и дать имъ даже болѣе пространный смыслъ, обязываясь: 1) вознаградить Швецію за всѣ издержки, считая со времени первой отправки въ Финляндію; 2) согласиться на субсидіи Швеціи во все продолженіе своей жизни; 3) предоставить шведамъ всѣ преимущества, которыя обезпечены за англичанами; 4) отказаться отъ всѣхъ трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ между Россіею, Англіею и австрійскимъ домомъ, и ни съ кѣмъ не вступать въ союзы, кромѣ Франціи и Швеціи; 5) содѣйствовать наконецъ, во всѣхъ случаяхъ, видамъ Швеціи, и въ этихъ видахъ, безъ вѣдома націи, ссужать подъ рукою всѣми деньгами, въ которыхъ будетъ нуждаться это государство. Опасаясь забывчивости или пропуска отъ того, которому поручено было сообщить эти условія, принцесса повторила ихъ три раза. Повѣренный получилъ приказаніе быть у меня и сдѣлать подобное же объявленіе. И тотъ, и другой были уполномочены, въ случаѣ требованія, подтвердить клятвенно справедливость этихъ обѣщаній и точность, съ которою они будутъ исполнены. Принцесса Елизавета присовокупила, что она не ограничилась одними только этими средствами, и чтобы не пренебрегать ни однимъ изъ тѣхъ, которыя те-

перь ей доступны, она вознамѣрилась подарить генералу Икскулю, шведу въ русской службѣ, табакерку, украшенную бриліантами, и приказала также раздать 8,000 рублей гвардейскимъ офицерамъ». *)

«Считаютъ очень важнымъ—писалъ снова, черезъ нѣсколько дней послѣ приведенной нами депеши, Шетарди—чтобы герцогъ голштинскій былъ при арміи (шведской), потому что не сомнѣваются, что русскій солдатъ, побѣжденный этимъ обстоятельствомъ и расположеніемъ, которое онъ уже выказывалъ при такомъ случаѣ, положитъ оружіе въ минуту сраженія—такъ сильно въ немъ отвращеніе сражаться противъ крови Петра I. **) По той же самой причинѣ думаютъ, что было бы весьма важно публиковать даже въ газетахъ, что герцогъ голштинскій въ арміи или, по крайней мѣрѣ, въ Швеціи. Всѣ желанія такъ же единогласны въ томъ, чтобы распространить между войсками и внутри страны письмо, въ которомъ, затрогивая религію, опирались бы на томъ, чего должно надѣяться и чего опасаться отъ правленія, врученнаго иноземцамъ, рожденнымъ и воспитаннымъ въ другомъ исповѣданіи.

«Вняли также моимъ представленіямъ не выказывать ничего прежде, чѣмъ я скажу, что время къ тому наступило, и съ признательностью поняли меня, что можно рисковать быть задавленными въ разбивку, если шведы не будутъ еще въ состояніи подать имъ руку помощи. Дѣлается еще болѣе важнымъ, чтобы я былъ предувѣдомленъ въ пору о минутѣ, когда можно произвести взрывъ безопасно, точно такъ же, чтобы этой минутѣ предшествовали прокламаціи, которыя признавали уже за нужное распространить между войсками, дабы они были увѣрены, что Швеція возстала болѣе для поддержки права потомства Петра I. При распространеніи такихъ прокламацій, можетъ быть, мнѣ необходимо заранѣе получить тайно нѣсколько экземпляровъ русскихъ, также какъ и въ нѣмецкомъ переводѣ, на тотъ конецъ, чтобы распространеніе ихъ въ народѣ производилось со всѣхъ сторонъ. По этой же самой причинѣ, я желалъ бы, чтобы была употреблена таже мѣра и относительно манифеста. Объ немъ здѣсь нѣтъ никакого извѣстія,—по этому русскому министерству легко его обезобразить, и оно получаетъ чрезъ то возможность произвести на народъ большее впечатлѣніе своимъ, который публикованъ недѣлю тому назадъ. Я боролся, на сколько отъ меня зависѣло, съ этимъ неудобствомъ, пользуясь присланнымъ мнѣ экземпляромъ ***).»

Изъ всѣхъ сдѣланныхъ нами выписокъ видно ясно, какъ неутомимо, ловко и ничѣмъ не стѣсняясь хлопоталъ французскій посланникъ объ осуществленіи желаній своего правительства; изъ выписокъ

---

*) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 298 и 299

**) Т. е. противъ герцога голштинскаго, сына старшей дочери Петра Великаго, Анны Петровны.

***) *Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи*, с 302, 303 и 304.

этихъ видно также, на кого главнымъ образомъ разсчитывали и надѣялись и маркизъ де-ла-Шетарди съ компаніей, и сама Елизавета Петровна. Войско, вообще, и гвардейскіе полки, въ особенности, были краеугольнымъ камнемъ, на которомъ покоились всѣ упованія цесаревны и ея партизановъ, и въ этомъ случаѣ онѣ не ошибались. Елизавета Петровна почти что выросла и воспиталась въ кругу гвардейскихъ офицеровъ и солдатъ, и пользовалась между ними дѣйствительною популярностью. Среди надменныхъ, надутыхъ, недоступныхъ нѣмцевъ, владѣвшихъ Русью и при Аннѣ Іоанновнѣ, и при Биронѣ, и при Аннѣ Леопольдовнѣ, цесаревна Елизавета была единственной особой изъ царской фамиліи, въ которой гвардейцы видѣли чистую русскую царевну, дочь законнаго и приснопамятнаго русскаго царя. Своимъ умѣньемъ держать себя, своимъ образомъ жизни, своими привычками Елизавета Петровна еще болѣе усиливала расположеніе къ себѣ въ войскѣ, крѣпко недолюбливавшемъ нѣмцевъ прежде всего, потому что они—нѣмцы, нехристи и живутъ не по-божески. Цесаревна же жила по-божески, т. е. по-русски, а сверхъ того, при каждомъ удобномъ слычаѣ, проявляла много доброты, мягкости и той привлекательной простоты въ обращеніи, которая въ особенности нравится людямъ, только и видящимъ, что одни повелительные жесты, только и слышащимъ что одни жесткія, грубыя, да ругательныя слова. Не проходило почти дня, чтобы Елизавета Петровна не крестила у кого, нибудь изъ гвардейцевъ ребенка, или не пировала у нихъ на именинахъ, или не исходатайствовала прощенія какому нибудь проштрафившемуся и ожидавшему всѣхъ золъ солдатику. На первомъ планѣ тутъ стояли преображенцы. У цесаревны, близь казармъ этого полка, былъ домъ, извѣстный подъ названіемъ Смольнаго. Здѣсь часто проводила она цѣлыя ночи въ кругу преображенскихъ офицеровъ и солдатъ, и послѣ каждой такой ночи число партизановъ веселой и привѣтливой Елизаветы Петровны возрастало замѣтно. Солдаты называли ее не иначе, какъ матушкой-государыней и готовы были за нее и въ огонь и въ воду. Преданность къ матушкѣ-государынѣ и въ гвардіи, и въ другихъ родахъ войскъ, особенно ясно выразилась при присягѣ Іоанну Антоновичу, назначенному Анной Іоанновной наслѣдникомъ россійскаго престола.

«Вотъ что императоръ Петръ первый въ россійской имперіи заслужилъ! Вотъ коронованнаго отца дочь, государыня цесаревна оставлена!.. Орелъ леталъ, да соблюдалъ все дѣтямъ своимъ, а дочь его оставлена», гово-

рили солдаты, и хотя, по поводу такихъ рѣчей, не одинъ воинъ познакомился съ дыбой, кнутомъ и ссылкой, но симпатія къ доброй, привѣтливой и всѣмъ доступной цесаревнѣ отъ этого нисколько не умалялась. Гвардейцы не разъ прямо выражали Елизаветѣ Петровнѣ свою полную готовность служить ей, какъ и противъ кого угодно, и ужь начинали даже досадовать и сердиться, что матушка-государыня не хочетъ испытать ихъ преданность. Такъ, напримѣръ, въ іюнѣ 1741 года толпа гвардейскихъ офицеровъ окружила цесаревну въ лѣтнемъ саду, и одинъ изъ нихъ, стоявшій ближе другихъ, сказалъ: «матушка, мы всѣ готовы и только ждемъ твоихъ приказаній; что наконецъ велишь намъ?»—«Ради Господа, молчите, отвѣчала Елизавета Петровна: — и опасайтесь, чтобъ васъ не услыхали. Не дѣлайте себя несчастными, дѣти мои, не губите и меня! Разойдитесь, ведите себя смирно: минута дѣйствовать еще не наступила. Я васъ велю предупредить.» «Эта робость—писалъ по этому поводу Шетарди—произвела хорошее дѣйствіе, хотя отвѣтъ очень характеристиченъ и, причинивъ неудовольствіе офицерамъ, понудилъ ихъ однако уважить то, что она желала. Принцесса сама вовсе не думала, что она этимъ удержитъ нетерпѣніе, которое, дѣйствительно, существуетъ между офицерами, но оно не можетъ выказаться прежде, чѣмъ послѣдуетъ рѣшительный ударъ.» *)

Для споспѣшествованія этому *рѣшительному удару*, Елизавета Петровна и ея приверженцы не ограничивались однѣми любезностями и распространеніемъ толковъ о законности правъ тѣхъ или другихъ лицъ на россійскій престолъ: они не упускали изъ виду и *презрѣннаго металла*, имѣющаго способность заставлять смертныхъ вѣровать въ какіе угодно толки, проникаться какими угодно убѣжденіями. И презрѣнный металлъ, разумѣется, приносилъ самые плодотворные результаты,—только не всегда цесаревна имѣла его въ своемъ распоряженіи. Получая довольно ограниченное содержаніе и не любя стѣснять себя въ своихъ расходахъ, Елизавета Петровна имѣла съ избыткомъ одни лишь долги; а французское правительство, очень щедрое на всякія высокія и прекрасныя обѣщанія и увѣренія, было далеко не такъ щедро на презрѣнный металлъ **). Въ крайнихъ слу-

---

* Тамъ же с. 246.

**) Какъ нуждалась иногда цесаревна въ деньгахъ—можно, между прочимъ видѣть изъ слѣдующаго разсказа: По случаю рожденія Іоанна Антоновича, Елизавета Петровна, согласно съ обычаями того времени, должна была сдѣлать родильницѣ какой-нибудь подарокъ. Она нѣсколько разъ посылала въ гостиный дворъ за какой-то вазой, но никакъ не могла дать дорогой цѣны, которую просили за эту вещь. Вдругъ купецъ какъ-то узналъ, что вазу торгуетъ цесаревна—и тотчасъ-же уступилъ ее даромъ. *Русская Бесѣда* за 1857 г., т. I, с. 6: біографія Шувалова, соч. Бартенева.

чаяхъ, впрочемъ, оно ссужало цесаревну и металломъ, но ссужало имъ въ весьма умѣренныхъ дозахъ, а потому толки о *французскомъ золотѣ*, главнымъ образомъ будто бы содѣйствовавшемъ успѣху переворота 25 ноября 1741 года, совершенно неосновательны. Вотъ что, между прочимъ, писалъ по этому предмету Шетарди въ депешѣ отъ 22 августа (2 сентября) вышеупомянутаго года.

«Ничто не можетъ быть тошнѣе увѣреній, сдѣланныхъ мнѣ повѣреннымъ, что всѣ гвардейскіе солдаты изъ отправленнаго въ путь отряда привержены принцессѣ. Я знаю, что она приказала дать каждому изъ нихъ по пяти рублей и, на замѣчаніе ей о томъ, выразила правительницѣ крайнее удивленіе, что считаютъ нововведеніемъ то, что она дѣлала открыто во всѣ времена солдатамъ, у которыхъ крестила дѣтей. Повѣренный прибавилъ, что хотя принцесса, для покрытія этихъ издержекъ, удержала жалованье на весь свой дворъ, однако у нея недостатокъ въ деньгахъ, а между тѣмъ въ настоящія минуты раздача сію наградъ произвела бы наилучшее дѣйствіе, почему она вѣчно считала бы себя обязанною королю, если бы его величество соизволилъ передать мнѣ 15.000 червонцевъ, которыми бы можно было свободно распологать. Я представилъ въ самомъ лучшемъ свѣтѣ, какъ думаетъ и будетъ дѣйствовать по этому предмету король, лишь бы только не было къ тому непреоборимыхъ препятствій. Такъ какъ въ такой странѣ, гдѣ все возбуждаетъ подозрѣніе, было бы въ высшей степени неумѣстно, чтобы это шло черезъ руки банкировъ, то вамъ необходимо нужно, въ случаѣ соизволенія его величества на прозьбу принцессы Елизаветы, переслать эту сумму золотомъ черезъ одного или двухъ курьеровъ, смотря по тому, какъ дозволитъ тяжесть, при чемъ снабдить ихъ паспортами или другими какими достовѣрными и несомнѣнными документами, которые бы могли воспрепятствовать досмотру предъявителей ихъ. Впрочемъ, чтобы удовлетворить самымъ настоятельнымъ потребностямъ, я въ надеждѣ, что его величество не будетъ порицать меня, взялъ на себя выдать впередъ принцессѣ 2000 червонцевъ, которые и передалъ повѣренному въ томъ же лѣсу, гдѣ я встрѣтилъ его въ среду Чтобы не имѣть дѣла ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ, я воспользовался деньгами лица, находящагося при мнѣ и выигравшаго въ карты около 40,000 франковъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Россіи. Данная мнѣ имъ въ ссуду сумма простирается по здѣшнему курсу на червонцы до 22.423 ливровъ 18 копѣекъ французскихъ. Это лицо будетъ весьма вамъ обязано, когда прикажете передать занятыя мною у него деньги Маньу, въ кафе Фуа, улица Ришелье. Какъ только послѣдуетъ отъ васъ повелѣніе объ уплатѣ, то необходимо приказать въ тоже время Маньу не писать объ этомъ ничего своему племяннику, потому что здѣсь всѣ письма распечатываются, а если онъ войдетъ въ подробности, то это можетъ вывести наружу дѣ-

ло или по крайней мѣрѣ подать поводъ этимъ людямъ къ подозрѣніямъ*).

Двѣ тысячи червонцевъ, переданныя услужливымъ маркизомъ де-ла-Шетарди Елизаветѣ Петровнѣ, приняты были ею съ величайшею признательностью: — такъ нуждалась въ это время въ презрѣнномъ металлѣ дочь Петра Великаго!

«Я не могу достаточно выразить, говорила она, по полученіи денегъ, французскому посланнику: — какъ благодарна за ссуду 2000 червонцевъ, которые королю угодно было передать мнѣ черезъ васъ, и за тѣ, которые, я надѣюсь, соблаговолитъ еще выдать его величество. Увѣдомленный объ употребленіи, которое я сдѣлала изъ слабыхъ средствъ, бывшихъ у меня въ распоряженіи, онъ узнаетъ, какъ важно для меня это пособіе; но я чувствую и должна чувствовать еще живѣе великодушіе, съ которымъ король изволитъ принимать участіе въ моей судьбѣ; я, если послѣдствія оправдаются, буду одному ему обязана счастіемъ, которымъ воспользуюсь. Увѣрьте его величество, что я постараюсь всю мою жизнь доказывать ему мою совершенную признательность; умоляйте его отъ моего имени соизволить на окончаніе предпринятаго имъ труда и на неоставленіе меня.» — «Искреннее уваженіе, отвѣчалъ на это Шетарди:— питаемое королемъ къ памяти Петра Великаго, можетъ служить вамъ ручательствомъ за чувства къ вамъ его величества. Онъ хочетъ видѣть васъ на тронѣ предковъ вашихъ; до сихъ поръ онъ ничѣмъ не пренебрегъ; положитесь, что ничего не будетъ пощажено въ будущемъ для достиженія вами короны. Признательность, которую потребуетъ тогда для себя король, будетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы вы постоянно были ему другомъ, какимъ онъ будетъ для васъ.» — «Я никогда не подамъ ему повода къ жалобамъ, живо возразила Елисавета Петровна: — потому что его величество можетъ быть увѣренъ, что только его совѣтами я буду руководиться, и мое вниманіе во всѣхъ случаяхъ будетъ исключительно направлено къ тому, чтобы выказать уваженіе полное и слѣпое.»

Выслушавъ этотъ отвѣтъ, Шетарди вошелъ въ подробности о необходимости, чтобы и сама цесаревна не оставалась въ бездѣйствіи, причемъ въ сильныхъ выраженіяхъ доказывалъ ей, что для того, чтобы ударъ, который хочетъ нанести Швеція по соглашенію съ Франціею, былъ вѣренъ, требуется, чтобы партія цесаревны употребила всѣ усилія, которыхъ слѣдуетъ ожидать по выказанному ею усердію.

---

*) *Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи*, с. 312 и 313.

«Оно будетъ безсильно, отвѣчала Елисавета Петровна, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаютъ того, что вамъ сообщилъ отъ моего имени повѣренный. Русскій народъ способенъ къ привязанности и самоотверженію, но его трудно заставить рѣшиться. Повѣрьте мнѣ, что я довольно знаю его свойства, чтобы удостовѣрить васъ, что, для побужденія его къ рѣшимости, ничего не можетъ быть лучше манифеста, который Шведы распространили бы въ этой странѣ и между войсками во всеобщее извѣстіе, что они идутъ на помощь потомству Петра I. Его величество еще болѣе убѣдится въ успѣхѣ и впечатлѣніи, которые произведетъ это обстоятельство, когда захочетъ побудить Швецію, чтобы въ ея арміи находился герцогъ Голштинскій. У меня есть доказательство тому, что выйдетъ изъ этого: офицеры и солдаты, которымъ я давала подарки, по мѣрѣ того, какъ они отправлялись въ Финляндію, выказывались болѣе одушевленными, чѣмъ когда либо; чтобы оставить ихъ въ увѣренности, что герцогъ Голштинскій находится при шведской арміи, я просила ихъ не убивать, по крайней мѣрѣ, моего племянника. Послѣдній собственно и возбуждаетъ живѣйшія безпокойства въ правительницѣ, какъ бы она ни скрывала того по наружности. Сами судите объ этомъ по тому, что случилось наканунѣ отъѣзда Линара. Онъ присутствовалъ на совѣщаніи, бывшемъ у графа Остермана. Генералиссимусъ (*Антонъ-Ульрихъ*), возвратившись оттуда, чтобы отдать отчетъ правительницѣ о происходившемъ, сначала испускалъ глубокіе вздохи, а потомъ громко воскликнувъ, что напрасно не слѣдовали совѣтамъ Линара. Эти совѣты состояли въ томъ, чтобы, признавъ меня, какъ имѣющую тайныя сношенія съ Швеціею, подвергнуть предварительному допросу по этому предмету, и если при такомъ обращеніи я сознаюсь въ малѣйшей вещи, то обвинить меня въ преступленіи оскорбленія величества. Даже предположеніемъ, что я стала бы отрицаться, могли воспользоваться, чтобы заставить меня подписать отрѣченіе отъ престола. Но если подобныя средства снова въ состояніи устрашить меня и заставить уронить свою славу, то при этомъ случаѣ правительница выказала болѣе ума и была болѣе разсудительна, нежели они. «Къ чему это послужитъ? отвѣчала она, въ свою очередь вздыхая:— развѣ нѣтъ тамъ дьяволенка (подразумѣвая герцога Голштинскаго), который будетъ всегда мѣшать нашему спокойствію?»

Правительница говорила о *дьяволенкѣ* вздыхая, и только въ такихъ вздохахъ, да въ жалобахъ на многотрудность государственныхъ

---

*) Тамъ же, с. 323, 324 и 325. Точно такъ же, какъ Анна Леопольдовна, отзывалась о герцогѣ Голштинскомъ и Анна Іоанновна. По словамъ Штелина, она одинаково опасалась и Елисаветы Петровны, и ея племянника, котораго охотно сжила бы съ рукъ, если бы то было возможно. «Чертушка еще въ Голштиніи живетъ», говорила обыкновенно Анна Іоанновна, кода рѣчь заходила о герцогѣ.

занятій (заключавшейся въ сущности въ одномъ подписываніи разныхъ бумагъ) и выражалась ея заботливость о собственномъ *спокойствіи*. Лѣнивая, безпечная, довѣрчивая, Анна Леопольдовна не хотѣла подумать ни о чемъ, что дѣлалось у нея по сторонамъ, и даже сердилась, когда приближенныя къ ней лица черезчуръ ужь утруждали ее доносами, совѣтами и предостереженіями относительно Елисаветы Петровны и ея приверженцевъ. Ей сообщили, напримѣръ, о подозрительныхъ сношеніяхъ цесаревны съ преображенцами, — а она надъ этимъ смѣялась, говоря, что Елисавета заводитъ у себя ассамблеи для преображенскихъ солдатъ; ей совѣтовали обратить вниманіе на интриги и штуки французскаго посланника и нѣкоторыхъ другихъ господъ, — а она отвѣчала на эти совѣты тѣмъ, что показывала совѣтникамъ новое платьице, которое сшила для своего сына. Супругъ правительницы, принцъ Антонъ-Ульрихъ, оказывался въ этомъ отношеніи гораздо осторожнѣе и предусмотрительнѣе. Онъ зорко наблюдалъ и за цесаревной, и за Шетарди, и за другими, казавшимися ему подозрительными или опасными, людьми, окружалъ ихъ шпіонами, старался на ихъ счетъ пріобрѣсти популярность и въ народѣ, и въ войскѣ, и не разъ настаивалъ предъ лицомъ своей супруги и повелительницы на необходимости принятія «рѣшительныхъ мѣръ». *) На этомъ же настаивали и всѣ пользовавшіеся располо-

---

*) При производившихся, по вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, слѣдствіяхъ открылось, что Антонъ-Ульрихъ, между прочимъ, поручилъ секундъ-маіору Чичерину выбрать человѣкъ десять гренадеръ съ капраломъ, одѣть ихъ въ шубы и сѣрые кафтаны, и заставить наблюдать — не ѣздитъ ли кто по ночамъ къ цесаревнѣ, фельдмаршалу Минину и князю Черкасскому. Капралу за это дано сорокъ рублей; солдатамъ по двадцати.

Показывалъ также въ это время одинъ аудиторъ, Барановскій, слѣдующее: «Въ прошломъ 1741 году, января въ послѣднихъ числахъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку маіоръ Альбрехтъ призвалъ его и объявилъ ему именный указъ въ такой силѣ: имѣешь-де ты по именному указу поставленъ быть на безъизвѣстный караулъ близъ дворца благовѣрныя государыни цесаревны Елисаветы Петровны. А приказъ-де ему по силѣ онаго жъ именного указу объявляется таковъ: въ бытность-де его, Барановскаго, на томъ безъизвѣстномъ караулѣ имѣетъ онъ смотрѣть: во дворецъ-де благовѣрныя государыни цесаревны Елисаветы Петровны какіе персоны мужеска и женска полу пріѣзжаютъ, тако-жъ и ея высочество благовѣрная государыня цесаревна Елисавета Петровна куда изволитъ съѣзжать и какъ изволитъ возвращаться — о томъ бы повседневно подавать записки по утрамъ ему, маіору Альбрехту. При томъ воспослѣдовалъ еще по именному указу, объявленному чрезъ онаго жъ маіора Альбрехта ему, Барановскому, приказъ слѣдующій: въ которое-де вре-

ложеніемъ и довѣріемъ Анны Леопольдовны царедворцы, такъ или иначе заинтересованные въ дѣлѣ перемѣны правительства; но Анна Леопольдовна никого не слушала, ничему не вѣрила и, словно ослѣпленная, шла прямо навстрѣчу къ своей погибели. Она имѣла даже неосторожность сообщить самой Елисаветѣ Петровнѣ, что она, правительница, получила изъ Бреславля письмо, въ которомъ ей совѣтуютъ обратить вниманіе на поведеніе цесаревны и арестовать немедленно ея доктора Лестока. Высказала легкомысленная Анна Леопольдовна и свои подозрѣнія относительно интригъ французскаго посланника, и вотъ что̀ писалъ объ этомъ самъ Шетарди въ депешѣ отъ 26 ноября по 7 декабря 1741 года:

«Въ понедѣльникъ, по обыкновенію, былъ пріемный день во дворцѣ. Я увидѣлъ, что правительница, много ходивъ взадъ и впередъ, отправилась въ отдаленный покой, велѣла позвать туда принцессу Елисавету, и послѣдняя, возвращаясь оттуда, казала̀сь взволнованною отъ разговора. По пріѣздѣ ранѣе домой, мое первое стараніе было просить повѣреннаго пріѣхать ко мнѣ ночью; но онъ могъ только пріѣхать на другой день, и то довольно поздно. Онъ мнѣ сообщилъ, что весь разговоръ двухъ принцессъ касался меня. Правительница, описавъ меня самыми черными красками, приписывала мнѣ множество вещей, на которыя я слишкомъ способенъ, чтобы ея предубѣжденіе выказалось противъ меня сильнѣе. Она объявила также, что рѣшилась просить короля о моемъ отсюда отзывѣ, и опасалась только, чтобы кардиналъ, движимый врожденною справедли-

---

мя генералъ-фельдмаршалъ (*Минихъ*) во дворецъ ея величества благовѣрныя государыни цесаревны прибудетъ, то-бъ того часу репортовать словесно о прибытіи его оному жъ маіору Альбрехту. А буде въ домѣ его, Альбрехта, не будетъ, то-бъ отрепортовать бывшаго герцога брауншвейгъ-люнебургскаго. Потомъ еще приказъ воспослѣдовалъ: французскій посолъ когда-де пріѣзжать будетъ во дворецъ ея величества благовѣрной государыни цесаревны, то бъ-де и объ ономъ репортовать съ прочими въ подаваемыхъ запискахъ.» *Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи*, примѣч. 31, с. 293 и 294.

Антонъ-Ульрихъ въ особенности опасался фельдмаршала Миниха, имѣвъ уже случай убѣдиться, что у него нѣтъ недостатка въ рѣшительности и умѣньи производить государственные перевороты съ помощью нѣсколькихъ гвардейскихъ солдатъ. «Принцъ брауншвейгскій говорилъ мнѣ—писалъ англійскій резидентъ Финчъ въ депешѣ отъ 21 іюня 1741 года—что давно пора низложить невыносимаго Миниха, который уже предлагалъ свои услуги принцессѣ Елисаветѣ и помышлялъ о новомъ переворотѣ. Онъ сообщилъ мнѣ, что заставлялъ строго слѣдить за фельдмаршаломъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей послѣ его отставки; въ случаѣ же, если бы Минихъ вышелъ вечеромъ и направился къ дому принцессы Елисаветы—его велѣно было схватить живого или мертваго.» *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin. 1858. P. 85.

востью, не просилъ предварительно доказать то, въ чемъ меня обличаютъ, что тѣмъ болѣе затруднительно, что не было возможности достать, какое - нибудь доказательство противъ меня. Правительница, выказывая такимъ образомъ всѣ причины, которыя она, по ея мнѣнію, имѣла къ обвиненію меня, внушала принцессѣ Елизаветѣ, что она не должна болѣе принимать такого человѣка, какъ я. Принцесса, возражая, что она можетъ сказать одинъ или два раза, что ее нѣтъ дома, дала почувствовать, что ей этого нельзя повторять однако въ третій разъ, и какъ бы могла она поступать подобнымъ образомъ, не нарушая приличій, вчера, напримѣръ, когда случай меня привелъ къ ней именно въ ту минуту, какъ она, выйдя изъ саней, входила къ себѣ? Такъ какъ правительница, не смотря на эти доводы, повторяла свои настоянія, то принцесса отвѣчала ей насмѣшливо: «зачѣмъ вы не дѣйствуете гораздо проще? Вы правительница и повелительница: прикажите графу Остерману сказать Шетарди не ѣздить ко мнѣ болѣе въ домъ». Правительница возражала, что она очень остерегается этого, такъ какъ не надобно раздражать людей, подобныхъ мнѣ, ни подавать имъ явно повода къ жалобамъ. Принцесса отвѣчала, что если Остерманъ, будучи первымъ министромъ и имѣя повелѣніе, не смѣетъ дѣлать подобной вещи, то она тѣмъ менѣе осмѣлится рѣшиться на это. Правительница, оскорбленная такимъ противорѣчіемъ, приняла надменный тонъ, который въ свою очередь заставилъ принцессу возвысить голосъ съ умѣренностью, на сколько это было тогда прилично, и вотъ почему онѣ разстались съ горячностью, которую я примѣтилъ» *).

Разговоръ этотъ происходилъ 23 ноября вечеромъ; на слѣдующую ночь Петербургъ уже присягалъ ея императорскому величеству государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ, императрицѣ и самодержицѣ всеросійской...

Объ этомъ событіи въ депешахъ маркиза де-ла-Шетарди находится слѣдующій разсказъ:

«Вслѣдствіе слуховъ о походѣ шведовъ, 5 декабря въ первомъ часу пополудни, отдали приказъ по всѣмъ полкамъ быть готовымъ къ выступленію въ Финляндію. Семь гренадеръ перваго изъ этихъ полковъ, называемаго преображенскимъ, пришли въ тотъ же день, между 11 и 12 часами ночи къ принцессѣ Елизаветѣ и представили ей, что они наканунѣ удаленія и не въ состояніи болѣе служить ей, такъ что она совершенно остается въ рукахъ своихъ непріятелей, слѣдовательно не нужно терять ни минуты, по чему они и пришли, чтобы вести ее, если она сама не сдается на ихъ предложеніе. Принцесса спросила, можетъ ли она положиться на нихъ? Ихъ готовность выказалась вполнѣ въ данныхъ ими увѣ-

---

*) *Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи*, с. 419 и 420.

реніяхъ, и принцесса не колебалась болѣе. Она сѣла въ сани своего каммергера, который сопровождалъ ее съ двумя офицерами изъ ея дворца. Только съ этими тремя лицами она поѣхала въ казармы преображенскаго полка прямо въ помѣщеніе гренадеръ, изъ которыхъ многіе ожидали ее. Собравши ихъ значительное число въ одну большую комнату, она сказала: «вы знаете, кто я? хотите вы за мною слѣдовать?

Всѣ отвѣчали, что она можетъ имъ приказывать, а они готовы исполнить свою обязанность, какъ храбрые солдаты.

«Я не хочу, чтобы вы такимъ образомъ служили: вы мои дѣти; все состоитъ въ томъ, чтобы знать, готовы ли вы умереть со мною: если надобно?» Они всѣ поспѣшно дали клятву. Тогда первая ея забота была приказать разломать сложенные въ той же комнатѣ барабаны, чтобы нельзя было ничѣмъ произвести тревоги. Узнавъ, что это было исполнено, она взяла крестъ, встала на колѣни, и ея примѣру послѣдовали всѣ. «Я, сказала принцесса: — клянусь этимъ крестомъ умереть за васъ, клянетесь ли вы сдѣлать то же самое за меня? Клятва была единодушная. «Такъ пойдемте жъ, и будемъ только думать сдѣлать, во что бы то ни стало, счастливымъ наше отечество»!...

Гренадеры, не довольствуясь, что послѣдовали за ней, дали еще другъ другу обѣщаніе сохранять глубокое молчаніе и приколоть штыками перваго отступившаго, хотя бы на одинъ шагъ. По мѣрѣ того, какъ проходили мимо казарменныхъ помѣщеній, они стучали въ двери и вызывали тѣхъ, которые тамъ жили. Этимъ способомъ собрана была очень быстро цѣлая рота гренадеръ въ 300 человѣкъ. У каждаго было съ собой по шести зарядовъ и по три гранаты. Въ тоже время отправили отрядъ къ фельдмаршалу Миниху, какъ жившему дальше прочихъ, извѣстить унтеръ-офицера его караула, которымъ онъ начальствовалъ—тотъ былъ предупрежденъ заранѣе—захватить генерала и привести его съ подчиненными унтеръ-офицеру гренадерами во дворецъ Елизаветы. Проходя большою улицею, невскимъ проспектомъ, арестовали графа Головкина и барона Менгдена. Принцесса Елизавета, опять въ саняхъ окруженныхъ гренадерами, достигла конца проспекта, который прилегаетъ къ адмиралтейству. Отсюда послали двадцать гренадеръ объявить домовый арестъ оберъ-гофмаршалу (Левенвольду) и морскому генералу-коммиссару Лопухину, которыхъ дома были смежны, и караулить ихъ, не спуская съ глазъ. Между тѣмъ тридцать другихъ гренадеръ отдѣлены были для арестованія графа Остерманна, котораго и перевезли къ принцессѣ Елизаветѣ съ тремя генералами Стрешневыми, его шуринами. Чтобы дѣлать менѣе шума, гренадеры сочли необходимымъ для принцессы

Елизаветы встать съ саней въ томъ же мѣстѣ (на концѣ невскаго проспекта). Едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ нѣкоторые ей сказали: «матушка, такъ не скоро; надо торопиться.» Но примѣтивъ, что принцесса хотя имѣла твердую поступь, однако не могла за ними поспѣть, они подняли ее и несли такимъ образомъ до двора зимняго дворца. Прежде всего и здѣсь приняли туже предосторожность относительно барабановъ. Принцесса пошла прямо въ караульню. «Проснитесь дѣти, сказала она:—и слушайте меня: хотите ли слѣдовать за дочерью Петра I? Вы знаете, что корона принадлежитъ мнѣ; меня оскорбляютъ, и это отражается на всемъ бѣдномъ народѣ нашемъ: онъ стонетъ подъ игомъ нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ мучителей!» Офицеры, которыхъ она спросила потомъ, что̀ они о томъ думаютъ, колебалась высказаться ясно. «Арестуйте этихъ людей; я вамъ приказываю, повинуйтесь мнѣ!» За приказомъ послѣдовало тотчасъ исполненіе; оно бы даже превзошло его, когда бы Елизавета не удержала ружья у солдата, хотѣвшаго приколоть штыкомъ одного изъ тѣхъ офицеровъ. Гвардейскіе солдаты выказали неизмѣнную волю, почему принцесса раздѣлила свой отрядъ и осталась окруженною десятью гренадерами. Она приказала сначала обезпечить всѣ лѣстницы и выходы, оставшіеся незанятами. Часть гренадеръ, которыми она предварительно внушала не употреблять, подъ страхомъ примѣрнаго наказанія, никакого насилія и дурного обхожденія съ принцами и принцессами, направились тогда къ покоямъ царя, принцессы его сестры, правительницы и принца Бруншвейнскаго. Караульные при нихъ тѣмъ менѣе выказали сопротивленія, что они, будучи выбраны во внутренній караулъ изъ гренадеровъ, нисколько не противились, какъ только увидали своихъ товарищей. Нѣсколько гренадеръ, имѣвшихъ повелѣніе арестовать молодого графа Миниха и привести его, подобно прочимъ, къ принцессѣ Елизаветѣ, исполнивъ его, окончили такимъ образомъ то, что̀ оставалось сдѣлать, и трое саней, которые она приказала взять, были употреблены для отправленія царя, принцессы его сестры, принца Брауншвейгскаго, правительницы и ея фаворитки дѣвицы Менгденъ. Принцесса Елизавета, въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, занятомъ половиною ея провожатыхъ, изъ которыхъ остальные замыкали шествіе, слѣдовала въ саняхъ и прибыла въ свой дворецъ. Всѣ арестованныя лица были тамъ собраны менѣе, чѣмъ въ полчаса, благодаря принятымъ предосторожностямъ и мѣрамъ. Жена, сестра и родственники этихъ лицъ,

арестованныя по своимъ домамъ, были подъ зоркимъ карауломъ, и принцесса Елизавета была тѣмъ болѣе довольна, что ни съ кѣмъ не обошлись дурно, за исключеніемъ графа Остерманна, который за то, что хотѣлъ внушить страхъ и говорилъ съ слишкомъ малымъ почтеніемъ объ этой принцессѣ, испыталъ первыя движенія усердія, на которое могутъ быть способны солдаты. Чтобы воспользоваться такимъ счастливымъ началомъ, двадцать осѣдланныхъ лошадей поспѣшно и вдругъ перенесли гренадеръ въ разныя части города, чтобы тамъ предупредить, возмутить и расшевелить всѣхъ тѣхъ изъ народа и гвардейскихъ полковъ, которые встрѣчались по дорогѣ. Солдаты, бывшіе на караулѣ во дворцѣ, были оттуда посланы взять всѣ знамена и отнести ихъ къ принцессѣ Елизаветѣ. Три довѣренныя лица, сопровождавшія ее, отправились съ своей стороны на многихъ саняхъ съ гренадерами къ знатнѣйшимъ лицамъ изъ духовенства и гражданскихъ чиновъ для побужденія ихъ немедленно ѣхать съ ними къ принцессѣ Елизаветѣ, что всѣ и исполнили безъ малѣйшаго прекословія *).

Кромѣ этого разсказа въ книгѣ г. Пекарскаго находятся еще три разсказа о восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны и предшествовавшихъ этому событію обстоятельствахъ. Всѣ они, пополняя одинъ другой, рознятся лишь въ нѣкоторыхъ неважныхъ деталяхъ и сообщаютъ, безспорно, самыя подробныя и достовѣрныя свѣденія о романическомъ государственномъ переворотѣ въ Россіи, въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 года. Шетарди, какъ одному изъ главнѣйшихъ своихъ сообщниковъ и помощниковъ, Елизавета Петровна дала знать сама, что она наконецъ рѣшилась на давно задуманное опасное дѣло. Пріѣзжая ночью въ преображенскія казармы мимо дома маркиза, она послала сказать ему— «qu'elle courrait à la gloire», и маркизъ остался этимъ изумленъ, и вовсе необрадованъ, хотя, разумѣется, не преминулъ выразить самую искреннюю радость. Изумленъ онъ былъ потому, что никакъ не ожидали переворота такъ скоро; необрадованъ потому, что разсчитывалъ совсѣмъ не на такой переворотъ.

«Я всегда хлопоталъ — писалъ онъ еще наканунѣ этого событія — надъ вліяніемъ моего усердія и, слѣдовательно, согласно вашимъ предписаніямъ, о томъ, чтобы заставить почувствовать принцессу Елизавету, что она будетъ обязана короною только одному королю пущеннымъ имъ въ ходъ средствомъ, а ея партія будетъ одолжена его величеству счастіемъ, ко-

*) *Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи*, с. 404—407.

торое вкуситъ подъ державою этой принцессы.... Отсюда метода, которой я слѣдовалъ, кажется мнѣ тѣмъ болѣе лучшею, какъ только вы одобряете ее, что если партія принцессы будетъ считать возможнымъ произвести переворотъ собственными своими средствами, то будетъ труднѣе вести дѣла къ концу, который такъ существенно интересуетъ Швецію» *).

Конецъ этотъ, какъ мы уже говорили, выше тѣхъ же *существенно интересовалъ* и Францію, потому что французскому правительству прежде всего хотѣлось ослабить все болѣе и болѣе возраставшее вліяніе Россіи на европейскія дѣла. Съ этой цѣлью версальскій кабинетъ и поднялъ Швецію,—стало быть, перевотъ, произведенный Елизаветою *собственными средствами* никакъ ужь не могъ придтись по вкусу ни маркизу де-ла-Шетарди, ни его христіаннѣйшему повелителю съ его эминенціей кардиналомъ Флери.

Но если маркизъ де-ла-Шетарди и не могъ ощутить особенной радости при полученіи вѣсти, что цесаревна «courait à la gloire»,—зато по совершеніи переворота, онъ не могъ и не утѣшиться въ своей скорби сознаніемъ пріобрѣтеннаго имъ при дворѣ новой императрицы значенія. Елизавета Петровна была съ нимъ чрезвычайно какъ любезна, обращалось къ нему за совѣтами, осыпала его ласками, и это не безъ зависти замѣчали другіе иностранные послы.

«Французскій посланникъ — писалъ англійскій президентъ Финчъ въ депешѣ отъ 14 декабря 1741 года — все еще продолжаетъ быть первымъ министромъ. За нимъ сильно ухаживаютъ. Янычары (*т. е. гвардейцы*) торжественно обнимаются съ нимъ во дворцѣ» **).

Тѣмъ не менѣе, не прошло и года со времени вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, какъ маркизъ де-ла-Шетарди былъ уже отъ русскаго двора отозванъ. Что было тому причиною—объ этомъ говорятъ различно, только императрица оставалась къ нему милостива до конца. 5 августа 1742 года онъ имѣлъ у нея первую прощальную аудіенцію, на которой получилъ обыкновенный посланническій подарокъ въ 12,000 рублей. Послѣ этого, до самаго своего отъѣзда, маркизъ являлся къ двору ежедневно и часто бывалъ приглашаемъ къ императорскому столу. 2 сентября онъ еще разъ про-

---

*) Тамъ же, с. 389 и 390.

**) *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*, p. 90.

щался съ Елизаветой Петровной, которая при этомъ пожаловала ему андреевскій орденъ со звѣздою, украшенный бриллiантами, цѣною въ 50,000 рублей; табакерку съ своимъ портретомъ, осыпаннымъ драгоцѣнными камнями, цѣною свыше 30,000 рублей; перстень съ необыкновенно большимъ бриллiантомъ въ 25,000 рублей. Сверхъ всего этого, Шетарди получилъ разные горностаевые и другіе дорогіе мѣха, да сто штукъ золотыхъ медалей, изъ которыхъ малыя были въ двадцать, а большія въ пятьдесятъ червонцевъ вѣсомъ. Но маркизъ повидимому, не удовольствовался и этими щедротами: по его ходатайству, куплены были за 20,210 рублей всѣ его экипажи, мебель и разныя вещи; между вещами находился серебряный сервизъ въ 8000 рублей. Елизавета Петровна, вообще, была «очень тронута его отъѣздомъ», какъ сказано въ одномъ современномъ этому событію извѣстіи, изъ котораго г. Пекарскій и извлекъ всѣ сообщаемыя нами здѣсь свѣденія *). Пожаловавъ Шетарди Андреевскій орденъ и распрощавшись съ любезнымъ маркизомъ, императрица, черезъ четверть часа, снова позвала его къ себѣ и, лишь только онъ показался, сказала: «monsieur de la Chetardie, я едва было не забыла передать вамъ на память отъ принцессы Елизаветы», — причемъ и вручила ему табакерку, перстень и другіе подарки. На слѣдующій день маркизъ уѣхалъ.

Въ 1743 году онъ снова присланъ былъ версальскимъ дворомъ въ Петербургъ; но уже въ Петербургѣ многое измѣнилось, и о дружбѣ съ Франціей не было и помину.

«Пребываніе въ этотъ разъ маркиза въ Россіи — говоритъ въ своемъ предисловіи г. Пекарскій составляетъ любопытный эпизодъ въ царствованіи Елизаветы; представляли много чертъ для характеристики той эпохи, а потому пишущій эти строки намѣренъ подробно собрать по этому предмету всѣ русскіе матеріалы и сличить ихъ съ иностранными извѣстіями».

И въ добрый часъ! Въ нашей убогой исторической литературѣ всякій трудъ въ родѣ «Маркиза де-ла-Шетарди въ Россіи» будетъ далеко не лишнимъ. Не все же намъ въ самомъ дѣлѣ заниматься вопросомъ о томъ — откуда пришли варяги — русь? Мы вѣдь и этого вопроса не рѣшили, а путнаго-то, за таковыми учеными трудами, ничего почти не сдѣлали. Вступили же, по Божьей милости, во второе тысячелѣтіе нашего политическаго существованія.

*) *Genealogisch-Historische Nachrichten,* Theil XLVI, *S.* 922 и 923.

ОДИНЪ ИЗЪ ЦВѢТКОВЪ НА СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ПОЧВѢ.

Повѣсти Кохановской 2 тома. Москва 1863.

Повѣсти г-жи Кохановской, благоухающія елеемъ и ладаномъ, сочащіяся млекомъ и медомъ обѣтованной земли нашего славянофильства, въ совокупности ихъ производятъ на читателя самое странное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе походитъ на то, когда мы попадаемъ съ свѣжаго воздуха въ угарную комнату. Сначала чувствуется легкій пароксизмъ головокруженія, потомъ начинается ломота въ мозгу и одуряющая боль нервовъ; подъ вліяніемъ этой боли зрачки глазъ расширяются и предметы теряютъ свой естественный видъ. Что въ нормальномъ состояніи представлялось бѣлымъ, то теперь кажется синимъ, что на вкусъ было солоно, то теперь становится прѣснымъ; окружающія вещи начинаютъ прыгать, оборачиваться вверьхъ дномъ и поражать больное зрѣніе преувеличенными размѣрами, какихъ онѣ на самомъ дѣлѣ не имѣютъ. Если человѣкъ подвергается этому состоянію, то было бы глупо со стороны другого, совершенно здороваго, спорить съ нимъ о цвѣтѣ, вкусѣ и натуральномъ положеніи предметовъ; пока не пройдетъ угаръ и раздраженіе крови, до тѣхъ поръ ничто не убѣдитъ угорѣлаго, что на вещи надо смотрѣть не въ превратномъ, а въ настоящемъ ихъ видѣ. Какъ первый будетъ искренно доказывать, что онъ видитъ бѣлый цвѣтъ и ощущаетъ соленый вкусъ, такъ второй еще искреннѣе будетъ увѣрять, что вмѣсто бѣлаго цвѣта ему представляется синій, и вмѣсто соленаго вкуса—

прѣсный. Поэтому между прочимъ всякіе споры съ славянофилами оставались безплодными и, не излечивая угара въ самомъ мозгу, старались дѣйствовать на чувства, которыя нисколько невиноваты въ извращенномъ взглядѣ на предметы. Г-жа Кохановская, иже во славянофильствѣ сестра г. И. Аксакова, совершенно искренно доводитъ своего читателя до подобныхъ галлюцинацій, потому что сама испытываетъ ихъ постоянно; иначе было бы трудно объяснить въ произведеніяхъ этой талантливой писательницы множество предметовъ, поставленныхъ вверьхъ ногами, и которые однакожь кажутся ей стоящими вверьхъ головой.

Къ обыкновеннымъ припадкамъ славянофильской горячки у г-жи Кохановской присоединяется еще другая болѣзнь—напряженная сосредоточенность ума на одной предвзятой идеѣ. Помѣшавшись на безотчетной антипатіи къ еретическому *западу* и еще болѣе еретической современной цивилизаціи, она должна была неизбѣжно попасть въ другую крайность — возвести въ идеалъ поэзіи душеспасительное дѣйствіе розогъ, преобразить гомерическое обжорство нашихъ отцовъ въ умилительное гостепріимство и окрасить самымъ нѣжнымъ цвѣтомъ дикую смѣсь барскаго произвола съ раболѣпной преданностію. Патріотическое чувство, оскорбляемое прежде всего всякимъ преувеличеніемъ и нисколько не нуждающееся въ юродствующемъ сочувствіи ему братьевъ Достоевскихъ, —это простое чувство выростаетъ подъ перомъ г-жи Кохановской до лирическаго пафоса, способнаго обоготворить всякую нелѣпость, была бы она только національнаго произведенія. Любовь къ старинѣ выходитъ у нея не менѣе ходульной, и въ этомъ отношеніи г-жа Кохановская даже ушла дальше своей школы. Настоящіе, чисто-кровные славянофилы высшей нотой своего лиризма берутъ допетровскую Русь, не бритое и не умытое боярство XVII вѣка, а г-жа Кохановская приходитъ въ восторгъ даже отъ напудренныхъ, надушенныхъ и чисто-выбритыхъ героевъ екатерининской эпохи. Конечно, если снять съ нихъ пудру и нѣмецкіе мундиры, то они нисколько не уступятъ своимъ предкамъ, но все же неприлично истинному славянофилу умиляться этой *онѣмеченной* породой. Въ самомъ мистицизмѣ мы замѣчаемъ у г-жи Кохановской нѣкоторое отступничество отъ того лагеря, которымъ предводительствуетъ ея братъ во славянофильствѣ г. Аксаковъ. Строгость византійскихъ началъ у г-жи Кохановской умѣряется поэтическими меч-

тами де-Местра и Шатобріана, и все это вмѣстѣ разводится на сахарной водицѣ карамзинской сентиментальности. Какъ женщина и притомъ одаренная въ такой же мѣрѣ поэтическимъ дарованіемъ, въ какой обдѣлена развитіемъ, какъ писательница, заслоненная отъ живого міра своимъ уединеннымъ хуторомъ и степью, г-жа Кохановская вся сосредоточилась въ прошедшемъ и въ томъ мистическомъ настроеніи, отъ котораго освобождаетъ одна могила... Но если г-жа Кохановская немножко измѣняетъ кореннымъ славянофильскимъ убѣжденіямъ, то съ другой стороны повѣсти ея оказываютъ огромную услугу тому же направленію. Онѣ воспроизводятъ его въ образахъ и картинахъ, и тѣмъ придаютъ ему значительное вліяніе. Все, что г. Аксаковъ выдѣлываетъ на своемъ ораторскомъ барабанѣ, по заученной имъ теоріи, то г-жа Кохановская перекладываетъ на свои мелодическія гусли, и тѣ же дикіе мотивы предлагаетъ публикѣ въ болѣе привлекательной формѣ.

Чтобы соображенія наши не показались читателю произвольными, мы взглянемъ поближе на самыя повѣсти г-жи Кохановской.

Старый дьяконъ взялъ къ себѣ сироту мальчика Кирюшу. Дьяконъ былъ пьяница и за пьянство выгнанъ изъ службы, послѣ чего онъ жилъ въ старой банѣ. Но у него была драгоцѣнная особенность, а именно, чѣмъ болѣе онъ пилъ, тѣмъ становился умнѣе; а такъ какъ пилъ онъ чрезвычайно много, то и былъ чрезвычайно уменъ и притомъ полезный членъ общества, потому что выучилъ сироту грамотѣ. И выучивъ его грамотѣ, дьяконъ пошелъ съ нимъ въ церковь, гдѣ вступилъ въ битву съ причтомъ. Побѣда осталась за дьякономъ, который овладѣлъ непріятельскимъ обозомъ и порціей, т. е. Апостломъ и клиросомъ. Апостола онъ далъ мальчику читать, а потомъ заставилъ его пѣть на клиросѣ. Это имѣло результатомъ то, что стоявшій въ церкви купецъ заинтересовался мальчикомъ и взялъ его къ себѣ. Мальчикъ сталъ жить у купца. Однажды онъ залѣзъ въ сосѣдній садъ, гдѣ увидѣлъ дѣвочку, которую принялъ за русалку. Дѣвочку звали Настей. Она была дочь одной заслуженной дворовой женщины и воспитывалась на господскую ногу. Вслѣдствіе воспитанія или ужь по врожденному темпераменту, только дѣвочка отличалась странными вкусами: по нѣскольку часовъ сряду сидѣла она подъ деревомъ и смотрѣла на близъ растущій горошекъ, имѣвшій видъ колыбельки. Къ этой-то дѣвочкѣ залѣзъ Кирюша, и съ тѣхъ поръ

они вмѣстѣ смотрѣли на растущій горошекъ. Но смотря на горошекъ, Кирюша не забывалъ дѣла. Обладая большими способностями, онъ сдѣлался правой рукой своего хозяина и наконецъ, подросши, скоро пріобрѣлъ себѣ порядочное состояніе. Онъ много ѣздилъ по Россіи и потерялъ изъ виду дѣвочку съ ея горошкомъ и пьянаго дьякона. Наконецъ, черезъ много лѣтъ, вернувшись на родину, онъ нашелъ дьякона умирающимъ. Передъ смертью онъ въ послѣдній разъ напился, вслѣдствіе чего душа его начала торжественно взывать, возбуждая въ слушателяхъ подозрѣніе, что этотъ дьяконъ и есть знаменитый Иванъ Яковлевичъ Корейша. Дьяконъ умеръ необыкновенно умилительно, изъ чего слѣдуетъ, что передъ смертью хорошо выпить водки. Тутъ же встрѣтилъ Кирила и свою бывшую подругу, Настю, которой впрочемъ созерцаніе горошка не доставило никакихъ преимуществъ. Напротивъ, сынъ того помѣщика, въ домѣ котораго она жила, соблазнилъ ее, такъ что горошекъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ предзнаменованіемъ. Впрочемъ это случилось очень незадолго до пріѣзда Кирилы Петрова, который хочетъ жениться на ней, не зная ничего о похожденіяхъ помѣщичьяго сына. Онъ проситъ позволенія жениться у помѣщика. Помѣщикъ этотъ отличается необыкновенной барственностью и колоссальностью всѣхъ частей своего тѣла, для описанія котораго нужна кисть Гомера. Этотъ пріятный для дамъ мужчина даетъ свое согласіе, прочіе члены «барственнаго» семейства также, и Настю повѣнчали съ Кириломъ Петровымъ, прежде чѣмъ она успѣла ему объяснить въ чемъ дѣло. Оставшись послѣ вѣнца на единѣ, Настя сообщила горькую тайну мужу, который поступилъ такимъ образомъ: ночью запрегъ лошадь и поѣхалъ съ женой въ Святыя Горы Богу молиться. Претерпѣвъ на пути разныя бѣдствія, путешественники пріѣхали въ монастырь, но богомолье не состоялось, потому что Кирила Петровъ, предававшійся въ дорогѣ глухому отчаянію, вздумалъ скоро отправиться далѣе. Засимъ ужъ странствованіе пошло дальше, безъ всякой впрочемъ опредѣленной цѣли. Ѣхали, ѣхали, пріѣхали къ Дону, остановились въ одной станицѣ, гдѣ Кирила Петровъ оставилъ жену, а самъ дальше уѣхалъ. Жена стала его ждать, а сама предаваться съ своей стороны глухому отчаянію. По всей вѣроятности, такъ какъ мужъ долго не возвращался, она съ своей стороны отправилась бы куда-нибудь путешествовать, напр. въ Кіевъ, въ Соловки, Іерусалимъ,—мало ли святыхъ мѣстъ, —если бы не нашла для себя другого вполнѣ удовлетворительнаго

занятія на мѣстѣ. Занятіе это состояло въ вышиваніи пелены на образъ. Это занятіе сократило для нея время ожиданія мужа, передъ пріѣздомъ котораго она родила сына, принадлежавшаго впрочемъ не Кирилѣ, а сыну того помѣщика, который напоминалъ наружностью Голіафа, Самсона и Геркулеса, вмѣстѣ взятыхъ. Наконецъ пріѣхалъ Кирила Петровъ, призналъ ребенка, помирился съ женой, и зажили они припѣваючи.

Что это такое? Пляска св. Витта или кривляніе раздраженнаго Корейши? Откуда этотъ безобразный разсказъ? спроситъ читатель. Сей разсказъ, одинъ изъ лучшихъ разсказовъ, принадлежитъ г-жѣ Кохановской. Онъ можетъ служить образчикомъ для оцѣнки ея прочихъ произведеній, также весьма поучительныхъ. Поучительность—главное достоинство этихъ повѣстей. Изъ приведеннаго нами разсказа читатель можетъ усмотрѣть слѣдующія положенія: 1) Въ пьяномъ видѣ человѣкъ иногда бываетъ уменъ и полезенъ. 2) Если случится съ человѣкомъ горе, то нужно его одолѣть путешествіями, сначала по монастырямъ, а если и это не поможетъ, то какъ можно далѣе. Такое занятіе во-первыхъ сокращаетъ время, а во-вторыхъ избавляетъ отъ разныхъ бѣсовскихъ искушеній.

Изъ другихъ повѣстей мы получаемъ не менѣе любопытныя и полезныя свѣденія. Такъ изъ «Провинціальной галереи портретовъ» узнаемъ, что если тесть попроситъ зятя позволить ему себя высѣчь, то зять не долженъ прекословить; что розги сближаютъ людей, такъ что до порки зять для тестя просто зять, а послѣ порки становится сыномъ.

— Да вѣдь ты понимай меня, Марка! (говорилъ тесть своему зятю) Вѣдь я тебя вовсе не хочу сѣчь: ты теперь, почитай, моя плоть и кровь—сынъ мой по дочери: а все-таки я тебя высѣку, Марка!

И воротившись отхлесталъ Гаврила Михайловичъ не шутя, а такъ, какъ бы онъ хлесталъ это за провинность какую Фильку или Фомку, только не своею барскою рукою. Крѣпко обнялись послѣ этого и поцѣловались отецъ съ сыномъ.

Итакъ не посѣки Гаврила Михайловичъ Марка, между ними не было бы настоящей родственной любви, и они не облобызались бы, какъ слѣдуетъ отцу съ сыномъ. И такое возбужденіе родственныхъ чувствъ совершенно въ характерѣ славянофильскаго ученія; самые гуманные изъ славянофиловъ не прочь отъ того, чтобы отхлыстать

хоть немножко для выраженія отеческой любви. Они слѣдуютъ духу и буквѣ русской пословицы: «за битаго двухъ небитыхъ даютъ».

Есть также любопытныя разсужденія у г-жи Кохановской. Напримѣръ, знаете ли вы, что такое образованіе? Вѣрно не знаете. Г-жа Кохановская скажетъ вамъ, какъ слѣдуетъ понимать его: «Образованіе сближаетъ людей; но для порядочной доли нашего общества, оно, какъ первопроповѣданное Евангельское слово, вноситъ знаменательный мечъ разъединяя мать и дочь, невѣсту и свекровь. Это огонь, вверженный въ средину насъ...» И почему думали бы вы, г-жа Кохановская считаетъ образованіе чуть не геенной огненной? потому что оно завезено къ намъ изъ растлѣннаго запада, противъ котораго каждый славянофилъ непремѣнно долженъ отплевываться, какъ отъ нечистой силы. Будь это образованіе наше, дома выращенное, на почвѣ отца Аввакума, или какъ проектируетъ г. Щербина подъ руководствомъ семинаристовъ и унтеръ-офицеровъ, тогда этому образованію была бы и другая честь со стороны г-жи Кохановской.

Сообразно такимъ понятіямъ г-жи Кохановской объ образованіи, всѣ герои и героини ея люди здоровенные, рослые, крѣпкіе. Одна героиня въ Провинціальной галереѣ портретовъ даже родитъ во время танцевъ, и родивши идетъ снова въ плясъ. Зато умственныя ихъ достоинства не отличаются особенною прелестью. Впрочемъ какія ужь тутъ умственныя достоинства, когда нервы такіе, что родятъ и тотчасъ же пускаются въ плясъ.

Г-жѣ Кохановской вѣроятно неизвѣстно, что женщины готтентотовъ и другихъ племенъ, столь же низко стоящихъ въ нравственномъ отношеніи, отличаются именно тѣмъ, что родятъ безъ всякой боли. Если бы г-жа Кохановская знала это, она бы не придавала этого, вовсе не лестнаго свойства своимъ героинямъ.

Чрезвычайно смѣшонъ тотъ пафосъ, съ которымъ г-жа Кохановская говоритъ о предметахъ иногда самыхъ прозаичныхъ и даже такихъ, къ которымъ не можетъ чувствовать ни малѣйшей симпатіи, какъ напримѣръ, къ выше упомянутому помѣщику, отличающемуся гомерическими размѣрами. Помѣщикъ этотъ человѣкъ цивилизованный, слѣдовательно антипатичный для г-жи Кохановской, а между тѣмъ вотъ описаніе его:

«Владѣлецъ кабинета—въ полной порѣ величаваго барства (?) съ плѣшью, съ полудѣтскимъ галстухомъ вокругъ Самсоновой шеи, въ

этомъ чужеземельномъ нарядѣ коротенькаго измятаго мѣшка англійской парусины—*возлежалъ на своемъ сидѣньи* (?) и кажется, *естественныхъ человѣческихъ отдушинъ* (!) мало было для выдыханій его богатырской груди: такъ тяжко она вздымалась и опускалась съ барскимъ цинизмомъ, показываясь нагою изъ подъ небрежныхъ застежекъ топчайшей сорочки.»

— Ты что, молодецъ! издала изъ себя величавая, барская грудь, держа въ одной рукѣ французскую газету, а другой рукою придерживаясь за свою чашку послѣобѣденнаго кофе.

Что это такое! Гомеръ, описывающій Ахилла да и только!

Въ г-жѣ Кохановской есть хорошая черта: это смѣлость и послѣдовательность. Она не боится никакихъ крайнихъ выводовъ изъ своихъ теорій. Эта черта тѣмъ болѣе похвальна, что рѣдка. Большинство, норовя завести читателя въ темные лѣса мракобѣсія и ханжества, употребляютъ для этого разныя приманки: одинъ, напримѣръ, толкуетъ о самоуправленіи, думая, что авось хоть этимъ проймешь, если силой не взялъ, другой заговоритъ о свободѣ труда, а въ концѣ концовъ сведетъ на такую барщину, отъ которой не поздоровилось бы даже во времена Котошихина. Однимъ словомъ, много способовъ проводить неприличныя мысли въ приличномъ видѣ. Кромѣ того другіе начнутъ говорить, а какъ увидятъ, что въ рѣрезультатѣ непремѣнно выходитъ что-нибудь въ родѣ системы трехъ пощечинъ, то сей часъ же оборвутъ свою рѣчь, потому что храбрости въ себѣ не имѣютъ; разумѣется, порядочный человѣкъ, замѣтивъ, что теорія его привела къ системѣ трехъ пощечинъ, броситъ всю теорію и сознается, что говорилъ вздоръ. Но г-жа Кохановская не труситъ никакого вздора, и если не можетъ говорить безъ пафоса о друзьяхъ своихъ, то и о врагахъ своихъ она говоритъ съ тѣмъ же пафосомъ, чему мы видѣли примѣръ въ описаніи помѣщика съ естественными отдушинами. Г-жа Кохановская, какъ ужь я сказалъ, не робѣетъ ни передъ какими выводами изъ своихъ теорій. По теоріи вышло, что если самодуръ захочетъ высѣчь взрослаго, независимаго человѣка, то человѣкъ этотъ долженъ дать ему себя высѣчь, дабы самодуръ не имѣлъ на старости лѣтъ огорченія, пообѣщавъ высѣчь кого-нибудь, не исполнить этого обѣщанія — и г-жа Кохановская не затаиваетъ этого вывода, а такъ во всей его картинности представляетъ на судъ и въ назиданіе публикѣ. Правда, при этомъ она заимствуетъ краски у Гомера и беретъ жаръ у Тасса, но

это не потому, чтобы она желала смягчить безобразіе сюжета, а все-таки потому, что не можетъ безъ лиризма и нѣкоторой восторженности говорить даже о розгахъ. Впрочемъ, въ розгахъ находятъ непріятное ощущеніе только лишенные пониманія высокаго реалисты. Люди же достаточно вооруженные идеализмомъ и піитизмомъ видятъ въ этомъ много поэтическихъ сторонъ, какъ-то подобающее смиреніе человѣка, добровольно позволяющаго себя высѣчь; патріархальность семейныхъ отношеній; непоколебимую вѣрность своему слову маститаго старца, приходящаго въ отчаяніе при мысли, что обѣщаніе его—высѣчь, можетъ остаться неисполненнымъ; достойную примѣра благоправность юноши воспитаннаго на «березовой кашѣ», не читавшаго развратителя Бюхнера и поэтому кротко ложащагося подъ розги, чтобъ угодить старшему себя и лѣтами, и чиномъ.

Касательно семейныхъ отношеній, г-жа Кохановская не боится сознаться, что они держатся преимущественно на поркѣ. Такъ у нея отецъ, отпоровъ зятя, приводитъ его къ дочери со словами: «До розогъ онъ былъ мнѣ зять, а теперь сталъ сынъ» или что-то въ этомъ родѣ. Признаюсь, мнѣ не удавалось ни въ комъ встрѣтить такой храбрости. Будучи защитницей патріархальныхъ семейныхъ отношеній, признать, что розга есть одно изъ главнѣйшихъ и необходимѣйшихъ звѣнъ этихъ отношеній—это подвигъ.

Между разными перлами, столь щедро разбросанными въ повѣстяхъ г-жи Кохановской, намъ попадается въ «Провинціальной галереѣ портретовъ на стр. 485 слѣдующее мѣсто:

«Но и здѣсь даже не всегда оканчивалось дѣятельное хлопотливое утро Анны Гавриловны. Переговоривъ со всѣми и обо всемъ, она оглядывалась вокругъ и видѣла, что къ ней приближалась ея безмолвная няня, доселѣ не покидавшая чулка, ни своего мѣста въ дверяхъ комнаты. «Покончила ты, матушка, съ домашними дѣлами, теперь тебя Божье дѣло зоветъ, говорила няня. Изволишь знать старуху Евпраксію? На святой дорогѣ, смерти ждетъ.» И вотъ Анна Гавриловна иногда въ тѣхъ же самыхъ туфляхъ, *на босу ножку*, и только сверхъ своей бѣлой косыночки накинувъ на голову турецкую шаль, поспѣшно переходила черезъ широкій дворъ, оставляя позади себя плетущуюся няню, и цѣлыя группы всевозможнаго люду, остановившагося съ открытыми головами и въ недоумѣніи: куда изволитъ идти—матушка-барышня, поспѣшая такъ? Барышня входила въ какое-нибудь отдѣленіе многочисленныхъ дворовыхъ пристроекъ; двери передъ нею отворялись, какъ по волшебному мановенію, явившимися многочисленными прислужниками, и Анна Гавриловна, въ сопро-

вожденіи почтительной и безмолвной толпы, приступала къ постели умирающей. Невольнымъ неотразимымъ умиленіемъ звучалъ ея молодой голосъ, когда она произносила самыя простыя слова: «Вотъ я пришла къ тебѣ, Евпраксія! И здоровье тебѣ, Евпраксія, принесла». Больная открывала глаза; послѣднимъ предсмертнымъ усиліемъ ловила руку своей молодой госпожи и, прильнувъ къ ней запекшимися устами, *изливала непонятную намъ, невообразимую для насъ, по тѣмъ не менѣе существующую на дѣлѣ любовь изумительной, рабской преданности, поглотившей всю жизнь и на краю гроба еще изливающейся поцѣлуями и лепетомъ невнятныхъ благословеній!* Слезы приступали въ молодые глаза Анны Гавриловны, и она тихо и медленно оставляла умирающую. Но на возвратномъ пути другое явленіе очень часто останавливало Анну Гавриловну. Какая-нибудь изъ дворовыхъ женщинъ представала ей на перепутьѣ. «Сударыня-барышня, солнышко наше ненаглядное! не прогнѣвайся, о чемъ я буду просить—не побрезгай нами».—И женщина начинала просить, чтобъ Анна Гавриловна зашла къ ней и отвѣдала ея блинчиковъ или пирожковъ, которые по случаю поминокъ, или чего-либо другого, пекла, что у нея и сметана и маслицо, по милости барской, все есть. И Анна Гавриловна заходила, и не только не брезгала, а вставши такъ рано и такъ много хлопотавши, она съ настоящимъ аппетитомъ кушала предлагаемые ей блинки и пирожки».....

Приведенное мѣсто, само по себѣ весьма замѣчательное, можетъ служить образчикомъ произведеній г-жи Кохановской. Я вовсе не хочу отрицать въ г-жѣ Кохановской таланта. Поэтому я долженъ сказать, что нахожу совершенно вѣрнымъ, и согласнымъ съ дѣйствительностью все, что она говоритъ относительно непонятной и невообразимой для насъ рабской преданности. Какъ это ни грустно, но это существуетъ. Напрасно только г-жа Кохановская говоритъ, что эта рабская преданность непонятна для насъ.

Мы знаемъ, что извѣстныя причины влекутъ за собой извѣстныя слѣдствія, и поэтому не можемъ не понимать этого. Мы знаемъ, что крѣпостное право между прочими прелестями должно было породить и эту. Но если рабское чувство отвратительно само по себѣ, то оно дѣлается еще отвратительнѣе, когда стараются возвести его въ идеалъ добродѣтели, показать, что вотъ оно благородное-то чувство гдѣ; когда стараются опоэтизировать его въ лицѣ умирающаго существа, жаждущаго облобызать руку своей госпожи.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Дѣтская Литература.

Что понимаютъ у насъ подъ словомъ—*воспитаніе.* Какой нравственности требуютъ отъ нашихъ дѣтей, какъ родители, такъ и воспитатели ихъ. *Записки доброй матери или послѣднія ея наставленія при выходѣ дочери въ свѣтъ. Корзинка съ фруктами для маленькихъ дѣтей, желающихъ научиться быть добрыми и умными изъ примѣра своихъ товарищей. Нравственные разсказы для дѣтей.* Сочинилъ В. Модестовъ. *Умъ и сердце въ занимательныхъ разсказахъ и поучительныхъ бесѣдахъ отца съ дѣтьми. Разсказы дѣтямъ объ ихъ отцахъ и братьяхъ.*

Въ настоящемъ библіографическомъ листкѣ мы намѣрены большею частію поговорить съ родителями и наставниками; другими словами, мы хотимъ бросить взглядъ на нашу дѣтскую (безъ каламбура) литературу.

Вопросъ о дѣтскомъ воспитаніи и обученіи выступилъ у насъ на сцену съ подобающимъ трескомъ и шумомъ въ то время, когда вообще «вопросы» точно съ неба посыпались на наши головы и создали фразу, сдѣлавшуюся скоро стереотипною: «въ настоящее время, когда...» Но если дѣтскій вопросъ, поднятый въ нелегкій часъ, подобно всѣмъ другимъ вопросамъ, надѣлалъ столько шуму, то и удалился онъ въ пустыню такъ же скромно и робко, какъ и другіе его сотоварищи. Мы столько же сдѣлали въ этомъ дѣлѣ, сколько и въ дѣлѣ эмансипаціи женщинъ, устраненія сословныхъ предразсудковъ, уничтоженія тѣлес-

ныхъ наказаній въ школѣ и другихъ мѣстахъ и т. п. Что жъ? будетъ и того, что пошумѣли и разыграли въ совершенствѣ роль Репетилова, роль, въ которой большинство нашего общества не уступитъ пальмы первенства самому первостатейному актеру...

Что именно говорилось у насъ по вопросу о дѣтскомъ воспитаніи, что сдѣлалось и что требовалось бы сдѣлать собственно въ педагогическомъ отношеніи, объ этомъ мы здѣсь говорить не будемъ: это не наше дѣло, такъ какъ мы пишемъ не педагогическую статью. Насъ занимаетъ то, какимъ образомъ относится къ этому вопросу наша литература или, чтобы выразиться точнѣе, какія книги предлагаются дѣтямъ, этимъ будущимъ дѣятелямъ въ сферѣ гражданской, общественной и всякой другой жизни.

Для того, чтобы сужденіе наше о русскихъ книгахъ, назначаемыхъ для дѣтей, явилось передъ читателями въ болѣе ясномъ видѣ, мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ мы смотримъ на воспитаніе дѣтей вообще и русскихъ дѣтей въ особенности, и чего, слѣдовательно, мы желали бы отъ дѣтской литературы, которая необходимо должна имѣть огромное вліяніе на воспріимчивыя юныя головы.

У насъ обыкновенно строго различаются два понятія: *воспитанія* и *обученія*. Подъ первымъ разумѣется извѣстное собраніе правилъ, долженствующихъ руководить ребенка на пути *нравственнаго* развитія, подъ вторымъ—собраніе предметовъ, долженствующихъ обогатить его *умъ* различными познаніями по разнымъ наукамъ. Но этимъ разграниченнымъ понятіямъ придается у насъ не одинаковая важность; первое т. е. *воспитаніе* считается гораздо важнѣе второго, т. е. *обученія*. «Прежде—такъ проповѣдуютъ наши педагоги, какъ теоретики, такъ и практики — прежде развивайте сердце ребенка, научите его правиламъ нравственности, а потомъ уже принимайтесь за обученіе его различнымъ предметамъ; выучиться онъ всегда успѣетъ.» Въ переводѣ на болѣе простой языкъ, эти слова получаютъ слѣдующій смыслъ: «Какъ только ребенокъ начнетъ понимать себя и окружающіе его предметы, поднесите ему заранѣе начертанный кодексъ и учите его строго держаться каждой буквы этого кодекса, стойте на стражѣ всѣхъ его инстинктовъ, наклонностей и побужденій; если натура его хоть на шагъ отступитъ отъ начертанныхъ нами правилъ, ломайте эту натуру сообразно этимъ правиламъ. Пусть ребенокъ входитъ въ жизнь съ готовыми, не имъ самимъ выработанными, убѣжденіями и понятіями, пусть на добро и зло смотритъ онъ сквозь очки, купленные для него

чадолюбивымъ родителемъ или наставникомъ, пусть онъ ростетъ, движется, чувствуетъ, дѣйствуетъ по приказанію устава, ни на одну іоту не измѣнившагося со временъ «Домостроя». Вотъ главное основаніе нашего *нравственнаго* воспитанія, которое даетъ намъ десять идіотовъ на одного порядочнаго человѣка. За точность пропорціи, на этотъ разъ, впрочемъ, не можемъ поручиться.

Думаемъ, что мы не ошибаемся въ общемъ выводѣ общепринятыхъ педагогическихъ воззрѣній. Ниже будетъ сказано о томъ, на сколько теорія прививного воспитанія кажется намъ состоятельною; теперь же предположимъ, что для ребенка дѣйствительно необходимъ составленный по извѣстному рецепту нравственный кодексъ, и посмотримъ, что это за рецептъ и какая выходитъ изъ него микстура.

Бёкль въ извѣстномъ сочиненіи своемъ нападаетъ на ученіе моралистовъ, потому что, по его мнѣнію, оно все резюмируется нѣсколькими весьма ограниченными положеніями въ родѣ: дѣлай добро, уважай старшихъ, будь послушенъ и т. п. Рискуя навлечь на себя гнѣвъ г. Юркевича, зараженнаго спиритуализмомъ И. Я. Корейши и старающагося въ первопрестольномъ городѣ Москвѣ доказать все «сумасбродство» Бёкля, мы именно и смотримъ на нашъ педагогическій кодексъ съ крайнею непріязнью и сожалѣніемъ потому, что онъ также есть ничто иное, какъ сборникъ самыхъ ограниченныхъ положеній. Стоитъ просмотрѣть пять, десять дѣтскихъ книжекъ, чтобы увидѣть, до чего опошлилась эта мораль, внушаемая дѣтямъ, до чего развиваетъ она пассивное міросозерцаніе, до чего пріучаетъ она къ какой-то вялой, нравственной маршировкѣ. Мы уже не говоримъ о томъ, что здѣсь и помину нѣтъ о развитіи нравственной силы, энергическихъ чувствъ и помысловъ; куда ужь нашей педагогіи до этого? Но во всей этой теоріи такое отсутствіе жизни, такая узкость взгляда, такая тупая пассивность, что при ближайшемъ знакомствѣ съ нею дѣлается смѣшно и досадно...

Собираясь писать замѣтку о дѣтской литературѣ, мы просмотрѣли не пять, десять, а цѣлую груду книжекъ, посвященныхъ «милымъ дѣтямъ», и въ каждой изъ нихъ находили грустное подтвержденіе только что высказанной мысли. О тѣхъ книгахъ, которыя относятся къ области *обученія*, мы будемъ говорить ниже. Теперь же посмотримъ на тѣ книги, которыя имѣютъ въ виду нравственное развитіе ребенка, т. е. его воспитаніе. Мы, конечно, не станемъ утомлять читателей разборомъ всѣхъ этихъ книгъ, тѣмъ болѣе, что онѣ различаются меж-

ду собою только шрифтомъ, цвѣтомъ обертки и картинками. Изъ всей этой груды, лежащей передъ нами, мы выберемъ покамѣстъ одну, которая прекрасно резюмируетъ весь взглядъ на воспитаніе дѣтей. Сказать о ней — значитъ сказать почти обо всѣхъ книгахъ, написанныхъ съ тою же цѣлью.

Эта книга издана еще до 1857 г. и называется: *«Записки доброй матери, или послѣднія ея наставленія при выходѣ дочери въ свѣтъ»*. Заглавіе, какъ видите, весьма трогательное; содержаніе еще трогательнѣе. Все дѣло въ томъ, что мать, испытавшая много горя, умираетъ и оставляетъ своей дочери «записки», въ которыхъ учитъ ее, какъ должно жить въ свѣтѣ. Вотъ этими уроками мы и займемся теперь.

Съ первой же страницы на сценѣ нравственная веревочка. Мать проситъ дочь не быть слишкомъ *чувствительною*, какъ будто чувствительность есть такая условная вещь, которую можно имѣть и не имѣть смотря потому, какъ прикажетъ милая родительница. Затѣмъ слѣдуютъ совѣты о сохраненіи здоровья; тутъ чрезвычайно замѣчательна практичность взгляда. «Старайся, поучаетъ добрая родительница свою дочь, быть постоянно въ хорошемъ расположеніи духа, не принимай непріятностей живо къ сердцу, будь во всемъ умѣренна, а главное избѣгай излишней чувствительности». Эти слова напоминаютъ намъ одного доктора, который совѣтовалъ своему больному, бѣдному и жившему однимъ трудомъ человѣку «ни о чемъ не думать, ничѣмъ не заниматься и быть постоянно веселымъ».

Затѣмъ слѣдуютъ совѣты, относящіеся до сохраненія *хорошаго тона*; мать и на смертномъ одрѣ не забываетъ того, что и ей внушалось въ дѣтствѣ, и что переходитъ изъ рода въ родъ; tenez-vous droit, ne parlez pas haut—эти слова до сихъ поръ служатъ основою женской дрессировки и, конечно, съ молодости превращаютъ дѣвушку въ куклу на пружинахъ, поворачивающуюся только тогда, когда ее дернутъ за веревочку. Наша «добрая мать» внушаетъ дочери то же; »держись всегда непринужденно; сиди и ходи естественно; поклонъ твой долженъ быть приличенъ и граціозенъ, но не изысканъ; старайся постоянно избѣгать словъ, движеній, поступковъ, противорѣчащихъ *хорошему тону*, вотъ что заповѣдуетъ свѣтская нравственность, выдѣлывающая автоматовъ. Дальнѣйшіе ея совѣты состоятъ изъ слѣдующихъ положеній:

1) Надо стараться *нравиться всѣмъ*, женщинамъ, мужчинамъ,

старымъ и молодымъ, (т. е.—пояснимъ мы отъ себя—лги, лицемѣрь, поддѣлывай себя и поскорѣе выходи замужъ).

2) Надо постоянно сохранять пріятное выраженіе лица. (Ну а если его нѣтъ?);

3) Надо *держать себя какъ можно дальше отъ прислуги*; та особа, о которой легко узнать, что она часто бываетъ въ сообществѣ горничныхъ, никогда не заслужитъ добраго мнѣнія о себѣ;

4) Не надо говорить басомъ. (Да откуда же, милая родительница, взять дисканту-то, если вы не благоволили дать его при рожденіи?)

5) Надо стараться *пріобрѣтать* душевную красоту;

6) Первая и самая главная добродѣтель состоитъ въ истинной набожности;

7) Единственный способъ украсить жизнь и дать ей цѣну — это размышленіе о смерти и бесѣды съ Богомъ;

8) За любовью къ Богу слѣдуетъ любовь къ родителямъ;

9) Отца должно любить и уважать преимущественно за то, что онъ *виновникъ нашихъ дней;*

10) Общество родственниковъ надо предпочитать всякому другому обществу и проч. и проч. все въ томъ же назидательномъ тонѣ.

Затѣмъ, слѣдуютъ нѣкоторыя спеціальныя разсужденія о дружбѣ, любви, супружествѣ, счастьи—и педагогическій кодексъ готовъ.

Мы уже сказали, что съ намѣреніемъ выбрали эту книгу, потому что все то, что разбросано въ другихъ дѣтскихъ книжкахъ, здѣсь соединено въ одно. Положенія, которыя мы только что выписали, и составляютъ ту обиходную мораль, которая проповѣдуется дѣтямъ нашею дѣтскою литературою.

Намъ кажется, что нѣтъ ничего смѣшнѣе, а часто даже и вреднѣе этого рецептурнаго навязыванія ребенку извѣстныхъ нравственныхъ побужденій; мы не можемъ допустить этого насилованія дѣтской натуры этой нравственной ломки во имя принциповъ, изъ которыхъ многіе или давно отжили свое время или оказываютъ положительно вредное вліяніе, если натура ребенка достаточно воспріимчива для того, чтобы поддаться имъ. Пусть читатели наши не думаютъ, что говоря такъ, мы тѣмъ самымъ хотимъ высказать мысль о необходимости для ребенка произвольнаго и случайнаго развитія, т. е. такого, при которомъ не должны существовать никакіе совѣты, никакія указанія, никакія предостереженія. Нѣтъ. Мы, дѣйствительно, стоимъ за принципъ свободнаго, ненасильственнаго развитія, мы хотимъ, чтобъ оно совершалось не

по прописямъ, но мы не отвергаемъ пользы и даже необходимости совѣтовъ и указаній. Только здѣсь мы позволяемъ себѣ имѣть вотъ какое мнѣніе: совѣты эти не должны выражаться пришиваемою сзади моралью, въ видѣ тупоумныхъ гувернеровъ, а надо давать ихъ такъ, чтобы ребенокъ собственною внутреннею работой дошелъ до уясненія себѣ главныхъ нравственныхъ началъ, и самъ выработалъ себѣ свои убѣжденія и понятія; только тогда не поскользнется онъ на первомъ же шагу, какъ это случается съ нашими плохо дрессированными дѣтьми! Впрочемъ, говоря еще прямѣе, никакая прививная нравственность не можетъ имѣть дѣйствительнаго значенія, если самая жизнь не даетъ ей твердой опоры. Сколько ни поучайте вашего ребенка разнымъ заученнымъ добродѣтелямъ, но онѣ ни къ чему не послужатъ, когда среда, окружающая его, постоянно стираетъ ихъ съ него, какъ лакъ съ полированнаго дерева. Отчего мы постоянно жалуемся на разладъ слова и дѣла, на этотъ шумящій потокъ гуманныхъ фразъ, подъ которымъ прячется столько ядовитыхъ гадинъ и болотныхъ растеній? Оттого, что жизнь требуетъ отъ насъ униженія и лжи, а вычитанныя фразы требуютъ приличія и справедливости. Ну многимъ ли изъ насъ по силамъ — согласить вопіющія противорѣчія между нашимъ внутреннимъ міромъ и внѣшними общественными условіями. Конечно, найдется десятка два такихъ храбрецовъ, а прочимъ остается лгать передъ собой, передъ людьми, и кто лучше солжетъ, тотъ и кажется нравственнѣе въ нашихъ глазахъ. Поэтому надо отказаться навсегда отъ той мысли, чтобы можно было навязать человѣку правила жизни, выучить его ходить, двигаться, мыслить, наконецъ чувствовать по извѣстному рецепту. Предположите даже, что мораль, навязанная вами, не такъ пошла и узка, какова она на самомъ дѣлѣ,—какъ вы полагаете, будетъ ли въ состояніи человѣкъ носиться съ нею при всѣхъ обстоятельсвахъ его жизни, во всѣхъ случаяхъ, которые ни вы, ни онъ самъ не могъ предвидѣть въ будущемъ? Не думаемъ.

Это о несостоятельности и безполезности прививной морали въ общемъ ея смыслѣ. Но въ томъ видѣ, въ какомъ она навязывается у насъ, при нашемъ семейномъ гнетѣ, при самой жалкой обстановкѣ низшихъ учебныхъ заведеній, съ тѣлесными возбужденіями, вывертываніемъ вихровъ и тому подобными наставническими поученіями, эта *набивная* мораль ведетъ прямо къ умственному идіотизму. Дѣйствительно, вотъ предметъ, на который, по нашему мнѣнію, должны быть устремлены всѣ старанія педагоговъ: работа ихъ должна состоять соб-

ственно въ отрицательномъ направленіи, т. е. отдалять отъ ребенка какъ можно дальше всѣ произвольно-придуманныя теоріи нравственности, слѣдовательно, какъ можно меньше воспитывать и какъ можно больше учить его. Умственное развитіе должно быть главнѣйшею цѣлію всякаго порядочнаго воспитанія; безъ него нѣтъ и не можетъ быть трезвой и разумной нравственности, потому что чего мы не понимаемъ, того не можемъ дѣлать по убѣжденію, а всякая нравственность, основанная на привычкѣ или принужденіи, а не на внутреннемъ сознаніи, есть чистѣйшая ложь, глубоко-безнравственная въ самомъ источникѣ своемъ. Я понимаю, что можно возить воду или таскать цѣпи на ногахъ по приказанію, но быть честнымъ и хорошимъ человѣкомъ изъ подъ палки рѣшительно невозможно. Пока я самъ не убѣдился и органически не развился до сознанія различія между дурнымъ и хорошимъ поступкомъ, пока я инстинктивно не стану презирать подлость и чувствовать необходимость въ честномъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ всѣ мои нравственныя правила ни къ чему не ведутъ.

Можно напороть сколько угодно разной риторической чепухи о долгѣ, чести, высокой любви къ отечеству, можно при этомъ скорчить самую добродѣтельную физіономію, можно даже увѣрить другихъ въ этой добродѣтели, но все это еще далеко отъ того, чтобы дѣйствительному мерзавцу обратиться въ дѣйствительнаго честнаго человѣка. Совсѣмъ другое дѣло, когда умственное развитіе доводитъ ребенка до пониманія того, что хорошо и дурно, что честно и безчестно, когда онъ самъ, помимо наставническихъ понуканій и пошленькихъ сентенцій дѣтскихъ книжекъ, станетъ на критическую точку зрѣнія окружающей его жизни. Безъ этого анализа нѣтъ самостоятельнаго развитія, а безъ самостоятельнаго умственнаго развитія нѣтъ нравственности, а остается какая-то пассивная, болѣзненная покорность тому, что заставляютъ насъ дѣлать принудительныя силы.

Вотъ въ краткихъ словахъ главныя черты нашего взгляда на отношенія воспитателей къ воспитывающимся. Таковы стремленія современной педагогіи вообще; для педагогіи собственно русской они, конечно, тѣ же самые, но примѣненіе ихъ должно быть еще обширнѣе, еще точнѣе. Другими словами,—если гдѣ умственное развитіе ребенка должно стоять на первомъ планѣ, то это, конечно, въ Россіи. Мы, безъ сомнѣнія, никого не удивимъ, если скажемъ, что нравственность, (понимаемая въ самомъ обширномъ смыслѣ), стоитъ въ нашемъ обществѣ на весьма невысокой степени; нашъ моральный сводъ законовъ болѣе

чѣмъ какой либо другой, поражаетъ узкостью, пассивностью, своего рода асконченствомъ. Если всмотрѣться ближе въ это печальное явленіе, то сдѣлается ясно какъ день, что причина его таится въ отсутствіи умственнаго развитія, въ бѣдности тѣхъ свѣденій, которыя однѣ могутъ дать человѣку честный и здравый взглядъ на вещи и сдѣлать его существомъ въ самомъ дѣлѣ нравственнымъ. Красивыми картинками и пошло-трогательными разсказами о разныхъ Петяхъ, Васяхъ и Мишахъ вы не разовьете въ ребенкѣ чувства высокой справедливости, общечеловѣческой любви, благороднаго сознанія своего достоинства, — словомъ, всѣхъ тѣхъ чувствъ, отсутствіемъ которыхъ такъ сильно страдаетъ наше общество. Но мы знаемъ, что большинство *благовоспитанныхъ* мамашей и папашей не поймутъ всей важности нашего мнѣнія и долго еще будутъ искать нравственнаго воспитанія своихъ дѣтей въ той же нелѣпой обстановкѣ, въ которой они выросли сами, въ тѣхъ же назидательныхъ урокахъ, которые внушены намъ крѣпостнымъ правомъ, въ тѣхъ же умилительныхъ правилахъ, по которымъ можно говорить языкомъ новаго поколѣнія, и дѣлать такъ же, какъ дѣлалось за сто лѣтъ прежде.

Переходимъ теперь къ главному предмету нынѣшней бесѣды нашей— къ дѣтской русской литературѣ.

Какова задача русской практической педагогіи, такова, конечно, должна быть задача и дѣтской литературы. Для того, чтобы педагогъ-практикъ могъ развивать умъ ребенка, т. е. обогащать его познаніями—(какого рода должны быть эти познанія, объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ)—онъ долженъ имѣть средства къ такому обогащенію, а такія средства заключаются, конечно, только въ книгахъ. Поэтому, дѣтская литература должна *по настоящему* заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы представлять самые разнообразные и богатые матеріалы для умственнаго развитія ребенка.

Но не все то, что должно быть, есть на самомъ дѣлѣ. Груда дѣтскихъ книжекъ, просмотрѣнныхъ нами, убѣдила насъ въ томъ, что большая часть изъ нихъ *назидательнаго* свойства, т. е. что онѣ написаны съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать дѣтей добрыми, послушными, обходительными и т. д., но никакъ не умными, или, вѣрнѣе, умственно-развитыми. Между тѣмъ, по количеству, дѣтская наша литература очень богата; книжки точно съ неба сыплются, и ни одинъ геніальный писатель не удостоивается у насъ чести быть изданнымъ такъ роскошно, какъ издаются наивныя повѣствованія о Мишѣ, обману-

томъ Сашей, или о Ванѣ, у котораго нечаянно умеръ чижикъ. Такое обилiе дѣтскихъ книжекъ, естественно, приводитъ къ заключенiю, что публика чувствуетъ въ нихъ потребность и что онѣ сбываются отнюдь не въ убытокъ своимъ издателямъ; признаемся, что это самое обстоятельство заставило насъ говорить въ нынѣшнемъ библiографическомъ листкѣ о русской дѣтской литературѣ. Очень можетъ быть, да и это весьма вѣроятно, что голосъ нашъ будетъ вопiять въ пустынѣ; но мы все-таки подадимъ его.

И такъ, большая часть выходящихъ и выходившихъ дѣтскихъ книжекъ—*назидательнаго* свойства. Всѣ онѣ развиваютъ поучительными примѣрами и ярко раскрашенными картинками мельчайшiя подробности нашего моральнаго кодекса и пичкаютъ ими бѣдныхъ дѣтей, точно хотятъ, чтобъ эти бѣдныя дѣти до костей профаршировались этою пресловутою моралью. Какого рода эта мораль и каковъ вообще моральный кодексъ, предлагаемый въ руководство дѣтямъ—объ этомъ мы уже говорили. Дѣтская литература наша ни на шагъ не отступаетъ отъ указанiй этого кодекса, и во всей этой кучѣ книжекъ я не встрѣтилъ почти ни одной, которая была бы составлена сколько-нибудь по человѣчески или хоть нѣсколько отступала отъ извѣстнаго образца. Напримѣръ, надо доказать ребенку, что обжорство нехорошая и вредная вещь; для этого изобразите маленькаго Ваню, страдающаго этимъ *порокомъ*; разскажите, какъ онъ, не смотря на предостереженiя и приказанiя своихъ сердобольныхъ родителей, не унимался и однажды нажрался до того, что опасно заболѣлъ и пролежалъ въ постели два мѣсяца. Къ этому разсказу прибавьте нравоученiе: «Эта болѣзнь совершенно образумила Ваню и онъ понялъ, что папенька и маменька были совершенно правы, когда не позволяли ему предаваться излишеству въ кушаньи. Затѣмъ, переберете остальныя положенiя кодекса и воздѣлайте ихъ точно такимъ же образомъ; приложите къ вашему аптекарскому издѣлiю нѣсколько картинокъ, хотя бы и лубочныхъ, облеките все это въ изящный переплетъ,—и вы можете быть увѣрены, что ни на шагъ не отстанете отъ другихъ сочинителей дѣтскихъ книжекъ, и что ваше *сочиненiе* вызоветъ не одну одобрительную улыбку добродѣтельныхъ родителей, желающихъ, чтобы и отростки ихъ обладали точно такими же добродѣтелями. И замѣчательное дѣло: всѣ эти книжки, излагающiя правила добродѣтели, покупаются тѣмъ самымъ обществомъ, въ которомъ большая часть этихъ правилъ не имѣетъ ровно никакого примѣненiя на практикѣ. Ребенокъ, напримѣръ, получаетъ въ

подарокъ отъ виновника своихъ дней книжку, въ которой убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывается, что надо помогать бѣднымъ. Виновникъ дней самъ читаетъ съ своимъ дѣтищемъ эту книжку и прибавляетъ еще свои поясненія. Послушное дѣтище безсознательно умиляется и говоритъ: — «да папаша, я всегда буду помогать бѣднымъ» — черезъ часъ видитъ уже не въ книжкѣ, а на самомъ дѣлѣ какъ его папаша гордо и презрительно отказывается заплатить по счету бѣдному мастеровому, работавшему на него. Тоже самое и съ правилами о честности, о сознаніи собственнаго достоинства, объ умѣренности желаній и т. п.

Я сказалъ, что аптекарское заготовленіе дѣтскихъ книжекъ, т. е. сочиненіе ихъ по извѣстному рецепту, весьма легко и удобно. И, дѣйствительно, большая часть сочинителей этихъ книжекъ употребляютъ такой способъ. Возьму нѣсколько примѣровъ; это избавитъ меня отъ упрека въ голословности обвиненій и вмѣстѣ дастъ мнѣ случай исполнить настоящую обязанность библіографа, т. е. познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ произведеній дѣтской литературы за послѣднее время. Разборъ двухъ, трехъ такихъ произведеній покажетъ и сущность правилъ, внушаемыхъ дѣтямъ, и способъ ихъ составленія.

Вотъ, напримѣръ, *«Корзинка съ фруктами для маленькихъ дѣтей, желающихъ научиться быть добрыми и умными изъ примѣра своихъ товарищей. Нравственные разсказы для дѣтей. Сочинилъ В. Модестовъ.* (Книжка эта издана еще въ 1860 году; но для насъ это все равно; мы не стѣсняемся хронологическими условіями, потому что во-первыхъ, большая часть книжекъ, выпущенныхъ даже шесть, семь лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ находится въ продажѣ, а во-вторыхъ, характеръ ихъ не измѣняется). Изъ одного заглавія этой книженки видно, какъ почтенный авторъ понимаетъ задачу дѣтскаго воспитанія; онъ убѣжденъ, что можно *«научиться»* быть добрыми и умными (!) изъ примѣра своихъ товарищей». Корзинка съ фруктами» названіе аллегорическое; подъ корзинкою понимайте *всю* книжку г. Модестова; а подъ фруктами отдѣльные разсказы, изъ которыхъ каждый олицетворяетъ какое-нибудь правило добродѣтели. Фрукты эти, если и отзываются гнилью, то все-таки имѣютъ весьма почтенный видъ съ псевдо-добродѣтельной точки зрѣнія. Всѣхъ фруктовъ въ корзинкѣ пятьдесятъ; попробуемъ отвѣдать нѣкоторые изъ нихъ, такъ какъ мы предполагаемъ, что нашъ желудокъ достаточно здоровъ для того, чтобы не засориться отъ этой гнили.

Вотъ вамъ фруктъ, называющійся *неумѣренность*. Петя обожрался вишнями и зато послѣ не могъ уже ничего ѣсть, да въ добавокъ еще сдѣлался нездоровъ и получилъ выговоръ, между тѣмъ какъ умныя дѣти, Ваня и Лиза, покушали умѣренно, и зато могли потомъ за обѣдомъ ѣсть вкусную кулебяку. «Вотъ — прибавляетъ садовникъ, т. е. г. Модестовъ—Петя и наказанъ за *неумѣренность!*» Слѣдуетъ фруктъ подъ названіемъ *доброты*. Доброта состоитъ въ томъ, что Аннушка попросила у Машеньки книжку съ картинками; Машенька попросила позволенія у своихъ родителей исполнить просьбу Аннушки. Добрые родители согласились, а добрый папенька Аннушки пришелъ въ такой восторгъ, что поцѣловалъ Машеньку, назвалъ ее милымъ, добрымъ ребенкомъ и въ награду повезъ за городъ гулять. Видите ли, милыя дѣти, какъ хорошо быть добрымъ, и видите ли, въ чемъ, по мнѣнію г. Модестова, заключается доброта! Не дѣлайте же, милыя дѣти, добрыхъ дѣлъ по собственному побужденію, по безкорыстному чувству,—дѣлайте ихъ потому, что за нихъ васъ будутъ награждать! Оно и практично, и душеспасительно... Не менѣе вкусенъ плодъ подъ названіемъ *лѣность*. Папенька обѣщалъ дѣтямъ, что если на слѣдующее утро онѣ рано встанутъ, то онъ за это поведетъ ихъ гулять съ собою и дастъ имъ на завтракъ отличнаго молока съ бѣлымъ хлѣбомъ. Коля, дѣйствительно, всталъ и за это видѣлъ картину восхожденія солнца и пилъ отличное молоко; а Гришѣ спать хотѣлось, онъ не всталъ и за это не видѣлъ картины восхожденія солнца и остался на черствомъ хлѣбѣ. Слѣдовательно, милыя дѣти, не спите, когда вамъ хочется спать, а иначе вы будете многихъ удовольствій лишаться. Г. Модестовъ даже доказываетъ, что изъ васъ никогда ничего не выйдетъ, если у васъ будутъ такія ужасныя наклонности! Далѣе г. Модестовъ разсказываетъ исторію о томъ, что Поля увидѣла въ кухнѣ подъ столомъ собаку, приняла ее за волка и ужасно испугалась; но мать вывела ее изъ заблужденія, и потомъ назидательно говорила другимъ дѣтямъ: «не бойтесь ничего; милосердый Богъ вездѣ надъ вами и никому не позволитъ оскорбить васъ».—Не хорошо также, по мнѣнію г. Модестова, быть нетерпѣливымъ во время болѣзни; чтобы доказать это, онъ разсказываетъ такую исторію: Оля и Саша заболѣли оспою; Оля терпѣливо сносила боль и потому скоро выздоровѣла, а Саша металась, кричала и потому пролежала въ постели гораздо дольше сестры! Чтобы доказать дѣтямъ, какъ гадокъ порокъ воровства, г. Модестовъ сообщаетъ, что Агату и Настю крѣпко наказали за то,

что онѣ украли нѣсколько абрикосовъ. Слѣдовательно, милыя дѣти, воздерживайтесь отъ воровства не потому, что оно само по себѣ гадко, а потому, что за него наказываютъ. Затѣмъ г. Модестовъ вынимаетъ изъ своей корзинки фрукты, свидѣтельствующіе о вредѣ *небрежности*, *лжи*, *мученья животныхъ*, о пользѣ *прилежанія*, о необходимости *помогать бѣднымъ*, о томъ даже, что надо умѣть переносить всѣ лишенія для того, чтобъ сдѣлаться генераломъ! Этотъ послѣдній фруктъ, подъ названіемъ *«генералъ«* до того вкусенъ и красивъ, что я не могу не представить его здѣсь въ томъ видѣ, въ которомъ онъ возращенъ самимъ авторомъ.

«Маленькій Яковъ—такъ разсказываетъ г. Модестовъ — былъ удивительно нѣжный мальчикъ, боялся холоднаго воздуха, боялся дождя; а если приходила зима со снѣгомъ и льдомъ, то и совсѣмъ не выходилъ изъ теплой комнаты или одѣвался въ шубу, крытую сукномъ, надѣвалъ перчатки на мѣху и закутывался съ ногъ до головы, а между тѣмъ, ежели его спрашивали, чѣмъ онъ хочетъ быть? всегда съ гордостію отвѣчалъ: хочу быть генераломъ!

«Такой отвѣтъ услышалъ однажды папенька и сказалъ ему: прекрасный ты будешь генералъ!» и засмѣялся: но знаешь ли ты, мой милый? Генералъ есть солдатъ; долженъ переносить и холодъ, и жаръ, и дождь, и бурю, и не можетъ быть отъ того нездоровъ, а ты хочешь быть генераломъ (въ книгѣ г. Модестова слово генералъ всегда пишется съ большой буквы, вѣроятно, для внушенія дѣтямъ бо̀льшаго уваженія къ этому чину); съ своимъ кашлемъ и насморкомъ, ты причудливѣе всякой дѣвочки; нѣтъ, тебѣ не быть генераломъ, если ты не перемѣнишься!

«Сынъ долго обдумывалъ слова своего отца и нашелъ ихъ справедливыми. Такъ я же перемѣнюсь, совсѣмъ перемѣнюсь, говорилъ онъ; пошелъ къ папенькѣ и представилъ ему твердое свое намѣреніе. Хорошо, отвѣчалъ отецъ, держись своего слова и начни съ самаго легкаго. Брось пуховики, спи на соломенномъ матрасѣ, а одѣвайся легкимъ покрываломъ.

«Яковъ повиновался; сперва жаль было ему своихъ пуховиковъ, но чрезъ нѣсколько дней онъ и не вспоминалъ о нихъ.

«Теперь скинь толстые свои сюртуки и носи легкое платье; брось шейные платки и мойся каждое утро холодною водою, съ головы до ногъ.

«Яковъ исполнялъ, что ему совѣтовали, превозмогъ отвращеніе къ холодной водѣ, но не отставалъ отъ своей рѣшимости, какъ ни было трудно.

«Теперь, сказалъ отецъ, каждый день и въ дождь, и въ снѣгъ, ходи или бѣгай на воздухѣ часа по два; не бойся ни морозу, ни жару, и если исполнишь это, говори всякому: я хочу быть генераломъ — и никто не будетъ смѣяться надъ тобою. Сынъ строго исполнялъ эти наставленія; всѣ времена года сдѣлались для него равны; всякая погода хо-

роша. Скоро онъ узналъ хорошія слѣдствія своего постоянства. Онъ прежде почти всегда былъ боленъ, теперь сталъ сильнымъ, крѣпкимъ, краснощекимъ мальчикомъ. Росъ потомъ также въ полной крѣпости силъ, съ лѣтами былъ солдатомъ, офицеромъ и наконецъ, отличившись на войнѣ примѣрнымъ мужествомъ и неустрашимостью, достигъ степени генерала.

«Чѣмъ бы онъ былъ безъ упорнаго постоянства? Ничѣмъ и ничего бы изъ него не вышло.»

Такимъ образомъ, милыя дѣти получаютъ еще одинъ превосходный урокъ, необходимый для развитія въ нихъ нравственнаго чувства, о чемъ повидимому такъ хлопочетъ г. Модестовъ; они получаютъ стремленіе сдѣлаться генераломъ и узнаютъ, что для достиженія этого званія надо переносить множество лишеній. Эта теорія, конечно, покажется имъ совершенно справедливою и на практикѣ: они вѣдь и на дѣлѣ увидятъ, что генеральскій чинъ достается не даромъ.

Остальные фрукты г. Модестова всѣ такого же рода, но иные изъ нихъ отличаются особенною спеціальностью; онъ не совѣтуетъ, напримѣръ, дѣтямъ курить трубку, рвать на стѣнахъ обои, вскакивать на лошадей, лазить въ птичьи гнѣзда, пить лекарство въ здоровомъ состояніи и т. п.,—и всѣ свои совѣты подкрѣпляетъ доказательствами и примѣрами. Вездѣ оказывается, что добродѣтель торжествуетъ, а пороки (!) въ родѣ вышеприведенныхъ, наказываются. Замѣчательно, какимъ путемъ г. Модестовъ старается дѣйствовать на развитіе въ дѣтяхъ добродѣтельныхъ наклонностей: добродѣтельныя дѣти у него вездѣ *награждаются*, и притомъ матеріально; то имъ даютъ подарки, то ихъ повезутъ гулять, то доставятъ другое удовольствіе... Мы остановились на этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, потому что оно бросается въ глаза не только въ книжкѣ г. Модестова, но и во всѣхъ другихъ дѣтскихъ книжкахъ. Ни одинъ почти сочинитель не говоритъ дѣтямъ, что добро надо дѣлать только потому, что дѣланіе добра есть одно изъ главныхъ условій хорошей натуры; каждый изъ нихъ точно *приманиваетъ* ребенка къ добру, раздражаетъ его аппетитъ разными лакомствами,—слѣдовательно, какъ видите, въ основаніи добрыхъ дѣлъ у нашихъ педагоговъ лежатъ пряники и разныя возбудительныя средства, которыми нерѣдко поддерживаютъ наши добродѣтели и въ зрѣломъ возрастѣ.

Выбираю изъ лежащей передо мною груды еще одну книжку. Это— *«Умъ и сердце въ занимательныхъ разсказахъ и поучительныхъ*

бесѣдахъ отца съ дѣтьми,» — неизвѣстнаго автора. Неизвѣстный авторъ на первой же страницѣ показываетъ, что онъ любитъ дисциплину. Такъ дѣтей онъ начинаетъ развивать тѣмъ, что пріучаетъ ихъ своимъ умомъ не дѣйствовать. По его мнѣнію, дѣти никогда не должны даже *судить* (вотъ какова строгость) о дѣлахъ тѣхъ, которые гораздо ихъ опытнѣе; дѣти должны безъ всякихъ разсужденій исполнять то, чего требуютъ отъ нихъ родители; если мать или отецъ говорятъ: «я хочу», — дитя не имѣетъ права спросить: почему именно? а должно тотчасъ же исполнять. «Маменька — говоритъ Амалія своей матери — позвольте мнѣ сегодня идти къ моему двоюродному брату Андрюшѣ. Нѣтъ, Амалія — отвѣчаетъ мать — я тебѣ этого не позволю. Отчего же, маменька? — Я думаю — замѣчаетъ мать, что я не обязана объяснять тебѣ причины всѣхъ моихъ дѣйствій. Маленькая дѣвочка должна всегда безпрекословно повиноваться своимъ родителямъ.»

И резонъ. Самостоятельное развитіе ума иначе не достигается, какъ безпрекословнымъ подчиненіемъ уму другого. И опять-таки на этомъ обстоятельствѣ мы остановились потому, что оно также принадлежность почти всѣхъ дѣтскихъ книжекъ. Почти всѣ эти умственные развиватели начинаютъ съ того, что сажаютъ умъ на цѣпь, — и если бы всѣ эти книжки въ самомъ дѣлѣ могли дѣйствовать на всѣхъ безъ исключенія дѣтей, то какое бы почтенное количество Молчалиныхъ прибавилось къ количеству, уже вращающемуся въ нашемъ обществѣ. Мы говоримъ: на всѣхъ безъ исключенія, — потому что все-таки остается огромное число, въ которомъ эти правила безпрекословнаго повиновенія чужому уму всосаны чуть не съ молокомъ...

Что касается до развитія сердца, то книжка, о которой мы теперь говоримъ, не менѣе замѣчательна и въ этомъ отношеніи. Интересно то, что почти всѣ дѣтскія книжки, а въ томъ числѣ и эта, имѣютъ въ виду преимущественно дѣтей богатыхъ или по крайне мѣрѣ, достаточныхъ родителей (можетъ быть потому, что почти всѣ онѣ, т. е. книжки, продаются по весьма дорогой цѣнѣ). Но добродѣтельные авторы, для того, чтобы познакомить своихъ читателей съ бѣдностью, существующею на свѣтѣ, сталкиваютъ ихъ съ дѣтьми и людьми бѣдными, и вселяютъ правила благотворительности. Узкость и пошлость общаго взгляда на добродѣтель разительнымъ образомъ высказывается и въ частномъ воззрѣніи на благотворительность. Дѣтямъ разсказываютъ, какъ Петя отдалъ бѣдному старику кусокъ хлѣба съ

масломъ, какъ Машенька подарила бѣдной дѣвочкѣ одно изъ безчисленнаго множества своихъ платьевъ, какъ Женичка удостоила своею бесѣдой и лаской какую-нибудь Авдотью — и думаютъ, что показали дѣтямъ значеніе истинной благотворительности, что исчерпали все, что можно было сказать объ этомъ предметѣ! И во всемъ этомъ, въ добавокъ, выказывается такая приторно барская покровительственность; всѣ эти *бѣдныя* дѣти третируются такимъ приторно - величавымъ тономъ, что становится смѣшно и горько. Намъ такъ и видится какой-нибудь барченокъ, вычитывающій въ красивой книжкѣ, что существуютъ на свѣтѣ дѣти, у которыхъ нѣтъ не только шелковой рубашки, но и куска хлѣба, и что этимъ «бѣдненькимъ» слѣдуетъ помогать, т. е. удѣлять кое-что изъ пищи и одежды; но въ то же время этотъ барченокъ ясно видитъ изъ той же книжки, что становиться на одну доску съ этими «бѣдными» ему не слѣдуетъ, потому что онъ все-таки *дитя бѣлой кости.* Въ книжкѣ неизвѣстнаго автора, озаглавленной *«Умъ и сердце»*, мальчики, помогающіе такимъ образомъ, называются даже благодѣтелями! Не представляется ли и вамъ, читатель, что этотъ барченокъ въ самомъ дѣлѣ оказываетъ благодѣяніе, когда удѣляетъ бѣдному мальчику кусочекъ хлѣба съ масломъ?

Остальные нравственные принципы въ книжкѣ «Умъ и сердце» тѣ же, что и въ «Корзинкѣ съ фруктами», только съ нѣкоторыми варіаціями, и съ тою разницею, что написана она гораздо безграмотнѣе и что картинки ея своимъ изяществомъ способны привести въ ужасъ.

Беру еще одну книжку, эта ужь совсѣмъ иного свойства, — свойства патріотическаго. Категорія патріотическихъ дѣтскихъ книжекъ — категорія весьма многочисленная. Оно, конечно, развитіе патріотическаго чувства въ дѣтяхъ дѣло весьма похвальное; почему и не разогрѣть молодую душу любовью къ родинѣ и къ славѣ ея? Но дѣло въ томъ, что у насъ это подогрѣваніе совершенно особеннаго свойства; патріотическое чувство, разогрѣваемое въ русскихъ дѣтяхъ и нерѣдко сопровождающее ихъ во всю жизнь, отзывается тѣмъ же, чѣмъ вообще отзываются всѣ подогрѣтыя кушанья. Патріотизмъ не принимается въ обширномъ его значеніи; это не любовь къ *внутреннему* преуспѣянію родины, къ развитію всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ ея; это большею частію узкая самолюбивая замкнутость, выѣзжающая на внѣшнихъ украшеніяхъ, внѣшнихъ эффектахъ. Такого рода патріотизмъ не только внушается дѣтямъ; онъ составляетъ характеристическую черту многихъ, и весьма многихъ членовъ нашего общества.. ..

Книжка, по поводу которой я заговорилъ о дѣтскихъ книжкахъ патріотическаго свойства, называется: *«Разсказы дѣтямъ объ ихъ отцахъ и братьяхъ»*. Неизвѣстный авторъ для возбужденія въ дѣтяхъ патріотическаго чувства, предлагаетъ разсказы, относящіеся къ нашимъ подвигамъ во время крымской компаніи;—и въ самомъ дѣлѣ, это весьма удобный случай для эффектныхъ примѣровъ. Самыхъ разсказовъ мы не коснемся; они почти всѣ извлечены изъ газетъ и изложены въ формѣ, болѣе доступной для дѣтскаго пониманія; но намъ показался интереснымъ взглядъ автора на то, чему позднѣйшія поколѣнія должны учиться у предшествовавшихъ, и что, по его мнѣнію, внушаемому его книжкою дѣтямъ, составляетъ истинную силу и величіе.

> «Въ подвигахъ современной храбрости (пишетъ онъ), великодушія и мужественнаго присутствія духа въ трудныхъ обстоятельствахъ, заключены *великіе уроки поколѣніямъ позднѣйшимъ*. Сыновья наслѣдуютъ храбрость отцовъ своихъ, внуки научатся умирать, какъ умирали ихъ дѣды. Въ сердцѣ каждаго русскаго съ самаго дѣтства заключены зародыши элементовъ, составляющихъ силу и славу Россіи; но чтобъ эти зародыши развились, окрѣпли и перешли въ подвиги, подобные достохвальнымъ подвигамъ, знаменующимъ нашу эпоху (это было писано во время крымской компаніи), должно, чтобъ дѣти при первомъ проявленіи сознанія имѣли передъ глазами примѣры, слышали правильное истолкованіе этихъ примѣровъ...»

Самое интересное и прекрасно характеризующее всю систему нашего дѣтскаго воспитанія въ этой книжкѣ то, что авторъ, по собственнымъ словамъ своимъ, назначилъ ее «для дѣтей всѣхъ сословій, для дѣтей умѣющихъ читать, но еще не достигшихъ того возраста, *въ которомъ начинается правильное образованіе ума*; книга эта—такъ говоритъ авторъ ея — должна дѣйствовать на *воображеніе и сердце ребенка»*. Другими словами: инстинктивно, безсознательно увлекайтесь примѣрами, доказывающими веселіе и славу вашего отечества; но умомъ ихъ не обсуждайте—ни-ни-ни. Думать послѣ будете, а теперь мы на ваше сердце и воображеніе станемъ дѣйствовать...

Любопытно также въ названной нами книжкѣ мнѣніе автора, что «разсказы о славѣ отечества, послѣ первыхъ молитвъ и азбуки, раньше всего должны быть передаваемы дѣтямъ».

Передъ нами еще нѣсколько отобранныхъ нами для разбора дѣтскихъ книжекъ, имѣющихъ цѣлью развить въ дѣтяхъ нравственныя чувства всякаго сорта. Но чѣмъ болѣе мы пересматриваемъ эти книж-

ки, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что разборомъ ихъ только утомимъ безъ всякой пользы вниманіе нашихъ читателей. Всѣ эти книжки, въ самомъ дѣлѣ, до того походятъ сущностью своею другъ на друга, что четырехъ разобранныхъ нами весьма достаточно для составленія себѣ понятія о всей категоріи. Сущность эта—пассивная, большею частію сочиненная мораль съ различными видоизмѣненіями, — и если бы представить себѣ ребенка, который дѣйствительно пропитался этою моралью и вошелъ въ жизнь съ тѣми только добродѣтелями, которыя онъ вычиталъ въ предлагавшихся ему книжкахъ, то образъ вышелъ бы въ самомъ дѣлѣ крайне поучительный. Передъ нами явился бы человѣкъ, пропитанный прежде всего любовью къ внѣшней славѣ своего отечества, затѣмъ не прекословящій старшимъ, не разсуждающій о дѣлахъ тѣхъ, которые умнѣе и опытнѣе его, готовый дать бѣдному кусокъ хлѣба и пару сапоговъ, скромный въ обществѣ, не обжора, не лѣнивый, встающій всегда рано, говорящій не громко, двигающійся по стрункѣ и т. п. Замѣтьте, сколько тутъ *не* и сколько силы въ этихъ всѣхъ качествахъ! Образъ, въ самомъ дѣлѣ, привлекательный и очень стоющій того, чтобы родители, наставники и составители дѣтскихъ книжекъ позаботились о созданіи его!

Обращаемся теперь къ книжкамъ, предназначаемымъ для умственнаго обогащенія своихъ читателей, и прежде скажемъ въ короткихъ словахъ, въ чемъ, по нашему мнѣнію, состоитъ умственное обогащеніе. Оно заключается, конечно, въ пріобрѣтеніи познаній, но изъ этого не слѣдуетъ, что умъ ребенка долженъ сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ анбара, наполненнаго до верху самыми разнообразными товарами, сваленными въ кучу безъ всякаго порядка и разбора. Въ этомъ случаѣ, мы первые возстаемъ противъ энциклопедичности, которою начиняютъ многихъ дѣтей, и намъ всегда становится жалко, когда мы видимъ ребенка, въ одно и то же время зазубривающаго наизусть стихи, которыхъ онъ большею частью не понимаетъ, ариѳметическія правила, географію, исторію и всякія другія науки. Такое обученіе тоже своего рода ломка, тоже насилованіе естественнаго развитія, и всѣ эти дѣти, кажущіяся своимъ родителямъ и наставникамъ чудесами учености, выходятъ какими-то куклами, въ итогѣ рѣшительно ничего не знающими. Подъ знаніями мы разумѣемъ тѣ свѣденія, которыя даютъ уму естественное и надлежащее развитіе и устанавливаютъ въ пріобрѣтающемъ ихъ здравый взглядъ на человѣка и природу, — тѣ свѣденія, которыя помогаютъ человѣку узнать его отношенія къ обществу и показываютъ

ему, что онъ такое на самомъ дѣлѣ и въ чемъ его назначеніе. Такого рода знанія пріобрѣтаются, конечно, ни чѣмъ инымъ, какъ естественными науками; въ настоящее время не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что естествознаніе есть коренная основа всякаго серьёзнаго образованія, что оно, и только оно, можетъ очистить умъ отъ тѣхъ заблужденій, которыя доселѣ мѣшаютъ человѣку понимать ясно самыя простыя и полезныя для него вещи. Излагать подробно, почему именно естествознаніе такъ важно для человѣческаго развитія, почему безъ него человѣкъ не дойдетъ до полнаго уясненія своей сущности, своихъ отношеній къ обществу — мы не будемъ, это не наше дѣло, да и такое объясненіе завело бы насъ слишкомъ далеко; притомъ же, мы не думаемъ, что мнѣніе о важности естественныхъ наукъ въ системѣ дѣтскаго воспитанія требуетъ особаго объясненія и особыхъ доказательствъ. Естественныя науки важны тѣмъ, что онѣ науки точныя и лучше другихъ наукъ выбиваютъ изъ насъ всякую мистическую, идеалистическую и эстетическую придурь, а въ русскомъ обществѣ, какъ извѣстно, этой придури не мало... Поэтому русскому ребенку занятіе естественными науками необходимѣе, чѣмъ всякому другому. Изъ этихъ словъ не слѣдуетъ, что, по нашему мнѣнію, ребенка слѣдуетъ учить естественнымъ наукамъ, и больше ничему; мы только хотимъ сказать, что естественныя науки должны быть первымъ предметомъ, предлагаемымъ вниманію ребенка. Географія, арифметика и нѣкоторыя другія науки, безъ сомнѣнія, полезны, но во 1-хъ, каждая изъ нихъ сообщаетъ только спеціальныя познанія, а во 2-хъ, онѣ даютъ фактическія свѣденія, а не развиваютъ. Можно отлично знать географію, можно быть хорошимъ математикомъ, и въ то же время не сознавать всей пошлости, узкости, пассивности многихъ общественныхъ отношеній и самыхъ обыкновенныхъ условій жизни; но нельзя быть знакомымъ съ естествознаніемъ и въ то же время держаться тѣхъ предразсудковъ, которые губятъ наше общество и постоянно держатъ его на веревкѣ. Просимъ, однако, замѣтить, что настаивая на важности и необходимости естествознанія въ системѣ обученія, мы тѣмъ самымъ не заявляемъ желанія, чтобы каждый ребенокъ прежде всего дѣлался спеціалистомъ по части естественныхъ наукъ. Никакой спеціальности мы не требуемъ; спеціалистомъ сдѣлается тотъ, кто захочетъ имъ сдѣлаться; мы хотимъ только, чтобъ ребенка знакомили прежде всего съ главными естественными *законами* въ силу которыхъ все живетъ, движется и постоянно дѣйствуетъ на насъ. Если мысль наша не совсѣмъ ясна, то мы крайне

сожалѣемъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что подробно развивать ее считаемъ по многимъ причинамъ неудобнымъ.

И такъ, намъ было бы крайне желательно, чтобъ дѣтская литература отнеслась къ своимъ читателямъ именно съ этой стороны, и тутъ мы должны съ удовольствіемъ замѣтить, что въ послѣднее время нѣкоторые издатели сознали важность естествознанія для развитія дѣтскаго ума и начали прилагать свои старанія къ удовлетворенію этой потребности. Ниже мы еще скажемъ объ этой дѣятельности, а теперь замѣтимъ, что то удовольствіе, которое мы только-что высказали, значительно умѣряется при видѣ огромнаго количества книгъ, предназначаемыхъ повидимому для умственнаго обогащенія молодыхъ читателей, а на дѣлѣ набивающихъ головы ихъ всякимъ вздоромъ, такъ напримѣръ, значительную роль по количеству играютъ въ массѣ этихъ книжекъ разные сборники поздравительныхъ и quasi-патріотическихъ стихотвореній. Первые положительно безполезны, вторые положительно вредны,— а между тѣмъ и тѣ, и другіе раскупаются въ значительномъ количествѣ, и чадолюбивые родители восхищаются, когда ихъ юные потомки лепечутъ имъ чепуху, въ которой ни умъ, ни сердце не принимаютъ ровно никакого участія. По этимъ книженкамъ ребенокъ съ первыхъ дней своего сознательнаго существованія пріучается думать чужимъ умомъ и чувствовать чужимъ сердцемъ,—и вотъ почему было бы крайне желательно, чтобы мы наконецъ порѣшили съ этими изданіями и чтобы онѣ въ скоромъ времени составили библіографическую рѣдкость.

То же самое должны мы сказать и о христоматіяхъ, составленныхъ для дѣтей. На двадцати, тридцати печатныхъ листахъ совмѣщены стихотворенія, большею частію надерганныя безъ всякой системы, имѣющія цѣлью упражнять память ребенка. Память, дѣйствительно, упражняется, но въ то же время пріобрѣтаетъ попугайный характеръ,—слѣдовательно, къ развитію ума такія книжки ровно ничего прибавить не могутъ, а убавить весьма способны,—а стало быть, и съ ними порѣшить очень не мѣшаетъ.

Затѣмъ слѣдуютъ учебники по разнымъ предметамъ. Что касается до учебниковъ, то съ книгами подобнаго рода порѣшать, конечно, нельзя: онѣ необходимы. Но зато непремѣнно слѣдуетъ порѣшить съ системою ихъ составленія. Система эта или офиціально-сухая, или идиллически-приторная; дѣтей или пичкаютъ неосмысленными фактами, представляя эти послѣдніе въ самомъ сухомъ, вызывающемъ на долбленіе, видѣ, или, объясняютъ имъ предметъ въ игривомъ, *миломъ* тонѣ,

посредствомъ употребленія въ дѣло разныхъ Петей, Васей и Мишей, т. е., учатся съ дѣтьми играя,—что составляетъ самую скверную, самую пошлую методу обученія,—столько же пошлую, сколько пошла метода разговора съ народомъ разными прибаутками и выраженіями, поддѣланными подъ народный ладъ. Указанные нами недостатки изложенія замѣчаются особенно въ историческихъ сочиненіяхъ, назначаемыхъ для дѣтей,—и это обстоятельство тѣмъ больше важно, что исторія есть вообще наука, для дѣтскаго возраста весьма опасная, такъ какъ для правильной оцѣнки историческаго факта или явленія, необходима извѣстная доля критики, чего, конечно, въ ребенкѣ не можетъ быть. Но въ ребенкѣ зато сильна воспріимчивость, и кто знаетъ, на какія размышленія, смотря по тому, какова его натура и въ какой средѣ онъ живетъ, можетъ навести его знакомство съ разными историческими событіями и лицами. Между тѣмъ, исторіи дѣтей учить надо, хоть бы ужь потому, что наука эта входитъ въ курсъ всеобщаго оффиціально-установленнаго образованія!—Ну, и учите, коли ужь иначе нельзя,—только учите, какъ можно осторожнѣе. Если вы представите сухой перечень фактовъ, то только запрудите память ребенка совсѣмъ ненужными подробностями; если не освѣтите главныхъ фактовъ здравымъ и свѣтлымъ взглядомъ, то можете губительно подѣйствовать на умъ ребенка. Многіе историческіе факты и явленія, гнусные сами по себѣ, по своей внутренней сущности, весьма привлекательны по наружности; ребенку не трудно прельститься этою наружностью и найдти въ этихъ безобразныхъ явленіяхъ хорошую и достойную подражанія сторону. Вотъ почему мы съ боязнью встрѣчаемъ каждое историческое сочиненіе, назначаемое для дѣтей,—тѣмъ болѣе, что опасенія наши почти каждый разъ оправдываются... Это по отношенію къ всеобщей исторіи. Что касается до исторіи русской, то тутъ наша дѣтская литература щеголяетъ недостатками еще другого рода. О нихъ мы уже упоминали выше: они состоятъ изъ постояннаго подогрѣванія патріотическаго чувства дѣтей и изъ обращенія ихъ особеннаго вниманія на тѣ факты, гдѣ первую роль играютъ: слава оружія, воинская храбрость и т. п. Ясно видно, что всѣ составители историческихъ книжекъ слѣдуютъ въ этомъ случаѣ примѣру автора книжки «Разсказы дѣтямъ объ отцахъ и братьяхъ», о которой мы говорили выше;—т. е. они также убѣждены, что прежде надо дѣйствовать на сердце и воображеніе ребенка, а потомъ уже приняться за умъ!

И такъ, и эта категорія дѣтскихъ книжекъ,—т. е. категорія учеб-

никовъ также требуетъ большихъ усовершенствованій. Не надо забивать дѣтямъ голову зазубриваніемъ голыхъ фактовъ и названій, но въ то же время не надо въ разговорахъ съ ними поддѣлываться подъ ихъ ладъ, учить ихъ, играя, потому что въ этомъ послѣднемъ случаѣ они никогда не будутъ считать науку дѣломъ серьёзнымъ.

Остается наконецъ, категорія книгъ, относящихся къ естественнымъ наукамъ. Эта категорія, покамѣстъ, не блистаетъ количествомъ по сравненію съ другими категоріями, но ужь если надо чему-нибудь радоваться, то порадуемся началу этого возникающаго направленія. Авось, благодаря этому направленію, мы выйдемъ изъ завѣтнаго круга тѣхъ рутинныхъ понятій, которыми засорены наши головы до несваренія даже такихъ фруктовъ, какіе предлагаетъ намъ г. Модестовъ; авось, благодаря этому направленію, мы наконецъ поймемъ, что матеріализмъ нашего времени есть самая жизненная потребность точнаго знанія, и освободимся отъ того лазаретнаго идеализма, который представляетъ намъ всѣ предметы вверхъ ногами и не позволяетъ взглянуть на природу и человѣка въ ихъ настоящемъ видѣ. О дѣтскихъ книжкахъ по естественнымъ наукамъ мы надѣемся поговорить въ другой разъ.

МАГДАЛИНСКІЯ УБѢЖИЩА.

Соч. свящ. Полѣсскаго. 1863 г. С. Петербургъ.

Когда мы хотѣли окончить нашъ настоящій листокъ, намъ попалась въ руки книга, которая произвела на насъ глубокое впечатлѣніе, и которая, конечно, останется не замѣченною большинствомъ публики, такъ красиво выѣзжающей на фразахъ и такъ апатично относящейся къ дѣлу. Заглавіе этой книги, или вѣрнѣе, этой брошюры: *«Магдалинскія убѣжища»*; авторъ ея священникъ Полѣсскій; героини — падшія женщины, сознавшія весь ужасъ своего положенія и желающія исправиться...

Падшія женщины! Рѣдкій изъ соціальныхъ вопросовъ вызывалъ столько филантропическихъ толковъ, столько благотворительныхъ дѣйствій, столько вопросъ объ этихъ несчастныхъ, и между тѣмъ столицы продолжаютъ кишѣть ими, какъ муравейникомъ; отъ нихъ съ негодованіемъ отворачивается одна часть полированнаго общества, на томъ основаніи, что въ нихъ поругано и растоптано достоинство женщины, а другая часть эксплоатируетъ ихъ. Филантропическіе толки и благотворительныя дѣйствія неустанно работаютъ, но чѣмъ больше лечатъ рану этими патологическими припарками, тѣмъ больше растравляютъ ее, тѣмъ шире и глубже становится самая рана. Кажется давно слѣдовало бы догадаться, что тутъ дѣло не въ филантропіи, а въ самомъ обществѣ, которое клеймитъ презрѣніемъ и негодованіемъ этихъ женщинъ, не подозрѣвая, что оно, это самое общество виновато въ существованіи этого отвратительнаго явленія. У вполнѣ развитаго и нравственнаго человѣка не найдется, конечно, укора для безусловнаго осужденія этихъ несчастныхъ, не подымется рука, чтобы бросить въ нихъ камень; онъ пойметъ, что эти женщины не изъ личнаго удовольствія сдѣлались жертвою самыхъ оскорбительныхъ лишеній и случайностей, которымъ подвергается ихъ жизнь; онъ пойметъ, что дойдти до этого глубокаго паденія можно было только рядомъ приготовительныхъ развращающихъ обстоятельствъ — нищеты, семейнаго гнета, несчастнаго брака, отсутствія честнаго труда, и тому подобныхъ соціальныхъ золъ; что никто по доброй волѣ не бросился бы въ этотъ грязный омутъ, еслибъ только можно было силой индивидуальной воли противиться общему потоку, увлекающему отдѣльныя личности на дно общественнаго разврата. Есть матери, продающія своихъ дочерей такъ же равнодушно, какъ онѣ продаютъ негодный домашній хламъ; прежде чѣмъ негодовать противъ этихъ матерей, надо хладнокровно спросить себя: да почему же онѣ рѣшаются на такой омерзительный поступокъ? Что довело ихъ до такого животнаго отупѣнія, чтобы наперекоръ самому естественному чувству любви бросить самое близкое къ себѣ существо на произволъ судьбы и торговой спекуляціи? Есть дѣвушки, которыя очень хорошо знаютъ и видятъ на другихъ, что за извѣстной чертой паденія ихъ ожидаетъ униженіе, опасныя и нерѣдко смертельныя болѣзни, подъ старость бѣдная госпитальная койка или дрожащее отъ холоду нищенство у церковныхъ дверей, — все это онѣ знаютъ и за всѣмъ тѣмъ идутъ спокойно навстрѣчу этой ужасной жизни; но почему же онѣ идутъ? Идутъ потому, что нѣтъ другого исхода, что все, таки лучше попробовать жизни, какъ бы она

горька ни была, чѣмъ нанести ей собственной рукой рѣшительный ударъ; идутъ потому, что какъ бы ни случилось, но хочется пожить и хоть немножко насладиться тѣми благами, которыми наслаждаются другіе; вотъ этого-то чувства не могутъ задушить ни лохмотья чахлой бѣдность, ни зараженная атмосфера мастерской, ни голодъ на чердакѣ пятаго этажа. Молодая натура дѣвушки безсознательно порывается къ жизни, а обстоятельства пригнетаютъ ее чуть не до могилы, и она бросается очертя голову въ желѣзные когти разврата. «Надоѣла мнѣ бѣдность и неволя, думаетъ она; поживу, хоть немножко, а тамъ будь—что будетъ!» Презирать эту несчастную можетъ только крайнее тупоуміе, исправлять ее разными моральными наставленіями, вооружаться противъ нее строгостію закона или полицейскихъ исправительныхъ мѣръ— совершенно безполезно. Ни клеймо общественнаго мнѣнія, ни умилительные вздохи филантропа не измѣнятъ факта, котораго причины лежатъ въ самомъ основаніи общества. Здѣсь голая статистическая цифра говоритъ сильнѣе всякаго схоластическаго поученія и юридическаго кодекса. Жить, жить хочется, а жить нельзя въ положеніи рабы постоянныхъ нуждъ и безвыходнаго отчаянія.

Ну что же дѣлать?—спроситъ читатель. Пока не будетъ возстановлено равновѣсіе соціальныхъ силъ, пока трудъ и капиталъ не распредѣлятся въ болѣе правильныхъ пропорціяхъ, до тѣхъ поръ довольно будетъ съ насъ, если мы перестанемъ презирать и обвинять падшую женщину. Произнесемъ ей полное всепрощеніе, хоть бы изъ уваженія къ самимъ себѣ или къ той средѣ, которая доводитъ ее до паденія. За тѣмъ вооружимся стоическимъ хладнокровіемъ и будемъ изучать самые факты этого явленія, чтобы открыть причины и взвѣсить послѣдствія его.

Обращаясь къ любой исторіи проституціи, къ любой статистикѣ, занимающейся этимъ предметомъ, мы открываемъ на первый разъ два болѣе выдающіеся факта: во-первыхъ почти всѣ падшія женщины, не скрывающія своего разврата ни въ темныхъ будуарахъ истасканныхъ аристократическихъ львицъ, ни подъ сѣнью супружескихъ занавѣсокъ, принадлежатъ къ нисшему, и слѣдовательно бѣднѣйшему и невѣжественному классу. Во-вторыхъ ими особенно изобилуютъ европейскія столицы, гдѣ роскошь и праздность находятъ себѣ болѣе раздольное убѣжище. Въ этомъ отношеніи юный Петербургъ нисколько не уступитъ своимъ старшимъ братьямъ, и можетъ представить довольно интересную исторію женской проституціи.

Недавно намъ случилось прочитать книжку: *«Мысли о прiютѣ при Калинкинской больницѣ»*,—больницѣ, предназначенной для болѣзней извѣстнаго губительнаго свойства и въ которой двѣ трети больныхъ составляютъ женщины, промышляющiя развратомъ. Вы ужаснетесь, когда узнаете изъ этой книжки, что дѣлается между нами. Вы узнаете, напримѣръ, что эти несчастныя становятся жертвами въ десять, двѣнадцать лѣтъ; что множество изъ нихъ вовлечено въ развратъ самымъ наглымъ обманомъ. Вы помните, вѣроятно, года три—четыре назадъ ходившiй въ Петербургѣ слухъ, что какой-то джентельменъ-хлыщъ увезъ изъ провинцiи дѣвушку самой чистой нравственности съ обѣщанiемъ жениться на ней и потомъ обманомъ помѣстилъ ее въ одинъ изъ петербургскихъ публичныхъ домовъ;—въ книжкѣ, о которой я только что упомянулъ приводятся факты почище вышеизложеннаго слуха. Вотъ вамъ на выдержку нѣсколько изъ нихъ. Въ Калинкинскую больницу поступила на излеченiе отъ сифилистической болѣзни дочь мѣщанина, дѣвочка *двѣнадцати* лѣтъ отъ роду, жившая до того времени при родителяхъ. Она получила эту болѣзнь по слѣдующему случаю: посланная въ лавку матерью за хлѣбомъ, она была заманена какимъ-то господиномъ, встрѣтившимся ей на улицѣ и обѣщавшимъ дать ей конфектъ, въ гостиницу, заперта имъ въ номерѣ, лишена невинности, при этомъ заражена болѣзнiю и потомъ вытолкана вонъ изъ гостиницы. — Въ февралѣ прошедшаго года съ одною молодою дѣвушкой познакомился купецъ, который однажды завелъ ее въ гостиницу и оставилъ ее тамъ, обѣщавъ скоро возвратиться и не заплативъ въ буфетѣ. Служитель гостиницы не отпускалъ эту дѣвушку и торговалъ ею *десять* дней, чтобы выручить и заплатить хозяину за забранное купцомъ изъ буфета; наконецъ, продалъ ее содержательницѣ публичнаго дома за 20 р.—Дѣвушка шведка С. Л. ѣхала въ апрѣлѣ 1860 г. въ Петербургъ, чтобы поступить тамъ въ услуженiе; на дорогѣ познакомилась съ нею какая-то старушка, также ѣхавшая въ Петербургъ и вызвавшаяся, по прiѣздѣ, прямо доставить С. Л. на мѣсто, гдѣ нуждаются въ прислугѣ. Хозяйка, принявшая шведку къ себѣ въ услуженiе, обласкала ее и потребовала паспортъ, но увидѣвъ его, объявила, что съ такимъ паспортомъ въ Петербургѣ жить нельзя и что надобно немедленно перемѣнить его. Эта хозяйка, какъ впослѣдствiи оказалось, была содержательница публичнаго дома Д; она вызвалась сама проводить шведку въ то присутственное мѣсто, гдѣ перемѣняютъ паспорты. Такъ какъ Л. ни слова не знала по русски, то Д. научила ее на всѣ вопросы чиновни-

ка въ присутствіи отвѣчать только одно слова *да*. Шведка какъ была научена, такъ и поступила—и, дѣйствительно, получила новый билетъ, но только не адресный, *а медицинскій на развратную жизнь*. 18 апрѣля 1860 г. шведка поступила къ содержательницѣ Д., а въ маѣ находилась уже въ Калинкинской больницѣ. Если вамъ мало этихъ случаевъ, то вотъ еще нѣсколько назидательнаго свойства: въ апрѣлѣ 1861 г. была въ Калинкинской больницѣ несовершеннолѣтняя дѣвушка, лишенная невинности, о которой производилось слѣдствіе; слѣдствіемъ было возбуждено сильное подозрѣніе, что сама родная мать продала ее; — въ январѣ 1861 г. въ той же больницѣ была дѣвушка *десяти лѣтъ*, изнасилованная и зараженная сифилитическою болѣзнію;—въ февралѣ того же года, была другая, также *десятилѣтняя* изнасилованная и зараженная; въ январѣ 1862 г. была одна *двѣнадцатилѣтняя* изнасилованная, три *четырнадцатилѣтнія* и двѣ *пятнадцатилѣтнія*, потерявшія невинность..

И такъ, Петербургъ можетъ съ гордостью сказать о себѣ, что онъ вполнѣ большой городъ,—ничѣмъ не хуже Парижа и Лондона. Слѣдуетъ вопросъ: что дѣлаетъ Петербургъ для того, чтобы помогать этому бѣдствію, въ какихъ размѣрахъ развертывается здѣсь его филантропія, о которой онъ такъ много кричитъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить брошюра г. Полѣсскаго: *«Магдалинскія убѣжища»*, о которой я упомянулъ выше, а также и *«Мысли о пріютѣ при Калинкинской больницѣ*.

Магдалинскими убѣжищами называются пріюты, устраиваемые для призрѣнія и исправленія тѣхъ падшихъ женщинъ, которыя сами изъявляютъ желаніе покинуть свой прежній образъ жизни и приняться за добываніе куска хлеба честнымъ трудомъ. За границей такіе пріюты начали устраиваться почти за 100 лѣтъ до настоящаго времени, и теперь находятся почти во всѣхъ образованныхъ странахъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ чрезвычайно обширный кругъ дѣятельности. Такъ, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Полѣсскимъ, Гальскій институтъ Франка въ Германіи состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ и имѣетъ въ окружности нѣсколько десятковъ верстъ; англійское общество *ночныхъ звѣздъ* менѣе чѣмъ въ три года избавило отъ распутной жизни около 12 т. женщинъ. А Петербургъ? О, Петербургъ не даромъ кичится своими филантропическими наклонностями; въ немъ такъ же существуютъ магдалинскія убѣжища,—хотя я убѣжденъ, что большинство петербургскихъ жителей о нихъ рѣшительно ничего не знаетъ.

Какъ эти пріюты существуютъ—о томъ рѣчь впереди, — но *что* они существуютъ—въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вотъ что пишетъ священникъ Полѣсскій:

— Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, въ Петербургѣ существуютъ три убѣжища для падшихъ женщинъ: одно (отдѣленіе кающихся) при свято-троицкой общинѣ сестеръ милосердія на Пескахъ, другое на Васильевскомъ островѣ и третье (женскій пріютъ) при Калинкинской больницѣ. Послѣдніе два устроены въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго года и еще не достаточно упрочены, развиты и извѣстны. Самое давнее, первое въ Россіи по времени основанія, болѣе другихъ обширное и прочное, и болѣе другихъ намъ извѣстное — это *отдѣленіе кающихся* при общинѣ сестеръ милосердія. — Подъ названіемъ «*магдалинскаго убѣжища*» отдѣленіе кающихся основано было еще въ 1833 г., т. е. далеко раньше появленія подобныхъ учрежденій не только у насъ въ Россіи, но даже въ нѣкоторыхъ заграничныхъ странахъ... Главными основательницами магдалинскаго убѣжища были двѣ незабвенныя для общины сестеръ милосердія женщины: Сарра Александровна Биллеръ и Анна Федоровна Михельсонъ. Не носили онѣ ни особеннаго костюма, ни названія сестеръ милосердія, но это нисколько не мѣшало имъ быть самоотверженными, любящими, истинными служительницами христіанскаго милосердія, быть такими служительницами не по внѣшности только, не оффиціально, а въ душѣ и въ своихъ дѣлахъ. Однажды, рѣшившись посвятить себя спасенію падшихъ женщинъ, онѣ потомъ никогда уже не отказывались отъ принятаго на себя труднаго подвига. Не останавливаясь ни предъ какими препятствіями, не щадя никакихъ жертвъ, онѣ совершали свой подвигъ до самой смерти, одна въ теченіе 18 лѣтъ (Биллеръ), а другая въ теченіе 20 л. (Михельсонъ).... Съ 1833 по 1844 г., въ теченіе 11 лѣтъ, магдалинское убѣжище существовало какъ частное заведеніе, помѣщаясь въ Коломнѣ на квартирахъ и пользуясь покровительствомъ и особеннымъ вниманіемъ В. К. Елены Павловны, которой такъ много обязаны у насъ и своимъ началомъ, и продолженіемъ разныя истинно благотворительныя учрежденія. Во все это время оно поддерживалось *единственно трудомъ призрѣваемыхъ въ немъ лицъ и повременными пособіями нѣкоторыхъ благотворителей. При всемъ недостаткѣ вѣрныхъ, самостоятельныхъ средствъ содержанія*, магдалинское убѣжище, благодаря несокрушимой энергіи и практическому такту своихъ основателей, успѣло принести не мало пользы,—оно пріютило у себя въ 11 лѣтъ 446 лицъ, значитъ отъ 40—41 лица ежегодно. Почти всѣ эти женщины, за незначительными исключеніями были нравственно исправлены, пріучены къ хозяйству и труду и возвращены обществу честными и полезными членами.—Въ 1844 г. магдалинское убѣжище было присоединено къ открытой тогда общинѣ сестеръ милосердія, гдѣ оно, подъ названіемъ «*отдѣленія кающихся*» остается и до сихъ поръ

Здѣсь вмѣстѣ съ общиною оно имѣетъ счастіе состоять подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы и въ числѣ множества другихъ разныхъ благотворительныхъ заведеній пользоваться вниманіемъ и милостями особъ царскаго дома. Особенно живымъ участіемъ удостоиваетъ его В. К. Марія Николаевна, особенно много жертвуетъ для нея вмѣстѣ съ общиною ея попечитель—Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій «столь извѣстный своей благотворительностію.

Въ самомъ дѣлѣ, фактъ замѣчательный! Магдалинское убѣжище существуетъ у насъ подъ носомъ съ 1833 г., т. е. ровно тридцать лѣтъ, а мы узнаемъ о немъ чуть ли не въ первый разъ изъ брошюры г. Полѣсскаго. Но положимъ, что мы и знали о немъ, знали, что такое учрежденіе существуетъ; что же сдѣлало наше общество для него, въ какой мѣрѣ старалось поддержать его? Гм! что сдѣлало? Вамъ не трудно будетъ замѣтить, что священникъ Полѣсскій, въ этой краткой исторіи Магдалинскаго убѣжища, и не упоминаетъ о какой-нибудь помощи общества; говоритъ онъ, правда, о «повременныхъ пособіяхъ *нѣкоторыхъ* благотворителей», но эти слова, можетъ быть помимо воли автора, отзываются горькой насмѣшкой. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ убѣжище пріютило у себя 400 слишкомъ женщинъ изъ 200,000 перебывавшихъ въ однихъ публичныхъ домахъ (цифра эта приблизительная, но едва ли превышающая общій итогъ).

Вы скажете что, можетъ быть, тутъ вина самихъ этихъ женщинъ, не желавшихъ идти на исправленіе; нѣтъ, вы прочтите внимательно брошюру г. Полѣсскаго, и увидите совсѣмъ не то... Но я возвращаюсь къ участію, которое принимаетъ наше общество даже въ палліативномъ леченіи зла. Мы вовсе не думаемъ безусловно защищать развитія общественной благотворительности и во многихъ отношеніяхъ считаемъ ее далеко не тѣмъ дѣйствительнымъ средствомъ, какимъ она пользуется во мнѣніи публики, но помѣчаемъ этотъ фактъ, какъ достойный вниманія со стороны глубокой апатіи общества, даже къ такимъ предпріятіямъ, которыя, повидимому, вызываютъ его особенное сочувствіе. Все это *повидимому*, но на самомъ дѣлѣ это сочувствіе большею частію ограничивается какими-нибудь внѣшними побужденіями и идутъ не далѣе официальныхъ обрядовъ, принимаемыхъ часто за самую сущность дѣла. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только раскрыть исторію какого угодно благотворительнаго общества. Прежде всего въ этомъ обществѣ не найдемъ ничего общественнаго, а все казенное, начиная отъ матеріальныхъ средствъ и до бюрократическаго управле-

нія. Частныя лица жертвуютъ деньги, иногда подаютъ свои мнѣнія въ пользу того или другого измѣненія давно опочившихъ мертвымъ сномъ уставовъ, но на этомъ и останавливается ихъ дѣятельность. Затѣмъ все дѣлается по распоряженію официальныхъ властей и лицъ, подъ надзоромъ правительственныхъ органовъ. Въ этомъ отчасти заключается причина, почему въ самыхъ крайнихъ случаяхъ какой-нибудь бѣднякъ лучше рѣшится выйдти на дорогу просить милостыню, чѣмъ обратиться за помощью къ благотворительному заведенію. Здѣсь ожидаетъ его такая тьма формальностей, что онъ успѣетъ умереть съ голоду, прежде чѣмъ добьется какого-нибудь толку отъ предержащихъ властей. Изъ тысячи случаевъ самаго дрматическаго свойства мы знаемъ одинъ: бѣдная мать, окруженная шестью малолѣтними дѣтьми, пожелала пріютиться въ одномъ изъ благотворительныхъ заведеній, не имѣя больше никакой надежды на пропитаніе; десять разъ она обращалась съ разными просьбами, и десять разъ отказывали ей подъ разными предлогами, основываясь на какихъ-то мелкихъ формальностяхъ. Два года она таскалась по разнымъ комитетамъ и наконецъ истомленная, убитая отчаяніемъ и бѣдностію, схватила отъ простуды горячку и вмѣсто богадѣльни отправилась въ могилу. А дѣти ея? Дѣти были разобраны частными лицами, кто куда попалъ. Такимъ случаевъ на совѣсти нашихъ благотворителей, вѣроятно, найдется не мало.

По тѣмъ же самымъ соображеніямъ мы не питаемъ особенно блестящихъ надеждъ на процвѣтаніе и «Магдалинскаго убѣжища». Какъ и другіе подобные пріюты, оно является съ казеннымъ характеромъ. Бюрократизмъ успѣлъ пролѣзть и сюда, гдѣ ему всего меньше дѣла. «Община—говоритъ г. Полѣсскій — не вполнѣ свободна отъ духа чиновничества, фармализма и т. д., да едва ли и можетъ быть свободна до тѣхъ поръ, пока общество не приметъ въ ней участія». Я совершенно согласенъ съ г. Полѣсскимъ въ томъ, что пока общество не станетъ принимать участія въ дѣлахъ, прямо касающихся его и имѣющихъ соціальный характеръ, до тѣхъ поръ ничего путнаго не выйдетъ; но такъ какъ я въ то же время увѣренъ, что наше общество долго еще будетъ находиться въ младенческомъ состояніи Еруслана Лазаревича, то я и отказываюсь поздравить «Магдалинское убѣжище» съ счастливой будущностью.

Затѣмъ слѣдуютъ мѣры, принимаемыя въ этомъ заведеніи къ исправленію поступающихъ въ него. Исправительныя мѣры у насъ вообще отличаются своею оригинальностью; въ «Магдалинскомъ убѣжищѣ»

онѣ тоже составляютъ своего рода курьозъ. Въ нынѣшней замѣткѣ нашей о дѣтской литературѣ, мы уже имѣли случай высказать, что по нашему мнѣнію степень нравственности человѣка зависитъ большею частію (мы не говоримъ объ исключеніяхъ) отъ уровня его умственнаго развитія и познанія; то же самое можетъ быть вполнѣ примѣнено къ женщинамъ, промышляющимъ своимъ «грѣшнымъ тѣломъ», какъ выражается поэтъ Крестовскій. Всѣ эти несчастные женщины (и тутъ нѣтъ уже никакихъ исключеній) отличаются полнѣйшимъ невѣжествомъ; умственное развитіе ихъ стоитъ на самой низкой степени, — и это обстоятельство, безъ всякаго сомнѣнія, есть одна изъ главныхъ причинъ ихъ нравственнаго состоянія. Значитъ, если ужь вѣрить въ дѣйствительность благотворительныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи, то чуть ли не прежде всего надо приниматься за умственное развитіе этихъ женщинъ. Что же дѣлаетъ Магдалинское убѣжище? Отвѣчаю на этотъ вопросъ словами г. Полѣсскаго: «Вся забота въ этомъ случаѣ ограничивается лишь обученіемъ грамотѣ, да и то только съ недавняго времени, да и то не всѣхъ, а только немногихъ, которыя сами выражаютъ желаніе учиться. Къ тому же обученіе грамотѣ не составляетъ, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени не составляло непремѣнной обязанности смотрительницы, — она занимается этимъ дѣломъ скорѣе по собственному сознанію его необходимости. Нѣтъ здѣсь въ достаточномъ составѣ и количествѣ и книгъ полезныхъ для кающихся. Почти вся ихъ библіотека состоитъ изъ нѣсколькихъ экземпляровъ евангелія, нѣсколькихъ житій святыхъ, старыхъ азбукъ, десятка другого брошюръ духовно-нравственнаго содержанія, да двухъ, трехъ сочиненій съ разрозненными томами. Много лѣтъ, какъ въ библіотеку не покупаются никакія книги, — она пополняется только тѣми, которыя дарятъ лица посторонніе, что случается очень рѣдко и не всегда удачно». Замѣтьте, что это разсказываетъ священникъ, самъ служащій при этомъ заведеніи; стало быть, сомнѣваться въ дѣйствительности его показаній нѣтъ никакого основанія. Впрочемъ, надѣемся, никто и не сталъ бы сомнѣваться: въ благотворительныхъ заведеніяхъ, построенныхъ на бюрократическихъ основаніяхъ, иначе и быть не можетъ.

Другимъ важнымъ средствомъ къ исправленію служило бы, безъ всякаго сомнѣнія, пріученіе къ труду, или, вѣрнѣе, ознакомленіе съ работами, которыя могутъ доставить женщинѣ честный кусокъ хлѣба. Магдалинское убѣжище и въ этомъ отношеніи представляется намъ съ самой неутѣшительной стороны. Постоянное и опредѣленное занятіе

женщинъ, призрѣваемыхъ въ этомъ заведеніи, состоитъ въ обязательной и безплатной стиркѣ бѣлья по дому общины, въ мытьѣ половъ и вообще въ грязной работѣ. О правильномъ обученіи женскимъ рукодѣльямъ нѣтъ и помину. Священникъ Полѣсскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что эта грязная работа, которая одна составляетъ обязательный предметъ занятій магдалинскихъ пансіонерокъ, не всѣмъ имъ подъ силу, а потому она одна въ состояніи оттолкнуть отъ заведенія падшихъ женщинъ, для которыхъ такія занятія могутъ быть назначены, какъ спеціальное наказаніе. Ну кто же добровольно пойдетъ подъ наказаніе? По свидѣтельству того же автора, многія женщины не только высшаго, но и низшаго разряда нейдутъ въ заведеніе, а нѣкоторыя и оставляютъ его единственно изъ-за этой тяжелой работы. Опять таки намъ нечего удивляться такому порядку: Магдалинское убѣжище — заведеніе казенное, а слѣдовательно и исправительная система, принятая въ немъ, должна походить на системы вообще всѣхъ другихъ *исправительныхъ* заведеній, руководствующихся особенными взглядами на это исправленіе...

Но положимъ, что въ «Магдалинскомъ убѣжищѣ» пріучали бы женщинъ къ различнымъ рукодѣльямъ, положимъ даже, что для нихъ были бы тамъ устроены цѣлыя мастерскія; какъ вы полагаете, было ли бы это достаточно для какого бы то ни было упроченія участи этихъ женщинъ? Да, было бы достаточно, если бы по выходѣ изъ заведенія, онѣ продолжали хотя на первыхъ порахъ пользоваться поддержкою со стороны его. Между тѣмъ, по словамъ священника Стефановича, магдалинскимъ парсіонеркамъ, по выходѣ изъ пріюта, *не оказывается почти никакой помощи* — ни матеріальной, ни нравственной. По окончаніи годового срока, онѣ получаютъ только свои билеты, но имъ не даютъ ни одежды, ни бѣлья, ни постельныхъ принадлежностей, ни денегъ, необходимыхъ для первоначальнаго обзаведенія. Вотъ вамъ и исправленіе: вы вышли изъ пріюта, очутились на улицѣ, и дѣлайте какъ знаете. Довольно съ васъ и того, что васъ цѣлый годъ кормили, заставляли мыть полы, водили въ церковь; — затѣмъ, вы снова отданы обществу, которое, если вы не успѣли честно пристроиться, снова воспользуется вами такъ, какъ прежде пользовалось. Г. Полѣсскій выставляетъ главною причиною такого образа дѣйствій «Магдалинскаго убѣжища» — недостатокъ средствъ. Мы совершенно вѣримъ ему, потому что натыкаемся на филантропическую щедрость всякій разъ, какъ читаемъ списокъ о наградахъ нашихъ именитыхъ купцовъ, набившихъ себѣ карманы не безъ чувства страха за будущую загробную жизнь.

Особенно комичнымъ показалось намъ въ знакомствѣ съ Магдалинскимъ убѣжищемъ то обстоятельство, что призрѣваемыя здѣсь женщины не имѣютъ права оставаться въ немъ долѣе года; намъ чрезвычайно нравится этотъ опредѣленный срокъ для исправленія нравственности! Польза и раціональность такого назначенія такъ очевидны, что о нихъ и распространяться нечего.—

Мы остановились только на главныхъ недостаткахъ Магдалинскаго убѣжища; остальные, на которые также указываетъ г. Полѣсскій, то же что «капля въ море опущенна» передъ этими главными. Повторяю, нечего удивляться такому порядку вещей и нечего винить самое заведеніе. Здѣсь виноватъ не фактъ, а система, порождающая его.—

А мнѣ-то что за дѣло, скажетъ каждый изъ насъ, и затѣмъ забудетъ насвегда, что существуетъ какое-то убѣжище для падшихъ женщинъ. Но не такъ разсуждаетъ г. Полѣсскій; онъ предлагаетъ еще проектъ устройства подобнаго рода пріютовъ, — проектъ, на которомъ считаю не лишнимъ остановиться.

По его мнѣнію, Магдалинское убѣжище должно имѣть слѣдующія цѣли:

1) Дать падшимъ женщинамъ временный пріютъ, который соотвѣтствовалъ бы ихъ положенію и нравственному состоянію, а съ другой—доставилъ бы имъ обезпеченное содержаніе, — 2) нравственно исправить ихъ и развить,—3) пріучить къ хозяйству и труду и 4) благонадежно и прилично устроить въ обществѣ. Подробности проекта г. Полѣсскаго могутъ быть резюмированы вкратцѣ слѣдующимъ образомъ:

Для временнаго пріюта падшихъ женщинъ Магдалинское убѣжище должно имѣть нѣсколько отдѣльныхъ, но смѣжныхъ домиковъ, построенныхъ вблизи города и порученныхъ надзору благонадежныхъ смотрительницъ. Въ однихъ изъ этихъ домиковъ помѣщаются „магдалинскія пансіонерки", принадлежащія къ высшимъ сословіямъ и вообще болѣе образованныя и развитыя, а въ другихъ низшаго сословія. Кромѣ того пансіонерки какъ высшаго, такъ и низшаго разряда раздѣляются еще по своему нравственному состоянію: особое помѣщеніе назначается для менѣе испорченныхъ и начавшихъ исправляться и особое для пансіонерокъ болѣе испорченныхъ и сомнительнаго раскаянія. Сношенія между ними не дозволяются.

Единственнымъ и непремѣннымъ условіемъ для принятія падшихъ женщинъ въ убѣжище служитъ ихъ добровольное желаніе. Дѣвицы и вдовы принимаются всякаго возраста, сословія, вѣроисповѣданія и всякой народности. Замужнія женщины поступаютъ сюда только съ согласія своихъ мужей. Двери заведенія для ищущихъ здѣсь убѣжища отъ соблазновъ и порока открыты во всякое время дня и ночи.

Пансіонерки во время пребыванія въ заведеніи должны быть безопасны отъ всѣхъ преслѣдованій и денежныхъ претензій со стороны ихъ бывшихъ хозяекъ и другихъ лицъ, Нарочито избранныя лица защищаютъ пансіонерокъ предъ судомъ, если къ нему обратятся ихъ преслѣдователи. Въ случаѣ справедливости денежнаго иска и въ случаѣ возможности удовлетворить его магдалинское убѣжище само даетъ за пансіонерку выкупъ, который потомъ и возвращаетъ вполнѣ или частію изъ денегъ, вырученныхъ ея работою, и изъ жалованья по опредѣленіи ея на мѣсто. Выкупъ можетъ быть сдѣланъ и безъ всякаго вознагражденія. Во всякомъ случаѣ никакой искъ не можетъ исторгнуть пансіонерку изъ убѣжища и бросить ее въ жертву распутства. Пансіонерки пользуются здѣсь достаточнымъ содержаніемъ, бѣдныя безплатно, а имѣющія средства за небольшое вознагражденіе. Но какъ тѣ, такъ и другія носятъ одежду свою и не форменную, а какая у кого есть, только бы была не роскошная и приличная. Впрочемъ бѣднѣйшимъ изъ нихъ даетъ убѣжище и одежду. Неформенная одежда принимается съ тою цѣлію, чтобы избѣжать даже и въ этомъ случаѣ подавленія личности, принужденности, формализма и сообщить заведенію характеръ болѣе семейный, чѣмъ институтскій. Время пребыванія пансіонерокъ въ убѣжищѣ не одинаково. Оно главнымъ образомъ зависитъ отъ удостовѣренія въ ихъ нравственномъ исправленіи и простирается отъ 6 мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ срокъ можетъ оранчиваться и ранѣе полугода. При его опредѣленіи обращается вниманіе и на достаточное пріученіе пансіонерки къ тому или другому труду, какъ скоро трудъ долженъ обозпечивать ее въ будущемъ. Пансіонерки, желающія почему-либо оставить заведеніе ранѣе своего исправленія, могутъ выходить изъ него во всякое время, но не иначе, какъ послѣ всѣхъ возможныхъ убѣжденій отказаться отъ своего пагубнаго намѣренія и не возвращаться къ прежней жизни. Чтобы дать время одуматься и подѣйствовать силѣ убѣжденій пансіонерки выпускаются изъ убѣжища не вдругъ, а чрезъ нѣсколько дней послѣ заявленія ими своего желанія. Неисправимыхъ увольняетъ само убѣжище, но опять не иначе, какъ предварительно употребивши всѣ возможныя средства къ ихъ исправленію. Исключенныя и вышедшія самовольно—лишаются покровительства со стороны убѣжища.

Пансіонеркамъ дозволяется въ убѣжищѣ свиданіе съ родными и лицами посторонними но не наединѣ, а въ присутствіи смотрительницы. Для этого назначаются опредѣленные дни и опредѣленная комната. Впрочемъ, если представится особенная нужда, стотрительница можетъ допустить свиданіе и не въ урочное время.

Отпуски въ городъ, до удостовѣренія въ дѣйствительномъ исправленіи, разрѣшаются пансіонеркамъ только въ крайней необходимости, сколько возможно рѣже и всегда съ благонадежною женщиною. Предъ выпускомъ онѣ увольняются въ городъ нѣсколько чаще и иногда однѣ—съ цѣлію испытать твердость ихъ исправленія.

Больныя пансіонерки, какова бы ни была ихъ болѣзнь, заразительная или нѣтъ, пользуются медицинскимъ пособіемъ въ самомъ убѣжищѣ, для чего

здѣсь устроивается особая больница. Въ общественныя больницы, особенно въ Калинкинскую, онѣ не отправляются по той простой причинѣ, что тамъ легко могутъ встрѣтиться съ своими прежними подругами и хозяйками, вообще съ неисправимыми женщинами, и по ихъ убѣжденію уже не возвращаться болѣе въ убѣжище. Только чрезвычайные случаи (напр. опасная и сложная операція, требующая особаго ухода и помѣщенія) вынуждаютъ убѣжище отдавать свою пансіонерку въ постороннія больницы.

Нравственное исправленіе и развитіе пансіонерокъ достигается такими мѣрами:

Ежедневно утромъ и вечеромъ пансіонерки въ своихъ отдѣленіяхъ слушаютъ общія молитвы, которыя читаются очередными изъ нихъ, и два раза въ недѣлю онѣ собираются вмѣстѣ для катехизическихъ и пастырскихъ бесѣдъ священника, православныя—православнаго, католички—католическаго, а лютеранки—лютеранскаго. Въ воскресные дни предъ обѣднею читается во всѣхъ отдѣленіяхъ по нѣскольку главъ изъ евангелія, а въ праздничные — исторія случившагося праздника.

Неграмотныя пансіонерки *обязаны* учиться грамотѣ, которая въ достаточныхъ размѣрахъ преподается имъ смотрительницами, или особыми учительницами. Болѣе образованныя и развитыя могутъ заниматься по желанію науками, разными искусствами и художествами, напр. рисованіемъ, иногда музыкою и проч. При этихъ занятіяхъ строго наблюдается за сохраненіемъ нравственнаго направленія.

Ежедневно одинъ или нѣсколько опредѣленныхъ часовъ пансіонерки посвящаютъ чтенію книгъ, доступныхъ имъ и полезныхъ для ихъ нравственности, образованія и жизни, особенно книгъ духовныхъ. Магдалинское убѣжище постоянно заботится о наличномъ составѣ хорошей библіотеки.

Вообще въ видахъ болѣе успѣшнаго исправленія и развитія пансіонерокъ убѣжище, какъ по своей внѣшности, такъ и по внутреннему устройству, должно быть запечатлѣно характеромъ семейства. Пусть ничто здѣсь не напоминаетъ о принудительномъ исправленіи. Чѣмъ мѣньше будетъ здѣсь насилія и формы, тѣмъ лучше. Пусть больше заботятся о развитіи въ пансіонеркахъ чувства человѣческаго, а особенно христіанскаго достоинства и самоуваженія.

Для того, чтобы пансіонерки могли пріучиться къ хозяйству, женскимъ рукодѣльямъ и труду, который бы обезпечивалъ ихъ въ будущемъ, онѣ, кромѣ занятій въ саду и огородѣ, поочередно убираютъ свои комнаты, моютъ въ нихъ полъ, приготовляютъ столъ, а также вяжутъ на себя, шьютъ и стираютъ бѣлье и платье. Неспособныя къ тяжелой и грязной работѣ освобождаются отъ нея, но въ замѣнъ того имъ не въ очередь назначается смотрительницею какая либо другая общественная работа. Кромѣ этихъ общихъ для всѣхъ занятій каждая пансіонерка избираетъ для себя особенное приличное женщинѣ мастерство, напр. кухарки, модистки перчаточницы и т. п. Ему она преимущественно посвящаетъ свое время, и если незнакома была съ нимъ прежде, то изучаетъ его здѣсь подъ руководствомъ опытной женщины. Съ этою цѣлію

въ убѣжищѣ устроиваются разныя мастерскія и приглашаются свѣдующія и благонадежныя мастерицы. Впрочемъ приглашеніе постороннихъ мастерицъ допускается лишь въ томъ случаѣ, когда не окажется такихъ между смотрительницами, или самими пансіонерками. Убѣжище постоянно заботится о заказахъ, вообще о сбытѣ пансіонерскихъ работъ. Смотрительницы, каждая въ своемъ отдѣленіи, ведутъ точную запись этихъ работъ и вырученныхъ за нихъ денегъ, изъ которыхъ одна часть идетъ на покрытіе издержекъ по матеріаламъ и содержанію заведенія, а другая обращается въ капиталъ пансіонерокъ, который соотвѣтственно трудамъ и раздѣляется между ними при ихъ выходѣ изъ убѣжища.

По отношенію къ пансіонеркамъ, достаточно уже исправившимся, на убѣжищѣ лежитъ весьма важная и непремѣнная задача—надлежащимъ образомъ устроить ихъ въ обществѣ. Для исполненія этой задачи оно прежде всего освобождаетъ ихъ отъ желтыхъ билетовъ, если они у нихъ были, а потомъ или выдаетъ замужъ, или возвращаетъ ихъ роднымъ, или пріискиваетъ имъ благонадежныя и обезпеченныя мѣста, соотвѣтствующія ихъ наклонностямъ, желанію и знанію. Бѣднымъ пансіонеркамъ оно даетъ необходимое пособіе. Но здѣсь еще не оканчиваются обязанности убѣжища. Оно должно и зорко слѣдить за судьбою своихъ пансіонерокъ въ обществѣ, постоянно поддерживать ихъ на честной дорогѣ своимъ нравственнымъ вліяніемъ, пріискиваніемъ новыхъ мѣстъ, денежною помощью и тому подобными мѣрами. Пансіонерки провинціальныя, исключая особенныхъ случаевъ, не оставляются въ городѣ, а отправляются на родину, гдѣ онѣ будутъ гораздо болѣе безопасны отъ возвращенія къ прежней жизни.

Но убѣжище не можетъ ограничивать своей дѣятельности одними и только падшими женщинами. Оно должно не только спасать падшихъ, но по мѣрѣ своихъ силъ и *предупреждать невольное и несчастное паденіе.*

Этотъ долгъ можетъ быть исполненъ устройствомъ въ Магдалинскомъ убѣжищѣ еще двухъ новыхъ отдѣленій.

Одно — для временнаго помѣщенія тѣхъ несчастныхъ женщинъ, которымъ по ихъ бѣдности, безпріютности, болѣзни, по беззащитности отъ преслѣдованій со стороны безнравственныхъ лицъ, которымъ, короче сказать, по какимъ либо обстоятельствамъ еще только угрожаетъ распутная жизнь. Онѣ отаются и пользуются въ убѣжищѣ содержаніемъ до тѣхъ поръ, пока не найдется возможность прилично устроить ихъ въ обществѣ. Само собою понятно, что и въ дальнѣйшей своей судьбѣ онѣ состоятъ подъ особымъ покровительствомъ и попеченіемъ убѣжища.

Въ нѣкоторыхъ уважительныхъ случаяхъ сюда, а не въ другія отдѣленія могутъ быть принимаемы и тѣ дѣвицы, которыя хотя уже пали, но которыхъ еще ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать ни публичными женщинами, ни камеліями, которыя сдѣлали еще только первый шагъ въ распутствѣ, да и то невольно, напр. по совершенной неопытности, по насилію, по крайней довѣрчивости къ клятвеннымъ обѣщаніямъ безсовѣстныхъ обманщиковъ, обольстившихъ ихъ и потомъ бросившихъ на произволъ судьбы. Эти жертвы несчастія также пользуются всякимъ попеченіемъ убѣжища, но онѣ выпускаются отсюда

не иначе, какъ послѣ надлежащаго испытанія ихъ нравственности, а болѣе виновныя изъ нихъ послѣ понесенія еще очистительной эпитимiи.

Другое отдѣленіе — это *пріютъ для уличныхъ дѣвочекъ.* Исторгать по возможности этихъ несчастныхъ дѣтей изъ среды голода, лѣни и порока, образовывать и пріучать ихъ къ труду—вотъ новая и высокая задача Магдалинскаго убѣжища.

Что касается до внутренняго управленія убѣжищемъ, то оно должно быть вполнѣ предоставлено священнику съ смотрительницами и вообще съ лицами, которыя завѣдываютъ здѣсь отдѣльными частями и которыхъ избираетъ само магдалинское общество. Лица эти дѣйствуютъ съ общаго согласія. Будучи независимы въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ отъ посторонняго вмѣшательства, онѣ однакожъ постоянно находятся подъ контролемъ особаго комитета и отвѣчаютъ за нихъ предъ магдалинскимъ обществомъ и публикою, которымъ ежегодно даютъ подробный отчетъ.

Магдалинское общество состоитъ изъ совершеннолѣтнихъ лицъ всякаго исповѣданія, званія, сословія, пола и мѣстожительства: Каждый членъ его ежегодно вноситъ въ кассу убѣжища не менѣе 15 р. сер., бóльшая жертва предоставляется сочувствію членовъ и ихъ средствамъ. Независимо отъ денежнаго взноса членамъ общества вмѣняется въ священный долгъ—всѣми возможными для нихъ мѣрами содѣйствовать къ добросовѣстному исполненію убѣжищемъ принятыхъ на себя обязанностей и вообще къ его процвѣтанію. Между прочимъ они постоянно заботятся объ увеличеніи своего числа, открываютъ падшихъ женщинъ и другихъ лицъ особенно нуждающихся въ помощи убѣжища, убѣждаютъ ихъ воспользоваться этою помощью, извѣщаютъ о нихъ заведеніе, или сами, по предварительному его согласію, представляютъ ихъ туда, пріискиваютъ для пансіонерокъ благонадежныя мѣста, слѣдятъ за ихъ поведеніемъ и судьбою въ обществѣ, во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ поспѣшаютъ къ нимъ съ своими услугами.

Ежегодно въ опредѣленное время назначается общее собраніе наличныхъ членовъ, на которомъ выслушиваются и повѣряются отчеты убѣжища, происходятъ разсужденія о его дѣлахъ, изыскиваются средства къ его развитію а также избираются новые, или оставляются прежніе члены комитета. Здѣсь же, по предположенію священника и комитета, избираются и лица для завѣдыванія тою или другою частію, или отдѣленіемъ убѣжища, а также увольняются тѣ изъ нихъ, которыя почему либо окажутся не соотвѣтсвующими своимъ обязанностямъ, или которыя не пожелаютъ долѣе служить заведенію. Въ особенныхъ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, бываютъ кромѣ годовыхъ и чрезвычайныя общія собранія.

Назначеніе *комитета*—съ одной стороны ближайшимъ образомъ помогать убѣжищу въ его благотворной дѣятельности, а съ другой—своимъ вліяніемъ и контролемъ останавливать неблагоразумныя, или одностороннія дѣйствія лицъ управляющихъ отдѣленіями заведенія. Къ обязанностямъ комитета относится между прочимъ печатаніе и распространеніе отчетовъ убѣжища, а также книгъ и брошюръ полезныхъ для обращенія и исправленія падшихъ женщинъ. Онъ же главнымъ образомъ заботится и о томъ, чтобы цѣль и мѣсто убѣжища всегда

были извѣстны въ публичныхъ домахъ, для чего, по предварительно испрошенному праву, онъ помѣщаетъ здѣсь особыя печатныя объявленія и наблюдаетъ за ихъ цѣлостью. Въ этомъ случаѣ комитету много могутъ помогать врачебно-полицейскіе доктора и чины, имѣющіе офиціальное отношеніе къ публичнымъ домамъ. Потому комитетъ старается найдти между ними лицъ, которыя бы искренно сочувствовали его дѣлу.

Въ составъ комитета кромѣ членовъ, избранныхъ магдалинскимъ обществомъ, входятъ и всѣ лица, завѣдывающія убѣжищемъ. Число первыхъ никакъ не должно быть менѣе числа послѣднихъ. Исключая чрезвычайныхъ случаевъ комитетъ собирается однажды въ мѣсяцъ.

Таковы главныя основанія проекта г. Полѣсскаго, котораго практическій смыслъ мы не станемъ здѣсь оспаривать. Намъ кажется только, что г. Полѣсскій напрасно слишкомъ напираетъ на преобладаніе священническаго элемента въ дѣлѣ управленія магдалинскими пріютами.

Теперь остается одинъ весьма важный вопросъ: откликнется ли наше общество на этотъ призывъ? Увы, я полагаю, что нѣтъ, я полагаю, что книга г. Полѣсскаго прочтется (если только она еще прочтется) съ приличными вздохами, вызоветъ нѣсколько краснорѣчивыхъ фразъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, и затѣмъ, все дѣло снова сложится въ архивъ.

Н. В.

ПОЛИТИКА.

Великобританія. Чѣмъ держится кабинетъ лорда Пальмерстона? — Политическія партіи, раздѣляющія страну.— Отвѣтственный министръ, не подвергающійся никакой отвѣтственности.—Успѣхи внѣшней политики.—Противодѣйствіе со стороны парламента всякой внутренней реформѣ.—Дурной составъ нижней палаты и необходимость введенія тайной балотировки ея членовъ.—Непропорціональность налоговъ къ политическимъ правамъ разныхъ сословій.—Нападенія Брайта на аристократію и духовенство.—Состояніе англиканской церкви и значеніе такъ называемыхъ church rates.—Религіозныя партіи.—Народное образованіе.—Возобновленіе *риббонизма* въ Ирландіи.—Процессы въ Англіи.—Ночные разбойники, garroters.—Общество рыбныхъ торговцевъ — Благопріятная перемѣна въ общественномъ мнѣніи относительно сѣверныхъ штатовъ Америки.—Бѣдствія рабочаго класса.—Мнѣніе Люи Блана объ англійской націи.—II. *Германія.* Фортуна волочится за членами гогенцоллернскаго дома, но ее спроваживаютъ mit Scandal.—Стремленія короля Вильгельма I къ феодализму и абсолютизму.—Размѣнъ грубостей между Берлиномъ и Касселемъ.—Пруссія рѣшаетъ вопросъ о преобразованіи древняго германскаго сейма.—Споръ въ этой странѣ между палатою депутатовъ и министерствомъ. Выходки Бисмарка.—Онъ мѣняется ролями съ своимъ монархомъ.—Различіе во взглядахъ на королевское достоинство между прусскимъ народомъ и его правителемъ. Противоположность между политикою австрійскою и прусскою.

Внѣшняя политика сен-джемскаго кабинета въ 1862 году, по обыкновенію, отличалась не столько прямодушіемъ, сколько ловкостью; но главное—она имѣла успѣхъ, и потому возбуждала всеобщее удивленіе.

Настоящее министерство находитъ въ палатѣ общинъ по дѣламъ внѣшнимъ поддержку болѣе энергическую и болѣе единодушную, нежели по дѣламъ внутреннимъ. Кабинетъ лорда Пальмерстона держится довѣріемъ, внушеннымъ странѣ, которая полагаетъ, что на всѣхъ пунктахъ земного шара консулы и эскадры охраняютъ комфортъ и безопасность британскихъ гражданъ. По дѣламъ внутренней администраціи, если есть причины къ поддержкѣ министерства, то есть и другія, не менѣе важныя, къ его низверженію. Пальмерстонъ втайнѣ ненавидитъ демократію и вслухъ называетъ себя либераломъ; онъ выдаетъ себя за вига, а въ душѣ признаетъ себя за тори. Онъ

грубъ въ обращеніи съ слабыми и вѣжливъ съ сильными; онъ всегда шутливъ, гордъ и веселъ. Вотъ тайна его политики: презирать Германію, и особенно Пруссію, отчаянно защищать Австрію, т. е. Турцію, т. е. англійскую Индію, ненавидѣть янки, питать злобу къ Россіи, недовѣрять Франціи и эксплоатировать эту страну, пока не представится удобный случай нанести ей кровавый ударъ. Съ такою политикою можно пойдти далеко.

Пальмерстонъ и Людовикъ Наполеонъ заключили между собою союзъ, но съ тѣмъ, чтобы лучше другъ друга уничтожить. И тотъ и другой это знаютъ, и между обоими въ этомъ отношеніи господствуетъ совершенное единомысліе. Не смотря на то, союзъ франко-англійскій послѣ итальянской войны мало по малу ослабъ и превратился въ союзъ франко-русскій, т. е. вся европейская политика измѣнила свою главную пружину.... Но здѣсь мы остановимся, ради осторожности.

Англія, представляемая своимъ первымъ министромъ, боится главы французской имперіи, какъ постоянной опасности; но въ то же время она втайнѣ ненавидитъ идею французской революціи, единственнаго врага, котораго боится императоръ Бонапартъ. Какъ бы то ни было, противъ Франціи Англія вооружила своихъ волонтеровъ, чего и не скрываетъ; противъ Франціи она отлила свои пушки и теперь перестраиваетъ свой флотъ и укрѣпляетъ свои берега. Виновникомъ этого движенія лордъ Пальмерстонъ. Это онъ побудилъ націю дѣлать такіе тяжкіе расходы. Это онъ, съ возстановленіемъ военной силы, возстановилъ въ англичанахъ чувство личной безопасности. И вотъ почему Пальмерстонъ, въ качествѣ министра, пользуется такою популярностью, и почему самые ловкіе нападки на него остаются безуспѣшными.

«Странно!» замѣтилъ по этому поводу одинъ остроумный наблюдатель, «Пальмерстонъ управляетъ страною съ неоспоримымъ авторитетомъ, а между тѣмъ имѣетъ на своей сторонѣ только меньшинство палаты. Онъ пріобрѣлъ такое прочное вліяніе на общественное мнѣніе, что даже его противники не рѣшаются его низвергнуть. Еслибъ даже они въ состояніи были это сдѣлать, то у нихъ не хватило бы духу. Почти всѣ частные выборы, происходившіе по разнымъ случаямъ, были благопріятны для консерваторовъ. Но это не все еще. Либеральная партія все болѣе и болѣе распадается; независимые ея члены отдѣляются отъ министерства, другіе перебѣгаютъ въ проти-

воположный лагерь. Поэтому намъ представляется странное зрѣлище кабинета, который навязывается палатѣ, упрямой и въ то же время покорной».

Это служитъ новымъ доказательствомъ, что кабинетъ лорда Пальмерстона основываетъ свою силу на внѣшней политикѣ. Что касается до внутренняго управленія, то нѣтъ достаточной причины ни для низверженія министерства, ни для его сохраненія. Четыре группы мнѣній раздѣляютъ страну:

Современные радикалы состоятъ изъ остатковъ чартистовъ, разбитыхъ въ 1848 году и разсѣянныхъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Эта партія возстановляется постепенно въ самыхъ нѣдрахъ націи. Она состоитъ изъ людей энергическихъ и ловкихъ, поддерживаемыхъ сильною расою пролетаріевъ, нравственною и рѣшительною. Съ этими людьми придется разсчитываться рано или поздно; но близорукіе политики, не видящіе далѣе текущаго дня, не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. Во всякомъ случаѣ, Пальмерстонъ едва замѣчаетъ существованіе этой партіи, которая впрочемъ зато ему весьма благодарна.

Пилисты, Брайтъ, Кобденъ и Глэдстонъ обыкновенно причисляются ко второй партіи, извѣстной подъ именемъ манчестерской школы. Эти люди составляютъ теперь честь и силу Англіи. Они отличаются энергіею и свѣтлымъ умомъ. Это люди иниціативы. Они смѣло простились съ устарѣлой политикой: ненавидятъ слово «война», «военная слава» и «побѣда», но любятъ за то прогрессъ, всеобщее благосостояніе, экономію и образованіе. Они бы желали, чтобъ государство было организовано не какъ тюрьма, не какъ казарма, не какъ іезуитская семинарія, но какъ образцовая ферма, какъ превосходный заводъ, какъ солидный банкирскій или торговый домъ. Зато ихъ и обвиняютъ въ неизлечимомъ прозаизмѣ. Эти несчастные, изволите видѣть, не понимаютъ поэзіи рабства, святости политическихъ оргій, величественнаго зрѣлища кровопролитія и грандіозной прелести банкрутства. Они положили начало новой политикѣ. Произведенныя ими реформы, начиная отъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ до разныхъ торговыхъ трактатовъ, заключенныхъ по ихъ внушенію, доставляютъ ихъ странѣ, а вслѣдствіе того и цѣлой Европѣ, ежегодныя выгоды, которыя нужно исчислять сотнями милльоновъ. Корифеями этой партіи два самыхъ краснорѣчивыхъ оратора Англіи—Глэдстонъ и Брайтъ. Первый отличается парламентскимъ, а второй народнымъ краснорѣ-

чіемъ. Глэдстонъ былъ бы первымъ ораторомъ Англіи, еслибъ не было Брайта.

Могущественный голосъ, пламенный взглядъ, рѣчь, льющаяся потокомъ, непреклонная сила убѣжденія, — вотъ что составляетъ талантъ г. Брайта. Онъ отваженъ, смѣлъ, рѣшителенъ въ своихъ нападеніяхъ. Стоитъ посмотрѣть на него, какъ нападаетъ онъ на аристократію, въ самой классической ея странѣ, и невольно почувствуешь, что это по натурѣ боецъ, для котораго нужны большія препятствія и сильные враги. Стоитъ потмотрѣть на него, какъ бравируетъ онъ общественнымъ мнѣніемъ, въ странѣ, гдѣ деспотизмъ мнѣній уравновѣшиваетъ индивидуальную свободу, и невольно подумаешь, что этотъ человѣкъ способенъ повелѣвать народу, идущему противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Во время патріотическаго энтузіазма, вызваннаго сраженіями при Альмѣ и Инкерманѣ, онъ нападалъ на крымскую войну и называлъ ее кровавою глупостью. Въ минуту самаго сильнаго негодованія, возбужденнаго дѣломъ Трента, онъ громогласно восторгался республикою Соединенныхъ штатовъ, выставлялъ ее, какъ образецъ, достойный подражанія, и съ дикою гордостью пренебрегалъ упреками тѣхъ, которые не признавали въ немъ чувства англичанина. Страсть бушуетъ подъ каждой цифрой, къ которой прибѣгаетъ его краснорѣчіе, всегда положительное, хотя и пламенное. Онъ употребляетъ статистику съ такою же ловкостью, какъ боецъ дубину. Совѣтуетъ ли онъ миръ во что бы то ни стало, его выраженія повелительны, какъ будто онъ командуетъ къ аттакѣ. Въ Римѣ онъ былъ бы ораторомъ форума. Онъ по преимуществу человѣкъ такъ называемыхъ hustings, избирательныхъ собраній. Но по этому самому онъ чувствуетъ себя неловкимъ въ палатѣ общинъ, гдѣ его оставляетъ часть его силъ и гдѣ атмосфера не благопріятствуетъ его грубой натурѣ.

Но тамъ-то и торжествуетъ Глэдстонъ. Чарующая грація языка, изящество оборотовъ, придающихъ столько прелести мыслямъ, классическая начитанность, умѣнье дѣлать мѣткія и неожиданныя цитаты и придать рѣчи философскій оборотъ, тонкая иронія, соединенная съ силою, — словомъ все, чего не достаетъ Брайту, въ высокой степени составляетъ принадлежность Глэдстона.

Враги обвиняютъ Брайта въ честолюбіи. Но странно: все что ни говоритъ этотъ человѣкъ, должно сдѣлать его непопулярнымъ и лишить всякой возможности быть когда либо министромъ. Англія востор-

женно любитъ силу. Брайтъ увѣряетъ, что лучшее средство противодѣйствовать нападенію заключается въ отсутствіи всякой мысли объ оборонѣ. Англія глубоко проникнута чувствомъ аристократизма; каждый буржуа въ ней, по мыслямъ, такой же феодалъ, какъ и любой магнатъ; слуга тамъ болѣе гордъ, нежели самъ милордъ. Брайтъ при всякомъ удобномъ случаѣ поражаетъ аристократію.—Англія увѣряетъ, что океанъ принадлежитъ исключительно ей одной. Брайтъ признаетъ море общею собственностью всѣхъ націй. Англія гордится своими колоніями. Брайтъ ко всеобщему негодованію доказываетъ, что правительство поступило съ Индіею безчестно.—Англія на всѣхъ точкахъ земного шара пріобрѣтаетъ острова, утесы, мысы, проливы, крѣпости. Брайтъ упрекаетъ ее за то, что она барышническимъ образомъ присоединила къ себѣ Гибральтаръ и Іоническія острова. — По случаю междоусобной войны, происходящей въ Америкѣ, Англія вообще принимаетъ сторону рабовладѣльцевъ, Брайтъ съ пламеннымъ воодушевленіемъ говоритъ въ пользу аболиціонистовъ.—Англія боится возстановленія уніи, возрожденія этого могущественнаго государства, котораго изумительно быстрое развитіе уже давно ее безпокоило. Брайтъ выражаетъ желаніе, чтобы вновь образовалась республика Соединенныхъ штатовъ и чтобъ эта республика по своей силѣ и по своему цвѣтущему состоянію могла служить образцомъ для стараго свѣта.

Болѣе рѣзкій антагонизмъ невозможенъ. Однакожъ, Брайтъ благополучно разыгриваетъ эту роль. Онъ еще не погибъ, не уничтоженъ. Онъ вызвалъ бурю и остается непреклоннымъ. Дѣло въ томъ, что англичане понимаютъ, что во многихъ отношеніяхъ правда на сторонѣ Брайта.

Послѣ радикаловъ и людей манчестерской школы, мы должны упомянуть о братьяхъ-недругахъ, консерваторахъ и либералахъ, вигахъ и торіяхъ. Одни принадлежатъ къ партіи людей, занимающихъ должности, а другіе къ партіи людей, желающихъ занять мѣста. Виги только выдаютъ себя за виговъ, а въ сущности они—тори; тори—вотъ истинные виги. Люди принадлежащіе къ партіи виговъ по рожденію, предаются торіизму, по склонности, а люди, принадлежащіе къ партіи тори по происхожденію, предаются виггизму—по необходимости.—Это говоритъ даже газета Таймсъ. Не угодно ли ее послушать?

«Въ настоящее время, говоритъ она, кандидатъ весьма затруднил-

ся бы сказать, почему онъ даетъ преимущество кандидату-вигу передъ кандидатомъ-тори. Положимъ, что по какому-нибудь случаю, вслѣдствіе каприза судьбы или равнодушія народа, кабинетъ лорда Пальмерстона низвергнутъ. Что бы случилось тогда? Лордъ Дерби пріобрѣлъ бы власть и сталъ бы дѣлать то, что дѣлалъ всегда. Землевладѣльцы, духовенство и лица, пользующіяся вдовьими участками, поблагодарили бы небо за то, что ихъ друзья стали во главѣ правленія. Одно министерство удаляется; но зато кузенъ новаго министра получаетъ хорошее мѣсто, зять дѣлается начальникомъ корабля, дядя пріобрѣтаетъ пребенду, а внукъ—выгодный приходъ. Таковъ въ сущности великій вопросъ перемѣнъ министерства!» (Таймсъ, 4 февраля 1862 г.)

Въ подтвержденіе словъ Таймса, вотъ избирательныя исповѣди двухъ противниковъ, случайно снятыя со стѣнъ оксфордскаго университета:

Сэръ Генри Арквардъ, либералъ.	Полковникъ Фейнъ, консерваторъ.
Я не буду вотировать уничтоженія налоговъ въ пользу церкви, пока этотъ доходъ не будетъ замѣненъ другимъ, равносильнымъ.	Я не буду поддерживать никакой мѣры, имѣющей цѣлью уничтоженіе налоговъ, собираемыхъ въ пользу церкви, пока не приищутся средства для замѣны этого сбора другимъ.
Я либералъ, другъ прогресса, но возстаю противъ тайной подачи голосовъ и противъ слишкомъ значительнаго распространенія избирательнаго права. Страна еще не приготовлена къ такимъ мѣрамъ.	Я буду противиться утвержденію тайной вотировки.
Я такъ же мало думаю стать въ оппозицію противъ лорда Дерби, какъ и противъ лорда Пальмерстона.	Что касается реформы, то я ее стану поддерживать, если она представится хорошо разсмотрѣнною, и если притомъ она будетъ по возможности незначительна.
	Я не стану въ оппозицію противъ лорда Пальмерстона, который въ душѣ превосходный консерваторъ.

Въ началѣ года Англія преимущественно была занята дѣломъ Трента, которое хорошо извѣстно нашимъ читателямъ. Этотъ случай не очень послужилъ къ ея чести, а еще менѣе къ чести лорда Пальмерстона. Англія считала этотъ моментъ благопріятнымъ для подавленія Америки, страны родственной, которой будущее величіе возбуждало въ ней зависть и страхъ. Дѣло Трента представляло удобный случай для вмѣшательства въ гражданскую войну американцевъ. Англія мо-

гла принять сторону мятежниковъ и способствовать преобразованію свободной республики въ рабовладѣльческое государство, невѣжественное и грубое, которое продавало бы свой хлопокъ англичанамъ и покупало бы у нихъ бумажныя издѣлія.

Кабинетъ лорда Пальмерстона хотѣлъ заставить націю воспользоваться этимъ случаемъ. Когда правительство Соединенныхъ штатовъ, вслѣдствіе необходимости, признало несправедливымъ поступокъ капитана Вилькса, довольно впрочемъ извинительный, органы англійскаго министерства не задумались опровергнуть слухъ о полученіи примирительной депеши изъ Вашингтона. Но когда этотъ слухъ сдѣлался положительно достовѣрнымъ, то Пальмерстонъ объявилъ, что посланіе, о которомъ идетъ рѣчь, не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу Трента. Этотъ обманъ продолжался три недѣли, а между тѣмъ дѣлались огромныя вооруженія съ безпримѣрною быстротою. Милльоны тратились на устройство блиндированныхъ судовъ и разныхъ укрѣпленій и превращались въ свинецъ и желѣзо для пуль и ядеръ. Въ тавернахъ раздавались крики ненависти противъ Америки, а парламентъ оглашался дикими воинственными рѣчами. Джонъ Булль хлесталъ себя по бокамъ: онъ не только хотѣлъ быть недовольнымъ, но желалъ придти въ ярость. И уже оскорбленія оглашались по ту сторону Атлантическаго океана. Не смотря, однакожъ, на такое накопленіе причинъ къ неудовольствію, не послѣдовало взрыва, котораго такъ сильно желали злые люди. Это было великимъ чудомъ. Въ случаѣ войны, весь міръ потрясенъ былъ бы въ своихъ основаніяхъ. Торжество, которое по всей вѣроятности, осталось бы па сторонѣ рабовладѣльцевъ юга, подѣйствовало бы на старый міръ и измѣнило бы европейскую исторію на цѣлую генерацію, а можетъ быть и на болѣе продолжительное время.

Теперь дѣло Трента забыто въ старыхъ связкахъ дипломатическихъ бумагъ. Послѣдовавшія затѣмъ событія быстро смѣнялись одно другимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ поглощали, а другія до сихъ поръ поглощаютъ наше вниманіе. Теперь съ трудомъ можно вспомнить имена Трента, Санъ-Яцинто, капитана Вилькса, Слайделля и Мэзона. Жизнь проходитъ скоро. На нашихъ глазахъ преобразовывается весь міръ. Картины быстро смѣняются одна другою. Мы съ жадностью слѣдимъ за ними, но не успѣваемъ повторить ихъ въ нашей памяти и ясно замѣтить ихъ послѣдовательность.

Когда открылся обманъ, то нѣкоторые полагали, что Пальмерстонъ

и его кабинетъ дорого за него заплатятъ. Говорили, что парламентъ вправѣ и даже обязанъ подвергнуть министра суду и объявить его безчестнымъ. Но эти предположенія оказались иллюзіями. Правда, нѣсколько голосовъ потребовали отъ Пальмерстона отчета въ его вѣроломной и кровожадной политикѣ, но эти голоса заглушены были ропотомъ и возгласами министерскаго большинства. Къ аксіомамъ, т. е. къ политическимъ фикціямъ, на которыхъ основывается конституціонное правленіе, каковы: *Хартія есть истина,—Всѣ граждане равны передъ закономъ,—Король непогрѣшителенъ,—Онъ царствуетъ, но не управляетъ,*—къ этимъ фикціямъ теперь слѣдуетъ прибавить новую: *Отвѣтственный министръ не подлежитъ никакой отвѣтственности.*

Что касается вмѣшательства въ дѣла Мексики и Соединенныхъ штатовъ, то ничего не можетъ быть болѣе назидательнаго. Англія, которой Мексика должна сумму въ десять разъ болѣе значительную, нежели всѣ счеты представленные французскимъ правительствомъ, дѣйствуетъ заодно съ господами Жюріенъ-де-ла-Гравьеръ и Дюбоа-де-Салиньи. Мексика приступаетъ къ исполненію требованій союзниковъ. Вдругъ возникаетъ несогласіе между полномочными трехъ державъ. Полномочные Англіи и Испаніи удаляются, и Франція остается одна для рѣшенія дѣла. Правительство вполнѣ оправдываетъ поведеніе своихъ представителей; газеты не находятъ ни малѣйшей причины къ ихъ порицанію. Онѣ въ восторгѣ, что страна ихъ отдѣлилась отъ этого опаснаго предпріятія, и еще болѣе въ восторгѣ, что Франція не покидаетъ этого дѣла, и все болѣе и болѣе въ него впутывается. Онѣ не находятъ достаточныхъ похвалъ для нашего рыцарскаго поведенія, для того самоотверженія, съ какимъ мы возстановляемъ порядокъ въ Мексикѣ, не смотря на опасность со стороны желтой лихорадки, vomito, тифа, оспы, и на непріязнь Соединенныхъ штатовъ.

Такая же точно комедія разыгрывается въ отношеніи къ Соединеннымъ штатамъ. Снова говорятъ о посредничествѣ, и главные англійскіе журналы находятъ эту идею превосходною. Но хотя Англія имѣетъ въ хлопкѣ потребность въ пять разъ большую, нежели Франція, все же Франція должна въ этомъ дѣлѣ стать впереди. Она первая должна предложить свое посредничество, и по всей вѣроятности объявить войну той изъ сторонъ, которая не согласится принять это предложеніе. Въ случаѣ войны между Франціей и Соединенными шта-

тами, Англія имѣетъ двоякій шансъ къ выигрышу. Если побѣда останется за Соединенными штатами, то Англія выигрываетъ все, что теряетъ Франція, а если побѣда будетъ на сторонѣ Франціи, то Англія выигрываетъ все, что теряютъ Соединенные штаты. «Въ Соединенныхъ штатахъ, такъ же какъ въ Мексикѣ, замѣчаетъ Таймсъ съ самодовольствіемъ, Франція можетъ сдѣлать много добра, не слишкомъ рискуя нанести зло кому бы то ни было, за исключеніемъ развѣ самой себѣ».

Нечего и говорить объ успѣхѣ англійской политики въ Испаніи, гдѣ всѣ партіи согласны въ одномъ пунктѣ: не довѣрять французскому правительству и полагаться на Англію, которая, однакожъ, не пожертвовала въ пользу Испаніи ни однимъ человѣкомъ, ни однимъ экю. Итакъ, вотъ къ чему повели Мадджента и Сольферино!

Греческая революція доставила Англіи блистательное торжество.

Когда возстаніе Навпліи подавлено было силою оружія, неспособность баварской династіи къ управленію дѣлами Греціи сдѣлалась очевидною для всѣхъ. Матеріальная инструкція была побѣждена, но нравственная продолжалась съ большею силою, чѣмъ когда либо. Этого не понимали ни король Оттонъ, ни королева Амалія. Казалось бы, что важность совершившихся событій должна была придать политикѣ афинскаго кабинета новый характеръ, серьезное стремленіе къ преобразованіямъ. Ничуть не бывало. Греческая нація была глубоко взволнована; недовольная своимъ положеніемъ, она жаждала перемѣны. Правда, страна не хотѣла придать большого значенія событіямъ Навпліи. Она въ нихъ видѣла только воззваніе и этому воззванію не послушалась. Дворъ, воспламеняясь своимъ торжествомъ, громко провозгласилъ свою побѣду, и возвратился къ прежнимъ ошибкамъ.

Не смотря на побѣду, Оттонъ былъ презираемъ греками. Во время національнаго праздника, 3-го сентября, ему даже не кланялся народъ. Король страшно растолстѣлъ и имѣлъ сонный видъ. Королева дѣлала поклоны публикѣ граціозные и въ то же время гордые. Оба супруга озабочены были тогда мыслію заставить націю признать наслѣдникомъ престола юнаго племянника ихъ, шестнадцатилѣтняго сына Люитпольда баварскаго.

Неизвѣстно, вслѣдствіе какой странной идеи министерство заставило королевскую чету путешествовать. Король и королева поѣхали 13 октября осматривать свои провинціи. Имъ уже не суждено было

болѣе возвратиться въ столицу. Замѣчаютъ, что ровно тридцать лѣтъ тому назадъ, въ 1832 году, также 13 октября, греческая депутація предложила корону герцогу Оттону.—Недѣлю спустя послѣ отъѣзда королевской четы, западная Греція была возмущена: возстала Воница, Миссолонги, Ріонъ, Антиріонъ и Патрасъ. Въ одно мгновеніе революція провозглашена была всѣми. Баварская партія не претерпѣла пораженія, потому что не рѣшалась вступить въ сраженіе. Правительство пало не столько вслѣдствіе возстанія, сколько по случаю равнодушія націи. Въ одинъ мигъ всѣ чиновники его лишились своихъ мѣстъ. Провозглашено было новое временное правительство. Вся династическая партія палаты, администрація, жандармы, весь порядокъ прежней конституціи, все это исчезло, какъ будто отъ удара магическаго жезла. Дѣло въ томъ, что революція совершилась въ умахъ, прежде чѣмъ происходила на площади. Поэтому она не стоила ни-капли крови. Оттонъ, узнавъ, что происходятъ какія-то смуты, возвратился въ Пирейскій портъ. Немедленно явились къ нему посланники съ извѣстіемъ объ его низверженіи. Онъ еще не былъ одѣтъ и заставилъ ихъ прождать цѣлыхъ полъ-часа, которые такимъ образомъ прибавились къ его царствованію.

Временное правительство увѣдомило его, что если онъ останется въ портѣ болѣе двухъ часовъ, то подвергнется аресту. Поэтому онъ поспѣшилъ уѣхать на англійскомъ кораблѣ, находившемся въ гавани. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Впрочемъ, дѣло этимъ кончилось не совсѣмъ. Оттонъ счелъ нужнымъ протестовать противъ даннаго ему безсрочнаго отпуска, и чтобы удержать за собою послѣднее слово, онъ въ этомъ протестѣ еще называлъ себя королемъ Греціи. Онъ гулялъ по улицамъ Мюнхена въ костюмѣ палликара, въ фескѣ, туникѣ и въ золоченомъ кафтанѣ. Впрочемъ, когда получены были послѣднія извѣстія, онъ, повидимому, успокоился и снова надѣлъ обыкновенный гражданскій костюмъ.

Правительство это пало болѣе отъ презрѣнія греческой націи, нежели отъ ударовъ революціи. Его паденіе было встрѣчено въ Европѣ съ совершеннымъ равнодушіемъ, или, лучше сказать, съ презрительною иронією. Биланъ этого правленія вовсе не былъ къ его чести. Вступивъ на престолъ, бывшій король принесъ съ собою только безграничную преданность къ ретроградной политикѣ Баваріи и Австріи. Только революція въ 1843 году могла заставить его подчиниться конституціи, вотированной національнымъ собраніемъ, и которую онъ за-

ранѣе согласился принять. Впрочемъ, эту конституцію, которой онъ поклялся въ вѣрности, онъ потомъ всячески старался обойдти. Отсутствіе ненарушимости и судебныхъ приговоровъ, презрѣніе къ охранительнымъ формамъ правосудія, произволъ, распечатываніе частныхъ писемъ, нарушенія конституціи въ отношеніи отвѣтственности министровъ и въ отношеніи свободы индивидуальной, свободы муниципальной и свободы печати,—характеристическія черты правленія Оттона.

Не смотря на то, нація простила бы всѣ эти злоупотребленія правительству, еслибъ это правительство выказывало заботу о территоріальномъ увеличеніи Греціи. Ужь таковъ характеръ молодыхъ націй. Онѣ готовы подчиняться всякой тираніи, если только правительство расширяетъ ихъ предѣлы. «Надо страдать, чтобъ быть красавицей», говорятъ кокетки. «Надо страдать, чтобъ быть великимъ», говорятъ честолюбцы. Народы въ этомъ отношеніи похожи на индивидуумовъ: прежде чѣмъ стремиться къ независимости, они желаютъ достигнуть естественнаго развитія. Спросите ребенка, чего желаетъ онъ особенно? быть ли богатымъ, или мудрымъ, или пользоваться почетомъ и т. п.? Что вамъ отвѣтитъ дитя? «Я желаю быть большимъ человѣкомъ», скажетъ оно, «самымъ большимъ»! Греки теперь думаютъ точно такъ же. Много было говорено о наслѣдованіи Восточной имперіи Россіею и о преобразованіи Константинополя въ столицу огромнаго славянскаго государства. Что же? Маленькая Греція, которой населеніе втрое меньше населенія Лондона, вамъ скажетъ: «Восточная имперія—это я. Византія—моя столица. Погодите, и вы увидите, что я говорю правду. Я теперь не больше лягушки, но я выросту съ корову».

Если современныя событія Греціи должны служить назидательнымъ примѣромъ для кого-нибудь, то именно для людей легкомысленныхъ, и вообще для тѣхъ недовольныхъ, которые смотрятъ на революцію, какъ на шутку. Вотъ вамъ несчастная Греція, которая, освободившись отъ своего короля, не можетъ найдти ни одного принца для занятія опроставшагося престола. Она теперь наказана по заслугамъ, она была недовольна своимъ королемъ. И что же? Судьба, вопреки ея желанію, заставляетъ ее быть республикой.

Не будемъ распространяться о партіяхъ русской и англійской въ Афинахъ и объ ихъ дѣйствіяхъ, одной въ отношеніи къ другой. Замѣтимъ только, что греческая нація присоединилась къ кандида-

турѣ принца Альфреда, который дѣйствительно былъ избранъ въ короли Греціи большинствомъ 230,000 голосовъ противъ 8,281, бывшихъ въ пользу герцога Лейхтенбергскаго и разныхъ кандидатовъ русскихъ. — По поводу этихъ избраній между Франціею, Великобританіею и Россіею происходили переговоры. Эти три державы объявили, что, по заключеннымъ ими обязательствамъ ни одинъ изъ членовъ царствующихъ въ нихъ семействъ не можетъ принять греческой короны.

Отъ этого происходитъ большое затрудненіе. Если необходимо, чтобъ кандидатъ греческаго престола признанъ былъ тремя державами, покровительствующими Греціи, и если эти державы никогда не согласятся насчетъ выбора этого кадидата, то несчастные илоты цивилизаціи тѣмъ самымъ осуждены будутъ жить республиканцами, какъ жили ихъ предполагаемые отцы, греки древнихъ Афинъ и Спарты. Объ этомъ обстоятельствѣ безъ сомнѣнія стоило серьезно подумать нашимъ дипломатамъ.

Поэтому обратились съ предложеніемъ кандидатуры къ отцу португальскаго короля, очень хорошему человѣку, по имени Домъ-Фернандо. Но этотъ хорошій человѣкъ три раза категорически отказывался отъ принятія короны. Послѣ него самымъ серьезнымъ кандидатомъ греческаго престола считался дядя принца Альфреда, герцогъ кобургскій. Но и эти переговоры не имѣли успѣха, къ большой радости нѣмецкихъ демократовъ, которые утѣшаютъ себя средневѣковою мечтою, что въ одинъ прекрасный день голова этого принца украсится короною великаго императора Фридриха Барбаруссы. Герцогъ кобургскій согласился было сдѣлаться греческимъ королемъ, но онъ предложилъ два условія, которыхъ невозможно было принять. Онъ хотѣлъ остаться герцогомъ кобургскимъ, чтобы, *въ случаѣ несчастія* все же быть владѣтельнымъ лицомъ. Кромѣ того, онъ думалъ отправиться въ Грецію со стражею изъ французскихъ зуавовъ—условіе странное со стороны принца, котораго считаютъ либеральнымъ.

Другіе принцы, съ которыми велись переговоры о кандидатурѣ, или которые имѣлись въ виду, какъ кандидаты греческаго престола, были герцогъ ольденбургскій, братъ экс-королевы Амаліи, Николай нассаускій, Карлъ баденскій, Вильгельмъ баденскій, герцогъ фландрскій; отецъ послѣдняго, король бельгійскій, еще въ 1830 году отказался отъ греческой короны лично за себя, теперь онъ вторично отказался за своего сына. Затѣмъ слѣдовали эрцгерцогъ Максимиліанъ авст-

рійскій, герцогъ омальскій, Кобургъ Когари, принцъ линанжскій, Эдуардъ саксенъ-веймарскій, маленькій принцъ саксенъ-кобургъ-готскій, сынъ принцессы Клементины, и наконецъ принцъ гессенскій. Греческая корона предлагалась даже частному лицу, лорду Стэнли, сыну лорда Дерби. Но милордъ отказался. Онъ находитъ свое положеніе, въ качествѣ англійскаго аристократа, несравненно выше положенія короля. И вотъ наши несчастные греки въ весьма затруднительномъ положеніи. Въ ожиданіи будущихъ благъ, они превозгласили своимъ королемъ принца Альфреда, не смотря на офиціальный отказъ Англіи.

Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, вопросъ объ Іоническихъ островахъ до сихъ поръ не рѣшенъ. Въ первомъ порывѣ радости, видя, что греки съ такимъ энтузіазмомъ склоняются въ пользу кандидатуры принца Альфреда, англійскіе дипломаты обѣщались уступить Іоническіе острова Греціи съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы она избрала короля, угоднаго Англіи. Греки только того и желаютъ. Но къ сожалѣнію ихъ, всѣ кадидаты, представленные Англіею, не могутъ вступить на престолъ по какой-нибудь причинѣ. Вотъ новое затрудненіе.

Такимъ образомъ греки, вопреки собственному своему желанію, остаются республиканцами. Бѣдный народъ!

Что касается внутренней политики, то парламентская сессія была особенно замѣчательна упорствомъ, съ какимъ палата общинъ противилась всякой реформѣ въ церкви или государствѣ. Ежегодное предложеніе Берклея въ пользу тайной подачи голосовъ никогда не было отвергнуто съ такимъ негодованіемъ, какъ въ этомъ году. Вотировать въ пользу такой мѣры! возможно ли?! Это было бы недостойно англичанина, человѣка свободнаго. Положимъ! Но въ такомъ случаѣ англійскій избиратель, этотъ человѣкъ, свободный и независимый, не долженъ быть фермеромъ, находящимся во власти землевладѣльца.

Министерство могло освободиться отъ необходимости предложить какую бы то ни было перемѣну въ избирательномъ законѣ, которую однакожъ обязались представить на разсмотрѣніе парламенту. Извѣстно, что составъ палаты общинъ совершенно недостоинъ свободнаго народа. Большая часть избирателей состоитъ изъ фермеровъ, которые принуждены вотировать въ пользу кандидата, представленнаго ихъ землевладѣльцемъ; въ противномъ случаѣ, они, по окон-

чаніи срока найма, безжалостно изгоняются изъ фермы. Избранія дѣлаются открыто, для того, чтобы голосъ, поданный каждымъ избирателемъ, былъ извѣстенъ землевладѣльцу, который замѣчаетъ себѣ всѣхъ дѣйствовавшихъ вопреки его желанію. Наконецъ, избранія производятся не всѣми избирателями и не извѣстнымъ числомъ избирателей, соотвѣтствующимъ опредѣленной цифрѣ населенія, но жителями нѣсколькихъ привилегированныхъ мѣстностей, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ ничтожныхъ селеній, съ исключеніемъ многихъ городовъ, болѣе или менѣе значительныхъ. Манчестеръ, Ливерпуль, Линдсъ, считающіе сотни тысячь жителей, представляются только двумя депутатами, и столько же представителей имѣютъ Эшбёртонъ съ 193-мя и Гонитонъ съ 287 избирателями. Въ Арунделѣ полагается 196 избирателей, а въ Бирмингамѣ 9000. Депутатъ Арунделя представляетъ 200 избирателей, а депутатъ Бирмингама 3000, т. е. число, въ пятнадцать разъ болѣе значительное. При такомъ состояніи избирательнаго права подкупъ дѣлается болѣе легкимъ и менѣе дорогимъ и, что весьма важно, въ дѣлѣ избранія устраняется демократическій элементъ.

Такимъ образомъ, есть *развращенные бурги*, которые изъ вѣка въ вѣкъ вотируютъ въ пользу креатуръ какого либо землевладѣльческаго семейства виговъ или тори. Этимъ объясняется парламентская поговорка: имѣть въ карманѣ столько-то голосовъ и столько-то бурговъ. Знатный землевладѣлецъ есть въ нѣкоторомъ родѣ сержантъ, или капралъ, или унтеръ-офицеръ, потому что заставляетъ опредѣленное число депутатовъ совершать парламентскія эволюціи. Дѣйствительно, стоитъ посмотрѣть громадность нѣкоторыхъ территоріальныхъ имуществъ, которыхъ владѣтели имѣютъ одинъ, два, три и до семи милльоновъ ежегоднаго дохода. Такъ владѣнія герцога Клевлендскаго до того обширны, что большая дорога пересѣкаетъ ихъ на протяженіи семи миль. Маркизъ Бредельбейнъ можетъ, не покидая своихъ земель, путешествовать въ продолженіе цѣлаго дня и проѣхать сто шестьдесятъ километровъ отъ своего замка до моря. Маркизъ Вестминстерскій обладаетъ доходомъ въ тысячу франковъ въ часъ. Это владѣлецъ самаго фешіонебльнаго квартала въ Лондонѣ. Онъ для собственнаго удовольствія повѣсилъ въ рамкѣ, въ своей залѣ, на мѣсто картины Рубенса, банковый билетъ въ двадцать пять милльоновъ франковъ, не зная, какое сдѣлать изъ него употребленіе. Есть цѣлые города, какъ напримѣръ Фобкестонъ, принадлежащіе

частнымъ лицамъ. Герцогинѣ Sutherland, между прочими владѣніями, принадлежитъ цѣлое графство, простирающееся отъ Сѣвернаго моря до Атлантическаго океана. Эта благочестивая дама прежде покровительствовала неграмъ, но, съ наступленіемъ зимы, она велѣла очистить свое огромное владѣніе отъ поселившихся въ немъ человѣческихъ семействъ, чтобы замѣнить ихъ стадами овецъ, которыхъ употребленіе представляло болѣе выгодъ. Эти такъ называемыя ejections дѣлаются очень часто и служатъ главной причиной неудовольствія ирландскаго населенія противъ землевладѣльческой англійской аристократіи. Чтобы не подвергаться болѣе такимъ изгнаніямъ, милльоны людей отправляются въ Соединенные штаты искать крова, изъ котораго никто не посмѣетъ ихъ выгнать. Къ несчастію правда, что цѣлыя селенія уничтожаются, что земледѣльцы съ ихъ семействами изгоняются сотнями, что эти несчастные вдругъ жестокимъ образомъ лишаются и хлѣба и крова, иногда посредствомъ поджога и разрушенія домовъ. Вотъ что пишетъ одинъ очевидецъ, возмущенный подобною жестокостью, къ мистриссъ Beecher Stowe, автору Хижины дяди Тома, пользующейся дружбою и покровительствомъ герцогини Sutherland, о которой было говорено выше:

«Около одиннадцати часовъ я взошелъ на маленькую возвышенность и сосчиталъ двѣсти пятьдесятъ домовъ, находившихся въ пламени. Нѣкоторые изъ нихъ обитаемы были моими родственниками. При этомъ случаѣ сгорѣла одна старая женщина. Представьте, что подобныя злодѣйства совершаются могущественными прелатами и другими богатыми служителями церкви».

Богатые землевладѣльцы, въ качествѣ законодателей страны, постарались, сколько возможно, освободить себя отъ тягости налоговъ. Англичане говорятъ, что политическая сила у нихъ можетъ быть раздѣлена на пять главныхъ частей: четыре приходятся на долю землевладѣльческаго класса, а одна—на долю класса торговаго и мануфактурнаго. Но когда платится налогъ, и въ казну доставляется масса золота въ восемь сотъ тоннъ, которая была бы достаточна для того, чтобы каждую букву библіи покрыть двадцатью пятью монетами, въ двадцать франковъ каждая, тогда представляется обратная пропорція: изъ всей суммы податей, въ два мильярда, изъ года въ годъ платимой жителями Великобританіи, четыре пятыхъ части выплачиваются торговымъ и мануфактурнымъ сословіемъ, и одна только пятая землевладѣльческимъ. Поэтому купцы и фабриканты,

платя вчетверо болѣе землевладѣльцевъ за преимущества, въ четыре раза меньшія, находятъ, что ихъ политическое вліяніе должно увеличиться въ шестнадцать разъ, а вліяніе землевладѣльцевъ во столько же разъ уменьшится. Надо еще замѣтить, что, по разсчетамъ одного статистика, работникъ, получающій ежегодно сумму въ 1300 франковъ, т. е. по 25 франковъ въ недѣлю, платитъ въ казну, въ видѣ косвеннаго налога, 23 % съ своего дохода, пріобрѣтеннаго тяжкимъ трудомъ.

Брайтъ, самый горячій ораторъ Англіи, говоритъ по этому поводу: «Территоріальныя владѣнія аристократіи такъ обширны, что къ нимъ принадлежитъ бо̀льшая часть мѣстъ въ палатѣ общинъ. Нижняя палата подчинена верхней. Всѣ старанія людей благонамѣренныхъ должны рушиться передъ парламентомъ, который избирается только сто двадцатью пятью тысячами избирателей въ странѣ, гдѣ насчитывается семь милльоновъ людей, платящихъ подати»... «Либеральная партія въ палатѣ общинъ, прибавляетъ онъ, дозволила себя ослабить, развратить и унизить пальмерстонскою тактикою, которая не прибѣгаетъ болѣе къ силѣ, этому орудію временъ прошедшихъ, но употребляетъ средства болѣе могущественныя: обманъ, внушеніе паническаго страха. Само собою разумѣется, что люди, призванные такими мѣрами къ поддержанію подобной организаціи, не слишкомъ заботятся о благосостояніи и свободѣ народа». Въ заключеніе, Брайтъ увѣряетъ, что англійскій народъ долженъ полагаться исключительно на свои собственныя силы и не ожидать ничего отъ парламента, отъ этихъ представителей четырехъ сотъ семействъ, которыя пожираютъ Англію, присвоиваютъ себѣ всѣ почетныя званія и всѣ доходныя мѣста, и одни вотируютъ бюджетъ, т. е. присуждаютъ его въ свою пользу... «Что касается этого чудовищнаго созданія», прибавляетъ квакеръ Брайтъ, «называемаго бишопомъ, который въ одно и то же время и лордъ духовный, и лордъ земной, то отъ него—въ этомъ могу васъ увѣрить съ глубокимъ убѣжденіемъ —вы въ особенности не должны ждать ничего».

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ объ англиканской церкви, тѣмъ болѣе, что въ этомъ году билль Трелонея въ пользу уничтоженія такъ называемыхъ church rates былъ отвергнутъ большинствомъ болѣе значительнымъ, чѣмъ обыкновенно.

Эти church rates, или налоги, назначаемые для содержанія церквей, не должны быть смѣшиваемы съ церковною десятиною, которая нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ замѣнена податью, собираемою непосредственно самимъ правительствомъ. Законъ этихъ church rates едва соблюдается половиною Англіи. Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ налогъ этотъ отвергнутъ большинствомъ прихожанъ, онъ и не собирается вовсе. Большею частію онъ отвергается меньшинствомъ, которое потомъ уже платитъ по принужденію. Такимъ образомъ, законъ этотъ на самомъ дѣлѣ служитъ закономъ только для половины Англіи. Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ онъ отвергнутъ, прихожане подвергаются осужденію со стороны духовенства, но на это осужденіе никто не обращаетъ вниманія.

Впрочемъ церкви, содержимыя насчетъ этихъ church rates вездѣ находятся въ жалкомъ состояніи: онѣ сыры и мрачны. Это фактъ, признанный всѣми. Прихожане, желающіе извинить несчастное состояніе своей церкви, обыкновенно говорятъ: «Наша церковь содержится, только насчетъ обязательнаго налога». Стоило для такихъ результатовъ быть нелогичнымъ и несправедливымъ!

Дѣйствительно, несправедливымъ, потому что въ Великобританіи едва одна треть населенія номинально принадлежитъ къ англиканской церкви. Въ Шотландіи двѣ трети жителей состоятъ изъ пресбитеріанцевъ или кальвинистовъ; въ Ирландіи также двѣ трети изъ католиковъ, а въ Валисѣ семь восьмыхъ изъ диссидентовъ. Зачѣмъ же обремѣнять и диссидентовъ, и католиковъ, и пресбитеріанцевъ налогомъ, назначаемымъ исключительно въ пользу англиканской церкви?

Итакъ, вотъ въ чемъ заключается сущность вопроса такъ называемыхъ church rates. Въ первый разъ онъ былъ возбужденъ въ 1834 году, и съ тѣхъ поръ не переставалъ волновать религіозный міръ Англіи. Онъ служилъ поводомъ къ представленію двадцати трехъ различныхъ биллей и былъ причиною болѣе сотни парламентскихъ распрей. Многократно разсматривался онъ палатою общинъ и многократно отвергался палатою лордовъ, однимъ изъ передовыхъ постовъ англиканской церкви. Съ паденіемъ его, другой постъ подвергнется опасности. Вотъ секретъ, почему этотъ вопросъ служитъ предметомъ такой упорной аттаки и такой отчаянной защиты.

И добро бы, англиканское духовенство не противилось всякаго рода прогрессу! Добро бы, огромныя суммы, поглощаемыя офиціальною церковью, послужили для общественной пользы! А то нѣтъ! Недовольствуясь сопротивленіемъ всякому внѣшнему прогрессу, всякой реформѣ, англиканское духовенство въ своей собственной средѣ пред-

ставляетъ самыя вопіющія несправедливости. Богатство самое ослѣпительное находится рядомъ съ самою страшною бѣдностью. Лорды духовенства получаютъ доходъ въ двѣсти, триста, четыреста или пять сотъ тысячь франковъ. Одинъ архіепископъ, въ продолженіе исправленія этой должности, получилъ всего восемьдесятъ милльоновъ франковъ. Послѣдній епископъ лондонскій, сдѣлавшись неспособнымъ исправлять свои обязанности по случаю болѣзни, рѣшительно отказывался подать въ отставку, пока парламентъ не назначилъ ему ежегодной пенсіи въ полтораста тысячь франковъ.

Рядомъ съ этими могущесвенными прелатами, ректоры или викаріи ведутъ жизнь очень пріятную, если вѣрить замѣткамъ, включенымъ въ духовныхъ журналахъ. Вотъ одна изъ такихъ замѣтокъ: «Одинъ ректоръ ищетъ священника, который принялъ бы на себя исправленіе его должности. Обязанности очень легки: весь приходъ состоитъ изъ сорока душъ, живущихъ въ пяти фермахъ. Для человѣка, имѣющаго нѣкоторое состояніе, предлагается, въ видѣ вознагражденія, пользованіе домомъ, не меблированнымъ, съ большою залою и большою столовою, въ мѣстности прелестной и здоровой. Адресоваться franco къ М. Х.., въ Баденъ-Баденъ, въ Германіи.

Викаріи расходуютъ ежегодно отъ тридцати до пятидесяти тысячь франковъ. Они путешествуютъ, проводятъ лѣто на водахъ, а зиму въ Римѣ или Неаполѣ, или бываютъ на англійскихъ великосвѣтскихъ балахъ, но не иначе, какъ въ костюмѣ извѣстнаго покроя, изъ чернаго, лоснящагося и самаго тонкаго сукна, безъ воротника и съ длинными полами. Они ѣздятъ на охоту на чистокровныхъ лошадяхъ, но темной масти; даютъ веселыя пиршества, но въ залахъ обитыхъ бархатомъ гранатоваго цвѣта; пьютъ самыя отборныя вина, но сидя въ массивныхъ дубовыхъ креслахъ религіозной, т. е. готической формы. Многія изъ обязанностей ихъ званія совершенно возложены на нѣкоторыхъ бѣдныхъ священниковъ, которые живутъ, какъ могутъ съ дюжиною дѣтей и тысячью двумя стами франковъ дохода. Эти несчастные обязаны проповѣдывать евангеліе, обучать юношество катихизису, имѣть надзоръ за школами, посѣщать больныхъ прихожанъ, разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ, и кромѣ того заниматься дѣлами милосердія и, если возможно, оказывать помощь бѣднымъ. Многіе изъ нихъ принуждены для своихъ собственныхъ семействъ обращаться къ общественной благотворительности. Иногда въ газетахъ попадаются объявленія такого рода.

«Бѣдный священникъ села ***, отецъ многочисленнаго семейства, которое онъ не въ состояніи содержать своимъ слишкомъ ничтожнымъ жалованьемъ, обращается съ просьбою о помощи къ богатымъ и милосердымъ христіанамъ. У него одна только надежда на ихъ великодушіе».

Послѣ такого объявленія, понятно, почему въ числѣ восьмидесяти или ста тысячъ публичныхъ женщинъ Лондона находится такое множество пасторскихъ дочерей. Большая часть изъ нихъ отличаются образованіемъ и талантами. Дѣло въ томъ, что въ родительскомъ домѣ онѣ получали болѣе свѣденій, нежели хлѣба. Дѣтьми, онѣ жили въ бѣдности и нуждѣ, а когда наступила пора содержать себя и семейство, ни одна не рѣшалась выдти за какого-нибудь честнаго ремесленника. Однѣ стали добывать неудовлетворительный кусокъ хлѣба шитьемъ и вышиваньемъ; другія, перемѣнивъ фамилію, дѣлались няньками или горничными у какой нибудь знатной дамы: третьи поступали въ пенсіоны въ качествѣ учительскихъ помощницъ. Многія опредѣлялись въ аристократическіе дома наставницами или гувернантками, и тамъ развращались молодыми наслѣдниками. Наконецъ, были и такія, которымъ приходилось искать хлѣба на улицѣ.

Да будетъ всѣмъ извѣстно, что въ Англіи самые искренніе друзья церкви требуютъ отдѣленія ея отъ государства.

Если эта реформа должна быть совершена настоящимъ парламентомъ, или другими парламентами, которые послѣдуютъ его примѣру, то ее придется ждать очень долго. Дѣйствительно, отвергнутъ былъ билль, имѣвшій цѣлью предоставить священникамъ право выходить въ отставку, заниматься какою-нибудь свѣтскою профессіею. Но это требуетъ объясненія.

Вступая въ оксфордскій или кембриджскій университетъ въ качествѣ студентовъ, молодые люди обязаны присягнуть, что они въ глубинѣ своей души вѣрятъ въ извѣстные тридцать девять параграфовъ, которые представляютъ резюме всего того, что англиканская церковь признаетъ вмѣстѣ съ церквами католическою, греческою и протестантскою, и что признаетъ она одна вопреки всѣмъ прочимъ христіанскимъ ученіямъ. Эти тридцать девять параграфовъ редижированы были въ концѣ среднихъ вѣковъ. Но умъ человѣческій и религіозныя вѣрованія весьма измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что солнце не обращается вокругъ земли. Наврядъ ли въ цѣлой Великобританіи найдется человѣкъ, образованный

и съ здравымъ смысломъ, который бы принялъ эти тридцать девять правилъ безусловно и безъ всякихъ коментарій. Однакожъ, каждый священникъ англиканской церкви обязанъ это сдѣлать и подтвердить клятвой. Мы не хотимъ утвдрждать, что всѣ члены этой церкви лицемѣры. Мы знаемъ очень хорошо, что несчастные студенты, еще дѣтьми, принуждены были присягнуть въ этихъ вѣрованіяхъ, и что они дѣлали это охотно, желая сообразоваться съ предписанными формулами, которыхъ смыслъ они не понимали.

Во всякомъ случаѣ, убѣжденіе составляется не вдругъ. Совѣсть. которою нельзя повелѣвать, иногда не соглашается признать какую-нибудь частность. Надо замѣтить, что англиканская церковь въ этомъ отношеніи въ настоящее время находится въ большомъ броженіи; можно даже сказать, что она распадается. Изъ ея сыновъ, аристократы все болѣе и болѣе склоняются къ католицизму и дѣлаются іезуитами и піэтистами; люди низшаго сословія превращаюся въ кальвинистовъ, баптистовъ, плимутистовъ, радикаловъ, секуляристовъ, или атеистовъ, а люди средняго сословія витаютъ между той и другой стороной, не зная куда пристать. Но во всякомъ случаѣ, они требуютъ новой религіи, болѣе либеральной и болѣе раціональной. Этимъ-то и объясняется удивительный успѣхъ, какой около восемнадцати мѣсяцевъ тому назадъ имѣло сочиненіе Essays and Reviews, написанное нѣсколькими молодыми священниками, которые, зная немного по-нѣмецки и по-гречески, придали себѣ легкій оттѣнокъ германской учености. Въ сущности, авторы эти въ дѣлѣ библейской критики находятся на той самой точкѣ, на какой находились Гердеръ и Михаэлисъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Они, однакожъ, возбудили страшный ропотъ, вооруживъ противъ себя толпу епископовъ, архіепископовъ, діаконовъ и архидіаконовъ. Но ихъ книга чрезъ то раскупалась еще лучше. Во время апогеи произведеннаго ими движенія, расходилось по одному изданію въ недѣлю. Толенсо, епископъ натальскій, также выступилъ на эту дорогу. Онъ недавно издалъ коментарій на пятикнижіе, полу-ортодоксальный и полу-ученый, подъ названіемъ «Essay on the Pentateuch». Старые сквайры не вѣрятъ своимъ очкамъ, читая такую ересь, а античныя вдовы-аристократки приходятъ отъ нея въ содроганіе въ глубинѣ своихъ замковъ. Куда мы идемъ? спрашиваютъ онѣ. Боже мой, куда мы идемъ? Очевидно, все это движеніе дѣлается не въ пользу тридцати девяти параграфовъ, о которыхъ было говорено выше.

Въ настоящее время, нѣкоторые духовные въ Англіи мало-мальски откровенные, съ безпокойствомъ спрашиваютъ себя, на сколько они вѣрны принципамъ своего вѣроисповѣданія? Вѣрютъ ли или не вѣрютъ въ то, что должны преподавать другимъ? Еслибъ дѣло касалось какой-нибудь мелочи, тогда еще можно было бы съ нимъ примириться. Но иногда совѣсть отказывается отъ всякаго подобнаго примиренія. Что тогда дѣлать? Оставаться въ церкви и быть клятвопреступникомъ? Проповѣдывать съ кафедры и быть лгуномъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Въ такомъ случаѣ, надо отказаться отъ служенія алтарю. Но это запрещено и церковью, и государствомъ. Добросовѣстный пасторъ, который захотѣлъ бы отказаться отъ своихъ доходовъ и отъ пресбитерскаго жилища и начать новую карьеру для пріобрѣтенія куска хлѣба себѣ и своему семейству, встрѣтилъ бы непреодолимое препятствіе въ самомъ законѣ. Этотъ законъ запрещаетъ всякому служителю евангелія, посвященному въ апостольское званіе заниматься какою бы то ни было свѣтскою профессіею. Онъ не можетъ сдѣлаться ни медикомъ, ни адвокатомъ, ни купцомъ, ни фабрикантомъ. Если онъ не имѣетъ независимаго состоянія, которое давало бы ему возможность жить праздно, то онъ долженъ остаться въ церкви и лицемѣрить до послѣдняго дня своей жизни.

Отмѣна этого жалкаго закона и была предложена законодателямъ. И что же? Въ англійскомъ парламентѣ, въ этомъ собраніи людей свободныхъ, считавшемся долгое время самымъ благороднымъ собраніемъ въ свѣтѣ, нашлось большинство людей просвѣщенныхъ, представляющихъ аристократію перваго въ мірѣ государства, и которые рѣшились заставить несчастнаго служителя церкви или вести жизнь, исполненную лжи, или умереть въ нищетѣ.

Замѣтьте то, что англійскіе атеисты или секуляристы, которые требуютъ уничтоженія англиканской церкви, какъ политическаго тѣла, въ то же время уважаютъ церковь вообще какъ собраніе людей, исповѣдающихъ одни и тѣ же вѣрованія. Такимъ образомъ, враги церкви желаютъ ее сдѣлать свободною, а мнимые друзья хотятъ ее осудить на лицемѣріе. И когда билль, предложенный въ пользу духовныхъ лицъ, желающихъ оставить свою профессію, отвергнутъ былъ большинствомъ голосовъ, тогда члены британскаго парламента прониклись неистовою радостью. Они запрыгали на скамьяхъ, замахали

руками и ногами, и закричали «ура» въ честь церкви и государства.

Исторія на своихъ страницахъ отмѣтитъ это ура!

Нѣсколько анекдотовъ, касающихся англиканскаго духовенства, здѣсь будутъ не лишни:

Въ Лофордѣ, въ графствѣ Глостерскомъ, къ мѣстному священнику, исполнявшему должность судьи, приведенъ былъ маленькій мальчикъ, обвинненый въ кражѣ клубники. Доказательства преступленія были на лицо, и служитель евангелія приговорилъ несчастнаго ребенка къ трехмѣсячному заключенію въ рабочемъ домѣ.

Въ Баттерси, пасторъ Дженкинсонъ осужденъ былъ заплатить 125 франковъ штрафа за то, что отказался крестить одного ребенка, подъ предлогомъ, что зналъ его родителей какъ большихъ, нераскаявшихся грѣшниковъ.

Но вотъ случай, еще болѣе интересный, недавно напечатанный въ Ayr Express:

Нѣкто Миккель, обвиненный въ браконіерствѣ, представленъ былъ судьѣ и приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ былъ женатъ, и годъ или два спустя послѣ выхода изъ тюрьмы, понесъ въ церковь своего ребенка съ тѣмъ, чтобъ его окрестить. Но пасторъ отказался исполнить этотъ обрядъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Миккель своимъ браконіерствомъ сильно надоѣлъ окрестнымъ землевладѣльцамъ.

Монксонъ Мильнсъ предложилъ разрѣшить закономъ вступленіе въ бракъ съ двоюродной сестрой. Палата, большинствомъ 148 голосовъ противъ 116, постановила предоставить священникамъ право признавать побочное родство кровнымъ. Замѣчательно, что и враги, и защитники билля одинаково опираются въ своихъ доводахъ на различныхъ текстахъ ветхаго завѣта. Они спрашиваютъ, имѣли ли патріархи право жениться на своихъ двоюродныхъ сестрахъ. Изволите видѣть, необходимо знать обычай приверженцевъ многоженства, жившихъ въ Халдеѣ и степяхъ Сиріи 3000 лѣтъ тому назадъ, необходимо для того, чтобы этотъ обычай навязать жителямъ Виликобритании XIX вѣка.

Чтобы прекратить скандальный подкупъ, совершающійся по поводу выборовъ, нѣсколько добрыхъ предложили билль, запрещающій кандидатамъ въ члены парламента платить деньги избирателямъ, подъ предлогомъ вознагражденія за путевыя издержки. Само собою разу-

мѣется, что этотъ билль былъ отвергнутъ: члены парламента — люди практическіе и не знаютъ ложнаго стыда.

Какой-то провинціальный судъ приговорилъ восьми-лѣтняго ребенка за похищеніе кролика къ денежному штрафу въ 150 франковъ и къ четырехъ-мѣсячному заключенію. Правда, противъ такого рѣшенія возстало общественное мнѣніе. Всѣ журналы напали на судей, сдѣлавшихъ такой приговоръ, и въ одинъ день послана была къ матери обвиненнаго сумма, въ двадцать разъ превышавшая назначенный ея сыну штрафъ.

Судъ королевиной скамьи былъ призванъ для рѣшенія любопытнаго дѣла. Гловеръ, бывшій владѣлецъ журнала Morning Chronicle, затѣялъ процессъ съ французскими министрами Билльо и Персиньи. Дѣло въ томъ, что онъ принималъ отъ французскаго посольства разныя офиціальныя статьи, для помѣщенія въ нѣкоторыхъ лондонскихъ журналахъ, какъ-то въ Morning Chronicle, Morning News и Evening journal, и составлялъ корреспонденціи для офиціозной и офиціальной парижской прессы, какъ-то для Монитера, Конституціонеля, Pays, Patrie.

Получилъ ли Гловеръ деньги, которыя были ему обѣщаны,—этого нельзя было узнать. Во всякомъ случаѣ онъ требуетъ сумму довольно значительную, а именно 35,000 франковъ, частію въ видѣ гонорарія, частію въ видѣ вознагражденія за разнаго рода издержки, явныя и тайныя, а также за убытки, понесенные отъ паденія его журналовъ во мнѣніи публики, вслѣдствіе помѣщенія въ нихъ статей французскаго посольства.

Гловеръ подтвердилъ свое показаніе присягою въ судѣ королевиной скамьи. Должно ли вѣрить г. Гловеру?

Съ своей стороны, Билльо и Персиньи клятвенно отвергли показанія Гловера. Должно ли вѣрить господамъ Билльо и Персиньи?

Билльо допускаетъ только (и то, говоря, что не помнитъ этого), что, быть можетъ, существовали нѣкоторыя офиціозныя указанія, которыми руководствовались означенные журналы, но что во всякомъ случаѣ, это дѣлалось безвозмездно.

Безвозмездно! О, господинъ министръ, что вы намъ говорите!

Газета Таймсъ представила печальную картину бѣдственнаго состоянія рабочаго класса въ Ланкаширѣ. Но въ Ирландіи народныя страданія обнаруживаются таинственными ассоціаціями, которыя возобновляютъ всѣ прежніе эскцессы *риббонизма*. Снова являются такъ

называемыя *Бѣлыя ноги*, *Дубовыя сердца* и адресуютъ къ землевладѣльцамъ кровавые циркуляры и предвѣстія смерти. Графства Лимерикъ и Типерари служатъ главными центрами этихъ тайныхъ обществъ.

Затронутъ былъ также вопросъ о системѣ воспитанія, господствующей въ Англіи. Дѣло въ томъ, что совѣтъ королевы, по предложенію г-на Lowe, пожелалъ, чтобъ парламентъ постановилъ, чтобъ на будущее время жалованье наставниковъ сообразовалось съ успѣхами ихъ воспитанниковъ. Этотъ проектъ, повидимому, столь простой, имѣетъ огромное значеніе. Какихъ перемѣнъ слѣдовало бы ожидать во всѣхъ нашихъ администраціяхъ, еслибъ служащіе вдругъ стали получать вознагражденіе, сообразное съ ихъ услугами! И проектъ этотъ палъ при крикахъ директоровъ, учителей, учительницъ и школьныхъ попечителей и попечительницъ. Онъ палъ въ особенности вслѣдствіе оппозиціи членовъ духовенства! Эти господа готовы доказать, что глубокія знанія въ сущности имѣютъ второстепенную важность, но что главное дѣло заключается въ пріученіи дѣтей къ порядку, къ дисциплинѣ, къ покорности предъ Богомъ, т. е. передъ священникомъ и сквайромъ,—словомъ, что нужно давать воспитаніе религіозное. Нѣкто Джеллингеръ Лаймонсъ, желавшій изслѣдовать состояніе народнаго образованія въ Англіи, встрѣчалъ множество дѣтей, которыя пѣли псалмы, знали величину ноева ковчега и соломонова храма и могли съ точностью опредѣлить вѣсъ голіафова копья, но не умѣли ни читать, ни писать, ни рѣшать самыя простыя ариѳметическія задачи. Они не имѣли никакого понятія ни о географіи, ни о политической исторіи, т. е. имъ совершенно чуждъ былъ весь міръ, но они могли сказать, изъ какого дерева былъ столъ хлѣбовъ предложенія. Стоитъ ли послѣ того учиться чтенію, письму и счетоводству?!

Вопросъ о морскихъ вооруженіяхъ сильно волновалъ умы. Лучше ли въ дѣлѣ защиты Англіи довѣриться деревяннымъ стѣнамъ, или каменнымъ, кораблямъ, или крѣпостямъ? Что лучше противостоитъ дѣйствію ядеръ: гранитъ, или желѣзо и сталь? Какая лучшая система пушекъ: витвортская ли, или армстронговская, или дальгреновская, или французскія нарѣзныя пушки? Во всякомъ случаѣ, не армстронговская; изобрѣтатель ея лишился того высокаго положенія, какое онъ занималъ на поприщѣ артиллерійскомъ. Какая лучшая система броненосныхъ судовъ: система ли Варріора, или Монитора, или Славы?

Во всякомъ случаѣ, не система Варріора, которая окончательно признана неудовлетворительною. А что касается Монитора, то его славная жизнь трагически кончилась вслѣдствіе бури.

Въ Лондонѣ господствуетъ паническій страхъ, возбужденный такъ называемыми Garroters, душителями. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ главнымъ предметомъ разговора служатъ ночныя нападенія, совершаемыя разбойниками въ самыхъ многолюдныхъ улицахъ. Подумаешь, что всѣ вѣрные приверженцы бурбонской династіи покинули Неаполь, чтобы предаваться роялизму въ Лондонѣ. Револьверы и кинжалы сдѣлались такими же обыкновенными орудіями, какъ перочинные ножи и зубочистки. По заказу можно имѣть усовершенствованные *knuckle dusters*, родъ стальныхъ перчатокъ, съ остріями, и въ которыхъ скрывается стилетъ, съ пружиной. Ужь сколько бывало непріятныхъ приключеній по поводу этихъ орудій! Какъ часто на эти knuckle dusters въ разсѣянности садились джентльмены, носившіе ихъ въ полахъ своихъ платьевъ! Въ улицахъ Сити продаются палки, со скрытыми въ нихъ штыками, и трости, съ такими же кинжалами. Есть поясы, которыхъ пряжки заряжаются подобно пистолету; изъ нихъ можно стрѣлять въ непріятеля, дернувъ за пружину, спрятанную подъ платьемъ. Такъ называемые life preservers, орудія для защиты жизни, носятся въ карманѣ сюртука, вмѣстѣ съ ключомъ отъ комнаты. Иногда очень почтенные люди, служащіе въ какомъ нибудь вѣдомствѣ, возвращаются изъ должности съ нашейникомъ, покрытымъ желѣзными остріями.

Общій ужасъ, возбужденный злодѣйствами, совершаемыми на улицахъ, значительно увеличился вслѣдствіе неловкой выходки сэра Джошуа Джеббъ. Этотъ господинъ, съ цѣлью успокоенія публики, въ одномъ длинномъ письмѣ, наполненномъ статистическими данными, доказалъ, что эти злодѣйства несправедливо приписываются освобожденнымъ каторжникамъ, которые поступаютъ въ Лондонъ только въ ограниченномъ числѣ, а именно по 1400 въ годъ, тогда какъ настоящіе злодѣи образуютъ армію въ 123,049 человѣкъ, расположенныхъ въ 23,916 домахъ, или «притонахъ», какъ выразился бы другой, на мѣстѣ сэра Джошуа.

Принцъ Уэльсскій, съ самаго своего совершеннолѣтія принятъ былъ въ число членовъ корпораціи рыбныхъ торговцевъ. Онъ теперь имѣетъ право продавать на улицахъ селедки по два су за штуку и по двадцати су за дюжину. Самые гордые аристократы

считаютъ за честь вступить въ это общество. Но въ последнее время корпорація рыбныхъ торговцевъ пріобрѣла неблагопріятную извѣстность тѣмъ, что неосторожно выказала сочувствіе рабовладѣльцамъ Америки, и сдѣлала торжественный пріемъ делегатамъ южныхъ штатовъ, Мэзону и Слайделю. Впрочемъ, въ общественномъ мнѣніи Англіи теперь замѣчается благопріятная перемѣна. Послѣ прокламаціи Линкольна, придавшей новую силу аболиціонистамъ, самые партизаны юга не сомнѣваются въ томъ, что окончательная побѣда будетъ на сторонѣ сѣверныхъ штатовъ.

Первый вопросъ, на который кабинетъ обратилъ вниманіе палаты общинъ при открытіи новой сессіи, былъ вопросъ о бѣдственномъ положеніи рабочихъ классовъ. Доходы, которыхъ лишились фабричные работники вслѣдствіе промышленнаго кризиса, должны, по разсчету, простираться въ годъ на двѣсти милльоновъ франковъ. Треть этой суммы составляетъ minimum того, что необходимо въ продолженіе такого срока для предохраненія несчастныхъ отъ голодной смерти. Въ минувшемъ году работники израсходовали все, что успѣли накопить прежде. Разнаго рода пожертвованіями составилась въ пользу ихъ сумма въ тридцать пять милльоновъ франковъ. Если обстоятельства не измѣнятся, то къ 1-му мая необходимо будетъ собрать еще семьдесятъ милльоновъ. Притомъ, мелочные торговцы, которыхъ торговля поддерживалась жалованьемъ пяти сотъ тысячь работниковъ, теперь лишены всѣхъ своихъ рессурсовъ; они не только не въ состояніи помочь другимъ, но сами нуждаются въ посторонней помощи. Очевидно, положеніе несчастныхъ работниковъ жестоко, и пріятно было бы думать, что никто изъ нихъ не погибнетъ въ борьбѣ съ этой страшной нуждой.

Какое же заключеніе можно вывести изъ того зрѣлища, какое представляла Англія въ продолженіе минувшаго года? Читатели вѣроятно не будутъ въ претензіи, если мы здѣсь сообщимъ мнѣніе объ англійской націи знаменитаго историка Люи Блана.

«Сколько контрастовъ, говоритъ онъ, и сколько разительныхъ противорѣчій представляетъ Англія! Она монархія по формѣ и республика въ сущности; страстно влюблена въ свободу и въ то же время поклоняется отличіямъ аристократіи; дорожитъ правами человѣческаго достоинства, а съ другой стороны рабски подчиняется сословнымъ преимуществамъ. То открываетъ она неограниченную карьеру честолюбцу, то заставляетъ его погибнуть въ борьбѣ съ искусственной

іерархіей; отличаясь эгоизмомъ, она въ то же время способна жертвовать миллiонами для какой-нибудь филантропической цѣли; исполнена презрѣнія къ бѣдности и между тѣмъ съ любовью занимается благотворительностью. Какъ результатъ своихъ соціальныхъ учрежденій, она представляетъ крайнюю роскошь наряду съ крайнею нищетою. Такова англійская нація! Какой народъ съ бо́льшимъ усердіемъ стремился къ прогрессу и въ то же время болѣе рабски шелъ по избитымъ дорогамъ? Какой народъ показывалъ бо́льшую отвагу въ развитіи матеріальномъ и бо́льшую радость въ развитіи нравственномъ? Только въ Англіи можно узнать цѣну свободѣ слова и только тамъ можно видѣть, какъ давитъ деспотизмъ общественнаго мнѣнія».

II.

Нѣтъ, рѣшительно ничего не можетъ удивительнѣе прусской политики!

И народы и событія, повидимому, сговорились доставить гогенцоллернскому дому самую блистательную слову въ исторіи, гогенцоллерпцы не поняли того, чего имъ желали народы и событія.

Реакція, бывшая въ 1849 — 1852 годахъ, уничтожила все, что произвелъ 1848 годъ. Тридцать два государства, на которыя дѣлится Германія, дали себѣ, по крайней мѣрѣ, тридцать двѣ новыхъ конституціи. Эти конституціи уничтожены были посредствомъ сорока coups d'état. Послѣ того не осталось ни одного изъ тѣхъ учрежденій, которыя были воздвигнуты въ 1848 году. Все, что было тогда посѣяно или выращено, вслѣдъ затѣмъ вырвано было съ корнемъ или истреблено до корня. Правда, мѣстами, подъ землею, скрывались отпрыски этихъ растеній, быть можетъ, въ ожиданіи новой весны; но этихъ отпрысковъ нельзя было видѣть, и торжествующая реакція господствовала безгранично. Она воспользовалась этимъ господствомъ, чтобы заставить германскій народъ идти вспять, какъ можно быстрѣе. Такимъ образомъ, Германія въ десять лѣтъ возвратилась къ тому самому состоянію, въ какомъ находилась лѣтъ двадцать назадъ. Реакція буржуазіи давно уже была опережена. Настали времена настоящаго феодализма. Нѣкоторые нѣмецкіе дворяне почти вообразили, что снова пришли счастливые дни, какіе были послѣ побѣды,

одержанной надъ возставшими крестьянами во время такъ называемаго Bauernkrieg, когда посреди жатвъ воздвигались копья съ наткнутыми на нихъ человѣческими головами.

Война крымская не достаточно произвела шуму и не въ состояніи была пробудить Германію, которая, подобно кроту, казалось, все глубже и глубже зарывалась въ землю, какъ будто желая укрыться отъ дневного свѣта современной жизни и отъ солнечныхъ лучей будущности. Однакожъ эта страна сильно обезпокоилась, когда прогремѣла пушка въ Сольферино. Она вздрогнула, вскочила и угрюмо спросила: «это что такое? Вѣрно опять негодные французы затѣяли революціонную сарабанду».

Нѣмцы, постоянно занятые прошедшимъ, ошиблись: при Сольферино дѣйствовала не революціонная Франція, а императорская. Это большая разница. Спросите-ка объ этомъ сенатъ и его превосходительство, г-на Друэна де Люи. Какъ бы то ни было, Германія думала, что ей угрожаетъ немедленная война съ Франціею. Тогда началось сближеніе между народомъ и правительствомъ и между различными классами народа, и возникло то неопредѣленное, таинственное и торжественное движеніе, которое называется пробужденіемъ общественнаго мнѣнія.

Ужъ если какой народъ, то именно нѣмецкій, заслуживаетъ награду за благоразуміе. Онъ помирился съ своимъ политическимъ положеніемъ и съ кротостью, совершенно германскою, обратился къ своимъ повелителямъ, которые не за долго передъ тѣмъ далеко отогнали его отъ себя. «Государи наши,» сказалъ онъ имъ, «не пора ли оказать намъ милость: возвратиться на путь прогресса и идти по немъ хоть медленнымъ шагомъ.»

Тридцать двѣ конституціи, октроированныя посреди неистовой радости торжествующаго народа, вовсе не отличались ультра-либерализмомъ. Но новые либералы приняли ихъ охотно, за недостаткомъ лучшихъ и какъ точку отправленія на пути къ прогрессу. Въ особенности, въ Пруссіи всѣ были довольны королевскою хартіею и только требовали добросовѣстнаго ея исполненія. Впрочемъ, и то сказать: всякая конституція ничто иное, какъ лоскутокъ бумаги, какъ выразился очень хорошо покойный король Пруссіи. Все зависитъ отъ примѣненія ея къ дѣлу. Самая худая конституція, если только она истолковывается разумно и либерально, несравненно лучше самой превосходной, но которая подвергается недобросовѣстному тол-

кованію. Доказательствами могутъ служить: съ одной стороны, конституція Англіи, не имѣющая сама по себѣ никакой цѣны, но которая при всемъ томъ служитъ основаніемъ удивительнаго государственнаго зданія, а съ другой стороны—превосходная сама по себѣ конституція неаполитанскаго королевства, предоставлявшая, однакожъ, полный разгулъ наклонностямъ Фердинанда Бомбы къ абсолютизму.

При такомъ возрожденіи конституціонныхъ стремленій, либералы 1848 года благоразумно отступили на заднiй планъ, чтобы не испугать робкихъ конституціоналистовъ и новичковъ либерализма, столпившихся вокругъ новаго короля и привѣтствовавшихъ его крикомъ надежды. Обманутое такою покорностью правительство, которое прежде нисколько не было стѣснено конституціею, совершенно номинальною, полагало, что можетъ привести ее въ исполненіе, нисколько не измѣняя своихъ привычекъ, отличавшихъ абсолютизмомъ. Поэтому оно искренно обѣщалось начать новую эру правленія. Народъ искренно повѣрилъ такому обѣщанію, и выраженіе *новая эра* стало означать *новое правленіе*. Боже мой, какъ въ теченіе двухъ только лѣтъ можетъ измѣниться значеніе словъ!

Король Вильгельмъ присягнулъ конституціи, которая должна была служить основаніемъ политическаго права страны. Народъ за то ему былъ безпредѣльно благодаренъ. Палата, какъ нельзя болѣе, была настроена въ пользу министерства. Она сдѣлала только скромную оппозицію противъ проекта реорганизаціи арміи, который, по ея мнѣнію, потребовалъ бы отъ Пруссіи невозможныхъ пожертвованій людьми и деньгами. Но король Вильгельмъ—по преимуществу и даже, смѣемъ сказать, исключительно занимается военнымъ искусствомъ ради военнаго искусства, какъ другіе занимаются музыкой ради самой музыки. Онъ полагалъ, что для увеличенія политическаго значенія Пруссіи необходимо дать ей организацію военную, еще болѣе сильную, чѣмъ та, какую она имѣетъ въ настоящее время. Его планъ очень простъ: увеличить число солдатъ и въ то же время срокъ ихъ службы. Составъ регулярной арміи долженъ былъ возвыситься отъ 180,000 до 300,000 человѣкъ, а срокъ службы—отъ 5 до 8 лѣтъ. Различіе между второю и первою системою составляетъ 267%. Наличный составъ войска такимъ образомъ увеличился бы, круглымъ числомъ, въ два съ половиною раза. Пруссія, въ этомъ отношеніи,

превзошла бы отдѣльно и Францію, и Австрію. Такая перспектива казалась удивительною королю Вильгельму.

Къ несчастію, депутаты прусскіе смотрѣли на этотъ предметъ съ другой точки зрѣнія. По ихъ мнѣнію, увеличить составъ арміи болѣе, чѣмъ вдвое, значитъ во столько же увеличить военные расходы. Притомъ, поступленіе людей въ военную службу сопряжено съ отнятіемъ рабочихъ рукъ у народнаго труда. Увеличить расходы, въ то же время уменьшая доходы, значитъ идти по прямому пути къ банкрутству. «У насъ достаточно солдатъ», говорили депутаты: «въ мирное время ихъ 212,649, а въ военное — 622,866. Не число солдатъ даетъ значеніе государству. Англія, быть можетъ, самая страшная изъ великихъ державъ, а въ Европѣ имѣетъ войско, состоящее всего изъ 130,000 человѣкъ. Это число, по отношенію къ народонаселенію, втрое менѣе значительно, чѣмъ то, какое находится у насъ. Къ чему же намъ дозволить себѣ такую роскошь и имѣть въ шесть разъ большую пропорцію солдатъ, чѣмъ Великобританія?! Не значитъ ли это расходовать въ шесть разъ болѣе.»

Расходовать деньги, назначенныя по бюджету, — дѣло короля, а платить ихъ — дѣло народа. Король и народъ были различнаго мнѣнія. Ловкій конституціонный король уступилъ бы народному требованію, но король абсолютный долженъ былъ бы выказать непреклонность своей воли. Вооруженный однимъ параграфомъ конституціи, которымъ ему предоставляется управленіе арміею, король Вильгельмъ объявилъ, что организація военной силы составляетъ исключительную привилегію короны. Съ своей стороны, палата, вооруженная правомъ отвергать проекты законовъ, которые ей не нравятся, могла отказать въ деньгахъ, необходимыхъ для осуществленія желанія короля. Такія столкновенія, повторяемъ, весьма естественны въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ власть имѣетъ нѣсколькихъ представителей, которые должны дѣйствовать заодно въ дѣлахъ, касающихся общаго интереса. Государственная колесница раздѣляется на части. Король управляетъ лошадьми. Палата депутатовъ представляетъ лѣвое колесо, а палата господъ — правое. Когда возница заставляетъ лошадей отступать назадъ и когда одно колесо подвинуто впередъ, а другое снято, тогда плохо приходится несчастной колесницѣ. И это тѣмъ хуже для знаменитой конституціонной теоріи, о которой, впрочемъ, мы не хотимъ говорить слишкомъ много дурного, такъ какъ она еще составляетъ прогрессъ

сравнительно съ многими другими теоріями. И такъ, въ Пруссіи, король не былъ виноватъ, но, съ своей стороны, палата была совершенно права.

Весьма категорическія объясненія происходили въ сентябрѣ 1861 года. Послѣдній мѣсяцъ этого года ознаменованъ былъ большимъ избирательнымъ движеніемъ и спорами, имѣвшими предметомъ министерскій, т. е. королевскій проектъ. Но въ продолженіе всего этого движенія, не раздалось ни одного революціоннаго, ни анти-конституціоннаго голоса, къ крайнему сожалѣнію реакціонерной партіи, которая заставляла кононеровъ стоять наготовѣ подлѣ заряженныхъ орудій.

Избранія, происходившія въ декабрѣ 1861 года, имѣли важное значеніе. Они доказали, что народъ прусскій хотѣлъ, чтобъ конституція, октроированная Фридрихомъ Вильгельмомъ IV и которой присягнулъ Вильгельмъ I, сдѣлалась истинною. Въ этотъ разъ въ представители народа избраны были демократы, и притомъ домократы 1848 года. Король считалъ себя чрезъ это лично оскорбленнымъ. «Я полагалъ, что меня любитъ мой народъ,» сказалъ онъ въ Лецлингенѣ:—«я всячески старался пріобрѣсти его расположеніе, а теперь онъ избираетъ членами палаты политическихъ преступниковъ, которыхъ я помиловалъ, и которые моему великодушію обязаны, что могутъ противъ меня вотировать»..... «Вы бы должны благодарить Бога,» прибавилъ онъ, «что имѣете короля, который управляетъ вами, по милости Божіей, и что вы не достигли тѣхъ принциповъ, какіе господствовали во Франціи и въ Италіи».

Новая палата открылась 14 января. Король въ своей тронной рѣчи безъ обиняковъ коснулся вопроса о реорганизаціи арміи. Депутаты, не желавшіе вступить въ споръ, дѣлали видъ, будто ничего не поняли. Откровенно говоря, они только и желали, чтобъ это дѣло уладить. Кабинетъ Шверина, повинуясь внушеніямъ феодаловъ, вопреки собственному желанію, предложилъ проекты закона, относительно отвѣтственности министровъ и организаціи контроля и устройства областей, проекты, которые гораздо болѣе отличаются реакціонернымъ духомъ, нежели знаменитые проекты Вестфалена и Мантейфеля. Это, конечно, не было средствомъ для пріобрѣтенія благосклонности палаты, которая въ желанный моментъ не замедлила отказать въ фондахъ, потребныхъ для реорганизаціи арміи. Это было предвидѣно.

Негодованіе короля было велико. Онъ приказалъ распустить пала-

ту, и вскорѣ потомъ уволилъ министерство, запятнанное прежнею репутаціею либерализма. Конституціонный король большими шагами направлялся къ феодализму и абсолютизму. Это тоже было предвидѣно.

Народъ прусскій по-своему разрушилъ дѣйствіе короля. Не смотря на безчестные маневры кабинета фонъ-деръ-Гейдта и на притѣсненія, которымъ подвергались избиратели, общимъ лозунгомъ, приведеннымъ въ исполненіе, послужило избраніе вновь прежнихъ членовъ палаты. Борьба эта утомила фонъ-деръ-Гейдта, желчнаго, злопамятнаго и отличавшагося качествами іезуита и качествами финансоваго человѣка. Онъ долженъ былъ по этому случаю пожертвовать своимъ министерскимъ портфелемъ, который онъ съумѣлъ сохранить съ 1848 года. Онъ удалился, уступивъ свое мѣсто г. Бисмарку.

Бисмаркъ считаетъ себя ловкимъ, потому что недовѣрчивъ, великимъ, потому что честолюбивъ, твердымъ, потому что сухъ и хрупокъ, отважнымъ, потому что тщеславенъ, находчивымъ, потому что легкомысленъ. Замѣчательно, что высокое мнѣніе, какое онъ имѣетъ о себѣ, раздѣляется всею партіею, въ главѣ которой онъ находится. Бисмаркъ имѣлъ успѣхъ въ Парижѣ, во Франкфуртѣ и въ Петербургѣ. Онъ представилъ быструю дипломатическую карьеру и содѣйствовалъ успѣхамъ королевской власти. Съ давнихъ поръ въ феодальныхъ кружкахъ ходитъ легенда, что онъ, а не другой кто, заставитъ торжествовать права дворянства надъ требованіями гнусной буржуазіи и еще болѣе гнуснаго плебса. Бисмаркъ имѣетъ передъ собою идеалъ, въ лицѣ Феликса Шварценберга, который съ самымъ небрежнымъ видомъ говорилъ, что Австрія въ состояніи изумить міръ своею неблагодарностью. Другимъ идеаломъ для него служитъ Людовикъ Наполеонъ. Бисмаркъ льститъ себя надеждой, что успѣлъ проникнуть въ сокровеннѣйшія тайны этого человѣка.

Имѣя передъ собою такіе образцы, Бисмаркъ началъ дѣйствовать на своемъ поприщѣ. Судьба Пруссіи находилась въ его рукахъ. Король потрясенъ былъ упорнымъ сопротивленіемъ палаты, поддерживаемой симпатіею народа. Онъ потрясенъ былъ представленіями своего сына, королевскаго принца, и слезами королевы, которая съ печалью видѣла, на какую дорогу вступилъ ея супругъ. Съ своей стороны, палата была бы въ восторгѣ, еслибъ правительство потребовало билль вознагражденія за суммы, израсходованныя несправедливо,

и еслибъ оно согласилось увеличить пятилѣтній срокъ военной службы, вмѣсто трехъ лѣтъ, только двумя годами.

Извѣстно, съ какимъ торжествующимъ видомъ новый министръ принялъ въ свои руки управленіе государственными дѣлами. На сколько пруссакъ можетъ походить на италіянца, на столько Бисмаркъ представлялъ жалкую контрфакцію Раттацци. И онъ также вздумалъ употребить въ политикѣ методу, подобную той, какая употребляется въ медицинѣ докторами, которые посредствомъ нарывныхъ пластырей стараются вызвать наружу дурные соки, скрывающіеся внутри организма. Побѣдивъ и ужаснувъ своихъ противниковъ, онъ хотѣлъ возбудить энтузіазмъ въ огромной массѣ людей равнодушныхъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ должно было дѣйствовать посредствомъ внушенія страха, а министерство иностранныхъ дѣлъ—посредствомъ возбужденія энтузіазма. «Между прочими выходками, Бисмаркъ распространилъ молву, что Пруссія готова вступить въ союзъ съ тѣмъ кто болѣе заплатитъ, будутъ ли то англичане, французы или русскіе. Предварительно, буря разразилась надъ маленькой Даніей и надъ незамѣтнымъ курфиршерствомъ Гессенъ-кассельскимъ. Извѣстна грустная исторія несогласія между курфирстомъ и его народомъ—беззаконные налоги, собираемые слесарями и солдатами, которые раскрываютъ сундуки гессенскихъ жителей,—курфирстъ, бьющій курфирстину и самъ получающій удары отъ своего лакея. Король Вильгельмъ хотѣлъ вмѣшаться въ это дѣло подъ тѣмъ весьма любопытнымъ предлогомъ, что правленіе курфирста вовсе несогласно съ конституціонными правилами. Между берлинскимъ дворомъ и кассельскимъ возникла язвительная переписка. Обѣ стороны старались надѣлать другъ другу непріятности. Вильгельмъ отправилъ къ курфирсту посланіе съ жандармомъ, какъ къ простому преступнику; курфирстъ безъ церемоніи разорвалъ одно собственноручное письмо короля. Словомъ, двѣ дивизіи прусской арміи поставлены были на военную ногу, съ тѣмъ, чтобы завладѣть курфиршествомъ, къ великой радости его жителей. Тогда курфирстъ рѣшился октроировать конституцію 1831 года, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы вовсе ею не стѣсняться. Пруссія должна была отказаться отъ своего предпріятія, израсходовавъ на военныя приготовленія 12,500,000 франковъ.

Что касается Даніи, то на нее поднялись страшныя угрозы; но оказалось, что она пользуется могущественной протекціей. Противъ Австріи дѣлались сильныя демонстраціи—само собою разумѣется, въ

офиціозныхъ журналахъ. Между Рехбергомъ и Бисмаркомъ возникла ядовитая переписка. Предметомъ ея былъ планъ, выдуманный Бейстомъ и принятый Австріею, относительно реформы древняго германскаго сейма, къ которому предполагалось присоединить совѣщательную палату изъ депутатовъ различныхъ германскихъ государствъ. Это значило къ прежней путаницѣ прибавить еще новую. Въ опроверженіе системы Австріи и ея вюрцбургскихъ союзниковъ, Бисмаркъ доказывалъ однимъ, что этотъ проектъ не довольно демократиченъ, а другимъ, что онъ черезчуръ отличается революціоннымъ духомъ. Statu quo восторжествовало 22-го минувшаго января, благодаря поддержкѣ, оказанной Пруссіи консерваторами, Мекленбургомъ, Гессенъ-касселемъ и др. Австрія при этомъ случаѣ хвасталась своимъ либерализмомъ, и побѣда, одержанная Пруссіею, имѣла бы совершенный видъ пораженія, еслибъ дѣйствующія лица и зрители заинтересовались этой скучной комедіей.

Послѣ этихъ безполезныхъ попытокъ отвлечь вниманіе палаты отъ внутреннихъ дѣлъ, надо было представить вопросъ о бюджетѣ и о реорганизаціи арміи. Депутаты отвергли министерскій бюджетъ поражающимъ большинствомъ голосовъ и при восторженныхъ крикахъ народа. Тогда совершено было дѣйствіе болѣе важное, чѣмъ всѣ, которыя ему предшествовали. Палата господъ, сообщница министерства, вмѣшалась въ это дѣло. По 99-му параграфу конституціи, она только имѣла право или принять безъ всякихъ измѣненій, или просто отвергнуть бюджетъ, вотированный второю палатою. Принимая бюджетъ, въ которомъ депутаты зачеркнули требуемый министерствомъ кредитъ, члены палаты господъ дали бы имъ торжествовать надъ правительствомъ. Но отвергая бюджетъ, они бы доставили имъ еще болѣе вѣрное торжество, такъ какъ правительство тогда не имѣло бы законной возможности собрать подати. Это была трудная дилемма, изъ которой феодалы вышли посредствомъ Coup d'etat; они отвергли бюджетъ второй палаты, и самопроизвольно замѣнили его бюджетомъ, который былъ сначала представленъ правительствомъ.

Депутаты почти единогласно протестовали противъ такого дѣйствія и объявили рѣшеніе господъ несогласнымъ съ конституціею, и потому не имѣющимъ никакого значенія. Тогда королевское посланіе отсрочивъ сессію, заставило ихъ отправиться по домамъ.

Сессія 1863 года ожидалась въ торжественномъ безмолвіи. Президентъ совѣта открылъ засѣданіе палаты рѣчью, въ которой при-

творялся, будто не знаетъ о волненіи страны. Онъ признавался, что управлялъ съ бюджетомъ не вотированнымъ, но говорилъ объ этомъ, какъ о маловажномъ обстоятельствѣ, какъ о простомъ отступленіи отъ формы, на которое не стоитъ обращать вниманія. Зато президентъ Грабовъ произнесъ суровыя рѣчи. Адресъ, написанный въ отвѣтъ на тронную рѣчь, оканчивался словами: «Мы управляемся безъ бюджета. Конституція нарушена министрами. Девяносто девятый параграфъ основного статута не существуетъ болѣе на дѣлѣ». Послѣ того рѣшили, что такъ какъ пренія о бюджетѣ привели къ тому заключенію, что министры *отвѣчаютъ своею личностью и имуществомъ* за каждый расходъ, несогласный съ конституціею, то можно приступить къ разсмотрѣнію бюджета 1863 года.

Король объявилъ, что не намѣренъ принять адреса. Но палата не хотѣла измѣнить выраженія, въ какихъ написана была эта бумага. Поэтому адресъ отправленъ былъ въ письмѣ къ главѣ государства и тогда король объявилъ, что получилъ его офиціозно, но не офиціально.

Такъ какъ между тѣмъ возникла польская революція, то министерство еще надѣялось выпутаться изъ своего затруднительнаго положенія, возбудивъ тревогу въ странѣ. Оно до того простерло свое усердіе, что, для возбужденія короля, сочинило телеграфическую депешу, возвѣщавшую о возстаніи въ Варшавѣ. Словомъ, оно дѣйствовало такъ, что возбудило противъ себя неудовольствіе всей Европы и въ особенности неудовольствіе своей собственной палаты депутатовъ, которая строго осуждала его поведеніе. Министерство старалось исправить свою ошибку, признавалось въ своихъ промахахъ, но это нисколько не содѣйствовало къ его возвышенію.

Чтобы дать понятіе о важности кризиса, въ какомъ находится Пруссія, надо замѣтить, что Бисмаркъ, не осмѣливаясь принять на себя отвѣтственности имуществомъ и личностью за такое антиконституціонное положеніе страны, объявилъ, что дѣйствовалъ по приказанію короля. Король, съ своей стороны, великодушно подтвердилъ, что дѣйствія охуждаемыя палатой совершались по его собственному желанію. Послѣ такого объявленія, раздоръ, бывшій между представителями народа и министерствомъ, теперь сталъ существовать между парламентомъ и короной.

Напрасно было бы дѣлать предположенія объ исходѣ, какой можетъ имѣть этотъ споръ. Вопросъ этотъ рѣшатъ событія.

А что дѣлаетъ Австрія.

Ея внутренняя исторія едва представляетъ нѣкоторыя событія, достойныя примѣчанія. Венгрія и Венеція все еще страдаютъ, но не смѣютъ возстать.—Шмерлингъ все еще занимается принятіемъ либеральныхъ мѣръ внутри государства, а Рехбергъ—распространеніемъ абсолютизма заграницею. Оба увѣряютъ, что совершенно между собою согласны. Это, быть можетъ, и правда.

Австрія во всемъ противоположна Пруссіи. На сколько первая въ сущности устроена прочно, на столько послѣдняя состоитъ изъ началъ, несогласныхъ между собою. На сколько берлинскій кабинетъ неловокъ, на сколько вѣнскій искусенъ и хитеръ. Впрочемъ, онъ придерживается очень простой методы, которая всегда имѣла успѣхъ: онъ во всѣхъ случаяхъ дѣйствуетъ въ направленіи противоположномъ политикѣ прусской.

Жакъ Лефренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Состоянiе нашей общественной дѣятельности въ послѣднее время.—Наклонность удовлетворяться.—Толки о войнѣ.—Польское возстанiе.—Политическая сторона польскаго вопроса и его нацiональное значенiе.—Отношенiе Наполеона III къ польскому возстанiю.—Освобожденiе дворовыхъ.—Несчастное положенiе ихъ при существованiи крѣпостного права.—Отказъ дворовымъ въ надѣлѣ земли.—Грустныя послѣдствiя, которыя могутъ произойдти изъ этого отказа.—Разбой и грабежи вслѣдствiе голода въ Архангельской губернiи.—Голодъ въ губернiяхъ Вологодской и Пермской.—Бѣдствiя работниковъ въ Оренбургской губернiи.—Причины этихъ бѣдствiй.—Положенiе нашего рабочаго класса.—Кризисъ произведенный въ ихъ положенiи съ переходомъ на вольный трудъ.—Безсилiе филантропiи исправить соцiальное зло.—Отмѣна тѣлесныхъ наказанiй.—Указъ правительствующему сенату отъ 17-го апрѣля. Несправедливость тѣлесныхъ наказанiй.—Цѣль, которую должно имѣть въ виду всякое гуманное законодательство.—Зависимость числа преступленiй отъ экономическаго быта общества.—Мнѣнiе сотрудника газеты «Голосъ» о народномъ образованiи.—Неудачная ссылка его на Бѣкля.—Мнѣнiе Бѣкля объэтомъ предметѣ.—Проектъ устава рязанскаго общества распространенiя грамотности и образованiя въ народѣ.—Сущность народнаго образованiя въ Англiи.

Послѣ крымской войны восемь лѣтъ нашей мирной дѣятельности дали намъ возможность оглянуться на самихъ себя, взвѣсить свое положенiе и подумать о немъ болѣе серьезно, чѣмъ мы думали прежде. Прежде мы основывали свою силу на внѣшнихъ и нерѣдко случайныхъ обстоятельствахъ, принимая призракъ наружнаго величiя за дѣйствительное могущество. Многiе изъ насъ были искренно убѣждены, что намъ стоило только положить свою гирю на вѣсы всемiрнаго равновѣсiя, и чашка вѣсовъ перетянетъ на нашу сторону. Въ этомъ убѣжденiи, которое къ сожалѣнiю обошлось намъ не дешево, поддерживало насъ непониманiе той простой истины, что настоящая сила народа заключается не въ обширности его территорiи и населенiя, не въ количествѣ войска и нарѣзныхъ пушекъ, однимъ словомъ, не въ томъ, что составляетъ только внѣшнюю оболочку внутренней силы, а въ матерiальномъ благосостоянiи страны, въ ея умственномъ и об-

щественномъ развитіи, въ тѣхъ свободныхъ и нормальныхъ отправленіяхъ жизни, которыми націи бываютъ крѣпки и велики. Этого сознанія, повторяемъ, намъ недоставало, и мы заплатили и платимъ за него дорого. И откуда было взять это сознаніе, когда офиціальная жизнь вовсе не хотѣла справляться съ тѣмъ, что думаетъ и дѣлаетъ самое общество, когда ложный патріотизмъ старался намѣренно скрыть отъ себя слабыя и больныя стороны общественнаго организма, когда всѣ молчали, кто былъ способенъ размышлять, и всѣ говорили, кто не хотѣлъ ни думать, ни дѣлать. Ничтожная кучка людей, которую мы привыкли называть обществомъ, дошла до того пассивнаго равнодушія, что ее перестали шевелить самые близкіе ей интересы. Никому не было дѣла до того, что̀ выходило изъ круга его личной дѣятельности и выгоды, что̀ касалось общихъ цѣлей и интересовъ. Коротко, сонъ былъ глубокій и болѣзненный. Въ самой литературѣ на время замерла жизнь, и этотъ единственный органъ, которому не напрасно придаютъ у насъ нѣкоторое значеніе и черезъ который выражается извѣстная доля общественнаго мнѣнія, пережевывалъ такія старыя вещи, отъ которыхъ тошнило даже гг. Погодина и Шевырева. Теперь совѣстно сказать, что Булгаринъ съ его «Сѣверной Пчелой» былъ едва ли не сильнѣе г. Каткова съ его «Московскими Вѣдомостями». Опозиціонные органы, въ которыхъ правительство и общество, по крайней мѣрѣ, могли положиться на честность мнѣнія, были такъ безцвѣтны и безсильны, что къ нимъ обращались не за мнѣніемъ, не за идеей, а за тѣмъ снадобьемъ, которое усыпляетъ на сонъ грядущій и шевелитъ мозгами отъ нечего дѣлать... Потомъ наступила пора тревожной дѣятельности, суеты суетствій, и восемь лѣтъ мира и внутренняго самосознанія, какъ нельзя лучше, благопріятствовали нашему пробужденію. Они конечно и не прошли даромъ. Въ это время правительство задумало и пустило въ ходъ нѣсколько важныхъ преобразованій, которыхъ результаты принадлежатъ оцѣнкѣ будущаго поколѣнія; въ это время общество сломя голову бросилось въ разныя предпріятія и, по своей классической неспособности къ серьезному дѣлу обративъ ихъ въ мыльные пузыри или водопроводныя башни, успѣло потерпѣть множество банкротствъ и скандалезныхъ ликвидацій; въ это время изъ всѣхъ угловъ, откуда прежде не доходило ни одного человѣческаго звука, посыпались проекты, замѣтки и мнѣнія, которымъ такъ и суждено навсегда остаться проектами, замѣтками и мнѣніями; въ это время и литература рванулась къ дѣятельности,

вызвала молодыя силы на работу, и начала раскапывать и разсчищать разныя сорныя кучи; зловоніе понеслось отвсюду, и многіе не на шутку испугались, что свѣжій воздухъ для нихъ вреденъ; въ это время, какъ выражается г. Громека на своемъ массильоновскомъ языкѣ, упала на насъ «бомба отрицанія» и началось «безпрепятственное бомбардированіе человѣческихъ заблужденій» или, какъ говоритъ «Современникъ»—жизнь наша обнята и тронута реформами *сполна*» — въ это время, какъ видите, мы натворили множество разныхъ чудесъ. Но какъ бы ни былъ оглушителенъ взрывъ «бомбы отрицанія противъ человѣческихъ заблужденій», какъ бы реформы наши ни были всеобъемлющи, намъ не слѣдуетъ изъ уваженія къ самимъ себѣ увлекаться самоудовлетвореніемъ, и успокоивать свою общественную совѣсть насчетъ дешеваго лиризма. Будемъ строги къ себѣ, потому что только строгая провѣрка самихъ себя и нашей дѣятельности можетъ ручаться за успѣхъ результатовъ. Намъ слѣдуетъ быть тѣмъ болѣе строгими, что мы большіе трусы въ дѣлѣ общественныхъ реформъ и легко успокоиваемся на лаврахъ, когда заслуги наши не стоятъ еще и клочка сѣна. Работа наша еще только началась, и хорошее исполненіе ея зависитъ отъ многихъ и многихъ условій. Доселѣ, надо признаться, мы гораздо больше накричали, чѣмъ дѣйствительно сдѣлали. На какое бы явленіе общественной жизни мы ни посмотрѣли, несостоятельность нашего пониманія и энергіи рѣзко бросаются въ глаза; то недостатокъ способныхъ и честныхъ людей, то отсутствіе средствъ для осуществленія предположеннаго плана, то неумѣнье довести его до благопріятнаго исхода постоянно задерживаютъ насъ на полдорогѣ. Поэтому, не увлекаясь слишкомъ заносчивыми надеждами въ будущемъ, позаботимся побольше о настоящемъ. Не надо забывать, что намъ остается многое сдѣлать, что намъ нужны средства, свѣжія силы и спокойный трудъ, ненарушаемый тревожными событіями.

Между тѣмъ нашей мирной дѣятельности угрожаетъ не «бомба отрицанія», изобрѣтенная воображеніемъ г. Громеки, а дѣйствительная европейская война. Война или миръ? — спрашиваютъ всѣ, кто только заглядываетъ въ будущее дальше нынѣшняго дня. Война или миръ?—спрашиваетъ дипломатъ, купецъ на биржѣ, отецъ и мать, посылающіе своихъ сыновей въ ряды войска. И это общее безпокойство, это тревожное сомнѣніе совершенно понятно каждому, кто знаетъ, какими страшными лишеніями и пожертвованіями въ наше

время сопровождается международная борьба; при самомъ счастливомъ исходѣ ея, она унесетъ много силъ, разстроитъ много состояній, прерветъ спокойную дѣятельность нѣсколькихъ милльоновъ людей и отвлечетъ вниманіе отъ полезныхъ и производительныхъ занятій въ другую противоположную сторону. Но ходъ событій слагается такъ, что война становится съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе вѣроятнымъ фактомъ. Предположеніями и соображеніями о войнѣ заняты дипломатическіе кабинеты, европейскія и русскія газеты; между иностранными дворами идетъ быстрый обмѣнъ дипломатическихъ нотъ, и телеграфическія проволоки работаютъ день и ночь; въ банкирскихъ конторахъ и на всѣхъ главныхъ рынкахъ происходитъ смятеніе по случаю той же предполагаемой войны. Война или миръ?— спрашиваетъ вся Европа отъ Петербурга и до Мадрида, и никто еще не можетъ положительно отвѣчать на этотъ грозный вопросъ. Въ виду такого событія мы позволяемъ себѣ взглянуть на тѣ причины, которыя подаютъ поводъ къ нарушенію мирныхъ отношеній и готовы воспламенить ужасную борьбу между самыми сильными народами Европы.

Какъ ни щекотливо польское дѣло для нашего печатнаго слова, но мы съ полной увѣренностью рѣшаемся говорить о немъ; мы убѣждены, что, можетъ быть, никогда наше правительство не нуждалось въ такомъ откровенномъ выраженіи общественнаго мнѣнія, какъ въ настоящую минуту; съ другой стороны мы убѣждены и въ томъ, что самое общество должно внимательно осмотрѣть себя и какъ можно ближе познакомиться съ событіемъ, готовымъ совершиться. Надо знать напередъ, чего бояться, на что надѣяться и къ чему стремиться. Въ такія минуты не скрываютъ ни своихъ силъ, ни слабостей, ни хорошихъ, ни дурныхъ сторонъ народной жизни. Въ такія минуты, болѣе чѣмъ когда либо, надо дорожить всякимъ честнымъ мнѣніемъ, и искренно презирать, какъ малодушную трусость, такъ и искусственно подогрѣтый патріотизмъ, который хуже всякой ненависти, потому что ненависть оскорбляетъ, но не лжетъ.

Изъ всѣхъ главныхъ событій, отмѣтившихъ польское возстаніе съ самаго начала его и исполненныхъ грустными картинами междуусобной войны, амнистія императора Александра II, данная отъ 31 марта, представляетъ отрадное явленіе. Этотъ гуманный актъ, вызванный не столько политическими разсчетами, сколько христіанскимъ великодушіемъ, произнесъ слово примиренія среди ожесточен-

ной рѣзни и взаимнаго озлобленія. Европейское мнѣніе, въ которомъ польское дѣло находитъ себѣ сочувствіе, столь понятное по старымъ преданіямъ и по очень извинительной симпатіи къ исторической судьбѣ народа, утратившаго свою независимость, встрѣтило амнистію благопріятными отзывами. Но, отдавая полную справедливость гуманности этого прощенія, въ то же время многіе органы выразили сомнѣніе насчетъ практическаго результата его. — — — Дѣйствительно, элементы бури слишкомъ сложны. Въ польскомъ вопросѣ, по отношенію къ Россіи, замѣшиваются двѣ стороны—чисто политическая и національная. Относительно первой можно замѣтить одно, что Польша постоянно ссорила насъ съ европейскимъ мнѣніемъ и возбуждала въ немъ непріязненныя отношенія къ Россіи. «Я никогда въ моей жизни не была такъ встревожена, какъ теперь; мнѣ стыдно взглянуть на самую себя».—Это говорила Марія Терезія, отнимая перо отъ того акта, на которомъ она подписала раздѣлъ Польши. По свойственному ей лицемѣрію, доходившему до комическихъ сценъ, она утверждала послѣ, что ее принудили принять кусочекъ Польши изъ общаго раздѣла. Но раскаяваться въ своей собственной ошибкѣ не совсѣмъ достойно, тѣмъ больше, что историческія ошибки имѣютъ одно непріятное послѣдствіе—онѣ падаютъ всей своей тяжестію на тѣ поколѣнія, которыя въ нихъ не участвовали. Какъ бы то ни было, но кусочки Польши постоянно стремились слиться въ прежнее органическое тѣло, и своимъ броженіемъ безпокоили Европу. Справедливо или нѣтъ—объ этомъ мы не будемъ говорить, но пропаганда Польши за свою независимость постоянно работала во Франціи и Англіи; эмигранты старались разнести по всей Европѣ свои стоны и вопли и, обнажая раны свои, умоляли о защитѣ и покровительствѣ. Это продолжалось около ста лѣтъ. И такъ какъ массы не умѣютъ разбирать тонкостей дипломатической справедливости, то онѣ обыкновенно сочувствуютъ тому, кто плачетъ. Трактаты вѣнскаго конгресса безмолвно лежали въ архивахъ и только въ кабинетѣ Меттерниха поднимали довольно оживленные споры о своемъ достоинствѣ, а польская пропаганда неутомимо говорила за свою родину... И вотъ мало-по-малу составилась довольно сильная антипатія къ такому правительству, какъ напр. къ Австріи, которая слепила свое мозаическое государство изъ разныхъ кусочковъ. Для Россіи же политическая сторона польскаго вопроса имѣла и то невыгодное послѣдствіе, что перепутывала наши международныя отношенія. Придерживаясь за кончикъ цѣпи, связывающей Австрію съ

Пруссіей, мы должны были часто жертвовать своими интересами въ пользу польскаго вопроса—измѣнять естественное направленіе политики и примыкать къ самой гнилой части Европы. Ни на западѣ, ни на востокѣ мы не могли дѣйствовать свободно, потому что и тамъ, и здѣсь намъ было не совсѣмъ ловко отъ близкаго сосѣдства съ Польшей. Когда умиравшая олигархія посполитой рѣчи еще не переставала поднимать свой голосъ, Россія могла стоять твердо за свои интересы, но съ кончиной олигархическаго начала положеніе наше въ отношеніи Польши измѣнилось...

Не менѣе важна для Россіи и другая сторона польскаго вопроса—національное значеніе его. Слитіе народовъ, раздѣленныхъ историческими обстоятельствами, вообще происходитъ тяжело и медленно, особенно когда въ основаніи этого соединенія лежатъ глубокія народныя антипатіи. Опыты прошлыхъ вѣковъ доказали, что ничто такъ сильно не раздѣляетъ націи, какъ религіозныя и политическія противорѣчія. Вслѣдствіе ихъ образуются противоположныя убѣжденія и привычки. Нѣтъ сомнѣнія, что между Польшей и Россіей есть много національныхъ связей — географическое положеніе, сходство языка, расы, единство преданій, но всѣ эти связи болѣе нравственныя, чѣмъ политическія, были отчасти отравлены историческими столкновеніями. Какъ бы сила событій ни разрѣшила польскій вопросъ, но Россія должна искренно желать разрѣшить его какъ можно скорѣе ради своихъ національныхъ интересовъ, и какъ можно гуманнѣе ради своей народной чести.

И вотъ этимъ больнымъ мѣстомъ нашего политическаго тѣла желаютъ воспользоваться враги Россіи. Каждый изъ нихъ руководствуется своими личными разчетами, но болѣе всѣхъ понимаетъ ихъ Наполеонъ III. Изъ тюрльерійскаго кабинета выходитъ иниціатива предполагаемой войны; тамъ, какъ обыкновенно, соединяются всѣ нити и паутины европейской политики. Но было бы интересно заглянуть въ душу этого молчаливаго, мрачнаго и таинственнаго человѣка и разгадать тѣ побужденія, которыми онъ подстрекается къ войнѣ. Русское Слово не привыкло вѣрить громкимъ выраженіямъ великаго мастера 2 декабря. Многое говорилось имъ не разъ и въ отношеніи Италіи, но тѣ же жандармы французскаго величества разгуливаютъ по Риму въ 1863, какъ это было и въ 1849 году. Многіе думаютъ, что Наполеонъ III особенно покровительствуетъ національнымъ интересамъ Европы. Но Ницца и Савоя вовсе не подтверждаютъ этого мнѣнія. Иначе,

онѣ остались бы тяжелымъ камнемъ на совѣсти французскаго императора, какъ сильно онъ ни укрѣпилъ себя съ этой стороны. Еще было бы страннѣе предположить, что чувство справедливости заставляетъ взяться за оружіе человѣка, который могъ дать этому чувству полное примѣненіе 2 декабря въ Парижѣ и въ исполненіи тѣхъ громкихъ обѣщаній, которыя онъ такъ часто давалъ Франціи. Нѣтъ, кто знаетъ хоть нѣсколько Наполеона III, тотъ не станетъ идеализировать его ни въ отношеніи Польши, ни въ отношеніи Мексики. Общественныя кассы и государственный банкъ Франціи слишкомъ пусты, чтобы рисковать ими ради возвышенныхъ человѣческихъ цѣлей. Наполеонъ III, по выраженію одного англичанина, «довольно хорошій игрокъ для того, чтобы играть въ политическую игру съ проигрышемъ». Правда, онъ иногда и проигрывалъ, но большею частію оставался въ барышахъ. Потому и въ настоящемъ планѣ играютъ роль его личныя соображенія. Онъ можетъ быть приметъ войну, чтобъ поживиться добычею ея, чтобы отвязаться отъ мексиканской экспедиціи, не обѣщающей даже контрибуціи для пополненія пустыхъ ящиковъ французскаго казначейства; онъ приметъ войну, потому что она дастъ ему новую популярность и удовлетворитъ его наслѣдственному честолюбію. Онъ очень хорошо помнитъ, что тріумфальная колесница его дяди погибла въ сѣверныхъ снѣгахъ, но онъ знаетъ и то, что дядя его любилъ воевать одинъ, полагаясь на свой геній и какую-то звѣзду, а Наполеонъ III любитъ дѣйствовать въ союзѣ съ другими, нисколько не полагаясь на свой геній и не вѣря никакой звѣздѣ. Кому будетъ принадлежать побѣда и какъ много жертвъ унесетъ будущее?—На это отвѣтятъ намъ самыя событія, а мы займемся обозрѣніемъ нашей домашней жизни.

Положеніемъ объ освобожденіи крестьянъ, 19-е февраля нынѣшняго года назначено крайнимъ срокомъ для составленія уставныхъ грамотъ. «Сѣверная Почта» въ этотъ день извѣстила, что уставныя грамоты почти уже вездѣ составлены, и, по большей части—введены въ дѣйствіе, и вездѣ царствуетъ миръ и спокойствіе. Этотъ же день и тѣмъ же положеніемъ назначенъ для окончательнаго прекращенія всѣхъ обязательныхъ отношеній между дворовыми людьми и ихъ помѣщиками. Съ этого дня дворовые люди, составляющіе 6,7 $^0/_0$ всего крѣпостного населенія, получили личную свободу. Много было писано и говорено о положеніи двороваго человѣка, терпѣвшаго самую горькую участь между крѣпостными людьми. Что участь двороваго человѣка была самая несчастная—это очень ясно всякому и этого нечего доказывать.

И ежели эта участь, въ матеріальномъ отношеніи, во многихъ случаяхъ была значительно выше участи мужика, зато та безнравственная сторона крѣпостного права, которая равно развращаетъ и господина и его раба, не могла не отразиться на дворовомъ въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ на крестьянинѣ; потому что дворовый находился постоянно, съ утра до ночи, въ безпрерывныхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ съ своимъ бариномъ. Съ 19 февраля 1863 года эта безнравственная сторона отношеній двороваго человѣка къ барину прекратилась. Но улучшилось ли его матеріальное благосостояніе съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній,—это одинъ изъ тѣхъ важныхъ вопросовъ, на который нельзя не обратить вниманія.

Положеніе 19 февраля вообще отказало дворовымъ въ поземельномъ надѣлѣ, но допустило его только въ слѣдующихъ случаяхъ: оно дало землю тѣмъ изъ дворовыхъ людей, которые до указа 2-го марта 1857 года сами лично пользовались надѣломъ, и тѣмъ, которые будучи дворовыми продолжали пользоваться надѣломъ или несли издѣльную повинность при обработкѣ полей. Остальные же отпущены на волю безъ земли. Во всѣхъ мѣрахъ нашего законодательства видно желаніе, чтобы дворовые пріобрѣли себѣ землю; такъ оно постановило, что тѣмъ изъ дворовыхъ, которые припишутся къ сельскимъ обществамъ, дается 8 льготныхъ лѣтъ отъ всѣхъ повинностей и въ томъ числѣ отъ рекрутства, между тѣмъ, какъ приписавшимся къ городамъ — только 2 года, т. е. въ 4 раза меньше. Обыкновенно публицисты, любящіе въ каждомъ приказаніи какого-нибудь уѣзднаго суда отыскивать историческую необходимость, говорятъ, что между дворовыми и крестьянами есть коренная разница по происхожденію, что дворовые образовались изъ рабовъ, закупей, холоповъ, и этимъ псевдо-историческимъ методомъ доказывали, помнится, необходимость выкупа даже личности дворовыхъ. Но толки объ этомъ происхожденіи дворовыхъ есть ничто иное, какъ праздная болтовня, прикрываемая ученостью. Достаточно взглянуть на цифры народныхъ переписей, чтобы убѣдиться въ этомъ. Арифметическое отношеніе общаго числа дворовыхъ къ крестьянамъ, постоянно увеличивающееся количество первыхъ и въ такой же степени уменьшающееся количество вторыхъ, ясно показываютъ, что, по крайней мѣрѣ современные намъ дворовые образовались изъ крестьянъ. Если между болѣе чѣмъ полумилльономъ нынѣшнихъ дво-

ровыхъ людей и находится нѣсколько тысячь происходящихъ отъ древнихъ рабовъ, холопей и закупей, то и въ этомъ случаѣ беземельное освобожденіе дворовыхъ едвали удобно. — Въ молодые годы, когда есть достаточно силъ и энергіи, еще можно позаботиться о себѣ бездомному пролетарію, но что сказать о старости или непредвидѣнной потери здоровья? Куда дѣнется такой слуга, лишившійся своего мѣста, а вмѣстѣ съ нимъ и всякаго средства къ существованію? У насъ нѣтъ ни кассъ взаимнаго обезпеченія между рабочими, ни тѣхъ строго организованныхъ артелей, которыя ручаются за существованіе своего члена. Притомъ крѣпостное право такъ глубоко развратило сословіе дворовыхъ людей, что намъ еще долго придется жаловаться на дурную прислугу, особенно если она останется въ своемъ прежнемъ состояніи. Черезъ нѣсколько лѣтъ изъ нея выйдетъ новый пролетаріатъ, еще мало знакомый намъ въ нашей экономической жизни.

Теперь обратимся къ другому современному событію, которое имѣетъ огромное общественное значеніе, особенно въ виду другихъ предстоящихъ событій серьезнаго характера. Я говорю о голодѣ, который свирѣпствуетъ въ губерніяхъ: Вологодской, Архангельской, Пермской, Оренбургской, Екатеринославской и Тобольской.

Извѣстія по этому предмету, почерпаемыя нами изъ офиціальныхъ источниковъ и изъ частныхъ писемъ, не отличаются такою полнотою, чтобы по нимъ можно было составить себѣ полную картину затруднительнаго положенія этихъ губерній; но если даже вѣрить тому, что намъ извѣстно то нельзя не согласиться, что низшіе классы, т. е. крестьяне и заводскіе работники далеко не благоденствуютъ. Такъ изъ частной корреспонденціи г-на Овсянникова изъ Архангельска, помѣщенной въ Кронштадтскомъ Вѣстникѣ, видно, что тамъ уже показались обыкновенныя послѣдствія голода, т. е. разбои и грабежи. О Вологодской же губерніи въ «Сѣверной Почтѣ» говорится такъ:

«По стаяніи снѣга весною 1862 года, озими по Вологодской губерніи оказались удовлетворительными, и хотя безпрестанные дожди и холодъ въ іюлѣ мѣсяцѣ и замедляли созрѣваніе озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ, однако наступившая съ половины августа хорошая погода дозволила въ большей части губерніи благополучно убрать самый хлѣбъ, а яровые продолжали созрѣвать. Но въ уѣздахъ: яренскомъ, устьсысольскомъ и сольвычегодскомъ и смежныхъ съ ними мѣстностяхъ, вслѣдствіе сильныхъ инеевъ въ концѣ іюля и при-

морозковъ въ половинѣ августа, озимые и яровые хлѣба вызябли и осолодѣли на корнѣ; даже въ лучшихъ мѣстностяхъ означенныхъ уѣздовъ хлѣбъ не возвратилъ сѣмянъ, а въ сѣверныхъ и въ сѣверовосточныхъ ихъ частяхъ рѣшительно ничего не произрасло. Вслѣдствіе такого неудовлетворительнаго состоянія хлѣбовъ, цѣна на рожь въ Устьсысольскѣ и въ Яренскѣ поднялась до 1 р. 15 к. и даже до 1 р. 50 к. за пудъ и оказался недостатокъ въ хлѣбѣ для продовольствія жителей и обсѣмененія полей».

Изъ этого офиціальнаго описанія видно, какъ велико должно быть бѣдствіе жителей Вологодской губерніи. Въ той же «Сѣверной Почтѣ». приведены цифры, показывающія на сколько недостаетъ хлѣба до слѣдующаго урожая. Такъ въ Яренскомъ уѣздѣ, вмѣсто 2,257 четвертей хлѣба, необходимыхъ для пропитанія 218 семействъ временно обязанныхъ крестьянъ сереговскаго саловареннаго завода, находится въ запасныхъ магазинахъ только 658 четвертей, такимъ образомъ недостаетъ 1,599 четвертей. Точно такъ же въ остальныхъ уѣздахъ въ этомъ же родѣ. Хлѣбъ, употребляемый въ настоящее время въ Вологодской губерніи, состоитъ изъ отрубей съ примѣсью осолодѣлой муки и коры. Понятно, что вслѣдствіе употребленія подобнаго хлѣба, народное здоровье въ тѣхъ мѣстахъ не можетъ быть въ цвѣтущемъ состояніи. Смертность увеличивается, увеличиваются также случаи опоевъ виномъ.

То же самое происходитъ и въ Пермской губерніи, о которой корреспондентъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей (въ 48 N° этой газеты) сообщаетъ слѣдующее:

«Положеніе здѣшнихъ заводовъ, да не однихъ заводовъ, но и многихъ здѣшнихъ мѣстаостей нынѣшней зимой хуже, чѣмъ когда-либо. «Причина тому неурожай, постигшій значительную часть нашей губерніи отъ очень раннихъ морозовъ, которые не дали дозрѣть хлѣбу. «Въ иныхъ мѣстахъ недозрѣлый и замороженный хлѣбъ скосили на «сѣно, въ иныхъ сжали, надѣясь, что онъ сколько-нибудь годенъ «къ употребленію. Жали и косили хлѣбъ чисто изъ подъ снѣга. Въ «сѣверныхъ уѣздахъ,—Чердынскомъ и Верхотурскомъ, гдѣ никогда «не бываетъ избытка въ хлѣбѣ, болѣе чѣмъ въ другихъ уѣздахъ «употребляли его въ пищу. Испеченный хлѣбъ видомъ болѣе походитъ на землю дурного качества, нежели на обыкновенный черный «хлѣбъ. Оттого употреблявшіе его большею частію подвергались болѣзнямъ, отъ которыхъ весьма замѣтно усилилась смертность въ

«мѣстностяхъ, страдающихъ отъ голода. Не лучше, ежели не хуже, «положеніе мастеровыхъ на помѣщичьихъ горныхъ заводахъ. Къ недо-«статку и вслѣдствіе того къ крайней дороговизнѣ хлѣба, у иныхъ при-«бавился недостатокъ въ работѣ, лишившій ихъ возможности добыть «себѣ и самое скудное пропитаніе. Недостатокъ этотъ произошелъ «главнымъ образомъ отъ сокращенія количества работы, какое сдѣ-«лали на всѣхъ частныхъ заводахъ по уничтоженіи крѣпостного пра-«ва. Съ переходомъ на вольный трудъ мастеровые лишились права по-«лучать продовольствіе на всѣхъ членовъ своихъ семействъ, а по-«мѣщики съ своей стороны сократили число рабочихъ, иные и со-«всѣмъ закрыли заводы. Въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ нѣкоторые «бѣдные жители приносили дѣтей своихъ въ волостное правленіе съ «воплями, жалобами и ропотомъ, требуя, чтобы начальство взяло ихъ «дѣтей на свое попеченіе, потому что иначе дѣти должны будутъ «умереть съ голоду.

Въ дополненіе къ этимъ выпискамъ приведемъ еще свидѣтельство Сѣверной Почты», о бѣдствіяхъ, постигшихъ работниковъ въ Оренбургской губерніи. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ офиціальная газета.

«Въ прошедшемъ году наводненіе повредило и разрушило плотины «на заводахъ кагинскомъ и узянскомъ, верхотурскаго уѣзда Орен-«бургской губерніи. Вслѣдствіе этого, на обоихъ заводахъ, съ про-«шедшаго года, всѣ работы остановлены, заводскія дѣйствія прекра-«щены и потому приписанныя къ этимъ заводамъ крестьяне (5.800 «душъ обоего пола), не имѣющіе пахатныхъ полей и находившіе «себѣ единственный источникъ пропитанія въ заводскихъ работахъ, «лишились этихъ средствъ. Положеніе ихъ тѣмъ болѣе затруднитель-«но, что владѣльцы заводовъ кагинскаго и узянскаго (Никифоровъ и «Турчаниновъ) не предприняли никакихъ мѣръ къ возстановленію за-«водовъ и не высылали денегъ на расплату съ тѣми изъ мастеро-«выхъ, которые въ 1861 и въ 1862 г.г. производили значитель-«ныя работы на этихъ заводахъ, оставленныя заводчиками безъ вся-«кой поддержки, не получая ни провіанта, ни пенсій, многіе домо-«хозяева распродали даже скотъ свой, чтобы добыть себѣ кусокъ «хлѣба, другіе питались картофелемъ и ягодами.

Изъ всѣхъ этихъ извѣстій ясно видно, что недостатокъ хлѣба и голодъ въ вышеозначенныхъ мѣстностяхъ угрожаетъ самыми непріятными послѣдствіями. Но причины бѣднаго состоянія низшихъ клас-

совъ надо искать не въ одномъ неурожаѣ. Неурожай—явленіе случайное, онъ только усиливаетъ въ извѣстной степени тѣ бѣдствія, которыя подготовляются другими неблагопріятными обстоятельствами. Причины эти: недостатокъ организаціи труда, разрозненность силъ и вообще весь нашъ экономическій порядокъ, или, точнѣе, экономическая безурядица, возводимая въ идеалъ отсталыми экономистами. Разсматривая дѣло ближе, можно утвердительно сказать, что эти причины произвели недостатокъ въ хлѣбѣ, потому что они самымъ пагубнымъ образомъ дѣйствуютъ на сельское хозяйство, производятъ истощеніе почвы, излишнюю и совершенно непроизводительную трату силъ. Смѣло можно сказать, что при современномъ порядкѣ сельскаго хозяйства, земля не даетъ и половины того, что она можетъ дать. Нѣтъ сомнѣнія, что все это не остается безъ вліянія на положеніе нашего рабочаго люда. Посмотримъ, какимъ образомъ эти причины приводятъ рабочихъ къ тому, что они, какъ мы видѣли изъ словъ корреспондента С. Петербургскихъ Вѣдомостей, должны просить начальство взять на свое попеченіе дѣтей; иначе эти дѣти должны будутъ умереть съ голоду.

Рабочій, при современномъ экономическомъ порядкѣ, обезпечиваетъ себя только одной заработной платой, которая нигдѣ не высока, а тѣмъ менѣе у насъ, при неразвитости фабричной промышленности и при большомъ количествѣ рабочихъ рукъ. Изъ этой небольшой заработной платы рабочій долженъ существовать самъ и кормить семейство. О сбереженіи чего-нибудь на черный день, нечего и думать; рабочій поѣдаетъ сегодня то, что вчера заработалъ. Да если бы заработная плата и была гораздо выше чѣмъ теперь, то все-таки это не помогло бы горю, потому что она никогда не можетъ быть такъ высока, чтобы дать возможность рабочему переждать черные дни. Притомъ увеличеніе заработной платы непремѣнно должно идти объ руку съ увеличеніемъ цѣнъ на всѣ жизненные припасы. Это положеніе, т. е. существованіе одной заработной платы, ставитъ работника въ весьма шаткое положеніе. Малѣйшее пониженіе ея отъ какихъ-нибудь совершенно случайныхъ обстоятельствъ заставляетъ работника терпѣть нужду, а такихъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ извѣстно, представляется очень не мало.

У насъ положеніе рабочаго класса отягощалось еще больше крѣпостнымъ правомъ. Большинство нашихъ заводскихъ работниковъ суть крѣпостные, приписанные къ заводамъ. Прежде, при существова-

ніи крѣпостного права, они находились въ еще болѣе тяжеломъ положеніи. Ихъ заставляли работать какъ лошадей и за это кормили. Съ голоду такъ умереть было трудно, потому что помѣщику-фабриканту въ этомъ не было ни малѣйшей выгоды. Съ переходомъ же отъ обязательнаго къ вольному труду, случилось то, что мы видимъ теперь въ нашихъ сѣверовосточныхъ губерніяхъ. Помѣщики заводчики, при существованіи крѣпостного права, вели свои заводскія дѣла на широкую ногу, съ страшной непроизводительной тратой труда, не заботясь о его сбереженіи посредствомъ различныхъ усовершенствованій въ производствѣ, потому что трудъ для нихъ ничего не стоилъ, а на усовершенствованія нужно было затрачивать капиталъ. Теперь, когда работники стали вольными, когда имъ нужно платить, помѣщики-фабриканты уменьшили число рабочихъ, или совершенно закрыли свои фабрики. Что же остается дѣлать работнику, оставшемуся такимъ образомъ, по чиновничьему выраженію, за штатомъ? Земли у него нѣтъ, да если бы и была, то онъ ее пахать не умѣетъ и не привыкъ; положимъ, что этому выучиться не трудно, но пока привыкнешь—натерпишься съ голоду вдоволь. Съ переходомъ на вольный трудъ работники пріобрѣли и ту невыгоду, что лишились права получать продовольствіе для своихъ семействъ. Вотъ они и должны нести своихъ дѣтей къ начальству, чтобъ спасти ихъ отъ крайней нищеты. Такимъ образомъ бѣдствіе работниковъ въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ объясняются очень легко помимо неурожая. Въ Оренбургской губерніи его не было, а слишкомъ пять тысячь душъ терпятъ страшную нужду. Слѣдовательно, неурожай только усилилъ общее бѣдствіе, которое и безъ того необходимо случилось бы. Необходимость эта вытекаетъ изъ самаго экономическаго положенія работника, положенія до такой степени случайнаго, что даже благодѣтельная реформа, дѣлающая его, по крайней мѣрѣ, передъ существующимъ закономъ, изъ рабочей лошади человѣкомъ, и эта реформа не спасаетъ его отъ голода и нищеты.

Правительство принимаетъ мѣры, даетъ пособія нуждающимся, собираются деньги по подпискѣ. Чувствительныя сердца въ провинціяхъ даютъ обѣды въ пользу вологодскихъ жителей. Какія бы прекрасныя побужденія ни руководили филантропіей, но мы не знаемъ ни одного примѣра, когда бы путемъ милостыни излечивалось какое-нибудь соціальное зло. И это понятно; когда человѣкъ не трудится вслѣдствіе случайнаго

несчастія, если онъ напримѣръ сломаетъ себѣ руку или ногу, или вслѣдствіе болѣзни и т. п., тогда единовременное пособіе или милостыня, какъ она ни унизительна, имѣетъ для него практическое значеніе. Но если причина, лишающая человѣка возможности трудиться, дѣйствуетъ постоянно, тогда филонтропическія средства оказываются рѣшительно безсильными; подающій пособіе не понимаетъ нуждъ того, кому подаетъ. Вотъ почему всякое единовременное пособіе, всякая милостыня, подаваемая рабочимъ, голодающимъ отъ современной экономической безурядицы, кромѣ своей безполезности, имѣетъ еще и вредную сторону, потому что показываетъ признаніе существующаго положенія рабочаго нормальнымъ и законнымъ.

Неурожай въ вышеупомянутыхъ губерніяхъ не можетъ не отозваться и на сосѣднія губерніи. Непремѣнно вездѣ должна повыситься цѣна на хлѣбъ, и повсемѣстное уменьшеніе запашки можетъ очень легко породить въ немъ недостатокъ. Между тѣмъ конечно всякому извѣстно, что положеніе нашихъ селъ и деревень, даже въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ никакъ не можетъ быть названо цвѣтущимъ. Въ послѣднее время смертность въ нихъ увеличилась; тѣ болѣзни, которыя прежде появлялись между крестьянами рѣдко, въ видѣ исключенія, какъ напримѣръ тифъ, теперь обнаруживаются сплошь и рядомъ. Можетъ быть все это слѣды прежняго крѣпостного права, можетъ быть съ болѣе прочнымъ водвореніемъ новыхъ поземельныхъ отношеній все поправится; увидимъ.

Между тѣмъ съ крѣпостнымъ правомъ отходитъ и другой предосудительный обычай нашей общественной жизни — тѣлесныя наказанія, объ отмѣнѣ которыхъ уже давно говорилось. Указомъ правительствующему сенату отъ 17 апрѣля значительно ограничивается употребленіе тѣлеснаго наказанія по суду и увеличивается число лицъ, совершенно избавленныхъ отъ него. Самыя жестокія орудія наказанія, какъ-то: кнутъ, плети, шпицрутены, кошки и клейма по этому указу уничтожаются вовсе; но розги и линьки пока остаются. Подробности этого указа читатель можетъ видѣть изъ самаго текста, прилагаемаго здѣсь.

О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ. «Признавъ за благо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ, дабы съ тѣмъ вмѣстѣ еще точнѣе соразмѣрить кару оныхъ съ свойствомъ и степенью преступленія или проступка, Мы утвердили соотвѣт-

ствующія сему предположенія особаго, при второмъ отдѣленіи Собственной Нашей канцеляріи, комитета, въ государственномъ совѣтѣ разсмотрѣнныя, и вслѣдствіе того повелѣваемъ: 1) Во всѣхъ случаяхъ, когда виновные въ преступленіяхъ или проступкахъ подлежатъ, на основаніи дѣйствующихъ нынѣ по гражданскому вѣдомству законовъ, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, или потерѣ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестанскія роты гражданскаго вѣдомства, или же иному наказанію или взысканію, а сверхъ того и наказанію тѣлесному,—приговаривать впредь ихъ къ слѣдующимъ по закону наказаніямъ и взысканіямъ, но *кромѣ тѣлеснаго.* 2) Къ опредѣленному уложеніемъ о наказаніяхъ (св. зак. т. XV ч. 1) и уставами о паспортахъ и о ссыльныхъ (св. зак. т. XIV) наложенію клеймъ и штемпелныхъ знаковъ впредь никого не присуждать. 3) Опредѣленное за проступки, означенные въ статьяхъ 573, 574, 575 и 576-й того же уложенія, наказаніе розгами, не сопровождаемое другими взысканіями, замѣнять впредь заключеніемъ въ тюрьмѣ или кратковременнымъ арестомъ, въ постепенности, указанной въ статьяхъ 89 и 90 уложенія и въ статьѣ 7-й настоящаго указа. 4) Лица женскаго пола вовсе изъять отъ наказаній тѣлесныхъ. 5) При замѣнѣ для женщинъ, на основаніи статей 77 и 85-й уложенія, каторжныхъ работъ въ рудникахъ и крѣпостяхъ, работами на заводахъ, и при замѣнѣ содержанія въ исправительныхъ арестанскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, какъ для женщинъ, такъ и для людей, по старости, дряхлости, или инымъ причинамъ неспособныхъ къ работамъ въ ротахъ, заключеніемъ въ рабочемъ домѣ,—не увеличивать сроковъ работъ и заключенія. 6) Установленные уложеніемъ сроки работъ въ исправительныхъ арестанскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства сократить, опредѣляя ихъ впредь въ слѣдующей постепенности: степень 1-я—отъ трехъ съ половиною до четырехъ лѣтъ; степень 2-я—отъ трехъ до трехъ съ половиною лѣтъ; степень 3-я до трехъ лѣтъ; степень 4-я—отъ полутора года до двухъ съ половиною лѣтъ;—и степень 5-я—отъ одного до полутора года. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ уложеніемъ опредѣляется отдача въ исправительныя арестанскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, назначать вмѣсто того высшую, по первой изъ означенныхъ въ сей статьѣ настоящаго указа степеней, мѣру, то есть четыре года. 7) При опредѣленіи заключенія въ тюрьмѣ, или въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ и въ крѣпости, сроки сего заключенія, въ уложеніи назначенные, сокращать одною третью, а при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, и болѣе, даже до половины. 8) Когда въ законѣ опредѣляются за какое-либо преступленіе или проступокъ заключеніе въ тюрьмѣ, или въ смирительномъ или рабочемъ домѣ, или же кратковременный арестъ, или обращеніе въ общественныя работы, — назначать сіи карательныя мѣры, не замѣняя оныхъ розгами и для виновныхъ, не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, кромѣ тѣхъ лишь случаевъ, въ коихъ представится явная невозможность опредѣлить одну изъ вышеупомянутыхъ мѣръ. 9) Установленныя 23-го ноября 1853 года временныя правила о замѣнѣ первыхъ четырехъ степеней отдачи въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, ссылкою на водвореніе въ Сибирь,—отмѣнить, и за тѣмъ преступниковъ, подлежащихъ отдачѣ въ сіи роты, приговаривать къ сему наказанію на основаніи предшедшей 6-й статьи настоящаго указа. 10) Изъятіе отъ всякихъ вообще тѣлесныхъ наказаній, сверхъ лицъ, уже и нынѣ отъ

нихъ по закону изъятыхъ, распространить также: 1) на церковнослужителей христіанскихъ исповѣданій и дѣтей ихъ; 2) на всѣ духовныя лица нехристіанскихъ исповѣданій и дѣтей ихъ; 3) на учителей народныхъ школъ; 4) на лица, получившія аттестаты въ успѣшномъ окончаніи ученія въ уздныхъ училищахъ, а также въ земледѣльческихъ, или равныхъ съ нимъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и 5) на лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя по выборамъ должности. Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе къ приведенію сего въ исполненіе».

Объ отмѣнѣ наказанія шпицрутенами и о нашивкахъ нижнимъ чинамъ безпорочно служащимъ. Государь императоръ, желая явить новый примѣръ отеческой заботливости о благосостояніи арміи, и въ видахъ возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ по всеподданнѣйшему докладу генералъ-аудиторіата, высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Для воинскихъ нижнихъ чиновъ прогнаніе сквозь строй или наказаніе шпицрутенами вовсе отмѣнить, какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

2) Нижнихъ чиновъ, виновныхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою, на основаніи дѣйствующихъ военно-уголовныхъ законовъ, наказаніе шпицрутенами и ссылку въ каторжную работу или въ Сибирь на поселеніе или водвореніе, или отдачу въ арестанскія роты, приговаривать безъ тѣлеснаго наказанія къ означеннымъ выше наказаніямъ, смотря по роду преступленія.

2) Нижнихъ чиновъ, подлежащихъ по дѣйствующимъ военно уголовнымъ законамъ одному лишь наказанію шпицрутенами, впредь, до устройства въ военномъ вѣдомствѣ особыхъ мѣстъ заключенія и предположенныхъ исправительныхъ учрежденій, подвергать, взамѣнъ прогнанія сквозь строй, наказанію розгами, въ мѣрѣ, не превышающей 200 ударовъ, предоставивъ военному министерству принять зависящія отъ него мѣры къ скорѣйшему приведенію въ исполненіе предположеній о военныхъ тюрьмахъ и исправительныхъ учрежденіяхъ.

4) Всѣхъ безпорочно служившихъ нижнихъ чиновъ, или же хотя и подвергшихся оштрафованіямъ, но которымъ штрафы были прощены, а равно всѣхъ вновь поступающихъ въ военную службу, освободить отъ тѣлеснаго наказанія безъ судебнаго приговора до тѣхъ поръ, пока они сами не окажутся недостойными сей милости и не будутъ по приговору суда переведены въ разрядъ штрафованныхъ, согласно утвержденнымъ правиламъ.

5) Дѣйствующія нынѣ постановленія о жалуемыхъ нижнимъ чинамъ нашивкахъ и шевронахъ за безпорочную службу измѣнить, согласно утвержденнымъ правиламъ, и опредѣливъ для выслуги первой нашивки шестилѣтній срокъ, всѣхъ нижнихъ чиновъ, имѣющихъ таковую нашивку, изъять отъ тѣлеснаго наказанія даже и по суду.

6) Всѣхъ подсудимыхъ военнаго вѣдомства, которые во время полученія въ войскахъ настоящаго приказа, будутъ окончательнымъ приговоромъ присуждены къ наказанію шпицрутенами, но надъ которыми наказаніе еще не будетъ исполнено, отъ шпицрутеннаго наказанія освободить, поступивъ съ ними на основаніи правилъ, изложенныхъ выше сего въ пунктахъ 1, и 2,—и

7) Съ установленіемъ таковаго смягченія въ наказаніяхъ для случаевъ обыкновенныхъ, Высочайше повелѣно вмѣстѣ съ тѣмъ: Виновныхъ въ важномъ нарушеніи дисциплины или общественной безопасности, вызывающемъ необходимость болѣе строгаго и медленнаго наказанія, подвергать, не токмо

въ военное, но и въ мирное время, съ Высочайшаго разрѣшенія или по распоряженію главнокомандующихъ и другихъ высшихъ военныхъ начальниковъ облеченныхъ равною властью, — суду по полевымъ военнымъ законамъ, съ назначеніемъ положенныхъ для военнаго времени наказаній.

Распространяться о хорошей нравственной сторонѣ этого новаго распоряженія мы считаемъ лишнимъ; но не можемъ не сказать нѣсколько словъ о самомъ значеніи факта, готоваго перейдти изъ дѣйствительной жизни въ исторію. Тѣлесныя наказанія, съ ихъ публичной обстановкой, доходившей до безобразнаго цинизма, — съ палачами, клеймами, эшафотами и площадями, были остаткомъ системы устрашенія, системы въ высшей степени несправедливой и ошибочной въ практическихъ результатахъ. Эта система, развращая общество, на которое она хотѣла дѣйствовать страхомъ, увеличивала сумму преступленій и безполезно ожесточала самого преступника. Она приносила его въ жертву своему раздраженному мщенію, забывая, что наказаніе отнюдь не должно мстить, а исправлять и нравственно возрождать виновнаго. Тѣмъ несправедливѣе это было, что человѣкъ, совершающій преступленіе, есть не болѣе какъ продуктъ того же самаго общества, въ которомъ онъ развивается и которое караетъ его въ лицѣ своего отдѣльнаго члена. Эта истина очень стара и извѣстна чуть ли не со временъ семи греческихъ мудрецовъ. Слѣдовательно жестокость кары, допускаемая обществомъ, обращается противъ него же самого; кромѣ того, что унижаетъ нравственный характеръ общественной жизни, она кладетъ на нее клеймо грубости и произвола, она наноситъ обществу существенный вредъ, вырывая изъ среды его болѣе или менѣе полезнаго дѣятеля. Разсматривать уголовное наказаніе, какъ возмездіе за совершенное преступленіе неосновательно, потому что большая часть преступленій совершается въ ненормальномъ состояніи человѣка, подъ вліяніемъ побужденій и фактовъ, совершенно независящихъ отъ единичной воли того или другого лица. Искать же въ наказаніи дѣйствительнаго средства къ исправленію преступника—значитъ становиться ближе къ справедливости и допускать самое гуманное воззрѣніе на уголовное наказаніе. Какъ лучше достигнуть этого исправленія—на это отвѣчать довольно трудно, потому что всѣ системы, доселѣ употребляемыя съ этою цѣлію, основаны все-таки на большемъ или меньшемъ истязаніи преступника. Про систему одиночнаго заключенія весьма справедливо говорятъ, что она въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно при долгомъ

заключеніи, оказывается хуже смертной казни, она разрушаетъ въ человѣкѣ всю его нравственную силу и энергію; она собственно не исправляетъ человѣка, а убиваетъ въ немъ всѣ стороны его характера, и хорошія и дурныя, дѣлаетъ его заживо трупомъ. Такимъ образомъ, повидимому, самая гуманная теорія исправленія, въ сущности основана все-таки на безполезномъ страданіи человѣка; слѣдовательно единственное средство, какое можетъ быть употреблено обществомъ для уменьшенія числа преступленій, состоитъ въ изъисканіи имъ собственныхъ своихъ несовершенствъ и въ сосредоточеніи всѣхъ усилій на уничтоженіи ихъ. Система тѣлесныхъ наказаній, существовавшая у насъ до сихъ поръ, есть безъ сомнѣнія самая жестокая и, вслѣдствіе своей жестокости, самая нераціональная. Человѣкъ, претерпѣвшій плети и шпицрутены или попавшій въ каторжную работу, терялъ всякую возможность исправиться; за исключеніемъ развѣ самыхъ немногихъ случаевъ. Но и на эти немногіе случаи исправленія, наша система вовсе не разсчитываетъ.

Между тѣмъ, цѣлью всякаго гуманнаго законодательства должно быть стремленіе поставить преступника въ такое положеніе, въ которомъ онъ не могъ бы вредить обществу, и затѣмъ дать ему всевозможныя средства къ исправленію, но уже никакъ не отнимать у него этихъ средствъ, не оставаться безразличнымъ къ его нравственному возрожденію. Но здѣсь надо замѣтить и то, что самая лучшая система исправленія не удовлетворяетъ идеѣ справедливости, потому что, давая преступнику всевозможныя средства къ исправленію, этимъ все-таки улучшается участь только *отдѣльнаго лица*, или *нѣсколькихъ личностей*; общее же количество преступленій при этомъ нисколько не уменьшается. Напротивъ, какія бы гуманные способы исправленія ни были изобрѣтены, ежели не будетъ обращено надлежащаго вниманія на причины, производящія преступленія вообще въ какомъ нибудь обществѣ, т. е. на его матеріальное благосостояніе и умственное развитіе, цифра преступленій въ этомъ обществѣ постоянно будетъ колебаться пропорціонально увеличенію или уменьшенію этихъ причинъ, которыя главнѣйшимъ образомъ кроются въ экономическомъ состояніи народа. Различныя же системы уголовнаго права, какъ бы онѣ ни были либеральны, могутъ вліять только уже на тѣхъ, которые совершили преступленіе; предупреждать же его онѣ не могутъ; а между тѣмъ, для всякаго ясно, что въ предупрежденіи-то и заключается все дѣло. Здѣсь мы стал-

киваемся въ убѣжденіяхъ съ однимъ господиномъ, вѣроятно вызваннымъ г. Краевскимъ изъ Кохинхины для участія въ газетѣ «Голосъ». Этотъ господинъ, напавъ въ «Домашней Лѣтописи» февральской книжки Русскаго Слова на ту мысль, что вмѣсто того, чтобы хлопотать о народномъ образованіи, сначала надо заботиться объ улучшеніи его матеріальнаго благосостоянія, что тогда народъ самъ найдетъ, чему учиться и какъ учиться и у кого учиться,—сотрудникъ г. Краевскаго находитъ эту мысль ретроградною, и при этомъ для опроверженія ея ссылается на Бёкля. Господинъ, пріѣхавшій изъ Кохинхины для того, чтобы пороть всякую чепуху съ «Голоса» г. Краевскаго, можетъ считать эту мысль ретроградною; у всякаго свой вкусъ. Для насъ было бы гораздо страннѣе сойдтись въ какомъ-нибудь мнѣніи съ «Голосомъ», котораго все различіе отъ «Сына Отечества» заключается въ достоинствѣ бумаги; но только вотъ что мы посовѣтывали бы г. Краевскому, чтобы онъ съ своей стороны попросилъ своего сотрудника прежде прочитать Бёкля, а потомъ уже и ссылаться на него. Вотъ что говоритъ Бёкль объ отношеніи умственнаго развитія къ экономическому состоянію народа.

«Изъ всѣхъ послѣдствій, происходящихъ для какого нибудь народа отъ климата, пищи и почвы, самое первое и, во многихъ ототношеніяхъ, самое важное, есть накопленіе богатства. Хотя успѣхи знанія и ускоряютъ наконецъ накопленіе богатства, но то достовѣрно, что при самомъ зарожденіи общества, сперва должно накопиться богатство, а потомъ уже можетъ быть положено начало знанію. *До тѣхъ поръ, пока всякій человѣкъ занятъ снискиваніемъ того, что необходимо для его существованія* (это именно по-«ложеніе нашего крестьянина) *не можетъ быть ни охоты, ни вре-«мени заниматься болѣе возвышенными предметами, не можетъ «быть создана никакая другая наука, а возможна только развѣ «попытка* (видите какъ мало) сберечь трудъ примѣненіемъ къ нему «тѣхъ грубыхъ и несовершенныхъ орудій, какія въ состояніи изо-«брѣсть и самый невѣжественный народъ. Въ такомъ состояніи об-«щества, первый важный шагъ впередъ составляетъ накопленіе бо-«гатства, ибо безъ богатства не можетъ быть *досуга*, а безъ до-«суга не можетъ быть знанія. *) Теперь господину пишущему съ

*) Истор. Цивилиз. въ Англіи, соч. Бекля. Перев. Буйницкаго и Ненарокомова, стр. 46,—47.

«Голоса» г. Краевскаго должно быть ясно, что мы говоримъ въ этомъ случаѣ то же, что и Бёкль, т. е. убѣждены, что думать и заботиться о своемъ образованіи можетъ только тотъ, у кого за добываніемъ средствъ къ обезпеченному состоянію остается *досугъ*. Но крестьянинъ нашъ находится еще далеко не въ томъ состояніи, чтобы пользоваться вполнѣ обезпеченнымъ положеніемъ и слѣдовательно *досугомъ*, необходимымъ для занятія такими возвышенными предметами, какъ образованіе. Для этого нужна другая обстановка, другой складъ общественной и домашней жизни. Въ общественной жизни должны быть вызваны *дѣйствительныя* потребности образованныхъ людей и открыты имъ новыя стези для практическаго примѣненія ихъ знаній. Этой стороной мы сильно страдаемъ. Обстановка домашней жизни въ крестьянскомъ быту также мало гармонируетъ съ образованіемъ. Грубость и насиліе семейныхъ отношеній, курная изба, набитая животными и людьми безъ разбора, дымящаяся лучина въ длинные зимніе вечера, вѣчная забота мужика о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ оброка и повинности-все это плохо вяжется съ естественными стремленіями человѣка къ образованію. Ну теперь ясно ли для васъ, г. Краевскій съ братіей?

Говоря, что главное дѣло заключается въ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія народа, мы тѣмъ не менѣе всегда готовы отдать справедливость тѣмъ лицамъ, которыя не попусту хлопочутъ о народномъ образованіи. Эти лица дѣлаютъ, что могутъ, и узнавъ ближе дѣло непремѣнно придутъ къ тому же результату, къ которому приходимъ и мы. Такъ напримѣръ, мы не можемъ не отозваться съ одобреніемъ о проектѣ устава рязанскаго общества распространенія грамотности и образованія въ народѣ, написанномъ г. Ф. Т. Смирновымъ и помѣщенномъ въ апрѣльской книжкѣ: «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Дѣятельность общества, по этому проекту, будетъ состоять въ томъ, чтобы: 1) Помогать существующимъ школамъ учебными и педагогическими руководствами, денежными ссудами и пособіями и рекомендаціею необходимыхъ для нихъ учителей; 2) открывать, гдѣ нужно, новыя школы на счетъ своихъ средствъ, или на счетъ мѣстныхъ жителей, по соглашенію съ ними; 3) открыть при первой возможности школу въ городѣ Рязани для приготовленія учителей, которые могли бы собою пополнить столь существенный недостатокъ въ этомъ отношеніи; 4) Входить въ сношеніе съ мѣстами, лицами и обществами, которыя могутъ быть ему полезны; 5) способствовать

открытію при школахъ, и гдѣ сочтетъ нужнымъ, библіотекъ, книжныхъ лавокъ и другихъ подобныхъ имъ учрежденій, и вообще принимать мѣры къ распространенію по дешевымъ цѣнамъ книгъ, полезныхъ для образованія народа, и 6) заботиться объ увеличеніи своихъ средствъ посредствомъ публичныхъ лекцій, спектаклей, лотерей и т. п. Члены этого общества будутъ трехъ разрядовъ а) дѣйствительные: тѣ которые будутъ вносить ежегодные приношенія въ кассу общества или ежегодно отъ 6 до 10 руб., или единовременно не меньше 100 р., б) члены-благотворители, тѣ, которые сдѣлали болѣе значительныя пожертвованія, не менѣе 500 р. с. в) члены-сотрудники: къ нимъ относятся постоянные корреспонденты общества и другія лица, которыя хотя и не внесутъ денегъ, но заявятъ себя полезными для народнаго образованія трудами и пожелаютъ содѣйствовать достиженію цѣли общества. Желающіе быть членами общества подвергаются баллотировкѣ. Затѣмъ въ проектѣ слѣдуетъ описаніе правленія общества, предсѣдателя его, засѣданій правленія и такъ далѣе, какъ и во всевозможныхъ обществахъ. Принятый въ число дѣйствительныхъ членовъ или сотрудниковъ его исполняетъ порученія общества, если обстоятельства позволятъ ему это. При этомъ проектѣ приложена также предполагаемая программа для сельскихъ училищъ, написанная довольно подробно. Составитель ея принялъ за основаніе этой программы ту мысль, что крестьянъ слѣдуетъ учить тому же, что составляетъ общечеловѣческую образованность.

«Надобно стараться, говоритъ онъ, чтобы и деревенскіе жители, «своимъ собственнымъ умомъ здраво размышляли о тѣхъ предметахъ, «которые входятъ въ кругъ ихъ дѣятельности, чтобы умѣли правиль- «но говорить и писать на отечественномъ языкѣ, чтобы имѣли тѣ «даже научныя свѣденія, которыя должны быть болѣе или менѣе из- «вѣстны всякому, и наконецъ чтобы и въ нихъ была пробуждена и «развита любознательность, которая заставляетъ человѣка расширять «свои познанія и по выходѣ изъ школы. Разумѣется, при множест- «вѣ степеней этой образованности, въ примѣненіи ея къ извѣстнымъ «лицамъ, надобно имѣть въ виду матеріальныя средства, которыми «они располагаютъ, время, которое имъ на ученьи можно удѣлить и «разныя другія житейскія обстоятельства. Поэтому образованность «крестьянскихъ дѣтей за недостаткомъ времени и матеріальныхъ средствъ «должна ограничиваться извѣстными предѣлами, но вмѣстѣ съ тѣмъ «удерживать характеръ общечеловѣческой образованности».

На основанiи этого взгляда, авторомъ составлены програмы предметовъ, входящихъ въ кругъ этой образованности. Предметы эти слѣдующiе: 1) чтенiе и письмо, 2) свѣденiя о животныхъ и растенiяхъ преимущественно въ приложенiи къ сельскому быту; 3) свѣденiя о нѣкоторыхъ явленiяхъ природы, 4) свѣденiя о русскомъ царствѣ, а также и о земномъ шарѣ вообще; 5) законовѣденiе; 6) арифметика и 8) нравственно-религiозное образованiе. Програмы этихъ свѣденiй составлены очень подробно, и изложенный въ нихъ способъ самаго преподаванiя приноровлена къ уму дѣтей, такъ что видно, что ихъ писалъ человѣкъ знающiй дѣло.

Вотъ главные черты проекта, и изъ этого изложенiя его видно, что цѣль, предполагаемая обществомъ, очень почтенная и заслуживаетъ всякаго сочувствiя. Противъ частностей програмы, разумѣется, могутъ спорить спецiалисты-педагоги; но насъ въ настоящее время подробности этого проекта занимать не могутъ. Какъ бы ни были велики ошибки въ его програмѣ, но все-таки ежели обществу удастся выучить хоть 100 человѣкъ грамотѣ, то частная польза его будетъ несомнѣнна. Но для насъ важно, въ виду вразумленiя почтеннаго сотрудника «Голоса», рѣшить вопросъ, что важнѣе, улучшенiе матерiальнаго быта крестьянина или улучшенiе его мозговыхъ отправленiй. Этотъ вопросъ рѣшенъ уже. Немного нужно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что возвышенiе матерiальнаго благосостоянiя народа непремѣнно влечетъ за собой совершенно послѣдовательно и повышенiе его образованiя. Но намъ скажутъ, что, точно такъ же и наоборотъ: поднятiе умственнаго образованiя народа точно такъ же влечетъ за собою улучшенiе его матерiальнаго благосостоянiя, и при этомъ непремѣнно сошлются на тотъ аргументъ: что изъ двухъ бѣдняковъ образованному легче будетъ выбраться изъ бѣдности, чѣмъ необразованному, и представляя этотъ примѣръ, никакимъ образомъ не замѣтятъ, что онъ ничего не объясняетъ. Образованному бѣдняку дѣйствительно *легче* разбогатѣть; но онъ можетъ на вѣкъ остаться бѣднякомъ,—это все зависитъ отъ случая, между тѣмъ какъ богатый *непремѣнно* прiобрѣтетъ образованiе, если только захочетъ. Кромѣ того такой примѣръ, относящiйся къ одной личности—къ человѣку, никакимъ образомъ не можетъ быть примѣненъ къ цѣлому народу.

Между тѣмъ исторiя вовсе не оправдываетъ того, чтобы умственное развитiе народа непремѣнно влекло бы за собой улучшенiе его экономическаго быта. Примѣръ того, что народъ не образовывался самъ

вслѣдствіе улучшенія своего матеріальнаго быта, и что его образовывало образованное общество, едва ли не единственный примѣръ, представляетъ намъ современная Англія, на которую всегда любятъ ссылаться либералы всѣхъ странъ, а въ особенности наши, и дѣлаютъ, по обыкновенію это очень не кстати. Припомнимъ какъ было тамъ дѣло. До средины тридцатыхъ годовъ, общество англійское совершенно не принимало никакого участія въ народномъ образованіи и никогда бы разумѣется и не стало о немъ думать, если бы не замѣтило въ низшихъ классахъ броженія какихъ-то идей, котрыхъ англійскіе лорды и джентри боятся какъ чортъ ладану, еслибъ не замѣтило, что работники питаютъ, по остроумному выраженію Н. В. Альбертини, какія-то безумныя надежды. Образованные классы Англіи увидали тотъ глубокій разрывъ между ними и низшими классами, увидали ту страшную ненависть, которую питаютъ стоящіе по ту сторону ценза, ко всѣмъ стоящимъ болѣе 10 фунтовъ. Эта ненависть проявлялась и прежде, являлись Тистльвудъ и его товарищи. и воображеніе милордовъ и джентльменовъ сильно напрягалась при слушаніи безумныхъ рѣчей, произносимыхъ Уатсонами, Престонами и всей этой «сволочью», по остроумному выраженію покойнаго Кэстльри. Лорды и джентльмены произвели манчестерскую рѣзню, казнили Тистльвуда съ товарищими. и дѣла пошли своемъ чередомъ. Но вѣдь Англія — не Франція; тамъ манчестерская рѣзня не можетъ такъ часто повторяться для удовольствія благородныхъ лордовъ, какъ это во Франціи дѣлаютъ для удовольствія имъ подобныхъ разные Луи Филиппы и Каваньяки, здѣсь надо было чѣмъ нибудь замазать дѣло, отдалить развязку;— тѣмъ болѣе, что тутъ уже угрожаютъ не Брайтъ, не Рёбукъ, отъ которыхъ всякій благонамѣренный Лордъ и джентельменъ открещивается, какъ отъ чертей; Брайтъ и Рёбукъ, не смотря на всю свою неблагонамѣренность, все-таки свои люди, съ ними говорить можно. А то какія-то дикія толпы, голодныя, изморенныя на фабрикахъ, съ нелѣпымъ требованьемъ работы и хлѣба!» Англійское образованное общество отлично поняло свое положеніе. Не желая дѣлать рабочимъ ни малѣйшей уступки въ матеріальномъ отношеніи, рѣшилось сдѣлать ему нравственную уступку, заняться его образованіемъ, приручить его, потому что образованіе, говорятъ, смягчаетъ нравы. Оно кинулось образовывать народъ. Съ 1848 года, послѣ громадныхъ демонстрацій чартистовъ, еще болѣе усилилась его дѣятельность и въ настоящее время она достигла громадныхъ размѣровъ. Образованные люди Англіи, въ настоя-

щее время, почти выиграли дѣло (мы говоримъ почти, потому что будущее неизвѣстно никому) и наслаждаются полной побѣдой. Рабочіе притихли, и теперь мрутъ съ голоду вслѣдствіе американской войны, а не изъявляютъ, какъ прежде, «безумныхъ желаній», напротивъ, пишутъ Линкольну благодарственные адресы, и на всѣ вопросы а также и на подстрекательства разныхъ неблагонамѣренныхъ людей, ссылаются не неизмѣнность и непреложность вѣчнаго закона запроса и предложенія. Результаты дѣятельности англійскаго общества относительно народнаго образованія,-громадны. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, она была едва ли не самая отсталая страна въ западной Европѣ; теперь же уровень образованія въ ней такой, что она скоро догонитъ въ этомъ отношеніи Швейцарію, самую образованную страну Европы. Ежели мы посмотримъ съ другой стороны, захотимъ узнать, на сколько вслѣдствіе развитія народа поднялось матеріальное благосостояніе страны, то мы здѣсь не увидимъ за этотъ періодъ никакого прогресса. Изъ этого ясно, что умственное развитіе народа нисколько не поднимаетъ его матеріальнаго благосостоянія. Между тѣмъ, какъ изъ постоянно повторяющихся историческихъ опытовъ видно, что экономическое улучшеніе ведетъ за собою образованность. Слѣдовательно отсюда прямо выходитъ то положеніе, съ котораго мы начали, т. е. всѣ заботы объ образованіи народа совершенно излишни. Народъ самъ сдѣлается образованнымъ, когда сдѣлается матеріально обезпеченнымъ, и поэтому вся дѣятельность общественной власти должна состоять въ стремленіи къ улучшенію матеріальнаго быта народа, который далеко не процвѣтаетъ, какъ мы видимъ изъ приведенныхъ нами фактовъ о положеніи дѣлъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ и о тѣхъ крайностяхъ, до которыхъ достигъ нашъ экономическій безпорядокъ. Регламентація же такого дѣла, какъ народное образованіе, никогда не можетъ привести къ хорошимъ результатамъ. Народное образованіе должно предоставить самому себѣ, и чѣмъ меньше надъ нимъ контроля, тѣмъ оно пойдетъ успѣшнѣе, и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе будетъ сдѣлано улучшеній въ матеріальномъ быту народа. Безъ этого же намъ долго придется высиживать какихъ-нибудь путныхъ результатовъ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Нашествіе нигилистовъ на русскую землю.—Свистуны на табачной фабрикѣ М. М. Достоевскаго.—Новый романъ, обидѣвшій публику.—Общество литературнаго фонда и его дѣла.—Канцелярская филантропія.—Члены благотворительнаго комитета не благотворящіе во время «лѣтняго сезана».—Могутъ ли люди болѣть и умирать лѣтомъ?—Московское общество любителей россійской словесности и его засѣданія.—Плачъ о старыхъ людяхъ.—Слово объ «отцахъ и дѣтяхъ» М. Лонгинова.—Философскія лекціи профессора Юркевича въ Москвѣ.—Исторія анонимнаго письма и острота московскаго философа.—«Старые знакомые» шутка-водевиль въ стихахъ.—Петербургскія новости.—Литературные вечера.—Промышленность новаго рода.—Проектъ чрезвычайнаго литературно-музыкальнаго вечера.

Съ легкой руки автора «Отцовъ и дѣтей» названіе: «нигилистъ« сдѣлалось у насъ общеупотребительнымъ и извѣстнымъ. Слово было найдено и извѣстная часть людей молодого поколѣнія рѣзкою чертой отдѣлилось отъ цѣлой массы россійскихъ гражданъ. Слово было найдено и сдѣлалась кличкой, не совсѣмъ любезной. Нигилисты,—какъ будто они только на дняхъ родились,—всюду были встрѣчены ропотомъ недовольства и горькаго порицанія. Противъ нихъ начались единодушныя демонстраціи и въ гайдъ-паркѣ «Русскаго Вѣстника» и въ редакціи «Времени» и въ разныхъ темныхъ газеткахъ, имена которыхъ мало кому извѣстны. Голубые, усердные журналисты принимали всѣ средства къ ихъ поголовному уничтоженію, а нигилистамъ и горя мало. Они не только сами предаются дѣлу своего

окаяннаго отрицанія, но еще многихъ почтенныхъ старцевъ съ пути истины сбиваютъ. Вотъ, чего былъ скромный человѣкъ г. Очкинъ, когда трудился вмѣстѣ съ А. А. Краевскимъ, да и тотъ, какъ сошелся съ нигилистами, такъ самъ нигилистомъ и сдѣлался. Говорятъ, теперь онъ опомнился,—ну, и слава Богу!..

Нашествіе нигилистовъ, въ самомъ дѣлѣ, было обидно. Чего только они не натворили, чего только не подняли на смѣхъ. Вчерашняя мысль, казавшаяся хорошей и либеральной, новое учрежденіе, крѣпкій авторитетъ, не тронутая репутація — все это было сильно ими заподозрѣно, разшатано и признано несостоятельнымъ. Чистыя души возмутились, взволновались; чистыя души не знали что имъ дѣлать, что имъ думать. Нигилисты ничего для нихъ не пощадили. Тургеневъ, этотъ Дажбогъ русской литературы, обличенъ ими въ обскурантизмѣ; запуганные поэты - лирики перестали писать стихи и только одинъ храбрый партизанъ г. Ф. Бергъ за всѣхъ поетъ о зайчикахъ, да о птичкахъ перелетныхъ. Нигилисты даже добрались до табачной фабрики и папиросъ съ сюрпризами М. М. Достоевскаго, добрались именно потому, что нашли солидарность между его папироснымъ заведеніемъ и фабрикаціею статеекъ журнала «Времени.» М. М. Достоевскій пришелъ отъ этого въ благородное негодованіе, прикинулся жертвой, но... фабрику все-таки продалъ, объявивъ объ этомъ своимъ подписчикамъ. Кто же, какъ не эти крикуны - нигилисты принудили его въ учено-литературномъ органѣ сдѣлать такую табачную повѣстку? Пойдемъ далѣе. Наша русская публика уже съ давнихъ поръ до самаго февраля мѣсяца текущаго года воображала съ чувствомъ затаенной гордости, что она въ самомъ дѣлѣ *публика*, что у нея есть свое собственное *я*, свой взглядъ на вещи, свое мнѣніе. Въ такомъ убѣжденіи ей долго никто не противорѣчилъ. Къ ней обращались всегда съ эпитетомъ «почтеннѣйшая,» «любезная», на ея справедливый судъ сносилось множество дѣлъ, протестовъ, обличеній... Публика чувствовала свою силу и умилялась духомъ. Вдругъ является новый романъ, который относится къ этой публикѣ весьма презрительно, доказываетъ, что она ничего не понимаетъ, что она ничѣмъ не заслужила уваженія и симпатіи. Публика обидѣлась, жестоко этимъ обидѣлась, начала громко жаловаться на такое оскорбленіе, и потомъ съ досады стала бранить ненавистный романъ. Только и слышишь теперь вездѣ: «помилуйте, *слогу* никакого нѣтъ, совсѣмъ слогу нѣтъ... писать не умѣетъ... языкъ тяжелый.

Таково разъѣдающее дѣйствіе современнаго нигилизма.

Самъ я, какъ ни уважаю нигилистовъ, но при своемъ уживчивомъ и мирномъ характерѣ, не рѣдко тоже волнуюсь и оскорбляюсь за ихъ безпощадную иронію и преслѣдованіе многихъ вещей, съ которыми еще можно кое-какъ ужиться. Другіе уживаются же, а вотъ они—не хотятъ.

Изъ множества ихъ нападковъ, укажу на одинъ, противъ котораго и я хочу вооружиться. Всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что въ Петербургѣ существуетъ одно весьма полезное учрежденіе, а именно «общество для пособія нуждающихся ученыхъ и литераторовъ». Какъ видите, цѣль общества—филантропическая, и его члены—филантропы. Такое благотворительное общество уже хорошо по самой своей задачѣ, потому что участь литератора или ученаго у насъ очень рѣдко обезпечена, и потому литературный фондъ есть единственная для нихъ опора. Общество литературнаго фонда существуетъ у насъ уже три года и, сколько можно судить по его «отчетамъ», время отъ времени появляющимся въ газетахъ, существуетъ благополучно, т. е. въ немъ бываютъ засѣданія, разсужденія, въ общество поступаютъ пожертвова ія и взносы и оно, по мѣрѣ надобности, оказываетъ вспомоществованія многимъ лицамъ, нуждающимся въ помощи. Какъ видите, все какъ слѣдуетъ.

— Совсѣмъ не такъ какъ слѣдуетъ, возражаютъ нигилисты и указываютъ на нѣкоторые случаи, гдѣ филантропическое общество, зараженное бюрократическимъ канцеляризмомъ и небрежностью, не торопилось или не хотѣло *во время* оказать помощь больнымъ и бѣднымъ писателямъ.

Вотъ тутъ то со стороны нигилистовъ и большая ошибка. Отъ канцелярской филантропіи они требуютъ того, чего она не можетъ имъ дать, — требуютъ какой-то юношеской теплоты и гуманнаго молодого увлеченія. Тутъ не нужно забывать, что это филантропическое общество заключило себя въ условныя рамки канцелярскаго устава и правилъ, что оно имѣетъ свой «комитетъ», имѣетъ «засѣданія», въ главѣ котораго всегда находится «президентъ» или «предсѣдатель». При такой организаціи общества, оно незамѣтно подчиняется «порядку», и теряетъ характеръ частныхъ, неофиціальныхъ собраній. Тамъ сбираются люди толковать о дѣлѣ и даже говорятъ *дѣловымъ* языкомъ. Канцелярскими привычками и формализмомъ мы всѣ заражаемся скоро, и любимъ при первомъ же

удобномъ случаѣ смотрѣть не простыми смертными. но «директорами» и «предсѣдателями». Разумѣется, при такомъ характерѣ общества, отъ него нельзя ждать юношескихъ увлеченій; не нужно забывать, что общество состоитъ не просто изъ людей, но изъ *«членовъ комитета»*, слѣдовательно особъ солидныхъ, не увлекающихся, не просто соболѣзнующихъ горю ближняго. но принимающихъ его, по должности, къ *свѣдѣнію и руководству*. Одно слово—комитетъ, гдѣ всякій дожидается *доклада*, *звонка* и открытія *засѣданія*.

Нигилистовъ особенно возмутилъ одинъ случай. Нѣкто молодой, начинающій писатель, прошедшимъ лѣтомъ сильно заболѣлъ, и бывши въ крайней нуждѣ, не имѣлъ никакихъ средствъ для своего леченія. Его знакомые отправились хлопотать о пособіи для него въ литературномъ фондѣ. Оказывается, что комитетъ общества, на основаніи своего устава, какъ театральныя представленія, *закрывается на весь лѣтній сезонъ*. Стали искать президента общества—онъ уѣхалъ за границу; бросились къ его намѣстнику, тотъ тоже куда-то уѣхалъ. Когда кое-кого изъ комитетскихъ отыскали, пока судили, да рядили, больной подождалъ подождалъ, да и умеръ. Комитетскія деньги—50 р., присланныя ему, пригодились ужь только къ похоронамъ бѣднаго юноши.

Фактъ дѣйствительно печальный, грустный, но кто же виноватъ тутъ, милостивые государи? Неужели комитетъ?

— Разумѣется комитетъ, говорятъ нигилисты. На какомъ же основаніи *«комитетъ въ цѣломъ составѣ своемъ выѣзжаетъ изъ Петербурга на весь лѣтній сезонъ»?*

На какомъ основаніи? На это можно сдѣлать нѣсколько возраженій. Начну хоть съ того, что члены комитета, какъ филантропы въ душѣ должны непремѣнно любить природу, должны непремѣнно желать отдохнуть на ея лонѣ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Какой филантропъ не увлечется красами природы, майскими соловьями, іюнскимъ солнцемъ и іюльскими ягодами со сливками, и для нихъ не позабудетъ «входящихъ дѣлъ» и «докладовъ» своего комитета? Воздухъ тянетъ за городъ, зной толкаетъ въ купальню, ясное небо располагаетъ къ лѣни и самосозерцанію. Гдѣ же тутъ заниматься *службой*, и думать о всѣхъ нуждающихся больныхъ, голодныхъ бѣднякахъ, живущихъ гдѣ-нибудь въ городѣ, на Петербургской сторонѣ, въ какомъ-нибудь темномъ и сыромъ подвалѣ. Кромѣ того, могутъ ли почтенные члены комитета предполагать, что лѣтомъ, когда вся при-

рода ликуетъ, когда каждая травка и цвѣтокъ ожидаютъ фетовскихъ пѣсень, когда суровая душа самого Розенгейма размягчается, могутъ ли они предполагать, что найдется какой-нибудь чудакъ, которому придетъ фантазія заболѣть и, даже — умереть въ такое время. Въ природѣ все оживаетъ, а тутъ вдругъ человѣкъ жить не хочетъ!— безъ сомнѣнія странно. Вообще, можно смѣло думать, что комитетъ потому только лѣтомъ и прекращаетъ свою благотворительность, что предполагаетъ, что въ эти мѣсяцы нѣтъ нуждающихся, нѣтъ бѣдныхъ, нѣтъ больныхъ... Разумѣется, это ошибка, но ошибка благородная, филантропическая, которую нельзя казнить съ безпощадностью нигилистовъ. Любовь къ красотамъ природы—такое почтенное чувство, что имъ можно оправдать многое. И такъ, пускай—

Съ сентября до января,
Съ января до мая,
Вкругъ пособія даря,
Слезы унимая,
Филантроповъ нашихъ цвѣтъ
Въ полномъ сборѣ будетъ,
И являясь въ комитетъ
Споритъ, рядитъ, судитъ,
Но когда весна придетъ
Съ зеленью, съ укропомъ,
Ужь тогда не до заботъ
Нашимъ филантропамъ,
Президентъ имъ въ эти дни
Больше не указчикъ,
И спѣшатъ сложить они
Дѣло въ долгій ящикъ,
Вонъ изъ города бѣгутъ
Цѣлымъ комитетомъ;
Бѣдняки же?... проживутъ
И безъ денегъ лѣтомъ.
Что жъ? хоть ближнимъ помогать
Имъ по сердцу тоже,
Но для нихъ природа-мать
Ближняго дороже.

Вездѣ нигилисты, всюду нигилисты!...

Неужели же нѣтъ ни одного уголка на матушкѣ-Руси, гдѣ бъ было можно нашимъ «отцамъ» отдохнуть, расплыться, почитать на

свободѣ «Кавказскаго плѣнника», или поиграть на віолончели, какъ старикъ Кирсановъ? Неужели нѣтъ такого уединеннаго уголка, куда бы не проникъ ни одинъ нигилистъ съ своимъ циническимъ хохотомъ и грубою насмѣшкою? Осмотримся кругомъ. Въ Петербургѣ такого уголка намъ и искать нечего, напрасный трудъ. Въ Петербургѣ благонамѣренный редакторъ себѣ и сотрудника по душѣ не найдетъ—свистуны, да нигилисты кругомъ. Лучшій примѣръ тому М. М. Достоевскій съ своимъ «Временемъ.» Кто имѣлъ терпѣніе читать его объявленіе на 1863 годъ, тотъ вѣроятно помнитъ, сколько пѣтушинаго задору въ немъ было, какихъ «жалкихъ словъ» не наговорено тамъ: намъ, де-скать, наши убѣжденія дорого достались, не то что вамъ; мы огонь и воду прошли, а вы только одинъ кукельванъ пережили. Посмотрите какихъ мы чудесъ натворимъ въ русской литературѣ». Вотъ мы и ждемъ этихъ чудесъ. Что же? пріунылъ Михаилъ Михайловичъ; нѣтъ кругомъ сподвижниковъ, кромѣ Фукса, да Аполлона Григорьева. Думала редакція «Времени» думу крѣпкую, да и рѣшилась наконецъ поживиться насчетъ М. П. Погодина и его забытаго журналика.

— Не перепечатывать ли намъ понемножку ваши старыя статейки изъ Москвитянина? спрашиваетъ редакторъ А. Григорьева.

— Можно! утверждаетъ сотрудникъ. Листки изъ Москвитянина поступаютъ въ типографію.

Что же публика? спросите вы. А какъ она узнаетъ объ этомъ: вѣдь статей А. Григорьева никто и не разрѣзываетъ никогда; каждый посмотритъ на заглавіе и на подпись, да и перевернетъ скорѣе страницу, испугавшись одной мысли читать эти безсвязныя, туманныя бредни.

Но объ этомъ послѣ когда нибудь. Дѣло, какъ видите, въ томъ, что въ Петербургѣ плохое житье всякимъ добродѣтельнымъ и чувствительнымъ сердцамъ. Есть для нихъ только одинъ пріютъ и именно въ Москвѣ, въ четырехъ стѣнахъ древняго скита, носящаго названіе «Московскаго общества любителей россійской словесности.» Существуя въ Москвѣ *пятьдесятъ два года*, это общество было единственнымъ уголкомъ, гдѣ сбирались старые московскіе литераторы и въ этомъ «хранилищѣ чистоты отечественнаго языка» проливали свои слезы надъ чувствительными произведеніями карамзиновской эпохи. Каждый членъ общества обязанъ былъ, хоть одинъ разъ въ годъ, представить въ него одно сочиненіе въ прозѣ или стихахъ,

по возможности удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ грамматики, риторики, піитики, логики и критики. Мірскія волненія не заносились въ это тихое пристанище изящныхъ музъ, и оно до позднихъ дней сохранило на себѣ свой прежній характеръ и свой прежній уставъ, запрещавшій *«для отвращенія неудобства и непріятностей, всякіе разговоры о дѣлахъ постороннихъ, а и того болѣе жаркіе споры, колкія слова и насмѣшки.»*

Къ общему ужасу и огорченію многихъ любителей россійской словесности въ продолженіе всей зимы въ этомъ обществѣ не было ни одного засѣданія. Гдѣ-то даже было напечатано, что М. П. Погодинъ и И. С. Аксаковъ думалъ отказаться отъ председательства, а М. Лонгиновъ — отъ секретарства. Но пришла весна — и общество открыло свои засѣданія, на которыхъ къ старому элементу—романтическому—примѣшался новый общественный элементъ. Его члены заговорили о политическихъ и общественныхъ дѣлахъ, а для смягченія сердецъ читались стихотворенія Ѳ. Н. Глинки и М. А. Дмитріева, петербургскій изящный стихотворецъ Майковъ декламировалъ свою новую поэму. На первомъ изъ этихъ засѣданій (3-го марта) М. Н. Лонгиновъ прочелъ похвальное слово старому времени, когда были «крѣпкіе люди мысли и дѣла», къ которымъ онъ причисляетъ только Багратіона, Ермолова, Мордвинова, Жуковскаго, Карамзина, Хомякова и С. Аксакова. Затѣмъ онъ обратился къ нашему времени и слезно жаловался на современныхъ нигилистовъ и на ихъ размноженіе, обзывая ихъ всякими, старости приличными, названіями. Такъ старая дѣва, восьмидесятилѣтняя дѣвственница, у которой сердце обратилось въ засушенную рѣпу, смотритъ на молодыхъ, полныхъ жизни и силъ женщинъ...

Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ, ужь Богъ ее проститъ.

А сколько на свѣтѣ есть старыхъ дѣвъ мужского пола!... Но возвратимся опять въ Москву и съ засѣданій общества любителей россійской словесности перенесемся въ многолюдную залу съ ученой каѳедрой, съ которой г. Юркевичъ обучаетъ философіи московскую публику и воспитываетъ въ ней отвращеніе къ зловредному ученію западныхъ матеріалистовъ.

Какъ намѣстникъ покойнаго Корѣйши, какъ сотрудникъ безпокойнаго Аскоченскаго, какъ авторъ «энергическихъ мотивовъ жизни» г. Юркевичъ уже стяжалъ себѣ славу и извѣстность, равняющуюся из-

вѣстности маэстро Лазарева въ музыкальномъ мірѣ. Но этой извѣстности ему показалось мало; ему вздумалось, безъ помощи эндорской волшебницы вызвать къ себѣ тѣнь Бюхнера и предъ лицомъ московской публики съ ея современными Фамусовыми, Загорѣцкими и Молчалиными, показать несостоятельность философіи нѣмецкаго философа. Вооружась пріемами полковника Скалозуба, который говорилъ:

я вамъ
Фельдфебеля въ Вольтерѣ далъ
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикните, такъ мигомъ успокоитъ.

московскій ученый ограничился только однѣми бездоказательными выходками противъ Бюхнера. И вотъ наступила его публичная лекція 9-го марта, кончившаяся не совсѣмъ обыкновенно.

Зала была почти полна. Профессоръ Юркевичъ всходитъ на каѳедру и объявляетъ слушателямъ, что, думая читать этотъ разъ о чувствахъ, онъ не можетъ этого исполнить потому, что онъ получилъ по поводу своихъ лекцій *нѣсколько* (оказывается послѣ, что всего только *одно* письмо) анонимныхъ писемъ, которыя не можетъ оставить безъ отвѣта.

Публика ждетъ, что будетъ. Запахло скандаломъ.

— Позвольте мнѣ прочесть отрывокъ изъ полученнаго письма, говоритъ профессоръ, вынимаетъ письмо изъ кармана и начинаетъ читать. Изъ этого отрывка публика узнаетъ, что писавшій письмо не доволенъ слабыми доказательствами ученаго противъ матеріализма, потому что циническіе выходки противъ Бюхнера не составляютъ еще ученаго опроверженія. Затѣмъ, авторъ письма указывая на то, что лекціи г. Юркевича вмѣсто прежнихъ горячихъ рукоплесканій, стали возбуждать ропотъ и шиканье, предупреждаетъ его, что этотъ ропотъ въ публикѣ можетъ дойдти до свистковъ, если онъ будетъ вмѣсто доказательствъ прибѣгать къ одной голословной брани.

Это *анонимное* письмо, которое авторъ (г. А. Роговъ) вовсе не желая скрывать себя, напечаталъ въ одной изъ газетъ, было возведено г. Юркевичемъ и его защитникомъ г. Лонгиновымъ (опять г. Лонгиновъ!) на степень *подметнаго* письма, возбудило въ нихъ обоихъ ужасное негодованіе и довело г. Юркевича до выходки, совсѣмъ не философской.

Вотъ что пишетъ одинъ изъ присутствующихъ на этой лекціи:

«Кончивъ чтеніе этого письма, профессоръ объявилъ, что онъ находитъ въ немъ очень *основательныя возраженія* (философская иронія!), а потому обязанностью считаетъ повторить сказанное прежде въ опроверженіе матеріализма и разъяснить то, что не удовлетворяло автора анонимнаго письма. *Затѣмъ, свернулъ читанное имъ письмо — и кладя его въ карманъ, онъ съ улыбкою прибавилъ, обращаясь къ публикѣ: «а изъ этого письма я въ правѣ сдѣлать такое употребленіе, какое найду пригоднымъ».* И эта грязная плоскость, сказанная въ присутствіи почти полной аудиторіи, въ которой находилось болѣе $^1/_2$ (не менѣе 80) дамъ и дѣвицъ, къ удивленію нашему получила одобреніе: посылать аплодисменты со всѣхъ сторонъ и увы! не можемъ скрыть, что въ числѣ аплодировавшихъ самымъ усерднымъ образомъ мы видѣли даже редактора одной изъ почтенныхъ московскихъ газетъ». (Очерки № 76).

Не правда ли, странный этотъ городъ — Москва. Открываетъ она у себя *философскія лекціи*, а на дѣлѣ выходитъ, что это какія-то представленія фокусовъ à la Боско или Германа, гдѣ ученый мужъ выкидываетъ разныя балаганныя штучки. Вѣдь послѣ такой неприличной выходки можно ожидать, что этотъ московскій Пьеро, для потѣхи публики, будетъ разливать вино изъ неисчерпаемой бутылки или стрѣлять изъ пистолета живыми воробьями.

О, москвичи, москвичи! И этого вы скоро дождетесь.

Положивъ письмо въ карманъ, г. Юркевичъ, чтобъ показать, что его «нраву препятствовать никто не можетъ» и что онъ воленъ какъ ему угодно ругать нѣмецкаго философа, поспѣшилъ публично назвать Бюхнера—*глупымъ человѣкомъ*.

Вотъ вамъ и выстрѣлъ живыми воробьями!

И все это слушалось, всему этому аплодировали сотни рукъ различныхъ охотниковъ до россійскихъ плоскостей и фокусовъ! Кто жъ усомнится теперь, что въ Москвѣ по сю пору существуютъ ея Фамусовы, Загорѣцкіе и Тугоуховскіе. Въ подтвержденіе этого позвольте привести вамъ сцену, списанную съ натуры, и не мною (мнѣ вы, пожалуй, не повѣрите)—а однимъ членомъ общества любителей россійской словесности. Ему вѣдь можно повѣрить на слово.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ,

или

Лекція философіи въ Москвѣ.

Шутка-водевиль въ одной сценѣ.

Большая, освѣщенная зала; нѣсколько рядовъ стульевъ и креселъ. На возвышеніи стоитъ кафедра. Въ залѣ сбирается публика).

ЯВЛЕНІЕ 1.

Платонъ Михайловичъ и Наталья Дмитріевна Горичевы.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Платоша, душечка! не будь такой тюфякъ,
Иди же поскорѣй, боюсь, что опоздали.
Дружечекъ, слышишь ли...

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

А что, хотя бъ и такъ:
Ну, опоздали бы — не много потеряли.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Mon uied, mon uied! какъ ты во всемъ отсталъ!
За вѣкомъ не слѣдишь, журналовъ не бралъ въ руки
И дѣла нѣтъ тебѣ до выводовъ науки.

ПЛАТОНЪ МИХАЛЫЧЪ.

Ахъ, матушка! Ей-Богу я усталъ
Съ тобой на лекціи таскаться, да на чтепья..
За пищей—видишь ты—для сердца и ума.
Да что таить! вѣдь къ лекціямъ сама
Большое ты питаешь отвращенье;
Сидишь, хоть слушаешь, а не поймешь двухъ словъ,
А ѣздишь... ну, затѣмъ, что нынче тонъ таковъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Несносный! замолчи... представь, услышатъ если...

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Молчу, молчу, пойдемъ дремать на креслѣ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же и Загорѣцкій.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Наталья Дмитріевна, Платонъ Михайлычъ, васъ
На этихъ лекціяхъ я вижу каждый разъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Двеженіемъ научныхъ всѣхъ вопросовъ
Интересуюсь я...

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Вы женщина-философъ;
Я занятъ самъ теперь, тружусь, что просто страхъ:
Кантъ, Фихте, Молешотъ и Фейербахъ—
Всѣхъ изучилъ—и вижу—небылица;
Такъ, все поверхностно, верхушекъ набрались
И—вѣрите ль—изъ нихъ мнѣ по сердцу пришлись
Лишь Страховъ, да Косица.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

А вы не знаете, о чемъ сегодня намъ
Читать профессоръ будетъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Дамъ
Натальѣ Дмитревнѣ отвѣтъ весьма подробный
Предметъ для лекціи онъ выбралъ безподобный.
И постарается публично доказать,
Какъ дважды два — четыре, а не пять,
Что человѣкъ, въ которомъ мозгу нѣту
Быть можетъ мудрецомъ съ громаднѣйшимъ умомъ.
Представте же: мысль ту же, мысль вотъ эту
Имѣлъ я самъ,—клянусь вамъ честью въ томъ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

И клятва не нужна. Ты служишь самъ примѣромъ:
Живешь весь вѣкъ безъ мозгу въ головѣ,
А умникомъ слывешь и «ловкимъ кавалеромъ»
Для всѣхъ старухъ на матушкѣ Москвѣ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

По прежнему—чудакъ, а въ сердцѣ добрый малый.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Старуха Хлестова.

Куда же тутъ идти? Шумъ, давка, толкотня.
Антонъ Антонычъ! а! ты человѣкъ бывалый,
Голубчикъ! хоть бы ты здѣсь проводилъ меня.
Мой нумерокъ, вотъ видишь, сорокъ пятый...

(*Отдаетъ ему билетъ*).

Дай на тебя немножко обопрусь,
Устала я, да ревматизмъ проклятый.

Загорѣцкій (*беретъ Хлестову подъ руку*)

Позвольте; усадить на мѣсто васъ берусь,
И проведу назадъ, какъ опытный вожатый.

Хлестова.

Ужь я раскаялась, что забралась сюда,
Народъ теперь сталъ дерзокъ и нахаленъ...
Нѣтъ, не поѣхала бъ,—да вотъ, вчера, Молчалинъ,
Привезъ билетикъ мнѣ,—услужливъ онъ всегда, —
Да разсказалъ, что здѣсь мудрецъ—ума палата,
Всей молодежи-то, ну, какъ ихъ тамъ зовутъ...
Ну, нигилистамъ-то задумалъ дать капутъ,—
Не выдержала я и приплелась съ Арбата.
Ужь, думаю, пускай, устану, расклеюсь,
Но ужь послушаю, какъ распекутъ мальчишекъ,
А послѣ вечеркомъ съ сосѣдомъ посмѣюсь,—
Мнѣ Лонгиновъ—сосѣдъ, охотникъ до картишекъ,
Заходитъ иногда сыграть со мной въ пикетъ.

Загорѣцкій.

Вотъ ваше кресло здѣсь...

Хлестова.

Благодарю, мой свѣтъ.
Теперь ступай, спасибо за услугу,
А вечеръ кончится,—опять меня сведи,
Да отыщи, родной, въ сѣняхъ мою прислугу.

(*Загорѣцкій отходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Князь Тугоуховскій и княгиня съ 6-ю дочерями.

Княгиня.

Князь, князь, постой! сюда, сюда иди,

Князь.

Огмъ!..

Княгиня.

Охъ, этотъ князь, впалъ просто въ возрастъ дѣтскій.
Что бъ дома посидѣть! Нѣтъ, тоже прискакалъ.

Загорѣцкій.

Княгиня и княжны! Сто лѣтъ васъ не видалъ.

Княжны хоромъ.

Антонъ Антонычъ Загорѣцкій!..

1-я княжна.

Антонъ Антонычъ, намъ должны вы разсказать
Что будетъ вечеромъ?

2-я княжна.

Кто будетъ здѣсь читать?

Загорѣцкій.

Юркевичъ—педагогъ, философъ и писатель.
Извѣстный всѣмъ...

4-я княжна.

А вы знакомы съ нимъ?

Загорѣцкій.

Съ Юркевичемъ, mesdames? Онъ лучшій мой пріятель
И въ домѣ у меня считается своимъ.

5-я княжна.

Скажите—онъ брюнетъ?

6-я княжна.

Онъ холостъ?

2-я княжна.

Онъ военный?

3-я княжна.

Хорошъ собой?

4-я княжна.

Богатъ?

1-я княжна.

Онъ молодъ или нѣтъ?

Загорѣцкій.

Я вамъ, mesdames, одно скажу въ отвѣтъ:
Онъ выше похвалы обыкновенной.
Однажды въ Кіевѣ, я помню, сорокъ дамъ
Плѣнившись имъ, всѣ съ горя утопились.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Фамусовъ.

Фамусовъ.

О чемъ онъ тутъ разсказываетъ вамъ?

Загорецкій.

О философіи мы толковать пустились.
Я нахожу, что Бюхнеръ....

(*смотритъ въ потолокъ*)

Фамусовъ.

Просто глупъ.
Отлично говоритъ полковникъ Скалозубъ,
Что всѣхъ философовъ, витійствующихъ нынѣ
Не худо бъ пріучить немножко къ дисциплинѣ.
А вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же и Скалозубъ.

Загорѣцкій (*раскланиваясь*)

Вы лёгки на поминѣ.

Скалозубъ.

Зато, вотъ на руку всегда я былъ тяжолъ.

Случилось мнѣ въ полку ударить вѣстового,
Онъ слегъ въ постель, тамъ въ госпиталь пошелъ
И на всегда оглохъ, вотъ честное вамъ слово.

Раздается звонокъ. Всѣ садятся по мѣстамъ. На кафедрѣ появился профессоръ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Профессоръ (*сказавъ нѣсколько предварительныхъ словъ и прочтя передъ публикой анонимное письмо*)

Мнѣ, господа, теперь осталось
Здѣсь повторить опять для васъ,
Все то, что мною развивалось
На лекціи, въ послѣдній разъ.
А вотъ съ посьмомъ гдѣ такъ грозится
Мой неизвѣстный анонимъ -
Защитникъ Бюхнера...
(*Съ улыбкой*)
то съ нимъ
Я знаю, какъ распорядиться...
(*Прячетъ письмо въ карманъ*)
(*Единодушный хохотъ публики, апплодисменты*)

Скалозубъ (*хлопая*)

Браввисимо! ура! ударилъ пулей въ лобъ!
Профессоръ — молодецъ, изъ храбраго десятка

Фамусовъ (*хлопая*)

Я со смѣху умру... Ну, услужилъ по гробъ...
Я буду хохотать до нервнаго припадка.
(*хохочетъ*)

Загорѣцкій.

Преострый человѣкъ! я помню, въ школѣ насъ
Съ Аскоченскимъ вдвоемъ — прелюбопытно было —
Онъ со смѣху морилъ....

Хлестова (*обращаясь къ сосѣду*)
Спросить позвольте васъ
О чемъ онъ толковалъ? Мнѣ уши заложило,
Вишь, публика-то какъ кругомъ заголосила.

РЕДАКТОРЪ ПОЧТЕННОЙ МОСКОВСКОЙ ГАЗЕТЫ
(*аплодируя*)

Отщелкалъ свистуновъ.

ХЛЕСТОВА.

Ну, имъ и подѣломъ.
Есть внучекъ у меня, изъ новыхъ, изъ студентовъ,
Свистунъ отъявленный—Владиміръ Монументовъ
Въ родню не вѣруетъ: на смѣхъ поднялъ мой домъ
Меня совсѣмъ не чтитъ и не подходитъ къ ручкѣ
Да разные стихи читать приходитъ внучкѣ.
Нѣтъ, пусть онъ свистуновъ покрѣпче разбранитъ —
Прекрасный человѣкъ, дай Богъ ему здоровья,
Онъ сердце старое невольно молодитъ...
Ахъ, жаль, что не со мной теперь сестра Прасковья.

(Профессоръ продолжаетъ читать лекцію. Первые ряды слушаютъ, въ остальныхъ идетъ тихій говоръ. Тамъ только иногда прислушиваются къ словамъ профессора.)

Голосъ профессора.

За тѣмъ, скажу я наконецъ,
Что этотъ Бюхнеръ пресловутый
Есть только дикій и надутый
Недоучившійся глупецъ.

(*взрывъ рукоплесканій*)

Лекція оканчивается. Стулья гремятъ и въ залѣ начинается движеніе.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Наташа, матушка—теперь пора до дому,
Отъ этой чепухи, отъ этого содома
Весь вечеръ у меня трещала голова.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Платоша-не кричи, (*тихо*) Вѣдь я сама едва
Не задремала здѣсь—хоть совѣстно признаться...

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

А кто неволитъ насъ по лекціямъ таскаться?
Поѣдемъ-ка скорѣй.

(*уходятъ*)

Фамусовъ, Лонгиновъ и Скалозубъ.

ФАМУСОВЪ (*Лонгинову*)

Согласенъ съ вами я:
Ученье Бюхнера—одна галиматья.
Сергѣй Сергѣичъ вотъ такихъ же точно мнѣній.

Скалозубъ.

Не очень я люблю ученыхъ разсужденій.
Лишь ихъ послушаешь—и станешь нездоровъ,
Но вотъ чему дивлюсь: ученый есть Лавровъ,
Военный, говорятъ,—и какъ досель нѣтъ жалобъ:
Вѣдь философія къ мундиру не пристала бъ.

(*уходятъ*)

Хлестова (*опираясь на руку Загорѣцкаго*)

Отецъ мой, ты сказалъ, что каждый нигилистъ....

Загорѣцкій.

Пьянчужка, мотъ, картежникъ, забулдыга
И на руку, случается, не чистъ,—
О нихъ написана особенная книга,
Тургеневъ сочинилъ...

Хлестова.

Слыхала я, да, да, —
Вотъ нужно бы прочесть, принесъ бы ты когда.
Сыщи жъ Петрушку мнѣ—я подожду покуда.

(*Загорѣцкій уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ 8.

Хлестова и Репетиловъ.

Хлестова.

Кого я вижу здѣсь? Ты? мой родной, откуда?
Зачѣмъ пожаловалъ къ разъѣзду въ поздній часъ?
Вѣдь не мѣшало бы отвыкнуть отъ проказъ.

Репетиловъ.

Анфиса Ниловна! голубушка! Сонъ въ руку!
Пускай я враль, пусть всѣ не вѣрятъ мнѣ,
Но нынче въ ночь я видѣлъ васъ во снѣ:
Въ томъ голову свою готовъ отдать въ поруку.

Хлестова.

Зачѣмъ же къ ночи-то сюда ты прикатилъ?

Репетиловъ.

Анфиса Ниловна, на фокусы спѣшилъ...

Хлестова.

Да ты въ своемъ умѣ находишься едва ли;
Вѣдь здѣсь не фокусы, здѣсь лекцію читали,
Гдѣ нигилисты всѣ глупцами назвались.
Прощай же, батюшка; пора: перебѣсись.

(*Уходитъ*).

Репетиловъ. (*одинъ*)

Такъ стало быть я здѣсь не нуженъ.
Куда жъ теперь на этотъ разъ:
Къ Каткову ѣхать мнѣ на ужинъ?
Иль ужъ отправиться въ танцклассъ?

(*стоитъ въ раздумьи*)

(*Занавѣсъ опускается*).

Что новаго у насъ въ Петербургѣ? Провинціальные читатели, я думаю, воображаютъ, что у насъ новости общія, всѣмъ интересныя новости, какъ трава въ полѣ, растутъ—только ходи, да пощипывай. Печальная ошибка! Петербугскія газеты даже фельетоновъ намъ не даютъ, потому что новостей мало, а если и есть, то въ родѣ извѣстій о компаніи общественныхъ экипажей или открытія новаго ресторана или новой лотереи. Куда какъ весело! Москвичи на этотъ разъ счастливѣе насъ; у нихъ новостей тоже никакихъ нѣтъ, но зато у нихъ есть фантазія, да еще какая фантазія!.. Коли нѣтъ для нихъ въ дѣйствительности новостей, то они ихъ сочинятъ, выдумаютъ, да и пустятъ гулять по городу. Такая новость зайдетъ въ каждый домъ, и изъ каждаго дома выйдетъ обновленная, прикрашенная, и странствуетъ такъ до тѣхъ поръ, пока какой нибудь новый плодъ досужей фантазіи не отодвинетъ ее на заднiй планъ. Практическій петербуржецъ лишенъ такого удовольствія: онъ даже печатнымъ извѣстіямъ плохо вѣритъ, не только устнымъ... Впрочемъ, говорятъ кое о чемъ и у насъ... мало ли о чемъ говорятъ.

Говорятъ, что подписчики журнала «Времени» къ М. М. Достоевскому благодарственный адресъ прислали и даже сюрпризъ какой-то сдѣлали.

Говорятъ, что Чернышевскій писать по русски не умѣетъ, а вотъ у Скавронскаго такъ отличный слогъ...

Говорятъ, что Александринскій театръ будетъ передѣлываться, а его артистовъ заново къ зимѣ перекрасятъ.

Говорятъ, что въ маѣ мѣсяцѣ въ Лѣтнемъ саду г. Юркевичъ въ 2 часа 43 $^{1}/_{2}$ минуты пробѣжитъ 76 верстъ и тѣмъ докажетъ несостоятельность ученія матеріалистовъ.

Говорятъ, что въ Петербургѣ наступила наконецъ весна и эту послѣднюю новость я самъ готовъ подтвердить и поклясться хоть «теткой Подкурятиной». Новость эта неоспорима и только одно молчаніе невскихъ лириковъ приводитъ меня въ немалое смущеніе. Въ прежніе годы, бывало, едва только проглянетъ мартовское солнце, едва только запахнетъ въ воздухѣ жаворонками... печеными изъ тѣста, разумѣется,—какъ цѣлая фаланга поэтовъ на страницахъ весеннихъ журналовъ запоетъ свои вешнія пѣсни, а теперь? — горе и срамъ!—хоть бы кто изъ нихъ заикнулся объ этомъ, не смотря на то, что весна наша на этотъ разъ стоитъ похвалъ и одобренія.

О, нигилисты! это все дѣло рукъ вашихъ.

Поэты-лирики сдѣлались теперь для всѣхъ библіографическою рѣдкостью, поселились въ лѣсахъ, обросли шерстью и потеряли даръ человѣческаго слова.

Нѣкто изъ старыхъ свистуновъ увѣряетъ, что гдѣ-то на Пескахъ поймали недавно одного дикаго поэта и посадили въ клѣтку.

Рѣшительно нашихъ лириковъ нужно показывать публикѣ за деньги. Впрочемъ, что жъ я говорю: вѣдь ихъ и такъ за деньги показываютъ теперь на разныхъ литературныхъ чтеніяхъ. За 2 р. с. вы не только можете увидѣть Майкова, и Полонскаго, но даже имѣете право слушать ихъ чтеніе. Литературные публичные вечера у насъ теперь въ ходу и находится множество любителей, которые ихъ поощряютъ своимъ посѣщеніемъ. Вѣдь много есть людей, которымъ все равно, какъ бы ни убить время—на балу ли, на лекціи ли, за карточнымъ столомъ или на литературномъ вечерѣ. Для составленія публичныхъ литературныхъ чтеній существуютъ даже особые спеціалисты-распорядители, не рѣдко дѣлающіе изъ нихъ маленькую аферу.

Я знаю одного такого господина. Еслибъ меня спросили при случаѣ: чѣмъ занимается этотъ праздношатающійся? то я бы сказалъ: онъ занимается устройствомъ литературныхъ вечеровъ.

Другой профессіи у него повидимому нѣтъ никакой.

Вы идете по Невскому. Вамъ навстрѣчу попадается этотъ артистъ съ самой озабоченной, дѣловой физіономіей. Онъ несомнѣнно подбѣжитъ къ вамъ на улицѣ, если вы знакомы съ нимъ, а вы съ нимъ непремѣнно знакомы.

— Куда вы бѣжите?

— Устроиваю литературный вечеръ въ пользу одного бѣднаго семейства (тутъ бываютъ разные варіанты); хлопотъ по горло. Бѣгу теперь къ писателю N (называетъ фамилію писателя) просить его участвовать въ чтеніи.

— Да вѣдь онъ не будетъ читать; вы знаете это на вѣрно.

— Все равно; только имя свое позволилъ-бы на афишѣ поставить, отвѣчаетъ наивно распорядитель.

И вотъ онъ бѣжитъ, хлопочетъ, выпрашиваетъ залу въ чьемъ нибудь частномъ домѣ, приглашаетъ на чтеніе присяжныхъ чтецовъ, которыхъ у насъ много, которымъ пить-ѣсть не давай, а *авторствовать* пусти на сцену. Билеты понемногу распродаются съ помощію разныхъ усиленныхъ мѣръ и чтеніе наконецъ устроивается.

Изъ любопытства я отправился однажды на одно изъ нашихъ литературныхъ чтеній.

Зала была почти вся полна; публики оказалось много. Началось обычнымъ порядкомъ чтеніе. Публика зѣвала, хлопала, кричала «bis» и кстати и не кстати, и все шло, какъ слѣдуетъ. Въ антрактахъ то здѣсь, то тамъ, въ разныхъ концахъ залы съ занятымъ, но свѣтлымъ праздничнымъ лицомъ появлялся составитиль вечера и какъ стрѣла перелеталъ изъ одного ряда креселъ въ другой.

Кончился вечеръ. При выходѣ онъ снова попадается мнѣ.

— Ну, какъ удался вечеръ?

— Плохо. Сбору мало; чистой прибыли оказалось только двадцать рублей.

— Да какъ же это? Вѣдь почти вся зала была полна.

— Такъ, такъ, но вѣдь большая часть посѣтителей, знакомые, знаете... притомъ же расходовъ очень много...

Я посмотрѣлъ на находчиваго артиста. Странное дѣло! Еще только на этихъ дняхъ онъ попадался мнѣ въ костюмѣ, въ которомъ нѣкогда ходилъ тотъ малютка, который носилъ шлемъ Велизарія. Вспомнилъ я и вытертый сюртукъ его и кусочекъ стараго галстуха на шеѣ, и шляпу съ слѣдами всѣхъ временъ года петербургскаго климата, вспомнилъ и не узналъ его. На немъ была одѣта черная

фрачная пара съ иголочки, великолѣпная булавка, модное бѣлье и бѣлыя перчатки.

Въ это время онъ махнулъ рукой швейцару, и тотъ во всѣ свои могучія легкія крикнулъ съ подъѣзда:

— Карету распорядителя!

Распорядитель съ гордостью оглядывался кругомъ; въ эту минуту онъ готовъ былъ самъ на себя указать пальцемъ и сказать публикѣ: это я—распорядитель, это я самъ, и карету для меня крикнули, ей Богу для меня.

— Не хотите ли—довезу! крикнулъ онъ мнѣ съ подножки кареты.

— Нѣтъ, ужь я лучше въ пользу бѣднаго семейства пѣшкомъ пройду.

Я пошелъ, и ужь больше не удивлялся, почему это *чистой* прибыли послѣ вечера оказалось только двадцать рублей серебромъ. Хотѣлъ бы я лишь знать, сколько же *нечистой*-то прибыли было?..

Заговоривъ о литературныхъ вечерахъ,—я на этотъ разъ закончу свои замѣтки проектомъ одного чрезвычайнаго литературно-музыкальнаго чтенія, проектомъ, который если будетъ исполненъ, то доставитъ огромное удовольствіе публикѣ и долгую славу его исполнителямъ. Составилъ я его совершенно безкорыстно и въ награду прошу только мѣста въ заднихъ рядахъ креселъ.

ПРОЕКТЪ

ЧРЕЗВЫЧАЙНАГО ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНАГО ВЕЧЕРА.

Вечеръ можетъ продолжаться три дня и три ночи.

Программа.

ОТДѢЛЕНІЕ I-е.

1) Послѣдняя сцена изъ романа Пушкина: объясненіе Онѣгина съ Татьяной.

Онѣгинъ. . . . . *г. Дьяченко.*

Татьяна . . . . . . *г. Кори.*

2)	Глава изъ извѣстнаго романа: «Англійскій милордъ Георгъ» и пр. и пр. прочтетъ, нарочно пріѣхавъ для этого изъ Москвы,	*г. Катковъ.*
3)	Стихотвореніе «Испанка и козелъ» (изъ испанскихъ мотивовъ) [1]	*г. Вс. Крестовскій.*
4)	«Смерть Майкова»—фантастическая поэма темнаго человѣка (подраженіе поэмѣ «Смерть Люція»), которая въ скоромъ времени будетъ напечатана или въ «Русскомъ Вѣстникѣ», или въ «Искрѣ»,—прочтетъ . .	*г. Апол. Майковъ.*
5)	Полное собраніе сочиненій Шиллера, въ переводѣ русскихъ поэтовъ, съ примѣчаніями издателя,—прочтетъ. . . .	*г. Гербель.*
6)	Романсъ: «Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали союзъ сердецъ», пропоютъ	*гг. Галаховъ и Филоновъ.*
7)	Похвальное слово М. М. Достоевскому прочтетъ . . .	*г. Ѳ. Достоевскій.*
8)	Похвальное слово Ѳ. М. Достоевскому, прочтетъ . . .	*г. М. Достоевскій.*
10)	Арію изъ новой оперы: «Кто противъ насъ»? (слова Н. В. Кукольника, музыка маэстро Лазарева), исполнятъ . .	*г. Погодинъ и В. Кокоревъ.*
12)	Похоронный маршъ нигили-	

---

[1]) Мнѣ извѣстно только начало этого новаго стихотворенія г. В. Крестовскаго. Вотъ оно:

На всѣхъ мужчинъ въ родной Гренадѣ
Я стала зла,
Ахъ, приведите, Бога ради,
Ко мнѣ козла.

стамъ, на роялѣ въ четыре руки исполнятъ . . . . . *Гг. Скарятинъ и Асkоченскій.*
Романсъ «Времени», [2]) пропоетъ . . . . *г. Косица.*

13) Гарибальди, Мадзини и я—«историческій очеркъ». . . . *г. П. Арсеньевъ.*

14) Пѣсню

«Ахъ зачѣмъ я растался съ Краевскимъ?
Отвести мнѣ души больше не съ кѣмъ.

съ акомпаниментомъ фортопіано исполнитъ . . . . *г. Очкинъ.*

16) Пѣсню г. Розенгейма «Ой, жена, ой, жена!» съ игрою на сорока пяти барабанахъ пропоетъ . . . . . . *Праздношатающійся я.*

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

Стихотвореніе: «я люблю, ты любишь, онъ любитъ» . . *г. Ѳ. Бергъ.*
«Будочникъ-юмористъ» — куплеты изъ «Занозы», пропоетъ . . . . *г. Марковецкій.*
«Время» или возобновленный Москвитянинъ — критическій этюдъ . . . . *г. П. Анненковъ.*

---

[2]) Имя автора этого замѣчательнаго романса,—къ несчастію, неизвѣстно. Онъ напечатанъ въ журналѣ «Время», и не уступаетъ по своей лирической простотѣ лучшимъ поэтическимъ произведеніямъ г. Ѳ. Берга. Весь романсъ этотъ заключается только въ четырехъ слѣдующихъ строкахъ:

Ро, ро, ро, ро, ро, ро,
Молодое перо,
Усь, усь, усь, усь, усь, усь,
Вотъ такъ гусь, вотъ такъ гусь!

И больше ничего. (См. Время 1863 г. кн. 3).

«Сонъ публики» [3]) стихотвореніе . . . . *Хлѣбный свистунъ.*
Путевыя впечатлѣнія отъ Коломны до Гагаринской пристани, составленныя по порученію редакціи С.-Петербургскихъ Вѣдомостей,—прочтетъ. . . . . *г. Н. Бергъ.*
Отрывокъ изъ романа, *Петербургскія язвы* . . . . . *г. В. Крестовскій.*

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е.

Курсъ словесности, написанный гекзаметрами собственнаго издѣлія, прочтетъ . . . *г. Водовозовъ.*

---

[3]) Такъ какъ это стихотвореніе нигдѣ еще не было напечатано, то я познакомлю съ нимъ моихъ читателей.

СОНЪ ПУБЛИКИ.

Долго сна я ждала послѣ шумнаго дня,
Кровь стучала въ виски мнѣ и въ темя,
И томило и жгло темной ночью меня
Объявленьемъ заманчивымъ «Время».

—

Только вдругъ кто-то брякнулъ за дверью кольцомъ...
Чу! шаги за моей занавѣской,
И влетѣлъ ко мнѣ свѣтелъ, какъ мѣсяцъ, лицомъ
Журналистъ Михаилъ Достоевскій.

—

Чудный гость предо мной улыбаясь стоялъ,
Говорилъ онъ, раскрывъ свою тогу:
— «Для тебя, для тебя издаю я журналъ —
Превосходный журнальчикъ, ей-Богу.

—

«Для тебя о кометахъ я поднялъ вопросъ.
Сталъ любить я народъ для тебя же,
Для тебя, королева моя, перенесъ
Я насмѣшки журнальныя даже.

—

Свистуны XVI вѣка—историческій очеркъ . . . . . г. *Семевскій.*

Стихотвореніе:

Снилась мнѣ женщина: черные локоны
Бросили тѣнь по щекамъ.... . г. *Полонскій.*

Двѣ пѣсни изъ Читальника, пропоютъ . . . . Г.г. *Бурдинъ и Щербина.*

Заглавіе будущихъ критическихъ статей, которыя напишутся для журналовъ,—прочтетъ . . . . г. *А. Григорьевъ.*

«Дай мнѣ лапку заинька» стихотвореніе . . . . г. *Ѳ. Бергъ.*

Адресъ—Календарь на 1863 г. переложенный въ стихи . . г. *Розенгеймъ.*

О числѣ періодическихъ изда-

«О, такого журнала—держу я пари—
Не отыщешь нигдѣ ты по свѣту:
Для тебя перевелъ Notre dame de Paris,
И составилъ подписчикамъ смѣту.

—

«Новый откупъ журнальныхъ рецензій, статей
Разбавлялъ я журнальной водицей;
У меня развлекаютъ «отцовъ» и «дѣтей»
Фуксъ, Григорьевъ и Страховъ съ Косицей.

—

«О, не вѣрь свистунамъ—нашимъ лютымъ врагамъ,
Отплати же мнѣ лаской за ласку»...
И моля, и кляня положилъ онъ къ ногамъ
Годоваго изданія связку.

—

Отъ моленій его мои слезы лились,
Упадая ручьемъ на сорочку,
И звучало въ ушахъ: подпишись! подпишись!
Для тебя я готовъ на разсрочку.

—

Протекали часы... я проснулась... гляжу:
Солнца лучь заигралъ на окошкѣ,
А въ рукѣ своей я очень крѣпко держу
Книжку «Времени» въ свѣтлой обложкѣ.

—

Хлѣбный Свистунъ.

ній на кометѣ, усмотрѣнной недавно астрономомъ Виннеке съ Пулковской обсерваторіи, прочтетъ . . . . *г. Страховъ.*

Стихотворенія:

«Изломалъ я лиру
И взялся за плугъ... . . . . *г. Фетъ*

«Сказаніе о богатыряхъ» Русскаго Вѣстника» . . . . . *г. Буслаевъ.*

горій Талицкій.—Ѳеодосѣевцы: Ряпинскіе раскольники.—Семейство Аввакума.—Алексѣй Лампадчикъ.—Подъячій Докукинъ.—Московскіе раскольники: Попъ Яковъ Семеновъ.—Болоколамскій лѣсъ. — Выгосцкіе раскольники: Выгорская пустынь.—Доносъ Холтурина.—Доносъ Круглаго.—Керженскіе раскольники: Казакъ Левшутинъ. — Авраамій и Александръ Діаконъ.

Житіе протопопа Аввакума. Имъ самимъ написанное. Изд. по раскольнической рукописи, подъ редакціею Н. Тихонравова Д. Е. Кожанчиковымъ. СПБ. 1862 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Въ этомъ житіи, кромѣ жизнеописанія Аввакума и претерпѣнныхъ имъ мученій, находятся еще свѣдѣнія о Нероновѣ, Логинѣ, Лазарѣ, Епифаніи и Ѳеодорѣ; а также разсказывается о дѣйствіяхъ Никона и большаго Московскаго Собора.

Земство и расколъ. Соч. А. Щапова. Выпускъ 1-й; изд. Д. Е. Кожанчикова. СПБ. 1862 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Три челобитныя. Справщика Савватія, Саввы Романова и монаховъ Соловецкаго монастыря. Три памятника изъ первоначальной исторіи старообрядства, изданные буквально, по древнимъ рукописямъ Д. Е. Кожанчиковымъ. СПБ. 1862 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Въ челобитной Савватія, авторъ, слово за словомъ, буква за буквой, отмѣчаетъ всѣ исправленія въ старыхъ книгахъ; по временамъ давая мѣсто и догматическимъ толкованіямъ. Повѣсть о поданіи челобитной Саввы Романова описываетъ исторію поданія самой челобитной старообрядцами царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и царевнѣ Софьѣ въ Грановитой Палатѣ, и за тѣмъ слѣдуетъ описаніе спора, который они имѣли съ православнымъ духовенствомъ. Челобитная монаховъ Соловецкаго монастыря замѣчательна своей полнотою и оконченностію; въ ней уже опредѣленнѣе выяснилась главная причина недовольства защитниковъ стараго ученія.

Исторія Выговской старообрядческой пустыни. Издана буквально, по рукописи Ивана Филиппова, съ соблюденіемъ его правописанія, Д. Е. Кожанчиковымъ. Большой томъ, съ одиннацатью портретами знаменитыхъ старообрядцевъ и двумя видами Выговскаго общежительнаго монастыря. СПБ. 1862 г. ц. 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.

Составитель этой исторіи былъ Иванъ Филипповъ, сотоварищъ Данилы Вакулова, Андрея и Семена Денисовыхъ. Онъ, какъ очевидѣцъ большей части событій, разсказываетъ исторію Выговской пустыни, съ самаго ея начала, описываетъ моздвигнутыя противъ нея гоненія, дополняя все это житіями знаменитыхъ подвижниковъ этой пустыни.

Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ. и сказаніе о хранительномъ быліи, мерзкомъ зеліи, еже есть табацѣ. Два произведенія раскольнической литературы; изд. буквально Д. Е. Кожанчиковымъ. СПБ. 1862 г. ц. 40 к. съ пер. 65 к.

Эта повѣсть имѣетъ своимъ предметомъ возвеличеніе духовнаго превосходства Новгорода надъ Москвою. Главная ея идея, что римская святыня, попранная латынями, передается Новгороду, подъ символомъ Бѣлаго Клобука. Повѣсть о табакѣ, по своей ненависти къ этому проклятому зелію, играла немаловажную роль у нашихъ предковъ.

Разсказы изъ исторіи старообрядства, переданные С. Максимовымъ, по раскольническимъ рукописямъ, съ портретомъ инока Корнилія изд. Д. Е. Кожанчикова. СПБ. 1862 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Въ этихъ разсказахъ напечатаны: Повѣсть о жизни инока Корнилія.—Житіе Патріарха Никона.—Посланіе протопопа Аввакума о Никонѣ.—Соборное посланіе его же ко всѣмъ стоявшимъ за прежній порядокъ церковныхъ дѣлъ.—Посланіе его же къ царю Алексѣю Михайловичу.—Исторія о запорѣ по взятіи Соловецкаго монастыря. — Повѣсть о страдальцахъ Соловецкихъ и о сожигателяхъ на Мезенѣ въ 1744 году.

Историческія монографіи и изслѣдованія Соч. Н. И. Костомарова; изд. Д. Е. Кожанчикова. СПБ. 1863 г. два тома. цѣна 3 руб. 50 коп. съ пер. 4 руб. 50 коп.

Содержаніе: Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси.—Черты народной Южной Исторіи.—Двѣ русскія народности.—Миѳическая повѣсть о Нифонтѣ.—Легенда о кровосмѣсителѣ.—О значеніи Великаго Новгорода.—Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?—Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ.—Иванъ Сусанинъ.—Иванъ Сверговскій, Украинскій казацкій гетманъ XVI вѣка.—Гетманство Выговскаго.—Бунтъ Стеньки Разина.—По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ «Сельское Духовенство».

Сѣверно-русскія народоправства. Во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. Новгородъ, Псковъ, Вятка, соч. Н. И. Костомарова, изд. Д. Е. Кожанчикова. 2 тома СПБ. 1863 года; цѣна 3 р. 50 к. съ пер. 4 р. 50 к.

Содержаніе: Отношенія Великаго Новгорода къ прочимъ землямъ русскимъ и ко княжескому роду.—Вятка.—Отношенія Пскова къ Новгороду, землямъ и князьямъ русскимъ.—Борьба Новгорода и Пскова съ тевтонскимъ племенемъ.—

Инородцы.—Описаніе городовъ: Новгорода и Пскова.—Общественная жизнь и нравы Великаго Новгорода и Пскова.—Торговля.—Церковь.

— **Графы Никита и Петръ Панины.** Опытъ разработки новѣйшей русской исторіи по неизданнымъ источникамъ. Соч. П. С. Лебедева; изд. Д. Е. Кожанчикова. СПБ. 1863 г., ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 коп.

Въ этой книгѣ сообщаются подробности о русскомъ дворѣ въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II-й и въ царствованіе Павла I-го. Въ концѣ книги приложены: нѣсколько писемъ Екатерины II-й княгини Дашковой; мечтанія князя Платона Зубова о передѣлкѣ карты Европы послѣ французской революціи; разъясненіе дѣла Веніамина, архіепископа казанскаго; письма Рѣпнина и другія являющіяся въ печати въ первый разъ.

Князь серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго; Соч. графа А. К. Толстаго; изд. Д. Е. Кожанчикова СПБ. 1863 г. два тома ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 руб.

Подводный камень. Романъ въ двухъ частяхъ Соч. М. В. Авдѣева. СПБ. 1863 г. ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

объ изданіи журнала

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ„

ВЪ 1863 ГОДУ.

Трехлѣтнее изданіе «Книжнаго Вѣстника» убѣдило насъ, что онъ сдѣлался необходимостью для образованныхъ людей вполнѣ ознакомившихся съ цѣлью и направленіемъ журнала. Въ настоящее время, когда выходитъ такъ много книгъ и журналовъ, подобный органъ необходимъ. Онъ заявляетъ о всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгахъ и брошюрахъ, и вообще о замѣчательныхъ явленіяхъ въ литературѣ и книжной торговлѣ; сообщаетъ краткій, точный и безпристрастный отзывъ не только о русскихъ, но и иностранныхъ книгахъ; передаетъ вѣрный смыслъ, духъ и направленіе журнальныхъ статей, обращающихъ на себя, въ какомъ нибудь отношеніи, особое вниманіе. Такимъ образомъ «Книжный Вѣстникъ» избавляетъ отъ труда слѣдить за всѣми журналами и объявленіями о книгахъ, и даетъ возможность читать статьи и пріобрѣтать книги только дѣйствительно замѣчательныя.

Участвовать, преимущественно, въ составленіи *рецензій* о книгахъ и въ *выборѣ замѣчательныхъ журнальныхъ статей*, съ изложеніемъ сущности ихъ, надѣемся, будутъ тѣ же лица, которыя приняли это на себя и въ настоящемъ году; а именно: *Д. В. Аверкіевъ, В. П. Безобразовъ, Ю. М. Богушевичъ, А. П. Вишняковъ, Г. Н. Геннади, Я. О. Ивановскій, Н. С. Лѣсковъ, О. В. Мильчевскій, В. И. Межовъ, П. А. Мулловъ, А. П. Пятковскій, А. К. Руммель, Ю. И. Симашко, П. Г. Славинскій, С. П. Славутинскій, Ф. Г. Толль, О. Н. Шилль, І. Т.* и *В. Шишкины, П. К. Щебальскій* и другіе. Наши постоянныя усилія будутъ клониться къ тому, чтобы довести журналъ до той степени значенія и полноты, которой желаютъ сочувствующіе нашему изданію.

Покорнѣйше просимъ гг. издателей, въ видахъ обоюдной пользы, присылать свои изданія *немедленно* по выходѣ въ редакцію, чтобы дѣлать о нихъ своевременныя заявленія. Мы съ своей стороны, кромѣ заявленія, готовы выполнять всѣ справедливыя требованія. Вообще редакція предлагаетъ посредничество между покупателями, книгопродавцами и издателями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, въ *С.-Петербургѣ*, при книжной торговлѣ *Сеньковскаго* и К°, а также въ Почтамтахъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Цѣна **въ годъ** за 24 номера: **2 руб. 50 к.**, съ пересылкою **3 р.**; **въ полгода 1 р. 40 к.**, съ пер. **1 р. 75 к**. Выписывающіе отъ насъ **книгъ** единовременно на сумму **25 руб**. получаютъ «Книжный Вѣстникъ» **безвозмездно**; подписавшіеся на «Книжный Вѣстникъ» до 1 марта 1863 г. получатъ, въ видѣ приложенія, **каталогъ** русскимъ книгамъ.

Редакторъ **Н. Сеньковскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО СЛОВА,

ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКАГО

ВЪ 1863 ГОДУ.

Изданіе «Русскаго Слова», пріостановленное въ прошломъ 1862 году по распоряженію правительства на восемь мѣсяцевъ, въ 1863 году продолжаетъ выходить на прежнихъ основаніяхъ.

Годовое изданіе «Русскаго Слова» состоитъ изъ *двѣнадцати* книжекъ, каждая отъ 25—30 листовъ большого формата.

Цѣна годовому изданію 12 р. 50 к. безъ пересылки, а съ пересылкою 14 р. Подписка принимается въ главной конторѣ «Русскаго Слова», въ С.-Петербургѣ, *въ Колокольной-улицѣ*, *въ д. Миллера*, *N 3*. Можно также подписаться въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Примѣч. Желающимъ подписаться на Русское Слово будетъ высылаемъ журналъ съ первой книжки.

Въ Главной Конторѣ «Русскаго Слова» продаются слѣдующія изданія:

Сочиненія А. Островскаго, въ 2 т. 3 р.; съ пересылкой 3 р. 75 к.

Сочиненія А. Майкова, въ 2 т. 2 р.; съ пересылкой 2 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы М. Л. Михайлова: Въ Провинціи, въ 2 т. 1 р.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Сочиненія И. Панаева. 4 т. 3 р.; съ пересылкой 4 р. 50 к.

Сочиненія Л. Мея, 3 т. Цѣна тремъ томамъ 3 р.; съ пересылкой 4 р. 50 к.

Памятники старинной русской литературы, составленные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпускахъ 3 р.; а съ пересылкой 3 р 75 к. На всѣ эти изданія подписчикамъ «Русскаго Слова» дѣлается уступка 20% съ номинальной цѣны.

N. B. Третій томъ сочиненій Мея вышелъ и раздается гг. книгопродавцамъ и всѣмъ имѣющимъ право на полученіе его въ Главной Конторѣ «Русскаго Слова».

Одобрено Ценсурою. С.-Петербургъ. 16 февраля 1863 г.

ДВѢ ДОЛИ.

(*Окончаніе.*)

IV.

На другой день, какъ только проснулся Григорій Львовичъ, камердинеръ доложилъ ему, что Прасковья Сергѣевна Стелицкая пріѣхала изъ Конопляновки и проситъ позволенія видѣть его сіятельство.

Князь отъ удивленія даже слегка вздрогнулъ и довольно строго взглянулъ на камердинера, какъ бы сомнѣваясь, не вретъ ли онъ, но въ ту же минуту скрылъ свое волненіе.

— Это та самая.... вчера здѣсь была? совершенно хладнокровно спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Гдѣ жъ она теперь?

— У управляющаго остановились.

— Зачѣмъ же у управляющаго... попросить въ пріемную, а мнѣ одѣваться... Она давно пріѣхала?

— Давно, ваше сіятельство, часа два будетъ.

Князь пожалъ плечами.

— Сказать, что я прошу извиненія, попросить въ пріемную.

— Ступай!

Камердинеръ вышелъ.

Каверскій проводилъ его глазами и погладилъ рукою бакенбарды.

«Что это значитъ?.. какая нибудь-просьба?..» подумалъ онъ самъ съ собою и улыбнулся, какъ будто обрадовался своей мысли.

Онъ сѣлъ на диванъ, улыбка не сходила съ губъ его, въ глазахъ было что-то безпокойное.

«Вѣроятно, просьба... другого ничего быть не можетъ, странно... такъ рано... одна... продолжалъ онъ; въ ней есть что-то такое исключительное, quelque chose de piquant... она очень неглупа... хорошо держитъ себя... Загнана, ужасно загнана... и тетка, и эта Катя, кажется, ненавидятъ ее... Зачѣмъ я погорячился вчера, выгналъ этого дурака, мнѣ было такъ жаль ее, она такъ непритворно заплакала... чортъ знаетъ, что могутъ вывести изъ всего этого!.. Она дѣвушка съ характеромъ, въ ней много жизни, много огня... выйдетъ за мужъ за какого-нибудь байбака-помѣщика, или такъ состарѣется... какіе глаза у ней... такихъ глазъ я никогда не встрѣчалъ... жаль ее... Я не знаю что въ ней такое»—онъ пожалъ плечами.

Всѣ эти мысли разомъ, одна за другой, пролетѣли въ головѣ его; отъ нихъ отдѣлялось много побочныхъ, но вѣдь всего не передашь; извѣстно, что цѣлыя разсужденія проходятъ иногда въ головахъ нашихъ мгновенно, въ видѣ ощущеній, безъ перевода на обыкновенный языкъ.

Минутъ черезъ пять князь совершенно одѣтый уже былъ въ пріемной и держалъ кончики трепетавшей руки Паши.

На ней была простенькая шляпка; черный вуаль на половину закрывалъ лицо ея.

— Извините меня!.. Чему я обязанъ?.. такой неожиданный визитъ!—говорилъ Григорій Львовичъ, всматриваясь въ лицо гостьи, и замѣчая, что оно было блѣднѣе обыкновеннаго.

— Князь, я рѣшилась... Я осмѣлилась прибѣгнуть къ вамъ... простите меня, позвольте мнѣ говорить съ вами, отвѣчала она прерывающимся голосомъ и взглянула на стоявшаго въ углу лакея.

Григорій Львовичъ понялъ ее.

— Я къ вашимъ услугамъ!.. позвольте васъ попросить въ кабинетъ, сказалъ онъ и пошелъ къ двери.

Прасковья Сергѣевна послѣдовала за нимъ.

— Боже мой!.. вы кажется такъ взволнованы!.. что съ вами?.. прошу васъ садиться, говорилъ онъ, указывая на диванъ.

Паша сѣла. Каверскій расположился на креслѣ возлѣ нея. Онъ не спускалъ глазъ съ гостьи, и, казалось, самъ растерялся.

Она откинула вуаль. Оба молчали.

Паша долго не рѣшалась говорить, какъ будто не могла собраться съ силами, Григорій Львовичъ выжидалъ ее.

— Князь! наконецъ начала она, и двѣ крупныя слезы потекли по щекамъ ея; я пришла къ вамъ просить милости, я понадѣялась на ваше великодушіе... я вѣрю въ него... ни къ кому другому я бы придти не осмѣлилась... да никто бы и не принялъ, никто бы не выслушалъ меня... быть можетъ вы упрекнете меня въ смѣлости, это не смѣлость, а надежда на спасеніе... увѣренность въ вашемъ... Я пришла просить васъ, князь, изъ состраданія, изъ человѣколюбія, позволить мнѣ пріютиться въ Райчиковѣ... гдѣ нибудь... во дворѣ... во флигелѣ, въ одной комнатѣ... Черезъ мѣсяцъ я найду себѣ мѣсто и уѣду!.. я ничѣмъ не обремѣню васъ... а теперь... меня тетушка выгнала, мнѣ нельзя возвратиться къ ней, мнѣ остается... развѣ на большую дорогу выйдти! она опустила глаза и тяжело дышала; поблѣднѣвшее лицо ея вдругъ вспыхнуло.

Князь съ ужасомъ слушалъ ее.

— Какъ выгнала?.. что вы говорите! почти вскрикнулъ онъ, и еще пристальнѣе уставилъ глаза на Пашу.

— Выгнала, тихо повторила она.

— За что?.. что это значитъ!?

Прасковья Сергѣевна снова поблѣднѣла.

— Князь, я могу все говорить? спросила она.

— Я только прошу васъ... ваше положеніе слишкомъ интересуетъ меня.

Паша молчала, губы ея задрожали.

— Вѣрьте, что я съумѣю оцѣнить ваше положеніе.

Прасковья Сергѣевна взглянула на него.

Въ лицѣ князя выражалось самое непритворное участіе; казалось, онъ самъ готовъ былъ заплакать.

— Прасковья Сергѣевна, говорите все, вѣрьте, я пойму васъ, заступлюсь за васъ! произнесъ онъ съ чувствомъ.

— Вчера вечеромъ, начала она очень тихо, и въ ту же минуту опустила глаза: — я спать ложилась... въ комнату мою пришла Анна Михайловна... Она на минуту остановилась... Я не ожидала ее... Она меня спросила о васъ, объ отношеніяхъ къ вамъ! — еле слышно выговорила она, и снова замолчала.

Каверскій дрожащею рукою кружилъ концы своихъ бакенбардовъ.

— Это немножко странно... мнѣ кажется, я не подалъ никакого повода... довольно глухо замѣтилъ онъ.

Паша молчала.

— Что жъ дальше?.. Этого слишкомъ мало!.. Я прошу васъ, говорите все... смотрите на меня проще... какъ на человѣка вамъ преданнаго... какъ на друга!

Прасковья Сергѣевна въ самомъ дѣлѣ взглянула на него и снова опустила глаза.

— Потомъ... она еще спросила... не влюблена ли я?

Григорій Львовичъ вздрогнулъ. Въ первую минуту онъ не нашелся, что̀ отвѣчать... Онъ только смотрѣлъ въ блѣдное лицо Паши... Онъ видѣлъ, какъ слезы блестѣли на ея длинныхъ рѣсницахъ, грудь высоко подымалась.

— Въ кого? погодя спросилъ онъ.

Паша молчала.

Онъ взялъ ея руку.

Она не отняла ее.

Онъ нагнулся и приложился къ ней своими губами.

Она не сопротивлялась, — и только минуту спустя, какъ бы опомнившись, какъ бы испугавшись чего-то, вдругъ выдернула руку.

— Князь, я пришла просить у васъ милости... одной милости!.. спасите меня!.. дайте мнѣ убѣжище... съ усиліемъ произнесла она.

Каверскій все смотрѣлъ на нее.

— Прасковья Сергѣевна, я слишкомъ взволнованъ... ваше признаніе... ваше несчастіе наконецъ, все это такъ поражаетъ меня... мой долгъ, моя обязанность... въ вашемъ распоряженіи весь домъ мой!

— Милости, князь, только милости... ради Бога!.. како домъ... комнату, клѣтку! повторила Паша.

Каверскій позвонилъ въ колокольчикъ.

— Сію минуту отворить боковой флигель. Все прибрать, говорилъ онъ вошедшему камердинеру: — людей назначить... горничная дѣвушка чтобъ была... скорѣй! камердинеръ удалился.

— Вамъ будетъ тамъ совершенно покойно... вы, Прасковья Сергѣевна, кажется, не кончили; я все-таки не вижу причины, почему Анна Михайловна могла такъ жестоко оскорбить васъ? помолчавъ добавилъ онъ.

— Князь, пощадите меня! по прежнему тихо произнесла Паша:—я сказала слишкомъ много... что дѣлать... я не могла не сказать... вся причина тутъ... дайте мнѣ хоть въ себя придти, клянусь вамъ, я не помню что говорю, что дѣлаю... мнѣ страшно, простите меня!

— Извините меня, Прасковья Сергѣевна... если я былъ нескроменъ, то потому только, что въ свою очередь слишкомъ пораженъ... слишкомъ горжусь тѣмъ, что могу служить вамъ... я васъ прошу объ одномъ, за свое гостепріимство я требую одного .. успокойтесь, забудьте ваши непріятности... поглядите, вы на себя не похожи... вы заболѣете.

Прасковья Сергѣевна горько улыбнулась.

— Ахъ, князь, есть вещи, которыя не забываются; я не заболѣю, я не похожа на другихъ людей, я закалена бѣдой да горемъ... Это мои родные, мои друзья и пріятели! впрочемъ не безпокойтесь, добавила она довольно весело. Князь насильно улыбнулся и слегка вздохнулъ.

Вошедшій камердинеръ доложилъ, что комнаты во флигелѣ готовы

— Прасковья Сергѣевна встала.

— Благодарю васъ, князь... вы позволите мнѣ уйдти, вы не сердитесь на меня? спросила она.

— Боже мой, въ настоящую минуту я слишкомъ счастливъ... я только благодарю васъ!

Онъ пожалъ ея руку.

Она подняла на него свои влажные глаза.

Онъ проводилъ ее до слѣдующей комнаты, потомъ вер-

нулся, осмотрѣлся вокругъ, развелъ руками и тяжело опустился на диванъ.

«Что это?! любовь, признаніе, что такое?.. что за странность! говорилъ онъ самъ съ собою; но, можетъ быть, она не кончила... тутъ скрывается что-нибудь, гнусная клевета... сплетня!.. она совершенно чиста... виновные не говорятъ такъ... выгнали... стало быть черезъ меня?.. Я причина!.. чортъ знаетъ что такое... этотъ Травилкинъ—онъ провелъ рукою по лбу—Куроѣдовы... ужь не вообразила ли эта госпожа, что я женюсь на ея дочери, онѣ что-то черезчуръ ухаживаютъ за мной. Онъ засмѣялся. Вотъ положеніе!.. дѣвушка въ любви признается, дѣвушка проситъ убѣжища, цѣлый романъ, что за самоотверженіе, что за чувство, чего добраго влюбишься въ нее!» Онъ пожалъ плечами, и казалось остановился на послѣдней мысли, по крайней мѣрѣ глаза его вдругъ сдѣлались неподвижными.

Весь этотъ день Григорій Львовичъ просидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, и никого не принималъ, послѣ обѣда очень долго пролежалъ съ сигарой, лицо его то улыбалось, то хмурилось, къ вечеру у него голова заболѣла, онъ вздумалъ проѣхаться по селу, а когда возвращался обратно, взглянулъ на тотъ флигель, гдѣ поселилась Паша. Одно окно въ немъ было освѣщено, по спущенной зеленой сторѣ чья-то тѣнь скользила.

На слѣдующее утро Прасковья Сергѣевна сидѣла у себя на новосельѣ, въ небольшой комнатѣ, выходящей окнами въ садъ, за столомъ и что-то писала.

Она задумалась, подперла рукою голову, и безсознательно уставила глаза на побѣлѣвшія отъ снѣгу деревья, перо выпало изъ рукъ ея.

За дверью послышались чьи-то шаги.

Паша вздрогнула и прислушалась.

— Можно войдти? вдругъ раздался знакомый голосъ.

— Паша отскочила отъ стола.

Въ комнату вошелъ князь.

— Извините, я кажется помѣшалъ... вы заняты? спросилъ онъ, слегка дотрогиваясь до руки ея.

— Нѣтъ, я письмо писала, отвѣтила она.

Князь машинально подошелъ къ столу, и какъ-то нечаянно

взглянулъ на лежавшій листъ бумаги; онъ въ ту же минуту отвернулся, однако глаза его успѣли пробѣжать послѣднюю строчку: «Затѣмъ и выгнали меня, чтобъ полюбила я его больше; не знаю чѣмъ кончится все это: худо ли, хорошо ли, но я вся отдаюсь своему чувству.

— Вамъ сегодня лучше, вы выглядите свѣжѣе, здоровѣе? замѣтилъ Каверскій, стараясь казаться спокойнымъ, между тѣмъ какъ голосъ его оборвался на послѣднемъ словѣ.

— Благодарю васъ, я вамъ говорила, что я закалена; мнѣ такъ хорошо здѣсь, я такъ много вамъ обязана, отвѣтила Паша, проворно схватила со стола бумагу и сунула въ ящикъ.

Князь искоса взглянулъ на нее.

— Къ кому вы пишете? спросилъ онъ.

— Къ одной подругѣ, нужно хлопотать о себѣ... у меня только одна и есть! добавила она и улыбнулась.

— Какъ же вы хлопотать думаете?

— Мѣста искать.

Каверскій сѣлъ на стулъ возлѣ стола.

Паша поодаль, напротивъ него.

— Позвольте мнѣ, Прасковья Сергѣевна, въ этомъ случаѣ служить вамъ, началъ онъ послѣ небольшого молчанія:—у меня есть связи, родные, мнѣ будетъ очень легко доставить вамъ что нибудь приличное.

Паша задумалась.

— Благодарю васъ, князь, мнѣ такъ немного нужно, что я думаю, ваши хлопоты будутъ выше того, чего ищу я... я могу смотрѣть за хозяйствомъ... за дѣтьми... вотъ и все!..

— Я могу васъ рекомендовать въ такой домъ, гдѣ вы будете болѣе обезпечены, получите хорошее содержаніе.

— Мнѣ не содержаніе нужно... Я ищу добрыхъ людей, такихъ людей, съ которыми бы я хоть говорить могла.

Каверскій закрутилъ концы своихъ бакенбардовъ.

— Притомъ, князь, въ этомъ случаѣ, болѣе чѣмъ въ чемъ другомъ, я желала бы быть совершенно независимой... худо ли, хорошо ли мнѣ будетъ, сама на себя и пеняй... у меня есть небольшія деньги... Я прошу выслать мнѣ на дорогу... потомъ уѣду въ Москву или Петербургъ, авось найду что-нибудь.

— Какія же деньги у васъ?

— Полторы тысячи... съ нихъ я получаю шесть процентовъ... на нихъ живу, одѣваюсь.

— И только?

— Только, князь; девяносто рублей, мнѣ этого довольно...

— Боже мой, стоитъ ли писать объ этомъ... возьмите у меня взаймы... когда нибудь отдадите... наконецъ, я васъ могу отправить въ Петербургъ, васъ проводятъ отсюда.

Паша взглянула на него.

— Князь, я мѣшаю вамъ? съ испугомъ спросила она.

— Какъ мѣшаете?

— Такъ... Я напросилась... я въ тягость вамъ?

— Прасковья Сергѣевна, вы обижаете меня, распоряжайтесь и собой, и всѣмъ тѣмъ, что теперь окружаетъ васъ, какъ угодно... я говорю только, что могу помочь вамъ, избавить васъ отъ лишняго труда.

— Князь, позвольте мнѣ отказаться отъ этой помощи, я и безъ нея слишкомъ много обязана вамъ, тутъ нѣтъ крайности... дѣло другое, безъ чего обойдтись нельзя.

— Это не помощь, Прасковья Сергѣевна, это бездѣлица, о которой говорить не стоитъ; неужели вы думаете, что я за что-нибудь сочту ее?

— Нѣтъ, я этого не думаю,—бездѣлица для васъ, но не для меня... Я-то буду думать иначе!

— Вы не хотите быть обязанной мнѣ?

— Я вамъ обязана, князь.

— По крайней мѣрѣ избѣгаете, боитесь этого.

— Какъ избѣгаю всего, безъ чего обойдтись могу... боюсь своей совѣсти... благодарю васъ, князь, за участіе, за предложеніе... только я не приму его.

— Не примете отъ меня?

— Да, отъ васъ особенно.

— Почему жъ особенно?

— Потому, князь, что это сдѣлать очень легко, стоитъ только сказать да, воспользоваться вашею добротою, а я и не скажу этого, и не воспользуюсь, или скажу только тогда, когда у меня ни рукъ, ни ногъ не будетъ; я слишкомъ цѣню ваше вниманіе, я хочу быть чистой передъ вами, не отымайте отъ меня

этого, въ этомъ мое единственное сокровище! добавила она дрожащимъ голосомъ и опустила глаза.

Каверскій пожалъ плечами и замолчалъ.

— Прасковья Сергѣевна, началъ онъ нѣсколько спустя; вы сказали, что ищете добрыхъ людей, съ которыми бы хоть говорить могли, неужели и этимъ вы не хотите быть мнѣ обязанной!

— Паша взглянула на него.

— Чѣмъ, князь? спросила она.

— Душой, сердцемъ, добрымъ расположеніемъ, чувствомъ, котораго оцѣнить нельзя, смотрите на меня проще, говорите откровеннѣе, не называйте княземъ, считайте меня другомъ вашимъ!.. я имъ быть хочу; я прошу этого... вчера я не смѣлъ говорить, сегодня я скажу все, слышите, все!.. я понялъ почему Куроѣдова оскорбила васъ... Я все знаю... дайте же мнѣ возможность отвѣчать вамъ!

— Паша съ ужасомъ взглянула на князя, вздрогнула и закрыла лицо руками.

Онъ остановился.

— Прасковья Сергѣевна! произнесъ онъ и всталъ со стула.

Она молчала.

— Прасковья Сергѣевна! повторилъ онъ, дотронулся до рукъ ея и отнялъ ихъ отъ лица. Оно было блѣдно и мокро, глаза опущены.

Она тяжело дышала и по щекамъ ея струились слезы.

Онъ нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на нее.

Князь нагнулся и приложился своими губами къ головѣ ея.

Она не противилась.

— Господи!.. Что со мной?!.. что со мной!.. въ чемъ виновата я, спасите меня!.. простите меня... не смѣйтесь надо мной! глухо твердила она.

Князь тоже казался взволнованнымъ, щеки его покраснѣли, глаза сдѣлались влажными.

— Прасковья Сергѣевна, требуйте отъ меня всего... клянусь вамъ, я люблю васъ! почти крикнулъ онъ.

Паша какъ-то истерически засмѣялась.

— Правду вы говорите? спросила она.

— Святую, чистую правду... какихъ доказательствъ хотите вы?

— Не доказательствъ!.. Сердца... простого человѣческаго сердца! съ усиліемъ выговорила она.

Черезъ минуту Прасковья Сергѣевна утерла глаза свои.

— Простите меня, говорила она взволнованнымъ голосомъ:— я бы никогда ничего не сказала вамъ, я думала молчать, все вышло иначе, все обрушилось на меня, я хотѣла забыть, схоронить свои чувства, я боялась ихъ, меня толкнули, принудили открыть ихъ... я очень виновата!.. я ничего не требую, только не оскорбляйте меня, не смѣйтесь надъ моею болью, надъ радостью, надъ моимъ помѣшательствомъ, мнѣ кажется я съ ума сошла... со мной что-то страшное дѣлается... хоть добрымъ словомъ не оставьте... однимъ добрымъ словомъ... ничего больше!.. докончила она очень тихо, хотѣла еще что-то сказать, да не могла, стѣсненное дыханіе въ груди помѣшало ей.

Князь все время смотрѣлъ на нее.—Трудно сказать, что выражало лицо его.—Въ немъ было и сожалѣніе, и участіе, и любовь, и страхъ чего-то.

Онъ долго молчалъ, точно не могъ опомниться, и вдругъ, вмѣсто отвѣта, только взялъ руки Паши, крѣпко сжалъ ихъ, поцѣловалъ, положилъ къ себѣ на плечи, долго смотрѣлъ въ лицо ей, какъ будто любовался его блѣдностью, его смущеніемъ, какъ будто хотѣлъ заглянуть черезъ него въ самое сердце.

Онъ ощущалъ горячее дыханіе Паши; онъ слышалъ, какъ билось ея сердце, какъ высоко подымалась грудь ея, какъ локонъ волосъ распустился, какъ горѣли ея руки. Онъ припалъ головой къ ея шеѣ, щеки Паши такъ и пылали, широко раскрытые влажные глаза улыбались.—Прошла минута.

Губы Каверскаго скользили по щекѣ ея. . . . . . .

. . . .

Нѣсколько дней спустя Григорій Львовичъ писалъ слѣдующее письмо къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургъ:

«Mon cher Serge! ты знаешь цѣль, съ которою я уѣхалъ въ деревню, ты помнишь тѣ планы, намѣренія, о которыхъ мы такъ горячо толковали передъ моимъ отъѣздомъ, но соображенія, увы!.. всѣ наши прекрасныя соображенія издалека оказываются ни къ чему негодными на мѣстѣ. Вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ я хлопочу, работаю, а между тѣмъ всѣ

хлопоты не принесли никакой пользы, ничего не измѣнили, ничего не подвинули. Признаюсь тебѣ откровенно, я начинаю уставать; мнѣ кажется, не вреденъ ли я здѣсь? Каждый день я принимаю мужиковъ, бабъ, терпѣливо выслушиваю ихъ просьбы, жалобы, по возможности удовлетворяю ихъ, (ты не можешь себѣ представить, что за смѣшныя, глупыя просьбы), кажется одичалъ, пропитался ихъ сквернымъ запахомъ, отъ него у меня голова болитъ, и все-таки до сихъ поръ я ничего не сдѣлалъ, никто даже не поблагодарилъ меня, никто не одобрилъ ни одного изъ моихъ распоряженій, все дѣлается какъ-то по неволѣ, изъ страха, какъ будто каждый самъ себѣ яму роетъ. Управляющій жалуется, что никогда такъ крестьяне не лѣнились, не пьянствовали; крестьяне ропщутъ на управляющаго: одни требуютъ одного, другіе другого, третьи сами не знаютъ, чего требуютъ. Дисгармонія полная. Начнешь говорить имъ о пользѣ, о необходимости того или другого, они слушаютъ повѣся головы, какъ будто подставляютъ ихъ тебѣ, да и Богъ знаетъ слушаютъ ли!

Нѣтъ ни малѣйшей довѣренности. Я объясняю, что пріѣхалъ помочь имъ, а они какъ будто не понимаютъ меня, или въ душѣ какъ будто смѣются надо мной, или даже смотрятъ на меня, какъ на врага своего.

Странно, скучно, непріятно!.. Отчего это происходитъ?—Отъ ихъ неразвитости, или оттого, что мы-то сами, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, были слишкомъ отдалены отъ нихъ, что они привыкли видѣть въ насъ не людей, а только господъ своихъ. Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе. Имъ непонятны, имъ странны наши заботы о нихъ, они не вѣрятъ имъ, они хотятъ видѣть своего благодѣтеля въ лаптяхъ, съ загорѣлымъ лицомъ, да зачерствѣлыми руками. Смѣшные, жалкіе люди, имъ руку протягиваешь, а они боятся прикоснуться къ ней, потому только, что бѣла слишкомъ; неужели же въ самомъ дѣлѣ нужно вычернить ее?—Было бы слишкомъ странно, слишкомъ нелѣпо.—Можно сочувствовать и мужику, и нищему, смотрѣть на него, какъ на человѣка, но нельзя во имя этого сочувствія обниматься и цѣловаться съ нимъ, перейдти въ его шкуру. Мнѣ кажется, только одно время можетъ примирить и сблизить эти отношенія; быть можетъ, дѣти наши будутъ

проще и великодушнѣе насъ; кто знаетъ, быть можетъ они изъ убѣжденія даже и тулупы надѣнутъ.

Не знаю, сколько времени я пробуду здѣсь, во всякомъ случаѣ не долго; хотѣлось бы только лѣта дождаться, взглянуть на природу; здѣсь говорятъ лѣтомъ очень хорошо. Теперь о другомъ.

Представь себѣ, что здѣсь въ глуши, посреди мужиковъ, да безобразныхъ помѣщиковъ, я нашелъ преоригинальную женщину; ничего подобнаго до сихъ поръ не встрѣчалъ я. Я просто влюбленъ; или по крайней мѣрѣ слишкомъ заинтересованъ; я чувствую, что дѣлаю глупость, и не могу остановиться, признаюсь тебѣ, послѣднее обстоятельство даже смущаетъ меня. Она дѣвушка, и отдалась мнѣ такъ просто, такъ неожиданно, съ такимъ самоотверженіемъ, какъ будто ждала меня, какъ будто въ этомъ все ея назначеніе заключалось, она ничего не требуетъ, ничѣмъ не связываетъ, у ней нѣтъ никакого разсчета, никакой задней мысли, она сама только любить хочетъ, даже о взаимности не заботится, никогда не спрашиваетъ: люблю ли я ее; не смотря на близость нашихъ отношеній, она до сихъ поръ стыдится меня; иногда, глядя на насъ, можно подумать, что мы совершенно чужіе другъ другу. Мнѣ немного совѣстно передъ ней, хотя въ сущности я не виноватъ ни въ чемъ. Дѣло въ томъ, что я даже ничѣмъ не могу быть полезнымъ для нея, не могу очистить самого себя, разсчитатся, поставить себя въ нѣкоторую независимость... Положеніе слишкомъ щекотливое! Она бѣдная сирота, а между тѣмъ о деньгахъ и слышать не хочетъ. Я рѣшительно въ тупикъ становлюсь, не могу же я жениться на ней?!.. Мнѣ вполнѣ жаль ее. Наши настоящія отношенія когда нибудь кончатся, что тогда будетъ съ ней, а между тѣмъ она достойна чего-нибудь порядочнаго, такихъ женщинъ не много. Скажу тебѣ откровенно, я даже боюсь слишкомъ сильно привязаться къ ней!—Скверно, неловко! Намъ, болѣе чѣмъ кому другому, нужно управлять собой. — Знакомымъ скажи, чтобъ по своимъ деревнямъ не ѣздили, а если поѣдутъ, пусть на все рукой махнутъ, да отъ крестьянъ подальше.— Сошелся ли графъ Никита Петровичъ съ своей Армансъ?—эти

женщины тѣмъ хороши, что передъ ними всегда чистъ будешь, услуга взаимная,—заплатилъ и концы въ воду.»

Въ Коноплянювкѣ между тѣмъ послѣ отъѣзда Прасковьи Сергѣевны все къ верху дномъ опрокинулось. Началось съ того, что и Анна Михайловна, и Катерина Васильевна, и Платонъ Андреичъ, всѣ жестоко перебранились между собою, послѣдняго и здѣсь чуть изъ дому не выгнали. Катя сказала, что его въ порядочное общество пускать нельзя, что онъ звѣрь дикій, мать въ глаза назвала тираномъ и неумытымъ неучемъ; Травилкинъ остервенился, наговорилъ имъ разныхъ непріятностей, попрекнулъ, что давалъ деньги въ займы, что онѣ и до сихъ поръ должны ему, даже началъ требовать немедленной уплаты какихъ-то сорока рублей, замѣтилъ, что князь смѣется надъ ними, что онѣ крылья не по себѣ распустили, объявилъ, что онѣ хоть и генеральши, да онъ плевать на это хотѣлъ, что у него самого дядя тоже генералъ былъ, что нога его никогда больше не будетъ въ Коноплянювкѣ и уѣхалъ. -Послѣ него Анна Михайловна снова упала въ обморокъ, а Катя громко завизжала. Но и это продолжалось не долго, казалось, и мать, и дочь другъ на дружкѣ хотѣли излить всю желчь свою.

Катя вдругъ опомнилась и начала кричать, что ее осрамили, опозорили, что ей нужно въ монастырь идти, что Травилкинъ обнесетъ ее по всему уѣзду, а Пашка—такъ выразилась она—отдѣлаетъ передъ княземъ, что во всемъ виновата мать, потому что ничего не сберегла дочери, и теперь изъ разсчета забрала въ голову вздоръ, учила ее кокетничать, подличать. Анна Михайловна въ отвѣтъ на это всплеснула руками и въ свою очередь запищала.

Цѣлый день прошелъ въ самой жестокой перебранкѣ, чего тутъ только не было, какихъ славъ не произнесено, и плачь, и истерика, и біеніе въ грудь, даже собаки вдругъ завыли, а дворня съ ужасомъ въ людской перешептывалась. Горничной Кати, существу совершенно непричастному къ господскому дѣлу, тоже не мало досталось, она выбѣжала изъ спальни барышни съ распущенной косой.

Только два дня спустя Куроѣдовы какъ-то угомонились, пришли въ себя.—Правда, и мать, и дочь ходили съ распухшими

отъ слезъ глазами, и ни до чего не дотрогивались; послѣдняя даже совсѣмъ одѣваться перестала, но зато въ домѣ все стихло. Нужно было подумать какъ помочь горю, воротить потерянное, доказать свою правоту, отмстить за поруганіе. Анна Михайловна написала князю очень длинное письмо на французскомъ діалектѣ, оно сочинялось три дня, для него у сосѣдей dictionnaire брали, въ немъ говорилось о любви, о преданности, о чести, о людской неблагодарности, о нравственности, о долгѣ женщины, о будущей жизни. Князь отвѣтилъ учтиво, коротко и сухо, сказалъ, что Прасковья Сергѣевна временно находится у него, что онъ не имѣлъ причины отказать въ ея просьбѣ, и считаетъ себя не вправѣ располагать ею.

Анна Михайловна поняла этотъ отвѣтъ, и заплакала надъ нимъ.

Затѣмъ было написано другое письмо къ Пашѣ; ей говорили о родственной привязанности, умоляли воротиться, не губить себя и другихъ, называли самыми нѣжными именами. Катя съ своей стороны приписала нѣсколько нѣжныхъ строчекъ, что ее совѣсть мучитъ, что она безъ сестрицы существовать не можетъ.

Прасковья Сергѣевна ничего не отвѣтила.

Что было дѣлать?... оставалось одно средство, покориться обстоятельствамъ, забыть все случившееся. Думала Анна Михайловна ѣхать жаловаться, лично объясниться съ княземъ, по праву тетки вырвать изъ его рукъ дерзкую племянницу, но вѣдь мало ли чего человѣкъ не думаетъ, особенно въ горѣ, или въ раздраженномъ состояніи духа. Ограничились только тѣмъ, что выбросили въ сарай пяльцы Паши, чтобъ ничто не напоминало о ея присутствіи.

Травилкинъ между тѣмъ всполошилъ цѣлый уѣздъ; повсюду только и говорили о князѣ, о Куроѣдовыхъ, о Прасковьѣ Сергѣевнѣ: толки были самые разнообразные. Въ одномъ мѣстѣ разсказывали, будто Анна Михайловна продала племянницу, взяла за нее значительную сумму денегъ; въ другомъ увѣряли, что Паша убѣжала сама, ночью, въ одной рубашкѣ; нашлись люди, которые увѣряли, что сами видѣли, какъ князь верхомъ на лошади скакалъ съ Пашей. Одинъ помѣщикъ, большой шутникъ и сплетникъ, распустилъ слухъ, что князь магоме-

танскагѣ вѣроисповѣданія, что онъ намѣренъ, на подобіе турецкаго султана, цѣлый гаремъ завести, что не только Катя, но и сама Анна Михайловна туда же откуплены, и Сопилкинъ назначенъ евнухомъ. Послѣдній впрочемъ тоже очнулся, принялъ участіе въ общемъ движеніи и разсказалъ, какъ въ молодости похитилъ какую-то полячку. Тревога была всеобщая. Одни вооружались противъ князя, отзывались о немъ черезчуръ непріязненно, грозили какъ-то отдѣлать его; другіе обвиняли во всемъ Анну Михайловну, третьи неустанно сплетничали противъ Паши. Какая-то старуха помѣщица, женщина самаго набожнаго содержанія, трое сутокъ держала въ заперти въ сараѣ всѣхъ своихъ дѣвокъ, изъ боязни, что князь и ихъ похититъ. Другая пожилая дѣва вдругъ стала гулять одна одинешенька. Матери шептались, дочери ихъ подслушивали, а потомъ тоже шептались между собою. Уѣздный поэтъ, золотушный юноша, выгнанный изъ корпуса, сочинилъ на Куроѣдовыхъ и на князя стихи, весьма скандалезнаго свойства. Кто плакалъ, кто радовался. Многіе нарочно ѣздили въ Райчиково съ намѣреніемъ увидѣть Пашу, разузнать обо всемъ поподробнѣе. Платонъ Андреичъ торжествовалъ, и въ отомщеніе сталъ ухаживать за одной дѣвицей съ припухшими глазками. Нѣкоторые господа и госпожи почли долгомъ лично навѣстить Куроѣдовыхъ, принять участіе въ ихъ горѣ, высмотрѣть все на мѣстѣ. Анна Михайловна всѣхъ принимала полулежа на диванѣ; она сказывалась больной, подвязала себѣ щеки платкомъ, тяжело вздыхала, говорила, что племянница убила ее, въ гробъ свела, жаловалась на безнравственность молодыхъ людей, бранила князя. Катя старалась казаться спокойною; ей, какъ дѣвицѣ, неловко было вмѣшиваться въ подробности дѣла, она отмалчивалась, блѣднѣла, краснѣла, и иногда преналвно замѣчала, что, конечно, Каверскій женится на Пашѣ.

— Ахъ, Cathrine, tu es trop pure, tu ne dois pas parler de ça, въ такихъ случаяхъ произносила мать.

Всѣ эти толки, пересуды, вся эта болтовня отъ нечего дѣлать не могла не дойдти до ушей князя.

Письмо Анны Михайловны уже произвело на него довольно непріятное дѣйствіе; онъ ясно видѣлъ, что невольно вмѣшался

въ цѣлую исторію, нажилъ себѣ враговъ, что его могутъ обвинять, подозрѣвать, что онъ долженъ или прекратить знакомство съ Куроѣдовыми, или отказаться отъ Паши. Какъ поступить, на что рѣшиться?.... онъ все-таки сдѣлалъ доброе дѣло, пріютилъ сироту, эта сирота любитъ его, онъ и самъ не совсѣмъ равнодушенъ къ ней... какъ оправдаться, выгородить себя и дать дѣлу другой оборотъ?.... да и можно ли оправдываться ему, князю Стрѣлкину-Каверскому, передъ этой уѣздной мелкотою, въ чемъ наконецъ?... чтобъ оправдываться, нужно сперва обвинить себя. Развѣ это возможно, ему, владѣльцу Райчикова, аристократу съ головы до пятокъ, замарать себя; да развѣ онъ можетъ дѣйствительно въ чемъ нибудь упрекнуть себя? кто посмѣетъ что-либо дурное подумать о немъ, вѣдь къ его породистому, чистому тѣлу никакія пятна не пристаютъ.

Князь сначала рукой махнулъ, ему очень хотѣлось замять все случившееся, не обращать на него особеннаго вниманія. И вдругъ онъ услышалъ, что Травилкинъ распустилъ про него цѣлую исторію, что весь уѣздъ говоритъ о немъ; нѣсколько лицъ, прежде совершенно незнакомыхъ, неожиданно явились къ нему и выразили свое участіе. Князь даже заболѣлъ, цѣлые сутки онъ не выходилъ изъ кабинета, его била лихорадка. Онъ готовъ былъ размозжить голову первому врагу своему, вызвать его, но вѣдь это значило увеличить исторію, подложить масла на огонь, а князь именно и боялся этого. Приличіе, мнѣніе свѣта, желаніе казаться всегда безукоризненнымъ, собственное аристократическое Я были девизами всей его жизни; онъ бы не подалъ руки утопающему, еслибъ это считалось неприличнымъ; онъ и въ деревню поѣхалъ, и съ крестьянами возился только потому, что въ свѣтѣ заговорили о человѣческомъ достоинствѣ, что князь Б. сталъ протягивать подчиненнымъ кончикъ руки своей, а княгиня Р. въ церкви по праздникамъ милостиво съ нищими разговаривала. А тутъ имя его произносится наравнѣ съ именами Куроѣдовыхъ, Травилкина; имъ забавляются, какъ игрушкой, надъ нимъ смѣются, на него сочиняютъ пасквили. Его, породистаго льва, третируютъ, какъ простого домашняго звѣря,—обвиняютъ въ чемъ-то предосудительномъ, и кто же?! эти пигмеи, эти людишки, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и боятся его; вѣдь это моськи, на слона ла-

юнція, съ тою только разницею, что слону было все равно, онъ не думалъ ни о свѣтѣ, ни о приличіи, ни о своемъ имени, а князь этого лаю переварить не могъ; отъ него просто коробило его.

Однажды вечеромъ Паша сидѣла въ своей комнатѣ.

Князь вошелъ къ ней.

— Прасковья Сергѣевна, началъ онъ не совсѣмъ смѣло; —мы право до сихъ поръ какъ будто не хотимъ понять другъ друга.... боимся взглянуть въ будущее, намъ нужно поговорить откровенно, объяснить наши взаимные взгляды, требованія.

Паша посмотрѣла на него.

— Какія требованія, Григорій Львовичъ, у меня ихъ нѣтъ, отвѣтила она и улыбнулась.

Князь пожалъ плечами.

— Мы похожи на дѣтей, нужно быть взрослыми, вы слышали что говорятъ въ уѣздѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ!.... или пожалуй слышала, да я знать этого не хочу; мнѣ все равно.

— Какъ, все равно?

— Да, Григорій Львовичъ, все равно.... я судья сама себѣ, своимъ поступкамъ, а что говорятъ?...Господи, чего только неговорили про меня.

— Да, но согласитесь сами, что есть вещи, которыя могутъ оскорблять, волновать человѣка;... признаюсь вамъ, я слишкомъ дорожу собой,... я никогда не допущу себя сдѣлать что-нибудь несогласное съ моимъ званіемъ, съ моимъ положеніемъ въ обществѣ, я долженъ быть чистымъ.... меня, кажется, обвиняютъ въ какомъ-то соблазнѣ, похищеніи, разсказываютъ нелѣпыя басни.

Паша слегка вздрогнула, и потупила глаза въ землю.

— Виновата я.... все черезъ меня....простите меня! тихо проговорила она.

Князь поцѣловалъ ея руку.

— Не вы..... было бы слишкомъ безсовѣстно обвинять васъ, виноваты глупые люди, а здѣсь ихъ много..... наша обязанность какъ-нибудь уничтожить эти толки, не дать имъ пищи, мы встрѣтились такъ случайно, судьба свела насъ..... скажите пожалуй-

ста, Прасковья Сергѣевна, что вы думаете о вашемъ будущемъ? я знаю, вы любите меня, я люблю васъ, все это прекрасно теперь, въ настоящую минуту, но вѣдь этого еще мало!

— Клянусь вамъ, я не думаю объ этомъ, я такъ привыкла покоряться судьбѣ, что право перенесу всѣ ея удары.

— Зачѣмъ же удары, можно избѣжать ихъ.

— Какъ?

— Боже мой, на все есть средства.

Паша улыбнулась.

— Опять деньги! произнесла она, судорожно сжимая руку князя, и въ то же время стараясь не смотрѣть на него; ужь если быть бѣдѣ, такъ деньги-то ваши развѣ помогутъ, деньги отъ смерти не спасутъ, съ трудомъ добавила она.

Князь на минуту замолчалъ; онъ сидѣлъ, опустивъ голову.

Во всякомъ случаѣ вамъ необходимо подумать о себѣ, вникнуть въ ваше настоящее положеніе.... разсудите сами.... я слишкомъ много вамъ обязанъ.... ваше самоотверженіе.... я долженъ чѣмъ-нибудь отплатить вамъ.... этого требуетъ долгъ, совѣсть.... я долженъ очистить себя!

Паша пристально, со страхомъ посмотрѣла на него.

— Григорій Львовичъ, вы говорите какъ виноватый,... чистая совѣсть не нуждается ни въ какомъ очищеніи; вы хотите отплатить мнѣ и успокоить самого себя, въ чемъ?.... развѣ вы виноваты?... я не хочу думать объ этомъ,.... вы сами говорите, что никогда ничего не сдѣлаете несогласнаго съ вашей честью, съ вашимъ званіемъ?... развѣ мало этого,... я вѣрю вамъ, вотъ мое вознагражденіе, мнѣ хорошо теперь, я ничего лучшаго не хочу!

— А потомъ что?

— Что потомъ... вы уѣдете отсюда... уѣду и я, вы будете жить въ Петербургѣ, и я тоже... только не на вашъ счетъ... этого мнѣ запретить нельзя... я вотъ и деньги на дорогу получила, хоть сейчасъ ѣхать!.. добавила она весело.

Князь все сидѣлъ, опустивъ голову.

— Я, Прасковья Сергѣевна, не могу жениться на васъ! довольно глухо произнесъ онъ.

Паша глубоко вздохнула, и какъ-то двусмысленно улыбнулась.

— Григорій Львовичъ, зачѣмъ вы обижаете меня, неужели вы думаете, что я пришла къ вамъ изъ какого-нибудь разсчета, я не пришла, а бросилась къ вамъ, бѣжала, пришла потому, что полюбила васъ... я люблю васъ, для васъ и загублю себя, вотъ весь разсчетъ мой... только ради Бога не оскорбляйте меня! Она схватила его за руки и упала головой на грудь къ нему.

Князь улыбнулся.

— Паша, Паша, говорилъ онъ, цѣлуя ея волосы... Боже мой, что ты за женщина!... прости меня, прости!

Прасковья Сергѣевна вдругъ подняла голову.

— Въ чемъ простить? какъ-то строго спросила она.

Каверскій ничего не отвѣтилъ, и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Паша! заговорилъ онъ нѣсколько спустя, не подымая глазъ на Прасковью Сергѣевну:—я сказалъ прости меня, я долженъ все сказать откровенно, я виноватъ передъ тобой, я слишкомъ слабъ былъ, я поддался своему чувству, забылся... я человѣкъ тоже... разсуди сама... я не искалъ тебя... правда, ты немножко заинтересовала меня; въ тебѣ, въ твоемъ положеніи я видѣлъ что-то исключительное, но вѣдь изъ этого ничего бы и не вышло... я заговорилъ съ тобой безъ всякой задней мысли, безъ всякаго намѣренія, мнѣ было пріятно говорить, я только принялъ въ тебѣ участіе, ты сама пришла сюда...сама сказала, что любишь меня... ты не спросила даже, могу ли я любить тебя, что мнѣ было дѣлать?.. съ перваго раза отказаться отъ тебя, пожалуй обратно отправить къ теткѣ? я этого не сдѣлалъ, я отвѣтилъ на твой призывъ, я увлекся чувствомъ твоимъ, въ этомъ виноватъ я! Онъ на минуту остановился, какъ будто хотѣлъ выждать, что̀ скажетъ Паша.

Въ голосѣ его было что-то наставительное.

Она сидѣла понуривъ голову, волосы ея распустились, лицо поблѣднѣло.

— Ты поступила слишкомъ рѣшительно, черезчуръ смѣло, попрежнему продолжалъ онъ; ты почти не знала меня, могла наткнуться на негодяя, конечно я не въ правѣ обвинять тебя, ты дѣйствовала по любви, по влеченію твоего сердца... я не судья тебѣ, я понимаю твою простоту, твой порывъ, ты слиш-

комъ чиста, ты не можешь обвинить себя, потому что не видишь вины своей, но люди будутъ думать иначе, твое увлеченіе они назовутъ преступленіемъ, они отвернутся отъ тебя... мнѣ жаль тебя... есть вещи, которыя составляютъ святость, неприкосновенность женщины, ты добровольно отказалась отъ нихъ... ты пожертвовала ими для любви своей, зачѣмъ?.. на все есть границы; ты вотъ до безумія любишь меня, къ чему?.. ты должна разсудить хладнокровно, должна опомниться; я говорю тебѣ правду... я желаю добра тебѣ! Онъ остановился и взялъ ее за руку; она была совершенно холодна.

— Ты вотъ даже не можешь дать отчета, почему ты полюбила меня... вѣдь это вздоръ, ребячество!.. все зависитъ отъ насъ, стоитъ только захотѣть, все успокоится, все остынетъ, помолчавъ прибавилъ онъ.

Паша вздрогнула и подняла голову.

— Какъ успокоиться? глухо повторила она:—нѣтъ, я знаю почему полюбила васъ, въ этой любви и начало и конецъ жизни моей; это рѣшено, я не могла не полюбить, я не жила до сихъ поръ, я была одна одинешенька, вы первый по-человѣчески взглянули на меня, о чемъ-то шепнули мнѣ, дали мнѣ право любить... вы сами человѣкомъ выглядѣли, я и повѣрила вамъ, и полюбила васъ!.. Какъ же мнѣ было не придти къ вамъ, вѣдь за васъ же и выгнали меня, ваши слова да взгляды и сожгли меня... пусть люди что хотятъ, то и думаютъ, пусть проклинаютъ, не до нихъ мнѣ, пусть виновата я, да не передъ ними только... что вы говорите такое?.. «какой вздоръ, какое ребячество!» Она какъ-то мучительно взглянула на князя.

Онъ еще больше опустилъ голову.

— Прасковья Сергѣевна, намъ нужно разстаться! съ усиліемъ выговорилъ онъ.

Она выпрямилась и крѣпко сжала его руку.

— Какъ разстаться?!

— Разстаться... я уѣду въ Петербургъ, мнѣ здѣсь больше нельзя оставаться, я не могу переносить этихъ дрязгъ, вамъ самое лучшее отправиться обратно къ теткѣ, извиниться передъ нею... можно все скрыть, все загладить; пройдетъ время, тогда дѣло другое, вы можете подъ какимъ-нибудь предлогомъ отправиться въ Петербургъ, тогда это не будетъ такъ ясно, но

теперь, согласитесь сами, я не могу васъ взять съ собою, это значитъ положить пятно на себя, окончательно замарать васъ.

Изъ глазъ Паши вдругъ хлынули слезы.

— Я ничего не хочу скрывать, мнѣ скрывать нечего, въ чемъ замарать? я люблю васъ, я до сихъ поръ гордилась этимъ. Называйте меня какъ хотите, пусть я любовница ваша, пусть весь свѣтъ узнаетъ объ этомъ, мнѣ все равно... я хочу быть ею! Голосъ ея дрожалъ, она останавливалась на каждомъ словѣ.

Каверскій насильно улыбнулся.

— Этимъ гордиться нечего... благоразуміе, приличіе, заставляютъ насъ разстаться!

Паша всплеснула руками.

— Князь! вы говорите о приличіи, вы боитесь, что чей-нибудь языкъ произнесетъ лишній разъ ваше имя, что васъ заподозрятъ въ чемъ-то, вы испугались болтовни, вздора, мелкой уѣздной сплетни... а я когда бѣжала сюда, о какомъ приличіи я думала?.. я свѣтъ божій забыла, а вы, помните, когда такъ горячо заступались за женщину, за ея права, когда говорили, что пріѣхали въ деревню затѣмъ, чтобъ мужика воскресить, когда человѣкомъ казались, только человѣкомъ... думали вы тогда о приличіи?.. когда вашими словами да взглядомъ вы въ душу вкрадывались, съ толку сбивали, думали ли вы тогда о приличіи?.. а теперь, когда вы говорите, что все можетъ остынуть, читаете наставленіе, удивляетесь моей смѣлости, чувство называете вздоромъ, ребячествомъ, теперь, подумали ли вы о приличіи, о чести, о долгѣ?.. что вы дѣлаете, князь!.. вы хотите отплатить мнѣ, вознаградить меня... будьте человѣкомъ, тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, больше я ничего не хочу, ничего не требую, зачѣмъ вы измѣняете себѣ?

Князь молчалъ. — Чувство стыда, шевельнулось въ груди его; ему показалось, что онъ не можетъ разстаться съ Пашей, что онъ дѣйствительно любитъ ее, онъ подумалъ даже: «что жъ, жениться на ней!» Да вдругъ взглянулъ на ея простое платье, вдругъ вспомнилъ, что она даже по-французски не говоритъ, что Травилкинъ дѣлалъ ей предложеніе, что въ цѣломъ уѣздѣ теперь смѣются надъ ней, называютъ ее любовницей, рядъ петербургскихъ знакомыхъ, князей, графовъ, пронесся

въ головѣ его, онъ вспомнилъ о своемъ значенiи, объ отцѣ, матери, и ужаснулся.

Паша не спускала глазъ съ него; казалось, она хотѣла прочитать его мысли.

— Говорите все... говорите все до конца, не бойтесь, зачѣмъ притворяться, насиловать себя, я все снесу, все выдержу!.. вы хотите совсѣмъ бросить меня, я надоѣла, опротивѣла вамъ? произнесла она лихорадочно, и на щекахъ ея выступили красныя пятна.

«Что жъ дѣлать... нельзя иначе, она любитъ слишкомъ сильно, это значитъ связать себя!» подумалъ князь.

— Что жъ вы молчите, Григорiй Львовичъ, я знать хочу, я должна знать, вы свободны, я ничѣмъ не обязывала васъ... любили, бросили, или совсѣмъ не любили, все равно, одинъ конецъ, я и слова не скажу, сама я виновата... вы хотите бросить меня?

Князь взялъ ее за руки.

Онъ силился что-то сказать, да испугался звука ея голоса; ему показалось, что въ немъ было что-то рѣшительное.

— Какъ бросить, Паша, развѣ можно бросить тебя!. говорилъ онъ сжимая ея руки:—я долженъ уѣхать въ Петербургъ, пойми ты меня, дай остынуть этой гнусной исторiи, изъ любви ко мнѣ я прошу тебя; пройдетъ мѣсяцъ, другой, мы будемъ снова видѣться, будемъ друзьями... для моего спокойствiя для счастiя, я умоляю тебя сдѣлать это! онъ сталъ цѣловать ея руки.

Прасковья Сергѣевна съ трудомъ дышала.

— Правду вы говорите... да... правду!.. какъ же обмануть такъ!.. для вашего спокойствiя я все сдѣлаю, все перенесу, къ теткѣ опять пойду! задыхаясь произнесла она.

Князь засмѣялся отъ удовольствiя.

— Клянусь тебѣ!.. Боже мой, неужели можно забыть тебя! проговорилъ онъ въ восторгѣ.

— Можно, Григорiй Львовичъ, все можно! чего только нельзя на свѣтѣ, отвѣтила Паша; я знаю, вы не можете любить меня такъ, какъ я люблю васъ, да я и не требую этого, я прошу у васъ только немножко простого, человѣческаго сердца, немножко участiя ко мнѣ, къ судьбѣ моей, чтобъ

я могла отъ васъ теплое слово услышать, чтобъ вы-то не отвернулись отъ меня, не назвали тѣмъ, чѣмъ другіе называть будутъ... въ этомъ вѣдь и счастье мое... отъ другихъ я все снесу... отъ васъ не вынесу... уѣзжайте... я подожду... я останусь... видите, мнѣ весело!.. я вѣрю вамъ, не за что вамъ поносить меня, нельзя этого, грѣхъ великій! Она разставила руки, лицо ея улыбалось, глаза смотрѣли глубоко, довѣрчиво, казалось она на жертву себя приносила.

Не стану разсказывать, какъ простилась Прасковья Сергѣевна съ княземъ; есть минуты въ жизни человѣка, для выраженія которыхъ обыкновенный языкъ слишкомъ бѣденъ, скажу только, что Паша долго крестила князя, губы ея что-то шептали, князь обцѣловывалъ ея голову, плечи и руки.

Ночью онъ и уѣхалъ, никто не провожалъ его, никто не зналъ объ его отъѣздѣ, только собака на цѣпи рвалась и лаяла; управляющій, съ непокрытой головой, стоялъ передъ кибиткой, и почтительно выслушивалъ послѣднія приказанія, да изъ окна во флигелѣ смотрѣло чье-то мертвое лицо. Когда экипажъ тронулся, Григорій Львовичъ распахнулъ шинель, ему было жарко, онъ вытеръ выступившій на лбу потъ и глубоко вздохнулъ. Богъ знаетъ, что означалъ этотъ вздохъ, печаль или радость, быть можетъ, и то и другое вмѣстѣ.

А Паша рыдала, уткнувши голову въ подушку; до сихъ поръ крѣпилась она, и теперь какъ будто боялась, что князь услышитъ ее.

На другой же день въ Райчиковѣ все стихло, все снова законопатили, какъ будто никто и не нарушалъ его спокойствія, только два мужика хмурились, что ихъ отъ дѣла оторвали, заставили окна забѣливать.

— Не простившись уѣхалъ... спѣшно больно! замѣтилъ одинъ.

— Чаво прощаться ему... насъ съ тобой не видывалъ нешто?

— Ребята сказывали прощанье будетъ... кому кое дѣло обѣщалъ... все прощанья ждали.

— Ладно, не помрутъ не бойсь, авось изъ Питера вышлетъ!

— Значитъ и порядки тѣи же?

— Вѣстимо-тъ тѣи же, и мы тѣи же.

— Вишь!

— Чаво вишь!

— Никакъ мѣсяцъ пробылъ!

— Извѣстно мѣсяцъ.

— Эко время какое!

— Чаво время... у него эвоно-тъ... во хлигелѣ все!

Они оба засмѣялись, и затянули какую-то заунывную пѣсню.

V.

Прошло мѣсяца два. Наступила весна. Остатки почернѣвшаго снѣга дотаивали на мокрой землѣ, на деревьяхъ появились почки, въ воздухѣ повѣяло тепломъ, солнечные лучи грѣли сильнѣе, утренніе морозцы исчезали подъ ними. — Прасковья Сергѣевна осталась жить въ Райчиковѣ. Тотчасъ послѣ отъѣзда князя она отправилась въ Коноплянoвку. Невыносимо тяжело ей было; она предчувствовала, что шла на новое оскорбленіе, какъ будто сама навязывалась на него; но любовь къ князю все пересилила; онъ хотѣлъ, онъ требовалъ этого ; на прощаньи она ему честное слово дала, онъ съ тѣмъ и уѣхалъ; онъ снабдилъ ее какимъ-то оправдательнымъ письмомъ къ теткѣ. Онъ все хотѣлъ очистить себя. Нельзя же было обмануть, оскорбить его.

— Все равно!... я все вынесу, а свое дѣло сдѣлаю, что сказано, то и исполню! думала она.

Анна Михайловна сначала приняла Пашу довольно снисходительно, даже улыбнулась насильно, даже протянула ей свою руку, но когда прочла письмо князя, когда узнала, что онъ уѣхалъ, совершенно остервенилась. Нѣсколько минутъ она отъ злобы говорить не могла, только глаза ея страшно сверкали, потомъ начала кричать, потомъ въ обморокъ упала. Катя тоже прибѣжала въ гостиную и вторила матери. Собаки завыли. Богъ знаетъ, чѣмъ бы и разыгралась эта сцена, еслибы Прасковья Сергѣевна не выслушала ее хладнокровно. Она сперва сказала теткѣ, что проситъ у ней прощенья, она дѣйствительно пришла съ повинной головой, хотя и не по своей волѣ; она обрадовалась первому ласковому взгляду, по-

жалуй даже обвинить себя готова была; но когда Анна Михайловна затопала на нее ногами и осыпала самою мерзкою бранью, Паша только поблѣднѣла, ей сдѣлалось страшно, она хотѣла уйдти и не могла съ мѣста двинуться, въ глазахъ ея потемнѣло, она поневолѣ все выслушала и не сказала ни слова, она осталась до тѣхъ поръ, пока казачокъ не взялъ ее подъ руку и не вывелъ изъ комнаты.

Всю дорогу она ничего не помнила, голова ея кружилась, въ ушахъ раздавались крикъ, лай, топанье; она очнулась только въ Райчиковѣ. Она хотѣла зарыдать, да вспомнила, что дѣйствовала по чужому приказу, угодила князю, что теперь можетъ написать ему и горько улыбнулась. Какъ ни была оскорблена Прасковья Сергѣевна пріемомъ тетки, но отчасти она и радовалась ему; одна мысль жить снова въ Конопляновкѣ, сносить брань и упреки, холодила ея сердце; теперь она надѣялась, что князь сжалится надъ ней, немедленно ее въ Петербургъ выпишетъ. Нѣсколько дней она была въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Григорій Львовичъ не замедлилъ отвѣтомъ. Въ письмѣ онъ называлъ Пашу самыми нѣжными именами, увѣрялъ ее въ любви своей, сожалѣлъ, что она столько вынесла для него, говорилъ, что онъ даже не стоитъ этого и просилъ остаться въ Райчиковѣ.

«Умоляю тебя повременить, писалъ онъ, дать замолкнуть всей этой исторіи; ты не можешь себѣ представить, что за гнусная сплетня, даже здѣсь въ Петербургѣ знаютъ о ней, поздравляютъ меня съ какой-то побѣдой. Живи въ Райчиковѣ, тамъ все къ твоимъ услугамъ. Я вотъ что придумалъ, возьми подъ свое веденіе тотъ пріютъ, который я завелъ для крестьянскихъ сиротъ; ты будешь получать за это жалованье, не даромъ, за службу, и сдѣлаешь доброе дѣло. У тебя будетъ занятіе, предлогъ жить въ моей деревнѣ, никто не посмѣетъ укорить тебя, а я увѣренъ, что ты исполнишь эту обязанность какъ нельзя лучше. Переговори съ управляющимъ, онъ все объяснитъ тебѣ. Много бы я далъ, чтобы въ эту минуту обнять тебя, но что дѣлать, нужно быть разсудительнымъ, нужно покоряться обстоятельствамъ».

Не ожидала Паша такого письма, перечитала она его нѣ-

сколько разъ, нѣкоторыя строчки наизусть выучила, поплакала надъ нимъ и молча исполнила княжескую волю, взяла прiютъ подъ свое покровительство.

Да и что было дѣлать, куда дѣться, мѣста ей никакого не выходило, а ѣхать въ Петербургъ на авось, безъ денегъ, да еще вопреки желанiю князя, страшно. Лучше же потерпѣть, до конца угодить ему, слышать отъ него хорошее, теплое слово.

Прiютъ только носилъ названiе прiюта; онъ помѣщался въ простой избѣ, возлѣ скотнаго двора, въ немъ было четверо ребятъ, изъ нихъ двое золотушныхъ. Не смотря на это, Прасковья Сергѣевна очень усердно занялась ими. Каждый день, по нѣскольку часовъ сряду, она проводила вмѣстѣ съ ними, учила ихъ молиться, грамотѣ, наблюдала за чистотой, по праздникамъ въ церковь водила, шила имъ рубашки, даже по лечебнику лечила сама. Дѣти скоро полюбили ее, они бѣгали за ней, какъ утенки за маткой.

Но и эта тихая отшельническая обязанность не угомонила праздные людскiе умы. Внезапный отъѣздъ князя породилъ въ уѣздѣ новые толки. Одни приписывали его трусости, другiе видѣли въ немъ что-то совсѣмъ нехорошее, уѣздный поэтъ боялся послѣдствiй за стихи свои, пожилая дѣва потеряла надежду быть похищенной, помѣщица набожнаго содержанiя крестилась, и пресерьёзно увѣряла, что откурилась отъ опасности ладаномъ. Платонъ Андреичъ разсказывалъ, что вызывалъ князя на дуэль, что онъ потому и удралъ ночью, чтобъ не могли остановить его. Какой-то отставной офицеръ, служившiй на Кавказѣ, увѣрялъ, что князя сопровождали вооруженные люди въ маскахъ. Даже насчетъ Паши свѣденiя были различны: одни положительно доказывали, что она уѣхала съ княземъ, другiе божились, что она въ Райчиковѣ, управляетъ имъ, пользуется огромнымъ доходомъ, третьи говорили, что она въ монастырь идетъ. Одна барыня вдругъ распустила слухъ, что Паша утопилась, даже расплакалась по этому случаю, назвала ее жертвой, побранилась съ мужемъ, обругала всѣхъ мужчинъ извергами, тираннами.

Разумѣется, это сомнѣнiе продолжалось не долго, истина скоро обнаружилась. Тѣмъ не менѣе Прасковья Сергѣевна сдѣла-

лась предметомъ любопытства, сожалѣнія, насмѣшекъ, оскорбленія всего уѣзда.

Всѣ, казалось, сговорились, чтобъ окончательно унизить ее, сдѣлать ее виноватою, оторвать у ней всякую охоту къ жизни. Она отплачивалась за князя и за Анну Михайловну.

Многіе терпѣть не могли Куроѣдовыхъ, и радовались, что придрались къ случаю, говорили, что ея племянница и воспитанница *положила мораль* на все общество, другіе мстили, потому что князь имъ визита не сдѣлалъ, третьи ратовали изъ убѣжденія о нравственности, и всѣ съ наслажденіемъ бросали грязью. Самая обязанность Прасковьи Сергѣевны въ пріютѣ была исковеркана, понята по своему, говорили, что князь завелъ этотъ пріютъ для какихъ-то незаконныхъ дѣтей. Прасковья Сергѣевна не смѣла даже въ церковь показаться; въ какой-то большой праздникъ она къ обѣднѣ пришла, встала поодаль, и все-таки всѣ замѣтили, всѣ оглянулись на нее, всѣ перешепнулись между собой. Она поклонилась какой-то старухѣ помѣщицѣ, та скорчила гримасу и отвернулась отъ нея; она попробовала заговорить съ какими-то прежде знакомыми дѣвицами, тѣ вспыхнули и ни слова не отвѣтили ей; двѣ женщины, впереди ея стоявшія, подталкивали другъ дружку локтями. Паша отступила отъ нихъ; проходившій мимо офицеръ, большой франтъ, съ рыжими, завитыми волосами, нахально взглянулъ въ лицо ей, ей даже показалось, что онъ коснулся руки ея. Она стала молиться, ей хотѣлось все забыть, ни на кого не смотрѣть, ничего не слышать, она чувствовала, что всѣ смотрятъ на нее, говорятъ, думаютъ о ней.

Она вышла изъ церкви. На дворѣ до нея долетѣли слова. — Кучера разговаривали:

— Тая.... изъ Коноплянoвки.... вишь идетъ какъ!

Она заперлась у себя въ комнатѣ и видѣла, какъ каждый проходившій глазѣлъ на ея окна, а офицеръ ручку сдѣлалъ. На другой день она получила нѣсколько писемъ, въ нихъ ей совѣтовали другой разъ не кланяться, не заговаривать, чтобъ другихъ не компрометировать.—«Вы сударыня ищите себѣ подобныхъ, а насъ и дѣтей нашихъ не марайте». Въ одномъ изъ нихъ были стихи.

«Онъ измѣнилъ—мнѣ измѣняли тоже,
Онъ погубилъ—меня губили тоже!
Терпи, мужайся и крѣпись
И за измѣнника молись!

Паша все сносила, все гнала отъ себя, часто какой-то страхъ овладѣвалъ ею, она боялась изъ дому выйдти, боялась оставаться одна въ комнатѣ. Даже управляющій подозрительно глядѣлъ на нее.

— Боже мой! неужели я въ самомъ дѣлѣ виновата такъ... въ чемъ?.. Что жь людямъ-то до меня?..Что я имъ сдѣлала?! думала она сама съ собою.

Часто Прасковья Сергѣевна втихомолку по цѣлымъ днямъ плакала, слезы какъ-то неудержимо лились изъ глазъ ея, она имъ рада была, онѣ облегчали грудь ея. Часто сидѣла она задумавшись надъ письмами князя, точно изучала ихъ, точно старалась отыскать въ нихъ что-то отрадное. А письма приходили все рѣже и рѣже, да и содержаніе ихъ было одно и то же; въ каждомъ говорилось сперва о любви, потомъ о пріютѣ, о необходимости еще остаться въ деревнѣ, дать замолкнуть скверной исторіи.

Часто на Пашу находила страшная тоска, ей хотѣлось умереть, бѣжать куда-нибудь. Часто она думала, что князь обманываетъ ее, и отъ этой думы кровь въ жилахъ останавливалась у нея, сердце переставало биться, руки и ноги холодѣли. Она даже похудѣла въ послѣднее время, румянецъ пропалъ съ лица ея. Часто она рвалась поговорить съ кѣмъ-нибудь, останавливала то мужика, то бабу, она думала хоть въ нихъ найдти сочувствіе, хоть передъ ними раскрыть свою завѣтную думу.

— Куда идешь, бабушка? спрашивала она какую-то старуху нищую.

— Далече, родненькая, далече, голубушка, на богомолье сподобилась, къ святымъ мощамъ, къ чудотворцамъ великимъ.

— За кого молиться будешь?

— За людей, желанная, за людей все... охъ, грѣхъ великій! — пошли тебѣ Господи! старуха перекрестилась.

— Что пошли, бабушка?

— А вѣстимо-ть что... царь небесный милостивъ... ты вотъ молись ему, больше молись, все пошлетъ онъ тебѣ и помилуетъ!.. Отъ грѣха выгородитъ.

— Да?

— Друженьку-то твоего воротитъ... чай въ Питерѣ забавляется... вишь ты грѣхи-то тяжкіе, охъ ты, дѣвушка, сиротинушка, покинулъ тебя голубушку... вишь слезки-то изъ глазъ каплютъ... бѣгутъ супротивъ волюшки, охъ! пошли тебѣ Господи! шептала старуха.

Прасковья Сергѣевна сидѣла вся блѣдная; слезы дѣйствительно текли изъ глазъ ея.

— Что ты говоришь, бабушка, какой грѣхъ тяжкій?

— Тяжкій, желанная, тяжкій!.. за этотъ грѣхъ на томъ свѣтѣ верхъ ногамъ висѣть положено... а ты молись... щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ!

Въ другой разъ Паша встрѣтилась съ старикомъ юродивымъ, ребятишки окружали и дразнили его, она прогнала ихъ и заговорила съ нимъ.

— Что, Божій человѣкъ, хорошаго скажешь? спросила она.

Юродивый какъ-то страшно захохоталъ.

— Хорошо за моремъ, за рѣками быстрыми, улетѣло хорошее... фить, фить, фить! Онъ засвистѣлъ, щелкнулъ языкомъ и замахалъ руками.—До солнышка высоко, до царя земного далеко... сидитъ царь земной на тронѣ, кругомъ его князья да графы... у князя теремъ большущій, у нашего князя у соколика!.. дай Яшенькѣ грошекъ, Яшенька правду скажетъ... у Яшеньки правда въ пяткахъ сидитъ, добавилъ онъ скороговоркой.

Паша сунула ему пятакъ въ руку.

Онъ подбросилъ его, крикнулъ вороной, уперъ голову на палку и разбитымъ голосомъ запѣлъ:

Жила дѣвица поживала,
Птица дѣвицу заклевала,
Птица тая не простая,
Не простая, золотая!

Прасковья Сергѣевна испугалась и убѣжала отъ него. Онъ пронзительно свиснулъ ей вслѣдъ.

Послѣ этого она ужь ни съ кѣмъ больше не заговаривала; она боялась, если даже встрѣчала кого-нибудь, разъ ее окликнула баба какая-то, она вся вздрогнула, ей казалось, что каждый непремѣнно кольнетъ ее, о чемъ-то напомнитъ ей, шевельнетъ ея рану. Въ каждомъ даже безъ умысла сказанномъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ, она стала отыскивать что-то подозрительное, что-то къ себѣ подходящее. Только съ дѣтьми въ пріютѣ нѣсколько отдыхала она, не придавала особаго значенія ихъ дѣтскому лепету.

Разъ она вышла пройдтись на дорогу, за ворота, и вдругъ услышала, что сзади ее ѣдутъ.

Она обернулась и остановилась какъ вкопаная.

Травилкинъ въ тарантасѣ нагонялъ ее.

Прасковья Сергѣевна обомлѣла, она бы рада была сквозь землю провалиться, но кругомъ все гладко и пусто; назадъ бѣжать далеко.

— Извините-съ!.. прогуливаться изволите, свѣжимъ воздухомъ наслаждаетесь! говорилъ Платонъ Андреичъ, толкая въ спину кучера и высовываясь изъ тарантаса; какъ здоровье?.. давно наслажденія не имѣлъ... его сіятельство какъ?

Паша ничего не отвѣчала и только ускорила шаги.

— Все гнѣваться изволите, не хорошо гнѣваться, а я не злопамятенъ, продолжалъ онъ;—мы люди простые... намъ съ князьями куда жъ!.. одиночествуете?.. потерпите, сударыня, потерпите, стерпится—слюбится, одинъ плачетъ, другой смѣется... и вы когда-то смѣялись... теперь нашъ чередъ! Онъ въ самомъ дѣлѣ какъ-то глупо засмѣялся.

Прасковья Сергѣевна побѣжала.

Онъ толкнулъ въ спину кучера и не отставалъ отъ нея.

— Зачѣмъ бѣгать, сударыня... ножки испортите, хоть до свадьбы поберегите себя!.. мы не волки какіе, не укусимъ... прежде отъ дѣла бѣгали... а теперь-то что жъ... князья лучше насъ, имъ и книги въ руки... на чужой каравай ротъ не разѣвай!

Паша остановилась; она не могла ни бѣжать, ни идти.

— Эхъ, ваше сіятельство, ваше сіятельство, какое скверное обстоятельство! продолжалъ на распѣвъ Платонъ Андреичъ; тяжело на свѣтѣ безъ мужа жить, безъ мужа, безъ за-

коннаго! всѣ смотрятъ да подсмѣиваются, какъ барышня князей любитъ, какъ князья барышню обманываютъ... какъ барышня отъ честныхъ людей отварачивается. — Онъ снова захохоталъ.

Ямщикъ кивалъ головой и также подсмѣивался.

Прасковья Сергѣевна вся задрожала, глаза ея страшно сверкнули.

— Пошелъ! вдругъ крикнулъ Платонъ Андреичъ и вскочилъ въ тарантасъ.

Ямщикъ дернулъ лошадей они побѣжали.

Тарантасъ уже былъ далеко, а Платонъ Андреичъ все хохоталъ, и вытянувшись во весь ростъ, махалъ шапкой да посылалъ ручки.

— Прощайте, прощайте, ваше сіятельство, adieu, mon plaisir! издали кричалъ онъ.

Прасковья Сергѣевна сѣла на камень у дороги, она не могла идти.

— Подлецъ! съ усиліемъ прошептала она, и судорожно сжала свои руки, глаза ея бѣгали, лицо было совершенно блѣдно, раскрытыя губы дрожали, ей какъ будто раздавить кого-то хотѣлось.

Пришедши домой, она сѣла писать къ князю.

«Что вы со мной дѣлаете? «между прочимъ писала она», вотъ уже три недѣли отъ васъ нѣтъ ни слуху, ни духу, что нибудь да скажите мнѣ, развяжите руки, я знать хочу, я должна чѣмъ нибудь кончить съ собой, я не могу такъ жить, не могу оставаться здѣсь, я должна, на что нибудь да рѣшиться. Силы измѣняютъ мнѣ, я изнемогаю, падаю, я попала въ какой-то омутъ. Я начинаю въ самомъ дѣлѣ думать, что сдѣлала самое страшное преступленіе, меня насильно увѣрили въ немъ, я боюсь взглянуть на свѣтъ божій, мнѣ кажется, что и онъ коритъ меня. Начните здравому человѣку ежеминутно твердить, что онъ сумасшедшій, онъ въ самомъ дѣлѣ съ ума сойдетъ. Меня, во что бы то ни стало, хотятъ въ пропасть толкнуть. Боже мой! неужели въ самомъ дѣлѣ я ужь такъ виновата, что нѣтъ и прощенья мнѣ. Не побоялась бы я никакихъ оскорбленій, никакихъ злыхъ нашептываній, если бы слышала отъ васъ живое слово, ес-

либъ была увѣрена, что вы-то не осудите меня. Вѣдь я н ропщу, не раскаяваюсь, что полюбила васъ, хоть умереть придется, а роптать не буду, я бы всему свѣту сама разсказала о любви моей, я бы похвалилась ею, еслибъ знала, что вы-то князь не смѣетесь надъ ней, не клеймите ее. Скажите мнѣ правду, ничего не скрывайте ,скажите то, что вы думаете сами съ собою, вѣдь худо ли, хорошо ли, все же вы думаете, этого я прошу, этого я требую!.. конецъ одинъ, смерть такъ смерть, жизнь такъ жизнь, лишь бы не эта гниль проклятая, не эти болячки, которыя сосутъ меня. Ужь если занесли топоръ надъ головой моей, такъ рубите сильнѣй, однимъ взмахомъ такъ, чтобъ и дохнуть не успѣла». Прошло еще нѣсколько дней, Прасковья Сергѣевна рѣшилась никуда не выходить изъ комнаты, она боялась повстрѣчаться снова съ Травилкинымъ и ждала отвѣта на письмо свое. Чего только она не передумала въ эти дни; годомъ ей показались они. Однажды утромъ ей принесли записку, въ розовомъ конвертѣ, заклеенномъ облаткой съ изображеніемъ двухъ цалующихся голубковъ. Ее подалъ какой-то мужикъ.

— Отъ кого? спросила Прасковья Сергѣевна.

— Отъ Семенъ Миколаича... «отъ барина»... изъ Тушина пріѣхали... здѣсь на селѣ остановившись, полушопотомъ отвѣчалъ мужикъ.

Паша пожала плечами.

— Отъ какого Семена Николаича?.. я не знаю никого.

— Баринъ... офицеръ... сказывали молъ, нужно очень, дѣло до вашей милости, пояснилъ посланный.

Семенъ Николаичъ былъ тотъ самый офицеръ, который въ церкви дотронулся до руки Паши и потомъ сдѣлалъ ей ручку.

Прасковья Сергѣевна распечатала конвертъ, вытащила изъ него такую же розовую бумажку, развернула ее и стала читать.

«Милостивая государыня, прелестнѣйшій ангелъ, Прасковья Сергѣевна! Простите, что будучи даже вовсе вамъ неизвѣстнымъ, осмѣлился васъ назвать симъ священнымъ, неземнымъ именемъ, ибо ни съ чѣмъ другимъ, существующимъ въ предѣлахъ нашихъ понятій, сравнить васъ не рѣшаюсь. Будучи плѣненъ вами въ церкви, и зная, можно сказать, ваше гибельное

положеніе, я уже неоднократно желалъ имѣть случай раскрыть предъ вами тайну души моей, и только теперь довѣряю ее почтовому листку, сему нѣмому свидѣтелю человѣческихъ радостей и страданій. Конечно вамъ не безъизвѣстно, что хищный похититель вашего сердца, князь Каверскій, даже совершенно неблагородно поступилъ съ вами;—воспользоваться довѣріемъ дѣвушки и потомъ бросить ее! Какой же мужчина можетъ рѣшиться на это?—Но осушите ваши слезы, и забудьте измѣнника. Будьте увѣрены, что есть люди, которымъ вы очень дороги, которые, хотя не при такихъ княжескихъ средствахъ, но имѣютъ тоже приличное состояніе, чувствительность сердца и возвышенность характера. Находясь здѣсь въ отпуску и будучи ни отъ кого не зависимъ...»

Прасковья Сергѣевна не дочитала записки, она выпала изъ рукъ ея, губы ея задрожали, лицо посинѣло, на лбу холодный потъ выступилъ. Нѣсколько минутъ простояла она неподвижно, схватившись за спинку стула. Она какъ будто что-то припомнить, что-то выговорить хотѣла и ничего не могла, точно дышать перестала.

Мужикъ за дверью кашлянулъ, она опомнилась и встряхнула головой.

— Поди, позови этого барина... его... какъ его?.. кто онъ такой? скорѣй сюда позови! съ усиліемъ произнесла она.

Мужикъ пошатываясь поплелся съ лѣстницы.

— Скорѣй! крикнула она ему вслѣдъ и бросилась къ окну. Цѣлый часъ она не отходила отъ него, и все прикладывала руку къ сердцу, точно боялась, что оно выскочитъ изъ нея, грудь ея высоко подымалась, а дыханія не было слышно, она какъ будто пересиливала себя.

Офицеръ прискакалъ верхомъ на лошади, лицо его торжественно улыбалось, онъ весь запыхался, рыжеватые волосы на головѣ были сильно напомажены, сюртукъ съ иголочки, на рукахъ бѣлыя перчатки.

Увидѣвъ Пашу въ окнѣ, онъ очень вѣжливо раскланялся.

Она выбѣжала къ нему на лѣстницу. Онъ остановился внизу и нѣсколько сконфузился, по крайней мѣрѣ торжественность вдругъ пропала съ лица его, только сѣрые глаза смотрѣли какъ-то приторно.

— Откуда вы знаете о князѣ?.. врете вы, или правду говорите? дрожащимъ голосомъ спросила Паша, придерживаясь за перила.

Офицеръ оправился и встряхнулъ плечами.

— Какъ же бы я, Прасковья Сергѣевна, врать осмѣлился... я, можно сказать, такъ уважаю особу вашу, что даже самому себѣ не радъ! Онъ вздохнулъ и еще приторнѣе взглянулъ на нее.

— Онъ бросилъ меня?

— Бросилъ-съ!.. безчувствительный человѣкъ!.. безъ понятій!..

Паша вздохнула.

— Молчите, вы лжете на него, онъ не сдѣлаетъ этого... лжете!.. я не позволю вамъ... зачѣмъ вы порочите его, нѣтъ въ васъ ни стыда, ни совѣсти!.. убить вы пришли меня... правду, Христа ради, правду! почти крикнула она, спустилась нѣсколько ступеней, схватила его за руку и умоляющими глазами смотрѣла на него.

Онъ совершенно растерялся.

— Помилуйте-съ... побожиться могу, какъ честный человѣкъ бросилъ, какъ же не бросилъ, провалиться мнѣ на этомъ самомъ мѣстѣ, онъ на два года за границу ѣдетъ... на дняхъ ѣдетъ... а сюда вотъ и знать не даетъ... удрать хочетъ! Прасковья Сергѣевна, Прасковья Сергѣевна, да плюньте вы на него! добавилъ онъ очень нѣжно и сталъ цѣловать ея руки.

Она вдругъ вырвала ихъ и толкнула ими въ грудь его.

— Прочь!.. подлые, мерзкіе люди, прочь! съ визгомъ крикнула она; голосъ ея оборвался.

Офицеръ отскочилъ къ противоположной стѣнѣ, онъ не ожидалъ такого удара и выпуча глаза смотрѣлъ на Пашу.

Она побѣжала вверхъ по лѣстницѣ, Богъ знаетъ откуда и силы взялись у нея, до этой минуты она, казалось, ступить не могла.

Онъ оставался неподвиженъ и только нѣсколько минутъ спустя, повѣся голову, какъ пудель облитый водою, вышелъ на дворъ; лицо его было блѣдно, перчатки выпачканы, одна пола сюртука совершенно разорвана. Онъ и не замѣтилъ, какъ въ сѣняхъ за гвоздь зацѣпился ею.

Онъ долго еще бродилъ по двору, надѣясь, что Паша изъ окна выглянетъ, наконецъ сѣлъ на лошадь и, тупо оглядываясь назадъ, поплелся во свояси.

Прасковья Сергѣевна собиралась не долго, она взяла у управляющаго нѣсколько денегъ, жалованье за свою службу въ пріютѣ, и въ тотъ же день въ Петербургъ уѣхала.

А въ Коноплянковкѣ давно все было спокойно, давно все зѣвало, тянулось по прежнему. Бутылки съ настойкой, тарелки съ ромашкой снова стояли на окнахъ, собаки храпѣли по угламъ, Анна Михайловна раскладывала гранъ-пасіансъ все тѣми же засаленными картами, казачокъ такъ же дежурилъ у дверей, Катя донашивала все ту же запыленную зуавку, въ комнатахъ пахло тою же сыростью. Мечты и надежды улеглись, запрятались гдѣ-то на днѣ души и казались видѣннымъ сномъ. Развѣ иногда какая-нибудь долетѣвшая уѣздная сплетня временно будила ихъ, подымала крикъ и тревогу, вызывала упреки и слезы, а потомъ все снова успокоивалось, послѣ шума воцарялась могильная тишина. Только все замѣтнѣе, сильнѣе прежняго рушилось, ветшало въ Коноплянковкѣ. Число стульевъ, негодныхъ для сидѣнья, увеличилось, полъ въ гостиной покосился, кафтанъ на кучерѣ Михеѣ совсѣмъ разъѣхался, на спинѣ у казачка образовалась огромная прорѣха, господская баня развалилась, съ нея вѣтромъ крышу сорвало, сама Анна Михайловна значительно сморщилась и не снимала со щеки подушку съ ромашкой. Катя ходила совершенно растрепанная, были дни, въ которые она вмѣсто платья накидывала на себя старенькій салопишка, да такъ въ немъ и оставалась.

Платонъ Андреичъ давно помирился съ Куроѣдовыми. Аннѣ Михайловнѣ онъ понадобился по какому-то крайнему дѣлу, она написала къ нему очень слезливую записку, онъ воспользовался случаемъ и пріѣхалъ. Его приняли очень радушно, какъ ни въ чемъ не бывало. Катя выбѣжала къ нему на встрѣчу и шутливо погрозила пальцемъ, онъ растаялъ, разцѣловалъ ея ручки и сталъ бывать даже чаще прежняго.

И странное дѣло, послѣ размолвки Анна Михайловна меньше гордилась передъ нимъ, называла его своимъ, домашнимъ, въ глаза величала милымъ, добрымъ, разъ даже сказала: «вотъ вы, Платонъ Андреичъ, умный человѣкъ, какъ вы посовѣтуе-

те мнѣ», говорила съ нимъ откровеннѣе, а иногда какъ будто ужь черезчуръ унижала себя, увеличивала свою бѣдность.

— Вотъ вы не повѣрите, какъ-то говорила она: — считается у меня слишкомъ двѣсти душъ, а что въ нихъ?.. на тридцать бы путныхъ промѣняла, избы вонъ развалились всѣ, народъ все тоже ветхій такой, посѣву мало, какой посѣвъ у меня, опять же сами посудите, что слабая женщина сдѣлаетъ, можетъ ли она съ этими грубыми мужиками управляться, я вотъ и словъ-то ихнихъ не понимаю, гдѣ мнѣ, развѣ я привыкла къ этому! Нашелся бы добрый человѣкъ какой, продала бы Конопляновку.

— Что говорить, ваше превосходительство, вы барыня большая... вамъ эти занятія, даже можно сказать, не идутъ совсѣмъ! отвѣчалъ со вздохомъ Травилкинъ.

Анна Михайловна поднесла платокъ къ глазамъ.

— Ужь о большинствѣ-то своемъ я забыла... какое большинство тутъ... была въ чести, въ уваженіи, да вотъ Богъ не велѣлъ... хочется только подъ старость мало-мальски успокоить себя!.. вотъ и Катя тоже, сами посудите, что ея за жизнь здѣсь... я вотъ ничего не скопила, да не приберегла ей, что я послѣ этого за мать такая!.. охъ!.. только вотъ съ вами горемъ и подѣлиться, нѣтъ человѣка ближе васъ! добавила она съ чувствомъ.

Платонъ Андреичъ самодовольно закрутилъ усы свои.

— Надъ Катериной Васильевной благословеніе Божіе, гордость и украшеніе въ семействѣ; Катеринѣ Васильевнѣ только бы достойную себѣ партію сдѣлать!

Анна Михайловна махнула рукой.

— Гдѣ достойную!.. сами знаете, какіе люди здѣсь, какой уѣздъ здѣшній!

— Уѣздъ дрянь!.. просто выжига, можно сказать... выбору никакого нѣтъ, развѣ вотъ заѣзжій какой... поговариваютъ войска по деревнямъ поставятъ... Я, ваше превосходительство, думаю въ Москву качнуть! очень весело добавилъ онъ.

Она вопросительно посмотрѣла на него.

— Жениться до зарѣзу хочу... я просто не могу жить бобылемъ... не могу-съ!.. купчиху возьму, мнѣ и денегъ не нужно, выше себя тоже не хочу, меня бы только полюбила ка-

кая-нибудь женщина, умру для нея... прахомъ развѣюсь!.. Отчего это, ваше превосходительство, меня женщины любить не могутъ, скажите ради Христа?

Анна Михайловна улыбнулась.

— Что это вы говорите такое, за что не любить васъ... честный да умный человѣкъ!

Платонъ Андреичъ отъ удовольствія перевернулся на стулѣ.

— А вотъ не любятъ-съ!.. что это за фокусъ такой... я, Анна Михайловна, отъ этой самой мысли съ ума могу сойдти! Онъ ударилъ ладонью по столу. Я даже до странности... сидишь это дома одинъ... развернешь календарь передъ собой, и все женскія имена читаешь... выбираешь то-есть какое имя лучше... я разъ на жену задумалъ... какая-то Проскудія вышла!

Куроѣдова, казалось, задумалась и искоса взглянула на него. Онъ сидѣлъ опустивъ голову и затягивался изъ трубки.

— Какое имѣніе-то у васъ... благодать Божія, нѣсколько спустя заговорила она; проѣзжала я мимо, налюбоваться не могла.

— Имѣніе-съ крѣпкое!.. сорокъ тысячь даютъ.

— Кто даетъ?

— Охотникъ даетъ!.. только продай говорятъ!

— Вы продадите?

— Зачѣмъ-съ?

— Такъ, въ Петербургъ бы уѣхали... на эти деньги домъ купить можно!.. на службу бы поступили.

Платонъ Андреичъ усмѣхнулся.

— Куда намъ въ Петербургъ, ваше превосходительство, я съ роду не бывалъ въ немъ.

— Это очень странно... вы кажется человѣкъ любознательный, вотъ и газеты читаете!

— Читаю-съ!.. я собственно для разговора больше... потому сидишь въ деревнѣ и знаешь все, къ сосѣдямъ поѣдешь, тотчасъ передашь... ныньче его величество прусскій король принцессу какую-то принимать изволилъ, большія почести ей оказывалъ! помолчавъ добавилъ онъ.

— Да! неопредѣленно выговорила Анна Михайловна и снова взглянула на него.

— А я бы за счастіе почла въ Петербургъ ѣхать, въ раздумьѣ продолжала она:—Коноплянoвку бы продать, что-нибудь да дадутъ за нее... кое какъ прожили бы... что здѣсь... сплетни однѣ... вотъ сидѣли, сидѣли, да какую исторію выжили.

Она задумалась.

Травилкинъ углубился въ трубку.

Катя тоже была какъ-то особенно снисходительна къ Платону Андреичу, даже любезна съ нимъ.

Прежде она часто надъ нимъ подсмѣивалась, морщилась когда онъ говорилъ комплименты, неохотно протягивала ему свою руку, за глаза называла не совсѣмъ нѣжными эпитетами. Теперь, казалось, она совершенно помирилась съ его манерами, словами и взглядами, даже всячески заискивала предъ нимъ, охотно выслушивала его дурацкую болтовню, хохотала вмѣстѣ съ нимъ, иногда сама ни съ того, ни съ сего подставляла ему свою бѣленькую ручку, иногда пристально засматривалась на него, даже въ случаѣ его пріѣзда сдѣлалась тщательнѣе, кокетливѣе обыкновеннаго, а разъ такъ эффектно причесала волосы, что Платонъ Андреичъ только зажмурилъ глаза отъ удовольствія.

— Не могу-съ... страшно!.. пропадшимъ человѣкомъ сдѣлаете! шутя говорилъ онъ.

Онъ замѣтилъ эту перемѣну и часто, расхаживая по своимъ комнатамъ, вдругъ останавливался и хохоталъ какъ сумасшедшій.

— Василиса!.. поди сюда! кричалъ онъ сморщенной старухѣ, исполнявшей должность ключницы и приживалки; смотри ты на меня, есть во мнѣ что особенное?.. есть?... похожъ я на героя?!

— Чему быть родимый, извѣстно все есть... какъ Богъ создалъ!

— А вотъ ты и врешь... ты дура, ослѣпла отъ старости... женюсь я когда-нибудь, говори, женюсь?

Онъ подбоченивался фертомъ и торжественно смотрѣлъ на старуху.

— Да женись, батюшка... твоя воля!

Платонъ Андреичъ снова хохоталъ и отпускалъ очень хитрое антраша.

Въ послѣднее время онъ еще тщательнѣе прежняго сталъ заботиться о своемъ туалетѣ, завелъ жилетку съ цвѣточками, сдѣлалъ брюки съ широчайшими клѣтками, каждое утро усы подстригалъ, душился такъ, что когда проходилъ по деревнѣ, даже крестьянскія лошади подымали морды и воздухъ обнюхивали. На лбу у него вскочилъ прыщъ, онъ чуть не заплакалъ съ досады, принялъ очистительное, и два дня не ѣлъ ничего.

Анна Михайловна такъ разсуждала: конечно, онъ ей не пара... онъ и ноги не стоитъ ея... но съ другой стороны, гдѣ же взять лучшаго... чего ждать, на что надѣяться, неужели гнить здѣсь?.. онъ вѣдь за счастіе почтетъ, онъ все, что угодно, сдѣлаетъ... имѣніе свое онъ продастъ, Конопляновку мы продадимъ тоже... въ Петербургъ уѣдемъ... можно будетъ жить прилично, порядочное знакомство имѣть... онъ еще образуется, тамъ его пересоздать можно!.. Катя всегда надъ нимъ верхъ возьметъ, онъ готовъ молиться ей... она должна жить въ свѣтѣ... она рождена съ этимъ... съ ея красотой и закабалить себя!.. Конечно, въ уѣздѣ смѣяться будутъ... пускай смѣются... мы вѣдь не останемся здѣсь! Катерина Васильевна думала: я поѣду съ визитами... платье нарядное, пренарядное... не будетъ же онъ вѣчно возлѣ меня... у меня есть свои знакомые, подруги... я буду танцовать... онъ сядетъ въ карты играть... нынче совсѣмъ вѣкъ другой, нынче мужъ женѣ повинуется, нынче женщина comme il faut не позволитъ командовать надъ собой... онъ будетъ заниматься хозяйствомъ, за людьми смотрѣть... Какой будуаръ я себѣ устрою!.. нельзя ли ему въ военную службу перейдти, въ гусары... очаровательнѣе гусарскаго мундира ничего быть не можетъ!.. ахъ, mon Dieu, только бы уѣхать отсюда!

Нѣсколько дней спустя, какъ разъ передъ отъѣздомъ Прасковьи Сергѣевны изъ Райчикова, Платонъ Андреичъ отобѣдалъ въ Конопляновкѣ, Анна Михайловна отправилась вздремнуть, онъ остался съ Катей въ гостиной.

Они расположились другъ противъ друга.

На немъ была не плисовая венгерка, а гороховый сюртучокъ, на шеѣ розовый галстухъ.

У Кати изъ за ушей спускались два длинныхъ локона.

— Зачѣмъ это, Катерина Васильевна, человѣку сердце дано, вдругъ заговорилъ онъ:—вѣдь сердце можетъ погубить человѣка... видишь эту, такъ сказать, природу... красоту неописанную... содраграешься просто... даже уму непостижимо! Онъ пожалъ плечами.

— Я, Катерина Васильевна, насчетъ вашихъ этихъ буклей говорю... красота, премудрость! добавилъ онъ со вздохомъ.

— Да?... вамъ нравится?... я всегда такъ буду чесаться!...

— Зачѣмъ же это-съ?

— Такъ!... хочу!

Платонъ Андреичъ усмѣхнулся себѣ подъ носъ.

— Женщину понимать нельзя, женщина и помучить, и посмѣяться любитъ!... замѣтилъ онъ.

Катя сидѣла, развалясь въ креслѣ, кончикъ ея ножки, обутой въ изящную туфлю, высунулся изъ подъ платья, лицо лукаво улыбалось.

— Я изъ за женщинъ много страданій претерпѣлъ, какимъ-то плачевнымъ тономъ продолжалъ Платонъ Андреичъ:—женщина, такъ сказать, предѣлъ жизни моей... встала она на пути моемъ и покою мнѣ не даетъ.. отъ женщины я рожденъ, отъ нея и погибнуть долженъ... сами посудите, я вотъ жениться до сихъ поръ не могу!

— Не хотите?

— Какъ не хочу-съ!... да для чего же я и на свѣтѣ существую, и о себѣ забочусь, и въ домѣ все устраиваю, каждую копѣйку откладываю... да которая женщина выйдетъ за меня, такъ я ее просто въ золотую рамку вдѣлаю, на стѣнку повѣшу и молиться буду!

Катя захохотала, щеки ея загорѣлись.

— Это я для примѣра говорю, а я за женой, какъ собачонка буду бѣгать... человѣкъ такой-съ!... сердце у меня очень нѣжное!

— Счастливая жена! замѣтила Катя.

— Да-съ, счастливая! а вотъ не идетъ никто!

— Ужь будто никто?

— Никто-съ!

— А Лиза Маркошева... та пойдетъ за васъ.

— Не пойдетъ-съ... предложеніе дѣлалъ!

— Дѣлали?

— Дѣлалъ-съ!

— А Соня Кречетова?

— Рябая-съ!... на рябой не могу.

Катя задумалась и опустила глаза.

— Женитесь на мнѣ! помолчавъ произнесла она.

Платонъ Андреичъ взглянулъ на нее.

Она улыбалась.

— За что вы, Катерина Васильевна, смѣяться надо мной изволите... я по чувствительности своего сердца больше сожалѣнія достоинъ.

— Я не смѣюсь... я говорю серьезно!

Она все улыбалась.

Лицо Платона Андреича такъ и пылало.

— Нельзя вамъ серьезно говорить это, дѣло это невозможное... продолжалъ онъ все тѣмъ же плачевнымъ тономъ:— конечно я дворянинъ, и стараюсь по возможности украшать себя, а только возноситься не думаю; всякій человѣкъ долженъ настоящую себѣ цѣну знать... образованія я не имѣю, чинъ носимъ маленькій... вы сами изволите понимать какого вы рода и званія... вашъ батюшка какой человѣкъ былъ... опять же и красоты неописанной и обращенія деликатнаго... вы, можно сказать, на батистѣ выросли даже... какъ же я могу повѣрить вамъ!

Катя подняла на него глаза свои.

— Платонъ Андреичъ, я вамъ говорю право серьезно... что вамъ за дѣло, какъ я выросла... я васъ знаю... вы человѣкъ добрый, честный, я давно оцѣнила, давно поняла васъ... вы мнѣ нравитесь!

Травилкинъ истерически засмѣялся.

— Катерина Васильевна, Катерина Васильевна! говорилъ онъ, вскакивая со стула:—что же это-съ... повторите пожалуйста!

Катя тоже засмѣялась.

— Ахъ, какой вы странный, я говорю, что согласна отдать вамъ свою руку.

— Ну-съ!

— Что вы мнѣ нравитесь!

— Что-съ?!... Платонъ Андреичъ подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Я буду принадлежать вамъ, только съ условіемъ... если вы немножко любите меня, вы исполните его.

Она глубоко взглянула на него и протянула ему свою руку.

Онъ подскочилъ къ ней, потъ струился съ лица его.

— Мы будемъ жить въ Петербургѣ, вы продадите свое имѣніе... мы Коноплянoвку... у насъ деньги будутъ... да? Она пожала его руку.

Онъ задыхался.

— Себя продамъ! крикнулъ Платонъ Андреичъ и вдругъ бухнулся на колѣни. — Позвольте ручки разцѣловать... не вѣрно иначе!

Она засмѣялась и протянула ему свои обѣ руки.

Онъ схватилъ ихъ и облѣпилъ поцѣлуями.

— Позвольте плечики... безъ плечиковъ вѣрить не могу!

Она нагнулась къ нему. Онъ сталъ цѣловать ея плечи.

Она сама поцѣловала въ лобъ его.

Онъ вскрикнулъ и вскочилъ съ полу, а она проворно утерла свои губы.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Анна Михайловна дѣлала какія-то наставленія дочери. Катя очень много смѣялась, а Платонъ Андреичъ, возвратясь домой, вертѣлъ передъ собой ключницу Василису.

— Отпусти душеньку... ой!.. что мучишь на старости лѣтъ... рехнулся что ли... фу! говорила она задыхаясь.

— Не пущу! ты старая дура пойми только... на генеральской дочери женюсь... красавица... въ Питеръ уѣду, жену всѣмъ буду показывать... молодежь за ней бѣгать будетъ, а я ей мужъ, властелинъ!.. вотъ на твою харю теперь и смотрѣть тошно... пошла!

Онъ толкнулъ ее въ спину, перевернулся на каблукахъ и галопомъ пронесся по комнатѣ.

Василиса крестилась, глядя на него.

VI.

Однажды утромъ, къ подъѣзду одного изъ великосвѣтскихъ петербурскихъ домовъ, подошла женщина въ истертомъ черномъ салопѣ да помятой шляпкѣ.

Она остановилась, перевела духъ, взялась за ручку двери и дотронулась до колокольчика.

Швейцаръ въ ливреѣ отворилъ ей.

— Князь Стрѣлкинъ-Каверскій? тихо спросила женщина.

Швейцаръ подозрительно оглядѣлъ ее.

— Вамъ что?

— Мнѣ нужно видѣть князя.

Швейцаръ снова взглянулъ на нее.

— Вы по бѣдности что ли? спросилъ онъ.

— Я не по бѣдности... князь знаетъ меня... я изъ Райчикова пріѣхала.

— А какъ доложить объ васъ?

— Прасковья Сергѣевна, скажите... Стелицкая...

— Стелицкая! по складамъ повторилъ швейцаръ:—князь почиваетъ, черезъ два часа приходите, помолчавъ прибавилъ онъ.

Женщину передернуло.

— Черезъ два часа? мучительно переспросила она.

— У насъ раньше перваго часу никакого пріему нѣтъ... потомъ приходите! пояснилъ швейцаръ и захлопнулъ передъ ней двери.

Прасковья Сергѣевна простояла съ минуту на подъѣздѣ, оглянулась кругомъ, и тихо побрѣла куда глаза глядятъ.

Только съ вечера пріѣхала она, встала рано ранешенько, пришла издалека, устала, путь къ князю показался ей безконечнымъ, Петербурга она не знала и безпрестанно спрашивала куда идти; она остановилась въ Коломнѣ, у какой-то знакомой, той самой, къ которой писала изъ Райчикова, денегъ на извощика у ней не было, она все до копѣйки истратила дорогой. Ноги ея еле передвигались, на сердцѣ камнемъ тоска лежала; она бродила взадъ и впередъ мимо княжескаго дома, переходила то на одну, то на другую сторону улицы, ей

казалось что ужь давно ходитъ она, взглянула въ окно къ часовыхъ дѣлъ мастеру—Боже мой, только четверть часа прошло. Прохожіе оглядывали ее, дворникъ освѣдомился кого ищетъ она, какой-то франтъ нагло взглянулъ въ лицо ей, подлетѣвшій ни съ того, ни съ сего извощикъ назвалъ барышней и предлагалъ прокатиться. Голова ея кружилась, въ ушахъ звенѣло, ей казалось, что всѣ куда-то бѣгутъ, торопятся, что случилось что-нибудь необыкновенное; она привыкла къ тишинѣ, къ деревнѣ, и вдругъ попала въ центръ столичной толкотни Она не могла даже отчета себѣ дать, что съ ней, не во снѣ же она видитъ все это, ей сдѣлалось страшно. Она не могла ходить и присѣла на крыльцѣ у церкви, какой-то офицеръ раза три прошелся мимо нея, она поневолѣ встала и насильно побрела снова.

А князь, небрежно развалясь на бархатной кушеткѣ, съ сигарой во рту, бесѣдовалъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей.

— Ты не можешь себѣ представить что за чепуха, говорилъ онъ:—я развязаться не могу, влюбилась въ меня, какъ кошка... не могу же я въ самомъ дѣлѣ любить ее... какія же отношенія могутъ быть между нами... странно!.. если сочувствовать всѣмъ женщинамъ, сердца не хватитъ, такъ любить можетъ жена, это ея право, ея обязанность, а не какая-нибудь дѣвушка, на которую взглянулъ ласково, оказалъ ей нѣкоторое вниманіе... наконецъ она не потеряла ничего.... если разсчитывала замужъ выйдти, ну и выйдетъ... кто-нибудь да женится тамъ... я же не могу, заплачу ей... она выиграла даже!.. глупо ужасно, того и гляди сюда пріѣдетъ.

Пріятель усмѣхнулся.

— Eh, mon cher, ты принимаешь слишкомъ близко къ сердцу, мнѣ кажется объ этомъ и говорить не стоитъ.

— Но помилуй, она же волнуетъ меня... раздражаетъ нервы, я слишкомъ впечатлителенъ... пишетъ раздирающія письма... какого-то конца требуетъ... Я давно кончилъ, я даже и не начиналъ ничего... ну былъ знакомъ, ну что жъ изъ этого, жить на содержаніи она не хочетъ, да впрочемъ и не годится для этого, проста слишкомъ... Вообще эта деревня совершенно разстроила меня, грязь, мужики... я чувствую, что усталъ,—мнѣ отдохнуть, освѣжиться нужно.... Затѣмъ и за

границу ѣду... Онъ вздохнулъ.—Ты извинишь... у меня сегодня пріемный день... Боже мой, что за невѣжество, что за бѣдность у насъ, ты не можешь себѣ представить съ какими просьбами иногда являются ко мнѣ.

— Je crois bien, ты такъ великодушенъ.

— Я очень доволенъ, что выслушиваю все самъ, cela donne une idée... чувствуешь, что дѣлаешь доброе дѣло... людей узнаешь... да, мы всѣ люди! добавилъ князь и позвонилъ въ колокольчикъ.

— Тамъ есть кто-нибудь? спросилъ онъ у вошедшаго на цыпочкахъ камердинера.

— Есть, ваше сіятельство, почтительно отвѣтилъ послѣдній.

Князь всталъ и лѣниво потянулся.

— Pardon, au revoir, я не люблю, чтобъ ждали меня, произнесъ онъ и протянулъ пріятелю руку.

У князя были назначенные дни въ недѣлю, въ эти дни къ нему являлись различные просители, большею частію по бѣдности. Онъ ихъ самъ принималъ, самъ выслушивалъ, число ихъ было обыкновенно небольшое, потому что совсѣмъ черный народъ не допускался, да и вообще попасть въ разрядъ просителей было довольно трудно, это зависило отъ соображеній швейцара, отъ его милостиваго взгляда на ту или другую личность. Порядокъ этотъ былъ заведенъ еще покойной княгиней.

Въ пріемной стояли двѣ старухи, въ оборванныхъ салопахъ, съ просьбами въ рукахъ, отставной воинъ въ засаленномъ сюртукѣ, да въ уголку, отвернувшись къ стѣнѣ, сидѣла Прасковья Сергѣевна.

Князь вошелъ и слегка поклонился, въ первую минуту онъ не замѣтилъ Паши.—Она встала и держалась рукою за спинку стула.—Онъ остановился у одной старухи, взялъ отъ нея просьбу и взглянулъ въ сторону.—Руки его затряслись, лицо вытянулось, улыбка пропала, мягкіе глаза смотрѣли строго. Онъ подошелъ къ Пашѣ.

— Вы здѣсь?.. вы пріѣхали?! вполголоса произнесъ онъ.

Она силилась улыбнуться, но блѣдное лицо ея выражало одно страданіе.

— Я пріѣхала! шопотомъ отвѣтила она.

Князь обернулся.

— Неугодно ли вамъ въ ту комнату, я занятъ! я выйду сейчасъ... Проводи! добавилъ онъ, обращаясь къ стоявшему въ дверяхъ лакею.

Паша вышла.

Князь снова подошелъ къ старухѣ. Онъ былъ сильно взволнованъ, но скоро выслушалъ просьбы, сказалъ какой-то совершенный вздоръ отставному воину, вернулся въ кабинетъ, поговорилъ нѣсколько минутъ съ пріятелемъ, выпилъ стаканъ воды съ сахаромъ и только тогда отправился къ Пашѣ.

— Здравствуйте! говорилъ онъ довольно хладнокровно, хотя въ голосѣ его слышалось что-то сдержанное:—не безпокойтесь пожалуйста.... садитесь... вы такъ удивили меня.... я опомниться не могу... зачѣмъ вы пріѣхали?

Онъ уставилъ глаза на Пашу, въ лицѣ его было что-то рѣшительное.

Она сидѣла, опустивъ голову.

— Я пріѣхала васъ видѣть! очень тихо отвѣтила она.

Князь пожалъ плечами.

— Только?... очень радъ, что могу доставить вамъ это удовольствіе.... а потомъ что?

Паша взглянула на него, казалось, она боялась отвѣчать.

— Князь, вы говорите такъ строго, пощадите меня? дрожащимъ голосомъ произнесла она.

— Я говорю откровенно... я долженъ говорить, улыбка да мягкіе взгляды тутъ ни къ чему не поведутъ, вы должны наконецъ понять меня... я ѣду за границу, ѣду на долго, навсегда быть можетъ!.. мы должны объясниться... должны кончить... я прошу васъ выслушать меня въ послѣдній разъ, отвѣчать на мои вопросы, чего вы хотите отъ меня?

Паша задрожала, сердце ея опустилось. Она молчала.

— Между нами не можетъ быть никакихъ отношеній, продолжалъ князь:—вы требуете, чтобъ я все разъяснилъ вамъ, вы сами до сихъ поръ не хотите понять своего положенія, своей обязанности... жениться я на васъ не могу, объ этомъ вы знаете, въ этомъ вы сами, вѣроятно, увѣрены.... для любовницы вы не годитесь... тутъ нужна другая обстановка, дру-

гая внѣшность, тутъ безумная любовь не нужна совсѣмъ... наконецъ, еслибъ вы сдѣлались ею, не брать же мнѣ васъ съ собой за границу.... я ѣду отсюда!... вы посмотрите только въ какомъ платьѣ вы пришли сюда... къ счастію вы попали въ число просителей....могло выйдти иначе, васъ могли увидѣть мои знакомые, вы хотите непремѣнно компрометировать меня, что вамъ нужно?.. денегъ, вознагражденія?.. говорите, требуйте!...

Паша только тяжело дышала, глаза ея были опущены, лицо совершенно блѣдно, руки вытянуты на колѣняхъ.

— Вы хотите знать, что я думаю о васъ? извольте я все скажу.... я думаю что вы поступили глупо, скверно, что не за чѣмъ вамъ было бѣжать отъ тетки нужно было покориться ей, что вы сами унизили себя, сами во всемъ виноваты, что лучше бы вамъ было оставаться честной, порядочной дѣвушкой, и выйдти честнымъ образомъ замужъ хоть за того же Травилкина, я думаю даже, что онъ былъ правъ когда смѣялся надъ вами, вы вѣдь хотѣли чего-то высшаго... я думаю, что и теперь вы еще можете образумиться, загладить вину свою, выкинуть вздоръ изъ головы... я вамъ далъ мѣсто, далъ средства для жизни, вы теперь бросили ихъ; вамъ мало этого? извольте, я дамъ еще!.. вы хотите жить въ Петербургѣ и ничего не дѣлать... вамъ угодно совершенно погибнуть... я не мѣшаю.... дѣлайте что угодно.... только меня оставьте въ покоѣ.... разсчитайтесь со мной!

Онъ замолчалъ, облокотился на спинку кресла и теръ рукою лобъ свой.

— Я кончилъ... больше я ничего не могу сказать.... говорите вы! произнесъ онъ.

Паша поднялась съ дивана, глаза ея безсознательно блуждали, руки искали опоры.

— Я тоже ничего не могу сказать! съ усиліемъ прошептала она.

Князь смотрѣлъ на нее.

Ей показалась, что во взглядѣ его мелькнуло что-то жалостливое. Она крѣпилась до сихъ поръ, она хотѣла выслушать все до конца, какъ будто все надѣялась на что-то; нѣмое ры-

даніе давно переливалось въ груди ея. Она грохнулась передъ княземъ на колѣни и растянулась въ ногахъ его.

— Князь!... не васъ я вижу... вздоръ!... вы не своимъ языкомъ говорите.... себя обманываете... Не туда попала я!... съ трудомъ говорила она:—притворитесь и теперь, человѣкомъ притворитесь... одно слово скажите... Я къ вамъ не приду больше, не помѣшаю вамъ... не увидите вы меня!.. въ послѣдній разъ другое слово скажите,.. чтобъ я-то не кляля себя... чтобъ не страшно мнѣ было вспомнить о васъ...

Князь выдернулъ свою ногу изъ рукъ ея и вскочилъ съ кресла.

— Подите прочь отъ меня! громко крикнулъ онъ.

Она страшно взглянула на него, взвизгнула и застучала головой по полу.

Два лакея высунулись въ дверяхъ.

— Она съ ума сошла... она сумасшедшая... зачѣмъ сумасшедшихъ пускаютъ сюда! грозно добавилъ князь.

Лакеи подвинулись впередъ.

Прасковья Сергѣевна вдругъ вскочила съ полу. На щекахъ ея выступили красныя пятна, волосы были растрепаны глаза сверкали, губы тряслись, руки судорожно въ кулаки сжимались, казалось, она чувствовала въ себѣ необыкновенную силу, казалось кого-то разорвать хотѣла.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая... Я въ здравомъ умѣ! говорила она задыхающимся голосомъ; я была сумасшедшей когда повѣрила;... нѣтъ, не въ вашей мелкой, грязной душенкѣ искать его... вы и притвориться-то человѣкомъ не умѣете... вы надѣли на себя маску и задохлись подъ ней... роль не подъ силу!.. хотѣли людямъ помогать! — она лихорадочно засмѣялась: — вы кричали о чести, о долгѣ, и совѣсти, что за клевета подлая!.. вы вздумали казаться защитникомъ женщины, затѣмъ чтобъ легче вамъ было ограбить ее, чтобъ даже и ограбивши все-таки чистымъ выглядѣть! ахъ!.. она закачала головой, хотѣла еще что-то сказать, но не могла, спертое дыханіе помѣшало ей.

Князь стоялъ блѣдный, какъ полотно, его била лихорадка, онъ придерживался рукою за столъ.

— Возьмите ее! снова крикнулъ онъ.

— Прочь!... я сама уйду, вывести меня не трудно, вы вѣдь большой баринъ, большой!.. вамъ все простительно, все возможно!...... Самой мнѣ труднѣе уйдти... Богъ съ вами... ступайте, раздавайте гроши ваши, подавайте милостыню! я не мѣшаю вамъ! Прочь!.. она шатаясь вышла изъ комнаты.

Князь упалъ на диванъ, ему сдѣлалось дурно. Верховой поскакалъ за докторомъ.

Въ домѣ говорили, что какая-то сумасшедшая разстроила нервы князя, даже сожалѣли зачѣмъ ее въ полицію не отправили.

Нѣсколько дней спустя князь уѣхалъ за границу, онъ очень торопился отъѣздомъ, а Прасковья Сергѣевна переѣхала въ какой-то уголъ, тяжелые страшные дни наступили для нея, жить у подруги было не удобно.

Зато въ Коноплянковкѣ веселились неимовѣрно,—свадьба вообще дѣло великое, а въ деревняхъ и говорить нечего. Гости не выходили изъ нея. Всѣ поздравляли Куроѣдовыхъ и всѣ втихомолку подсмѣивались надъ ними, одни сначала положительно не вѣрили, другіе завидовали Травкину, третьи ему въ глаза говорили, что онъ съ ума сошелъ, что онъ въ петлю лѣзетъ, четвертые удивлялись какимъ образомъ Катя рѣшилась идти за него, пятые какъ то злостно радовались, вотъ-дескать важничала, важничала, а на чемъ съѣхала.— Платонъ Андреичъ возгордился, выросъ на цѣлые полъ-аршина, онъ и слушать ничего не хотѣлъ, онъ былъ влюбленъ, до зарѣзу. Мысль, что наконецъ желаніе его осуществится, что женщина рѣшилась принадлежать ему, да еще какая женщина, что онъ даже нравится ей, кружила его голову, дѣлала изъ него совершеннаго ребенка. Онъ дѣйствовалъ какъ въ туманѣ, отъ восторга самъ себя не помнилъ, часто подходилъ онъ къ зеркалу, долго смотрѣлъ на себя и вдругъ хохоталъ какъ сумасшедшій.

— Вѣдь вотъ же полюбила тебя... чортъ пучеглазый ты этакой, вотъ какого праздника дождался! въ восторгѣ повторялъ онъ.

Онъ готовъ былъ надѣлать какихъ угодно глупостей, даже раззориться въ пухъ и прахъ, лишь бы какъ можно больше

угодить Катѣ.—Онъ былъ довольно скупъ отъ природы и часто дрожащею рукою пересчитывалъ скопленныя временемъ денежки, какъ будто любовался ими, а тутъ, вдругъ ухнулъ довольно значительную сумму на приданое. Правда, Анна Михайловна эти деньги заняла у него, съ тѣмъ чтобъ возвратить при продажѣ имѣнія, но вѣдь мало ли что могло случиться, будущаго не узнаешь. Онъ никогда не кутилъ на свой счетъ, а тутъ вдругъ забралъ нѣсколькихъ помѣщиковъ, повезъ ихъ въ городъ, и такъ угостилъ шампанскимъ, что въ единственномъ погребѣ ни одной бутылки не осталось. До сихъ поръ самымъ приближеннымъ лицомъ къ нему была прачка, курносая деревенская дѣвка, теперь онъ положительно видѣть ее не могъ, и сослалъ изъ дому въ какую-то дальнюю избу на самомъ краю деревни. Каждый день онъ бывалъ въ Конопляновкѣ, и каждый день возвращался оттуда въ совершенномъ упоеніи; Василиса крестилась, слушая по ночамъ бредъ его. Въ присутствіи Кати лицо его горѣло, потъ на лбу выступалъ, не проходило пяти минутъ, чтобъ онъ не цѣловалъ рукъ ея, и такъ цѣловалъ, какъ будто съѣсть ихъ хотѣлъ. Катерина Васильевна дѣлала съ нимъ все что угодно, какъ игрушкой тѣшилась имъ. Разъ она заставила его нарядиться въ салопъ и шляпку и нѣсколько часовъ просидѣть въ такомъ костюмѣ, въ другой разъ пожелала видѣть какъ онъ верхомъ ѣздитъ, потребовала, чтобы онъ для нея конфектъ изъ Москвы выписалъ, за столомъ украдкой сыпала соль въ его тарелки. Платонъ Андреичъ все исполнялъ, онъ ослѣпъ, оглохъ какъ-то, и вмѣстѣ съ Катей смѣялся надъ самимъ собою.

— Охъ, шалунья вы, Катерина Васильевна. Что это за прелесть такая, когда женщина разшалится... уму непостижимо!.. позвольте ручки разцѣловать! говорилъ онъ въ какомъ-то опьяненіи.

Она подставляла ему руки и потомъ вытирала ихъ.

Случалось, что и на Катю находили грустныя минуты, по крайней мѣрѣ она смѣяться переставала, казалась задумчивою, разсѣянною. Платонъ Андреичъ тогда чуть не плакалъ.

— Надоѣли вы мнѣ своими поцѣлуями... что это право...

даже руки болятъ, искололи своими усищами! говорила она съ упрекомъ.

— Выстригу-съ, обрѣю!.. чѣмъ же я виноватъ, если у меня чувство такое, я даже укротить себя не могу! отвѣчалъ на минуту озадаченный Травилкинъ.

— Удивительное чувство!.. вы вотъ и по-французски не говорите, еслибъ вы любили меня, вы бы непремѣнно выучились.

— Выучусь, прикажите только... въ Петербургѣ всему выучусь!

— Ну, и не цѣлуйте меня..

— Не могу-съ, умереть легче.

— Все вы говорите только, если вы хотите доказать любовь свою, вы вотъ что сдѣлайте!.. купите нашу Конопляновку.

Платонъ Андреичъ вытаращилъ глаза.

— Помилуйте, Катерина Васильевна, откуда же я такихъ денегъ возьму, дѣло это совершенно невозможное.

— Какъ невозможное.... вы свою деревню продадите.... вотъ и деньги будутъ.

Платонъ Андреичъ не зналъ что отвѣчать, и только смотрѣлъ на нее.

— Вотъ видите, вы меня даже нисколько не любите, ни на волосъ!... этакой бездѣлицы сдѣлать не хотите, я чувствую, что буду самая несчастная! — она вдругъ заплакала.

Платонъ Андреичъ ломалъ себѣ руки.

— Катерина Васильевна, да вы войдите только.... положимъ я куплю... съ чѣмъ же я-то останусь.... я значитъ всѣ деньги вамъ отдать долженъ.

— Ну и отдать... вотъ и докажите любовь свою, пожертвуйте.... вы доходъ получать будете.

— Какой же доходъ, сами изволите знать, имѣніе ваше раззоренное.

— Чѣмъ раззоренное... что это вы говорите такое.... вы просто мучить меня вздумали, я и вѣнчаться не поѣду.... Богъ съ вами.... вы только смѣетесь надо мной, не за что мнѣ любить васъ, зачѣмъ мнѣ губить себя, я въ монастырь пойду.... Господи! какая я несчастная! — она снова заплакала.

Платонъ Андреичъ растопырилъ руки.

— Ну я куплю-съ.... не могу я видѣть слезъ вашихъ.... куплю-съ!.... Катерина Васильевна, вѣрите вы мнѣ?

Она сквозь слезы улыбнулась ему, и протянула свои руки.

Онъ сталъ цѣловать ихъ.

Послѣ этого обстоятельства Катерина Васильевна стала еще веселѣе, она ужь не жаловалась, что усы Травилкина колютъ ее.

Анна Михайловна выглядѣла совершенной имянинницей, лицо ея пріятно улыбалось, она сняла повязку со щеки, надѣла чепчикъ съ голубыми лентами, и съѣздила куда-то на богомолье. Ей безпрестанно снились самые сладкіе сны, разъ она видѣла, что въ бочку съ медомъ упала.

Да и вся дворня какъ будто обновилась, помолодѣла, бѣгала живѣе обыкновеннаго. Горничныхъ Катя надѣлила старыми платьями изъ обносковъ, на казачкѣ заскрыпѣли новые смазные сапоги, кучеру Михею сшили армякъ изъ свѣтло-синяго сукна, Фофочкѣ надѣли розовую ленточку.

Приближающаяся свадьба ознаменовалась на всемъ.

Платонъ Андреичъ продалъ свое имѣніе и купилъ Конопляновку. Страшно ему стало, когда онъ разстался и съ своей деревушкой и съ полученными за нее деньгами, онъ прослезился даже и очень крѣпко обнялъ старуху Василису. Только теперь показалось ему, что онъ въ самомъ дѣлѣ страшную глупость дѣлаетъ, но воротиться было поздно, да онъ и не думалъ ворочаться. Катя такъ хорошо взглянула на него, такъ мило протянула къ нему свои губки, такъ нѣжно положила свои руки на его плечи, такъ была очаровательна, что Платонъ Андреичъ все забылъ, даже втихомолку посмѣялся надъ своимъ страхомъ, отдалъ бы съ себя послѣднюю рубашку.

Свадьба совершилась въ Райчиковѣ, гостей было множество. Крестьянъ въ церковь пускали только по разбору, у кого былъ нарядъ праздничный. Сопилкинъ, какъ почетное лицо въ уѣздѣ, былъ посаженымъ отцомъ у невѣсты, во все время вѣнчанья онъ сидѣлъ на стулѣ, задремалъ, и очнулся только тогда, когда дьячокъ во все горло вскрикнулъ «а жена да боится своего мужа».

Офицеръ, писавшій письмо къ Прасковьѣ Сергѣевнѣ,

былъ шаферомъ у жениха. Платонъ Андреичъ подъ вѣнцомъ выглядѣлъ совершеннымъ джентльменомъ, на немъ былъ изящный черный фракъ, бѣлый жилетъ, бѣлый галстухъ, въ рукѣ бѣлый батистовый платокъ. Онъ сморкался обыкновенно въ фуляры, но тутъ Катя запретила ему, приказала, чтобъ ничего цвѣтного не было. Про невѣсту и говорить нечего, прелесть съ головы до пятокъ. Всѣ, даже самые злые уѣздные критики, восторгались ею.

По окончаніи обряда Платонъ Андреичъ крѣпко облобызалъ всѣхъ, ему хотѣлось раздѣлить свою радость.

Онъ просто прильнулъ къ рукамъ Анны Михайловны, какъ будто за что-то благодарилъ ее.

— Что, братъ, женился наконецъ.... попалъ карась на удочку!—сказалъ ему какой-то пожилой господинъ мрачной наружности.

— Женился, женился! отвѣтилъ съ восторгомъ Платонъ Андреичъ и бросился къ господину на шею.

VII.

Прошло два года. На одной изъ многолюдныхъ петербургскихъ улицъ, набитой преимущественно разнаго рода мастеровыми, существуетъ большой каменный домъ; его тотчасъ можно отличить отъ сосѣднихъ собратовъ; онъ имѣетъ свою особенную физіономію. Подъ воротами его всегда грязно, на нихъ приклеено множество ярлыковъ съ надписями на русскомъ и нѣмецкомъ діалектахъ: комната отдается, одаеца уголъ, комната отъ жильцовъ со столомъ и прислугой, комната для одинокой дамы, ein Zimmer, и т. д. Дворъ его часто посѣщаютъ странствующіе музыканты. Въ окнахъ видна какая-то неурядица. Одно на половину простыней завѣшано, въ другомъ красная занавѣска, рядомъ пестрая, размалеванная стора, третье пусто, только разбитая бутылка украшаетъ его, изъ четвертаго выглядываетъ гипсовая фигурка, на пятомъ всякая дрянь навалена, шестое заросло пылью. Много разнаго народа живетъ въ этомъ домѣ, кого только не встрѣтишь на его темныхъ, грязныхъ лѣстницахъ, то сбѣжитъ босоногая кухарка съ порожними бутылками, за пивомъ, въ портерную, то попадется маль-

чишка безъ брюкъ, въ длиннополомъ сюртукѣ, съ тарелкой соленыхъ огурцовъ, то мелькнетъ разряженая красавица, то просто изъ дверей выглянетъ растрепанная женская личность, и вдругъ, какъ будто испугается дезабилье своего, то разгульный дѣтина съ заспаннымъ лицомъ, съ виннымъ запахомъ, пошатываясь считаетъ ступени, то господинъ подозрительной наружности, въ засаленомъ халатѣ, выйдетъ освѣжиться, подышать вонючимъ воздухомъ, выйдетъ потому, что въ квартирѣ его ужь черезчуръ дымно и душно, то офицеръ, уткнувши лицо въ воротникъ шинели, ощупью вдоль стѣнки крадется. Слышны здѣсь и звонкая пѣснь, и бряцанье разстроенныхъ фортепьянъ, и плачъ, и крикъ, и брань всевозможная. И вывѣски на стѣнахъ этого дома самыя разнообразныя, вполнѣ удовлетворяющія мелкимъ потребностямъ его обитателей: входъ въ номера, акушерка Емилія Блицъ, Ball Musik, продажа питій и папиросъ, мытье перчатокъ, отпускаютъ кушанье, бритье и прическа дамскихъ головъ, даже на всякій случай гробы съ траурными принадлежностями. Въ этомъ самомъ домѣ, на дворѣ, въ четвертомъ этажѣ, у какой-то старухи нѣмки, въ небольшой комнатѣ, на половину перегороженной ситцевымъ драпри, со стѣнами пропитанными сыростью, недавно происходила слѣдующая сцена.

На потертомъ, засаленомъ диванишкѣ, облокотясь обѣими руками на столъ, сидѣла Прасковья Сергѣевна. Лицо ея совершенно измѣнилось, глаза осунулись и смотрѣли не такъ хорошо, какъ прежде, щеки поблекли, лобъ перерѣзали легкія морщины, волосы на головѣ были разтрепаны, черное измятое платье глядѣло неряшливо, рукава его засучились, шея голая. Она сидѣла неподвижно, устремивъ глаза въ уголъ комнаты, и, казалось, задумалась о чемъ-то, пальцы ея въ волоса вцѣпились, на раскрытыхъ губахъ мелькала горькая улыбка.

Мимо нея взадъ и впередъ ходилъ какой-то очень молодой человѣкъ съ длинными, бѣлокурыми волосами. Онъ курилъ папироску, часто останавливался и взглядывалъ на Пашу.

Оба молчали.

Въ комнатѣ было пусто и грязно; нагорѣвшая свѣча въ

мѣдномъ подсвѣчникѣ тускло освѣщала ее, на стульяхъ валялось платье, на одномъ изъ нихъ мурлыкала кошка, въ простѣнкѣ стоялъ комодишко, на немъ разбитое зеркало, на окнѣ тарелка съ остатками какого-то кушанья, стаканъ съ квасомъ. За стѣной кто-то игралъ на гитарѣ.

Прасковья Сергѣевна продолжительно вздохнула, какъ-то думать устала, облокотилась на спинку дивана, заложила руки за голову и закрыла глаза.

Молодой человѣкъ остановился.

— Что съ тобой, Паша? спросилъ онъ.

Она только головой замотала.

— Не знаю что со мной... день такой выпалъ!.. сегодня я бы сердце изъ себя вырвала.... сосетъ здѣсь! нѣсколько спустя произнесла она и показала рукою на грудь.

Молодой человѣкъ снова остановился и вопросительно взглянулъ на нее.

— Хочется мнѣ сегодня что-нибудь сдѣлать надъ собой!.. выпила бы я чего-нибудь, такого бы выпила—отъ чего бы саму себя забыла... легче бы мнѣ было... Сегодня ровно два года я въ Петербургъ пріѣхала!.. Она вздрогнула, вытянула впередъ руки и положила голову на спинку дивана...

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Ты просто больна, Паша, на тебя находитъ что-то, тебѣ беречься нужно.

Она лихорадочно засмѣялась.

— Поздно!.. не зачѣмъ!.. задохнуться бы мнѣ совсѣмъ, и стыдъ, и совѣсть совсѣмъ забыть, легче бы было... а умереть еще лучше!. знаете ли отчего на меня тоска нашла?.. отъ слова порядочнаго!.. я сегодня весела была, за мной подруга зайдти обѣщалась, я куда-то съ ней ѣхать хотѣла, да вотъ вы пришли.... вы всегда такъ хорошо говорите со мной, спасибо вамъ, еслибъ всѣ говорили такъ, не была бы я тѣмъ, чѣмъ теперь стала, вы вотъ руку мою цѣлуете, я и цѣню это, я вѣдь не стою этого, мнѣ и глядѣть-то страшно на васъ, какъ взгляну, такъ меня въ сердце ударитъ что-то.

Молодой человѣкъ остановился.

— Паша, да полно тебѣ, ты дѣвушка хорошая, честная, я люблю, уважаю тебя.

— Честная!.. не велѣли мнѣ люди честной быть, люди иначе называютъ меня... Поздно я встрѣтила васъ, нужно было въ тотъ день встрѣтить.

— Въ какой день?

— Въ тотъ день, когда я на дно пошла, когда все закрылось, все кончилось для меня..... Слушайте, я вамъ все разскажу; я знаю вы повѣрите мнѣ, мнѣ вѣдь никто не вѣритъ, всѣ думаютъ, что я и родилась такою, вотъ въ этой самой комнатѣ, въ грязи этой, что ничѣмъ другимъ я и быть не могла... на дняхъ какой-то офицеръ зашелъ, книгу у меня увидѣлъ, что вы принесли, и очень удивился, что я читаю ее... не повѣрилъ!

Она горько засмѣялась, и снова облокотилась руками на столъ. Лицо ея вспыхнуло.

— Слушайте, садитесь сюда, сегодня мнѣ говорить хочется, нужно говорить... сегодня я все вспомнила, вы мнѣ сказывали, что пишете, сочиняете куда-то, авось пригодится вамъ... вѣдь и про разбойниковъ пишутъ, и надъ ними поплакать можно.

Молодой человѣкъ сѣлъ возлѣ нея.

— Разсказывала я вамъ какъ полюбила князя, какъ сюда къ нему пріѣхала, а дальше что было, этого я еще никому не говорила... берегла, стыдилась я саму себя вспомнить объ этомъ!

Она на минуту закрыла лицо руками и вдругъ отняла ихъ.

— Слушайте!.. не помню я, какъ вышла отъ князя, сама или вывели меня, все равно!.. очнулась я на мосту какомъ-то, не знаю, какъ попала на него... голова у меня кружилась, въ ушахъ шумъ страшный, и сама себя не чувствую, опомниться не могу!.. люди идутъ, ѣдутъ мимо меня, а я будто и не вижу ихъ, только въ глазахъ что-то мелькало у меня!.. прислонилась я къ перилямъ, идти не могу, въ ногахъ, какъ гири тяжелыя, не знаю что и дѣлать мнѣ, держусь, чтобъ не упасть только, стою этакъ, да на воду гляжу, куда какъ хотѣлось мнѣ броситься въ нее, словно тянуло туда; въ груди огонь жжетъ, палитъ что-то, такъ вотъ и думается, что освѣжила бы себя... и бросилась бы я, непремѣнно бы бросилась, да и тутъ люди помѣшали мнѣ!.

народу шло много, день былъ ясный такой, кто ни пройдетъ, взглянетъ на меня, да и остановится, должно быть лица на мнѣ не было, будочникъ толкнулъ меня и приказалъ дальше идти, я и пошла!.. Два мужика засмѣялись надо мной, показалось имъ, что я пьяна, а я отъ слабости шаталась... хочу домой идти, а куда, припомнить не могу, и названіе улицы забыла... Цѣлый день я пробродила, увижу гдѣ у воротъ скамейку, посижу, не то такъ къ стѣнкѣ прислонюсь, мужчина какой-то заговорилъ со мною, а я какъ полуумная только ему въ глаза гляжу, должно быть страшно было и смотрѣть-то на меня, онъ отсталъ скоро... Только къ вечеру я на квартиру пріѣхала, денегъ у меня ничего не было, у подруги полтинникъ заняла.

Она на минуту замолчала, перевела духъ, провела рукою по лбу и тихо продолжала.

— У ней и остановилась, я давно знала ее, росли вмѣстѣ, обѣимъ вотъ одна доля вышла!.. она горько улыбнулась.— Жила она въ то время съ чиновникомъ какимъ-то въ бѣдности тоже, а только дружно жили, я-то сперва думала, что онъ мужъ ей, добрая была дѣвушка!.. разсказала я ей все, такъ она даже заплакала, глядя на меня, точно вотъ и о себѣ что-то такое вспомнила. Сидитъ, да руки мнѣ жметъ, да волосы мои гладитъ. Плюнь ты, говоритъ, Паша, на него, не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ, Богъ дастъ на хорошаго человѣка попадешь! не поняла я въ то время словъ этихъ, вѣдь тогда не такая я была!.. Жила она въ маленькой квартирѣ, всего одна комната, мнѣ оставаться и нельзя было! Пошла я за своими деньгами, думала ихъ получить, устроиться какъ нибудь; я и обносилась вся, даже башмаковъ путныхъ не было, а выдали мнѣ проценты одни, вотъ и до сихъ поръ получить не могу, никакъ и совсѣмъ пропали!.. Наняла я уголъ за семь руб. въ мѣсяцъ, тутъ и обѣдъ въ этомъ числѣ, не знаю видали ли вы когда! Въ комнатѣ насъ пятеро жило, въ одномъ углу старый старикъ, кашлялъ ужасно, бывало какъ закашляетъ, такъ душу воротитъ, въ другомъ женщина съ ребенкомъ жила, сердитая такая, что страсть, со всѣми перебранится, а ребенокъ больной, онъ и умеръ тутъ, въ третьемъ хозяйка-старуха,

тоже ворчала по цѣлымъ днямъ и все кофе пила, въ четвертомъ я помѣщалась.

Она на минуту замолчала, какъ будто припомнила что-то.

— Господи, чего только въ эту пору не вытерпѣла я, какихъ словъ не наслушалась, и пищи-то этой ѣсть не могу, и воротитъ отъ всего, вспомнить страшно!.. говорятъ, кто въ этихъ углахъ пожилъ, тому чистымъ не бывать!.. Бывало, какъ выбѣжишь на улицу, дышешь иначе, всякая погода раемъ покажется, будто другой міръ увидишь, будто изъ тюрьмы вырвешься!.. хозяйка все приставала ко мнѣ, былъ у ней какой-то купецъ знакомый, такъ она съ нимъ хотѣла свести меня!.. забьюсь я, бывало, къ себѣ въ уголъ, и руки себѣ ломаю, и стыдно-то мнѣ, и бѣжать куда-то думается, и голова отъ шуму да чаду болитъ, и деревню вспомню и князя, я и тогда все еще любила его!.. и пуще тошно мнѣ станетъ, такъ тошно, сердце бы изъ себя вырвала!.. Ахъ, сказалъ бы мнѣ князь хоть слово порядочное, такъ дорожила бы я этимъ словомъ всю жизнь свою, не сгубила бы себя! она махнула рукой. Не вѣрилось даже, что въ такой омутъ попала, все думается, что сонъ видишь... Начала я себѣ мѣста искать, въ контору записалась, куда ни приду, на паспортъ взглянутъ: нѣтъ милая, говорятъ, вы дворянка, намъ нужно простую дѣвушку, вы вотъ и говорите какъ-то странно... А я путалась, знаете, какъ потерянная какая выглядѣла, не привыкла я ни къ чему этому, да и не до того было!

Она покачала головой и пожала плечами.

— Въ горничныя да няньки за дворянствомъ не берутъ, а получше во что, на одежу смотрятъ, да и куда получше, изъ угла-то!.. Пришла я къ одной барынѣ, наниматься тоже, понравилась она мнѣ, доброй такой показалась... узнала тоже что дворянка, «нѣтъ милая, говоритъ, мнѣ нужно дѣвушку работящую...» я ей и говорю: я работы не боюсь, буду работать, я своимъ дворянствомъ не дорожу, не виновата же я, что родилась съ нимъ! — «Я, говоритъ, не могу той дѣвушкѣ, которая у меня въ услуженіи живетъ, вы говорить». — Говорите ты, мнѣ все равно, мнѣ ѣсть нечего, я изъ деревни пріѣхала, никого не знаю здѣсь. — «Зачѣмъ же вы

пріѣхали?—«Я возьми да и разскажи ей, все разсказала, какъ князя встрѣтила, какъ полюбила его, какъ теперь въ углу живу. Выслушала меня барыня, засмѣялась да и говоритъ: вотъ вы какая, моя милая, вамъ нужно совсѣмъ другого мѣста искать, вы по угламъ шляетесь и смѣете въ порядочный домъ являться, мнѣ, голубушка, нужно честную дѣвушку, вы и ходите-то за тѣмъ, чтобъ подтибрить что-нибудь.

Прасковья Сергѣевна остановилась, губы ея дрожали, стѣсненное дыханіе говорить мѣшало.

— Довольно, Паша, посмотри, ты на себя не похожа! произнесъ молодой человѣкъ.

— Мало!.. я все скажу! почти крикнула она и минуту спустя продолжала. — Бросила я мѣсто искать!.. надоѣло мнѣ беречь себя, прискучили мнѣ упреки подлые, пожалѣла я зачѣмъ люди понапрасну клянутъ меня, отъ однихъ отстала я, а къ другимъ не пристала, вспомнила я, что на свѣтѣ одна однешенька, что никому не нужна душа моя, подумала что есть жизнь другая, привольная; нашептали мнѣ о ней, накликали ее на меня, забыла я саму себя отъ горя да усталости, деньги вышли всѣ, за квартиру было не плачено, въ подвалѣ, въ углу, сыро да холодно, кашель старика душилъ меня, больной ребенокъ умиралъ, жилица бранилась, ѣсть мнѣ было нечего, два дня голодала я, а на третій поклонилась хозяйкѣ, попросила къ купцу свести себя!—она зарыдала и ударилась головой объ столъ.

Молодой человѣкъ цѣловалъ ея руки.

— Паша, да ради Бога полно тебѣ! произнесъ онъ съ чувствомъ.

Она подняла голову, проворно утерла глаза и задыхаясь, какимъ-то злобно веселымъ тономъ, продолжала.

— Нарядили меня, накормили меня, комнату мнѣ наняли!.. стала я вещью и радовалась, точно мстила чѣмъ-то, точно своей пагубой людямъ отплатить хотѣла!.. посмѣялась я надъ тѣмъ, что прежде за стыдъ считала, слово это возненавидѣла, злость брала меня, когда я встрѣчала иную женщину, я не завидовала ей, я проклинала ее!.. я сама отвернулась отъ людей, плюнула на ихъ карканье, и надѣвъ на себя

петлю душила себя все крѣпче да крѣпче!.. я не могла забыть прошлаго, а мнѣ нужно было забыть его, чего только не дѣлала я, чтобъ изъ сердца и головы все выкинуть!.. меня виномъ поили, я повсюду кидалась, гдѣ было народу больше, гдѣ веселились до неистовства, гдѣ хохотомъ можно было хоть на время заглушить боль свою! она всплеснула руками.—Ахъ! я до всего дошла и все-таки ничего не забыла, эта дума проклятая все сидитъ во мнѣ! знаете ли какъ живемъ мы?.. сегодня роскошный обѣдъ, вино, кутежъ, пѣсни, завтра кусокъ вонючей говядины, корка чернаго хлѣба, сегодня великолѣпное платье, завтра оно идетъ на рынокъ, щеголяешь въ чужомъ салопишкѣ, сего дня лихачъ извощикъ, завтра въ грязь, въ слякоть, въ тонкихъ башмакахъ ходьба по улицамъ, одинъ вечеръ пошлыя ласки, другой брань грубая, и всюду позоръ, одинъ позоръ только, и всѣ хохочутъ надъ нами, только хохочутъ, и сами мы хохочемъ, вѣдь намъ всегда должно быть весело, велятъ!— Она закрыла лицо руками и замотала головой, тяжелые вздохи колыхали грудь ея.

Молодой человѣкъ тоже казался взволнованнымъ; онъ какъ-то жалостно смотрѣлъ на Прасковью Сергѣевну и гладилъ едва пробивавшіеся усы свои.

Она вдругъ отняла отъ лица руки.

— Поняли вы меня? спросила она.

— Понялъ!.. что жъ дальше-то будетъ съ тобой?

Она крѣпко сжала его руку и долго пристально смотрѣла въ глаза ему, какъ будто благодарила за что-то, какъ будто любовалась имъ.

— Дальше!.. та же чахлая жизнь, тамъ смерть одинокая, въ больницѣ... мы вѣдь не живемъ долго, изведешься, да зачахнешь раньше времени.

Молодой человѣкъ задумался.

— Паша, хочешь я спасу тебя, я женюсь на тебѣ?

Она грустно улыбнулась и высвободила свою руку.

— Меня-то вы положимъ спасете, да только себя погубите, я вашу жизнь отравлю, вы слишкомъ честны, вы не должны и касаться меня, вы свѣжи, молоды, а придетъ время когда и вы вмѣстѣ съ другими проклянете меня, мнѣ только дожить

осталось, а вы еще и жизни не отвѣдали, вы полюбите чистую дѣвушку, вы должны быть счастливы, а меня где же любить вамъ? вѣдь я!.. Она не договорила, стиснула зубы, лицо ея судорожно передернулось.

— Вы и ходите рѣже ко мнѣ, не годится вамъ ходить сюда, нельзя, вамъ нужно беречь себя!.. Прощайте!.. сюда старикъ придетъ, васъ застанетъ, опять бранить меня будетъ!

Она встала съ дивана, лицо ея было совершенно блѣдно, руки дрожали, на глазахъ блестѣли слезы.

Молодой человѣкъ простился съ ней, она схватила и поцѣловала руку его, потомъ захлопнула за нимъ дверь, крѣпко, на два оборота ключа заперла ее, упала на диванъ, и страшно зарыдала; казалось, грудь ея разрывалась на части. Этимъ рыданіемъ она прощалась сама съ собой. Аккорды гитары за стѣной составляли страшный съ нимъ контрастъ.

Кто-то постучался въ дверь къ ней.

Она замолкла, притаила дыханіе и свѣчу погасила.

Она никого видѣть не хотѣла.

Анна Михайловна, Платонъ Андреичъ и Катя давно живутъ въ Петербургѣ, только далеко отъ Паши, въ другой части города, въ домѣ, имѣющемъ тоже свою физіономію, но физіономію чистую, привлекательную. Они занимаютъ прекрасную квартиру, на лѣстницѣ ихъ постоянно дежуритъ швейцаръ. Въ особенности хорошъ будуаръ Катерины Васильевны, какихъ рѣдкостей только нѣтъ въ немъ, все, о чемъ прежде мечтала она; даже въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то упоительнымъ. Стѣны его обиты самыми дорогими обоями, на окнахъ кружевныя занавѣсы, за ними душистые цвѣты въ вазахъ, фонтанчики изъ духовъ, на полу—пуховый коверъ, выгибныя кушетки изъ шелковой матеріи одного цвѣта съ обоями, кресла въ видѣ раковинъ, письменный столикъ, этажерка съ драгоцѣнными бездѣлушками, на стѣнахъ гравюры, да какія гравюры... взглянешь, не оторвешься, все женщины, одна другой лучше, одна другой соблазнительнѣе. Въ этотъ будуаръ и Анна Михайловна, и Платонъ Андреичъ заходятъ весьма рѣдко, развѣ случайно какъ-нибудь, развѣ тогда, если Катя кого-нибудь позоветъ изъ нихъ. Въ немъ молодая хозяйка любитъ мечтать одна, полулежа на изящ-

номъ диванчикѣ, или принимать дружескіе визиты тѣхъ людей, при которыхъ можетъ оставаться въ роскошномъ дезабилье, въ туфляхъ на босую розовую ногу, въ сквозномъ капотѣ, для всѣхъ прочихъ, менѣе приближенныхъ лицъ, существуетъ прекрасная гостиная. Небольшая, простенькая комната Анны Михайловны совсѣмъ въ другой сторонѣ. Крошечный, грязненькій кабинетъ Платона Андреича, съ дырявымъ письменнымъ столомъ, трубкой въ углу, да нѣсколькими стульями, возлѣ кухни.

Катерина Васильевна очень похорошѣла послѣ свадьбы, сдѣлалась женщиной, распустилась, стала курить легкія тоненькія папиросы. Анна Михайловна сморщилась. Платонъ Андреичъ замѣтно состарѣлся, опустился. Въ физіономіи его проглядываетъ тяжелая забота, онъ даже пересталъ закручивать усы свои.

Живутъ Травилкины очень странно. Въ теченіе двухъ лѣтъ Катерина Васильевна и Анна Михайловна истратили почти всѣ свои деньги, нужно было сдѣлать наряды, омеблировать квартиру, завести знакомство, задать нѣсколько вечеровъ, обѣдовъ, себя показать. Платонъ Андреичъ содержалъ самъ себя и перебивался кое-какъ небольшимъ доходомъ, получаемымъ съ Коноплянoвки, съ него брали и за харчи, и за комнату въ квартирѣ, и за мытье бѣлья, въ послѣднее время и его деревню какъ-то перезаложить понадобилось. Не смотря на это, Катя ни въ чемъ не думала умѣрять себя. Она одѣвалась по самой послѣдней модѣ, каждое платье ей служило на какихъ-нибудь два, три раза, она даже какъ-то жестоко обращалась со всѣми своими нарядами, точно доказать хотѣла, что ей все ни почемъ; она ѣздила развалясь въ щегольской коляскѣ, на сѣрыхъ лошадяхъ, сидѣла въ театрѣ не иначе, какъ въ бель-этажѣ. Глядя на эту обстановку, Катю можно было принять за знатную даму, за богачиху. Имя ея скоро сдѣлалось извѣстнымъ всему аристократическому и богатому населенію города. Только нѣкоторыя дюжинныя, грубыя лица не довѣряли этому имени, морщились надъ нимъ, втихомолку посмѣивались надъ его мишурнымъ блескомъ. Эти лица знали, что Катерина Васильевна кушаетъ перепелки, за которыя никогда не платитъ, что серебро и золотыя ея вещи часто отдаются на сохраненіе въ чужія руки, что

экипажъ, въ которомъ она разъѣзжаетъ, подаренъ ей однимъ господиномъ, ограбившимъ для этого цѣлое семейство, что другой господинъ, по какому-то случаю, чуть не перебилъ стекла въ ея квартирѣ. Да и мало ли чего еще не знали эти люди, какихъ грѣшковъ не разсказывали, въ особенности горничныя трещали очень много. Зато въ свѣтѣ, въ обществѣ о Катеринѣ Васильевнѣ думали иначе, многіе ей завидовали, многіе ее обожали, многіе тщетно заискивали ея милостиваго взгляда, и только кое-какія заклятыя старовѣрки, привыкшія видѣть и на солнцѣ пятна, отворачивались отъ нея.

Въ супружескихъ отношеніяхъ Травилкиныхъ было тоже что-то совершенно своеобразное. Катя до безобразія щеголяла, Платонъ Андреичъ ходилъ въ истертомъ сюртукѣ, Катя ѣздила въ собственной колясксѣ, Платонъ Андреичъ трясся на извощикахъ или бѣгалъ пѣшкомъ, она отправлялась въ гости, въ театръ, онъ оставался дома и даже не зналъ куда жена поѣхала, она ничего не дѣлала, ни до чего не дотыкалась, онъ исполнялъ всякую домашнюю работу, смотрѣлъ за прислугой, за кухней. Вообще Платонъ Андреичъ игралъ самую двусмысленную роль, служилъ для Катерины Васильевны какимъ-то прикрытіемъ.

— Боже мой, я замужемъ! восклицала она иногда довольно строго, но я не могу любить мужа, мнѣ даже стыдно показать его!

— Grand dieu! я самая несчастная женщина, вы не должны любить меня, мой мужъ!.. съ ужасомъ произносила она въ другихъ случаяхъ.

— Это все сплетни однѣ, она замужняя женщина! говорили о ней нѣкоторыя дамы.

— Жаль ее, онъ ей не пара совсѣмъ! толковали другія.

— Все мужъ виноватъ, все отъ мужа зависитъ? замѣчали третьи.

Платонъ Андреичъ довольно незамѣтно покорился своей участи. Сначала онъ вздумалъ протестовать, какъ мужъ, заявить права свои, но его съ разу осадили. Потомъ онъ долго молча наблюдалъ за женой, даже не хотѣлъ вѣрить себѣ, но наконецъ не выдержалъ и замѣтилъ, что неприлично молодой дамѣ такъ держать себя.

Катя вскинулась на него.

— Какъ неприлично?.. что это значитъ!.. вы меня приличію учить вздумали... что-съ?.. Боже мой, я даже ушамъ своимъ не вѣрю!

— Нельзя не вѣрить, сами посудите, что сказать могутъ... вотъ старикъ у васъ по цѣлымъ днямъ сидитъ, къ чему это-съ!.. для мужа это непріятно! довольно робко говорилъ онъ.

Катерина Васильевна захохотала ему подъ носъ.

— Что это?.. вы еще смѣете подозрѣвать меня, вы?.. ревновать къ этому почтенному старику!

— Старикъ, или кто другой, все одно, вотъ и вчера кто-то сидѣлъ у васъ!

— Вамъ дѣла нѣтъ! крикнула Катя.—Mon Dieu, до чего дожила я... я даже принять никого не могу, вы смѣли подумать обо мнѣ, вы хотите заключить меня въ келью какую-то!

— Ничего этого не хочу, я даже готовъ для васъ всякое удовольствіе доставить... а только сами посудите, откуда у васъ берется все?

— Что берется!

— Наряды-съ!

— Такъ что жъ мнѣ прикажете одѣваться такъ, какъ вы, чихиремъ этакимъ!

— Я, Катерина Васильевна, чихиремъ для васъ сдѣлался, этимъ меня попрекать нечего, раззорили вы меня, какъ липку обобрали, дѣлаете вы такія вещи, что и сказать совѣстно!

— Катя вспыхнула.

— Какія вещи! какъ вы смѣете оскорблять меня, вотъ тиранъ навязался!.. я за васъ только изъ милости пошла, я честь вамъ сдѣлала, а вы не смѣйте оскорблять меня... вы съ тѣмъ уговоромъ и женились на мнѣ, чтобъ ни въ чемъ не указывать!.. вы вотъ не дѣлаете ничего, васъ же хлѣбомъ кормятъ... зачѣмъ на службу не поступили, зачѣмъ?

— Какая мнѣ служба!.. обморочили вы меня, глаза мнѣ отуманили!

Катя взвизнула. Ей сдѣлалось дурно.

На крикъ ея прибѣжала Анна Михайловна.

— Какъ вы смѣете? кто вамъ далъ право?.. умертвить вы ее хотите... злодѣй! кричала она.

Платонъ Андреичъ поблѣднѣлъ.

— Право мнѣ далъ Богъ да церковь... а вы въ это дѣло мѣшаетесь напрасно.. довольно ужь вы же портили ее, всю душу-то ее просолили... или совсѣмъ ни стыда, ни совѣсти въ васъ нѣтъ, пустили вы меня по міру, да еще и обезчестить хотите, чтобъ и рожу-то я свою даже не могъ никуда показать... я мужъ ей, не позволю я ей сдѣлать этого?

— Молчите! крикнула Анна Михайловна.

— Молчите! повторила очнувшаяся Катя.

— Ты молчи!.. не заставь разсказать всѣхъ дѣлъ твоихъ... все знаю!.. уймись, уймись говорю... каяться будешь!

Катя снова вскрикнула.

Анна Михайловна бросилась помогать ей.

Платонъ Андреичъ весь трясся, внутреннее волненіе душило его, больше онъ ничего не могъ говорить. Впрочемъ эта вспышка его была чуть ли не послѣднею.

Катя заболѣла, у ней разстроились нервы, она нѣсколько дней пролежала въ постели, потомъ встала какъ ни въ чемъ ни бывало, а вечеромъ очень громко хохотала съ какимъ-то офицеромъ.

Платонъ Андреичъ не только не возвысился, не только не привелъ въ исполненіе своей угрозы, но напротивъ замолчалъ окончательно, онъ на все, какъ говорится, рукой махнулъ, отъ всего отвернулся. Онъ по цѣлымъ днямъ началъ пропадать изъ дому. Недавно его подняли пьянаго на улицѣ и совершенно обезображеннаго домой привезли. Катерина Васильевна сначала испугалась, съ ней сдѣлалась истерика, а потомъ очень обрадовалась этому случаю, она на другой же день рѣшительно объявила, что жить съ мужемъ больше не намѣрена, что онъ осрамилъ, погубилъ ее и можетъ убираться къ мужикамъ въ Конопляновку, что она не въ состояніи больше кормить его.

Платонъ Андреичъ выслушалъ ее довольно хладнокровно, въ головѣ его очень шумѣло.

— Змѣя ты подколодная! говорилъ онъ хриплымъ, сдержаннымъ голосомъ:—за что жъ ты человѣка-то погубила, за то, что онъ въ ногахъ у тебя валялся, руки, ноги твои цѣловалъ!.. сколькихъ еще погубишь, сколькихъ ограбишь?.. вѣдь у васъ душа-то ненасытная, волчья натура!.. поплатишься ты за грѣхи

свои, не вѣкъ красотой торговать, пропадешь!.. не вѣкъ людей обманывать!.. на папертяхъ настоишься, въ сыромъ подвалѣ околѣвать будешь, а ужь не помогу я тебѣ, отплачу за погибель свою, вишь до чего довели вы меня!—Онъ развелъ руками и тихо заплакалъ.

Сюртукъ его былъ разорванъ, лицо разцарапано. Черезъ нѣсколько дней онъ дѣйствительно уѣхалъ.

Тяжело было смотрѣть на него, такимъ разбитымъ, уничтоженнымъ онъ выглядѣлъ.

Послѣ его отъѣзда Катя заблестѣла еще болѣе. Въ обществѣ очень жалѣли ее.

Въ настоящее время она стала благоразумнѣе, копитъ копѣйку, и живетъ прикрытая именемъ несчастной жены, брошенной подлецомъ-мужемъ.

Добраться до нея если не трудно, то по крайней мѣрѣ дорого.

Анна Михайловна, въ качествѣ приживалки, находится при дочери, и всюду кричитъ о ея несчастномъ замужествѣ и о безнравственности нынѣшняго вѣка.

Она безпрестанно ходитъ въ церковь, а по средамъ и пятницамъ кушаетъ постное.

Платонъ Андреичъ допиваетъ свою жизнь въ деревнѣ и коекакъ конопатитъ полусгнившую Конопляпкову.

Князь Стрѣлкинъ-Каверскій возвратился изъ заграницы. Вмѣстѣ съ его появленіемъ, на петербургскомъ горизонтѣ засіяла какая-то итальянка, новая камелія самой роскошной породы.

О Прасковьѣ Сергѣевнѣ и говорить нечего, она сама опредѣлила конецъ свой: тамъ смерть одинокая, та же чахлая жизнь, изведешься да пропадешь раньше времени!

А. Витковскій.

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ *).

(«ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ» БАРРИ КОРНВАЛЛЯ).

Pistol. Thou hast spoke the right;
His heart is fracted and corroborate.
Henry V.

СЦЕНА I.

КОМНАТА.

Іеронимо. Его мать.

Мать. Не правда ль, самъ обманывалъ себя
Ты этимъ чувствомъ?—Подойди ко мнѣ,
Да не гляди такъ странно!.. Что жь молчитъ
Въ тебѣ досада? Выскажи мнѣ все,
Мой милый!

Іеронимо. *Ты* устроила все это?

Мать. Да, я. Тебѣ жь хотѣла я добра.

Іеронимо. О мать моя! Какое сердце ты
Разбила! Нѣтъ въ Италіи другого,
Нѣжнѣй его, страстнѣй. — Ты мнѣ хотѣла
Добра? Добро ль, что я умру? добро ль,
Что буду изнывать, томиться, вянуть —
Безъ свѣта, безъ отрады?—Нѣтъ,—мнѣ будетъ
Отрадою — по цѣлымъ грустнымъ днямъ
Бродить въ слезахъ вокругъ того гнѣзда,
Гдѣ бѣлую мою голубку держатъ.

Мать. Іеронимо!

Іеронимо. Да, бродить и плакать,
Покуда не умру — какъ умираютъ
Отъ молніи — мгновенно.

Мать. Жить ты будешь,
Любить...

*) Этотъ очеркъ основанъ на одной изъ новеллъ Боккачіо. Іеронимо былъ посланъ изъ Италіи въ Парижъ для окончательнаго своего образованія. Его удержали тамъ два года, такъ какъ мать его боялась, чтобы онъ не женился на бѣдной и прекрасной дѣвушкѣ (Сильвестрѣ), съ которою онъ былъ воспитанъ съ дѣтства. Во время его отсутствія мать постаралась устроить замужество Сильвестры. Возвратясь, онъ все бродилъ вокругъ ея дома. Ему удалось пробраться къ ней въ комнату, онъ съ нею говорилъ (мужъ въ это время спалъ)—и наконецъ умеръ передъ нею, на ея постели.

Іеронимо. Носить на помертвѣломъ лбу
Вѣнокъ изъ розъ. и надъ судьбой смѣяться,
Какъ та невѣста, что на утро брака
Насильнаго — внезапно пала мертвой...
О! будто невѣрна она?.. Пойдемъ
Со мной!.. Ты говоришь, что невѣрна?
Сильвестра невѣрна? моя Сильвестра?

Мать. Не поминай мнѣ имени ея!
Она виной всей нашей горькой скорби.
Не думай ты о ней!

Іеронимо. О ней не думать?

Мать. Она вѣдь замужемъ.

Іеронимо. Послушай, мать!
Не будь же зла, и не шути жестоко!
Серьёзно говори!

Мать. Я говорила
Тебѣ серьёзно. Замужемъ она.
Да, замужемъ. Иль все тебѣ не ясно?

Іеронимо. О! слишкомъ, слишкомъ ясно, если правда!
Я — видишь — вынесъ эту вѣсть. Взгляни!
Я... Сердце все разбито у меня!

Мать. О Боже мой! не слишкомъ ли далеко
Зашла я? (*Всторону*).
Какъ онъ блѣденъ и какъ слабъ! (*Громко*).
Іеронимо! о дитя мое!

Іеронимо. Единственное!

Мать. Полно! такъ жестоко
Не говори! Подумай обо мнѣ —
О матери твоей!

Іеронимо. За то, конечно,
Что безъ меня подумала сама
Ты обо мнѣ? — Я благодарный сынъ:
Я передамъ тебѣ въ наслѣдство всѣ
Отцовскія владѣнья, бриліанты,
И золото, и корабли. *Все — все*
Пойдетъ къ тебѣ! Я не желаю жить,
Чтобы потомъ вдову, или дѣтей
Оставить — и такую мать ограбить!

Мать. Молчи! молчи! не разрывай мнѣ сердца!

Іеронимо. Клянусь, что все исполню! Темной Паркой,
Что перерѣжетъ жизненную нить,
И богомъ злата Плутусомъ, и адскимъ

Судьей Миносомъ, и коварнымъ богомъ
Любви клянусь! своей разбитой жизнью!
Убитыми надеждами своими!

Мать. О, перестань! О, пощади меня
Хоть ради твоего отца!

Іеронимо. Отца?
Онъ умеръ.

Мать. Но когда былъ живъ, такъ кротокъ
И добръ онъ былъ! — Вскипаетъ въ каждомъ сердцѣ
Порою злоба (для иныхъ въ ней гибель):
Божественною мудростью должны
Мы утолять ее...

Іеронимо. Напитокъ славный!
Въ чужихъ краяхъ у насъ въ огромныхъ чашахъ.
Вино кипѣло, воспаляя мозгъ...
Темно — и сладко — и полно грѣха...
И пилъ я, пилъ, и пилъ по цѣлымъ днямъ
И по ночамъ, а пищей былъ мнѣ горькій,
Поэтами воспѣтый лавръ, вспоенный
Безсмертными кастальскими струями...

Мать. О Боже мой!

Іероонимо. Вотъ это мнѣ пріятно!

Мать. Что, сынъ мой?

Іеронимо. То, что плачешь ты теперь,
Хотя твой мужъ давно уже въ могилѣ,

Мать. Да не о немъ я плачу.

Іеронимо. Не о немъ?
Такъ пусть же стыдъ сомкнетъ твои уста!
Иль не былъ онъ хорошъ и добръ? О, нѣтъ;
Онъ былъ таковъ. А ты не плачешь! — Или
Ты плачешь о глухомъ и скучномъ вдовьемъ
Своемъ житьѣ? Еще ты можешь мужа
Себѣ купить.

Мать. Я не хочу замужества.
Утраченнаго мнѣ не замѣнить.

Іеронимо. Не замѣнить... (Вотъ разъ сказала правду!)
Не замѣнить — хоть выгляди глаза
Отъ сумерекъ до той поры, какъ утро
Начнетъ всходить по огненнымъ ступѐнямъ
Востока, — хоть съ утра до ночи будь
На поискѣ сердецъ!.. Незамѣнимъ
Онъ межь людьми. Онъ былъ такъ добръ, такъ вѣренъ!
Всѣмъ существомъ онъ ненавидѣлъ ложь;

Такъ милосердъ и кротокъ былъ!.. И умеръ! —
О добрый мой отецъ! какъ онъ любилъ
Больного сына своего (ты помнишь?);
Какъ онъ боялся, чтобы родъ его
Не кончился съ нимъ вмѣстѣ; какъ желалъ онъ...
Напрасное желаніе! — Не будетъ
Дитяти у меня,—и наше имя
Еще честнѣй, еще славнѣй не станетъ! —
Да, я послѣдній! Я послѣдній отпрыскъ
На этомъ пышномъ деревѣ. *Ты*, мать,
Его срубила, — и на немъ всѣ вѣтви
Изсушены *тобой*. — Прощай! (*Идетъ.*)

МАТЬ. Прощай!..
Нѣтъ, подожди! Прости меня!

ІЕРОНИМО. Прощаю...
А если мать свою благословлять
Возможно сыну — и благословляю.
Будь счастлива, спокойна сердцемъ будь —
И болѣе не думай обо мнѣ!

СЦЕНА II.

Комната Сильвестры.

Іеронимо. Сильвестра.

ІЕРОНИМО. Все стихло.... здѣсь лежитъ она... *она*,
Что быть *должна бъ* моею! — Тсс... Сильвестра!...
Она ужь спитъ. Раскрытыя уста
Благоуханьемъ дышатъ, какъ цвѣтокъ,
Апрѣльскимъ утромъ пробужденный. — Вотъ
Ея рука.... О милая рука!...
Бѣлѣе мрамора! — Она недвижна....
Что̀, если умерла она? — О, какъ
Она прекрасна!.. Что̀ предъ нею эти
Со̀зданія блистательныя грековъ,
Богини ихъ холоднаго Олимпа?
Что передъ ней царица та, что взглядомъ
Гнала во мракъ сіяющія рати
Юпитера, и яростныя волны
Морей смиряла?—Боже! Передъ этой
Священною и чистой красотой
Смиряется бунтущая кровь,
Благоговѣя молкнутъ страсти. — Чу!
Она во снѣ пролепетала что-то...
Какъ сладостно! — Сильвестра!

Сильвестра. Ахъ! кто здѣсь?

Іеронимо. Я.

Сильвестра. Кто такой?

Іеронимо. Иль говорить мнѣ надо
И называть по имени себя?
Сильвестра! ты меня не узнаешь?
Не узнаешь?... О, горе!... Иль печаль
Такъ измѣнила голосъ мой, что *ты*
Не узнаешь меня?

Сильвестра. Иди отсюда!
Лишь сдѣлай шагъ — я мужа разбужу.

Іеронимо. Іеронимо я.

Сильвестра. Ахъ, разъ еще
Скажи! еще! — Нѣтъ, нѣтъ! не говори!

Іеронимо. Закрой глаза, закрой свои глаза!
Ты женщина замужняя. Зачѣмъ
Тебѣ смотрѣть на гибель человѣка,
Который такъ любилъ тебя?

Сильвестра. Любилъ?
О, нѣтъ!

Іеронимо. Любилъ тебя, какъ жизнь, какъ рай,
Какъ счастіе! любилъ — и въ вѣрномъ сердцѣ
Лелѣялъ и хранилъ твой милый образъ
(Зловѣщій талисманъ!) до самой смерти.

Сильвестра. О Боже!

Іеронимо. Я пришелъ теперь къ тебѣ,
Чтобъ возвратить къ невиннымъ днямъ твою
Заблудшуюся мысль. — Вѣдь ты слыхала,
Что духи блѣдные порой изъ темныхъ
Могилъ приходятъ къ грѣшникамъ — ихъ сердце
Склонять къ добру? Могильный, горькій смѣхъ,
Случалось, оглашалъ — постель разврата,
И въ грѣшномъ тѣлѣ застывала жизнь.

Сильвестра. Не съ злою ль мыслью ты пришелъ ко мнѣ!

Іеронимо. А почему жъ не съ злою? — Нѣтъ, бѣдняжка!
Нѣтъ! я твоихъ не трону нѣжныхъ членовъ,
Не надругаюсь ими... .Слишкомъ сильно
Тебя любилъ я — слишкомъ долго — весь
Нашъ краткій вѣкъ!

Сильвестра. Нашъ горькій краткій вѣкъ!

Іеронимо. Давно ль, Сильвестра, мы съ тобою были
Дѣтьми? давно ль другъ друга дѣтски нѣжно

Любили?.. Я былъ старше. Ты была
Милѣй всѣхъ дѣвочекъ, которымъ кудри
Родное наше солнце золотило.
Я помню — многіе тебя любили,
Но ты меня предпочитала...

Сильвестра. Да!

Іеронимо. Я думалъ — ты меня любила. Я же...
Какъ я любилъ тебя, мнѣ говоритъ
Донынѣ трепетъ сердца. — Я хотѣлъ бы,
Съ тобой прощаясь, знать, что ты спокойна
И счастлива.... Скажи же! Срокъ коротокъ:
Меня уже коснулась смерть.

Сильвестра. Ты шутишь?

Іеронимо. О милая! я умираю... да!
Я умираю. Въ этотъ мигъ вся кровь
Во мнѣ хладѣетъ; пульсъ мой бьется рѣже....
И утреннее солнце не успѣетъ
Сквозь вьющіяся лозы заглянуть
Къ тебѣ въ окно — я буду ужь лежать
Здѣсь — въ спальнѣ у тебя — холодный, мертвый.

Сильвестра. О, не пугай меня!

Іеронимо. Я не хотѣлъ
Тебя пугать, Сильвестра. Лишь съ однимъ
Пришелъ къ тебѣ: сказать, что ты жестока
Была ко мнѣ... сказать — и умереть.
Не бойся же меня! Своимъ предсмертнымъ
Прикосновеньемъ я не остужу
Твоей прекрасной груди, по которой
Такъ нѣжно вьются голубыя жилки.
Твоя щека — цвѣтущая щека —
Не поблѣднѣетъ въ страхѣ предо мною,
Потеряннымъ, несчастнымъ. — Посмотри
Ты на меня!... Меня шатаетъ вѣтеръ.
Иду — и дѣти надо мной смѣются,
И вѣтви, лѣтнимъ вечеромъ — качаясь
И шелестя — насмѣшливо зеленымъ
Листомъ дрожатъ, какъ будто говорятъ:
«Мы долговѣчнѣе его на свѣтѣ».

Сильвестра. Не убивай меня!

Іеронимо. Всего восьмнадцать
Я прожилъ лѣтъ; но и въ короткій срокъ
Вмѣститься можетъ много. Дней моихъ
Не озаряло счастье. Рано смерть

Внесла въ нашъ мирный домъ опустошенье.
Недугъ гасилъ въ лицѣ моемъ румянецъ.
Мной овладѣли грезы.... Дикимъ блескомъ
Онѣ горѣли, словно метеоры.
Передо мной. Одну изъ нихъ ты знаешь.
Она-то (что объ этомъ говорить!)
Свела меня съ пути — и обрекла
Погибели. — И я имѣлъ надежды;
Но ихъ не уберегъ... Онѣ изчезли.

Сильвестра. А я.... о, сердце бѣдное мое!
Я думала.... (Потише говори:
Мужъ спитъ.) Я думала — когда ты былъ
Въ чужихъ краяхъ, и жилъ такъ долго тамъ.
И никогда не присылалъ ни вѣсти
Ко мнѣ, ни спроса обо мнѣ — что ты
Совсѣмъ забылъ Италію.

Іеронимо. Скажи
Еще разъ это! Такъ ли было?

Сильвестра. Такъ,

Іеронимо. Я вижу все.... О, женское коварство
И гордость матери!... Да что жь я сдѣлалъ
Судьбѣ? За что она меня такъ гонитъ? —
Но — все равно! Не унывай, Сильвестра!
Враги насъ могутъ лишь убить — не больше!
Но въ этомъ счастье, милая!.. уйдемъ
Мы отъ своихъ гонителей — и будемъ
Спокойны.... Путь не дологъ... сладко спится
Подъ свѣжею весеннею землей
Не пошатнуть грозѣ нашъ безопасный
Пріютъ — и намъ въ немъ нечего бояться....
Пусть клевета, что хочетъ, говоритъ
О нашей жизни! наши имена
Пускай чернитъ злорѣчье!

Сильвестра. Боже! Боже!

Іеронимо. О милая! въ странѣ, гдѣ быть намъ вмѣстѣ,
Насъ ждутъ цвѣты и солнце. Не горюй,
Мое дитя! Тамъ счастіе; тамъ горю
И злу конецъ.... Средь ангеловъ мы будемъ....
Вѣнцы на нашихъ челахъ; наша рѣчь —
Гармонія.... Тамъ слезъ иныхъ не будетъ,
Какъ слезы радости, — иного вздоха,
Какъ вздохъ любви... взгляни жъ свѣтло, спокойно!
Мы можемъ тамъ любить безъ опасеній:
Ни матерей, ни золота тамъ нѣтъ,

Ни зла людского, ни вражды коварной...
Да, милая! обоихъ насъ сгубили!
Какъ поздно я узналъ, моя голубка,
Твою святую, вѣрную любовь!
Ты думала — я измѣнился? Нѣтъ!
Къ тебѣ писалъ я часто.... Много длинныхъ
И нѣжныхъ писемъ посылалъ къ тебѣ...
Ихъ всѣ кропилъ своими я слезами...
Писалъ — а ты молчала. Наконецъ
Въ меня закралось горькое сомнѣнье.
Я возвратился, — и тебя нашелъ
Ужь замужемъ.

Сильвестра. О горе!

Іеронимо. Я унылъ
И изнемогъ. Порою, мозгъ, казалось,
Во мнѣ сгоритъ; но умереть, Сильвестра,
Съ тобою не простившись, я не могъ.

Сильвестра. Не сокрушай ты мнѣ, Іеронимо,
Души такою рѣчью!.. Я была
Обманута. Они мнѣ говорили,
Что дѣвушку нашелъ ты лучше, краше
Своей Сильвестры, что съ измѣной чувства —
Надъ бѣдной нашей дѣтскою любовью
Смѣяться сталъ. Мнѣ съ клятвою твердили,
Что сердцемъ ты страдаешь — оттого,
Что на свободу просится оно.
Тогда... О, не гляди ты на меня!..
Тогда они — меня и обвѣнчали.

Іеронимо О! *(Вскрикиваетъ)*

Сильвестра. Что съ тобой? Скажи!

Іеронимо. Унылый вѣтеръ,
Бѣгущій дня и стонущій въ ночи,
Поетъ мнѣ похоронный гимнъ теперь
О милая! позволь мнѣ разъ одинъ
Прилечь на грудь твою! Вѣдь я холодной
Своей щекой не простужу ея,
Не замочу слезою. Грудь твоя
Гробницей будь моей любви невинной!
На ней, моя родная, пусть замретъ
Зарѣзанное счастіе!.. Лишь разъ!
Одинъ лишь разъ, Сильвестра!

Сильвестра. Жаль тебѣ
Меня, мой милый?

Іеронимо. О, какъ жизни жаль!

СИЛЬВЕСТРА. Не говори ты такъ! Хоть ты и шутишь,
Я вся дрожу отъ страха;

ІЕРОНИМО. Я шучу?
Взгляни въ мои глаза! На ихъ прозрачной
Поверхности легла ужь *смерть*, Сильвестра!
Взгляни! Вѣдь то послѣднее усилье
Природы — поддержать огонь въ зѣницахъ,
Гдѣ свѣтится душа при нашей жизни
И радостью, и мыслью, и печалью, —
Гдѣ всю свою она являетъ силу,
Проводниковъ вѣрнѣе ихъ не зная.

СИЛЬВЕСТРА. Сюда! Ну вотъ, теперь ты веселъ?

ІЕРОНИМО. Да!
И умереть хотѣлъ бы тутъ.

СИЛЬВЕСТРА. Какъ сладко!
Я улыбаюсь, милый!

ІЕРОНИМО. Улыбайся!
Я стану тоже улыбаться... вотъ...
Но только... Ахъ! слова лежатъ такъ тяжко
На языкѣ... Хочу сказать, — уста
Не повинуются... Мнѣ трудно... трудно
Сказать... А я хочу... Прощай!.. Дай руку!..
Не вижу...

СИЛЬВЕСТРА. Ахъ! ты весь холодный, милый!

ІЕРОНИМО. Я стыну, — да... Но ты не оттолкнешь
Меня, моя забитая голубка?..
Они жестоко съ нами поступили...
Жестоко... Но прости ты имъ!.. Одна —
Вѣдь мать... она очувствуется послѣ,
Когда узнаетъ, что я умеръ... Ахъ!
Дышать мнѣ нечѣмъ... Воздуха!.. скорѣй!..
Побольше!.. Гдѣ ты?.. Гдѣ?.. Я слѣпъ... не вижу...
Рука не поднимается... Я зябну...
Какая ночь холодная!.. Вотъ такъ, —
Прикрой меня!

(*Умираетъ.*)

Мих. Плещеевъ.

ДОКТРИНА

(изъ Гейне).

Стучи въ барабанъ и не бойся,
Цѣлуй маркитантку подъ стукъ;
Вся мудрость житейская въ этомъ,
Весь смыслъ глубочайшій наукъ.

—

Буди барабаномъ уснувшихъ,
Тревогу безъ устали бей;
Впередъ и впередъ подвигайся —
Въ томъ тайна премудрости всей.

—

И Гегель, и тайны науки —
Все въ этой доктринѣ одной;
Я понялъ ее, потому что
Я самъ барабанщикъ лихой!

П. Вейнбергъ.

СИБИРЬ

ПО БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

(*Окончаніе*).

XIII.

Сибирская честность.—Одно слово сочувствія и три слова бранныхъ.—80% бродячаго населенія.

Пароходы останавливаются, не доходя пяти верстъ до Томска. Пристань не имѣетъ того пріятнаго вида, какой обыкновенно сообщается пароходнымъ пристанямъ. Нѣтъ этихъ яркоцвѣтныхъ домиковъ на судахъ, какіе украшаютъ волжскія пароходныя пристани. Вмѣсто этого стоитъ рядъ дворовъ, обнесенныхъ высокими, сплошными массивными заборами, съ двумя воротами съ каждой стороны: со стороны рѣки и съ противоположной стороны. Кчему это высокое положеніе? Противъ кого эти укрѣпленія? И отчего ихъ нѣтъ ни въ Казани, ни въ Перми, ни на Волгѣ, гдѣ нагружаются въ суда товары и болѣе разнообразные, и въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ Томскѣ? Потому ихъ нѣтъ на Волгѣ, что они тамъ ненужны, и потому они устроены въ Томскѣ, что безъ нихъ ни одинъ купецъ не можетъ быть увѣренъ, что его товаръ попадетъ въ полномъ количествѣ на пароходъ. Воровству при грузкѣ много помогало между прочимъ пустынное положеніе пристаней, къ которымъ примыкаетъ вплоть кустарный лѣсъ. А главная причина заключалась въ особенномъ качествѣ Томскаго населенія.

Разсказамъ о честности сибирскаго населенія нужно вѣрить столько же, какъ и разсказамъ о сибирскихъ арбузахъ и персикахъ. Ненужно

никакихъ уголовныхъ статистикъ и полицейскихъ объявленій о кражахъ, чтобы опредѣлить спокойно или неспокойно въ какой-нибудь сторонѣ. Если пріѣзжая въ Россію видишь, что крестьяне запираютъ избы на ночь просто на щиколду; если крестьяне не знаютъ употребленія ставень и устраиваютъ ихъ исключительно какъ украшеніе; если на почтовой станціи можно оставить смѣло экипажъ безъ всякаго надзора, то очевидно, что жители не боятся воровъ, и воровство вещь рѣдкая. Но если пріѣхавъ въ Сибирь вы видите, что пароходная пристань укрѣплена какъ острогъ; что у каждой крестьянской избы устроены ставни съ желѣзными засовами; если на почтовой станціи вамъ не совѣтуютъ оставлять экипажа безъ надзора, то очевидно, что въ Сибири опасности отъ воровства гораздо больше, чѣмъ въ Россіи. Есть сибиряки, разсказывающіе петербургскимъ жителямъ, что они не знали никогда, что значитъ запирать двери. Но это разсказываютъ люди или бывшіе «начальствомъ», или начальствующіе и донынѣ. У начальства, разумѣется, воровать не разсчетъ, и воровство случается не у нихъ, а обваровываютъ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ; обворовываютъ лавки, церкви, обозы; крадутъ товаръ при грузкѣ. Въ доказательство того, что Сибирь Аркадія, вамъ говорятъ, что здѣсь и не знаютъ другой прислуги, кромѣ ссыльныхъ: И это правда. Коренной сибирякъ не учился поварскому искусству, потому что въ крестьянскомъ быту оно ненужно; коренная сибирячка не знаетъ стирать и крахмалить бѣлья, потому что носятъ бѣлье другого качества; коренная сибирячка не знаетъ какъ ходить за барынями и барышнями, потому что въ деревняхъ нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ; коренной сибирякъ не умѣетъ мести и убирать салоновъ, потому что салонъ крестьянину неизвѣстенъ. Однимъ словомъ крестьянинъ, какъ человѣкъ земледѣльческаго быта знаетъ только свой бытъ, но не знаетъ быта барскаго; онъ не оставитъ свой домъ, свою землю, свой крестьянскій промыселъ, чтобы сдѣлаться поваромъ, кучеромъ, камердинеромъ, лакеемъ; а крестьянская женщина также не броситъ своей семьи, чтобы превратиться въ горничную, модистку или прачку тонкаго бѣлья. А между тѣмъ для чиновничьяго населенія всѣ эти люди нужны. Гдѣ же ихъ взять, когда коренная Сибирь не создавала никогда изъ своего населенія прислуги? Въ этомъ случаѣ помогло сосѣдство Россіи и русскіе помѣщики. Прислуга—это вполнѣ самобытное сословіе, видоизмѣненіе древнихъ домашнихъ рабовъ, создалось въ Россіи принудительнымъ путемъ изъ дворни, изъ городскихъ сословій, видѣвшихъ въ услуженіи единственное средство для существованія. Помѣщичьему участію

принадлежитъ здѣсь первое мѣсто; помѣщики первые занялись спеціальнымъ воспитаніемъ людей для домашнихъ надобностей и они же населили Сибирь прислугой — спеціалистами. Поваръ, камердинеръ, лакей, горничная, прачка, кучеръ, незнавшіе никогда ничего кромѣ жизни въ барскомъ домѣ, явившись въ Сибирь, искали для существованія своего средствъ сподручныхъ. Становиться земледѣльцами имъ было трудно; жить въ глуши въ деревнѣ, послѣ нѣсколько болѣе цивилизованныхъ привычекъ, болѣе высокаго быта, чѣмъ крестьянскій, было нелегко; и вотъ поваръ шелъ въ повара, лакей въ лакеи, а горничная въ горничныя. Такъ поступали поселенцы, т. е. люди сосланные на поселеніе. Съ каторожными установился подобный же обычай. По прибытіи партіи на мѣсто обыкновенно спрашивали, кто изъ прибывшихъ знаетъ какое ремесло, и обыкновенно поваръ становится опять поваромъ, а горничная опять горничной. Вотъ почему въ Сибири не знаютъ большею частію другой прислуги, кромѣ ссыльныхъ. А что эта прислуга большею частью хороша, то и въ этомъ нѣтъ никакой психологической задачи. Изъ за чего хорошему человѣку сдѣлаться дурнымъ? Между множествомъ случаевъ ссылки за дѣйствительную вину, или за дѣйствительную безнравственность, есть много и такихъ, что человѣкъ и самъ не знаетъ, за что онъ очутился въ Сибири. Здѣсь есть много людей, сосланныхъ за кражу, воровство, развратъ, разбой, убійство; много людей дѣйствительно испорченныхъ; но есть и такіе, которые дѣлали шалости нарочно для того, чтобы уйдти отъ своихъ господъ; есть такіе, которые дѣлали проступки въ минуту увлеченія и горячности. При прежнемъ правѣ помѣщиковъ отсылать своихъ людей въ Сибирь бывали такого рода случаи, когда отстраняли человѣка только потому, что не нравилась физіономія, или потому, что нравилась чья-нибудь физіономія, а онъ мѣшалъ; или потому, что наговоритъ дворецкій, камердинеръ, ключница. У насъ на пароходѣ былъ поваръ, который очутился въ Сибири, потому что побилъ дворецкаго; а дворецкаго побилъ онъ за то, что тому хотѣлось выдать за него свою дочь, а повару не хотѣлось прикрывать барскихъ грѣховъ. И пошли у нихъ ссоры. Дворецкій жаловался часто барину на повара, а поваръ злобился и искалъ случая сорвать сердце. Разъ дворецкій приходитъ въ кухню, придрался къ мелочи и хотѣлъ даже ударить повара, а тотъ подмялъ его подъ себя и поколотилъ его чумичкой, такъ что тотъ едва ушелъ, Разумѣется драться не хорошо, да вѣдь не хорошо и выводить человѣка изъ терпѣнія и доводить его до бѣды. Поваръ въ Сибири, а

дворецкій остался при баринѣ. Видѣлъ я шестидесятилѣтнюю женщину, сосланную въ Сибирь потому, что она не понравилась лицомъ новымъ господамъ. Живетъ она на одномъ мѣстѣ лѣтъ пятнадцать и ею не могутъ нахвалиться. Между сосланными горничными чаще всего услышишь подобное объясненіе причины ссылки. Очень можетъ быть, что въ разсказахъ горничныхъ половина лжи, но за тѣмъ остается и половина правды, и во всякомъ случаѣ такъ называемая антипатія, или говоря по просту «не понравилась лицомъ», играла весьма не маловажную роль въ отношеніяхъ барынь къ своимъ горничнымъ. Есть здѣсь прачки, сосланныя за порчу господскаго бѣлья; есть женщины, отправленныя потому, что онѣ мѣшали исполненію нѣкоторыхъ соображеній своего барина, есть и такіе, которые отправлены потому, что не хотѣли продать господину своего коня. Пусть будетъ во всѣхъ этихъ разсказахъ ссыльныхъ половина правды, но кто же имѣетъ основаніе утверждать, что господа дѣйствовали всегда безошибочно; что въ отношеніяхъ къ прислугѣ у нихъ существовало полнѣйшее безпристрастіе; что барыни бывали всегда справедливы къ своимъ горничнымъ; что хорошенькое личико не смущало иногда барскаго сердца и не возбуждало въ сердцѣ барыни ревности? Не судомъ опредѣлялась виновность человѣка и не на основаніи положительнаго закона, указывающаго, что считается проступкомъ и преступленіемъ, отсылались помѣщичьи люди въ Сибирь, а по однимъ личнымъ соображеніямъ и заключеніямъ. Много здѣсь людей безъ вины виноватыхъ. Будь вина сосланныхъ такого свойства, что и предвидѣлъ и указывалъ законъ, будь преступленіе уголовное, они бы и судились уголовнымъ закономъ. Но о симпатіяхъ и антипатіяхъ законъ не говоритъ ни слова; объ опасеніяхъ супруги за вѣрность мужа тоже не говоритъ законъ и многое не считаетъ виной, что служило иногда поводомъ къ ссылкѣ. Здѣсь дѣйствовало личное право; не обращались къ суду потому, что судъ не нашелъ бы вины.

Что же удивительнаго, что прислуга въ Сибири изъ ссыльныхъ, когда другой и нѣтъ? Или что прислуга эта хороша, когда она и до ссылки была такой же? У насъ служитъ теперь отставной каторжный, съ клеймами на лицѣ, человѣкъ сосланный за убійство. Все это доказываетъ только одно, что сосланные вовсе не такіе страшные злодѣи, и что между ними есть хорошіе люди, но все это еще не дѣлаетъ изъ Сибири Аркадіи, страны населенной добродѣтельными людьми. Если бы это было такъ, откуда бы взяться тѣмъ удивительнымъ разсказамъ, которыми васъ

преслѣдуютъ всю сибирскую дорогу. Уже въ Петербургѣ говорили мнѣ, что нужно быть осторожнымъ подъ Кунгуромъ и подъ Тюкалинскомъ. Въ Казани сибирскіе тарантасы приготовляются нѣсколько иначе, чѣмъ для Россіи. Задніе ящики обтягиваются желѣзомъ, и на подушкѣ подъ задней осью по краямъ ящика наколачиваются большіе желѣзные гвозди. Романовъ, старавшійся доказать мнѣ, что гвозди эти дѣйствительно нужны, въ числѣ доводовъ ихъ полезности привелъ и такой: разъ воръ, взобравшись на заднюю ось, чтобы подрѣзать ящикъ, сорвался какъ-то въ ухабѣ и упалъ животомъ на гвозди. Ни ямщикъ, ни проѣзжающій, не подозрѣвая ничего, продолжали путь. Ужь на станціи узнали они въ чемъ дѣло, когда пришлось снимать трупъ несчастнаго. Люди, придумавшіе подобныя ловушки, вѣроятно имѣли къ тому поводъ и не стали бы наколачивать гвоздей и обшивать ящики желѣзомъ, если бы тарантасы назначались для дѣйствительной Аркадіи. Въ Казани же разсказывали мнѣ, что и желѣзные ящики не достигаютъ цѣли; что ночью нужно быть осторожнымъ; что теперь разрѣзываютъ у тарантасовъ кожу, и воръ, пропустивъ руку внутрь экипажа, вытаскиваетъ чрезъ это отверзтіе, что придетъ ему по вкусу. Тамъ же сообщали даже неправдоподобныя вещи о ловкости дорожныхъ грабителей. Говорили, что за Пермью татары, занимающіеся подрѣзываніемъ обозовъ, для безопасности придумали такой способъ. Они раздѣваются до гола, намазываютъ тѣло мыломъ, довольно толсто, и отправляются на ночной промыселъ. Въ случаѣ неудачи, когда обозные поймаютъ вора, ловкій татаринъ выскользаетъ у нихъ изъ рукъ какъ угорь, и убѣгаетъ. Въ Перми не совѣтовали ѣхать ночью первую станцію за Кунгуромъ. На станціи Бѣлоярской внуки ссыльно-каторжныхъ Березовскаго завода занимались подрѣзкой обозовъ въ самомъ селѣ. Въ сентябрѣ 1861 года послѣ одного наглаго грабежа, посадили въ острогъ 25 семействъ и послѣ этого обозы стали проходить спокойно черезъ село. Въ Тюмени каждый день разсказываютъ происшествія: то солдатъ пришелъ лечить бабу отъ живота, выпилъ на ея счетъ водки и унесъ у нея самоваръ, цѣнныя вещи и деньги; то у купца стянули двѣ кадки меду и принесли ихъ въ даръ кому слѣдуетъ, а воръ все-таки не открытъ; то выпилили у дома уголъ, влѣзли въ домъ и вынесли всѣ пожитки; то убили лошадь и сняли съ нея кожу, чтобы продать кожевнику. Въ Томскѣ прошедшую зиму найдено 30 мертвыхъ тѣлъ, а кто и за что сгубилъ души — неизвѣстно. Пріѣзжаю въ Маріинскъ и слышу вездѣ разговоры о свѣжемъ происшествіи Молодой мѣщанинъ, судившійся по

подозрѣнію въ убійствѣ отца, убилъ въ кабакѣ цѣловальника и подносчика, выкралъ деньги и поджогъ кабакъ. Желая отвлечь отъ себя подозрѣніе, онъ черезчуръ пересолилъ, и его заподозрили и посадили въ полицію. Арестованный убѣжалъ чрезъ трубу. На четвертой станціи за Маріинскомъ подрѣзали у обоза 3 мѣста съ чаемъ. За Ачинскомъ опять три мѣста. Чрезъ нѣсколько станцій дальше опять три. На одной станціи, по поводу разговора о фальшивыхъ бумажкахъ, хозяинъ сказалъ мнѣ: «это все дѣлаетъ народъ россійскій, а сибирякъ по просту убиваетъ», и при этомъ разсказалъ тоже какое-то недавнее происшествіе. Однимъ словомъ вездѣ слышишь разсказы о воровствѣ, грабежѣ и убійствахъ. На послѣднемъ ночлегѣ предъ Ачинскомъ мнѣ показывали на станціи старуху, которую чуть было не задушили разбойники. Въ прошедшемъ году скиталось въ тѣхъ мѣстахъ около 50 бѣглыхъ каторжныхъ. Старуха шла домой съ богомолья, или изъ церкви, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Злодѣи сняли съ бабы платокъ и придушили ее, оставивъ ребенка. Когда они ушли, дѣвочка распутала платокъ и старуха отдышалась. Къ чему было это злодѣйство? Не боялись ли бѣглые, что о нихъ старуха скажетъ въ деревни? Но бѣглыхъ здѣсь никто не ловитъ, и бояться имъ некого. Послѣ этого происшествія почта одно время ходила съ конвоемъ. А между тѣмъ на каждой станціи, въ каждомъ городѣ вамъ скажутъ «у насъ спокойно», а вотъ въ Маріинскѣ такъ точно шалятъ. «А въ Маріинскѣ скажутъ, что у нихъ спокойно, а шалятъ въ Ачинскѣ. Въ западной Сибири ссылаются на восточную; въ восточной на западную. Въ Красноярскѣ разсказываютъ о двухъ разбойничьихъ шайкахъ, занимавшихся разбоемъ на большихъ дорогахъ, и только что пойманныхъ, и объ атаманѣ одной изъ нихъ, повинившемся въ 42 душахъ. Въ Мальшанской станціи опять разсказы о новыхъ убійствахъ, сдѣланныхъ въ Усольи (Иркутскій солеваренный заводъ, населенный каторжными), и объ убійствахъ подъ Тельминской фабрикой.—Убили двухъ крестьянъ, но убійцъ поймали. На той же станціи морской офицеръ, проѣзжавшій изъ Забайкалья, разсказывалъ объ убійствѣ тамъ четырехъ человѣкъ и о томъ, что поймали 100 бродягъ. Разсказъ этотъ оказался нѣсколько преувеличеннымъ. Убили точно четырехъ:торгующаго жидка съ сыномъ и купеческаго прикащика съ кучеромъ; но ста бродягъ поймано не было. Въ Иркутскѣ, среди бѣлаго дня и прямо противъ моихъ оконъ, поймали вора, стащившаго въ мучной лавкѣ выручку. Всего денегъ было 25 рублей. Его поймали. Онъ отбивался отчаянно, но не отбился.

На другой день 5 его товарищей—думают, что они же и виновники убійствъ — приплыли въ Иркутскъ на лодкѣ. Оказались бѣглые изъ Нерчинскаго округа. Но особенно предостерегали меня въ Читѣ—не ѣхать отнюдь ночью. Предостерегали старожилы, люди хорошо знакомые съ краемъ. Вѣроятно у нихъ было на то основаніе. Какимъ образомъ понимать цѣлый рядъ приведенныхъ мною фактовъ? Можно сказать, что преступленія существуютъ вездѣ, гдѣ есть люди; что преступленія совершаются въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, и это будетъ справедливо. Но можно также сказать, что нигдѣ въ Россіи на протяженіи самаго длиннаго почтоваго тракта проѣзжающій не услышитъ и четверти того, что ему разскажутъ на большомъ сибирскомъ трактѣ. Незнакомые съ статистикой уголовныхъ преступленій въ Россіи, многіе изъ насъ вѣровали въ патріархальность и чистоту нравовъ народа потому только, что факты изъ этой патріархальной жизни были извѣстны только немногимъ офиціальнымъ лицамъ. Разъ даже кто-то, чуть ли не Булгаринъ, въ порывѣ патріотизма сталъ доказывать, что въ Россіи нравы гораздо чище и преступленій гораздо меньше, чѣмъ въ западной Европѣ. Разумѣется, если съ числомъ фактовъ, публикованныхъ Европой, сравнивать число публикованныхъ фактовъ изъ русской жизни, то Россія окажется земнымъ раемъ, гдѣ неизвѣстны ни пороки, ни преступленія, ни печали, ни страданія. Но кого мы обманываемъ? Кто выигрываетъ оттого, что мы скрываемъ сами отъ себя правду? И что̀ за деликатность въ обращеніи съ научными вопросами? Что̀ за сентиментальность въ отношеніяхъ къ народу и вѣчное желаніе смотрѣть и на себя, и на народъ, какъ на маленькихъ дѣтей? Это самоуниженіе до того еще сидитъ въ насъ во всѣхъ, что многіе пріобрѣли себѣ довольно громкую извѣстность такими журнальными статьями, которыя для будущаго историка нашего времени послужатъ фактомъ отсутствія въ насъ чувства собственнаго достоинства. Вопросы жизни разрѣшаются не чувствительностью и нѣжностями, а знаніемъ. Современная наука даетъ бездну готовыхъ отвѣтовъ; вся наша бѣда въ томъ, что мы отворачиваемся отъ знаній и опыта западной Европы и по какому-то смѣшному самообольщенію хотимъ дойдти своимъ умомъ, умомъ русскихъ самородковъ до того, что̀ уже давно извѣстно нашимъ сосѣдямъ.

Смотря на совершающіеся факты безъ самообольщенія и самоуниженія, разумѣется, придешь къ тому заключенію, котораго и миновать невозможно. Перестанешь видѣть арбузы и персики тамъ, гдѣ едва вызрѣ-

ваетъ капуста и брюква. Перестанешь видѣть Аркадію тамъ, гдѣ еще нужно много труда и много образованія, чтобы поднять хоть нѣсколько и личную, и гражданскую нравственность. Наша привычка къ преувеличенію идетъ до того, что мы идеализируемъ всякую мелочь и придаемъ всему фальшивый смыслъ. Общій обычай называть преступниковъ «несчастными», или класть въ заимкахъ молоко и хлѣбъ для бѣглыхъ выставлялся постоянно за какую-то грандіозную черту русскаго характера; тутъ видѣли и новое уголовное міросозерцаніе и гуманность, незнакомую европейцамъ, и еще что-то такое. Но такъ ли все это? Хорошо еще, что Викторъ Гюго, написавъ свой послѣдній романъ, показалъ нашимъ сентименталистамъ, что и въ понятіяхъ европейцевъ люди страдающіе считаются тоже «несчастными». А то выходило, какъ будто бы только мы русскіе и умѣемъ сочувствовать людскимъ страданіямъ. Можетъ быть, намъ страданія извѣстны короче; можетъ быть, намъ лучше извѣстно, что не всякій наказываемый бываетъ виноватъ въ дѣйствительности; а можетъ быть и то, что мы предаемъ меньшее значеніе всякому проступку и даже преступленію человѣка; можетъ быть, мы менѣе чувствительны къ страданію человѣка; можетъ быть, мы смотримъ равнодушнѣе и на переломленную ногу и руку, и на разбитую голову и на изувѣченное животное и сами увѣчимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ людей и животныхъ. Принимая фактомъ сочувствіе къ наказываемымъ плетьми и ссылаемымъ въ Сибирь, не зачѣмъ преувеличивать его значеніе, когда рядомъ жизнь представляетъ факты полнѣйшаго равнодушія къ случаямъ большихъ людскихъ страданій. Дорогой я видѣлъ извощика, которому переѣхали по ногѣ выше колѣна три воза съ чаемъ и ни одинъ мужикъ, ни одна баба, сочувствующая «несчастнымъ», не догадались помочь страдальцу и не отвезли въ лазаретъ, лежащій отъ деревни всего въ сорока верстахъ. Недавно на разрѣзѣ одного золотого промысла обвалилась на рабочаго глыба земли и разломала ему страшно ногу съ сильнѣйшимъ переломомъ костей; и что же? не только люди, сочувствующіе «несчастнымъ», но и сами «несчастные» не оказали ему ни малѣйшей помощи, и изъ 500 жителей едва нашелся одинъ, чтобы дать его женѣ лошадь—съѣздить и навѣстить больного. А случаи изъ семейнаго быта! Мужикъ бросаетъ жену на полъ, привязываетъ косу къ ножкѣ стола, или наступаетъ на косу ногой, и бьетъ жену безъ разбора черезсѣдельникомъ и непремѣнно концомъ съ пряжкой, чтобы было больнѣе; или мужикъ, женившійся не болѣе мѣсяца, бьетъ свою жену каждый день, выгоняетъ ее ночью изъ

избы и привязываетъ на всю ночь на дворѣ, какъ лошадь на выстойку. Можно подумать, что жена вызвала сама это тиранство; нѣтъ, жена просто ему не нравится, потому что у него есть любовница, съ которой онъ прижилъ пятерыхъ дѣтей, и не смотря на женитьбу, не думалъ прерывать связи. Или мужикъ бьетъ жену, у которой на рукахъ грудной ребенокъ, ременной уздой,—бьетъ такъ, что каждую минуту ждешь что онъ ударитъ по ребенку и убьетъ его; потомъ велитъ женѣ сѣсть верхомъ на лошадь, а самъ садится сзади и опять принимается колотить ее. Но бить въ такомъ положеніи неловко, да и лошадью управлять трудно, сидя сзади, и мужикъ слѣзаетъ, велитъ слѣзть женѣ, снова побилъ ее, потомъ сѣлъ и поѣхалъ одинъ, а жена пошла пѣшкомъ. Какъ послѣ такихъ супружескихъ ласкъ женщинѣ не выдти наконецъ изъ себя и не рѣшиться покончить все однимъ разомъ? Посмотрите на статистическіе списки женщинъ, сосланныхъ въ каторжную работу, и вы увидите, что 8% изъ нихъ сосланы за убійство и отравленіе, или за намѣреніе убить и отравить мужа. Нужна жизнь очень скверная, чтобы женщина рѣшилась на подобное преступленіе. Да не мужчина выдумалъ и выраженіе «несчастные». При всѣхъ случаяхъ наказаній на торговыхъ площадяхъ мужчины смотрятъ на упражненія палачей болѣе съ любопытствомъ, какъ на зрѣлище, не выказывая ни особеннаго сочувствія, ни несочувствія, и какъ бы стараясь сохранить полное достоинство; только женщины принимаютъ самое живое участіе въ наказываемомъ и особенно въ наказываемой, охаютъ, вздыхаютъ, и приговариваютъ безпрестанно: «ахъ, несчастный или несчастная». Никто не отвергаетъ сочувствія русскихъ къ «несчастнымъ», когда ихъ наказываютъ или ведутъ въ партіи; но эти отношенія вдругъ мѣняются, когда наказанный начинаетъ пользоваться свободой. Сибиряки вовсе не такъ довѣрчивы и простодушны; напротивъ, въ нихъ гораздо больше замкнутости, чѣмъ въ русскихъ. Сибирякъ смотритъ недовѣрчиво на «россійскаго человѣка», а россійскій человѣкъ на сибиряка, и оба они не долюбливаютъ другъ друга. Причина въ томъ, что въ сосланномъ сибирякъ видитъ человѣка не совсѣмъ чистаго и въ отношеніяхъ къ нему остороженъ. Эта осторожность задѣваетъ «россійскаго человѣка». Брошенный въ страну во всѣхъ отношеніяхъ низшую, оторванный отъ своихъ, сосланный чувствуетъ свое одиночество, видитъ недовѣріе къ себѣ и не любитъ ни Сибири, ни сибиряка. Слово Сибирь въ его устахъ—слово бранное. Видѣлъ я много сосланныхъ, со многими изъ нихъ говорилъ, и всякій изъ нихъ, вспоминая о Россіи въ минуту досады, скажетъ

«Сибирь, такъ Сибирь и есть». А сибирякъ въ противоположность къ *одному* слову сочувствія придумаетъ *три* бранныхъ слова: ворнакъ, челдонъ, катаржанъ, и въ минуту ссоры не пропуститъ случая кольнуть сосланнаго «ворнакомъ» и даже «челдономъ». Сибирякъ не забываетъ никогда своего происхожденія и говоритъ съ гордостью, что онъ «коренной», точно такъ же сосланный чувствуетъ свою нравственную подчиненность; онъ знаетъ, что онъ не совсѣмъ равный другимъ; что въ его прошедшемъ есть нѣчто, за что при случаѣ сибирякъ броситъ въ него «ворнакомъ». Еще недавно видѣлъ я сибиряка съ кровью на вискѣ и слышалъ, какъ отставной— такъ называютъ здѣсь окончившихъ срокъ работы—кричалъ ему уходя: «не зови меня ворнакомъ, я не ворнакъ тебѣ», а битый отвѣчалъ на это: «врешь, всегда буду звать ворнакомъ,—ворнакъ, ворнакъ!»

Точно такъ же и въ молокѣ, и въ хлѣбѣ, оставляемомъ въ заимкахъ не слѣдуетъ видѣть доказательства особенной чувствительности сибиряковъ. Тутъ больше всего разсчетъ, созданный опытомъ. Бѣглые изъ остроговъ, рудниковъ и заводовъ—народъ обыкновенно весьма рѣшительный, пробираясь населенными мѣстами, и придерживаясь большихъ дорогъ, они идутъ съ полной увѣренностію, что ихъ вездѣ накормятъ, и никто ловить не станетъ, а сдѣлаютъ для нихъ все это потому, что и нельзя не сдѣлать. Отказывать рѣшительному человѣку въ хлѣбѣ опасно; голодъ, какъ говоритъ Льюисъ, инстинктъ страшный; его дикая сила заставляла людей съѣдать своихъ ближнихъ,—женщинъ—съѣдать своихъ дѣтей. Сибиряки хотя и не читали Льюиса, но не хуже его знаютъ, на что способенъ рѣшительный человѣкъ въ минуту голода, и чтобы отвратить отъ себя бѣду, не только не откажутъ прохожему извѣстнаго вида въ хлѣбѣ, но и предупреждаютъ его просьбу, оставляя въ заимкѣ хлѣбъ, а иногда и молоко. Сытый бродяга идетъ дальше, не дѣлая никакихъ шалостей. Въ этомъ дѣлѣ больше ничего какъ солидарность, а вовсе не нѣжность чувствъ или тонкая заботливость и предупредительность, которую едва ли выказываетъ вообще русскій простолюдинъ. Онъ даетъ хлѣбъ, чтобы у него не взяли курицу или барана; а бродяга не дѣлаетъ шалостей, чтобы его не ловили; не для того же въ самомъ дѣлѣ убѣжалъ человѣкъ изъ рудника, чтобы его схватили на полдорогѣ. У него разсчетъ не тотъ; онъ идетъ дальше, у него есть крайняя цѣль, къ которой онъ стремится, Россія. Россія, Томскъ ли, Тюмень, но бродяга дорогой кротокъ и тихъ, и крестьяне съ нимъ кротки и тихи. «Зачѣмъ намъ ихъ ловить, говорятъ крестьяне, они идутъ мирно, не шалятъ», но и въ этомъ есть задняя мысль, которую отъ

васъ не скроютъ, если вы станете допытываться. Бродягу ловить страшно, онъ можетъ изъ мести пустить краснаго пѣтуха. Не высказывая, а можетъ быть и не сознавая, крестьянинъ чувствуетъ въ каждомъ бѣгломъ человѣка опаснаго. Бѣглый можетъ не нашалить, а можетъ и нашалить; онъ можетъ встрѣтить въ полѣ спящаго жида съ товаромъ, или прикащика съ деньгами, и не устоитъ противъ соблазна, тѣмъ болѣе, что денегъ нѣтъ, платье обносилось; а можетъ быть найдется и паспортъ. А случись убійство, засѣдатель начнетъ сгонять народъ на облаву и продержитъ его въ самую страду мѣсяцъ или болѣе. Я помню, какъ обрадовалъ крестьянинъ одной деревни, сказавъ имъ, что маріинскій убійца пойманъ. Мужики даже перекрестились. Чему же вы такъ рады? «Какъ же не рады, совсѣмъ смучили облавой», отвѣтили они. Вотъ обратная сторона опоэтизированнаго выраженія «несчастные» и сибирскаго, нынче уже сильно ослабѣвающаго обычая—оставлять въ полѣ хлѣбъ и молоко.

Всѣмъ этимъ я хотѣлъ сказать только одно, что Сибирь, какъ мѣсто ссылки, ужь никакъ не можетъ быть разсадникомъ человѣческихъ добродѣтелей; что, пополняясь людьми, большею частью не совсѣмъ твердыхъ нравственныхъ убѣжденій, она представляетъ больше всякой другой стороны вѣроятностей проступкамъ и преступленіямъ; что сибиряки нисколько не обольщаются насчетъ нравственности ссыльныхъ и не кидаются на нихъ съ распростертыми объятіями, а напротивъ, скорѣе не довѣряютъ имъ, и называя иногда ссыльнаго «несчастнымъ», зовутъ его также «ворнакомъ», «челдономъ» и «каторжникомъ».

Гагемейстеръ, въ своемъ статистическомъ обозрѣніи Сибири, приводитъ слѣдующія цифры: въ Енисейской губерніи въ 1851 году было осуждено преступниковъ вообще 1701 человѣкъ, изъ нихъ ссыльныхъ 764, а въ 1852 году—1971, изъ нихъ ссыльныхъ 893. Такимъ образомъ число преступниковъ изъ ссыльныхъ составляетъ $^{10}/_{12}$, тогда какъ они составляютъ $^{1}/_{14}$ часть всего населенія Сибири. Но въ этихъ цифрахъ есть и еще одна особенность; въ томъ и другомъ случаѣ преступленія ссыльныхъ составляютъ 45% общаго числа преступленій. Слѣдовательно очевидно, что не смотря на свое слабое численное отношеніе, ссыльные возвышаютъ вдвое вѣроятность проступковъ и преступленій, т. е. убавляютъ ровно на половину безопасность жизни. Изъ этого же слѣдуетъ вывести и другое заключеніе, что ссыльные обнаруживаютъ на нравственность народа вообще неблагопріятное вліяніе, и тѣмъ болѣе неблагопріятное, чѣмъ болѣе отношеніе ихъ къ осталь-

ному населенію. Въ Томскомъ и Каинскомъ уѣздахъ считалось въ 1851 году 204,528 чел. обоего пола, и въ томъ числѣ ссыльныхъ 53,000. Томскъ и до сихъ поръ остался главнымъ центральнымъ пунктомъ ссыльныхъ и въ этомъ заключается объясненіе, почему пароходныя пристани укрѣплены какъ остроги, и почему въ одну зиму найдено въ городѣ 30 мертвыхъ тѣлъ.

Распростившись съ нѣмцемъ-красильщикомъ на пристани, я увидѣлся съ нимъ еще разъ въ городѣ. Въ Томскѣ нашлись и красильщики, и переплетчики, и швеи. Нѣмецъ рѣшился воротиться въ Россію и ужь каится, что забрался такъ далеко. Нѣмца привожу для подтвержденія справедливости сдѣланнаго мной вывода. На пути отъ пароходной пристани до города, утромъ, при полномъ днѣ, на него напали трое; одинъ изъ напавшихъ, сообразивъ, что у заплатаннаго старика едва ли придется чѣмъ поживиться, далъ знакъ товарищамъ оставить его въ покоѣ. Въ Сибири это второй случай съ нѣмцемъ:—на Уралѣ, близъ какого-то завода, отъ него отняли шесть серебряныхъ двугривенныхъ. А между тѣмъ въ Россіи ходилъ онъ вдоль и поперекъ три года, и на него нигдѣ не нападали.

Всѣ эти свѣденія относятся почти исключительно къ большому сибирскому тракту и преимущественно къ лежащимъ на немъ городамъ.

Не смотря на теоретически правильную мысль сдѣлать ссыльнаго сельскимъ жителемъ, въ практикѣ это удается не вполнѣ. Въ губерніяхъ Тобольской, Томской, Енисейской считалось въ 1851 г. ссыльныхъ: 144,318 душъ обоего пола, и изъ нихъ только 32,955 человѣкъ жили своими домами, а 111,363 человѣка, или 80% не имѣли осѣдлости. Чѣмъ и гдѣ существовалъ этотъ народъ? Они нанимаются въ работники къ крестьянамъ, идутъ на золотые пріиски, нанимаются въ услуженіе, а болѣе всего скопляются въ городахъ, гдѣ, разумѣется, представляется болѣе способовъ и средствъ добыть деньги. Вотъ почему только нѣкоторыя мѣста, болѣе благопріятствующія скопленію этого скитающагося населенія, отличаются той нравственной распущенностью, которая заставляетъ каждаго быть осмотрительнымъ и осторожнымъ и дома, и въ пути, а при случаѣ не пренебрегать даже револьверомъ, или кинжаломъ. Города и мѣстности, лежащія всторонѣ отъ пути передвиженія этого неосѣдлаго населенія, могутъ считаться счастливыми уголками Сибири, гдѣ пожалуй можно спать спокойно, не запирая на засовы ставней и не спуская ночью съ цѣпи собаки.

XIV.

Шоссе. Лошади. Ссыльные, какъ причина безпорядочности. Вымирание ссыльныхъ. Не быть имъ земледѣльцами.

Вездѣ нужны хорошія дороги, а въ Сибири онѣ нужнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Край непромышленный, неразвитой ни въ экономическомъ, ни въ общественномъ отношеніи, Сибирь, при своемъ громадномъ протяженіи, терпитъ чрезвычайно отъ неустройства путей сообщеній. Хуже дорогъ западной Сибири трудно вообразить что-нибудь. Къ счастію еще пароходы позволяютъ миновать 1500 верстъ почтоваго тракта. Правда, что вмѣсто 1500 верстъ приходится сдѣлать 3,000; вмѣсто десяти дней пробыть въ пути двадцать, ѣхать пустыней, не видя ничего кромѣ воды, но вся скука и медленность пути выкупается тѣмъ, что путешественникъ добирается до Томска совершенно спокойный насчетъ своего здоровья и съ полной увѣренностью, что онъ спасся отъ чахотки. Восточная Сибирь уже не то. Съ границы Енисейской губерніи начинается удивительное шоссе, какихъ нѣтъ нигдѣ въ Россіи. Подобныя дороги можно еще найдти за границей, а въ Россіи только въ садахъ. Съ немногими перерывами дорога эта идетъ до самаго Иркутска. Достоинство дороги зависитъ отъ качества употребленнаго на нее матеріала. Въ Россіи шоссе мастерится изъ колотаго дикаго камня. Куски камня хотя и должны быть величиной въ кубическій вершокъ, но въ дѣйствительности это бываетъ рѣдко. Потомъ щебень насыпается сразу слишкомъ толстымъ слоемъ въ четыре вершка, не утрамбовывается и не укатывается, потому что это слишкомъ дорого, и затѣмъ дорога открывается для проѣзда. Только ямщики да ихъ лошади знаютъ, чего стоитъ укатать такую страшную дорогу, представляющую сплошную поверхность ребръ и вершинъ безчисленнаго множества маленькихъ остро-колотыхъ камешковъ. Но терпѣніе точитъ и камень; дорога наконецъ принимаетъ видъ болѣе гладкій и по сравненію съ другими, совершенно непроѣздными отъ рытвинъ и колеинъ дорогами, считается хорошей. Но такой варварскій способъ укатыванія не можетъ сдѣлать дороги ровной какъ поле, вотъ почему наши шоссе щеголяютъ больше ярко расписанными верстовыми столбами, украшенными мазанкой изъ цвѣтныхъ камеш-

ковъ, и разрисованными камнями чрезъ каждые сто саженъ; самое же шоссе остается навсегда неровнымъ, пыльнымъ и грязнымъ, отличаясь изяществомъ и чистотой лишь въ несущественныхъ частяхъ. Мы же, поѣздивъ за границей, по тамошнимъ дорогамъ, удивляемся, отчего у нѣмцевъ дороги гладкія, а у насъ нѣтъ. Да нѣмцы укатываютъ дороги въ то время, когда ихъ дѣлаютъ, а не экипажами проѣзжающихъ и ногами несчастныхъ почтовыхъ лошадей. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого страшнаго числа разбитыхъ ногами лошадей какъ въ Россіи, потому что нигдѣ нѣтъ такихъ ужасныхъ шоссе. Въ Сибири дороги другого свойства, и лошади тамъ съ цѣлыми ногами. Почтовый трактъ въ восточной Сибири устраивался постепенно; каждый годъ насыпался тонкій слой мелкой гальки и укатывался легко и незамѣтно. Отъ этого дорога вышла совершенно гладкой и ровной, какъ полъ; такъ что въ состояніи привести проѣзжающаго въ восторгъ. Къ сожалѣнію земныя наслажденія не прочны, и восторгъ смѣняется быстро другимъ чувствомъ, когда пытливый и не кстати наблюдательный путешественникъ захочетъ узнать, какимъ волшебствомъ могли явиться подобныя восхитительныя дороги, напоминающія Европу, въ странѣ менѣе всего на нее похожей? Дороги явились распорядительностію мѣстнаго начальства, безъ всякихъ пособій отъ казны, такъ называемымъ хозяйственнымъ образомъ, и весьма просто. Бывшій нѣкогда въ Енисейской губерніи губернаторъ П.... отдалъ приказъ, чтобы была дорога, и исправникъ—фамилію его забылъ—отдалъ приказъ согнать крестьянъ на дорогу, обрыть ее канавами и навезти гальку; все такъ и сдѣлалось. Въ этомъ же родѣ строились и египетскія пирамиды; разумѣется, египтянамъ не нравилось ходить на работу даромъ, и не нравилось имъ это исключительно по дикости ихъ нрава; но Хеопсъ думалъ свое—онъ зналъ, что неудовольствіе пройдетъ, лишенія и страданія людей кончатся и забудутся, а пирамиды останутся, и человѣчество въ позднемъ потомствѣ будетъ недоумѣвать предъ обиліемъ экономическихъ средствъ египтянъ и приходить въ восторгъ отъ памятниковъ. Для П.... и енисейскаго исправника потомство наступило гораздо скорѣе, чѣмъ для египетскихъ пирамидъ. Ужъ теперь народъ смутно припоминаетъ годы своего бѣдствія, есть даже такіе, что хвалятъ исправника; и проѣзжающіе давно приходятъ въ восторгъ отъ енисейскихъ дорогъ и думаютъ, что съ русскимъ человѣкомъ можно создать все, даже новыя египетскія пирамиды.

При всей забывчивости народа фактъ устройства дороги остает-

ся все тѣмъ же фактомъ; трудъ остается тѣмъ же трудомъ и чрезмѣрная натуральная повинность въ прошедшемъ или въ настоящемъ не уменьшается въ своемъ размѣрѣ отъ забывчивости народа. Даже съ большей вѣроятостью можно предположить, что и забывчивость народа больше кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Годы бѣдствій забываются не легко—обыкновенно долго въ народѣ живетъ воспоминаніе о большомъ пожарѣ, сильномъ неурожаѣ, постоянныхъ наводненіяхъ и о голодныхъ годахъ. А устройство енисейскаго шоссе больше всего имѣло сходство съ ежегодно повторявшимся наводненіемъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно думать на основаніи слѣдующаго чисто теоретическаго соображенія. Во что̀ обходится верста шоссе въ Россіи? Предположимъ, что въ 1000 рублей. Какъ? не можетъ быть, скажутъ строители, да одинъ щебень обойдется тысячь въ шесть, а земляныя работы, мосты и т. д.? Возраженіе справедливое; но оно нейдетъ къ нашему вопросу, потому что намъ нужно доказать, что устроить шоссе натуральной повинностью для крестьянъ легко. И такъ верста шоссе стоитъ 1000 рублей; длина почтоваго тракта по Енисейской губерніи 536 верстъ, и слѣдовательно работа при вольномъ наймѣ стоила бы 536,000 рублей. Разумѣется, производя работу по предварительно составленной смѣтѣ, дорога могла бы обойдтись въ 5,360,000 рублей, т. е. по 10,000 за версту; но намъ кажется эта цифра невѣроятной, хоть и возможной. Въ Енисейской губерніи въ 1851 году считалось крестьянъ 74,520 человѣкъ мужского пола. Это число ревизское, изъ нихъ $^1/_3$ (только) малолѣтнихъ и стариковъ, неспособныхъ къ работѣ; далѣе, не всѣ же крестьяне живутъ при большой дорогѣ: иные слишкомъ далеко въ сторонѣ и не могутъ работать натурой. Такихъ навѣрно окажется $^1/_{10}$. Слѣдовательно число лицъ, на которыхъ пало устройство дороги, составляло 42,228 человѣкъ, или съ каждаго пришлось 12 р. 69 к. Сумма, какъ видитъ читатель, небольшая; тѣмъ болѣе, что крестьянинъ не вносилъ въ сущности ни копѣйки; а работалъ лично, работалъ лѣтомъ и лѣтомъ сибирскимъ, самымъ короткимъ въ свѣтѣ, когда нужно особенно усиленно работать въ полѣ, чтобы справиться съ хлѣбомъ, сѣномъ и успѣть приготовить землю къ весеннему посѣву,—работалъ не подлѣ своей деревни, а отправлялся иногда верстъ за двѣсти и даже далѣе; на время работы онъ запасался хлѣбомъ или бралъ деньги, чтобы прокормиться; а въ то же время у него и дома шла горячая работа въ полѣ. Кто же горячился тамъ? Работали бабы, или самъ хозяинъ, а для шоссе посылался работникъ

или нанимался какой-нибудь человѣкъ, которому дома дѣлать нечего, потому что у него нѣтъ дома. Но этой суммы стоило только первоначальное устройство; остается еще ежегодный ремонтъ, который производится ежегодно. Эта ежегодная работа при наймѣ за себя на дорогу работника обходится въ 3—5 рублей серебромъ; а въ Пермской губерніи по Кунгурскому округу собирается съ души на исправленіе дороги только 40 к. въ годъ. Правда, нынче уже не сгоняютъ крестьянъ въ рабочую пору на устройство или ремонтъ шоссе, и имъ стало легче; но дорожная повинность остается все таки самой тягостной повинностью сибирскаго крестьянина и ни одинъ крестьянинъ не платитъ столько, сколько сибирскій. Въ Россіи всѣ казенныя и общественныя повинности составляютъ только около 5 рублей съ души, а въ Сибири на одну дорогу нужно отдать отъ 5 до 10 рублей, а въ Забайкальѣ даже и болѣе. Приводимое мной теоретическое соображеніе, разумѣется, ближе всего къ минимуму, чтобы не слишкомъ запугать читателя тяжелымъ положеніемъ крестьянина; но Гагемейстеръ, основываясь на официальныхъ источникахъ говоритъ, что въ 1851 году натуральная повинность стоила крестьянамъ восточной Сибири 98,563 работниковъ и 106,260 подводъ, а крестьяне посылаются на исправленіе дорогъ даже за 500 верстъ. Въ видѣ смягченія этой послѣдней цифры г. Гагемейстеръ прибавляетъ, что объ уровненіи дорожной повинности «дѣлается на мѣстѣ соображеніе».

Частные золотопромышленники говорили мнѣ, что, при заключеніи контрактовъ съ рабочими имъ приходится платить не рѣдко податей, повинностей и недоимокъ до 35 руб. и больше за человѣка. Въ Европейской Россіи на 42 м. оклада съ государственныхъ крестьянъ приходится $3\,^1/_2$ милльона недоимокъ, или недоборъ составляетъ $8\,^1/_3$ $^0/_0$. Этотъ недоборъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ прямой невозможности или вѣрнѣе безсилія уплаты всей суммы. Энергическія мѣры, употребляемыя для взысканія, не позволяютъ допустить другой причины. Между тѣмъ русскій крестьянинъ находится въ положеніи значительно выгоднѣйшемъ противъ сибиряка: онъ и платитъ меньше и легче заработываетъ деньги. Но вотъ цифры, приводимыя г. Гагемейстеромъ въ 1851 годъ. Этотъ годъ слѣдуетъ признать болѣе удобнымъ для точнаго заключенія, чѣмъ нынѣшніе послѣдніе года, потому что пеерходъ заводскихъ крестьянъ въ казаки свершился, а манифестовъ о сложеніи недоимокъ не было. Податей и всѣхъ окладныхъ сборовъ въ 1851 году поступило по восточной Сибири 695,087 р. $50\,^1/_4$ к. сер. а подат-

ныхъ недоимокъ къ 1 января 1852 года числилось за 1851 годъ — 164,719 р. $6^1/_4$ к., и за прошлые года 350,344 р. $69^1/_4$ к. Такимъ образомъ недоимка одного года составляла почти $24^0/_0$, а недоимки прежнихъ лѣтъ $50^1/_2{}^0/_0$ годового оклада; всего же недоимка составляла почти $75^0/_0$! (Стат. обозр. Сибири, Ч. III. стр. 70.). Недоимка является вслѣдствіе невозможности уплаты, а откуда является невозможность уплатить,—читатель знаетъ и самъ.

На красноярскомъ же шоссе пришлось мнѣ убѣдиться, что сибирская ѣзда вовсе не отличается такой быстротой, какъ говорятъ о ней сибиряки и какъ разсказывалъ Мюнхгаузенъ. Мюнхгаузена везли такъ быстро, что его шпага, высунувшаяся изъ экипажа, стучала по верстамъ, какъ по частоколу. Такая быстрая ѣзда въ Сибири уже не существуетъ, не смотря даже на красноярское шоссе. Одну станцію въ 18 верстъ провезли меня дѣйствительно въ часъ, но это была только одна станція; а вообще везли нисколько не скорѣе, чѣмъ въ Россіи. Напротивъ, въ Забайкальѣ было три случая, когда лошади встали дорогой и разъ, отъѣхавъ только три версты отъ станціи. Ямщики объясняли это тѣмъ, что нынче неурожай травъ. И это дѣйствительно такъ; травы вездѣ выгорѣли, и чѣмъ будутъ питаться лошади зимой—предвидѣть мудрено. Вѣрно только то, что къ веснѣ лошади будутъ едва волочить ноги. Это объясняется вотъ чѣмъ. Въ Сибири не существуетъ вообще заботливаго ухода за скотомъ, а тѣмъ болѣе за лошадьми, которыя переносятъ больше и рѣже подвергаются болѣзнямъ, чѣмъ рогатый скотъ. Обиліе пастбищныхъ травъ позволяетъ держать огромное количество лошадей. Онѣ живутъ табунами въ степяхъ и лѣто и зиму, постоянно на подножномъ корму. Бывали да и теперь есть такіе хозяева изъ инородцевъ, которые даже не знаютъ счета своимъ лошадямъ. Что дѣлается съ такимъ табуномъ, какія терпитъ онъ бѣды, сколько жеребятъ падетъ отъ бурь, непогодъ и лишеній всякаго рода; сколько погибнетъ лошадей отъ волковъ—хозяинъ этого не знаетъ. Но за то лошадь, вытерпѣвшая и холодъ, и голодъ, и оставшаяся въ живыхъ, бываетъ способной переносить всякія лишенія. Вотъ секретъ крѣпости сибирскихъ лошадей. Разумѣется, такая лошадь не отличается особенными способностями; она дика, затуплена нуждой и холодомъ, слабосильна въ возкѣ тяжестей, такъ что тройка не можетъ везти рысью тридцати пудовъ; но зато переноситъ легко станцію въ 40 верстъ и пробѣжитъ еще 40 верстъ не ѣвши. Этими качествами отличаются особенно бурятскія лошади. Въ Забайкальѣ существуетъ два странныхъ

обычая: послѣ большого перегона, лошади не даютъ ни пить, ни ѣсть по крайней мѣрѣ полсутки; а осенью охотники до скачекъ приготовляютъ своихъ лошадей тѣмъ, что привязываютъ ихъ на короткомъ поводу къ столбу или забору на ночь, такъ чтобы лошадь не могла лечь, и держатъ ихъ на холоду, не давая ни пить ни ѣсть. По мнѣнію сибиряковъ, лошадь станетъ крѣпче, когда продрожитъ нѣсколько ночей отъ холоду, въ ней сконцентрируется сила и спадетъ лѣтнее рыхлое тѣло. Есть даже такіе физіологи, что, привязывая зимой лошадей на выстойку, обливаютъ ихъ водой; зато бываетъ нерѣдко, что физіологъ, придя утромъ развязать свою лошадь, къ крайнему своему удивленію находитъ, что дрожанье пошло не впрокъ — лошадь замерзла. Понятно, что лошади, способныя выносить обливанье при 30 до 40-мъ морозѣ, должны быть лошади весьма переносливыя и, разумѣется, очень тупыя. Только при обиліи лошадей можно обращаться съ ними такъ, и только обиліемъ ихъ и, слѣдовательно, рѣдкостью запряжки объясняется и рьяность сибирскихъ лошадей. При томъ кормѣ, которымъ пользуется сибирская лошадь, она выноситъ только половину труда. Ямщикъ, имѣющій 30 лошадей на подножномъ корму, получаетъ отъ нихъ услуги столько, сколько оказали бы ему 15 лошадей на содержаніи болѣе внимательномъ. Но у ямщика и у всякаго сибирскаго крестьянина есть свой разсчетъ. Внимательный уходъ стоитъ ему труда, а овесъ денегъ, тогда какъ лошадь, плодящаяся въ табунѣ и сама добывающая себѣ пищу, не стоитъ ничего. На одной станціи ямщику говорятъ, что пристяжная смотритъ очень невесело, все опускаетъ къ землѣ голову и легла. «Поводи ее, можетъ и разойдется,» говорятъ ему. Ямщикъ подошелъ къ лошади и вмѣсто всякаго воженья похлесталъ ее кнутомъ. «Что же ты ее бьешь, говорю я ему, вѣдь лошадь запалилась, поводи ее, а то пропадетъ.» — А пусть ее пропадаетъ — отвѣтилъ ямщикъ. И это дѣлалъ не работникъ, а хозяинъ. Ясно, что лошади не стоятъ для него многаго.

При малосиліи сибирскихъ лошадей, отъ дурного подножнаго корма и особенно въ неурожайный годъ, необходимо имѣть ихъ въ двойномъ и въ тройномъ числѣ, потому что тамъ, гдѣ русская и всякая лошадь пробѣжитъ сто верстъ, сибирская лошадь сдѣлаетъ только пятьдесятъ, слѣдовательно на сто верстъ нужно имѣть двѣ лошади. Поэтому человѣкъ, незнакомый съ сибирскимъ коноводствомъ, будетъ имѣть самый ошибочный взглядъ на дѣло, когда, прочитавъ въ почтовомъ дорожникѣ, что на почтовыхъ станціяхъ въ Забайкальѣ полагается семь паръ,

вообразитъ, что пара значитъ двѣ лошади, и слѣдовательно на станціи всего четырнадцать лошадей. Эти семь паръ, если ихъ содержатъ семь хозяевъ, представляютъ въ сущности все количество лошадей, принадлежащихъ этимъ хозяевамъ, или, если у каждаго по двадцати лошадей, семь паръ равны 140 лошадямъ. Такимъ образомъ, когда на станціи впрягаютъ въ экипажъ пять лошадей, по сибирскому счету это значитъ пара. Такая пара чрезъ извѣстное положенное число часовъ должна снова стать на очередь; такъ и дѣлается въ Россіи; но въ Сибири пара эта пускается въ табунъ и въ замѣнъ ея приводятся изъ табуна свѣжія лошади. При сильномъ разгонѣ, когда не успѣютъ привести изъ табуна лошадей свѣжихъ, приходится проѣзжающему ѣхать иногда на лошадяхъ недавно воротившихся, и въ такомъ случаѣ лошади или станутъ на первомъ пригоркѣ, или везутъ всю станцію почти шагомъ. При неурожаѣ же травъ подобный случай возможенъ даже и съ свѣжими лошадьми. Вотъ почему къ будущей веснѣ лошади должны отощать совершенно. Бѣдныя животныя будутъ даромъ трудиться зимой надъ разгребаніемъ снѣга: они подъ нимъ не найдутъ ничего, кромѣ жалкихъ остатковъ того, что уже успѣли общипать лѣтомъ, и къ веснѣ будутъ едва волочить ноги. Еще на русскихъ станціяхъ будетъ лошадямъ овесъ, но буряты овса не дадутъ, потому что это баловство, и лошадь должна добывать средства пропитанія въ степи своимъ умомъ. Впередъ можно пожалѣть и того, кто поѣдетъ будущей весной по Братской степи, и бурятъ, и бурятскихъ лошадей.

Впрочемъ напасти на сибирскихъ лошадей вовсе не особенная рѣдкость. Голодъ для нихъ вещь обыкновенная и они мрутъ ежегодно въ огромномъ числѣ отъ голода, холода, трудовъ и сибирской язвы. Въ Барабинской степи я не былъ, но мнѣ говорили, что тамъ былъ сильный падежъ скота; и до какого размѣра онъ можетъ доходить, ссылаюсь на профессора Линовскаго. Онъ говоритъ, что въ 1830 году, по свидѣтельству г. Бѣлуги, инспектора врачебной управы, погибло въ Барабинской степи отъ сибирской язвы 150,000 лошадей.

Вполнѣ за вѣрность этой цифры ручаться нельзя, потому что у насъ не существуетъ точныхъ свѣденій, даже о смертности между людьми. А неточность эта въ Сибири при растянутости страны, при бродячемъ ссыльномъ населеніи должна быть гораздо значительнѣе. Нигдѣ человѣкъ не находится подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ природы, какъ въ Сибири. Нигдѣ онъ не оказываетъ бо́льшаго безсилія предъ естественными вліяніями, какъ здѣсь. Неурожаи, голодъ, холодъ, болѣзни

*

климатическія явленія, все это принимаетъ въ Сибири характеръ неотразимой судьбы и человѣкъ подчиняется факту, не дѣлая ничего для предупрежденія бѣдствія, или для ослабленія его вліянія. Этотъ порядокъ вовсе не исключительный для Сибири, и въ Россіи то же самое, но въ Сибири культура народа еще ниже, а борьба съ природой труднѣе. Въ какой степени трудно давалась Сибирь русскому, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Сибирь покорена Ермакомъ въ 1582 году. Сибирскіе города основаны: Тобольскъ въ 1587 г., Березовъ въ 1593, Сургутъ въ 1593, Тора въ 1594, Томскъ въ 1604, Красноярскъ въ 1628, Енисейскъ въ 1619, Иркутскъ въ 1652 году. Даже на Амурѣ были мы уже въ 1643 году. Но что же представляетъ Сибирь къ 1863 году, спустя 281 годъ послѣ ея покоренія? Всѣхъ городовъ въ Сибири — губернскихъ, областныхъ, окружныхъ и заштатныхъ — 34, а въ Россіи европейской 644; такимъ образомъ въ европейской Россіи одинъ городъ приходится на 143 квадр. мили, а въ Сибири на 7650 миль. Если въ теченіе трехъ столѣтій въ Сибири устроилось только 34 города, очевидно, что въ большемъ ихъ числѣ не было никакой необходимости. И это совершенно справедливо. Городъ, какъ центръ промышленной и торговой дѣятельности, какъ рынокъ для сельскаго производителя, гдѣ онъ сбудетъ, что ему ненужно, и купитъ, что ему необходимо для дальнѣйшаго производства, не играетъ въ Сибири важной роли. Свои торговыя операціи крестьянинъ особенно свершаетъ у себя дома, ему ненужно для этого особаго города, а торговыя операціи крестьянина такъ слабы, что нигдѣ, ни въ городахъ, ни въ селахъ не замѣтишь никакого особеннаго движенія; вездѣ все тихо и малолюдно, какъ въ Перми, точно люди ничего не продаютъ и не покупаютъ; точно каждый приготовляетъ для себя дома все, что ему нужно. За исключеніемъ Тюмени, Томска и Иркутска, похожихъ дѣйствительно на города, всѣ остальные города Сибири похожи скорѣе на села. Они имѣютъ значеніе, какъ административные пункты, но для сельскаго населенія не значатъ ничего. Да и что можетъ значить какой-нибудь Сургутъ, Нарымъ, и самая столица сибирская, Иркутскъ, — городъ самый оживленный по мелочной торговлѣ, гдѣ народный рынокъ напоминаетъ обжорный рядъ и толкучку Петербурга — для крестьянина, тихо живущаго за двѣсти, триста верстъ отъ города. Онъ знаетъ Иркутскъ потому, что тамъ живетъ начальство, а ѣздить ему туда не зачѣмъ. Вездѣ, гдѣ развивается сильно промышленность и торговля, ростутъ сильно города. Такъ въ Англіи, гдѣ число фа-

брикъ и заводовъ составляетъ 5117, гдѣ цѣнность вывоза фабричныхъ произведеній доходитъ до 60 м. ф. стерли. и втрое большее количество потребляется дома, города и городское населеніе ростутъ съ необыкновенной быстротой. Въ Англіи, исключая Ирландіи, въ городахъ считается такое же число жителей, какъ и въ селахъ (10 мил.). Ясно, что производства и промышленныя отношенія, требующія большихъ удобствъ, чѣмъ какія представляются имъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, стягиваютъ жителей къ городамъ. Но можетъ быть Сибирь хочетъ сказать міру свое сибирское слово? Можетъ быть въ Сибири оцѣнено зло, происходящее отъ скопленія въ одномъ мѣстѣ большихъ массъ населеній? Можетъ быть Сибирь съумѣла соединить условія городской жизни съ условіемъ чисто сельскаго быта? Можетъ быть сибирскія сельскія общины представляютъ то счастливое сочетаніе земледѣльческаго и фабричнаго труда, о которомъ такъ мечтаютъ экономисты-новаторы? Если все это такъ, то въ Сибири сельское населеніе должно благоденствовать; сибирскія деревни должны имѣть веселый и счастливый видъ; въ сибирскихъ деревняхъ должна быть чистота и повсюду радость и веселье.

Такъ думалъ и я, когда, наслышавшись въ Петербургѣ о громадныхъ сибирскихъ селахъ, о сибирской дешевизнѣ, о патріархальности и чистотѣ сибирскихъ нравовъ, подъѣзжалъ къ границѣ Сибири съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ, съ надеждой увидѣть что-то небывало-новое, иные нравы, иные обычаи, а главное молодую, свѣжую силу и жизнь. Точно на границѣ Сибири и Россіи попадаются большія села, съ массивными постройками, съ разными рѣзными вычурами на ставняхъ, съ мощеными дворами, съ внутреннимъ убранствомъ, такимъ же тяжелымъ и прочнымъ, какъ и наружность домовъ. Но села эти не должны идти въ счетъ сибирскихъ селъ. Эти села потому и носятъ характеръ старины; въ нихъ потому видна и сила, и порядокъ, что главную массу ихъ населенія составляютъ раскольники. И въ другихъ раскольничьихъ селеніяхъ Сибири, гдѣ бы они ни попадались, въ восточной или западной Сибири, видна та же порядочность, видно во всемъ довольство. Самая наружность жителей другого рода, точно она составляетъ особое племя. Красныя, полныя, бѣлолицыя, свѣжія женщины, въ цвѣтныхъ опрятныхъ сарафанахъ, опрятныя, почтеннаго вида старики, красивые парни; во всемъ порядочность, чистота и довольство. Тутъ вы не встрѣтите тѣхъ нечесанныхъ, закопченныхъ неопрятностью физіономій, въ дрянныхъ полушубкахъ, съ

пьянымъ, тупымъ и мрачнымъ взглядомъ, которые поражаютъ васъ въ другихъ селеніяхъ Сибири. Но семейскихъ, какъ зовутъ раскольниковъ въ Сибири, здѣсь мало; всѣхъ ихъ считается здѣсь неболѣе 65 т. челов. обоего пола, считая раскольниковъ всѣхъ сектъ, на 4 м. 200 т. всего населенія, или 1, 54% Это такая капля въ морѣ, что на характеръ жизни всего населенія они не могутъ обнаружить замѣтнаго вліянія. Это оазисы въ пустынѣ, на которыхъ отдыхаетъ путникъ, утомленный видомъ общей безпорядочности и бѣдности. Во весь свой долгій путь я видѣлъ не болѣе шести такихъ селеній и одно порядочное русское село Тулунъ въ Иркутской губерніи. Во всѣхъ остальныхъ люди какъ будто бы только-что начали колонизоваться; они еще строятся и обзаводятся и живутъ во временныхъ домахъ. А между тѣмъ исторія колонизаціи Сибири говоритъ другое. Съ самаго завоеванія ея началось заселеніе этой страны, заселеніе по преимуществу принудительное. Поселяли ямщиковъ; помѣщики ссылали своихъ крестьянъ и это засчитывалось имъ въ счетъ поставки рекрутъ; бѣглымъ и бродягамъ, прибывавшимъ въ Сибирь, объявлялось прощеніе. Наконецъ правительство отсылало туда преступниковъ, военноплѣнныхъ, раскольниковъ. Отсылка воровъ, разбойниковъ и бродягъ началась уже съ половины 17 столѣтія, а съ отмѣной смертной казни число ссылаемыхъ увеличилось значительно. Какой процентъ общаго населенія Сибири составили за все время ссыльные?—Неизвѣстно. Но если взять въ разсчетъ, что Сибирь служитъ мѣстомъ ссылки болѣе двухсотъ лѣтъ, что она постоянно служила притономъ для людей, бѣжавшихъ изъ Россіи, чтобы избѣгнуть наказанія, то, разумѣется, процентное отношеніе этихъ людей къ нештрафному населенію Сибири будетъ весьма значительно. Гагемейстеръ, отъ котораго я беру эти свѣденія, говоритъ, что съ 1823 года по 1851 годъ прибыло въ Сибирь ссыльнаго населенія 137,350 человѣкъ; а въ 1823—24 году ихъ было 49,533 человѣка; слѣдовательно все число ссылаемыхъ съ 23 года и по настоящее время можно принять въ 250,000 человѣкъ. Изъ нихъ женщинъ не болѣе 60,000. Изъ числа сосланныхъ по приговорамъ судебныхъ мѣстъ въ 1851 и 1852 годахъ было: мужчинъ моложе 40 лѣтъ—3,387, отъ 40—50 лѣтъ—1,574; отъ 50—60—1,279; старѣе 60—286, всего 6,526 человѣкъ. Женщинъ моложе 40 л.—756; отъ 40—50—105; отъ 50—60—34 ;старѣе 60—27. Всего 922 женщины. Слѣдовательно, половина мужчинъ и 1/5 женщинъ—старѣе 40 лѣтъ. Этотъ преклонный ворзастъ мужчинъ, если то же самое отношеніе существовало постоян-

но, т. е., если преступленія свершались постоянно въ возрастѣ зрѣломъ и приближающемся къ зрѣлому, точно такъ же если отношеніе числа сосланныхъ женщинъ къ мужчинамъ сохранялось приблизительно такое же, что, разумѣется, и было, то этотъ возрастъ не могъ оставаться безъ вліянія на населенность и на населеніе Сибири. Изъ свѣденій за 1851 г. (Гагемейстеръ) видно, что изъ числа 200,000 человѣкъ, сосланныхъ въ Сибирь, о которыхъ имѣлись свѣденія съ 1323 года, въ 1851 году было на лицо не болѣе половины. Отъ какихъ бы причинъ не исчезла эта половина—отъ матеріальныхъ ли лишеній, безпорядочной ли жизни, бѣговъ, но фактъ тотъ, что сильное населеніе исчезаетъ несоразмѣрно быстро съ общимъ размѣромъ смертности въ Россіи. И если въ такой же степени убывало оно и до 1823 года, то очевидно, что съ половины 17 столѣтія перебывало много въ Сибири ссыльныхъ людей. Являясь въ лѣтахъ, приближающихся къ преклоннымъ, и въ несоразмѣрно большомъ числѣ мужчинъ предъ женщинами, они имѣли чрезвычайно малое вліяніе на внутреннее приращеніе населенія. Кромѣ того свободныя отношенія половъ, неизбѣжныя при такой численной несоразмѣрности, имѣли еще большее вліяніе на уменьшеніе числа рожденій. А если присоединить къ этому совершенную безпечность въ уходѣ за дѣтьми и бездомность наибольшаго числа ссыльныхъ, то обнаруживается, что безъ приращенія извнѣ ссыльное населеніе Сибири давно бы уже перевелось. Доказать вѣрность этого теоретическаго вывода свѣденіями статистическими, разумѣется, нельзя, по двумъ причинамъ: во первыхъ,что свѣденій нѣтъ (кажется бы довольно и этой одной); а во вторыхъ если бы и были свѣденія, то на вѣрность ихъ положиться нельзя. Послѣднее подтверждается извѣстнымъ случаемъ съ Гумбольдтомъ, во время путешествія его въ Сибири. Гумбольту доставлялись свѣденія мѣстными властями, а мѣстныя власти получили для этого разграфленные листочки и въ каждой графѣ помѣщалось отдѣльное свѣденіе. По одному изъ такихъ листочковъ, возвратившихся отъ засѣдателя (становой приставъ) оказалось, что въ Сибири растутъ померанцы, апельсины, лимоны, персики. А засѣдатель, получившій замѣчаніе за эту дичь, оправдывался тѣмъ, что онъ боялся показаться нераспорядительнымъ въ глазахъ начальства. Это не анекдотъ; но вотъ и другой фактъ. По метрическимъ книгамъ Сибири значится, что съ 1834 по 1852 годъ родилось больше, чѣмъ умерло 702,288 человѣкъ, а между тѣмъ дѣйствительное приращеніе православнаго населенія составлялотолько 280,856, душъ. Ошибка почти втрое.

Ссыльные, имѣвшіе такое слабое вліяніе на увеличеніе населенія, въ первомъ колѣнѣ, обнаруживали въ замѣнъ того другое, болѣе сильное, вліяніе; они придавали всей сибирской жизни какой-то не осѣдлый характеръ, и способствовали размноженію особаго типа людей, совершенно непохожихъ на типъ великороссійскій. Помѣсь племенъ началась уже съ самаго завоеванія Сибири, когда одинокіе холостые казаки приживали дѣтей съ туземками. И въ послѣдствіи недостатокъ женщинъ и самая разнородная смѣсь ссылаемыхъ изъ Россіи національностей, создали какую-то особую помѣсь, въ которой азіатскій характеръ физіономіи беретъ значительный перевѣсъ надъ типомъ чисто русскимъ. Широкія скулы, смуглый цвѣтъ лица и глаза, лежащіе нѣсколько вкось, вещь довольно обыкновенная между забайкальскими русскими. Отъ этого человѣкъ свѣжій отличаетъ почти безъ ошибки «россійскаго» человѣка отъ сибирскаго уроженца, въ которомъ, кромѣ оттѣнка монгольскаго характера, есть еще приземистость и коренастость. Не даромъ докторъ Рихтеръ, въ Дрезденѣ, говорилъ мнѣ, что коренастые и желѣзнаго сложенія люди сохранились только въ Сибири, которой не коснулась еще европейская цивилизація. Рихтеръ и не воображалъ, какую говорилъ онъ правду, хотя съ другой стороны Сибирь могла бы представить ему образцы сильныхъ, рослыхъ, красивыхъ русскихъ людей изъ раскольничьяго населенія, заслуживающихъ дѣйствительно вниманія по чистотѣ крови.

Но самымъ сильнымъ и самымъ вреднымъ вліяніемъ на характеръ сибирской жизни было нравственное вліяніе ссыльныхъ. Матеріальное положеніе каждаго изъ нихъ со времени судебнаго процесса и до окончательнаго водворенія въ Сибири было такого рода, что большею частію перевоспитывало совершенно человѣка. Принимая, что осужденный, пробылъ только годъ въ острогѣ и полтора года въ пути, окажется въ общемъ итогѣ сумма такихъ матеріальныхъ лишеній и вреднаго нравственнаго вліянія, что человѣкъ долженъ былъ упасть до весьма низкаго уровня потребностей. Какъ бы человѣкъ ни жилъ бѣдно дома, его пища была всегда гораздо лучше острожнаго содержанія и тѣхъ яствъ, къ которымъ человѣкъ привыкаетъ на этапахъ. Какъ бы изба его ни была бѣдна и неблагоустроена, она была всегда лучше острога и этапныхъ помѣщеній. Какъ бы крестьянинъ ни жилъ тѣсно дома, и какъ бы его изба ни была грязна, но она была всегда гораздо чище арестантскаго застѣнка и дома ему не приходилось спать на полу или подъ нарами, или проводить ночь, сидя скорчившись,

какъ это зачастую приходится арестантамъ зимой. Два, три года такой жизни, семь тысячъ верстъ пѣшкомъ, заключеніе съ людьми испорченными, постоянная праздность, грубость обращенія всѣхъ начальствующихъ, начиная со сторожа до смотрителя, нищенство въ пути и въ острогѣ—все это должно непремѣнно обнаружить вліяніе на характеръ всей послѣдующей жизни ссыльнаго. Вліяніе можетъ быть слабое, можетъ быть сильное, но вліяніе есть. Уже одна трехлѣтняя праздность, вызывающая разныя острожныя бесѣды и игры, заключаетъ въ себѣ всѣ начала для развитія въ человѣкѣ привычки къ такой жизни, какую трудно согласить съ земледѣльческимъ бытомъ. Сколько людей получили привычку шататься, и, побывавъ разъ въ арестантской партіи, вышли на вѣки бродягами. Изъ людей съ такими привычками не создашь земледѣльцевъ; человѣка, упавшаго до самаго низкаго уровня матеріальныхъ потребностей, не поднимешь принудительными мѣрами, и человѣка, привыкшаго къ лѣни, не заставишь трудиться больше того, сколько онъ считаетъ нужнымъ. Размѣръ его потребностей дошелъ до minimum'а, а для удовлетворенія минимума нужно немного. Явившись въ страну съ высокой цивилизаціей, гдѣ люди не ходятъ въ отрепьяхъ; гдѣ нравственныя потребности стоятъ выше простого пьянства въ кабакѣ, гдѣ люди живутъ въ довольствѣ и грубость чувствъ неизвѣстна, человѣкъ, разумѣется, постарается попасть въ этотъ общій тонъ жизни. Но въ какой тонъ попадать человѣку тамъ, гдѣ все окружающее поетъ почти ту же самую пѣсню? Откуда взяться энергіи, когда ей не зачѣмъ и не чѣмъ возбуждаться? Можетъ быть, человѣкъ и понимаетъ, что онъ поступаетъ нехорошо, а можетъ быть онъ этого и не понимаетъ. Во всякомъ случаѣ онъ доволенъ своимъ положеніемъ; будь онъ недоволенъ, онъ попытался бы выйдти изъ него и разумѣется вышелъ. Примѣры подобной энергіи попадаются въ Сибири. А если у человѣка нѣтъ энергіи, если человѣку и не нужно больше того, что у него есть? О чемъ тутъ хлопотать.

Кромѣ этихъ нравственныхъ причинъ дѣйствуютъ и причины экономическія. Земледѣлецъ силенъ семействомъ; чѣмъ больше работниковъ, тѣмъ онъ сильнѣе. А ссыльный является одиночкой. Безъ женщинъ хозяйство даже самое бѣдное невозможно. А гдѣ взять ему тотчасъ же по прибытіи жену? Изъ ссыльныхъ? Но онѣ составляютъ только десятую часть общаго числа ссыльныхъ. Изъ сибирячекъ? Но развѣ за поселенца, неимѣющаго ровно ничего, и котораго никто не знаетъ, рѣшатся выдать дочь? Что же дѣлать поселенцу? Какая у него воз-

можность стать земледѣльцемъ? Ихъ пробовали приписывать къ селеніямъ старожиловъ, пробовали водворять отдѣльными селеніями и изъ этого вышло только то, что енисейское шоссе получило видъ дороги, по которой только-что прошелъ непріятель. Въ двадцатыхъ годахъ состоялось предположеніе селить поселенцевъ деревнями на счетъ правительства. Постройки начались въ 1829 году и кончены чрезъ десять лѣтъ. Выстроили 22 селенія съ 1437 домами для 5955 ссыльныхъ. Селенія эти существуютъ и теперь, но что это за селенія! Первая деревня отъ Ачинска—Торутано,—знакомитъ вполнѣ со всѣми остальными, лежащими на почтовой дорогѣ. Дома съ покачнувшимися крыльцами, безъ оконъ и дверей, или съ окнами, заколоченными досками. Кромѣ этихъ печальныхъ домовъ, стоятъ еще въ деревнѣ небольшія, бѣдныя избенки. Въ нихъ видна таже сильная нужда и безпорядочность; въ рамахъ вмѣсто стеколъ бо̀льшею частію бумага, пузыри, кожа; а случается, что пустое мѣсто въ рамѣ заткнуто просто тряпкой. И рядъ такихъ деревень тянется почти на 300 верстъ, до села Тулунъ, Иркутской губерніи. На мои вопросы о причинахъ такого печальнаго положенія деревень, отвѣчали разно. Ачинскій ямщикъ говорилъ о торутинцахъ, что между ними много воровъ; что крестьяне живутъ хлѣбопашествомъ и подрѣзываніемъ обозовъ; что нынѣшней весной у каждаго обоза, проходившаго ночью, срѣзывали по меньшей мѣрѣ три мѣста. Дальше за Канскомъ, гдѣ развалившіяся деревни лежали почти сплошнымъ рядомъ, бѣдность объяснялась такъ. Отъ устройства дороги упалъ извозъ; прежде ѣзжали и съ товарами, и съ проѣзжающими, и случалось нерѣдко, что за 10 верстъ брали 10 рублей. Вздорожалъ хлѣбъ, ибо упало земледѣліе—и такъ, упадокъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ чисто мѣстномъ, а также въ смыслѣ неурожаевъ. Дѣйствительная же причина дороговизны объясняется тѣмъ, что съ развитіемъ золотопромышленности хлѣбъ пошелъ на пріиски. Многіе поселенцы казенныхъ домовъ умерли, другіе разбѣжались, третьи спились; наконецъ, многіе ушли на золотые пріиски. Какъ въ физіологіи нельзя сказать, какой агентъ животной экономіи занимаетъ первое мѣсто, потому что всѣ они одинаково нужны для жизни, такъ и въ настоящемъ случаѣ всѣ причины дѣйствовали одинаково сильно. Отъ одной изъ причинъ не явилось бы то, что представляютъ эти деревни; только всѣ причины въ совокупности создали это общее раззореніе. Но въ числѣ причинъ пропущена еще одна. Казенные дома строились для двухъ семействъ, и для этого домъ съ четырьмя окнами по фасаду,

дѣлился сквозными сѣнями на двѣ половины. Жить двумъ семьямъ въ одномъ домѣ трудно: ссоры на каждомъ шагу. И поселенцы въ самомъ началѣ оставляли казенные дома и строили въ той же деревнѣ особыя избы, чтобы жить отдѣльными семьями. Но отчего же поселенцы не вышли земледѣльцами, когда все повидимому благопріятствовало этому, и прекрасныя даровыя помѣщенія, и плодородная почва, и мѣстность, удобная для сбыта земледѣльческихъ произведеній? Не вышли они по самой простой причинѣ—потому что и не могли выйдти. Прежде всего не вышли они потому, что острожная жизнь и двухлѣтнее путешествіе по сибирскимъ этапамъ отучило людей отъ постояннаго энергическаго труда, а во вторыхъ, земледѣльческій трудъ при безсемейности ссыльныхъ давалъ имъ самое слабое вознагражденіе. И что могъ добыть ссыльный даже и женатый? Откуда могъ онъ ожидать приращенія рабочихъ силъ въ своей семьѣ? Поселенцу оставалось одно—искать себѣ занятіе болѣе выгодное, чѣмъ земледѣліе, и онъ нашелъ его въ работѣ на золотыхъ пріискахъ. Работа на промыслахъ—работа землекопная, на которой въ Россіи составили себѣ такую громкую извѣстность такъ называемые поляки. Человѣкъ долженъ вынуть въ день, смотря по грунту, извѣстную кубическую мѣру земли. Урокъ доходитъ до кубической сажени. Тяжесть этого труда увеличивается еще разными непріятностями въ образѣ жизни. Работы производятся, обыкновенно, т. е. почти всегда, въ мѣстахъ безлюдныхъ; приходится копать стоя въ водѣ; помѣщенія устроиваются временныя, гдѣ, разумѣется, нѣтъ никакихъ удобствъ, гдѣ люди спятъ по-острожному. Однимъ словомъ работа на частныхъ промыслахъ та же, какъ и въ каторгѣ; но отличается отъ нея тѣмъ, что люди работаютъ не по принужденію. Пріятность труда увеличивается еще тѣмъ, что люди уходятъ на пріиски иногда за 1000 верстъ. Кажется, трудъ этого рода не можетъ имѣть никакого сравненія съ трудомъ земледѣльческимъ, и не смотря на то поселенецъ бросаетъ домъ, жену и бредетъ за 1000 верстъ, предпочитая тяжелое и неудобное легкому и удобному. У поселенца разсчетъ самый вѣрный. Одинокому нельзя заниматься пашней, по крайней мѣрѣ трудно, а копать землю на пріискахъ можно. Одинокій при небольшой запашкѣ легко подвергается всѣмъ случайностямъ неурожая, а плата на пріискахъ всегда вѣрная. У одинокаго земледѣльца можетъ пасть его единственная лошаденка или корова, и хозяйство его падаетъ; а на пріискахъ не нужно ему ни лошади, ни коровы, и нѣтъ риску. Земледѣліе занятіе сложное, съ нимъ много хлопотъ; а на золотыхъ

промыслахъ заботиться не о чемъ, кромѣ личной заботы о себѣ. Въ сельскомъ хозяйствѣ есть занятіе на круглый годъ, а на пріискахъ работа только лѣтомъ. Земледѣліе даетъ все натурой, и нужно кромѣ того добыть еще деньги; а золотые промыслы за четыре мѣсяца работы даютъ 200 рублей. Очевидно, что матеріальныя выгоды всѣ на сторонѣ золотыхъ пріисковъ. А удовольствія общественной жизни и во время самой работы—орлянка, и юла, особенно послѣ окончательнаго разсчета, когда вся ватага, добравшись до перваго села, предается всѣмъ излишествамъ и самому крайнему разгулу. Какая сельская жизнь можетъ представить подобныя наслажденія? Правда, не многіе воротятся домой съ деньгами, а перспектива зимы не имѣетъ ничего привлекательнаго; но много ли и нужно одинокому человѣку? А тамъ опять новые контракты, новые задатки, которые не дадутъ и умереть съ голоду, и достанутъ на выпивку, а послѣ работы съ ея окончательнымъ разсчетомъ новый разгулъ. Есть моралисты, которые обвиняютъ во всемъ этомъ частную золотую промышленность. Но золотопромышленность тутъ ни въ чемъ не виновата. Золотопромышленникъ нанимаетъ рабочаго, всѣ отношенія ихъ заключаются въ исполненіи обоюдныхъ условій—одинъ долженъ работать, другой долженъ заплатить ему за работу. Какъ расходуетъ свои деньги купецъ—рабочему нѣтъ дѣла, и какъ расходуетъ ихъ рабочій—купцу также нѣтъ дѣла. Золотопромышленникъ, разумѣется, привлекаетъ рабочія силы, но они не отвлекаютъ ихъ отъ земледѣлія. Прежде, когда золотопромышленность была слаба, ссыльные точно такъ же не дѣлались земледѣльцами, какъ они не дѣлаются ими и теперь. Золотопромышленность только дала ссыльнымъ средства для жизни, которыхъ они не имѣли прежде, и спасла отъ нищенства тѣхъ изъ нихъ, которые безъ нея ходили бы непремѣнно по міру. Если ссыльные не дѣлаются земледѣльцами, если шатанье съ мѣста на мѣсто, юла, орлянка и пьянство нравятся имъ больше, чѣмъ скромное и незавидное положеніе сибирскаго земледѣльца, то это происходитъ оттого, что въ ссыльномъ, въ его личныхъ качествахъ, въ условіяхъ его экономическаго и общественнаго положенія чрезвычайно мало данныхъ, чтобы создать изъ него крестьянина. Что промыслы не отвлекаютъ поселенцевъ отъ занятій сельскимъ хозяйствомъ можно видѣть изъ того, что въ 1851 году въ Тобольской губерніи изъ числа 29,301 ссыльныхъ было водворенныхъ 25% (7526 ч.), а въ Тобольской губерніи нѣтъ золотыхъ промысловъ; въ Томской и Енисейской губерніяхъ, гдѣ существуютъ пріиски, считалось водворенныхъ: въ Томской $20\frac{2}{3}$% —

7735 на 37,363 ссыльныхъ; а въ Енисейской губерніи 18% или 5210 водворенныхъ на 30,869 человѣкъ. Если бы золотопромышленность имѣла такое вредное вліяніе, разница составляла бы не пять процентовъ, а болѣе. Если же этого нѣтъ, то изъ приведенныхъ нами цифръ выводится только то заключеніе, что золотопромышленность уменьшаетъ охоту къ настоящему водворенію на 5 до 6%. Что же касается до 75% Тобольскихъ неосѣдлыхъ поселенцевъ, то ими лучше всего и доказывается, что поселенцамъ выгоднѣе и легче заниматься другими промыслами, чѣмъ земледѣліемъ. Заключеніе будетъ полнѣе, когда опредѣлится, какое число поселенцевъ принадлежало до ссылки къ земледѣльческому сословію. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы всѣ портные, сапожники, кузнецы, повара, мѣщане прибывъ, въ Сибирь, превратились бы вдругъ въ земледѣльцевъ. Какой же процентъ общаго числа ссыльныхъ составляютъ земледѣльцы? Точно отвѣтить на этотъ вопросъ я не могу, не имѣя для того статистическихъ данныхъ. Но отвѣтъ приблизительный и слѣдовательно вполнѣ достаточный для общаго соображенія можно дать даже не основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя у меня подъ рукою. Въ 1856 и 1857 годахъ въ Казанской губерніи было сдѣлано среднимъ числомъ 636 преступленій. Изъ нихъ на долю дворянства, купечества, духовенства и разночинцевъ приходится $1\frac{1}{3}$%; на мѣщанъ $18\frac{2}{3}$% и на крестьянъ 80%. Принимая эти цифры приблизительно вѣрными для всего числа ссыльныхъ, обнаружится, что на 20% слѣдуетъ уже разсчитывать впередъ, что они не сдѣлаются земледѣльцами; а если вмѣсто 20 выходитъ въ Сибири 80%, не желающихъ селиться, то эти 60 лишнихъ процентовъ явились вслѣдствіе системы тюремнаго заключенія и способа препровожденія арестантовъ и отъ новыхъ условій экономическаго положенія одиночекъ поселенцевъ.

При всей медленности цивилизаціи въ нашемъ народѣ, онъ все-таки идетъ впередъ; при всей его неразвитости онъ все-таки не такъ глупъ и не такъ невѣжественъ, какъ у насъ привыкли его считать нѣкоторые. Даже ссыльный вовсе не такой дурной человѣкъ. Онъ замотался, отбился отъ дѣла, привыкъ къ безпорядочности, любитъ выпить и отсталъ отъ семейной жизни. Но если и нынче, при организованной системѣ пересылки этаповъ, уровень матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей понижается, то что же дѣлалось и какой переломъ совершался въ арестантахъ до изданія дѣйствующаго нынче «Устава о ссыльныхъ»? Человѣкъ, воспитанный въ спартанской умѣренности, и въ ос-

тяцкой чистоплотности только однимъ путешествіемъ въ Сибирь, воспитывалъ въ подобной же неприхотливости и своихъ дѣтей. Этимъ путемъ все новое поколѣніе становилось подъ низкій уровень потребностей своихъ родителей и не могло вести другого образа жизни, потому что нигдѣ его не видѣло. Населеніе, составившееся почти исключительно изъ ссыльныхъ и ихъ потомковъ по самымъ условіямъ ихъ водворенія и по экономическому своему воспитанію не могло быть особенно требовательно. А къ этому присоединились еще и климатическія условія, трудность земледѣльческой культуры, промышленное неразвитіе края и большіе, сравнительно, платежи на расходы по управленію, вслѣдствіе растянутости края, и нѣкоторыя внѣшнія вліянія.

Мы знаемъ, что не вся Сибирь представляетъ такую непривлекательную картину экономическаго быта. Мы знаемъ, что есть въ Сибири привольныя мѣста, но мы знаемъ также, что эти привольныя мѣста не составляютъ общаго правила, какъ крымскій климатъ не составляетъ еще климата Россіи. Правильность и порядокъ являлись обыкновенно только у добровольныхъ переселенцевъ. Гагемейстеръ приводитъ весьма интересное свѣденіе о «каменьщикахъ» или горцахъ, занимающихъ нѣсколько селеній въ юговосточной части Томской губерніи, на самой китайской границѣ, въ неприступныхъ ущельяхъ Алтайскихъ горъ. Каменьщики образовали 22 деревни, изъ нихъ самая большая имѣетъ не болѣе 30 дворовъ. Общество каменьщиковъ составилось изъ бѣглыхъ людей разнаго званія въ началѣ XVIII столѣтія. Сюда уходили раскольники, преступники, люди, желавшіе избавиться отъ исполненія общественныхъ обязанностей; наконецъ, всѣ тѣ, кому хотѣлось жить на волѣ. Эти поселенцы жили смирно, занимаясь земледѣліемъ, рыбною и звѣриною ловлей. Но когда съ расширеніемъ предѣловъ горнаго производства къ нимъ стали появляться чаще и чаще горныя поисковыя партіи, то они рѣшились «быть гласными правительству», платить ему подать и выставлять вооруженныхъ людей для защиты границы отъ набѣговъ. Предложеніе каменьщиковъ было принято и въ 1791 году правительство объявило имъ прощеніе. Каменьщики живутъ хорошо, у нихъ развито пчеловодство, скотоводство; они приготовляютъ кожи, ткутъ холсты и даже грубое сукно. Произведеніе своей промышленности они продаютъ въ сосѣднія заводскія селенія и мѣняютъ китайцамъ и киргизъ-кайсакамъ Живутъ они чисто и опрятно въ довольствѣ, и одѣваются съ какой-то щеголеватостью. У каменьщика за плечами всегда винтовка, а на кушакѣ виситъ длинный ножъ.

Типъ каменщиковъ сѣверно-русскій; ихъ движенія выказываютъ отвагу, проворство, удаль, а лицо выражаетъ смѣлость. Большинство горцевъ знаетъ грамоту. Но вотъ еще интересный фактъ, сообщенный мнѣ въ Иркутскѣ. Въ 1857 году землемѣръ, обходившій какія-то земли по р. Киренгѣ, наткнулся на какое-то селеніе, не показанное на планѣ. Оказались раскольники; село называется Карамъ; населенія въ немъ 114 человѣкъ. О существованіи этого села не знало ни земское, ни какое другое начальство; раскольники жили тихо, занимались хлѣбопашествомъ и торговлею. Торговля шла даже съ Иркутскомъ. Для этого, когда нужно, посылался одинъ изъ крестьянъ, который покупалъ и продавалъ, что назначалось обществомъ. Этотъ крестьянинъ былъ единственный человѣкъ, у котораго былъ паспортъ. Открытіе землемѣра сдѣлалось, разумѣется, извѣстнымъ гдѣ слѣдуетъ, и крестьяне с. Карамъ поступили въ вѣденіе земской полиціи. Говорятъ, что крестьяне жили прежде очень зажиточно.

XV.

Сибирскіе «Амуры». Иркутскъ.

Красноярскъ первый сибирскій городъ, гдѣ можно отдохнуть отъ дороги и вознаградить убыль въ тѣлѣ отъ дорожнаго поста. Въ городѣ двѣ гостиницы «Амуръ», и «Одесса»; послѣдняя извѣстна подъ названіемъ гостиницы Шлау. Нѣмецкое прозвище гостиницы хотя и плѣнило меня, но комнаты оказались низки, окна малы и мебель фасона тридцатыхъ годовъ — жесткіе стулья и узкіе, жесткіе, высокіе диваны. Человѣкъ намявшій себѣ въ дорогѣ бока, бываетъ обыкновенно требовательнѣе; послѣднюю станцію ужь онъ мечтаетъ объ отдыхѣ, о мягкомъ диванѣ, о вкусномъ обѣдѣ и о чистой удобной постели, гдѣ можно протянуться во весь ростъ. Гостиница Шлау не удовлетворила этому идеалу, но «Амуръ» оказался хуже. Въ «Амурѣ» претензіи на аристократизмъ и на внѣшній блескъ; тамъ есть большія масляныя картины въ золоченыхъ рамахъ, перегородки въ видѣ ширмъ съ красной подбойкой; гардины на окнахъ изъ ситца и даже ручной органъ. Все это уже подернулось слоемъ копоти и сквозь внѣшній блескъ проглядываетъ пыль и

нечистота. И всѣ сибирскіе «Амуры» такого свойства. Надо замѣтить, что со времени пріобрѣтенія р. Амура пошла мода на гостиницы «Амуръ». Амуры завелись въ Красноярскѣ, Иркутскѣ и даже въ Читѣ. Но чемъ эти «Амуры» дальше, тѣмъ они хуже. Въ этомъ виноваты не тѣ, кто устроиваетъ гостиницы, а тѣ, для кого онѣ устроены. Гостиница опредѣляетъ лучше всего нравы населенія, а наше населеніе, останавливающееся въ гостиницахъ, вовсе не такого свойства, чтобы поддерживало чистоту и порядокъ. Гостиница можетъ страдать отъ причинъ «естественныхъ»; но зачѣмъ же плевать и сморкаться на стѣны; зачѣмъ маслить обои головами и полировать стѣны спинами; зачѣмъ шаркать вездѣ спичками? Проѣзжающій разсуждаетъ, что онъ платитъ за постой деньги; но будто бы только вслѣдствіе этого онъ обходится безъ носового платка? Тутъ просто привычка сморкаться въ руку и больше ничего. Человѣку совсѣмъ ненужна чистота, и оттого онъ и грязенъ вокругъ себя. При русскомъ обычаѣ путешествовать съ лакеями и горничными чистотѣ гостиницъ наносится еще большій ущербъ. У барина, плюющаго въ стѣну, лакей уже непремѣнно плюетъ въ потолокъ и какъ Петрушка Чичикова заноситъ вездѣ свой запахъ; а запахъ этотъ по своей крѣпости въѣдается въ обои, за панель, въ углы комнатъ и вообще въ такія мѣста, куда не заглядываетъ никогда ни половая щетка, ни пыльная тряпка. Этотъ удушающій, безкислородный воздухъ самая ужасная вещь русскихъ гостиницъ. Чистый воздухъ въ комнатѣ русскому какъ будто бы и не нуженъ и въ сибирскихъ постройкахъ весьма обыкновенная вещь, что въ лѣтнихъ рамахъ устроены форточки, а въ зимнихъ ихъ нѣтъ. Другой недостатокъ гостиницъ въ томъ, что нужно возить съ собой кровать, перину или тюфякъ, подушки и все постельное бѣлье. И это дѣйствительно необходимо, потому что гостиницы находятся въ переходномъ состояніи отъ неудобствъ крестьянскаго быта къ требованіямъ европейской цивилизаціи. Деревянныя кровати гостиницъ съ ихъ жирными и испятненными и прессованными тюфяками, пропитанными насквозь самымъ густымъ безкислороднымъ воздухомъ способны привести въ ужасъ даже людей, видавшихъ на своемъ вѣку скорпіоновъ и животныхъ между готтентотами. Въ устройствѣ ночлега русскій человѣкъ выказалъ вполнѣ свое знаніе гигіены и физіологіи. Для помѣщенія кровати избирается всегда самый негодный уголъ у печки, или закоулокъ, куда не достигнетъ ни одинъ лучъ свѣта, ни струйки свѣжаго воздуха. Такой и самъ по себѣ темный уголокъ обносится еще кругомъ непроницаемымъ для свѣта и воздуха заборомъ и

служитъ помѣщеніемъ для кровати. По этой системѣ устроены спальни въ иркутскомъ «Амурѣ». Вся ошибка нашихъ содержателей гостиницъ только въ томъ, что въ нихъ развито слишкомъ эстетическое чувство. Они не понимаютъ, что эстетическое чувство—инстинктъ полезнаго, а самое полезное для человѣка его здоровье, т. е. содержаніе организма въ условіяхъ благопріятныхъ для его развитія и существованія. Недостатокъ такого простого знанія ведетъ къ тому, что человѣка помѣстятъ въ темную комнату, когда ему необходимъ свѣтъ; положатъ его на постель, гдѣ миріады блохъ и клоповъ искусаютъ его не хуже мускитовъ; дадутъ ему постель, пропитанную всякими міазмами, и въ одну ночь отравятъ ему кровь и загноятъ легкія, такъ что человѣкъ начнетъ хирѣть, вовсе не подозрѣвая, что болѣзнь эта порождена въ немъ русской трактирной постелью. Качество пищи соотвѣтствуетъ вполнѣ гигіеническимъ условіямъ помѣщенія. За присутствіе полуды въ самоварахъ и кострюляхъ не ручается ничто, и если послѣ гостиничныхъ обѣдовъ не случаются съ проѣзжающими корчи съ холерные припадки, то это объясняется только незначительностью отравленія. Извѣстно, что кострюли лудятся у насъ уже тогда, когда очевидность отсутствія полуды становится несомнѣнной повару. А это несомнѣннымъ является только въ томъ случаѣ, если полуда сошла совершенно. Но даже и тутъ повара иногда спорятъ. Свѣжесть припасовъ—другой вопросъ; свѣжесть, какъ извѣстно, зависитъ отъ способности провизіи сохраняться болѣе или менѣе долго. Далѣе всѣхъ гостиничныхъ припасовъ сохраняется телятина; вотъ почему телятина въ гостиницахъ есть всегда, почему ее разогрѣваютъ разъ сорокъ и почему она вѣчно пахнетъ. Для сбереженія расходовъ найдено также весьма удобнымъ замѣнять масло говяжьимъ жиромъ и бараньимъ саломъ. Послѣднее обстоятельство придаетъ кушанью вкусъ и запахъ сальной свѣчки, что даже и цѣнится многими любителями баранины. Но если въ экономическихъ основаніяхъ гостиничныхъ порядковъ не берутся въ соображеніе современные успѣхи физіологіи и гигіены, какъ знаній новыхъ и не совершенно безспорныхъ, зато эстетика становится на первомъ планѣ. Въ каждомъ номерѣ мебель обивается повозможности яркими матеріями; на окнахъ висятъ драпировки, украшенныя бронзовыми карнизами и розетками; на столахъ красныя съ синимъ бумажныя или шерстяныя салфетки; на стѣнахъ картинки въ золоченыхъ рамкахъ. Обои всегда высшаго достоинства — темныя, бархатныя. Правда, что не найдется въ гостиницѣ ни одного номера, гдѣ бы матерія на всѣхъ стульяхъ и диванахъ

была цѣла; гдѣ бы салфетки не представляли напластованій всего, что на нихъ ѣлось и пилось съ самаго учрежденія гостиницы; гдѣ бы обои не дали трещинъ, въ особенности по близости печей. Но во всемъ этомъ нельзя винить никого, кромѣ проѣзжающихъ. Они сидятъ на мебели, они пачкаютъ салфетки.

При такой роскоши устройства помѣщеній очевидно, что и цѣны комнатъ должны соотвѣтствовать богатству ихъ убранства. Вотъ почему въ сибирскихъ «Амурахъ» приходится платить 1, 1 $^1/_2$ и даже 2 рубли въ сутки за комнату, гдѣ нельзя сидѣть на мебели, потому что она набита кирпичами; гдѣ нельзя спать на постели, потому что задохнешься и будешь изъѣденъ мускитами; гдѣ нельзя быть сытымъ, потому что на двухъ дается одинъ обѣдъ, а берутъ деньги какъ за два, и гдѣ за сутки заплатишь то, на что въ Германіи проживешь цѣлую недѣлю.

Относительно Красноярской гостиницы я былъ требователенъ, но узнавъ, что значатъ гостиницы въ другихъ сибирскихъ городахъ, я чувствую вполнѣ скорость и опрометчивость своего сужденія. Въ Красноярскѣ небольшая комната, безъ кровати, стоитъ 1 р. въ сутки; самоваръ съ булкой и сливками 40 к.; обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ 75 коп.; бутылка обыкновеннаго квасу 10 к.; но все это подается безукоризненно чисто; обѣдъ свѣжъ, вкусенъ, сытъ и приготовленъ поварски. Разумѣется, спанье безъ кровати и постели не совсѣмъ удобно, потому что въ диванѣ клопы. Пробовалъ я спать, составивъ два ломберныхъ стола, но они скрыпятъ, и каждую минуту боишься свалиться; пробовалъ я спать на полу, но и это неудобно — дуетъ, забираются клопы и въ щель двери могутъ забѣжать мыши. Всѣ эти матеріальныя неудобства помѣщенія окупались по крайней мѣрѣ ѣдой, возстановившей мои силы, и чистотой, которая уже не попадалась больше по всему сибирскому тракту.

Иркутскій «Амуръ» хуже красноярской «Одессы». Въ «Амурѣ» хозяинъ отличается больше глубокимъ знакомствомъ съ эстетикой, чѣмъ съ гигіеной и физіологіей. Поэтому каждая вещь гостиницы служитъ больше для украшенія и не отличается практической примѣняемостью къ дѣлу. На окнахъ, обращенныхъ на солнечную сторону, сторъ нѣтъ, вѣроятно потому, что по законамъ эстетики въ нихъ нѣтъ ничего прекраснаго, а гардины устроены такъ въ обтяжку, что, спущенныя, они не сходятся на четверть и все тянутся на свое старое мѣсто. На стульяхъ можно сидѣть только въ почтительномъ положеніи подчиненнаго предъ начальникомъ, потому что въ другомъ, болѣе удобномъ положе-

ніи помѣститься нельзя. На диванѣ жестко, какъ на камнѣ. Въ закоулкѣ, гдѣ помѣщается кровать, темно и безкислородно до невыносимости. Такъ какъ закоулокъ явился не при первоначальномъ устройствѣ гостиницы, а послѣ, когда суконныхъ обоевъ было уже негдѣ достать, то бока закоулка образованы изъ натянутаго на рамы холста и выкрашены подъ мраморъ грязно-лиловаго цвѣта, въ тонъ обоевъ. Двери, какъ у театральныхъ декорацій, изъ полотна, натянутаго на рамки, выкрашенныя бѣлой клеевой краской и обведенныя въ приличныхъ мѣстахъ черными и сѣрыми полосками, изображающими филенки. Такая комната, невыносимая въ зной, стоитъ въ сутки 1 р. 50 к. Чистота не входила въ соображеніе, ни при устройствѣ гостиницы, ни считается необходимой и въ настоящее время. Поэтому проѣзжающій имѣетъ право требовать только то что есть, и не можетъ претендовать на то, чего нѣтъ. Для предупрежденія недоразумѣній счетъ подается каждый день.

Впрочемъ иркутскій «Амуръ» можетъ не нравиться только тѣмъ, кто путешествуетъ съ запада на востокъ. Путешествующіе съ востока на западъ, остаются, разумѣется, имъ довольны, особенно послѣ «Амура» читинскаго.

Чита, главный городъ Забайкальской области, наводитъ на путешественника великое уныніе. Построенный на пескѣ, растянутый на большомъ пространствѣ, городъ этотъ имѣетъ видъ большого бѣднаго села, лежащаго въ песчаной пустынѣ. Оживленіе и людность только на площади, у кабака. Но что за физіономіи! Послѣ предупрежденій, сдѣланныхъ мнѣ въ Читѣ насчетъ осторожности въ пути, физіономіи эти казались мнѣ еще ужаснѣе. А между тѣмъ всѣ эти страшныя лица принадлежатъ людямъ можетъ быть очень мирнымъ: какимъ-нибудь скромнымъ рабочимъ, собравшимся подкрѣпить свои истощенныя силы? Все это можетъ быть. Разумѣется, послѣ Иркутска Чита очень печальный городъ, и недостатки ея не выкупаются ни домами князя Волконскаго, ни князя Трубецкого, ни другими старыми воспоминаніями, создавшими репутацію Читы.

Иркутскъ, не смотря на его скверныя гостиницы, единственный городъ Сибири, имѣющій городской характеръ. По числу рынковъ, лавокъ, магазиновъ, обилію и разнообразію предметовъ торговли, которые бросаются въ глаза при бѣгломъ знакомствѣ съ городомъ, Иркутскъ, разумѣется, самое высшее проявленіе производительныхъ силъ Сибири. Какъ Англія создала Лондонъ, и Франція Парижъ, такъ Си-

бирь создала Иркутскъ. Она гордится имъ, и не видѣть Иркутска значитъ не видѣть Сибири. При всемъ своемъ административномъ значеніи Иркутскъ все-таки не исключительно административный пунктъ. Власти могутъ оставить городъ, и онъ все-таки останется по прежнему силой и украшеніемъ страны. Разумѣется, сила Иркутска не особенно велика, торговля его не обширна, жителей не много (почти 19 т.), но вѣдь и въ Сибири не много силъ, не много жителей, не велика торговля. По силамъ страны и ея произведенія. Разумѣется, если не увлекаться патріотическимъ восторгомъ, и единицей для сравненія брать послѣдніе результаты человѣческой мысли и человѣческой производительности, то иркутскія папиросы Пестерева, Свѣшникова, Краузе напоминаютъ больше кипарисную гарь, чѣмъ турецкій табакъ; фотографія Пестерева тоже плоха; въ лавкахъ, кромѣ квасу, рыбьяго жиру, свинины, говядины, муки, нѣтъ ничего, принадлежащаго собственно Сибири. Все остальное, что нужно для жизни, т. е. предметы такой же первой необходимости, какъ хлѣбъ, мясо и дрова, получаются Иркутскомъ изъ Россіи. Иркутскъ до сихъ поръ не съумѣлъ устроить торговыхъ сношеній съ Америкой и выписываетъ весь товаръ изъ Москвы и продаетъ его ровно вдвое противъ Россіи, и ни въ чемъ особенно не высказываетъ сибирскаго генія. Хоть бы изобрѣли какой-нибудь сибирскій архитектурный стиль, или сложили какъ-нибудь иначе общественную жизнь. Иркутскъ не сочинилъ ничего. Пролетки иркутскія тѣ же общерусскія пролетки, на какихъ страдаютъ ѣздоки во всей Россіи, съ тою только разницей, что иркутскія тяжелѣе и неуклюжѣе. Иркутскіе дома тѣ же русскіе дома, съ тою только разницей, что въ нихъ вовсе незамѣтно особеннаго стремленія строителей приноровиться къ сибирскимъ морозамъ. Моды иркутскія берутся изъ Москвы и Петербурга, и Иркутскъ не смѣетъ придумать ничего для защиты женскихъ головъ противъ зимняго холода, пока Петербургъ не пришлетъ ему мѣховую шляпу или боярскую шапку. Общественной жизни въ Иркутскѣ нѣтъ, а есть микроскопическіе кружочки, гдѣ тэмы для разсужденій и разговоровъ даютъ петербургскіе и московскіе журналы, приходящіе въ Иркутскъ чрезъ два мѣсяца. То, что принимается нѣкоторыми иркутскими патріотами за самостоятельное проявленіе мѣстной общественности, гражданскихъ доблестей и гражданской самостоятельности, въ сущности невинное препровожденіе времени, отъ недостатка серьёзныхъ занятій. Года два назадъ явилось въ Иркутскѣ особенное оживленіе по случаю одного уголовнаго скандала. Шуму и бѣготни по улицамъ было много;

но прошелъ первый пылъ и всѣ успокоились, и только осталось одно воспоминаніе о событіи, о которомъ чрезъ два года разсказываютъ еще со всѣми подробностями всякому новому проѣзжающему, какъ о событіи, имѣвшемъ міровое значеніе.

У Иркутска нѣтъ своихъ серьёзныхъ интересовъ и нѣтъ внутренней общественной жизни. Изъ 18,800 человѣкъ населенія, тѣхъ, кто считаетъ себя способнымъ понимать общественные и гражданскіе интересы, наберется не болѣе 100 человѣкъ, положимъ 200, ну хоть 300, вѣдь это всего полтора процента. Неужели эти полтора процента составляютъ Иркутскъ? Неужели Иркутскъ живетъ ими, и только потому и Иркутскъ, что въ немъ есть триста людей, разсуждающихъ объ общественныхъ вопросахъ? Да и эти 300 человѣкъ, почему они спеціально иркутскіе граждане?—почему перенесенные въ Москву, въ Харьковъ, Кострому, они не сдѣлаются точно такъ же гражданами московскими, харьковскими, костромскими? Однимъ словомъ, въ чемъ спеціальность гражданскихъ интересовъ Иркутска? Въ чемъ его гражданская жизнь? въ чемъ особенность и самостоятельность иркутской мысли? какъ бы онъ думалъ и чувствовалъ, не получая газетъ и журналовъ изъ Москвы и Петербурга? Иркутскъ просто кусокъ Коломны, занесенный отъ Петербурга за 7,000 верстъ, и примѣшавшійся къ 18 тысячамъ собственно сибирскаго народа, не проявившаго покамѣстъ ни въ чемъ самостоятельной мысли, и собирающагося все еще съ силами, чтобы сказать свое сибирское слово. И при всемъ томъ Иркутскъ все-таки лучшій сибирскій городъ. Самая ужасная сторона сибирской жизни въ отдаленности Сибири отъ Петербурга, въ отсутствіи внутренняго общественнаго интереса, въ печальной необходимости жить двумя мѣсяцами позже и тратиться въ безполезныхъ словопреніяхъ, не подвигающихъ ни на волосъ дѣла. Здѣсь легче всего убѣдиться человѣку, что онъ не нуженъ, и углубиться въ своекорыстные личные интересы и, съуживая кругозоръ, сдѣлаться человѣкомъ дѣйствительно ненужнымъ. Какъ во Франціи вся внутренняя жизнь страны въ Парижѣ, какъ Парижъ — мозгъ Франціи, такъ Петербургъ умъ и сердце Россіи. Не жить въ Петербургѣ значитъ быть оторваннымъ отъ Россіи, а Иркутскъ ли, Камчатка, Ситха или русскія владѣнія въ Америкѣ — вся разница только въ географической широтѣ и долготѣ мѣста.

XVI.

Сибирская дороговизна.—Невыгоды отъ высокаго уровня потребностей.

Сибирская дешевизна извѣстна въ Россіи всѣмъ, но никто не знаетъ тамъ о сибирской дороговизнѣ. Было точно время, когда пудъ муки продавался въ Тобольскѣ за 15 к., пудъ сѣна стоилъ 5 к., а овса четверть 65 к. Въ Томскѣ стояли подобныя же цѣны. Но то было въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ; время это ушло невозвратно. Много перемѣнъ случилось послѣ того въ Сибири; стали развиваться золотые промыслы; пошли наводненія и неурожаи; населеніе совершенно непроизводительное и промысловое увеличилось въ пропорціи большей, чѣмъ число земледѣльческихъ производителей; заводскіе крестьяне обращены въ казаки; казаки переселены на Амуръ; съ 1858 года выслано въ Забайкалье 13,000 штрафныхъ солдатъ. Все это подняло цѣны на земледѣльческія произведенія, и съ тѣхъ поръ о дешевизнѣ не слышно нигдѣ въ Сибири. Нынче въ западной Сибири цѣна хлѣба въ городахъ 1 р. за пудъ, въ деревняхъ отъ 40—80 копѣекъ; говядина 3—4 к. за фунтъ. Въ Иркутскѣ и во всемъ Забайкальѣ—мука 50 к. за пудъ, овесъ также, сѣна возъ (15 п.) отъ 1 р. 30 до 2 р., говядина 2 р. п., дрова 2 р. однополенная сажень. Сравнительно съ Петербургомъ цѣны умѣренныя, потому что въ Петербургѣ давно уже забылось время, когда фунтъ говядины стоилъ 3 к. ас., а фунтъ хлѣба 1 к.; хорошо еще, что политическая экономія учитъ, что дороговизна [illegible] есть первый признакъ высшаго экономическаго благосостоянія. Изъ этой экономической теоремы слѣдуетъ очевидно, что, если въ 1803 году въ Петербургѣ фунтъ говядины стоилъ 3 к. ас., а фунтъ ржаного хлѣба 1 к., въ 1862 году говядины стоитъ 12 к. сер., а хлѣбъ 2 к. сер., т. е. первая стала дороже въ 14 разъ, а хлѣбъ въ 7 разъ, то потребители говядины стали богаче въ 14 разъ, а потребители хлѣба въ 7. Въ примѣненіи къ Сибири, гдѣ противъ начала нынѣшняго столѣтія хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ въ 25 разъ, выходитъ, что и люди стали богаче въ 35 разъ; а по отношенію къ Петербургу, въ Сибири жить выгоднѣе, потому что легче достигнуть богатства. Но факты говорятъ другое; они противорѣчатъ политической экономіи, которая въ Сибири

рѣшительно собьется съ толку. По какимъ, напримѣръ, экономическимъ принципамъ дѣйствуетъ станціонный смотритель, который за тарелку студеня беретъ съ проѣзжающаго рубль? По какимъ принципамъ дѣйствуетъ баба на станціи, которая за крынку молока беретъ 25 к. и увѣряетъ еще, что въ деревнѣ молоко стоитъ 20 к.? По какимъ принципамъ дѣйствуетъ другая баба, которая, получивъ за крынку молока 20 к., говоритъ проѣзжающему: «а за хлѣбъ?» Почему въ Сибири самоваръ на станціи стоитъ вездѣ 15 к., а еще чаще говорятъ, что пожалуете, надѣясь получить 20 к.—когда вездѣ въ Россіи, и даже въ иркутскомъ «Амурѣ» только 10 к. Какой процессъ экономическаго мышленія происходитъ въ головѣ того мужика, который за телѣгу въ одну лошадь, чтобы доѣхать съ томской пристани до Томска, запросилъ 5 р., и когда ему замѣтили, что дорого, онъ, не отвѣтивъ ни слова, спустился къ рѣкѣ и сталъ мыть руки, какъ будто бы онъ только за этимъ и приходилъ? Какими соображеніями руководствовался ямщикъ въ Нерчинскѣ, когда съ купца, не доставшаго почтовыхъ лошадей, спросилъ за станцію въ 26 $^{1}/_{3}$ верстъ, на тройку, 25 руб., и не согласился везти за 20 р.? А между тѣмъ въ Томскѣ, на другой день послѣ несговорчиваго ямщика, извощики взяли за тройку только 3 р. 50 к., и въ Нерчинскѣ за ту же 26 верстную станцію и за 7 лошадей 11 р., или далѣе къ Нерчинскому заводу везли вольные за казенные прогоны. «Запросомъ» и «предложеніемъ» объяснить всего этого нельзя. Разъясненіе этой экономической задачи нужно искать скорѣе въ томъ обстоятельствѣ, что люди не нуждаются въ деньгахъ; и не нуждаются въ нихъ или совершенные безсребренники, или люди дикіе, незнакомые съ употребленіемъ денегъ. Но сибиряки—ни безсребренники, ни дикари. Вопросъ этотъ очевидно физіологическій; это вопросъ о нервахъ и о мозговомъ веществѣ, которые у сибиряковъ отличаются другими свойствами, чѣмъ у западныхъ народовъ. Но и экономистамъ есть тутъ полезный урокъ. Они могутъ убѣдиться, что сила обычая играетъ въ экономическихъ отношеніяхъ гораздо большую роль, чѣмъ запросъ и предложеніе.

По этой силѣ обычая каждый ямщикъ, каждый смотритель, каждая коморница, смотрятъ на проѣзжающаго, какъ на свою дойную корову. Только мертвый не залѣзаетъ въ его карманъ. И нужно полагать, что возможность путешествія на почтовыхъ будетъ скоро привиллегіей только богачей. Прежде, когда не было вольныхъ почтъ, платилось на пару—мѣстами 5, мѣстами 3 к. Съ вольными почтами пришлось платить 6 к. на пару. Но отъ этого крестьянамъ не стало выгоднѣе. Содержа-

тель вольной почты законтрактовалъ ямщиковъ платить имъ все тѣ же 5 к., а съ проѣзжающаго беретъ 6. Эта лишняя копѣйка берется изъ кошелька проѣзжающаго исключительно въ пользу содержателя. Справедливо, что содержатель трудится и долженъ имѣть вознагражденіе за свой трудъ; но что за дѣло до этого проѣзжающему, когда единственная разница, которую онъ замѣчаетъ въ томъ, что дорога стала обходиться ему дороже противъ прежняго на 2%? Путешественникъ не имѣлъ бы еще права жаловаться, когда бы онъ могъ нанимать вольныхъ ямщиковъ, но это-то не позволяется. Вольная почта монополь;—монополь насчетъ крестьянскаго заработка и насчетъ кошелька проѣзжающаго, приносящая выгоду одному лицу, а убытокъ многимъ. Если привиллегіи считаютъ необходимыми для огражденія отъ соперничества едва возникающихъ производствъ, то этого нельзя сказать о нашемъ ямскомъ промыслѣ; въ настоящемъ случаѣ стѣсненъ крестьянинъ, чтобы дать силу вновь открытому способу наживаться насчетъ другихъ. Въ Сибири вольныхъ почтъ пока нѣтъ; но въ 20% есть плѣнительная сила, и, какъ говорятъ, насчетъ вольныхъ почтъ въ западной Сибири составляется уже предположеніе. Это значитъ, что вмѣсто 3 придется платить 6 к. на версту за пару, и дорога станетъ дороже на 100%. Пусть такъ, если ужь это неизбѣжно; но пусть 100% достаются не монополисту; пусть возитъ всякій, кто хочетъ, а почты содержатъ артели ямщиковъ. Въ этомъ по крайней мѣрѣ будетъ экономическій смыслъ.

Сила необузданнаго ничѣмъ экономическаго обычая вещь самая ужасная для небогатаго путешественника. Во многихъ случаяхъ, разумѣется, можно избѣгнуть излишняго расхода. Если путешественникъ, подъѣзжая къ станціи, замѣчаетъ, что на окнахъ стоятъ крынки съ цвѣтами и красуются занавѣски; если на стѣнахъ висятъ картинки; если смотрительша въ шерстяномъ платьѣ и слѣдовательно для работъ по хозяйству держитъ работницу, то очевидно, что въ такомъ семействѣ, для удовлетворенія болѣе развитыхъ потребностей нужно болѣе средствъ, и слѣдовательно за всѣ жизненные припасы путешественникъ долженъ платить по высшей трактирной цѣнѣ. Политическая экономія объясняетъ этотъ фактъ точно такъ же, высшимъ уровнемъ потребностей; а какъ путешественнику до чужихъ высокихъ потребностей нѣтъ дѣла, и аппетитъ не будетъ удовлетворенъ полнѣе, если вмѣсто 20 копѣекъ онъ заплатитъ за студень 1 рубль, то та же политическая экономія велитъ ѣхать немедленно на другую станцію, гдѣ нѣтъ крынокъ съ цвѣтами и и смотрительша не держитъ работницы. Этимъ же высокимъ уровнемъ

потребностей объясняется дороговизна переѣзда черезъ Байкалъ, объѣхать который къ сожалѣнію нельзя. Содержатели байкальскаго пароходства, разумѣется, люди самаго высокаго уровня потребностей и своеобразнаго пониманія экономическихъ вопросовъ. А отъ этого переѣздъ черезъ Байкалъ не представляетъ ничего кромѣ неудобствъ, опасностей и ужасной дороговизны. На иркутской сторонѣ Байкала стоитъ рядъ деревянныхъ одноэтажныхъ домовъ печальнаго казарменнаго вида. Въ одномъ живетъ хозяинъ, въ другомъ контора, въ остальныхъ двухъ номера. Номера самаго унылаго вида, съ голыми деревянными стѣнами, скудной, никуда негодной мебелью, съ некрашенными дверями и окнами. Не помню гдѣ-то мнѣ говорили: «на Байкалѣ вы увидите знаменитую гостиницу» и это было сказано безъ ироніи. Дѣйствительно, знаменитая,—если тюремное помѣщеніе можно считать гостиницей. Въ дворянской половинѣ тобольскаго острога хотя комнаты и меньше, по крайней мѣрѣ стѣны въ нихъ штукатурены и выбѣлены, двери крашенныя, мебель ни чуть не хуже, и есть готовая постель съ одѣяломъ и бѣльемъ. Между байкальскимъ этапомъ и пароходной пристанью лежитъ болото съ торчащими пнями, и посрединѣ его дорога къ сходнямъ. Подлѣ домовъ груды щепокъ, оставшихся отъ построекъ. Все это нельзя считать особеннымъ удобствомъ, но содержатели пароходовъ разсуждаютъ иначе. Имъ кажется, что можно брать деньги и за красоты гостиницы, и за грязь на пароходѣ, и за каюту, въ которой льетъ дождь, и за лѣстницу въ каюту скользкую, грязную и безъ перилъ, и за 10 часовой переѣздъ, когда его можно свершить въ два часа и т. д. Не вдаваясь въ подробности, довольно сказать, что переѣздъ черезъ Байкалъ, съ ночлегомъ въ гостиницѣ, съ перевозкой тарантаса, стоитъ для семьи изъ 3 лицъ—*пятьдесятъ рублей серебромъ* Въ видѣ назидательнаго сравненія можно бы прибавить, что переѣздъ изъ Парижа въ Лондонъ, для трехъ же лицъ, стоитъ 105 фран. (25 руб.); что разстояніе отъ Парижа до Лондона въ восемь разъ больше; что переѣздъ черезъ Ламаншъ дѣлается въ 3 часа, а Ламаншъ шире вдвое Байкала. Но назидательность этой параллели не ведетъ ни къ чему—байкальское плаваніе не сдѣлается отъ этого ни дешевле, ни скорѣе. А всему причиной высокій уровень потребностей. Логика высокаго уровня потребностей въ томъ, что если человѣкъ, какъ потребитель, привыкъ къ бархату и ананасамъ, а какъ производитель онъ сдѣлаетъ въ годъ всего одинъ аршинъ сукна, то съ покупщика за этотъ жалкій аршинъ слѣдуетъ взять все то, что стоитъ производителю вся его жизнь, со всѣми его прихотями, бар-

хатами, ананасами и со всѣми убытками, происходящими отъ непониманія дѣла. Чѣмъ виноватъ путешественникъ, что пароходъ дѣлаетъ 60 верстъ въ 10 часовъ и жжетъ вслѣдствіе того втрое болѣе дровъ, а за лишнія дрова платитъ пассажиръ? Чѣмъ виноватъ путешественникъ, что у парохода нѣтъ гавани и онъ разбивается о свою собственную пристань, но и этотъ убытокъ платитъ тоже путешественникъ? Но ужь таково печальное положеніе путешественника, — всякій, кто обираетъ его на дорогѣ, дѣлаетъ видъ, что оказываетъ ему одолженіе, потому что могъ бы взять еще дороже. Да отчего и не брать? Байкальскіе пароходчики могли бы назначить смѣло за порцію котлетъ 2 р., а за переѣздъ 20 рублей съ человѣка и проѣзжающіе платили бы — все выгоднѣе, чѣмъ идти пѣшкомъ, или ѣхать верхомъ по кругоморской дорогѣ, или переплывать Байкалъ въ челнокѣ.

XVII.

Казаки. Буряты. Какъ живутъ горные рабочіе.

Казакъ въ Россіи явленіе органическое, но въ Сибири онъ создался другимъ путемъ. Послѣ смерти Ермака, когда всѣ сподвижники его разбѣжались, правительство стало создавать въ Сибири войско. Оно набиралось изъ охотниковъ, бѣглыхъ, ссыльныхъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ; въ казаки записывали служилыхъ людей и даже малолѣтковъ. Этотъ порядокъ увеличенія состава казачьяго войска причисленіемъ туда людей разнаго званія продолжался до послѣдняго времени, когда въ 1851 г. записаны въ казаки 10,516 человѣкъ государственныхъ крестьянъ, 28,992 человѣка крестьянъ, приписанныхъ къ нерчинскимъ заводамъ и 386 отставныхъ солдатъ и инвалидовъ. Наконецъ, въ 1858 году, назначено высылать въ восточную Сибирь въ казаки изъ штрафованныхъ солдатъ внутренней стражи. Такихъ штрафованныхъ оказалось 13,000 человѣкъ, и въ первый годъ изъ нихъ выслано 5 т. человѣкъ, высылка остальныхъ должна быть окончена къ 1862 году.

Сибирскій казакъ несетъ службу весьма разнообразную. Онъ и по-

лицейскій служитель, и внутренняя и пограничная стража; онъ рубитъ и возитъ лѣсъ для построекъ и сплавовъ на Амурѣ, онъ служитъ на частныхъ и казенныхъ пріискахъ, онъ крестьянинъ и солдатъ. Въ Сибири всюду казаки; они водятъ партіи арестантовъ, они ловятъ бѣглыхъ, они стоятъ на часахъ, они ѣздятъ съ прикащиками золотопромышленниковъ, они возятъ даже проѣзжающихъ. Въ Забайкальѣ, о которомъ я теперь буду говорить, русскій человѣкъ имѣетъ только три главныхъ общественныхъ положенія —заводскій служитель, казакъ, ссыльный. Изобиліе казачества становится уже замѣтнымъ съ Читы; а отъ Нерчинска и до Нерчинскаго завода, на протяженіи 270 верстъ и нѣтъ другихъ селеній, кромѣ казачьихъ. То, что не принадлежитъ къ казачеству—русскіе крестьяне, буряты, тунгусы, живетъ въ сторонѣ отъ большой дороги, и проѣзжающій видитъ исключительно казаковъ и казачьи селенія. Сибирскій импровизованный казакъ, создавшійся изъ мирнаго населенія, не имѣвшаго нужды, какъ запорожцы и донцы, быть вѣчно на площадяхъ и ходить съ шашкой и винтовкой, имѣетъ вполнѣ гражданскій видъ и, разумѣется, не отличается и воинскими наклонностями. Техника военнаго дѣла едва ли хорошо ему извѣстна. Полусолдатъ, полукрестьянинъ, казакъ живетъ своей землей, своимъ трудомъ. Отлучка на службу отрываетъ его отъ земледѣльческаго труда и идетъ въ убытокъ его полевому хозяйству. Войсковое начальство должно наблюдать, чтобы казакъ не изнурялся и не былъ употребляемъ въ занятія не соотвѣтственныя его назначенію. Но если начальство выполняетъ это въ дѣйствительности, его заботливость не можетъ идти дальше служебныхъ отношеній къ казаку; казакъ прежде всего солдатъ, а до его агрономическихъ разсчетовъ, когда дѣло касается службы, начальству не только не должно быть особенной заботы, да оно при всемъ своемъ желаніи и не можетъ помочь ему. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ обнять необъятное. Вотъ объясненіе невозможности согласить земледѣліе съ военнымъ ремесломъ казака. Сибирскіе казаки очередуются большею частью через годъ; забайкальскіе идутъ на службу чрезъ два года въ третій. Это значитъ, что въ общемъ числѣ первыхъ нѣтъ дома половины, а у вторыхъ одной трети, всего взрослаго населенія. И слѣдовательно, все земледѣльческое производство первыхъ сводится къ половинѣ, а вторыхъ къ двумъ третямъ, количества возможнаго при полной наличности всѣхъ работниковъ. Въ частности этотъ разсчетъ можетъ представиться въ другомъ видѣ. Земля и для яровыхъ и для озимыхъ посѣвовъ приготовляется всегда осенью; срокъ поступленія на

службу есть январь, съ февраля казакъ оставляетъ свой домъ; одиночки несутъ службу наровнѣ съ прочими. Условія эти такого рода, что согласовать ихъ совершенно невозможно. Одиночкѣ, отправляющемуся на службу въ январѣ, поднимать осенью землю не зачѣмъ, потому что весной ему не придется работать, а возвратившись слѣдующей зимой, ему нельзя сѣять, потому что онъ не приготовилъ землю осенью. Такимъ образомъ одинокому казаку можно заниматься или ремеслами или постоянно служить—одинъ годъ за себя, а другой по найму за другого. Разумѣется, разсчетъ этотъ не будетъ всегда вѣренъ въ дѣйствительности, потому что наряды на службу могутъ быть и меньше нормальнаго размѣра, но подобная экономія въ людяхъ составляетъ сама по себѣ отклоненіе отъ нормы, и можетъ имѣть на общій итогъ всей земледѣльческой производительности казаковъ только случайное вліяніе.

Учрежденіе изъ заводскихъ крестьянъ казачьяго войска дало возможность располагать весьма значительными силами для колонизаціи Амура и для разныхъ работъ по заселенію. Казаки командировались къ Читѣ, гдѣ заготовляли лѣсъ для разныхъ построекъ и даже строили суда и паромы; казаки переселялись сначала по наряду, потомъ по жребію на Амуръ; наконецъ этими же казаками выстроены всѣ помѣщенія для своего начальства—дома для батальонныхъ, бригадныхъ разныхъ командировъ и другія зданія, необходимыя для управленія. Примѣрная оцѣнка труда казаковъ можетъ имѣть нѣкоторый экономическій интересъ. Всѣхъ казаковъ въ забайкальскомъ войскѣ считается 51,461, а треть, находящаяся на службѣ, составляетъ 17,154 человѣка. Принимая, что каждый изъ нихъ рубкой лѣса, постройкой судовъ, домовъ, выгрузкой, нагрузкой и сплавомъ судовъ и своей службой на пріискахъ и въ другихъ занятіяхъ наработалъ въ день не болѣе какъ на 40 коп., весь трудъ ихъ можетъ быть оцѣненъ въ день въ 6,161 р. 60 коп., а въ годъ, считая только 300 рабочихъ дней въ 1,848,480 рублей. Кромѣ этого остающіеся казаки вносили по 3 р. съ души на разные войсковые расходы и на содержаніе войскового управленія, и исправляли разныя натуральныя повинности — починяли дороги, содержали междудворную гоньбу и т. д. Считая всѣ денежныя отдачи и натуральныя повинности только въ 6 р. съ души, расходы казаковъ, остававшихся дома, составляли въ годъ 205,848 руб., а вся годичная услуга всего забайкальскаго войска можетъ быть оцѣнена въ 2,054,328 руб. Со времени занятія Амура въ 1851 году, трудъ казацкій, составилъ 20,543,280 рублей. Теперь, когда преувеличенные толки о зна-

ченіи пріамурскихъ земель смѣнились болѣе разсудительнымъ взглядомъ на дѣло; когда амурскіе панегиристы перестали сулить амурскій кофе, сахарный тростникъ, хлопчатую бумагу; когда ни амурская компанія, ни сибирское купечество, ни даже американцы не придумали какъ сдѣлать изъ Амура торговый путь, и Забайкалье и вся Сибирь продовольствуются попрежнему московскими товарами—трудъ казаковъ на устройство амурскаго края получаетъ еще большее значеніе. Они, какъ и сподвижники Ермака, переносили всѣ тягости для очень отдаленнаго потомства. Для нынѣшней же Сибири Амуръ, при всемъ своемъ выгодномъ географическомъ—положеніи, значитъ не болѣе Оби; по Оби везти некуда, потому что Сибирь едва сама существуетъ своимъ трудомъ, а излишковъ у нея нѣтъ. А скоро ли наступитъ то счастливое время, когда флоты торговыхъ судовъ будутъ приплывать по Амуру съ иностранными товарами и, вымѣнивъ ихъ на сибирскія издѣлія, развезутъ ихъ по всему міру, сказать довольно трудно. Знаемъ мы только одно, что Сибирь страна очень бѣдная, Забайкалье по преимуществу, и торговать имъ съ Европой и Америкой нечѣмъ.

А между тѣмъ съ заселеніемъ Амура повторяется та же исторія, какъ и съ колонизаціей Сибири, — на Амуръ посылаютъ штрафованныхъ людей. 13 тысячь солдатиковъ, прозванныхъ здѣсь «кадетами», «сынками,»—люди такого закала, что едва ли Амуръ выиграетъ отъ нихъ что-нибудь. «Кадеты», проходя по Сибири, составили себѣ такую репутацію, что ихъ боялись здѣсь такъ же, какъ въ Россіи цыганъ. Съ приходомъ цыганъ въ деревню обыкновенно все прячется и запирается на ключъ. Съ кадетами такъ же. Въ каждомъ городѣ Сибири разсказывали мнѣ про кадетовъ десятки воровскихъ анекдотовъ. Но, кромѣ мелочного плутовства, они дѣлали и вещи крупныя, весьма близко подходящія къ грабежу. Такой находчивый и безстрашный народъ не составитъ большого пріобрѣтенія для новой страны. Для Амура нужны земледѣльцы и люди привыкшіе къ труду, а кадетъ земледѣльцемъ никогда ни будетъ. Ссыльные не слѣлались крестьянами, не сдѣлаются ими и кадеты. Ихъ пробовали приписывать къ казачьимъ слабодамъ, но вышло то, что послѣдовало распоряженіе объ отсылкѣ кадетовъ на Амуръ и въ Николаевскъ. Казаки считаютъ, что изъ 13 т. кадетовъ только десятая часть женатыхъ и изъ нихъ треть людей годныхъ, значитъ только отъ $3\,^1/_3\,^0/_0$ можно ожидать пользы для земледѣлія.

Остальное населеніе забайкалья не обнаруживаетъ тоже вполнѣ своихъ

экономическихъ силъ. Чисто земледѣльческое населеніе, какъ русскіе крестьяне, буряты и тунгусы не отличаются настойчивымъ, энергическимъ трудомъ. При неразвитости потребностей они довольствуются плохими помѣщеніями, плохой пищей и плохимъ сельскимъ хозяйствомъ, скудные продукты котораго вполнѣ достаточны для ихъ скудныхъ потребностей. Но кромѣ недостатка въ земледѣльцѣ нравственныхъ качествъ, производительность его земледѣльческаго труда встрѣчаетъ задержку и въ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ края. Верхнеудинскій округъ состоитъ изъ каменистыхъ горъ, болотныхъ возвышенностей и изъ разныхъ долинъ, большею частію песчаныхъ и солонцеватыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ разширяются до того, что принимаютъ видъ степи, какъ напримѣръ Удская долина, извѣстная подъ названіемъ Братской (бурятской) степи, по которой проложена почтовая дорога. Эта степь долгое время считалась даже неспособной для земледѣлія. Буряты, составляющіе половину населенія Забайкалья, занимаютъ мѣста большею частію мало способныя для земледѣлія, и ихъ земледѣліе находится въ самомъ печальномъ положеніи. Бурятъ довольствуется еще меньшимъ, чѣмъ русскій забайкалецъ; домъ его похожъ скорѣе на кучу бревенъ, покрытую берестой, чѣмъ на избу. Надворныхъ строеній никакихъ, а есть у дома небольшая загородка изъ кольевъ. Но и такого рода помѣщенія встрѣчаются только у бурятъ высшей цивилизаціи. Болѣе дикіе изъ нихъ живутъ просто въ шалашахъ, имѣющихъ видъ куба или цилиндра. Изъ какихъ матеріаловъ строятся эти цилиндры не знаю, но издали, съ дороги, они имѣютъ земляной видъ. Нужно полагать, что при 40° сибирскомъ морозѣ въ таковыхъ цилиндрахъ не должно быть особенно тепло. Буряты не отличаются особенной чистоплотностію, хотя они и опрятнѣе остяковъ; «братское масло» и «братское молоко» пользуются въ Забайкальи большой извѣстностью по своей нечистотѣ и вони, и путешественнику не мѣшаетъ на переѣздѣ чрезъ «братскую степь» запасаться съѣстнымъ, потому что бурятское молоко въ бурятской чашкѣ не только ѣда не вкусная, грязная и вонючая, но и опасная,—буряты народъ хотя смирный и честный, но между ними живутъ болѣзни, съ которыми лучше не знакомиться.

Нерчинскій округъ еще хуже Верхнеудинскаго. Земледѣліе даетъ ему не всегда то, что ему нужно даже для его собственныхъ потребностей. Тутъ двѣ причины,—особенно неблагопріятныя климатическія условія и недостатокъ рукъ, занятыхъ земледѣліемъ. Изъ тунгусовъ и бу-

рятъ занимаются хлѣбопашествомъ весьма немногіе; изъ общаго числа казаковъ только двѣ трети имѣютъ сельско-хозяйственное значеніе, затѣмъ остается небольшое число государственныхъ поселянъ, у которыхъ земледѣліе весьма плохо, и наконецъ заводскіе служители, вольные рабочіе на пріискахъ и ссыльно-каторжные съ ихъ видоизмѣненіемъ — поселенцами и богадѣльщиками, непроизводящіе ни одного зерна хлѣба. Все это непроизводительное въ сельско-хозяйственномъ отношеніи населеніе придаетъ краю какой-то бродячій, кочевой характеръ, и не только не способствуетъ развитію земледѣльческой культуры, но даже мѣшаетъ ей.

Особенно грустный видъ имѣютъ населенія горнаго заводскаго округа. Даже обширнѣйшее населеніе — Большой Нерчинскій заводъ, представляетъ кучу самыхъ жалкихъ домишковъ, напоминающихъ скорѣе бурятскую или тунгускую деревню. Большимъ наружнымъ великолѣпіемъ отличаются дома начальствующихъ лицъ. Крытые тесомъ и штукатуренные дома эти и сами смотрятъ очень грустно, просятъ ремонта и нисколько не убавляютъ тяжелаго впечатлѣнія, производимаго всѣмъ поселеніемъ. Нерчинскій заводъ похожъ на мѣсто, изъ котораго половина жителей уже выселилась, а остальные собираются оставить свои шалаши. Нельзя сказать, чтобы хижины завода имѣли полуразрушенный видъ; они можетъ быть и очень прочны, но размѣры ихъ и способъ постройки такого рода, какіе возможны гдѣ-нибудь въ пустынной и безлѣсной степи, и у народа, впервые познакомившагося съ осѣдлой жизнью.

Читатель познакомится съ характеромъ нерчинскихъ построекъ изъ слѣдующаго описанія, сдѣланнаго мною по точнымъ примѣрамъ домовъ въ натурѣ. Дома эти не въ Нерчинскомъ заводѣ, но это все равно, потому что характеръ постройки общій всѣмъ поселеніямъ на горныхъ промыслахъ и заводахъ. Промыселъ, о которомъ я буду говорить теперь, лежитъ въ небольшой долинѣ подлѣ ручейка, на мѣстѣ открытомъ, ровномъ. Вдоль промысла идетъ главная улица шириной сажень въ тридцать. Въ началѣ ея домъ смотрителя, противъ дома, на разстояніе ширины улицы, стоитъ круглая каменная будка, сажени три вышиной и въ двѣ сажени въ поперечникѣ, имѣющая видъ круглаго крѣпостного бастіона. У будки на часахъ стоитъ и день и ночь казакъ, ибо въ будкѣ хранится золото. Домъ смотрителя и будка стоятъ при въѣздѣ въ поселеніе; это какъ бы почннный пунктъ промысла, къ которому лѣпились постепенно всѣ остальныя постройки. На главной же улицѣ, въ началѣ ея, стоятъ по обѣ стороны: магазинъ, столярная, кузница, казармы для холостыхъ рабочихъ, казарма для казаковъ. Подъ прямымъ

угломъ въ этой улицѣ, за будкой съ золотомъ, фасадомъ къ выѣзду стоятъ три большихъ флигеля—лазаретъ съ принадлежностями. Въ углу, образуемомъ лазаретными постройками и казенными помѣщеніями, по главной улицѣ, помѣщаются дома жителей промысла. И они расположились тоже въ нѣкоторомъ порядкѣ, не въ такомъ стройномъ, какъ въ городахъ, но все-таки улицами. Всѣхъ домовъ въ промыслѣ сто или нѣсколько больше. Жители образовались изъ заводскихъ служителей, каторжныхъ работающихъ, каторжныхъ, отбывшихъ свой срокъ, поселенцевъ. Вотъ образчики ихъ построекъ: 1) изба четыре аршина длины, четыре ширины, вышины, отъ земли до крыши, 3 аршина, кругомъ на поларшина заваленка. Всѣхъ вѣнцовъ выше заваленки 12, слѣдовательно бревна толщиной около 3 вершковъ каждое. Къ избѣ пристроены сѣни въ $2^1/_2$ аршина длиной и шириной, изъ лѣсу болѣе тонкаго. Полъ въ сѣняхъ земляной. Въ сѣняхъ стоятъ на небольшой скамейкѣ 3 ведра для воды, затѣмъ на полу еще два ведра, двѣ дуги, грабли, вилы для сѣна, нѣсколько мѣшковъ. Потолка въ сѣняхъ нѣтъ. Изъ сѣней дверь въ избу. Направо, въ углу, русская печь, занимающая треть всего пространства На лѣво, у стѣны, два аршинныхъ сундука. Въ лѣвомъ углу, противъ двери, небольшой столъ, вдоль той же стѣны узенькая скамейка шириной не болѣе 6 вершковъ. Вся изба, печь стѣны и потолокъ выбѣлены. Человѣкъ въ два аршина и восемь вершковъ можетъ стоять только согнувшись. Посуда—3 небольшихъ чугунчика, 5 горшковъ, 5 маленькихъ деревянныхъ китайскихъ чашекъ. Въ этой избѣ живетъ семь душъ: старуха съ холостымъ, взрослымъ сыномъ, женатый сынъ съ женой и ребенкомъ, замужняя дочь съ мужемъ. «Какъ же вы помѣщаетесь всѣ ночью», спросилъ я холостого сына? —Мать въ томъ углу, женатый братъ въ этомъ, зять съ женой здѣсь, а я тутъ. И дѣйствительно помѣщенія оказалось для всѣхъ достаточно. Вмѣсто теса изба крыта кусками бересты, а береста держится кольями, наложенными рядами на разстояніи 6—8 вершковъ, какъ это дѣлается съ соломенными крышами. При домѣ нѣтъ никакихъ хозяйственныхъ построекъ, но къ дому примыкаетъ небольшой огородъ, обнесенный изгородью изъ кольевъ, и къ нему приплетенъ небольшой, сажени въ двѣ, четыреугольникъ, въ которомъ стоятъ двѣ лошади, незащищенныя рѣшительно ничѣмъ противъ вѣтра, дождя, солнца и холода. 2) Изба 4 аршина длины и 4 ширины, вышина 2 аршина внутри, а снаружи ниже, 13 вѣнцовъ, т. е. лѣсъ тоньше 3 вершковъ, есть даже жерди тоньше двухъ вершковъ. Къ избѣ придѣланы

сѣни изъ кольевъ. Дверь въ избу 1 аршинъ вышины, такъ что въ нее нужно лѣзть какъ въ окошко. Печь въ правомъ углу занимаетъ мѣста $2\frac{1}{2}$ аршина въ длину и два аршина въ ширину. Вдоль лѣвой стѣны отъ входа стоитъ кровать безъ постели; навалены какія-то ветошки и женскія платья. Въ лѣвомъ переднемъ углу столъ $\frac{3}{4}$ аршина длины и $\frac{1}{2}$ аршина ширины. Печь, стѣны, потолокъ выбѣлены. Полъ деревянный лежитъ прямо на землѣ. Посуда: 2 глиняныя кадки, 2 чугунчика, глиняный чайникъ, 3 китайскія чашки, деревянная солонка, 2 ножа, 4 вилки, 5 деревянныхъ ложекъ. Живутъ двѣ семьи: мужъ съ женой и съ 4 маленькими дѣтками, и еще мужъ съ женой и однимъ ребенкомъ, а другимъ мать беременна. Изба крыта берестой. 3) Землянка, на скатѣ бугра, спереди вышиной два аршина, а задняя стѣна совсѣмъ въ землѣ, такъ что крыша одной стороной лежитъ на землѣ. Сѣней нѣтъ. Входъ прямо съ улицы, дверь въ аршинъ вышиной. Съ каждой стороныдве ри по крошечному окну въ поларшина. У самаго основанія съ лѣвой стороны вмѣсто двери пробито въ стѣнѣ отверзтіе, и отъ него прорыта къ основанію бугра канава. Полъ лежитъ на землѣ. — Для чего у васъ пробита въ стѣнѣ дверь и проведена эта канава? спросилъ я у хозяйки. —Да зимой изъ подъ пола бьетъ ключъ, такъ чтобы спустить воду. —Какъ ключъ? а отчего его нѣтъ теперь?—Да онъ открывается зимой, и бьетъ оттуда съ боку —И у васъ полъ зимой всегда въ водѣ? —Да, въ водѣ.—Есть у васъ дѣти?—Есть.—Они могутъ простудиться. Нѣтъ они не спятъ на полу. Въ этомъ оригинальномъ домѣ живутъ двѣ семьи, мужъ съ женой и четырьмя дѣтками, и мужъ съ женой, но безъ дѣтей. — Гдѣ же вы помѣщаетесь ночью? — Тѣ бездѣтные полмащиваютъ себѣ въ этомъ углу (передній у входа), а мы спимъ тутъ, и баба показала на узкія нары между печкой и стѣной, прямо противъ двери. Построекъ при домѣ нѣтъ никакихъ, а есть огородъ сажень въ десять. Землянка крыта берестой. 4) Изба $2\frac{1}{2}$ аршина длины и ширины, съ русской печкой, занимающей половину избы. Вышина избы $1\frac{1}{2}$ аршина, кругомъ заваленка. Вѣнцовъ 11, значитъ каждая жердь немного толще вершка. Крыши нѣтъ, а навалена безпорядочной кучей земля и лиственничная кора. Къ избѣ пристроены сѣни; что стоитъ въ нихъ, не знаю, потому что у дверей виситъ замокъ. Знаю, что живутъ бездѣтные мужъ съ женой, и жена лежитъ въ горячкѣ, значитъ мужъ, уйдя на работу, на пріискъ, заперъ жену. Рядомъ съ избой стоитъ баня того же размѣра, также съ земляной

крышей, съ дверью въ аршинъ. 5) Изба въ 3 1/2 аршина длины и ширины, вышина 2 1/2 аршина, 9 вѣнцовъ, т. е. толщина бревенъ нѣсколько болѣе 3 вершковъ. Крыша изъ бересты. Подлѣ избы сѣни съ земляпымъ поломъ, въ избѣ печь и кровать занимаютъ 3/4 всего пространства. Посуда—нѣсколько чашекъ и горшковъ. Печь, стѣны и потолокъ выбѣлены. Живетъ одна семья: мужъ съ женой и съ 6 дѣтьми, и у нихъ на квартирѣ два ссыльныхъ. 6) Изба изъ пятивершковыхъ бревенъ въ 3 сажени длины. Входная дверь въ сѣни съ деревяннымъ поломъ, на лѣво чуланчикъ, на право изба. Въ избѣ самоваръ, четыре фаянсовыхъ тарелки, деревянная и каменная посуда. Изба обнесена дворомъ. Хозяинъ строитъ новые. Живутъ: отставной служитель съ женою, бездѣтные; жена лежитъ въ постели три года. Скамейка вдоль стѣны, столь, кровать отличаются массивностью; въ углу большой образъ; въ сѣняхъ виситъ нѣсколько говяжьихъ стяговъ, на дворѣ двое саней, двѣ телѣги. Вся изба выбѣлена.

Общій характеръ построекъ, какъ видно изъ этихъ описаній, слѣдующій. Избы низкія, маленькія, изъ самаго тонкаго лѣса, какой въ Россіи употребляется для постройки помѣщеній для скота. Надворныхъ строеній нѣтъ, дворовъ тоже, а есть небольшіе огороды изъ кольевъ; скотъ помѣщается въ открытыхъ загородкахъ. Избы крыты берестой. Внутри изба выбѣлена. Живетъ вмѣстѣ большею частью нѣсколько семействъ. Посуды мало. На основаніи этихъ признаковъ коммисіи экспертовъ изъ англичанъ, какія наряжались англійскимъ правительствомъ для опредѣленія экономическаго положенія фабричныхъ работъ, вывели бы такое заключеніе, что народъ, о которомъ идетъ рѣчь, живетъ въ странѣ безлѣсной, сельскимъ хозяйствомъ онъ не занимается, потому что земля не производитъ рѣшительно ничего, а живетъ какими-нибудь промыслами, но какими—коммисія опредѣлить не можетъ, потому что въ домахъ не найдено никакихъ инструментовъ, машинъ и орудій. Климатъ въ странѣ долженъ быть весьма теплый, и морозы жителямъ неизвѣстны. Живутъ по нѣскольку семействъ, или потому, что жители отличаются гостепріимствомъ и пріютили странниковъ, или можетъ быть гостятъ родные, или наконецъ помѣщеніе дано новымъ поселенцамъ, не успѣвшимъ еще построить себѣ домовъ. Посуды же мало потому, вѣроятно, что жители питаются больше плодами и фруктами. Люди же, знакомые съ сибирскими морозами и съ почвой Нерчинскаго округа, вывели бы совершенно противоположное заключеніе. Они бы сказали, что вездѣ по горамъ, окружающимъ промыселъ, лѣсу много, и если

люди строятъ себѣ модели избъ вмѣсто избъ настоящихъ, если они роютъ землянки, если они живутъ по нѣскольку семействъ вмѣстѣ, если у нихъ нѣтъ ни дворовъ, ни надворныхъ строеній, ни посуды, то это можетъ произойдти только отъ крайней бѣдности. Но ни англійская коммисія экспертовъ, ни знатоки Сибири не будутъ правы. Люди, живущіе на промыслѣ, работаютъ или на пріискѣ, или занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Въ домѣ N 1 три взрослыхъ работника въ полномъ цвѣтѣ силы. Старшій сынъ заводскій служитель, работая на пріискѣ, получаетъ въ мѣсяцъ жалованья шесть рублей; братъ его тоже служитель, получаетъ жалованья 2 р. въ мѣсяцъ. Зять—каторжный, находящійся въ работѣ, состоитъ машинистомъ при первой машинѣ и мастеръ на всѣ руки—онъ колесникъ, экипажный мастеръ, столяръ, слесарь и кузнецъ. Работа на рудникѣ начинается въ 8 часовъ утра и кончается въ часъ, слѣдовательно свободнаго времени отъ казенной работы остается еще часовъ шесть. Все это повидимому говоритъ въ пользу возможности экономическаго благосостоянія; а между тѣмъ люди живутъ далеко отъ этого благосостоянія. Правда, они пьютъ чай каждый день, но чай карымскій, т. е. кирпичный, варятъ его въ чугунахъ и пьютъ безъ сахару; за обѣдомъ одно кушанье — похлебка, въ скоромные дни съ говядиной, а въ постные пустая; въ похлебкѣ бываетъ иногда картофель; каши не ѣдятъ никогда; послѣ обѣда слѣдуетъ паужинъ, т. е. опять чай свареный въ котлѣ, и за ужиномъ—опять та же похлебка, что и за обѣдомъ. Семья эта одна изъ зажиточныхъ и держитъ даже двухъ лошадей и коровъ. Въ избѣ N 2 живутъ ужь гораздо бѣднѣе; тамъ пьютъ чай, когда онъ есть, и ѣдятъ мясо, когда заведутся деньги, что бываетъ не всегда. Въ землянкѣ N 3 живутъ люди даже состоятельные; у нихъ двѣ коровы; работаютъ по вольной цѣнѣ, и живутъ въ этой землянкѣ семь лѣтъ, и семь лѣтъ каждую зиму точится у нихъ ручеекъ, и люди такъ привыкли къ нему, что пожалуй будутъ скучать, когда придется имъ жить въ избѣ безъ ручейка. Хозяинъ N 6 держитъ скота головъ двадцать, и кромѣ того, что имѣетъ все свое домашнее, продаетъ еще хлѣбъ на сторону, а для пашни и уборки хлѣба нанимаетъ рабочихъ. Если посмотрѣть въ чемъ ходятъ всѣ эти люди, то не составишь себѣ высокаго мнѣнія объ ихъ гардеробѣ и вкусѣ. Праздничной одежды у нихъ какъ будто и нѣтъ. Мужики и въ праздники и въ будни ходятъ всѣ въ тѣхъ же рубашкахъ и штанахъ неопредѣленнаго, больше земляного цвѣта, и въ нагольныхъ тулупахъ съ прорѣхами по швамъ. Отчего же хозяинъ

N 6, не смотря на то, что онъ одинъ держитъ 20 головъ скота, живетъ въ просторной бревенчатой избѣ, сѣетъ хлѣбъ и продаетъ его на сторону, а у другихъ этого нѣтъ? оттого у нихъ нѣтъ многаго, что имъ довольно и того, что они имѣютъ; оттого они ходятъ въ одеждѣ земляного цвѣта и въ драныхъ полушубкахъ, что имъ не нужны цвѣтныя рубашки и дубленые романовскіе полушубки; оттого у нихъ и бьютъ зимой ключи въ избахъ, что это не считается ими неудобствомъ и никого не безпокоитъ. Здѣсь вопросъ сводится опять къ низкому уровню потребностей. Англичанинъ-филантропъ, увидѣвшій землянку съ ручейкомъ и лежащаго въ ней больного ребенка, пришелъ бы въ ужасъ, а житель землянки посмотрѣлъ бы на него съ удивленіемъ и разумѣется съ той же улыбкой, съ какой смотрѣла на меня баба, во время моихъ разспросовъ. Люди эти до того затупѣли въ неудобствахъ жизни, что для нихъ непонятно, о чемъ ихъ спрашиваютъ, чему удивляются, и почему русскимъ кажется неудобнымъ то, что для нихъ очень удобно. Но вопросъ въ томъ, воспитались ли люди въ этомъ низкомъ уровнѣ потребностей или они жили лучше? Нужда зоставила ихъ довольствоваться неудобнымъ или какія-нибудь другія обстоятельства?

Три рода людей работаютъ въ рудникахъ и на золотыхъ промыслахъ— ссыльно-каторжные, заводскіе служители и вольнонаемные. То, что я буду говорить о положеніи этихъ людей, относится ко времени прошедшему; съ 1863 года всѣмъ имъ будетъ лучше—заводскіе служители будутъ освобождены и даже ссыльно-каторжные будутъ работать по другой цѣнѣ.

Было время, когда Нерчинскій округъ давалъ золота мало. Такъ съ 1838 по 1843 годъ добыто золота всего 35 п. 20 ф. 56 з. Съ 1844 года добыча золота усилилась, а съ 1850 года работы пошли еще сильнѣе. Въ этомъ усиленіи производства и заключалась главная причина упадка матеріальнаго благосостоянія обязательныхъ рабочихъ. Ими распоряжались такъ, какъ требовали выгоды производства, а выгоды производства заключались въ томъ, чтобы придти къ возможно выгоднѣйшему результату. Страдалъ ли отъ этого чей нибудь интересъ, когда выигрывала золотопромышленность, распорядителю производствомъ не было дѣла. Ему нужно было добыть какъ можно больше золота, и онъ добывалъ. Такой способъ разработки песковъ можетъ быть нехорошъ въ техническомъ отношеніи, но я говорю не объ этомъ, а объ расходѣ силъ. И если вопросъ добычи поставить въ единственную зависимость отъ размѣра рабочей силы, то понятно, что съ двадцатью рабочими можно добыть

золота вдвое, чѣмъ съ десятью. Вотъ и вся исторія золотопромышленности, съ которой удалось поднять сразу добычу золота вдвое. Теперь эта теорія оставлена уже въ Нерчинскомъ округѣ, и пески разработываются если и съ менѣе блестящимъ, зато съ болѣе прочнымъ и постояннымъ успѣхомъ.

Когда явится стремленіе усилить добычу золота, разсчетъ съ рабочей силой былъ очень простъ. Ставили возможно большее число рабочихъ рукъ, а если недоставало рабочихъ—увеличивали число рабочихъ часовъ. Петръ имѣетъ трехъ взрослыхъ сыновей, и живетъ въ Нерчинскомъ заводѣ, а нужны рабочіе въ Шахтаму, въ Кару, въ Казаково, и семью Петра разбиваютъ—одинъ сынъ идетъ въ Шахтаму, другой въ Кару, третій въ Казаково. Открывается ли новый пріискъ—опять распредѣленіе рабочихъ, и семья изъ четырехъ рабочихъ распредѣляется на четыре разныхъ промысла. Такое распредѣленіе семьи, могло быть невыгоднымъ для сельскаго хозяйства но цѣлью золотопромышленности было не сельское хозяйство, не экономическій бытъ рабочихъ, а полученіе возможно большаго количества золота, и въ смыслѣ золотопромышленности распорядители были правы. Можно возразить, что и для золотопромышленности такой порядокъ можетъ быть тоже невыгоденъ, что обезсилившіе и обнищавшіе рабочіе не въ состояніи сдѣлать того, что дѣлаетъ рабочій свободный. Но это замѣчаніе не вѣрно: рабочему дается урокъ, и онъ долженъ его отработать; если же не отработаетъ, то съ него взыщутъ. Еще и до сихъ поръ живетъ здѣсь преданіе объ одномъ распорядителѣ, который не иначе ходилъ по промыслу, какъ съ двумя казаками по бокамъ и съ палачомъ сзади. Лѣниваго рабочаго наказывали тутъ же, и не кончить урока или замѣшкать съ нимъ былъ очевидный не разсчетъ. Особенно трудное положеніе рабочихъ было въ Карѣ. Для усиленія добычи надо было увеличить число рабочихъ; въ рабочихъ не было недостатка; отвсюду наслали ссыльно-каторжныхъ и заводскихъ служителей, и работа пошла самая горячая; но рабочихъ наслать было легче, чѣмъ устроить для нихъ помѣщеніе. Въ наскоро сколоченныхъ казармахъ помѣстились люди тѣснѣе, чѣмъ помѣщаютъ большую партію арестантовъ дорогой, на этапѣ. Открылись болѣзни—тифъ и цынга. Число больныхъ было такъ велико, что и въ лазаретѣ лежали они, какъ въ этапѣ. Всѣ свободныя мѣста были заняты. Больные лежали на койкахъ, на полу между койками, и на полу у оконъ. Пошли морозы, а работы все продолжались; въ наскоро сколоченныхъ лазаретахъ ходилъ морозъ, и у больныхъ примерзали къ плинтусамъ

волосы. Число умершихъ въ одинъ годъ дошло до тысячи человѣкъ. До сихъ поръ, да вѣроятно и долго, будетъ памятенъ этотъ годъ. Какой-то ссыльный описалъ этотъ годъ довольно печальными стихами. Но дѣло не въ качествѣ стихотворенія, а въ печальномъ фактѣ, вызвавшемъ его. Жестокое обращеніе съ рабочими, дурное содержаніе показались невыносимыми даже для ссыльно-каторжныхъ, видѣвшихъ и кнутъ, и остроги, испытавшихъ трехкопѣечное содержаніе въ пути по Сибири. Явилась даже мысль убить распорядителя, и это случилось бы непремѣнно: ссыльно-каторжный не болтаетъ по пустому, онъ не понимаетъ угрозы, да и не угрожаетъ, а если рѣшилъ убить, такъ и убьетъ. Заговоръ однако открылся—шпіоны есть и между каторжными—и распорядитель былъ спасенъ. Не смотря на всѣ усиленныя мѣры, золота все-таки не добыли 100 пудовъ, а 70 съ чѣмъ-то.

Этотъ періодъ усиленнаго производства раззорилъ многихъ рабочихъ. Менѣе всего пострадали ссыльно-каторжные, а изъ нихъ подлежавшіе еще тюремному заключенію. Кому приходится сидѣть въ тюрьмѣ, для того не составляетъ особенной разницы, сидѣть ли въ Карѣ, или въ Шахтамѣ. У человѣка въ тюремномъ заключеніи нѣтъ хозяйства и терять ему нечего. Но какъ скоро каторжный отсидѣлъ свои года — отъ 1 до 3, смотря по сроку каторжной работы—онъ можетъ жить своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ. Для такого рабочаго не все равно, жить ли ему тамъ, гдѣ у него домъ, или перебираться за сто верстъ и обзаводиться всѣмъ вновь. Положеніе заводскихъ служителей было еще хуже. Каторжный является въ ссылку одинъ: если онъ женится, то женится въ ссылкѣ, хозяйство его несложно, потому что ему не на что обзаводиться — отъ 70-ти копѣекъ до 2 р. 25 к. жалованья въ мѣсяцъ и 2 пуда муки научатъ ограничивать свои потребности и оставить привычки, невозможныя при такихъ ограниченныхъ средствахъ. Но заводскій служитель туземецъ, онъ членъ семьи, у него отецъ, мать, братья, сестры. Всякій переводъ съ мѣста на мѣсто ослабляетъ силы семьи и роняетъ ее ниже и ниже въ экономическомъ отношеніи. Такой рабочій, оторванный отъ дома и переведенный на другой промыселъ, понимаетъ очень хорошо, что его могутъ перевести точно также и еще въ новое мѣсто. Все зависѣло отъ того, найдется ли новый пріискъ, а пріиски открывались. Понятно, что переведенный изъ своего кореннаго жительства, онъ и обзаводился на новомъ мѣстѣ такъ, чтобы въ случаѣ новаго перевода, ему пришлось терять какъ можно меньше. Не имѣя средствъ нанимать плотниковъ, которыхъ здѣсь и вообще очень мало, онъ строилъ

себѣ избу самъ, и строилъ ее съ возможно меньшей потерей силъ. Вмѣсто бревенъ онъ рубилъ жерди и колья, потому что ихъ можно вытащить на себѣ, а для бревенъ нужна лошадь, которой у него нѣтъ. Вмѣсто трехсаженной избы онъ строилъ трехаршинную клѣтушку, и дѣлалъ ее вышиною въ два аршина, потому что при такомъ размѣрѣ нужно и меньше лѣсу на постройку, и меньше дровъ зимой. Вмѣсто кадушекъ и всякой посуды онъ заводился двумя, тремя ведрами для воды, ложкой, вилкой, ножикомъ, да чугунчикомъ. Вотъ и все хозяйство заводскаго служителя и каторжнаго, не увѣреннаго въ прочности своего мѣстопребыванія. При переводѣ въ другое мѣсто потеря его будетъ не велика, и все хозяйство можно легко унести на себѣ, а домъ, если его не удастся продать, жалѣть нечего, особенно если онъ строился двумя или тремя рабочими, поселившимися вмѣстѣ. Вотъ причины, почему промысловыя поселенія имѣютъ видъ довольно печальный; почему въ избахъ живетъ по пяти, шести человѣкъ; почему у людей нѣтъ никакого хозяйства; почему бабы, у которыхъ все дѣло ограничивается приготовленіемъ какой-нибудь жалкой похлебки и надзоромъ за избой въ два квадратныхъ аршина, сидятъ цѣлый день сложа руки; почему люди со средствами живутъ въ землянкахъ и равнодушно смотрятъ на ключъ, бьющій у нихъ изъ подъ пола. Всѣ эти люди, какъ проѣзжающіе на станціи, которыхъ задержалъ недостатокъ лошадей. На станціи бѣдно и неудобно, но и бѣдность и неудобство переносятся легко; проѣзжающій не станетъ ни поправлять станціоннаго дома, ни заводить въ немъ другой мебели.

Съ будущаго года кончается для служителей обязательная служба. Манифестомъ 8 марта 1861 года имъ дана свобода и они обращены въ крестьянское сословіе.

Какъ они устроятся и будутъ жить, предвидѣть не трудно они будутъ жить лучше, чѣмъ жили до сихъ поръ, сдѣлаются осѣдлыми людьми, заведутся хозяйствомъ и перестанутъ бѣгать.

XVIII

Бродяги.

Побѣги и бродяжничество составляютъ особенности сибирскаго населенія и спеціальность Сибири. Кто же бѣгаетъ здѣсь? Бѣгаютъ каторжные, бѣгаютъ поселенцы, бѣгаютъ рабочіе съ частныхъ золотыхъ про-

мысловъ, бѣгаютъ судорабочіе, бѣгаютъ заводскіе служители, однимъ словомъ бѣгаетъ всякій, кто находитъ, что бѣжать лучше, чѣмъ оставаться въ работѣ Для каторжнаго побѣгъ разсчетъ. Если онъ удачно свелъ съ лица клейма, и нѣтъ уликъ, что онъ каторжный, его какъ бродягу сошлютъ на поселеніе. Можно иногда и ошибиться въ разсчетѣ, а иногда и нѣтъ. Въ Томскѣ я видѣлъ, какъ наказывали трехъ бродягъ. Одинъ молодой крестьянинъ сдѣлалъ показаніе, что онъ принадлежалъ такому-то помѣщику. Показаніе подтвердилось; но при осмотрѣ нашли у подсудимаго на спинѣ бѣлыя блестящія полоски, расположенныя довольно правильными параллельными рядами. Ихъ признали за слѣды наказанія шпицрутенами, а обвиняемаго за бѣжавшаго военнаго арестанта, и приговорили его къ 60 ударамъ плетей и къ ссылкѣ въ каторжную работу. Тутъ, если и былъ разсчетъ—онъ неудался. Но другіе бываютъ счастливѣе.

Во весь свой путь по Сибири я встрѣчалъ почти каждый день бродягъ; были дни, когда попадалось ихъ человѣкъ по двадцати. Разъ на одной станціи ямщику захотѣлось покурить, но огня у него не было. Увидѣвъ въ сторонѣ отъ дороги шалашъ и дымъ, ямщикъ остановилъ лошадей и побѣжалъ за огнемъ. Ямщикъ увидѣлъ сейчасъ же, что имѣетъ дѣло съ бродягами, попросилъ у нихъ огня, разспросилъ откуда они, тѣ сказали, что изъ Нерчинскаго завода; ямщикъ поблагодарилъ ихъ и простился. Бродягу узнать не трудно. То, что называютъ «подозрительнымъ видомъ» въ сущности дурная, грязная, сборная одежда. Костюмъ убѣжавшаго съ заводовъ и не можетъ отличаться изяществомъ, и чистотой. Штаны и рубашку мыть въ пути некогда; а если и придется вымыть, этимъ не придашь имъ щеголеватости. Вотъ почему черноземно-земляной цвѣтъ одежды есть первый признакъ бродяги; лицо у бродяги всегда темное, загорѣлое, точно будто оно закопчено пороховымъ дымомъ. Происходитъ ли это отъ того, что бродяга моется рѣдко, или отъ загару—не знаю; знаю только, что бродяга весь темный, точно рабочій изъ каменно-угольныхъ копей. Имущества у бродяги немного—узелокъ за спиной, въ рукахъ палка, и то не всегда, вотъ и все. Бродяга идетъ смѣло, потому что и бѣгаютъ только люди рѣшительные. Случалось, что бродяги, и преимущественно военнаго вида, ни мало не смущались звономъ почтоваго колокольчика; они шли смѣлымъ, твердымъ шагомъ и проходили мимо такъ близко, что пристяжная едва ихъ не задѣвала. Бродяги этого сорта должны быть люди опытные, знающіе сразу, гдѣ грозитъ имъ опасность и какъ слѣдуетъ себя держать,

чтобы не навлечь подозрѣнія. Они не только идутъ смѣло, но и смотрятъ прямо въ глаза проѣзжающему. Впрочемъ и бояться бродягамъ нечего. Будь встрѣчный хоть самъ капитанъ-исправникъ, или даже губернаторъ, и они не сдѣлаютъ ничего — не выскочитъ же въ самомъ дѣлѣ изъ тарантаса и не гнаться за бродягой по полямъ и по лѣсамъ. Другіе, менѣе опытные, или болѣе трусливые, сходятъ съ дороги и садятся въ кусты, выжидая когда проѣдетъ экипажъ. Случается, что и трусы, въ компаніи съ смѣлыми, не даютъ дороги; но смѣлый проходитъ мимо, не обращая на проѣзжаго ровно никакого вниманія, или смотритъ прямо въ глаза; трусъ же или опуститъ глаза въ землю, или поклонится и, пройдя, оборачивается еще нѣсколько разъ, чтобы убѣдиться, что за нимъ нѣтъ погони.

Съ ранней весны весь сибирскій путь покрывается бродягами. Бѣглые идутъ непрерывной вереницей, одинъ за другимъ по одиночкѣ и компаніями—два, три, семь человѣкъ. Рѣдкій день, когда не встрѣтишь бродягу. Каторжные бѣгутъ съ работъ, изъ остроговъ, съ этаповъ, изъ партій во время пути. А между тѣмъ вездѣ надзоръ, вездѣ караулы; стража подвергается строгой отвѣтственности за побѣгъ арестанта. Отчего же побѣги? Побѣги оттого, что желаніе арестанта бѣжать,—эта его единственная мечта, не дающая ему покоя ни днемъ, ни ночью, сильнѣе острожнаго надзора сторожей. У человѣка, рѣшившагося бѣжать, всѣ его нравственныя силы сосредоточены на этой одной мысли; у его же тюремщика нѣтъ равносильнаго интереса; вотъ почему арестантъ, который захочетъ бѣжать, убѣжитъ непремѣнно. Его могутъ поймать послѣ, но убѣжать не помѣшаютъ. Свобода для арестанта высшее—наслажденіе, о которомъ онъ только мечтаетъ. Уровень его матеріальныхъ потребностей упалъ низко; онъ довольствуется и грязными нарами и скудной пищей; но не въ этомъ для него тягость его положенія. Ему нужна свобода, ему нужна возможность идти куда онъ хочетъ—лѣсами, полями, грѣться на солнцѣ, гдѣ онъ хочетъ и сколько хочетъ, зная, что никто не придетъ помѣшать ему, никто не станетъ бить и сѣчь его за это, никто не погонитъ на ненавистную для него работу, не представляющую для него никакого интереса. Дорога ли этимъ людямъ свобода, видно изъ того, на что они рѣшаются и что переносятъ. Бродягѣ предстоитъ сдѣлать пѣшкомъ тысячи верстъ; вначалѣ изъ каторги, если бродяга ушелъ изъ Нерчинскаго округа, ему нужно идти лѣсами стороной, чтобы не попасться въ руки казаковъ, не подвернуться подъ бурятскую пулю; бродяга знаетъ, что тунгусъ положитъ его при первой встрѣчѣ, чтобы

завладѣть его жалкой рубашкой и штанами; бродяга знаетъ, что горами вокругъ Байкала онъ можетъ умереть съ голоду; бродяга знаетъ, что на пути придутся ему десятки переправъ; все это знаетъ онъ хорошо, и все-таки бѣжитъ. Многіе изъ нихъ погибаютъ подъ пулями дикарей, тонутъ въ рѣкахъ, можетъ быть, даже умираютъ съ голоду; кто знаетъ это, кто знаетъ, сколько ихъ погибаетъ, и люди все-таки бѣгутъ и бѣгутъ. Но куда же бѣгутъ они? Они и сами не знаютъ того. Разумѣется, самое лучшее добраться до Россіи, но это удается немногимъ; обыкновенно ихъ ловятъ еще въ Сибири. Бродяга идетъ, пока его не схватятъ—это вѣчный жидъ, бредущій безъ конца; это перелетная птица, направляющаяся весной отъ востока къ западу.

Вопросъ о бѣглыхъ, какъ вопросъ статистическій, одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ. Иванъ Петровъ, убѣжавшій изъ острога или изъ каторги, съ момента побѣга сдѣлался или Карпомъ непомнящимъ, родства, или Осипомъ Игнатьевымъ. Есть люди, которые бѣгаютъ весь свой вѣкъ и перемѣняютъ десятки именъ. Каждый изъ нихъ знаетъ что ждетъ его за побѣгъ, и получивъ свое «жалованье» (плети), бѣжитъ снова Многихъ воротятъ снова на работу, но подъ другимъ именемъ, другіе уйдутъ на поселеніе, третіе погибнутъ. Сколько воротятъ, сколько погибнутъ—сказать нельзя. Въ Нерчинскомъ округѣ въ 1861 году убѣжало ссыльныхъ 328 человѣкъ, служителей 57, изъ нихъ поймано ссыльныхъ 126 человѣкъ, служителей 14, т. е. первыхъ 38%, вторыхъ 24%, куда дѣлись остальные? Гдѣ эти 4299 человѣкъ, которые по спискамъ завода считаются въ бѣгахъ за послѣдніе десять лѣтъ? Сколько изъ нихъ попало на поселеніе; сколько застрѣлено тунгусами или бурятами; сколько умерло съ голоду, отъ трудностей пути, отъ болѣзней; сколько утонуло? На эти вопросы нѣтъ отвѣтовъ. Можно сказать только одно, что люди бѣгутъ потому, что имъ дурно; тотъ не бѣжитъ, кому хорошо. Разумѣется, каждый изъ каторжныхъ долженъ имѣть впереди сдѣлаться поселенцемъ, жениться, имѣть дѣтей, жить своимъ хозяйствомъ. Но нѣтъ ли во всемъ этомъ болѣе теоріи, чѣмъ практики? Каторжный, присланный на 20 лѣтній срокъ и пришедшій на мѣсто 30 лѣтъ, къ какому способенъ хозяйству, отработавъ свое время въ рудникѣ или на пріискѣ? Не сдѣлаться ужь ему на старости земледѣльцемъ, когда онъ не держалъ сохи болѣе двадцати лѣтъ. Молодые явившіеся на короткій срокъ, могутъ еще заняться кое-чѣмъ: они и занимаются, но только не земледѣліемъ. А сколько приходитъ пожилыхъ, которые, отслуживъ свое время, выходятъ въ «богадѣльщики» и живутъ

подаяніемъ? И вотъ перспектива для большинства ссыльныхъ. Ужь если каторжному неизбѣжно быть нищимъ, такъ лучше ему сдѣлаться нищимъ на свободѣ. И каторжный бѣжитъ. Въ настоящее время всѣхъ каторжныхъ въ нерчинскихъ заводахъ 3992, изъ нихъ не въ работахъ 1127 человѣкъ, а всѣхъ бѣжавшихъ, какъ я уже сказалъ, считается 4299 человѣкъ, или 109%; это значитъ, что все населеніе ссыльно-каторжныхъ убѣгаетъ въ десять лѣтъ, и въ девять лѣтъ пополняется новыми ссыльными. Фактъ весьма интересный въ томъ отношеніи, что разъясняетъ значеніе каторжной работы. Если каторга имѣетъ единственной цѣлью наказаніе человѣка, она достигаетъ своей цѣли. Человѣкъ наказанъ плетьми или кнутомъ, сидѣлъ долго въ острогѣ, два года шелъ въ кандалахъ къ мѣсту ссылки, на мѣстѣ заключался въ тюрьмѣ отъ 1 до 3 лѣтъ и тоже въ кандалахъ, наконецъ находился въ работѣ отъ 6—20 лѣтъ и «вышелъ въ отставку» въ такомъ возрастѣ, когда ему уже поздно приняться за какое-нибудь занятіе, требующее свѣжихъ силъ. Строже этого наказать человѣка нельзя—всю жизнь онъ провелъ въ лишеніяхъ и на старости лѣтъ не имѣетъ впереди ничего кромѣ нищенства. Сущность этого наказанія въ томъ, чтобы поставить человѣка какъ можно ниже въ экономическомъ отношеніи и наказывать его рядомъ постоянныхъ лишеній и трудностей. Если наказаніе имѣетъ эту цѣль, оно достигаетъ ее вполнѣ. Но если наказаніе должно имѣть въ виду нравственное исправленіе человѣка, оно не достигаетъ цѣли. Уронивъ уровень матеріальныхъ потребностей, оно вмѣстѣ съ тѣмъ роняетъ и нравственность человѣка. Человѣкъ не сдѣлается лучше потому, что онъ станетъ питаться черными хлѣбомъ и жить въ дурномъ помѣщеніи, работать по принужденію и будетъ лишенъ средствъ жить собственными силами и своимъ хозяйствомъ. У человѣка въ такомъ положеніи является одна мысль—бѣжать, и онъ бѣжитъ. Онъ бѣжитъ, потому что ему худо, а наказанія онъ не боится; онъ испыталъ все и знаетъ, что все можно перенести и затѣмъ бѣжитъ снова. И всю жизнь шатается человѣкъ, пока его не пришибутъ гдѣ-нибудь, или пока онъ не умретъ гдѣ-нибудь въ острогѣ или на этапѣ. Другой не бѣгаетъ, но и не становится добродѣтельнѣе. Если онъ былъ воромъ, онъ и отался имъ, и воруетъ при удобномъ случаѣ, какъ «богадѣльщики», отъ которыхъ, если они явятся гдѣ-нибудь въ селеніи, нужно прятать все. И человѣкъ этотъ воруетъ именно потому, что у него нѣтъ ничего, что ему жить нечѣмъ. Воровство въ такомъ обычаѣ между арестантами, что они воруютъ постоянно другъ у друга все, что можно украсть и въ острогѣ,

и въ пути, и на мѣстѣ водворенія; воруютъ вещи, деньги, куръ, свиней, барановъ. Если сосланный былъ убійца, не по минутному страстному увлеченію, а по дурному устройству организма, онъ снова убьетъ при первомъ удобномъ случаѣ;—убьетъ въ острогѣ или своего товарища, или сторожа, или въ бѣгахъ перваго встрѣчнаго, если убійство это выгодно Кѣмъ дѣлаются эти убійства по большимъ дорогамъ, какъ не тѣми же. убійцами, видѣвшими уже каторжную работу; значитъ, не исправила она ихъ. Между убійцами естъ страшные люди, какъ тотъ, что поймали нынче подъ Красноярскомъ, и повинившійся въ 42 душахъ; или тотъ юноша, лѣтъ 20, не болѣе, котораго я встрѣтилъ дорогой въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, успѣвшій уже убить семь человѣкъ; или тотъ татаринъ, что, выпущенный послѣ долгаго заключенія въ острогѣ на цѣпи, пошелъ и зарѣзалъ дѣвочку, потому что давно не видѣлъ крови; или тотъ сторожъ изъ каторжныхъ при полиціи въ нерчинскомъ заводѣ, который съ своей женой рѣзалъ дѣтей и взрослыхъ, грабилъ ихъ, а чтобы не пропадало даромъ мясо, приготовлялъ изъ него пирожки и пельмени и продавалъ ихъ. Этому старику было уже болѣе шестидесяти лѣтъ; онъ съ своей женой старухой живетъ теперь въ Акатѣѣ, въ богадѣльнѣ. Кчему этимъ людямъ каторга? Тѣмъ, что она лишаетъ людей матеріальныхъ удобствъ и средствъ существованія, она вызываетъ ихъ только на новыя преступленія; она ихъ не исправляетъ, а портитъ. Для такихъ людей, если вся система наказанія не направлена къ улучшенію нравственности преступниковъ, нужна смертная казнь. А если наказаніе должно поставить человѣка внѣ возможности вредить и должно исправлять преступника, то прежде всего его не слѣдуетъ ронять такъ глубоко въ экономическомъ отношеніи, не дѣлать изъ него животнаго.

Заводскіе служители съ новаго года бѣгать перестанутъ. Прежде они бѣгали, потому что положеніе ихъ было не лучше положенія каторжныхъ. Забота одна и та же—тотъ же рудникъ и тотъ же пріискъ; но каторжный работаетъ 10 лѣтъ, рѣдкіе 20; а срокъ службы заводскому служителю былъ 35-лѣтній.

XIX

Сибирь какъ золотое дно.

Въ началѣ завоеванія Сибири неслыханное богатство мѣховъ обратило на себя особенное вниманіе нашего правительства. Мѣха должны были поступать исключительно въ царскую казну и продажа соболей и черно-бурыхъ лисицъ доставляла доходъ весьма значительный. Значеніе Сибири, какъ страны драгоцѣнныхъ мѣховъ, продолжалось до тѣхъ поръ, пока не было открыто золото. Съ этого времени Сибирь стала играть роль болѣе значительную по своему отношенію къ доходамъ государства. Но добычи драгоцѣнныхъ металловъ вовсе не такъ значительны въ Сибири, какъ думаютъ обыкновенно. Тенгоборскій вычисляетъ, что въ общей добычѣ золота на всемъ земномъ шарѣ на долю Сибири приходится, всего 5%. Съ 1848—56 годъ, по показанію Кольба было вычеканено золотой монеты: въ Соединенныхъ штатахъ 1,713 мил. фр., въ Великобританіи 1,259 мил. фр., во Франціи 2,243 мил. фр. и въ Россіи (до 1854 г.) 142 мил. фр. Изъ этихъ цифръ видно, что на роль Сибири въ золотопромышленномъ отношеніи у насъ распространенъ вообще нѣсколько преувеличенный взглядъ. Этому способствовали особенно частные золотопромышленники, которые въ былые годы дѣйствительно удивляли легковѣрныхъ людей безпутной тратой денегъ. Теперь этого уже нѣтъ. Нынѣшніе золотопромышленники и бѣднѣе, и скромнѣе прежнихъ; но золотопромышленность осталась попрежнему самымъ заманчивымъ промысломъ для частнаго человѣка, потому что можетъ дать до 300%. Выгода значительная, но многимъ ли она приходится? И что выигрываетъ отъ золотопромышленности народъ? Всѣхъ золотопромышленниковъ въ Сибири не болѣе 20 человѣкъ, или 0, 000005% всего населенія. Работами на пріискахъ занимаются не болѣе 70,000 человѣкъ, т. е. 0,017%; а между тѣмъ судовый промыселъ на одной Волгѣ кормитъ до 400,000 человѣкъ. Я вовсе не отвергаю важности золотопромышленности и значенія ея для нашего государственнаго бюджета, но только замѣчаю, что на благоденствіе края и на экономическій бытъ народа и особенно земледѣльческаго сословія она не имѣетъ и не можетъ имѣть большого вліянія. Не больше вліянія обнаруживаютъ на бытъ народа и остальныя минеральныя богатства Сибири. Въ Сибири есть яшмы, лазуревый камень, аметисты, опалы,

порфиры, аквамарины, но они не кормятъ сибирскаго населенія. Гораздо важнѣе этихъ драгоцѣнностей точильные и мельничные камни, и каменный уголь. Но первые не могутъ составлять предметъ большой промышленности, а каменный уголь спокойно лежитъ въ нѣдрахъ Сибири, потому что онъ никому не нуженъ. Для Сибири не наступила еще пора ни разработки драгоцѣнныхъ металловъ и минераловъ, ни фабричной и заводской промышленности. Сибирь вступаетъ только въ періодъ земледѣльческій; она не научилась еще пахать хорошо землю, и разумѣется, у ней не можетъ быть ни силъ, ни средствъ для промышленности и торговли. Прошедшее этого дикаго края лежитъ на совѣсти исторіи, а будущее его зависитъ отъ лучшихъ условій всей нашей жизни.

Н. Шелгуновъ.